

М.М. Бакунин

ТРОПИЧЕСКАЯ ГОЛЛАНДИЯ

*Пять лет
на острове Ява*

Мир
глазами россиян

Юго-Восточная Азия

Модест Модестович
БАКУНИН

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книга М.М. Бакунина «Тропическая Голландия. Пять лет на острове Ява» вышла в свет столетие назад, в 1902 году, и с тех пор не переиздавалась, став подлинной библиографической редкостью. Для специалистов-востоковедов она остается одним из первых и для своего времени наиболее полным и всесторонним источником сведений о Нидерландской Индии (ныне Индонезия), ее истории, культуре, обычаях и образе жизни населения, о колониальной политике метрополии.

Модест Модестович Бакунин (1848–1913) с 1894 по 1899 год был российским консулом при голландской колониальной администрации в Батавии (ныне Джакарта). Заметим, что он был первым и единственным российским гражданином, занимавшим эту должность: во всех остальных случаях Петербург пользовался услугами иностранцев.

Модест Модестович Бакунин происходит из старинного дворянского рода Бакуниных, вписавшего немало славных страниц в российскую историю.

Его прапрадед, Петр Васильевич Бакунин-Меньшой (1731–1786), окончил в 1752 году Сухопутный шляхетский корпус и поступил переводчиком в Коллегию иностранных дел, где и прослужил всю свою жизнь. Благодаря своим способностям и стараниям он становится любимцем и правой рукой Н.И. Панина, возглавлявшего коллегию. Очень многие дела в Коллегии иностранных дел решались при непосредственном участии П.В. Бакунина. Так, под его влиянием была составлена знаменитая Декларация о морском вооруженном нейтралитете 1780 года, которая ограничивала своеволие воюющих держав в торговом судоходстве. В целом она была направлена против главной морской державы – Великобритании, и в 1780–1783 годах к декларации присоединились все невоюющие страны Европы, что было очень крупным успехом русской дипломатии. Важна роль П.В. Бакунина-Меньшого в «бескровном» присоединении Крыма к России: им была

разработана часть проекта «Об изыскании лучших мер к переселению в Россию ногайских орд», а также наставление Г.А. Потемкину о присоединении Крыма.

После отставки Н.И. Панина Петр Васильевич вместе с новым начальником А.А. Безбородко по поручению императрицы составлял записку «О событиях в царствование Екатерины II». 21 октября 1783 года, на первом заседании открытой Российской академии наук, П.В. Бакунин был избран ее членом вместе с Державиным, Львовым, Фонвизинным, Херасковым, Безбородко, Шуваловым, Строгановым и другими.

Женат Петр Васильевич был на Анне Сергеевне Татищевой, а их дом вполне соответствовал его положению и располагался в Петербурге на Дворцовой набережной.

Старший сын П.В. Бакунина-Меньшого — Модест Петрович (1765—1802) — благодаря заботам отца и дяди получил прекрасное воспитание и образование и посвятил свою жизнь, главным образом, сельскому хозяйству, ботанике и метеорологии. Женат Модест Петрович был на Степаниде Ивановне Голенищевой-Кутузовой, дочери выдающегося русского адмирала И.П. Голенищева-Кутузова, президента Адмиралтейств-Коллегии, наставника по морской части будущего императора Павла I.

Старший сын Модеста Петровича — Николай Модестович (1799—1838) — службу начал в 1819 году в свите императора Александра I. Однако в 1820 году его блестяще начавшаяся карьера прервалась, и он был переведен из свиты в армию, в Бородинский полк. Причиной послужила дуэль, состоявшаяся в феврале 1820 года, на которой Н.М. Бакунин был тяжело ранен. В июне 1821 года он был уволен со службы по болезни. В 1833 году А.С. Пушкин по просьбе своего лицейского товарища М.А. Корфа рекомендовал Н.М. Бакунина переводчиком известному издателю А.Ф. Смирдину.

Внук Николая Модестовича Модест Модестович Бакунин родился в Санкт-Петербурге 6 марта 1848 года в семье ротмистра лейб-гвардии Уланского полка Модеста Николаевича Бакунина (1825—1899) и Марии Ивановны Шульгиной (1827—1849), дочери профессора истории и воспитателя великих князей Константина и Николая Николаевичей, тайного советника Ивана Петровича Шульгина.

Его отец в 1852 году оставил военную службу и в 1861 году был определен в вице-консулы в Копенгаген, а с июля следующего года вице-консулом в Венецию. В марте 1866 года он назначается консулом и исполняет эти обязанности до своей кончины 9 февраля 1899 года.

Рано потеряв мать, Модест Модестович первоначальное воспитание получил в Петропавловской школе при церкви Св. Апостолов Петра и Павла в Санкт-Петербурге. В 1859 году одним из его домашних учителей был будущий известный литературный критик А.М. Скабичевский. Дальнейшее образование он продолжил в 1861—1862 году

в Копенгагене, а затем с 1863 по 1866 годы — в Женеве, в «Коллеж националь». В сентябре 1867 года он поступает в Пажеский корпус, из которого в 1869 году выпущен гражданским чином. С ноября того же года начинается его дипломатическая служба: сначала в Азиатском департаменте МИД, а затем на различных консульских должностях. В апреле 1870 года он назначается секретарем консульства в Скутари*, затем в Рагузе**. С мая 1875 года — консул в Сараево, в 1876—1878 годах — секретарь консульства в Яссах, прикрепленный к полевой дипломатической канцелярии главнокомандующего действующей армией в Кишиневе, а с ноября 1878 года — секретарь русской миссии в Белграде.

В ноябре 1880 года он назначается генеральным консулом в Сараево и занимает эту должность более двенадцати лет. Трудно себе представить сегодня, что все эти годы М.М.Бакунин исполнял ее один — без помощников и даже без секретаря.

Сохранились письма М.М. Бакунина к редактору «Исторического вестника» С.Н. Шубинскому, в которых он страстно отстаивает интересы Боснии и Герцоговины, осуждает посягательства на Сербию со стороны Германии и Австрии, благодарит за согласие поместить в журнале «Исторический вестник» статью «Посещение двора императора в Соло». Переписывался Модест Модестович и с И.С. Аксаковым, в то время одним из организаторов кампании солидарности с борьбой южно-славянских народов против турецкого ига. В 1876—1878 годах Модест Модестович помещал в «Голосе» и других газетах корреспонденции о положении в Сербии, Румынии и Боснии.

Почти четверть века дипломатической службы М.М. Бакунина прошло на Балканах. В письме к А.Б. Лобанову-Ростовскому он писал: «Моему преемнику будет легче, чем мне, освоиться с новым положением в Сараево, он найдет здесь сложную ситуацию и волею-неволею принужден будет с оным примириться, мне же это чрезвычайно трудно. Но еще труднее мне было бы расставание с Боснею. Я привязался к краю и населению, хорошо ознакомился со здешними условиями, сам здесь хорошо известен, составил себе ценные знакомства и связи политические и иные».

Однако из-за конфликта с местной австрийской администрацией он был в июле 1893 года отправлен в отпуск в Россию и уже не вернулся в Сараево.

В конце 1893 года М.М. Бакунин назначается консулом в Батавию, в ноябре 1899 года он переводится в Бордо, а с июля 1903 года — генеральный консул в Копенгагене.

Свою дипломатическую службу действительный статский советник М.М. Бакунин закончил в должности генерального консула в Барселоне, которую он занимал с июля 1906 года. В среду 12 июня 1913 года он

* Ныне — Шкодер (Албания).

** Ныне — Дубровник (Хорватия).

скончался от мозгового кровоизлияния в своей квартире, в нижнем этаже дома № 234 по улице Майорка.

Его вдова, Элеонора, урожденная Гради из г. Прата в Италии не имела средств для организации похорон своего мужа. Все имущество М.М.Бакунина состояло из мебели и двадцати ящиков книг, находившихся в помещении канцелярии консульства на улице Пасахэ де Мэр-кадэр, 8.

В официальном донесении в российский МИД о смерти М.М. Бакунина говорилось: «Кроме некоторых, принадлежавших архиву генерального консульства документов и бумаг, нашлась лишь личная переписка покойного и кой-какие из его мелких литературных работ.

Наличности никакой не оказалось. Покойный, живший заслуживаемым жалованием и сотрудничеством в некоторых русских переодических изданий изо дня в день, каких бы то ни было сбережений не имел. Это подтвердилось тем обстоятельством, что все необходимые на издержки по похоронам, трауру и т.п. деньги, до 4000 песет, были заимообразно выданы вдове ее зятем по приемной дочери, французским гражданином господином Георгием Форэ».

Так закончился земной путь М.М. Бакунина, который на протяжении около полувека дипломатической службы всегда и везде ревностно и неуклонно отстаивал интересы России, стремился понять культуру, нравы и особенности народов и стран своего пребывания.

Его заслуги были отмечены российскими орденами Св. Владимира 4 ст., Св.Станислава 2 ст. и 4 ст., медалью в память войны 1877-78 г.г. и знака Красного Креста, а также иностранными — австрийским Франца-Иосифа 3 ст., черногорского — Даниила 4 ст., сербского — Такова 2 ст.

М.М. Бакунин написал несколько пьес и комедий, некоторые из которых были с успехом представлены в Михайловском театре в Петербурге.

На момент назначения М.М. Бакунина генеральным консулом в Батавию его послужной список включал консульские должности в Яссах, Белграде и Сараеве. Получив в 45-летнем возрасте назначение «на край света», которое, судя по всему, далеко не было повышением по службе, он, естественно, не испытывал большой радости, что в общем-то и не скрывал в воспоминаниях. Но чувство долга, профессионализм и природная любознательность взяли верх, и дальше даже по его запискам можно видеть, как российский дипломат проникается все большим интересом к стране пребывания, приобретает все более объемное представление об интересах России в Нидерландской Индии и в прилегающем к ней районе мира.

Книга «Тропическая Голландия» составлена по преимуществу из донесений, которые консул Бакунин направлял в российское Министерство иностранных дел. Нельзя сказать, чтобы Нидерландская Индия была ранее совершенно неизвестна в России. До приезда М.М. Бакуни-

на на Яве и других островах Малайского архипелага побывали русские ученые и путешественники Н.Н. Миклухо-Маклай, К.Н. Давыдов, А.А. Коротнев, А.Н. Краснов, княгиня О.А. Щербатова и другие*.

Но наблюдения ученых обычно касались преимущественно тех материй, которые составляли их профессиональный интерес, а впечатления путешественников за краткостью пребывания не могли дать им то всеобъемлющее представление о Нидерландской Индии, какое получил в течение пятилетней службы на Яве М.М. Бакунин, располагавший к тому же изрядным политическим опытом, обретенным на предыдущих постах.

Записки М.М. Бакунина вплоть до нашего времени представляют значительный познавательный интерес, поскольку он счастливым образом сочетал непосредственные впечатления с изучением многочисленных работ французских, английских, голландских и других авторов. Понимая, что читателю может быть весьма мало известна Нидерландская Индия, М.М. Бакунин в своей книге, как и ранее в донесениях в Петербург, был весьма скрупулезен в изложении мельчайших деталей, в пояснении местных реалий, и потому его записки почти не нуждаются в комментариях.

Но о некоторых моментах все же нельзя не сказать. Наверно, во все времена дипломатам всех государств суждено сетовать на то, что их правительства недооценивают важность страны пребывания для национальных интересов их родины. Так и М.М. Бакунин, основываясь на обширном и убедительном фактическом и цифровом материале, пытается убедить чиновников в Петербурге в существенных перспективах, которые открылись бы для России в случае усиления ее присутствия в этом районе мира. Но, судя по тому, что он так и остался первым и единственным штатным консулом Российской империи в Батавии, добиться своего ему не удалось. Он горько сетует на «неподвижную косность и отсутствие инициативы среди лиц, составляющих русское торговое и промышленное сословие». Весьма современно звучат его жалобы на то, что «дух предприимчивости у нас отсутствует, все и каждый в России жаждут правительственной поддержки и казенной субсидии». Книга М.М. Бакунина служит источником и других любопытных свидетельств о России конца XIX века.

Еще больший интерес представляют записки М.М. Бакунина для изучения истории международных отношений на Дальнем Востоке. Как и другие русские дипломаты, он был обеспокоен экспансией Германии, Японии и Соединенных Штатов Америки в Юго-Восточной Азии. В этих условиях он выступал, как и многие его коллеги, за усиление военного присутствия России в Юго-Восточной Азии**. Бакунин

* См., в частности, *Е.И. Гневушева*. В стране трех тысяч островов. Русские ученые в Индонезии. М., 1962.

** Подробнее см. *М.Г. Козлова*. Россия и страны Юго-Восточной Азии. М., 1986, с. 254.

видел растущую роль Японии и полагал, что Россия должна учитывать этот фактор, что эта страна «заявит и добьется своей равноправности с Европой во всех тех случаях, когда вопрос касается интересов Дальнего Востока, на суше и на морях которого Япония выдвигает вперед как первенствующие свои интересы великой азиатской державы». Как известно, правительство Николая II не приняло во внимание такого рода соображения, что способствовало поражению в русско-японской войне 1904—1905 годов. За много десятилетий русский дипломат предсказывает столкновение интересов Японии и США в Юго-Восточной Азии. Более того, он видит появление в этом регионе нового хищника и явно не симпатизирует ему: «Новая империалистская и колониальная политика Соединенных Штатов направила американцев на скользкий и опасный путь территориальных приобретений».

В своих донесениях в Петербург, а затем и в книге М.М. Бакунин обозначил некоторые проблемы Нидерландской Индии, которые, к сожалению, сохранили свою актуальность и в современной независимой Индонезии.

На одно из первых мест можно поставить неравномерность экономического и социального развития Явы и так называемых внешних владений, которая остается подспудным источником трений между центром и регионами, порой порождая центробежные тенденции и опасные кризисы.

Но не менее опасной оказалась неравномерность в распределении экономических ролей и общественного богатства между коренными жителями и китайским меньшинством. В Нидерландской Индии возникла весьма взрывоопасная ситуация, которую унаследовала затем независимая Индонезия: имущественное неравенство наложилось на этнические, культурные и конфессиональные различия. Это до сего времени приводит к антикитайским погромам с многочисленными человеческими жертвами и огромным материальным ущербом.

М.М. Бакунин затрагивает такую весьма деликатную и поныне актуальную тему, как роль религии в формировании духовного мира и в повседневной жизни жителей Нидерландской Индии. Он справедливо указывает на присущий им синкретизм — сочетание различных религий и верований в мировоззрении, на известную размытость исламских догм на Яве. Но указывая, что ислам внедрялся на архипелаге «огнем и мечом», автор допустил неточность: мусульманскую религию сюда завезли торговцы и проповедники, не имевшие в своем распоряжении военной силы в подкрепление к религиозному рвению. Попутно отметим, что предшествовавший исламу период в индонезийской культуре не был буддийским, как об этом пишет автор. Это был скорее индо-буддизм, сочетавший элементы буддийской религии с поклонением индуистскому пантеону и с делением общества на касты, правда, весьма смягченным по сравнению с Индией.

М.М. Бакунин недооценивал политическую роль ислама в условиях

колониальной страны, какой была Нидерландская Индия. Мусульманская религия была идейным и духовным оформлением антиколониальной яванской войны в 1825–1830 годы, да и во время пребывания автора в Нидерландской Индии продолжалась начавшаяся еще в 1873 году война в Аче против голландского владычества, носившая характер сопротивления «неверным». Всего через 12–13 лет после отъезда российского консула с Явы в стране возникнут первые массовые политические организации — «Союз исламских торговцев» и «Союз ислама».

Дело, вероятно, не только в том, что, принадлежа к православной церкви, М.М. Бакунин не мог или не хотел признавать за иной религией некую перспективу в историческом развитии народа. В его представлении все надежды на прогресс народа Нидерландской Индии были связаны с Голландией, олицетворявшей европейскую культуру. Отсюда его пренебрежительные высказывания в адрес «азиатов» и апология голландского колониализма. Как представляется, он вообще считал колониальную экспансию некоей исторической неизбежностью, и для него вопрос заключался прежде всего в том, насколько эффективно эта неизбежность претворяется в жизнь. «Туземцы» же суть лишь объекты политики «цивилизованных» наций, и их сопротивление колонизаторам воспринималось им как нечто предосудительное, противное естественным законам истории. Однако, сталкиваясь с действительностью, М.М. Бакунин поневоле противоречил сам себе.

С одной стороны, он пишет, что «голландское управление утвердилось на прочном основании и пользуется огромным и вполне заслуженным обаянием и авторитетом среди туземцев, которые привыкли к своим белым господам и умеют ценить преимущества и благодеяния просвещенного и отеческого голландского режима». Он утверждал, что «туземцам под гуманным и просвещенным голландским режимом живется, как у Христа за пазухой, лучшей участи они желать не могут, да, по-видимому, и не желают». И наконец: «Будем желать и надеяться, что Инсулинда (островная Индия — А.Д.) вечно останется под голландским владением: доблестная голландская раса, уже сделавшая так много в этой темной части света, вполне достойна собрать ныне плоды своих трехсотлетних начинаний и усилий. Лучшей участи, лучшего, более справедливого, гуманного и просвещенного режима Инсулинда иметь не может и не будет, кто бы ни владел нынешней Нидерландской Индией в более отдаленном и гадательном будущем».

После поражения антиколониального восстания на острове Ломбок Бакунин пишет в Петербург, что победа голландцев есть «прежде всего торжество европейской цивилизации и обеспечение в этих краях голландской, а, следовательно, и европейской культуры»*.

Возможно, дело отчасти было в том, что М.М. Бакунин был на Яве в сравнительно спокойный период, когда миновал подъем феодального

* Цит. по: М.Г. Козлова, указ. соч., с. 245.

национализма и еще не зародилось национальное движение в его более современном виде: первая национальная организация «Высокая цель» возникнет только в 1903 году. Уже зарождались в Голландии первые, очень слабые ростки той политики, которая получит название «этического курса», предполагавшего некоторое, весьма косметическое изменение методов колониальной эксплуатации Нидерландской Индии. Тем не менее уже в период пребывания М.М. Бакунина на Яве антиколониальные выступления происходили в Аче (Северная Суматра), на Ломбоке, на Бали и в других местах. И когда автор обращается к действительности, он вынужден признать, что «той степени благосостояния, которой их колонии пользуются ныне, голландцы достигли уже давно, с полтора столетия тому назад. Но они с тех пор, так сказать, застыли и замерли на достигнутых результатах и мало прогрессировали с течением времени». В своих донесениях в Петербург Модест Модестович писал, что «в не столь еще далекую эпоху голландцы были скорее хищными эксплуататорами туземного населения, чем разумными хозяевами и справедливыми повелителями, каковыми они кажутся ныне. Акты насилия и произвола, взяточничество, превышение власти случались тогда сплошь и рядом»*.

В этой связи примечательно данное М.М. Бакуниным описание полулегального взяточничества, царившего в отношениях между чиновниками голландской колониальной администрации и их подчиненными из местного населения, а также китайскими дельцами. Вот как глубоко уходят корни той коррупции, которая остается одной из язв современного индонезийского общества. И уже в конце своей книги автор делает вывод, напроць опровергающий его панегирики в адрес голландских правителей Инсулинды: «Никогда еще, как в 1894 году, европейцы на Яве не ощущали столь интенсивным образом своей полной и беспомощной изолированности среди безбрежного азиатского океана туземцев, пока еще смирных, но уже волнуемых разными сомнениями и обрабатываемых извне подпольной пропагандой неудовольствия и возбуждения против белых людей».

Будучи представителем самодержавного режима, М.М. Бакунин похвалил голландцев за то, что они не играют в «сомнительный либерализм», «парламентаризма, автономных учреждений и политического представительства в голландских палатах ост-индские подданные Ее Нидерландского Величества не знали никогда, как и не знают ныне». Конечно, Нидерландская Индия, какой ее видел М.М. Бакунин в 1890-х годах, была, мягко говоря, не готова к парламентаризму. Но справедливо и то, что Нидерланды ничего не делали для того, чтобы стимулировать общественное развитие населения колонии, способствовать возникновению у него гражданских инстинктов и устремлений. Вообще,

* Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871–1917). Документы и материалы. Ч. 1, М., 1965, с. 146.

на протяжении всего своего пребывания на архипелаге голландцы все время опаздывали, с трудом и крайне неохотно идя на уступки, когда их положение становилось почти безвыходным и когда жизнь уже зримо предъявляла новые и более радикальные требования. Так было вплоть до конца антиколониальной войны в Индонезии в 1945–49 годах и даже позже — в период конфликта в связи с западной частью острова Новая Гвинея, которую Голландия упорно не хотела признавать частью независимой Индонезии и сделала это лишь в 1962 году под угрозой военного вторжения со стороны Республики.

М.М. Бакунин высоко оценивал сохранение голландцами местных культурных ценностей, обычаев и традиций, иерархичности яванского общества. Но это было следствием не бережного и уважительного отношения к культуре колонизованного народа, а прагматического желания законсервировать архаические структуры для удобства управления им.

Есть еще одна деликатная проблема — описание автором национального характера яванцев. Надо признать, что это вообще, возможно, самая трудная задача для европейца во все времена. Иностранец за очень редким исключением общается в чужой стране со сравнительно ограниченным кругом и контингентом людей. Как правило, это лица, принадлежащие либо к высшим слоям (для нашего автора это была весьма специфическая каста яванской аристократии), либо к тому, что мы ныне называем сферой обслуживания и торговли. Такой опыт общения вряд ли может дать стереоскопическое представление о национальном характере. М.М. Бакунин справедливо пишет о яванцах, что «эта раса по-своему культурная, одаренная тонким инстинктом изящного, аристократическая по темпераменту и изяществу манер». Когда же он утверждает, что трудиться они не умеют и не любят, а потому совершают лишь минимум того, что необходимо для их довольно примитивного существования, то на это можно возразить, что труд яванского крестьянина при всей благодатности тропической природы порой не менее изнурителен, чем усилия, прилагаемые его собратьями в других климатических зонах. Вместе с тем, надо признать, что требовательность индонезийцев к уровню и качеству жизни в среднем была, да и остается, сравнительно невысокой. Но ко времени приезда М.М. Бакунина на Яву голландское владычество насчитывало почти 300 лет, и голландцы не только ничего не сделали для преодоления такого положения, но и всячески тормозили приобщение местного населения к европейской культуре, которое в этом случае было бы далеко не бесполезным. Торгово-финансовая, по преимуществу, буржуазия Нидерландов видела в колонии не рынок сбыта для своих товаров, а источник дешевого сырья и продовольственных культур, и потому мало заботилась о повышении качества рабочей силы и покупательной способности населения колонии.

Сдержанность и учтивость жителей Малайского архипелага, в том числе и яванцев, обманчива. Они испытывают не меньше негативных

эмоций, чем представители других этносов, а привычка подавлять эти чувства приводит к их спонтанному выбросу, известному как амок. Это малайское слово, означающее вспышку безудержного, безрассудного и часто неадекватно направленного гнева вошло почти во все словари мира. Но и помимо случаев амока у голландцев было немало случаев убедиться в том, что кажущаяся покорность населения сродни тонкому слою застывшей лавы на поверхности вулкана. Поэтому, когда М.М. Бакунин пишет, что он на Яве нигде не заметил злобы и бессильной ненависти к поработителям, то это неудивительно, учитывая специфику яванского характера.

Но, признавая с высоты времени известную ограниченность воззрений автора, мы не должны впадать в своего рода историческое высокомерие, забывая о знаниях и опыте, приобретенных человечеством за целый век после того, как русский консул писал свои донесения в Петербург. У последующих поколений по сравнению с непосредственными участниками событий есть то преимущество, что они знают, чем эти события кончились. Это позволяет извлекать уроки, но не дает права на чувство превосходства.

И еще одно обстоятельство. М.М. Бакунин был не просто человеком своего времени, но и чиновником Российской империи (сделаем упор на слове «империя»). Это неизбежно сказалось на его подходе к колониальной политике как таковой. Выпады в адрес английского колониализма, на наш взгляд, можно объяснить неизбывным российско-британским соперничеством. Он явно полагал, что консервативный контроль Нидерландов над архипелагом для российских интересов предпочтительнее, нежели появление там новых хозяев — англичан, немцев, американцев.

Требуется разъяснения термин «малаец», которым оперирует автор. Собственно этнические малайцы в Нидерландской Индии составляли сравнительно небольшую группу населения с компактным проживанием на восточной Суматре и Калимантане. Название этого этноса было расширительно применено европейцами ко всем жителям Нидерландской Индии отчасти благодаря их языку, который стал средством межэтнического общения на архипелаге и на Малаккском полуострове, а также в Сингапуре. Подъем национального движения в Нидерландской Индии в первой четверти XX века породил там стремление к более четкой самоидентификации с упором на идею национальной, территориальной и культурной целостности страны. Было принято самоназвание «Индонезия», что означает «островная Индия», все жители которой, независимо от этнической принадлежности, являются индонезийцами. В качестве национального языка был принят малайский язык, получивший название индонезийского. В книге М.М. Бакунина мы находим весьма любопытные, хотя и не совсем профессиональные рассуждения и наблюдения, касающиеся языка. Сам автор признает, что он, как и другие иностранцы, пользовался весьма упрощенным ва-

риантом малайского языка. Исходя из этого, в настоящее издание не включено приложение, составленное М.М. Бакуниным и содержавшее безнадежно устаревший краткий словарь и элементарные сведения о малайской грамматике, также не вполне соответствующие современному строю индонезийского языка.

За исключением названного приложения, книга М.М. Бакунина предлагается читателю без каких-либо изъятий. Сохраняются даже некоторые повторы, исходя из того, что возвращаясь через некоторый промежуток времени в своих донесениях и записках к одному и тому же сюжету, автор вносил в свои оценки известные коррективы, основанные на новом опыте и новых впечатлениях. Стиль автора сохранен в неприкосновенности, но при этом учитывалась современная орфография. Написание имен собственных, в том числе и географических названий, дается по преимуществу в уточненном варианте. Это в особенности касается передачи на письме сочетания «дж» и звука «ч», которые автор в соответствии с тогдашней орфографией малайского языка передавал в русской транскрипции сочетаниями «дь» и «ть».

Все сноски и комментарии в тексте, за исключением специально оговоренных, принадлежат редакции.

Издательство выражает искреннюю благодарность за помощь в подготовке книги И.Л. Великодной, заведующей отделом редкой книги НБ МГУ им. Ломоносова, сотрудникам АВПРИ ИДД МИД РФ Н.В. Бородиной и С.Л. Туриловой, московскому библиофилу И.Е. Домбровскому.

*А.Ю. Другов, доктор политических наук,
В.В. Савицкий, кандидат экономических наук.*

М.М. Бакунин

ТРОПИЧЕСКАЯ ГОЛЛАНДИЯ

Пять лет на острове Ява

Посвящается
г-ну Министру иностранных дел
гофмейстеру Двора Е.И.В.
графу
Владимиру Николаевичу
ЛАМЗОРФУ

Москва
Минувшее
2007

ББК 26.89

Б198

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»

Редакционный совет серии «Мир глазами россиян»:

Е.М. Примаков, академик РАН - председатель

Н.А. Симония, академик РАН

А.М. Васильев, чл.-корр. РАН

Р.Б. Рыбаков, чл.-корр. РАН

В.М. Давыдов, чл.-корр. РАН

М.С. Мейер, доктор исторических наук

М.В. Курицын, академик РАН

Е.М. Русаков, кандидат исторических наук – отв. редактор серии

В.В. Савицкий, кандидат экономических наук

Ответственный редактор серии

Е.М. Русаков

Редакционная коллегия по Юго-Восточной Азии:

А.Ю. Другов, доктор политических наук

М.В. Курицын

А.А. Рогожин, доктор исторических наук

В.В. Сумский, доктор исторических наук

Научный редактор

А.Ю. Другов

© Вступительная статья А.Ю. Другов, В.В. Савицкий, 2007

© Комментарии, примечания А.Ю. Другов, Е.М. Русаков, 2007

© К. А. Зубченко, оформление, 2007

© Минувшее, 2007

ISBN 978-5-902073-48-2

Глава I

*В виду невидимой Явы. – От Танджунг-Приока до Батавии. –
Тропический Paradou и болота. – Первые впечатления. –
Triple extrait de Java. – Где же Батавия? – Физиономия города.*

Танджунг-Приок. – 28 апреля 1894 года пароход Godavery французских Messageries около 5 часов утра подходил к порту Батавии* Танджунг-Приоку. Раньше 6 часов нельзя было, по причине темноты и вследствие тумана, вступить на рейд, и мы, задерживая ход, медленно приближались к конечному пункту нашего долгого странствования. Пассажиры давно поднялись и группами стояли на палубе, оживленные и довольные; все смотрели вперед в бинокли и с нетерпением ожидали момента, когда снова можно будет, после 28 дней плавания от Марселя, почувствовать под собою твердую почву и притом испытать это наслаждение досконально, а не урывками, как то было до сих пор в Александрии, Порт-Саиде, Коломбо и Сингапуре, где мы высаживались на берег всего на несколько часов, чтобы затем опять, не без некоторого сожаления, вступить на палубу нашего «Мельбурна». Мы окончательно простились с ним в Сингапуре. «Мельбурн» с его симпатичным капитаном Vimont ушел далее в Сайгон, Китай и Японию, нас же, пассажиров, отправлявшихся на Яву, сдал младшему и меньшому брату своему Godavery, линии аппехе**, совершавшему правильные рейсы между Сингапуром и Батавией.

Я, в числе прочих своих товарищей по плаванью, стоял давно одетый на палубе и, быть может, с большею интенсивностью, чем остальные пассажиры, усиленно смотрел в сторону еще отдаленного дебаркадера. Мне еще в Европе наговорили столько чудес о Яве; мои голландские спутники на «Мельбурне» и «Годавери», в свою очередь, так восторженно отзывались о Батавии, этой, по их словам, «королеве и жемчужине дальнего Востока»***, что я ожидал, на первых же

* Ныне — Джакарта.

** Дополнительная (фр.).

*** Под дальним Востоком М.М. Бакунин подразумевает Восточную Азию, которая включает Юго-Восточную Азию и Дальний Восток или Северо-Восточную Азию (Китай, Японию, Корейский полуостров, Монголию).

порах, увидеть нечто необычайное, какую-то феерию, в сравнении с которою несомненно живописные и часто величественные виды на острове Цейлоне и в Сингапуре должны были казаться грубо скомпонованною декорациею какой-нибудь второстепенной провинциальной сцены.

Но, как я ни напрягал зрение среди полумрака — здесь окончательно светает лишь после 6 часов утра — никак не мог различить береговой линии, на которую мне тщетно указывал капитан. Я должен однако отдать себе справедливость, заявив, что я и после 6 часов, к сожалению своему, увидел немного больше, так что-то смутное и неопределенное впереди, которое можно было одинаково принять за облако или опушку леса. Помнится, что я в своем нетерпении сильно досадовал на то, что не имею *l'oeil marin**. Но я впоследствии очень легко скоро утешился, когда оказалось, что, собственно говоря, и смотреть-то было не на что. Но в данный момент я уже готовился было думать, что Явы вообще не существует, что мы совершенно напрасно проплавали 28 дней, что Ява — миф и слух пустой, пущенный злонамеренными людьми с целью эксплуатировать легкоеверие таких путешественников, которые, подобно мне, никогда еще, в самых отважных своих странствованиях не добирались дальше Неаполя и Корфу. В Европе мне самым серьезным образом рассказывали небылицы и басни о Яве. И вдруг Явы нет и никогда ее не было? А что если это небытие и составляет величайшее из чудес без числа, о которых мне повествовали?

Ведь уже был однажды подобный печальный прецедент с островом Мальтой, слух о существовании которой также оказался недоразумением: во время оно какой-то султан отправил своего адмирала с фрегатом на остров Мальту. Турецкий адмирал снарядился в путь, проплавал долго, крейсировал усердно в море, вертелся как волчок вокруг да около, да так Мальты и не разыскал, о чем, вернувшись в Константинополь, и донес всеподданнейше падишаху.

Что, если и со мной повторится смехотворное приключение турецкого адмирала в виду близкой, но невидимой Явы? Я уже мысленно готовил донесение в этом минорном тоне и смысле в надлежащее ведомство, которое столь неосторожно командировало меня в сказочные и неведомые края.

Но вот пробило 6 часов, и с наступлением дня все эти фантастические представления рассеялись подобно призракам.

Пароход пошел полным ходом, очертания окружающих предметов выступают явственнее, мы вступаем в какой-то длинный и узкий коридор между двух каменных дамб с маяками, образующих вход в открытый искусственный рейд Танджунг-Приока, порта Батавии, отстоящего однако от города на 10-12 километров. Некрасивое преддверие

* Зрение моряка (*фр.*).

к непривлекательному, почти пустынному рейду. Кругом все плоско, низменно, затоплено; всюду поднимаются осязательно для глаза белеватые густые испарения из трясин и болот, среди которых вязнет в миазмах малярии Богом забытый и людьми покинутый Танджунг-Приок, до того нездоровый, что здесь после заката солнца не остается живой души. И по-прежнему почти ничего нельзя разглядеть. Лишь в каких-нибудь 200 саженях расстояния от дебаркадера я, наконец, увидел берег. Я понял тогда, почему он до сих пор так упорно скрывался: у Танджунг-Приока берег до такой степени низменный, что едва заметную полосу поднимается над поверхностью воды, так что издали нет возможности различить демаркационную линию между залитою сушею и морем.

«Годавери» вплотную подошел к каменной набережной, загромыхали якорные цепи, спущены были мостики, по которым устремилась, тесня и толкая друг друга, целая орава полуголых малайских носильщиков-кули. Агенты гостиниц совали пассажирам печатные prospectus и предлагали свои услуги. Hotel des Indes, Grand Hotel de Java, Hotel Nederlanden. Куда обратиться, какую гостиницу выбрать, вопрос этот меня мало интересовал, так как мне известно было, что две первые гостиницы в Батавии, считающиеся лучшими, обе хуже, и что отели здесь вообще какие-то печальные караван-сараи, лишенные самого элементарного комфорта, и что кормят везде одинаково, т.е. прескверно.

Меня встретил на пароходе русский вице-консул, весьма изящный и молодой еще представительный голландец, который самым предупредительным образом отдал себя в полное мое распоряжение. Себя и *опаса* своего, т.е. служителя при консульстве, малайца, который еще на берегу поразил меня своим торжественным видом и трехцветною повязкою с русским гербом через плечо. Но белый цвет очутился по незнанию или недоразумению внизу, так что повязка, имевшая очевидную претензию изображать русский консульский флаг, в действительности давала сочетание французских или голландских, а никак не русских, цветов. «Надо будет первым же делом исправить и реформировать эту оплошность», подумал я, сосредоточенно и не без признательности за его любезность пожимая руку моего русского голландца.

Вице-консул был несколько изумлен, когда я довольно развязно и бойко стал объясняться по-малайски с носильщиками, отдавая им приказания насчет багажа. Он и не подозревал, что я, чуть ли не на другой день по выходе из Марселя, познакомился и сблизился с голландским семейством, возвращавшимся на Яву из отпуска в Европе. Мингер и мейффрау* ван Г. во время путешествия посвятили меня во все тайны малайского языка, и я, под их руководством, сделал столь быстрые успехи, что мог под конец выражаться и говорить довольно свободно с прислугою на этом, впрочем, легком до наивности языке. Но я благоразумно

* Господин и госпожа (голл.).

умолчал об этом обстоятельстве. Для меня и для личного престижа моего было во всех отношениях выгоднее, если мой будущий сослуживец и подчиненный составит себе на первых же порах самое выгодное представление об изумительных способностях своего будущего шефа. Он мог вообразить, и действительно подумал, как он мне признался впоследствии, что я уже в Петербурге, в министерстве иностранных дел, успел ознакомиться с малайским языком. Я не считал нужным его разубеждать в этом.

Таможенный осмотр оказался, благодаря вице-консулу П., piuttosto формальностью. Пока он возился с моим багажом, я остался на набережной, приглядываясь ко всему меня окружающему. Но и тут не было ничего интересного. Во внутреннем, довольно тесном бассейне рейда, рядами стояли раньше нас пришедшие или готовившиеся к отплытию срочные океанские пароходы, большею частью под голландским флагом, но в незначительном количестве. Оживления на рейде не было никакого, и ничто решительно не обнаруживало, всего в каких-нибудь 10 километрах внутрь страны, присутствия крупного торгового *entrepôt** и главного города Явы, а с нею и всей обширной колониальной империи голландцев в Нидерландской Индии. Группы мингеров в белом с ног до головы стояли и разгуливали на набережной, встречая своих прибывших из Европы родных и близких. Меня поразила лишь одна особенность: голландские офицеры, в застегнутых мундирах темного сукна, с таковыми же панталонами и с суконными кепи на голове, одетые и экипированные точь-в-точь, как у себя в холодной Голландии. Слышны были гортанные звуки голландского языка, в котором буква «х» извлекается с усиленным придыханием, как будто из глубины желудка. Даже небо было какое-то пасмурно-серое и неприветливое и напоминало Голландию. Словом, и здесь та же Голландия, только потеплее, хотя жара в 8 часов утра была еще сносная.

Это сходство с Голландией сказывалось все сильнее по мере удаления от Танджунг-Приока. Линия железной дороги в Батавию тянется вдоль низменной, залитой водою местности; по правую сторону вьется, уходя вдаль, темно-бурая лента канала, попадаются даже ветряные мельницы, что довершает сходство с голландским пейзажем.

Несмотря на роскошную тропическую растительность, окаймляющую с обеих сторон полотно железной дороги, пейзаж этот не представляет для глаза ничего привлекательного. Всюду разбросаны букеты изящных бамбуков, растущих вверх группами в несколько сот стволов, бананы с отвислыми, сухими и полинялыми листьями, *ficus indica* с их воздушными корнями, висящими на воздухе и образующими вокруг главного ствола темные своды, под которыми вечно царст-

* Товарный склад (*gpr.*).

вует полумрак и сырость. Извилистые змееобразные лианы фантастически переплетаются, скрещиваются, перебегая с одного дерева на другое. Кокосовые пальмы устремляются кверху по прямой линии, подобные пущенной ракете и подобно ракете же, там, в пространстве, рассыпаются по всем направлениям ниспадающими расчлененными ветвями. Но эти прямые гладкие стволы кокосовых пальм, которых встречаются десятки тысяч, чрезвычайно однообразны и действуют *a la longue** утомительно на глаз. Бананы (*musa*), с их огромными темными листьями, менее изящны, чем те однородные экземпляры, которые мы так тщательно выводим у себя в Европе в теплицах или даже в комнатах. Здесь засохшие рыжие листья беспомощно ниспадают вдоль ствола, походя на те непривлекательные, хотя и живописные лохмотья, не поддающиеся описанию, вывешенные для просушки, которыми турист с преувеличенным энтузиазмом к *couleur locale*** может еще любоваться в эксцентричных рабочих кварталах Неаполя и Генуи. И все это составляет непроходимую чашу, все эти пальмы, *figus*, бананы и прочее наступают на вас агрессивно, как бы угрожая подавить вас. Листья большей частью темно-зеленого цвета. Растительность несомненно роскошная, слов нет, но она носит какой-то трагический характер. Не говоря уже о массе наступающей со всех концов чаши, вы невольно вспоминаете, что Ява родина всяких гадов и ядов. Вы знаете, что проникнуть в эту чашу, под эти таинственные темные своды, далеко не безопасно даже среди бела дня. Там кишмя кишат змеи, тарантулы, тысячножки и разные зловредные гады. В канавах и каналах скрываются крокодилы, а среди болотной трясины, под каждым кустом, под каждой кочкою сокрыто чудовище, которое злее и беспощаднее всякого гада. Чудовище — это пресловутая малярия, которая отовсюду протягивает к вам свои часто смертоносные пальцы.

Поезд подвигается вперед с весьма умеренною быстротою, и вы из своего безопасного убежища в вагоне можете довольно равнодушно смотреть по обе стороны на непрекращающуюся чашу леса и на болота с их ужасающим животным и иным содержимым. Этот растительный фейерверк пальм и бамбуков, бамбуков и снова пальм донельзя однообразен и утомителен. Притом все это неподвижно и мертво, и производит грустное впечатление чего-то бесконечно великого и могучего, действующего на ваше сознание подавляющим образом. Кажется, и конца нет этому тропическому кошмару. Вы вспоминаете невольно болезненно раздражающий нервы, бесконечно варьированный, но в сущности все тот же *Leitmotif*, на котором построен роман Золя *La faute de l'abbé Mouret****.

* В конце концов (*фр.*).

** Местный колорит (*фр.*).

*** «Проступок аббата Муре» (*фр.*).

Помните пресловутое описание радости и наслаждений, испытываемых аббатом Муре и его подругой в запущенном *Paradou**, в котором каждый цветок, каждое растение живет, чувствует и вибрирует? Каждое дерево говорит на своем ему одному свойственном языке. И все эти отдельные голоса и звуки, острый запах цветов сливаются в один аккорд, в одну гармоническую гамму, поющую напряженным до одурения нервам опьяняющий гимн любви и чувственности.

Тропический лес также поет свою песнь, но песнь эта роковая, трагическая, с нею связано представление о зловедных стихийных силах, о ядовитых испарениях, о смерти через укушение змей и гадов. И это не есть игра расстроенного воображения — Ява действительно классическая родина разных ужасов в самых разнообразных формах и видах, которые все приводят к одному неутешительному знаменателю: если не прямо смерть, то полное расстройство всего организма, весьма и слишком даже часто приводящее к тому же конечному результату, при условии, конечно, несоблюдения гигиенических правил и при неразумном не на туземный лад приноровленном образе жизни. В яванском *Paradou* аббат Муре не просуществовал бы безнаказанно и двух дней. Я, по крайней мере, с первых же дней испытал и впоследствии испытывал все то же жуткое и гнетущее впечатление, производимое тропическим лесом, прелести которого, я сознаюсь, не понимаю, с убеждением отдавая предпочтение темному и торжественному сосновому бору или малейшей самой жиденькой дубовой роще в старой Европе перед этими гигантскими, фантастическими формами экваториальной флоры.

А где же обезьяны? По расписанию и если верить рассказам, которых я слышался в Европе, они обязательно целыми гирляндами должны цепляться по ветвям деревьев, сопровождать вас ужимками, а подчас и швырянием кокосовых орехов. А пресловутые тигры, которые свободно гуляют по улицам Батавии? Вы ожидаете, что поезд, того и гляди, переедет и задавит перебегающего через полотно дороги тигра или наскочит на мирно дремлющего грузного крокодила. Вы вправе ожидать этого, вам в Европе торжественно обещали подобный интересный инцидент. И вдруг ничего. Вы чувствуете себя глубоко разочарованным и обиженным. «Стоило же, думаете вы, покидать Европу и плавать 28 дней, чтобы встретить под экватором новое подобие сырой и плоской Голландии. Как это банально».

Да, но банальность эта, подобно отысканному вами сходству с Голландией, только кажущаяся. Вы все же на Яве, в гнилых тропиках, в этом нет возможности сомневаться: сквозь отворенное окно в вагоне вас донимает запах или скорее сочетание запахов, которое неизменно и немилосердно будет вас преследовать за все время вашего здесь пребывания: в воздухе пахнет мокрой землей, сыростью и гнилью. Это

* Сад, описанный в романе Э. Золя.

специфический запах, разлитый по всей Яве; эта *triple extrait de Java** встречается одинаково в лесу и в жилых помещениях. Не следует забывать, что вы имеете дело здесь не с добродушным и безвредным голландским болотом, и что в некоторых местностях Явы выпадает в год до 4 метров дождевых осадков. Лес и болота беспрерывно тянутся до самого старого города, где расположены все коммерческие конторы, банки и консульства. Старая Батавия все же нельзя сказать — здоровее, но менее нездорова, чем Танджунг-Приок. Но и здесь уже в 4, самое позднее в 5 часов пополудни всякая деятельная жизнь и движение прекращаются, и никто не остается ночевать, все по той же причине: после захода солнца малярия вступает в свои права. Вследствие сего, в первой четверти 19 столетия знаменитый своею энергиею генерал-губернатор и наполеоновский маршал Батавской республики** Дандельс в одно особенно сырое и туманное утро взял да и перенес резиденцию на несколько километров внутрь страны, туда, где в настоящее время находится новый город. Выбор оказался до того удачным сравнительно с прежнею гнилою местностью, что маршал дал нововозникшей колонии знаменательное название *Weltevreden* (*Wohlfuftieden*)***. Замечательно, что название это упрочилось и сохранилось за новым городом и до сего дня. И ныне еще коренные индо-голландцы на Яве называют *Weltevreden* новые кварталы, так как под Батавией собственно подразумевается прежняя, упраздненная резиденция, составляющая ныне торговый и консульский квартал.

Если Танджунг-Приок с его плоскими берегами и мизерным пустынным рейдом произвел на меня впечатление далеко не грандиозное, то старая Батавия показалась мне совсем жалкою и притом грязною деревнею. Ничто положительно не выдавало присутствия значительно центра. Маленький и жалкий деревянный вокзал, какие-то длинные и низкие одноэтажные домики, в которых помещались торговые конторы, склады, дешевые рестораны, огромные пустынные немощенные площади с такими же непривлекательными покосившимися на сторону домами — и всюду грязь и лужи непролазные. Дома на улицах и на бережных неизбежных каналов стояли старые, местами потрескавшиеся от сырости и ветхости, с опавшей штукатуркой и грязными деревянными лестницами, которые вели в помещения столь же неопрятные. Отовсюду несло, кроме *triple extrait de Java*, еще чесноком и острою вонью сушеной рыбы, без которой многочисленные здесь китайцы не могут существовать.

Я смотрел по сторонам и дивился: куда же девалась образцовая голландская опрятность; неужели голландцы, столь щепетильные и акку-

* Здесь: тройной запах Явы (*фр.*).

** Батавская республика существовала на территории Нидерландов в 1795 — 1806 гг.

*** Удовлетворение (*голл.*).

ратные, освоились с этими непривлекательными условиями, с этою мизерною, почти постыдною обстановкою и не предпринимают ничего, чтобы хоть несколько очистить эти авгиевы конюшни? Вероятно, недоразумение, мною испытанное, явственно изобразилось на моей физиономии, так как спутник мой поспешил заметить несколько смущенным, как мне показалось, тоном: «О, это старый город, le quartier des affaires et des comptoirs^{*}, мы здесь проводим только несколько часов в день для занятий, живем же далеко отсюда, в Вельтевредене».

«Верю и надеюсь, что ваш Weltevreden окажется почище», ответил я мысленно, но уже не без некоторой доли недоверия, так как все, мною до сих пор виденное, значительно охладило мои способности восторгаться, и я к знаменитой «королеве и жемчужине дальнего Востока» начинал заранее относиться скептически. Мне в этом не пришлось раскатыться впоследствии, при более близком ознакомлении с городом.

И здесь во второй раз повторился тот же казус, что и в Танджунг-Приоке, в виду невидимой Явы. Маленькие батакские лошадки (с острова Суматры) моего коллеги П. мчали нас быстро; несравненно быстрее, чем из окон вагона мелькали по обе стороны все те же гаденькие и низенькие дома с бесконечным числом китайских столяров и мебельщиков в нижнем помещении. Но где же Батавия? Города по-прежнему не было видно. Еще огромная и воночая площадь Глодок, загроможденная китайцами и малайскими торговцами фруктов, овощей и неизбежной сушеной рыбы; затем снова канал, в котором купались и ныряли pele mele^{**} мужчины, женщины и дети. Кое-где показались отдельно стоящие, на этот раз опрятные маленькие домики, с цветниками без цветов и с целым рядом растений в кадках, на высоких подставках, расположенных перед балконом правильными треугольниками. Я полагал, что мы вступили в предместье, но к немалому смущению моему, спутник мой почти строгим и недовольным тоном поведал мне, что это и есть город — Molenvliet^{***}, ведущий к пресловутому Вельтевредену. Наконец, мы чуть не галопом въехали на обширный двор, в конце которого помещался центральный флигель Hotel des Indes, с длинными и низенькими dependances^{****} по правую и левую руку. Здесь мы на время простились: вице-консул отправился менять для меня деньги и распорядиться скорейшею доставкою мне багажа, запропавшего где-то на станции.

Я остался один с моими грустными размышлениями и глубоко разочарованный при мысли, что мне предстоит целых пять лет жить среди этой обстановки, не представляющей ничего привлекательного и не обещавшей даже, по-видимому, быть интересною. Все зависит на новых местах от первого впечатления, а до сих пор я, к великому огорче-

* Деловой и торговый район (фр.).

** Вперемешку (фр.).

*** Мельничный ручей (голл.).

**** Флигели (фр.).

нию своему, не вынес ничего отрадного из первого моего ознакомления с действительностью, оказавшеюся много ниже и банальнее той фантазмагии, каковою в воображении моем являлось все, что имело с Явою малейшее соприкосновение. Но не может же этого быть, утешал я самого себя, я еще не видел и не знаю своей будущей резиденции, надо будет немедленно осмотреться, ознакомиться с городом, не даром же мне рассказывали такие чудеса о Батавии. Наши моряки, посетившие Батавию, чрезвычайно ее хвалили, а моряки народ бывалый, они на своем веку видали виды.

Я быстро снарядился в белый фланелевый костюм с английскою каской типа *helmet** и пошел наудачу бродить по городу.

Hotel des Indes оказался на бойком, центральном месте, у перекрестка двух каналов, вдоль которых по Рейсвейку и Нордвейку расположились изящные домики особняком и лучшие *токо* (магазины). Сейчас же рядом с отелем, против моста я нашел роскошный магазин фирмы *Eigen Hulp* с европейскими и японскими товарами, огромный и богатый склад всевозможных изделий, который можно уподобить петербургскому дому Кумберга. Наискось помещалось здание клуба *Harmonie* с крытыми галереями, изящной беломраморной лестницей и огромным весьма роскошным помещением, в котором даются концерты и балы. Здесь дан был городом бал Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу, ныне благополучно царствующему Императору, когда он несколько лет тому назад** посетил Батавию и Яву.

Рейсвейк и Нордвейк с его продолжением параллельно уличному фасаду *Harmonie* составляют единственные в Батавии улицы. Но этого однако не следует понимать в европейском смысле. Сплошного ряда соприкасающихся домов здесь не существует, за исключением каких-нибудь 50 сажен длины против *Harmonie*, где, и то лишь с одной стороны, в низких домиках помещаются две аптеки, французский куафер*** его превосходительства генерал-губернатора и еще 3-4 французских магазина.

В Пасар-Бару (новом базаре), правда, есть также настоящая улица с домами по обе стороны и с магазинами китайцев и торговцев японскими и индийскими товарами, но Пасар-Бару отдален от центра и расположен в малайском квартале.

Вдоль канала, по Рейсвейку и Нордвейку, лежат не дома, а скорее дачи особняком среди садов, того типа, который можно встретить, например, в Киссингене и Рейхенгалле и прочих курортах. Батавия вообще не похожа на город. Это скорее какое-то Царское Село или Петергоф, с тою лишь разницею, что аллеи здесь окаймлены не кленами

* Шлем (англ.).

** В 1891 г.

*** Парикмахер (фр.).

и березами, а тропическими деревьями *канари*, фикусами и *баньянами*. Батавия — огромная деревня, растянутая на значительном пространстве. Посреди города — бесконечно квадратная голая и унылая площадь Koningsplein в 4 кв. километра в окружности. Это даже, строго говоря, не площадь, а пустопорожнее место, покрытое жидкой травой и превращающееся в дождливый сезон в непроходимое топкое болото. На нем пасутся тощие коровы, что еще более усиливает впечатление загороженности и деревни. Печальнее этого Koningsplein'a нельзя ничего себе представить, а между тем голландцы несказанно гордятся необъятностью этого унылого Царицына Луга*. Это самый аристократический и шикарный квартал. Жить на Koningsplein'e составляет амбицию всякого порядочного негоцианта, плантатора и чиновника, но эта фантазия обходится довольно дорого, так как дома здесь много дороже, чем в ином, менее элегантном квартале. Степь эта представляет еще иное преимущество: здесь свободно гуляет ветер, задерживаемый лишь аллеею *баньянов*, посаженную кругом всей площади, а потому здесь относительно свежее, тогда как в иных местах в городе днем и ночью одинаково душно и влажно, как в русской бане.

Дома на Koningsplein'e, действительно, очень элегантные, все на один лад: низенькие, почти подавленные остроконечною крышею, по которой стекают потоки дождя.

Подъезды над беломраморными лестницами защищены, кроме того, крытыми галереями, так что получается впечатление чего-то вдавненного глубоко в землю, да, кроме того, еще притиснутого сверху несоизмерно высокою и длинною крышею. В домах этих, низеньких и темных, должно быть невообразимо душно, несмотря на свежий белый мрамор лестниц, открытых балконов и жилых помещений, в которых сквозняк заменяет неизвестную и нелюбимую голландцами индийскую *пунка***. Голландцы утверждают, что от усиленного и постоянного употребления *пунки* выпадают волосы — не знаю, до какой степени основателен подобный, повсеместно здесь установившийся пред-
рассудок.

Но как все мертво и пустынно, особенно на Koningsplein'e, похожем с 9 часов утра до 5 часов вечера на обширное кладбище. Ни души на балконах домов, весьма незначительное движение на улицах. Все спасаются от жары, лежат с босыми ногами вверх на бесконечно глубоких креслах и показываются лишь с 6 часов, по заходе солнца, да и то большею частию в экипажах, так как пешком ходить голландцы не любят. Вечером все эти дачи освещаются, и с темной улицы можно видеть насквозь иллюминированные балконы и гостиные, в которых никогда никого не принимают, так как все совершается на передней крытой галерее. Эти залитые светом хорошенькие ажурные бонбоньерки,

* Царицын Луг (Марсово поле) — площадь в Петербурге.

** Опахало (*англ.*, термин, употреблявшийся в колон. Индии).

сплошь уставленные цветами и редкими растениями, чрезвычайно эффектны. На них приятно и весело смотреть, и эта вечерняя иллюминация составляет единственную веселую нотку среди окружающего общего уныния, вызываемого неподвижностью людей, угнетающею духотою, серым небом и непроглядным мраком, который неизменно начинается с 6 часов после заката солнца. Лунные ночи здесь чрезвычайно редки.

Я тщетно искал в городе сколько-нибудь выдающегося общественного здания или частной постройки. Все на один лад, казенно и банально. Недурно однако здание театра и довольно эффектно, для Батавии, огромное здание на Waterlooplein'e, в котором помещаются различные представительные департаменты и учреждения. Здание это двухэтажное, да и вообще Waterlooplein с его обелиском посередине и двумя памятниками в честь знаменитых индо-нидерландских деятелей много красивее скучнейшей степи, именуемой Koningsplein'ом. Дворец генерал-губернатора не представляет ничего замечательного. А, между тем, голландцы, столь долго владевшие Явой, имели, кажется, время и возможность придать Батавии более городской и монументальный вид. Батавия только разрослась и расширилась, но нисколько не украсилась. Климат тут ни при чем. Сингапур также лежит у тропиков, но, между тем, какая громадная разница, вся в пользу английского владения. Сингапур, несмотря на своих многочисленных китайцев и туземцев, все же являет вид не деревни, а города и притом благоустроенного, в котором жизнь и движение так и кипят ключом.

И мне стало обидно, почему я попал именно в эту неинтересную и непривлекательную Батавию. Коллеги мои, Путята и барон Кистер, со мною одновременно долженствовавшие открыть первые штатные русские консульства, назначены были — первый в Мельбурн, а второй в Вальпарайсо.

Сравнительно с этими, почти недосыгаемыми по отдалению местами почетной ссылки, Батавию, пожалуй, можно было отнести к категории «мест не столь отдаленных».

Но все же я был убежден, ознакомившись со своею новою резиденциею, что Мельбурн и Вальпарайсо несравненно лучше, и что вообще все, и где бы то ни было, лучше Батавии.

Я изменил этот взгляд лишь много позже, после того, как осмотрелся и приноровился к новым условиям и новой среде, особенно же после того, как догадался перенести свою резиденцию из Батавии в более симпатичный во всех отношениях Бейтензорг*, вовнутрь страны, в полутора часах расстояния по железной дороге от душной и скучной яванской столицы. В Бейтензорге, среди чисто деревенского уединения, я научился относиться к Батавии с меньшим предубеждением... Но об этом в следующих письмах...

* Ныне — Богор.

Глава II

Физиономия Батавии. – Разношерстное население. – Движение на улицах. – Каналы. – Европейский элемент. – Неподвижность голландцев. – Распущенность мужского и дамского домашнего костюма. – Визиты. – Отношение к иностранцам. – Общество в Батавии, общественные ресурсы и увеселения. – Иностранные представители в Батавии.

В Батавии насчитывается 110700 жителей, из которых всего 9017 европейцев, утопающих и пропадающих в массе туземцев: малайцев, арабов и китайцев. Сыны Неба* живут в отдельных и весьма грязных и вонючих кварталах и подчинены резиденту (градоначальнику и вместе префекту резидентства Батавии), но управляются своими выборными людьми, ответственными за всякое нарушение общественных тишины и порядка. Эти китайские представители носят титулы «майора, капитана и лейтенанта китайцев», смотря по важности и степени населенности квартала. В Батавии, напр., «майор китайцев» весьма крупная единица; это богатый негоциант, имеющий собственные великолепный городской дом и загородную дачу.

Китайцы сохранили свой национальный костюм и косу, но начинают забывать свой язык. Давно уже поселенные на Яве выходцы из Китая говорят между собою по-малайски, женятся на малайских женщинах, но не сливаются с туземным населением, а живут особняком, составляя отдельную и отличную от китайских своих соотечественников разновидность. Они на Яве, даже внутри острова, захватили в свои цепкие руки всю торговлю и играют здесь роль жидов-факторов в наших губерниях Северо-Западного края. Без китайского посредничества шагу нельзя ступить. Китайцы в то же время торговцы, ремесленники, кассиры в банковых конторах, администраторы на плантациях; они же занимаются ростовщичеством и почти исключительно содержат откупа опиума, составляющего монополию правительства. Китайцы изрядно-таки эксплуатируют, особенно внутри края, туземное население, быстро обогащаются и притом часто и безнаказанно совершают злостные банкротства.

На улицах Батавии тысячами снуют по всем направлениям мизерные и общипанные, а также элегантные китайцы в своих экипажах, запряженных парю крошечных, но нервных и быстрых туземных лоша-

* Подданные Поднебесной.

док-пони. У всех одинаково заплетенная в красный или синий шелк коса мотается по спине из-под шляпы, напоминая торчащий из кармана шелковый фитиль папиросницы русского типа.

Малайцы ограничиваются продажей овощей, фруктов, дешевой посуды, спичек и пр. Их совершенно затерли китайцы, арабы и так называемые *клинг* или *оранг-бомбей** — торговцы с Малабарского берега в Индии и с Цейлона.

Линия конно-железной дороги тянется из одной оконечности уже пригородной Батавии — Меестер-Корнелис, до порта Приока или, вернее, до станции в старом городе, откуда отходят поезда в Приок, через весь новый и старый город, который широко раскинулся на совершенно плоской, как на бильярде, местности, с дистанциями, как в Москве, огромного размера между отдельными пунктами.

Своеобразие города составляют извозчицьи экипажи, так называемые *садо* (сокращенно из слов *dos a dos***); это двухколесные таратайки с крышей и клеенчатыми занавесками на случай дождя. Колесницы эти весьма неудобны. Приходится сидеть спиной об спину с возницей, подобравши ноги и судорожно хватаясь за железные перекладыны крыши, чтобы не вылететь на быстром ходу курцгалопом бойких лошадей. В *садо* вас укачивает и швыряет из стороны в сторону, как в лодке в свежую погоду, и вы с непривычки чувствуете подступы чего-то похожего на морскую болезнь.

Частных экипажей в Батавии много. Каждый «белый человек» обязательно имеет свой экипаж. И неудивительно: малейшее передвижение пешком становится в тягость при здешних расстояниях, да при этой угнетающей жаре.

Экипажи эти, приспособленные к климату, наглухо закрытые кареты со ставнями и крышею со сквозняком или «милорды», коляски, позади которых в коже проделано широкое отверстие, часто бывают весьма элегантны и выходят из фабрик лучших мастеров Европы или Америки. Но ансамбль, тем не менее, производит комическое впечатление: кучер шоколадного цвета сидит на козлах в ливрее, с обшитым галунами цилиндром на голове. Но цилиндр этот надет поверх бумажного с яркими разводами головного платка, концы которого завязаны на затылке, что выходит дико и несуразно. На запятках стоит другой малаец, с опухолью из конского волоса под мышкою. Одет он в хлопчатобумажную полосатую блузу и белые панталоны с остроконечной лакированной красной шляпой из пальмовых листьев, наподобие огромной шляпки какого-то фантастического мухомора. Кучер и его помощник на запятках — оба обязательно с босыми ногами.

Даже у генерал-губернатора, с его великолепным ландо цугом, кучер, форейторы и лакеи на неизбежных запятках в их голубой ливрее с

* Бомбейцы (*мал.*).

** Двусторонний (в данном случае — спина к спине) (*фр.*).

серебряным позументом, в цилиндрах или жокейских шапочках и с желтыми штиблетами, выезжают не иначе, как с необутыми ногами.

Это полное отсутствие обуви при ливрее, штиблетах, при безукоризненной запряжке и прочем «параде», поразило меня и продолжает поражать своим высоким комизмом. Точь-в-точь какой-нибудь господин в халате на босу ногу, но с эффектным и непременно экзотическим орденом на шее.

На меня вообще неприятно и даже прямо отталкивающим образом действует вид необутых ног, и я к этой босой команде на Яве никогда, кажется, не в состоянии буду привыкнуть. Ведь жителей на одной Яве насчитывается 23 миллиона, что составляет 46 миллионов босых человеческих ног, — подумать страшно! Но здесь уже такое заведение: отсутствие обуви у туземцев возведено голландцами чуть ли не в административно-правительственный принцип, не лишенный глубокого политического смысла: голландцы и метисы, белые вообще, да, пожалуй еще китайцы, считающие себя высшею после белых расою, одни имеют право и преимущество носить обувь. Обувь — это привилегия белого человека, это отличительный внешний признак, по которому узнают, что обутый субъект принадлежит к благородному сословию господ-повелителей.

В силу того же принципа голландцы не позволяют туземцам учиться и говорить по-голландски. Голландский язык, как принадлежность высшей культуры, белой, составляет исключительную монополию голландцев и белых людей. Поэтому голландцы говорят с туземцами не иначе, как по-малайски в приморских городах и на берегу, по-сундански — в юго-восточной части Явы и по-явански — внутри острова.

Англичане поступают совершенно иначе, они, напротив, считают, что говорить с туземцем на его родном языке — это делать ему, рабу презренному, слишком большую честь. У них прислуга и вообще туземцы изучают язык своих повелителей и говорят со своими господами по-английски.

Не знаю, которому из этих двух методов отдать преимущество. Оба хороши и истекают из того же принципа — наглядно демонстрировать туземцу все его жалкое ничтожество сравнительно с недостижимым в своем культурном величии белым человеком. Но выражаются эти две системы различно, причем мне кажется, что английская система целесообразнее и много последовательнее голландского принципа: англичане, игнорируя туземца и эксплуатируя только рабочую силу его, держат себя высоко и вдалеке. Они избегают всякого сближения с туземным элементом, и англичанин, женившийся на индусской, малайской или иной женщине, хотя бы даже на креолке, немедленно бойкотируется своими соотечественниками, попадая сразу и навсегда в разряд *half-casts**, т.е. неравноправных с белыми метисов. Такой образ действий, по крайней мере, логичен.

* Полукровка (англ.).

Не то замечается у голландцев: выказывают нетерпимость и, насколько могу судить по результатам, нетерпимость чисто ребяческую, внешнюю, которая далее запрещения малайцам носить обувь и говорить по-голландски не распространяется. Голландские чиновники, плантаторы и прочие мингеры не только сожительствуют с малайскими женщинами, но и еще женятся на них, и новое индо-голландское поколение, явно носящее на себе признаки своего полумалайского происхождения, совершенно равноправно с чистокровными голландцами. Эти метисы в гражданской службе и в армии достигают высоких степеней, и жены их, цвета шоколадного пряника, с выдающимися скулами, принимаются в обществе, которое не может не знать, что три четверти с половиною этих «дам» еще не так давно состояли няньками (*бабу*) в доме такого-то мингера, ныне законного их супруга. В результате получается полное *ensanaillement**, голландцы нисходят со своего искусственно возведенного пьедестала культурности и величия и при этом удивляются, что прислуга, например, до крайности распушена, никакого уважения к господам не имеет и проч. Это понятно: каждая *бабу* имеет полные основания и право рассчитывать попасть в «дамы», выйдя замуж за поручика, который может со временем сделаться полковником или генералом, или же, сочетаясь, после незаконных уз, законным браком с каким-нибудь ассистентом контролера, будущим, при счастья и удаче, членом совета Индии, а не то и *туан бесар'*ом (господин великий — официальный малайский титул генерал-губернатора). Такие примеры были, и неоднократно. И ныне еще два генерала индонидерландской армии, сами метисы, женились на женщинах малайского происхождения. Из этих генералов один состоит даже в чине генерал-лейтенанта, с титулом превосходительства и в должности главнокомандующего всеми сухопутными колониальными силами.

Если так будет продолжаться, а причин никаких не существует, чтобы нынешние условия изменились, в Нидерландской Ост-Индии более половины голландского населения станет голландским только по имени и составит новую смешанную расу метисов.

Но я несколько отвлекся, хотя и не в сторону, от своего предмета. Это маленькое отступление было необходимо, так как оно выясняет своеобразности здешнего быта и общественных условий. Возвращаясь к описанию физиономии города.

Оригинальное зрелище представляют улицы или, вернее, аллеи Батавии с насаженными по краям тамариндами, деревьями *канари* и пр. экзотическими экземплярами, окаймляющими каналы с темно-бурой водой. По каналам этим, столь любезным голландскому сердцу, снуют нагруженные баржи, а в непривлекательной жидкости этих *кали*** купаются и ныряют туземцы с чадами и домочадцами.

* Вульгаризация (*фр.*).

** Речка, канал (*мал.*).

Происходит это, впрочем, вполне приличным манером: женщины входят в воду в своих *сафронгах* (бумажная ткань вокруг бедер и талии) и, выходя из воды, поверх мокрого платка надевают чистый и сухой *сафронг*, заготовленный на берегу. Полоскание это не прекращается даже ночью; забавы купающихся в воде, крики и гам ныряющих голых ребятшек и полуголых туземцев, по-видимому, нисколько не стесняют и не шокируют довольно-таки чопорных голландцев.

В утренние часы видно мало европейцев на улицах, они или сидят дома, когда ничем не торгуют, что довольно редко, или работают в своих конторах в старом городе. Голландцы вообще ходят пешком мало, и лишь для моциона, а больше разъезжают в экипажах. Лишь после 5 часов пополудни город несколько более оживляется. От 6 до 7 ч. по Koningsplein'ским аллеям и по набережным Нордвейка и Рейсвейка ищут сомнительной прохлады голландцы и голландские дамы в светлых костюмах и большею частию без шляп.

Тотчас после 6 часов вечера, когда заходит солнце почти без ощутительного перехода от света к ночи, наступает тьма черная, крошечная, которую желтые пятна редких газовых фонарей еще более подчеркивают и делают еще интенсивнее. Среди этого мрака движущиеся экипажи получают фантастический вид громадных летучих мышей, тогда как гуляющие группы скользят бесшумно, подобно теням.

Оживления в Батавии нет ни днем, ни поздним вечером. Пульс жизни здесь не бьет ключом, подобно тому, как это замечается, напр., в Сингапуре. Европейский элемент в Батавии как-то ступшевывается, днем европейцы почти не выходят, а вечером, благодаря царствующему мраку, еле можно отличить человека белого от иного субъекта желтого цвета или цвета *café au lait**.

Голландцы в своих колониях иначе устроили свой *intérieur*** и распорядок жизни, чем подвижные, деятельные англичане, которые игнорируют жару и в Сингапуре, делают визиты от 2 до 4 час. пополудни, а после 4-х уже играют в теннис, крокет и foot ball.

Голландцы много неподвижнее и апатичнее англичан. Изречение «Время — деньги» они еще не возвели пока в краеугольный принцип, из которого исходит и на котором утверждено все и вся. Они, правда, с 8 часов утра до 4 часов вечера сидят у себя в конторах в старом городе или разъезжают в крытых каретах (паланкинах), но зато после 4-х они уже свободны и из Батавии возвращаются к себе домой в Weltevreden отдыхать в громадных и неизмеримо глубоких «ленивых креслах». Лежат они по целым часам в созерцательном безмолвии, задравши босые ноги на длинные выдвижные ручки сидения и покуривая сигару, которой не выпускают изо рта. Меня после Сингапура, где

* Кофе с молоком (*фр.*).

** Домашняя жизнь (*фр.*).

живописный *laisser aller** в костюмах допускается англичанами лишь в утренние часы, да и то лишь в отеле или у себя на дому, на первых же порах поразили общие распущенность и халатность, присущие здесь в одинаковой степени как мужчинам, так равно и дамам даже на улице.

Я не знаю ничего безобразнее и неприличнее общепринятого здесь европейцами домашнего костюма: мужчины носят на босу ногу широчайшие яванские панталоны из бумажной ткани с яркого цвета полосами и разводами; поверх этого надевается женская кофта (*кабайя*) из белого коленкора и — больше ничего. Дамы еще сильнее поражают элементарностью своего наряда: белая или желтая прозрачной ткани кофта с глубоким вырезом на груди, обшитая кружевом, яванский *саронг* вокруг бедер и шлепающие туфли без задков на босу ногу, — вот и весь несложный костюм. Я нахожу подобную *tenue*** верхом безобразия и безвкусыя, не говоря уже о том, что эти голые ноги и икры, свободно выставляемые напоказ, просто неприличны.

Особенно странно и дико видеть девочек, часто 13 и 14 лет, вполне уже улегшихся в окончательную и притом грузную форму голландской меффрау***. Удивляешься и руками разводишь, когда эти, почти уже взрослые подростки, не стесняясь бегают у себя в саду или даже выходят на улицу босиком, в какой-то кратчайшей не то блузе, не то рубашонке поверх панталон. Часто эта последняя принадлежность туалета отсутствует вовсе, вместе с чулками. Тогда ноги кажутся еще длиннее, и маленькая меффрау как будто состоит вся из одних только ног, как у паука, а икры, и без того сильно развитые, выступают наружу еще внушительнее. Это какие-то в уменьшенных размерах снимки с мюнхенской Баварии, до того массивны пропорции и очертания этого в здешнем климате быстро растущего и развивающегося молодого индо-голландского поколения.

Говорят, что климат требует именно такого облачения и возможно более широкого и свободного соприкосновения с воздухом, дабы поры кожи оставались постоянно открытыми. Что это может быть здорово и полезно, не спорю, несомненно также, что воздух и ветер свободно гуляют вокруг и около полуобнаженного тела. Но привлекательного и изящного мало в этом костюме, заимствованном у туземцев. Самая хорошенькая женщина теряет в *саронге* с *кабайей*, тяжеловесные же голландские матроны *entre deux âges***** производят в подобном снаряжении просто отталкивающее впечатление. И хорошо бы еще, если б дамы таким образом раздевались у себя дома. А то нет, они с босыми ногами, в кофте и *саронге* являются в отелях к завтраку, посещают магазины, делают в экипажах утренние визиты и одеваются по-человечески и по-европейски

* Беспорядок (*фр.*).

** Костюм, манера одеваться (*фр.*).

*** Замужней женщины (*голл.*).

**** Средних лет (*фр.*).

лишь после 6 часов вечера, когда вообще делают туалет ввиду выезда или приема. Мужчины также принимают приличный вид только к вечеру. Вот почему здесь принято делать визиты вечером от 7 до 8 часов. Вот почему также необходимо в приемные дни, если вы желаете нанести визит, предупредить хозяев заранее и письменно о своем посещении. Иначе вы рискуете застать мингера и меффрау в домашних широко развевающихся хламидах и своим неожиданным появлением вызвать в доме переполох и смятение или даже не быть принятым вовсе. А визитные карточки здесь не в ходу, и считается верхом нелюбезности и незнания приличий оставлять карточку, как то заведено в Европе. Если вы желаете быть безупречно корректным в Батавии, вы должны письменно доложить о своем намерении приехать в такой-то вечер. Затем обязательно следует просидеть в гостях целый час, от 7 до 8 часов и подняться лишь с восьмичасовым пушечным выстрелом, подающим двойной сигнал, что злобы дня благополучно окончены и что пора обедать.

При подобной системе визитов, через час по столовой ложке, человеку новоприбывшему и желающему перезнакомиться с обществом в Батавии, приходится употребить на эту сложную операцию месяца два, а то и больше. Обычай этот, кроме того, что неудобен, исключает всякую возможность сближения и поддержания правильных сношений со здешними жителями.

Следует им, впрочем, отдать полную справедливость: голландцы относятся вообще к иностранцам холодно и с некоторым предубеждением, ограничиваясь редким обменом всегда формальных визитов и самую банальную вежливостью, которая никогда не переходит в более сердечный тон. Кстати, о визитах. Голландцы, тяжелые на подъем у себя дома, не утратили этой грузности и под тропиками. Они, отчасти вследствие жары, не располагающей к передвижениям, больше же потому, что необщительны, выработали себе здесь особый кодекс общественных приличий и форм: редкий голландец отдаст вам в течение 8 дней ваш первый визит, хотя бы визит этот был официальный. Проходят 3-4, даже 6 недель, а мингер и меффрау ван ... и в помыслах не имеют навестить вас. Конечно, это обстоятельство также не способствует установлению близких и частых сношений с местным обществом. Оно, кроме того, подает повод к столкновениям. Иностранцы, не привыкшие к подобному бесцеремонному отношению к себе, жалуются и требуют письменных объяснений, почему такой-то после шести недель или двух с половиной месяцев не нашел еще времени отдать первый визит. И такой-то, сконфуженный, но вместе с тем и глубоко озлобленный «на дерзкие претензии этих европейцев, которые думают, что они еще в Европе», решается, наконец, отписать своему мучителю, что он, мингер ван ... в такой-то вечер от 7 до 8 часов будет иметь честь и т.д.

Припоминается мне комический случай с голландским высокопоставленным должностным лицом: один иностранный консул, из категории «серьезных», т.е. штатных, свыше 3-х месяцев прождал, да так и не

дождался ответного визита сказанного чиновника. При первой же встрече с ним в постороннем доме, консул, на хромавшие извинения этого господина, заявил ему, что отныне уже слишком поздно отдавать первый визит, а потому он и отказывается от удовольствия видеть у себя в доме мингера такого-то.

От наслаждений подобного свойства можно, впрочем, отречься без особенного для себя ущерба. Как сказано выше, визиты и сношения с голландцами, хотя бы и правильные и частые, ни на шаг не подвинут вас на пути к интимности или установлению приятных отношений. Если говорится у нас, что нужно с человеком съесть пуд соли прежде, чем войти в его дружбу, то здесь пришлось бы уничтожить несколько пикулей сахара (1 пиккуль = 67 кг) прежде, чем достичь сколько-нибудь подходящего на близость результата.

Сахарную болезнь легко нажать при подобном способе питания, но завоевать сердце голландца на Яве я считаю задачей неисполнимой даже после 20-летнего пребывания с ним бок о бок. А так как пребывания моего в здешних краях положено всего 5 лет, из коих почти 2 года уже благополучно прошло, то я и пробовать не стану. Ведь уже Кузьма Прутков весьма основательно высказал, что невозможно объять необъятного.

Приходится ограничиваться тесным кружком коллег, т.е. настоящих европейцев, которые, подобно мне и семейству моему, смотрят на свое существование на Яве, как на нечто временное и скоропреходящее. Вследствие сего, все мы храним и тщательно поддерживаем в себе тот «европейский» огонек, который нас сближает в нашем дальнем заточении и постоянно говорит нам о старой Европе, лучше и милее которой никто ничего еще не придумал.

Да и что может быть общего между нами, европейцами, и этими индо-голландскими массивными плантаторами или хоть бы даже с голландцами, более или менее «чистой» от примеси крови, служащими в Нидерландской Индии? Половина этих господ родилась под Тропиком Козерога и пережилась на тропических женщинах.

Они освоились с климатом и строною, выше и лучше которой, по их убеждению, ничего не существует. Общество это объявлялось, так сказать, и далеко отстало от Европы как по дистанции, так равно и по понятиям. Живут очень многие безвыездно по 30 лет на Яве. Есть такие экземпляры, которые прибыли сюда 52 года тому назад на парусном судне, по доброму старому пути, мимо мыса Доброй Надежды! Есть и еще личности, проделавшие это самое путешествие уже на пароходе, тем же кружным путем, так как в то время Лессепс еще не догадался рыть Суэцкий канал. Это уже относится к временам менее баснословным, но все же давним. С тех пор эти господа были в Европе раз, лет 18 тому назад, а то и вовсе никуда не отлучались.

Да и что им Европа, что они там забыли, их туда и не влечет, они перестали Европу понимать и даже чувствуют там себя не совсем а

leur aise*, будто перенесенные на чужую планету. Европа для людей этой категории — отвлеченное понятие, звук пустой, который не говорит ничего ни уму, ни сердцу. Они всегда напоминают мне ту иностранку, про которую выразился поэт:

При ней скажу я —
Русь святая!
И сердце в ней не задрожит!***

Понятно, что подобные личности ничем иным, кроме своих плантаций, контор или службы, не интересуются, у меня же, к сожалению, плантаций кофейных нет и, по всему вероятно, никогда не будет, так что и сюжета для разговора с кофепроизводителями не найдется. Впрочем, никто здесь, за очень редкими исключениями, ничем не интересуется, ничего не читает и за идейным развитием и умственным движением не следит. Индо-голландцы даже пренебрежительно относятся к тем из живущих здесь иностранцев, которые никакою коммерциею не занимаются. Один такой плантатор спросил меня, отчего у меня нет «конторы» в старом городе. Я ему разъяснил, что не имею в ней надобности, так как я кофе и сахар сам покупаю, а не торгую колониальными товарами.

За исключением моих коллег, штатных консулов, да и тех всего трое — германский, французский и бельгийский, все остальные консульские представители иностранных держав в Батавии — голландцы, которые непременно продают мускатный орех в Батавии и Приоке или совершают банковые операции. Они, тем не менее, считают себя серьезными консулами и ужасно любят при всяком случае и даже без малейшего к тому повода отписать коллегам или властям отношениеноту за номером и на консульском бланке.

С этими представителями держав подчас случаются комические недоразумения. Так, один консул какой-то второстепенной державы совершенно позабыл, кого он собственно из себя изображает. На вопрос штатного коллеги о здоровье его суверена, несерьезный консул ответил, что, благодарение Богу, «обе королевы» обретаются в вожделенном здравии.

Мингер этот, очевидно, перепутал, он вспомнил лишь одно — что он собственно голландец и что, вследствие сего, никакого «короля» у него нет, а имеются две королевы, большая и маленькая.

Другой представитель на чей-то вопрос, будет ли его суверен участвовать в маневрах в Германии, с видимою растерянностью ответил: «Суверен? Да у нас вроде короля нет, у нас республика». Картина! Оказалось, что гость спутал и попал к представителю Швейцарии, будучи вполне убежден, что имеет дело с датским консулом.

* В своей тарелке (*фр.*).

** Из стихотворения «Иностранке» А.С. Хомякова (1804—1860), русского религиозного мыслителя и поэта.

Ошибка, впрочем, вполне извинительная, ибо обнаружилось, что Дания вплотную граничит с Швейцарией и даже с Португалией, так как конторы представителей этих держав друг с другом соприкасаются. Государственную границу между ними образуют лишь деревянные перегородки, чему, конечно, нас в Европе не обучали.

Консулы-негоцианты тем не менее поставлены на одну доску со штатными представителями европейских держав. Колониальное управление не делает никакого различия между теми и другими. Но мы, серьезные, это различие соблюдаем.

Глава III

*Общественная жизнь в Батавии. — Receptiedagen. —
Приемы у генерал-губернатора. — Клубы. — Концерты. — Театр. —
Отели вообще и Hotel des Indes в частности. — Жизнь в отелях. —
Reistafel, обеды, тропические фрукты.*

Приемов и обедов запросто, как у нас, здесь не существует; все совершается весьма чинно, торжественно и носит отпечаток самой гнетущей скуки. Общество, состоящее из чиновников, военных и негоциантов, принимает в известные дни, неизменно от 7 до 8 ч. вечера, именуемые receptiedagen*, список которым в конце каждого месяца, в виде прибавления, рассылается абонентам трех главных здешних газет *Java Bode*, *Bataviaasch Nieuwsblad* и *Bat. Handelsblad*. Из списка этого вы увидите, что мингер и мефрау ван А., например, принимают каждый первый понедельник каждого месяца, тогда как семейство ван Б. открывают свои гостеприимные — не двери, а веранды — каждые 1-й и 4-й четверг. К мингеру же ван В. можно попасть только раз, например, 15 числа.

Все это довольно сложно, тем более, что приемы эти, и без того редкие, часто отменяются, вследствие чего приходится откладывать на целый месяц визит, который предполагалось совершить сегодня или завтра. Выходит огромная путаница и не менее значительная потеря времени, так как более одного визита в один и тот же вечер сделать нельзя, при условии, как здесь принято, просидеть непременно целый час, от 7 до 8 часов.

Receptiedagen всегда банальны, натянуты и официальны. Дамы сидят одесную, мужчины — ошую. Иногда удается присесть на какой-нибудь качалке, большую же частью приходится стоять, когда много народа и receptie bat son plein**. Мужчины стоят группами, усиленно дымят сигарами и истребляют невероятные количества воды со льдом, неизбежного whisky and soda***, или портвейну. В большом употреблении также минеральная вода Apollinaris, называемая малайцами аует wlanda**** — голландскою водой.

* Приемные дни (голл.).

** Прием в самом разгаре (фр.).

*** Виски с содовой водой (англ.).

**** Правильно: blanda — Голландия, голландский (мал.).

Голландцы, кроме того, перед обедом выпивают еще рюмку национального напитка — можжевелевой водки (jenever), которая до того распространена, что даже в отелях подается обязательно и притом без специальной за то платы.

Если *receptie* сама по себе невообразимо скучна, зато внешний вид такого приема с улицы чрезвычайно эффектный. Дома-дачи с мраморными лестницами и таким же полом на веранде, утопающей в зелени экзотических растений и ослепительно освещенной, масса разодетых женщин — а они одеваются здесь со вкусом, слуги-малайцы, бесшумно снующие среди гостей с угощениями, громкий говор,двигающиеся группы — все это живописно, и издали получается иллюзия, будто в этом залитом огнями нарядном доме дается бал, или хозяева справляют какой-то семейный праздник. Но это только так кажется, на самом же деле происходит лишь обыкновенная и банальная *receptie*. В 8 с половиной часов огни везде тушатся, и все снова погружается в непроясненный мрак.

Голландцы между собою, однако, видятся и вне «рецепций» и даже, как меня уверяют, иной раз друг у друга обедают более или менее запросто. Они замкнуты и необщительны только в отношении к иностранцам, которых недолюбливают и держат в стороне, а *distance*.

Да и то сказать — что может быть общего, напр., между иностранными представителями, которые в большинстве случаев, смотрят на свое пребывание в Батавии как на ссылку, и между голландскими чиновниками или индо-голландцами, которые на малейшее критическое отношение наше к здешней жизни, к здешним условиям и порядкам смотрят как на лично им наносимое оскорбление. Точек соприкосновения между нами нет, и мы друг друга не понимаем. Представления, понятия и потребности этого индо-голландского общества ограничены. Они, в большинстве случаев, восторгаются решительно всем, не исключая даже климата своей тропической Голландии. Лучше Явы нигде ничего не существует, и если вы Явы не одобряете, то вы — варвар и недостойны выпавшего на вашу долю счастья лежать по целым часам с босыми ногами на веранде в кресле-качалке, в весьма примитивном костюме, и иметь вокруг себя целую ораву пряничного цвета служителей, которые исполняют все ваши повеления, угадывают все ваши желания и даже предупреждают необходимость для вас совершить лишнее движение при этой банной температуре. Какой-нибудь голландский подпоручик, у себя дома, в неприветливой и дорогой Голландии, теснившийся в крохотной комнатке, без денщика, и живший впроголодь, здесь, в Индии, получает 150 и более гульденов содержания в месяц, держит экипаж и верховых лошадей, имеет 2-3 денщиков, занимает не каморку, а более чем приличную квартиру, притом же казенную, следовательно, даровую, и существует припеваючи, в достатке, о котором его подпоручичье воображение в сырой Голландии и мечтать не осмеливалось. На родине он едва сводил концы с концами, на мизер-

ном содержании, здесь тот же офицерик живет на капитанском положении и быстро поправляется, если, конечно, не умирает от дизентерии или малярии.

Точно так же хорошо, даже роскошно, обставлены в материальном отношении и чиновники гражданского ведомства. Самый мелкий чиновник начинает здесь со ста гульденов в месяц, по меньшей мере, и быстро достигает окладов по 500 и 600 гульденов в месяц, высшие чиновники получают от 18 до 36 тысяч гульденов в год. Начинают они службу в Индии рано, 19-20-ти лет, а для получения полной пенсии обязаны прослужить 20 лет, которые им считаются за 40 лет. Таким образом, голландцы, по достижении 45-летнего возраста, т.е. еще в полном цвете сил, часто уже кончают в Индии свою служебную карьеру и возвращаются на родину со значительною пенсией, или же, что случается очень часто, навеки поселяются в Индии, от которой никак оторваться не могут — не влечет их ничто в «холодную» Европу, где все им кажется тесно, узко и мизерно после широкой обстановки в Индии.

Вот что возражали мне голландцы, когда я выражал робкое мнение, что в Европе все-таки лучше.

Конечно, условия существования в Индии весьма привлекательны для голландских чиновников и офицеров. Жить можно, и даже роскошнее, чем в Европе, но ведь не следует забывать, что те же резиденты, контролеры, члены трибунала, те же полковники и генералы, получающие в год целые состояния, наотрез отказались бы от Индии и ее прелестей, если бы могли ограничиваться в Европе хоть половиною того содержания, которое им отпускается именно ввиду того, что здесь не Голландия, а Индия, с климатом, если не прямо убийственным, то, во всяком случае, расшатывающим весь организм европейца. Надо же человека вознаградить за то, чего он лишается, покинув Европу, и за то, чего он ни за какие деньги не может сохранить под коварным Тропиком Козерога, т.е. здоровья.

Нет, все доводы голландцев в пользу службы в Индии несколько меня не убеждают, и я остаюсь при своем отдельном мнении, которое резюмирую так: я предпочитаю 3000 гульденов где-нибудь в Дрездене, чем 18 тысяч в Батавии, в силу принципа, что лучше иметь маленький деревянный домик у себя на родине, чем большую каменную болезнь в местах отдаленных.

Общественных учреждений в Батавии немного. Два клуба, правда, роскошные, великолепно обставленные, снабженные сотнями газет и журналов. Это — *Harmonie*, городской клуб, и *Concordia* — для военных. Последний считается особенно элегантным. Он помещается на обширной *Waterlooplein*, второй по размерам площади в городе, в изящном и обширном помещении. В саду играет прекрасная батальонная музыка штаба войск, расположенных в Батавии. Сад чудесный, простора и воздуха много, так что по вечерам здесь даже прохладно, и можно с удовольствием провести время от 9 до 11 часов, слушая разно-

образный репертуар военного оркестра, который иногда исполняет попури и увертюру «Жизни за Царя» и вообще отличается прекрасным ансамблем и выбором музыкальных пьес.

В саду Concordia, по субботам вечером, собирается самая избранная публика Батавии; от 9 до 11 часов, и позже, группы мужчин и разодетых дам оживленно гуляют по аллеям или сидят за круглыми столиками в ярко освещенном саду. При виде этой обстановки и исключительно европейской публики, можно подумать, что сидишь где-нибудь в Европе — скорее всего в Ницце или Villa Nazionale в Неаполе, где так же над публикою склоняются развесистые пальмы и другие тропические растения.

Но рецепциями, да еженедельными концертами в Harmonie и в Concordia исчерпываются все общественные увеселения Батавии. Это весьма немного, особенно, если из этого списка вычеркнуть скучнейшие рецепции.

Театр в расчет не входит. Здание театра существует и притом постройка довольно изящная по своему внешнему виду, с открытыми галереями, выходящими на улицу. Но театр обыкновенно пустует. Прежде бывала весьма порядочная итальянская опера и французская оперетка, но вот уже несколько лет, как не показываются сюда ни французы, ни итальянцы, ибо забава эта обходится слишком дорого. После убытков, причиненных лет 10 тому назад сахарным кризисом, очень многие негоцианты и плантаторы разорились и все ныне жалуются на скуку в Батавии, на отсутствие, как в прежние годы, роскошных балов, обедов и пр.

После сахарного и иных крахов, лишних капиталов на оперу и оперетку не оказывается, и публика довольствуется случайными нашествиями, из Сингапура, труппы английской оперетки Willard'a. Но что это за оперетка, что за исполнение! Надо видеть самому, чтобы понять, напр., и то не сразу, что дают m-me Angôt, а не какой-нибудь английский фарс с музыкой и танцами. Танцы — неизбежный спутник всякой чисто английской оперетки; *pas de deux*, *pas de quatre**, голландская *gigue*** чередуются с пением, и должно отдать справедливость стыдливым дочерям Альбиона: поют они, как кошки, зато канканируют не хуже французенок. Это скорее балаганное, чем театральное представление.

В театре, впрочем, даны были любителями из общества в Батавии две серьезные оперы — «Миньона» и «Фауст», и притом весьма недурно во всех отношениях. Нынешнею зимою предполагают поставить *La Navarraise* и *Lakmé****, — благо, успех первых двух начинаний превзо-

* Па-де-де, па-де-катр (*фр.*) — названия танцев.

** Джига (*фр.*).

*** Оперы — «Миньон» фр. композитора А. Тома, «Фауст» фр. композитора Ш. Гуно, «Наварронка» фр. композитора Ж.Массне и «Лакме» фр. композитора Л. Делиба.

шел самые смелые ожидания как устроителей, так и публики, относившейся на первых порах с весьма естественным недоверием к сценическим талантам своих доморощенных и импровизированных исполнителей.

Каждый месяц дня на два, на три, приезжает сюда генерал-губернатор Нидерландской Индии, который живет в полутора часах расстояния от Батавии, в более свежем Бейтензорге. Он дает аудиенции по утрам, а вечером у него происходят реценции. Раза три в год генерал-губернатор дает большой бал, а 31 августа, в день тезоименитства молодой королевы, он утром принимает поздравления иностранных представителей и властей, которые затем, в 8 часов, в мундирах присутствуют на парадном обеде. Вот и все, что представляет Батавия. Увеселений, как видите, немного. Голландцы, вообще, вследствие грузности своей натуры избегают всякого не абсолютно необходимого действия или передвижения; спорту не предаются, в игры, излюбленные англичанами, не играют, или до последнего времени не играли. Лишь недавно и голландцы завели на Koningsplein'e свой клуб для тенниса, крокета и гольфа, в подражание и для соревнования с англичанами, которые ежедневно и с увлечением упражняются, игнорируя банную атмосферу Батавии. Англичане, впрочем, на этот счет молодцы; они весь век свой, где бы ни находились, сохраняют свои английские привычки и проделывают в знойной Индии то, что привыкли совершать у себя дома, под небом туманного Альбиона, и притом в самую жаркую пору дня. Так, я видел в Суэце англичан и англичанок, которые под палящим, убийственным солнцем преспокойно и с убеждением упражнялись игрой в теннис.

От голландцев такого, в сущности, неразумного для здешнего климата, препровождения времени ожидать нельзя; они вообще критикуют систему жизни англичан в тропиках и утверждают, что их, голландская, метода жить и держать себя в жарком климате благоразумнее и дает лучшие результаты. Англичане, со своей стороны, не одобряют голландцев за их неподвижность и, в особенности, шокируются костюмом мужчин и дам, считая оный неприличным и *debraille**, в чем не могу с ними не согласиться. С голландцами здешние англичане не сходятся и встречаются только на реценциях, да на теннис-ground'e**. Они составляют отдельную группу, часто обедают друг у друга и благосклоннее голландцев относятся к иностранцам, которых принимают радушно. Здешние англичане большею частию люди богатые; это — негоцианты или директора банков Chartered Bank и Hongkong and Shanghai Banking Corporation. Живут они роскошно, имея даровое помещение, экипаж и лошадей от банка, получая огромное содержание и, в придачу к нему, значительные проценты с совершаемых ими банковых операций.

* Неряшливый (*фр.*).

** Корт (*англ.*).

Кормят они великолепными обедами, так как содержат поваров-китайцев, платят им по 100 гульденов в месяц и более, а китайцы, как известно, недаром славятся отличными поварами. Но китайскую прислугу в Батавии можно найти исключительно лишь в домах английских *princes de la finance*^{*}, которые пользуются этою привилегиею потому, что имеют в главнейших китайских портах свои банкирские конторы и совершают в Китае огромные торговые операции.

Вообще же, в Батавии китайцы никогда не выступают в роли прислуги. Они, после белых, считают себя первенствующею расою, ставят и держат себя выше *inlanders*^{**} — малайцев и арабов. Китайский «майор» в Батавии, начальствующее над всеми китайцами лицо в городе, разрешает своим соотечественникам исключительно одну лишь профессию — торговлю.

«Майор» и китайские крупные коммерсанты отправляют обратно на свой счет на родину тех из сынов Неба, которые не имеют здесь средств к существованию, но ни в каком случае не разрешают им поступить в услужение к европейцам. Этим они соблюдают свое достоинство и свой престиж в отношении к туземному населению, которое действительно смотрит на китайцев, как на людей, занимающих первое после европейцев общественное положение и принадлежность к привилегированной категории лиц, которые носят обувь.

Средоточие элегантной жизни в Батавии составляет огромный, печального вида и запущенный, пустырь в одну квадратную версту, *Koningsplein* (Королевская площадь) или, по-малайски, Гамбир, в память еще недавно росшего здесь *гамбира* (растения, дающего красильное вещество). Пустырь с болотистою подпочвою, по которой утром и вечером стелется белесоватый сырой туман — излюбленное местожительство батавских *princes de la finance* и высшей административной знати. По всем четырем сторонам этой степи расположены элегантные виллы-особняки, утопающие в зелени. Квартиры здесь очень дороги (цена за дом — от 300 до 400 гульденов в месяц), так что доступны не всякому. А между тем всякий голландец или индо-голландец стремится нанять помещение именно на *Koningsplein*'e, так как это составляет *le chic supreme*^{***} и в то же время тотчас же ясно для всех выясняет средства и общественное положение избранника, удостоившегося такой чести. *Ambtenar*, — чиновник, дослужившийся до месячного оклада в 1000-1200 гульденов, немедленно заявляет о совершившемся факте своего служебного повышения переселением на *Koningsplein*, где расположены палаццо генерал-губернатора, роскошный дом резидента Батавии, музей и дома высших чинов администрации, советни-

* Финансовых воротил (*фр.*).

** Туземцев (*голл.*).

*** Высший шик (*фр.*).

ков, т.е. членов совета Индии с титулом *Edle Heer**, пользующихся привилегиею носить шляпу-цилиндр, чего более низменным и скромным смертным не полагается.

Не постигаю только одного: за что так фанатически обитатели Батавии любят это пустопорожнее место, которое только тоску наводит своею обширностью и своим неблагоустройством? Что привлекает всех этих господ и что приковывает их к *Koningsplein*'у? Уверяют, что в душной Батавии — это самое прохладное место, что здесь постоянно продувает, благо, есть где разгуляться морскому бризу, который дует из Приока от 11 утра до 5 часов вечера. Может быть, это и правда, но несомненно также и то, что бывший Гамбир в дождливый сезон, т.е. чуть ли не на 6 месяцев в году, превращается в топкое болото, со зловредными испарениями и туманами, тогда как в сухую пору года это — вместилище непроглядной пыли, которая серым столбом стоит над площадью и всюду проникает. Притом же, вечером, т.е. тотчас по захождении солнца, после 6 часов, непроглядная тьма вступает в свои права и на необозримом *Koningsplein*'е, плохо освещенном, кажется еще чернее и еще более зловещею, чем где бы то ни было в Батавии.

Я только передаю первое свое впечатление, вынесенное мною из объезда вокруг этого элегантного центра, когда я делал свои визиты. Впрочем, и второе, и последующие впечатления не изменились позднее к лучшему; я еще и ныне остаюсь при своем мнении. Для меня, однако, было безразлично, где поместиться, так как я на первых порах, в виду акклиматизации, располагал поселиться не в Батавии, а в более отдаленном и свежем Бейтензоре. А пока приходилось существовать более или менее скверно, и скорее более, чем менее, в караван-сараях, пещере, трактире третьего разбора, что угодно, только никак не в гостинице, именуемой *Hotel des Indes* и имеющей ничем не оправдываемую претензию считаться первым отелем в Батавии.

Первым по величине и размерам — не спору, но в таком случае наш петербургский Гостиный двор еще больше и лучше, даже в отношении еды, так как подовые пироги, расстегаи, сайки с паюсной икрой и прочая гостинодворская снедь, продаваемая на лотках, есть чистейшая амброзия в сравнении с тою, не поддающеюся описанию и анализу, мерзостью, которою медленно, но систематически отравляют злополучных гостей в *Hotel des Indes*.

Кратковременное, к счастью, пребывание мое в этой перворазрядной разбойничьей пещере составляет незабвенную и весьма печальную страничку моего дебюта в Индии и заслуживает описания, для примера и острастки других туристов, которых судьба-мачеха занесет в эту негостеприимную страну обезьян и малярий.

Так называемый *Hotel des Indes* по внешнему виду производит довольно симпатичное впечатление. Вокруг центрального двухэтажного

* Дворянин (голл.).

павильона расположены длинные флигели, соединенные между собою крытыми галереями. Лестницы и настилка веранд мраморные. Выстлан белым мрамором также и пол громадного столового зала, по размерам своим напоминающего своего рода маленький Koningsplein. Но вот и все. Во внутренние помещения лучше и не заглядывать. Мне же пришлось три месяца прожить в этих тесных, низеньких и до невозможности душных каморках, меблированных самым примитивным образом: посреди комнаты монументальная, широчайшая кровать под кисейным пологом, в защиту от комаров, шкаф полуразвалившийся, в котором весело и нахально прыгали жирные и вонючие коричневые тараканы и взапуски гонялись за мошками и комарами проворные серо-зеленые ящерицы; умывальный стол, ширма для платья, столик, два кресла и неизбежная, неизмеримо глубокая и широкая качалка, в недрах которой здесь голландцы проводят, среди тупого созерцания своих необутых ног, три четверти своего существования. Комфорта никакого, прислуги не дозовешься, кормление отвратительное, дороговизна, даже прямо эксплуатация, возмутительная, и притом непостижимо, на что уходит уйма денег, так как осязаемого результата подобного существования не получается и *vous n'en avez point pour votre argent**.

Но то ли еще будет впереди! Впрочем, я ко всему приговорен, знаю и с каждым днем и часом, увы! все сильнее сознаю и понимаю, что здесь не Европа и что об Европе надо перестать и думать на долгое, долгое время. Сравнивать то, что есть в данную минуту, с тем, чего лишился, не годится; это только раздражает и не способствует примирению с окружающею средою, с которой простое благоразумие требует примириться так или иначе в своем же интересе, так как иначе поступить нельзя. Я и начал с того, что стал применяться к местности и примиряться с обстановкой и условиями своей новой жизни. Я примирился — не сразу, конечно, — даже со своею необъятною постелью, размерами в одну или полторы квадратных сажень, на которой свободно могло поместиться четверо, с тюфяком, который, казалось, был набит орехами, до того он был жесткий, с ящерицами, сновавшими по стенам и потолку, с муравьями, тараканами, но не с меню *Hotel des Indes* — это последнее усилие было выше моих сил. Маленькие зоркие ящерицы были забавны, когда они, с быстротою молнии, с писком устремлялись на свою добычу — мошек и комаров. Они совершенно безобидны и редко попадают в суп, что, впрочем, безразлично, так как здешних супов все равно есть нельзя. Их не преследуют и не истребляют: убивать *титьяка*** малайцы считают грехом и уверяют, что это приносит несчастье.

Несравненно хуже и гораздо менее безобидны иного сорта крупные ящерицы — буро-желтого цвета, с икрою, с капюшоном и длинным

* Вы ничего не получаете за свои деньги (*фр.*).

** *Чичак* (*мал.*).

хвостом, называемые *токей* и *гекко*. Ящерицы эти имеют вид свирепый и напоминают собою геральдического зверя. Они, впрочем, больше живут на высоких раскидистых *Waringin*, деревьях из семейства *ficus indica*, по одному роскошному экземпляру которых имеется во дворах отелей и перед домами европейских и туземных грандов. Это «благородное» дерево действительно представляет собою эффектный экземпляр тропической флоры.

Но *токей* не вечно сидит на недостигаемой высоте своего *варингина*, он иногда прогуливается и посещает жилые помещения сквозь настежь открытые двери и расщелины ставень. Весьма неприятно и небезопасно получить на голову или на обнаженную руку или ногу такого зверя, когда он внезапно сваливается на вас с потолка. Прикосновение его производит ощущение ожога, да кроме того, ящерица, снабженная присасывающим аппаратом с клапанами, плотно, как банка, прилегает к телу и кусает при малейшей попытке отцепить ее.

Операцию эту так же не легко проделать, как не легко оттолкнуть от себя бульдога, который ухватился за ваши икры. Лучше всего ожидать, пока *токей* сам не изволит вас выпустить, а пока — ограничиваться созерцанием этого застывшего на вашем теле уродца, с его щетиной и круглыми злыми глазами.

Токей, когда он не сидит у вас на голове, или когда он не прилип к вашей руке — весьма оригинальное и забавное животное. Он явственно и внятно произносит раз восемь подряд звуки «ток-кей», «ток-кей» или же «гек-ко», «гек-ко», вследствие чего и получил свое наименование. Но выкрикивает он свое имя не сразу, а сперва готовится к этому торжественному действию. Он прелюдирует каким-то хриплым шипением, точь-в-точь как заржавевший механизм часов, которые готовятся к бою; затем уже рекомендует себя словами «ток-кей» и, наконец кончает пресмешным и очень благодушным кряхтением, как бы выражающим полное удовольствие и удовлетворение человека, исполнившего свою обязанность и собирающегося отдохнуть.

Престранная эта страна — Ява. Птиц певчих здесь почти не существует, зато некоторые птицы, как например, *бео*, говорят и притом произносят слово лучше и гораздо явственнее, чем попугаи. Ящерицы здесь или пищат, как мыши, или произносят членораздельные звуки; насекомые принимают совершенно необычайную и неправдоподобную форму древесного стебелька или листа: перед вашими изумленными глазами лежит на столе то, что вы на первых порах готовы признать за дубовый лист. Но всмотритесь внимательнее — зеленый листик этот с жилками, как у заправского листа, начинает самостоятельно двигаться и ползать. На суженной к стеблю оконечности его вы явственно различаете маленькое утолщение с усиками — это голова. Лапки скрыты под зеленою оболочкой, и надо этот, *soi-disant**, лист перевернуть, чтобы

* Так называемый (*фр.*).

различить с внутренней стороны две или три пары ног. Словом, перед вами не растительный продукт, а живой индивидуум, принадлежащий к животному царству. Дарвин и натуралист Wallace* объясняют нам это любопытное явление природы тем, что оно вызвано потребностью некоторых, более беззащитных особей растительного и животного царств оградить себя возможно полной ассимиляцией с окружающей их средой от нападений их естественных врагов. Это — проявление все той же вечной борьбы, именуемой борьбою за существование. Насекомое, принявшее форму древесного стебля или листа, почти невозможно отличить среди листьев от настоящего листа, что, конечно, в высокой степени способствует ограждению его от нападения.

Далее, яванские кошки имеют, по большей части, вместо приличного хвоста какой-то жалкий и бесформенный обрубок, да еще с узлом на конце, точно они что-то очень важное забыли, завязали себе на хвосте узелок и тщетно силятся припомнить.

Самое опасное и свирепое животное в Нидерландской Индии не крокодил, не носорог и даже не тигр, вопреки всеобщему распространенному представлению: это просто дикий бык, живущий в лесных и горных дебрях. Охота на него гораздо рискованнее, чем на тигра, который перед диким быком обыкновенно пасует и чаще всего оканчивает свое существование у него на рогах.

Наконец, цветы здесь — орхидеи, flamboyants и пр. — растут на недостижимой высоте, на деревьях и почти все имеют один острый запах жасмина или японского мелати.

На деревьях растет шерсть, я именно говорю шерсть, а не хлопок, и именуется это растительное вещество *капок*.

Можно бы без конца привести еще массу подобных же любопытных аномалий и странностей игры природы, но всего не перечтешь, да могу и напутать, ибо ботанике и естественным наукам нас в Пажеском корпусе не обучали, а сам я впоследствии не догадался пополнить этот пробел.

Кормят в отеле четыре раза в день в изобилии, но из рук вон плохо. Утром подается чай или кофе с холодной закуской. Кофе здесь готовится особенным способом: молотый кофе сыпается в жестяную кофейницу и поверх кофе медленно наливается холодная вода, слегка соленая; по мере того как вода через кофе и решето просачивается, доливают водою, и таким образом получается чрезвычайно сгущенный и крепкий кофейный экстракт, которого достаточно налить в чашку 2 кофейных ложки, а остальное добавить кипятком или молоком.

Но самый замечательный из всех *geras*** — это *Reistafel****, который во всех отелях и во всех индо-голландских домах неизменно и ежедневно сервируют в 1 час ко второму завтраку.

* Алфред Рассел Уоллес (1823—1913), английский зоолог.

** Прием пищи (*фр.*).

*** Рисовый стол (*голл.*).

Reistafel, бесспорно, учреждение оригинальное, в *couleur locale* ему отказать нельзя, но европейцу это рисовое кормление с препятствиями не по желудку. Очень уж оно сложно и остро, благодаря бесчисленным и разнообразным приправам, которые подаются к рису, дабы придать ему хоть несколько вкуса. Это здесь тем более необходимо, что рис варится не в воде, а сухим способом на пару, что окончательно отнимает у него всякий вкус и делает его похожим на жеваную бумагу. Уверяют, кроме того, что в этом жарком климате желудок плохо и лениво переваривает пищу и что вследствие сего необходим возбуждающий *сoup de fouet**, что и достигается усиленным употреблением перца, соли и пр.

Как бы то ни было, Reistafel — операция весьма сложная и, притом не аппетитная. На глубокую суповую тарелку кладутся 2-3 огромных ложки сухого рису. Вы попиваете его мутно-желтою похлебкою с кэрри и капустными листьями, приправляете сладким *chutney*** (из фруктов манго с соей) и еще целым рядом приправ, подаваемых на блюдечках — одна забористее другой: сюда входят и огурцы с перцем, и пикули, и макаassarские золотые рыбки чрезвычайно острого вкуса, и еще 3-4 иные разновидности неопределенного свойства, но зато с таким определенным вкусом, что ваше нёбо и вся внутренность мгновенно начинают гореть, как в огне, и вы поспешно заливаете этот пожар вином или «голландскою водою» со льдом. Но до сих пор вы сыграли лишь только интродукцию к Reistafel, подготовили вашу порцию рису к восприятию в нее еще массы иных веществ; еще валите в кучу, все в ту же тарелку: во-первых, кур во всех видах — вареных, жареных, фри-касе с перцем, обугленных и истолченных в мелкий бурый порошок, хрустящий под зубами, лепешки из рыбы, яйца, жареные на кокосовом масле, золотых рыбок, жареные бананы и, вероятно, еще что-либо неподобающее. Все это смешивается в тарелке и уже в таком окончательном виде изображает пресловутый Reistafel. Финал составляет неизбежный бифштекс с жареным картофелем и фрукты. И это изо дня в день, без всякой вариации. Reistafel в час и отвратительный обед вечером в 8 1/2 часов.

Кур, бифштекса и холодного ростбифа с картофелем избежать нет возможности, и приходится с этим фактом примириться, да еще Бога благодарить, что хоть это есть можно, так как остальные блюда индо-голландского стола просто невозможны. Достаточно, например, указать на следующую, уму непостижимую, комбинацию: сосиски с жареными ананасами, соус к ним сладкий с корицею, а в виде добавления подаются красная шинкованная капуста и — опять картофель. Картофель здесь сервируют раз 5-6 в течение обеда; нет такого блюда, к которому бы он не подавался. Очень дико также, например, что спаржа подается с тол-

* Встряска (*фр.*).

** Кэрри (карри) и *чатни* — индийские приправы.

ченою корицей и утиными яйцами вкрутую! Но уже приведенных примеров более чем достаточно, чтобы получить ясное и весьма печальное представление о том, каково приходится европейцу, непривычному к подобным странностям индо-голландского кулинарного искусства.

Встаешь из-за стола голодный, а впереди — завтра, послезавтра, постоянно имеется в виду все то же отвратительное питание, к которому с убеждением применяю удачный термин, придуманный австрийцами, именно для такого рода кулинарных произведений: они именуют это *Schlangenfress**. Некрасиво, да метко.

К завтраку дамы являются в своем неприличном *sarong'e* и в *кабайе* (кофте), с босыми ногами. Эти ряды грязных голых пяток и шлепающих туфель под столом, впрочем, вполне гармонируют с тою неопрятною снедью, которая подается на стол — одно к одному.

Раз уж я распространился о разновидностях здешней еды — а это все-таки небезынтересно, как бытовая картинка — скажу тут же, чтобы более к этому предмету не возвращаться, что такое тропические фрукты и какими свойствами и вкусом они обладают.

Все эти экзотические плоды — а я успел все-таки ознакомиться почти со всеми сортами их — не только не выдерживают никакого, даже самого снисходительного, сравнения, с хорошою грушей, не говоря уже о более благородном персике, но они на мой вкус хуже самого простого яблока.

С бананами читатель, полагаю, знаком, а если нет, он может приобрести несколько экземпляров у Елисеева, по 15-20 копеек за штуку, и петербургские бананы окажутся не хуже индо-голландских, с их ароматом и вкусом несколько перебродившего кольд-крема. Точно так же губную помаду напоминает уродливая, на подобие еловой шишки, *буанонна* (дамский фрукт), мясистый, кисленький и приторный. Бананы здесь самый обычный фрукт, их до 40 сортов и существуют они круглый год, за что я им, впрочем, нимало не признателен. Прибавлю еще, что голландцы едят бананы вместе с сыром. Это на первый взгляд кажется дико, но на самом деле не хуже огурцов с патокою или сырой ветчины со свежими смоквами, которыми наслаждаются итальянцы.

Есть оригинальный сорт дынь, которые без стебля, будто на коротенькой бечевке, растут на деревьях. Это *Carica papaya* — фрукт очень здоровый, ибо включает в себе пепсин, вещество, по преимуществу, способствующее пищеварению. Внутри папайи масса черно-зеленых зерен; они по внешнему виду чрезвычайно похожи на свежую зернистую икру, но вкусом напоминают цветок настурции.

Деликатесом, не ведаю почему, считается *сау-манилла* (*sau-manilla*). Это весьма некрасивый фрукт, величиною и видом с крупную картофелину и с такою же серо-коричневою кожей. Внутренность мягкая, приторно сладкая и представляет бурого цвета помаду, точь-в-точь как у

* Дословно: змеиный корм (нем.).

груш, называемых *poires blettes**. Кто такие груши одобряет, тот оценит и *сау-манилу*.

Недурны непритязательного вида желтенькие шарики *дуку*. Я потому их люблю, что они вкусом напоминают виноград, и если закрыть глаза, то на короткое мгновение получается иллюзия, будто вы сидите за столом не в Батавии, а где-нибудь, в сезон винограда, в Меране, или в Швейцарии. За подобный «нас возвышающий обман» приношу симпатичному шарiku *дуку* живейшую свою признательность.

Не могу отнестись с теми же чувствами к зловредному *дурьяну*, который я, хотя и не без усилия над собою, принудил себя отведать. Но всего один раз — *et je n'y reviendrai plus*** . *Дурьян* до того сильно и скверно пахнет, скажем просто — воняет, что его ни в каком порядочном доме, даже в отелях в Батавии не только не подают на стол, но и во внутренние помещения не пускают. В сезон *дурьяна* зловоние от него так и стоит в воздухе и заглушает своею интенсивностью все остальные *triples extraits de Java*. Чтобы *дурьяна* отведать, надо самому купить на базаре этот уродливый удлинённый цилиндр желто-зеленого цвета, усеянный по толстой коже крупными бородавками с комочками. Еще не разрезанный, он уже оскорбляет обоняние сочетанием самых удивительных запахов: пахнет он одновременно и залежавшимся лимбургским сыром и более чем несвежею говядиной. Я не преувеличиваю ни мало, для пикантности и красного словца — я ограничиваюсь лишь тем, что констатирую природную пикантность этого злокачественного продукта. Внутри *дурьяна* густою массой, словно масло, лежит помада, вкус которой, однако, против всякого ожидания, оказывается несколько приличнее его запаха. Но все-таки скверно, от него стошнить может. А, между тем, есть люди, которые *дурьян* ставят превыше всех иных тропических фруктов. Какой-то англичанин-натуралист даже до того увлекается *дурьяном*, что советует нарочно совершить путешествие в тропики с тем, чтоб этого «божественного» плода отведать.

Жаль, что Макс Нордау, автор «Вырождения», не был знаком с этим англичанином. Он не преминул бы занести его в разряд индивидуумов, одержимых специальным извращением вкуса и обоняния.

Чтобы покончить с категорией тропических плодов, назову еще манго, с терпким вкусом скипидара, к которому, однако, можно скоро привыкнуть; *мангистан****, с его вкусными сочными мясистыми зернами аппетитно-белого цвета; *рамбутан* — в его красивой красной оболочке, наподобие каштана, и схожий вкусом с *мангистаном*; наконец ананас, которого, однако, надо остерегаться, так как излишнее его употребление вызывает острое и упорное расстройство пищеварительных органов.

* Перезрелые груши (*фр.*).

** Здесь и больше не стал этого делать (*фр.*).

*** *Мангостан*.

Глава IV

*Батавия в XVII и XVIII столетиях. – Остатки старины. –
Картинки нравов 200 лет тому назад – Бал у генерал-губернатора. –
Придворный этикет. – Температура и климат в Нидерландской Индии.*

В начале XVII столетия, на месте нынешней старой Батавии, в туземном государстве Якатра существовала лишь голландская фактория, окруженная весьма незамысловатыми поселениями голландских резидентов, администраторов Ост-Индской компании и купцов. В 1614 году генерал-губернатор Питер Бот задумал построить здесь город, и первые постройки сделаны были в 1619 году. Но честь основания Батавии неблагоприятное и несправедливое к памяти Бота потомство почему-то приписывает не ему, а четвертому по счету генерал-губернатору, Яну Питеру Куну*, который, в costume XVII века, с мантией и развивающимся на шляпе пером, и увековечен в виде бронзового изображения на Waterlooplein'e перед зданием различных департаментов (юстиции, финансов и проч.), построенным знаменитым в наполеоновские времена генерал-губернатором маршалом Дандельсом.

Созданию своему Кун сперва дал имя Нью-Гоорна, в память своего родного города, но по распоряжению Ост-Индской компании новое поселение официально получило наименование Батавии**.

Еще в 1611 году туземный принц и правитель Якатры уступил за 3000 гульденов тогдашнему генерал-губернатору Боту участок земли на берегу речки Чиливонг. Голландцы тотчас расширили свою факторию и укрепили ее фортом с 4 бастионами. Они построили также ратушу. Юная Батавия на первых порах подвергалась частым нападениям со стороны туземцев, что, впрочем, повело лишь к расширению ее первоначальной территории, и голландцы возвели значительные постройки на обоих берегах речки. Поселение стало получать все более городской вид, притом типами домов и массою каналов и gracht (оврагов) оно напоминало именно голландский город. Это было весьма непрактично при тропиче-

* Полное имя — Ян Питерсзоон Кун.

** Германское племя батавов считается родоначальником нынешних голландцев.

ской жары в Индии и при убийственном в то время климате Батавии. Дома были двухэтажные и образовали правильные улицы, что сохранилось и до сего дня в старой Батавии, тогда как в новых кварталах в Weltevreden'e, всюду разбросаны низенькие домики-особняки, окруженные садами. Такое расположение жилых помещений при здешних климатических условиях должно признать наиболее совершенным типом построек; самая разбросанность домов исключает всякую возможность чрезмерной скученности населения, что всегда безусловно вредно и даже опасно в жарких странах. Кроме того, система эта лучше всякой иной отвечает требованиям гигиены, и европейцы в Weltevreden'e, во всяком случае, имеют в своем распоряжении больше простора и воздуха, чем, например, жители Сайгона, Бомбея или Калькутты.

Столица Британской Индии, скажу кстати, буквально кишит людом (и каким!), так что на одну квадратную милю приходится от 100 до 140 тысяч человек.

Ничего подобного в старой и новой Батавии нет, несмотря на 120-тысячное население. Свободного пространства везде достаточно, и город с его огромными площадями, пустырями и широкими аллеями мало оживлен и скорее производит впечатление малонаселенного.

Но в былое время о просторе, воздухе, порядочной воде и вообще о гигиене городов и жилищ никто не заботился. Даже прославившиеся своею опрятностью голландцы жили в каких-то не домах, а амбарах и притом в знойной Индии продолжали жить по-голландски: кушали плотно и часто, выпивали основательно, налегая в особенности на пиво, эль и национальную можжевелевую водку (jenever). Сохранилось много преданий о добром старом времени. Добросовестный хроникер XVII века в Батавии, пастор Валентайн, тоном человека, убежденного, что именно так все и должно быть, рассказывает интересные подробности, часто пикантного свойства, о тогдашних нравах, порядках и житье-бытье своих соотечественников.

Голландские резиденты, сановники и купцы задыхались и изнемогали под своими суконными и бархатными костюмами с мантиями и часто жаловались на «головную боль». Еще бы! Они парадировали, еле передвигая ноги в тяжелых сапогах с раструбами, при шпагах с париками и треуголками на голове!

В часы досуга, освободясь от разных приемов, аудиенций, парадов и процессий, все эти сановники и бюргеры одинаково спешили поскорее разоблачиться, с наслаждением погружались в свои возлюбленные каналы и здесь, в мутной кирпичного цвета воде проводили по целым часам с чадами и домочадцами.

Валентайн повествует что сплошь и рядом в Батавии можно было видеть такого рода оригинальную бытовую картинку: сидят, например, мингер с мефрау в белых хламидах на стульях посреди *кали* (канала); перед ними стол, на котором расставлены кушанья и, конечно, масса бутылок; на столе стоят зажженные лампы, а вокруг развешены на ше-

стах фонари. Сидят бургеры в воде и благодушествуют, а туземные служители, тоже в воде и, вероятно, безо всяких хламид прислуживают им. Двойная цепь малайцев расставлена вверх и вниз по каналу. Люди эти были вооружены шестами и копьями и имели деликатное поручение наблюдать за тем, чтобы какой-нибудь беспутный крокодил не забрался невзначай в канал в неуказанное время, когда белые люди изволят кушать.

Словом, в Батавии в XVI и XVII столетиях делалось то же, что и ныне еще можно видеть в некоторых курортах, например в швейцарском Loueche les Bains, где «водяная публика» — мужчины и женщины — также по целым часам сидит в бассейнах, даже завтракают в воде и пьют aperitif, имея перед собою плавающие столики.

Понятно, что при таких условиях и подобном образе жизни цифра заболеваний и смертности среди голландцев 200 и даже 100 лет тому назад была ужасающая. Батавия вполне заслуживала данное ей прозвище «кладбища европейцев». В те отдаленные времена голландцы заботились исключительно лишь о расширении вглубь острова своих факторий. Они вели постоянные войны с туземными вождями, приобретали новые территории путем захватов и договоров, упрочивались на занятых местах, вели обширную и выгодную торговлю. Голландские резиденты и купцы, горсть смелых и предприимчивых людей, долго еще не считали себя в безопасности на занятой ими узкой береговой полосе, имея в тылу неведомый Hinterland* с многочисленным, в несколько миллионов, диким и воинственным населением. Они жили в чужой стороне, как на биваке, вечно настороже, поглощенные борьбой за существование, и не имели времени думать о том, чтоб это их пребывание в тропиках было обставлено условиями менее вредными для общественного здоровья.

Да и то сказать, на гигиену не обращали внимания даже в самых цивилизованных государствах Европы 200 лет тому назад. Стоит лишь прочесть любопытные монографии члена парижского Института Франклина (*l'Hygiene, la Médecine, la Cuisine, les Arts et Métiers dans l'Ancienne France* и пр.)**, где рассказывается, как нечистоплотны были даже дамы и кавалеры, составлявшие блистательный двор короля Людовика XIV.

До дренажа, канализации, артезианских колодцев и внешней благоустроенности городов голландцы в Индии додумались всего лишь во второй половине нынешнего столетия, а до этого времени они прожили двести лет в какой-то клоаке, среди трясин и стоячей воды, окруженные со всех сторон непроходимыми девственными лесами, в которых всякие дикие звери, даже тигры были нередки, как свидетельствует сохранившееся до сих дней в старой Батавии название Tjigersgracht (Тигровый овраг).

* Район, находящийся вдали от прибрежной полосы (нем.).

** «Гигиена, медицина, кухня, искусство и ремесла старой Франции» (фр.).

Расширение и благоустройство Батавии началось при генерал-губернаторе ван Димене в 1625-30 гг. Он даже завещал 40000 риксдальдеров на украшение города.

В начале XVIII века Батавия состояла из трех кварталов и все поселение имело лишь полторы мили в окружности. Город защищался фортом (Kasteel) и был окружен стеною в 20 футов высоты с бастионами и рвами. Всего считалось 27 батарей, господствовавших над городом и над окружающею местностью к югу, западу и востоку. К северу Батавия подходила к морю и не нуждалась в специальной защите.

Нынешняя Батавия состоит из старого торгового города, который собственно и есть Батавия *par excellence**, в отличие от новых кварталов (Weltevreden) и из предместий Крамат и Меестер-Корнелис, расположенных к югу, по направлению к Бейтензоргу. Расстояния между различными пунктами огромные; город раскинулся на ровной местности и рост его вширь не стеснен.

После всего, что я прочел о старой Батавии, мне было любопытно поближе ознакомиться с этим первоначальным ядром и исходным пунктом голландской оседлости на Яве. Я рассчитывал увидеть там сохранившиеся еще остатки древней Батавии — времен первых голландских поселенцев. Но ничего замечательного я не нашел, за исключением разве довольно монументальной, отштукатуренной в белую краску, триумфальной арки, по бокам которой на выступах стоят гипсовые, раскрашенные под бронзу, фигуры не то каких-то индийцев в латах и шлемах с перьями, не то португальских воинов, но с несомненным типом метисского происхождения. Далее, сохранилась бывшая португальская католическая церковь, обращенная в протестантскую кирку. В стене, ее окружающей, показывают еще замурованную в нее голову изменника Питера Эльберфельда, который в XVII веке был казнен по приказанию генерал-губернатора, за то, что из личной мести призвал туземцев к избиению голландского гарнизона. План Эльберфельда, к счастью, был открыт своевременно, и изменник поплатился головою.

Далее, на каком-то пустыре лежит на траве старая пушка, пользующаяся особым рода оригинальным почетом среди яванских женщин: бесплодные жены привешивают к ней лоскутки материи, фонарики, миниатюрные зонтики и иные еще более специальные *ex voto*** с целью испросить себе потомство у этой пушки. Такая же точно пушка существует еще где-то внутри страны, и предание уверяет, что рано или поздно эти две пушки сойдутся вместе и тогда наступит конец владычеству белых людей, пришедших из-за моря. Яванцы твердо убеждены, что этому суждено быть, что же касается белых людей, они весьма скептически относятся к этому туземному преданию и нисколько не стесняют паломничества к первой пушке.

* Преимущественно (*фр.*).

** Дословно «по обету», здесь: приношения (*лат.*).

Так называемый дворец генерал-губернаторов в Батавии имеет вид невзрачного, мизерного сарая; он выкрашен в цвет бычачьей крови с потрескавшейся от времени штукатуркой и с разьедаемыми сыростью и плесенью стенами. В нем ныне помещаются торговые агентства, конторы, склады пива, вина и пр.

Внутри дворец этот еще сохранил кое-какие следы своего прежнего назначения, но никак ни величия, ибо даже в лучшие времена своего существования этот жалкий амбар никоим образом не мог внушать представления, что здесь жили и принимали голландские резиденты, директоры Ост-Индской компании и генерал-губернаторы, получавшие огромные оклады содержания с неограниченными правами восточных деспотов. Деревянная лестница с некогда позолоченными перилами ведет во 2-й этаж с потускневшими потолками, кое-где еще видны золоченые розетки или целые венки из деревянных позолоченных листьев с орнаментами индийского стиля и с фигурами золотых Будд без голов или с одними головами без туловищ.

Все это невообразимо запущено и грязно, полы и лестницы не выметены, перила пошатнулись, ступеньки лестницы трещат под ногами. Обстановка контор и бюро в этом дворце, как и во всех вообще без исключения агентствах и даже в лучших банкирских конторах, не только самая элементарная с полным отсутствием комфорта, но можно прямо сказать — убогая и неприличная. Атмосфера затхлая, душная, всюду мерзость запустения; словом, до того непривлекательны все эти помещения, что надо лишь удивляться, каким это образом столь щепетильные и опрятные голландцы примиряются с подобною обстановкою и как они могут в таких клоаках ежедневно работать с 9 часов утра до 4 и 5 часов вечера без перерыва. Они тут же скверно завтракают наскоро, на хромых столиках с грязною скатертью, глотая принесенный из ресторана или из дома рис. И это изо дня в день в духоте и при температуре не менее 35° Цельсия!

Собственных экипажей в старой Батавии не видать. Купцы, агенты, маклеры и проч. разъезжают по городу по своим делам в *садо* (двухколесная таратайка) или же имеют своеобразный, специально для этих разъездов предназначенный экипаж. Это допотопного типа карета без дверей, с деревянными ставнями, именуемая паланкином. Тащат этот паланкин тощие одры с грязным и ободраным малайским кучером на козлах. Все это звенит, дребезжит на ходу, того и гляди рассыплется.

Да, невзыскательны и неприятны здешние дельцы. При виде этих мизерных и грязных контор и этих безобразных паланкинов можно подумать, что люди здесь занимаются подборанием на улице сигарных окурков, а уж никак не коммерческими сделками, достигающими в день на всю Батавию цифры нескольких миллионов гульденов!

Зато старая Батавия несомненно оригинальнее и оживленнее, чем элегантные, но вечно дремлющие новые кварталы в Weltevreden'e.

Массы *садо*, карет, пешеходов, европейцы, китайцы, малайцы постоянно и спешно снуют взад и вперед по широким улицам, окаймленным деревьями. Множество каналов пересекают город по всем направлениям. В китайских кварталах неуклюжие дома непосредственно, по-венециански, спускаются в бурую, почти густую, жидкость *кали* (каналов). Мосты и мостики самых разнообразных типов, каменные с горбом посредине, по-турецки, железные, разводные и деревянные переброшены через каналы, которые ведут к Приоку в море, и местами расширяются в бассейны для стоянки китайских и малайских плоскодонных барок, напоминающих своим грузным внешним видом наши петербургские барки на Фонтанке.

На каналах движение к морю и к *Weltevreden*'у этих туземных судов, нагруженных фруктами, овощами, рисом, кокосовыми орехами и проч., не прекращается ни днем, ни ночью.

Есть пункты весьма живописные, полные жизни, ярких красок и оригинальной *couleur locale*. Они так и просятся на полотно, но художников к сожалению, не имеется среди голландцев и, вообще, европейцев. Эти люди слишком заняты извлечением гульденов буквально в поте лица своего и никакими художествами не интересуются.

Я вернулся из своей экскурсии в старый город удовлетворенный тем, что мне все-таки удалось составить себе хотя бы некоторое представление о Батавии, каковою ее создали Питер Бот и ван Димен.

На другой день мне предстояло посетить бал во дворце генерал-губернатора, который с этою целью приехал всего на три дня из Бейтензорга со всем своим придворным штатом и даже парадными экипажами.

Дворец — не чета полуразвалившемуся сараю в старой Батавии; здание весьма легкой архитектуры, низенькое, но изящное, с греческим фронтоном и колоннадой и с мраморными лестницами, выходит парадным фасом на *Koningsplein*. Впереди кордегардии для почетной голландской стражи, а у самого дворца поставлены будки для часовых. Публика стала съезжаться, начиная с 8 с половиной часов, дабы быть в полном сборе к моменту выхода генерал-губернатора и его супруги. Приглашенных было до 500-600 лиц и съезд экипажей всех возможных типов представлял любопытное зрелище. Чрезвычайно эффектно выделялся своею белизною и ослепительным освещением самый дворец на черном фоне безлунной и беззвездной тропической ночи. Бал внес на несколько часов совершенно необычайное для сонной Батавии оживление и производил иллюзию, что все это нечто давно знакомое, не раз уже испытанное, и что это происходит в Европе. Но это так казалось только издали. В действительности общий эффект получался весьма иной: таких шоколадного цвета лакеев в ливрее, но с босыми ногами, неподвижно стоящих по ступеням лестницы, таких скуластых леди и джентльменов с пряничною окраскою лица в Европе ни на каком балу в таком изобилии встретить невозможно. Публика была мно-

гочисленная и трехцветная: белые, желтые и шоколадного цвета кавалеры и дамы выстроились в центральной «тронной» зале в ожидании выхода их высокопревосходительств. Вот ровно в 9 с половиной часов настежь распахнулись двери, ведущие из внутренних апартаментов, дежурные адъютанты зычным голосом крикнули на всю залу: «Zyne Excellentie de gouverneur generaal»*. Оркестр заиграл национальный гимн *Wilhelmus van Nassauwen***, и начальник края с супругой вышли к собравшимся гостям. Последовал всеобщий глубокий поклон. Затем генерал-губернатор и его жена приблизились к выставленным вперед более почетным гостям и обменялись с ними несколькими словами, подавая руку. Кавалеры низко кланялись, дамы приседали, почти ныряя в пространство от избытка усердия и почтительности. И те и другие сознавали, что все это весьма эффектно и торжественно и что они копируют придворный этикет в Гааге, хотя половина публики никогда в Гааге не бывала, а индо-голландские метисы не только не приглашаются ко двору, но нигде в Голландии даже в порядочные клубы не допускаются. «Набобов» эти цветные люди разыгрывают только здесь, у себя в Индии, в Голландии же хорошее общество тщательно и безразлично от них сторонится.

Но в Батавии, даже во дворце, они чувствовали себя в своей сфере, имели силу и значение и занимали видное место. В самом деле, чуть ли не больше половины всего общества в Батавии — представители смешанной индо-голландской расы, метисы, достигшие на гражданском и военном поприщах степеней значительных. Вот, например, проходит под руку с какою-то безобразною дамой цвета café au lait генерал-майор V. (ныне генерал-лейтенант и главнокомандующий всеми военными силами в Нидерландской Индии). Сам он метис, супруга его чистокровная яванка. За ним идут еще два генерала с такими же точно подружками жизни. Далее, следуют полковники, капитаны, чиновники гражданского ведомства — сами полуметисы — с женами, на счет происхождения которых не может быть никакого сомнения, даже для непривычного глаза иностранца, которому впервые приходится видеть подобный зверинец. Но здесь все эти цветные люди вполне равноправны с белыми, и цветной элемент в обществе давно уже перестал шокировать голландцев. Одни лишь англичане возмущаются и негодуют, видя цветных дам и шоколадных генералов и сановников. У них нигде ничего подобного не существует: белый человек среди всех этих презренных «niggers»*** должен держаться в стороне, на недосягаемом пьедестале, и смешанные браки между англичанами и туземками не допускаются ни под каким видом. Преступивший это правило порядочности англичанин тотчас нещадно и навсегда изгоняется из чопорного анг-

* Его превосходительство генерал-губернатор (голл.).

** В честь принца Нассауского Вильгельма I Оранского (1533—1584).

*** Пренебрежительно — негр (англ.).

лийского общества. А здесь таких «преступивших» три с половиною четверти всего голландского населения.

Англичане шокированы и жестоко критикуют голландскую распушенность. Голландцы, наоборот, утверждают, что их система широкой равноправности для белых и полубелых уже дала и продолжает давать прекрасные результаты. Они называют имена генералов, администраторов и иных общественных деятелей, обнаруживших выдающиеся способности. Кто прав — замкнутые англичане с их строгим делением на касты или более либеральные в этом направлении голландцы — разобрать и решить нелегко. Несомненно лишь то, что лет через сто при существующей здесь системе чистокровных голландцев окажется в Нидерландской Индии очень мало. Они будут заменены, но еще спрашивается — удачно ли, новою расой, для которой немногие еще уважающие себя и цвет своей кожи голландские последние могикане придумали презрительный, но чрезвычайно злой и меткий термин: *stenga anam* («половина шестого»). Действительно, трудно было более подходящим образом охарактеризовать этих дам и кавалеров: они не совсем черные, но и не белые, это еще не темная ночь, которая в тропиках начинается после 6 часов и не совсем сумерки — это нечто среднее, то, что французы называют *entre chien et loup**, день, склоняющийся уже к закату, что именно и происходит в здешней широте около половины шестого часа, за полчаса до наступления полного мрака.

Бал открылся полонезом в предшествии генерал-губернатора под руку с женою высшего по чину военного или гражданского сановника. Затем начались танцы. Все эти дамы *stenga anam*, разодетые в европейские платья, походили на ученых обезьян в цирке. Неповоротливые голландцы грузно кружились в медленном темпе вальса-бостон и танцевали вычурно, но тяжело, *pas de quatre* под звуки прекрасного балльного оркестра. Генерал-губернатор с супругою поместились на диване под портретом во весь рост покойного короля Вильгельма III и оттуда, окруженные избранными сановниками и сановницами, созерцали кружившуюся публику. В 11½ часов сервировали общий ужин, причем генерал-губернатор пригласил к своему столу в отдельной зале сливки общества.

Бал этот, непарадный, окончился в половине первого тем же церемониалом, как и при открытии.

Этикет, как видно из моего описания, соблюдается здесь строгий, придворный. Генерал-губернатор имеет свой штат адъютантов, дает аудиенции, которые испрашиваются письменно. Представляя собою в Индии особу королевы, генерал-губернатор никогда и никому не только сам визитов не делает, но даже высокопоставленным иностранным гостям и туристам, ему представленным, не отдает вовсе визита, хотя бы в форме присылки гостю своего адъютанта или просто визитной

* Дословно: между собакой и волком (*фр.*).

карточки. Это высокомерное отношение всех генерал-губернаторов вообще шокирует иностранцев, посещавших «двор» в Бейтензорге. По поводу неотдачи генерал-губернатором визитов неоднократно уже возникали препирательства и объяснения местных властей с иностранными консулами, которым их высокопоставленные соотечественники постоянно жалуются на оскорбительное для них игнорирование со стороны представителя высшей власти в Индии.

Но в танцевальной зале и во время приемов у себя во дворце генерал-губернатор и его супруга доступны для всех и каждого, имевшего честь быть представленным их высокопревосходительствам. Что касается нынешнего начальника края — юнкхеер* ван дер Вейк в высшей степени любезен, прост в обращении и даже радушен со своими гостями. Наружность его весьма представительная и интеллигентное оживленное лицо очень симпатично. Г. ван дер Вейк человек с выдающимися способностями администратора; он много работает, во все вникает, отличается редкою энергией и смело может быть причислен к разряду самых замечательных и видных управителей, каковых Нидерландская Индия давно не имела. Супруга его также милая и любезная особа, радушная хозяйка, ненавидящая стеснения этикета, ее окружающего, и мечтающая лишь об одном: как бы поскорее окончился срок службы мужа на этом посту (генерал-губернаторы назначаются на пять лет) и как хорошо было бы снова вернуться в Голландию и жить там просто, по душе, без парадов, приемов и обедов.

Но «протокол», тем не менее, существует и искусственно, с болезненным педантизмом людей, одержимых манией величия, поддерживается «придворными» в Бейтензорге, которые ужасно любят играть в царедворцев; вокруг своего в сущности доступного повелителя эти люди воздвигают китайскую стену. Я полагаю что, *toutes proportions gardees***, сравнительно легче быть принятым германским или австрийским императорами, чем удостоиться счастья лицезреть индо-нидерландского *туан бесафа*, господина великого, как его именуют туземцы.

Бейтензоргские куртизаны***, от скуки, вероятно, самым зорким образом следят за тем, чтоб этикет не был нарушен и чтобы не было отступлено ни на йоту от установленных «протоколом» церемоний. Они постоянно нашептывают и внушают генерал-губернатору и его супруге, что того или иного действия с их стороны этикет не допускает, что это не годится, другое несогласно с их высоким положением, третье, наконец, может уронить их достоинство. Все у них вогнуто в определенные рамки, каждый имеет свой номер и ранг, вследствие чего Бейтензорг, население которого состоит исключительно из «двора» и

* Нетитулованный дворянин (голл.).

** С учетом имеющихся различий (фр.).

*** Придворные.

чиновничества, являет собою невообразимо скучный и чопорный Krahwinkel* с большими претензиями и массою низменных честолюбий и интриг. В Батавии, которая все же представляет более значительный центр в этом отношении, много лучше и свободнее. Люди здесь держат себя самостоятельнее, чем в крошечном Бейтензоре, и в Батавии «придворная» камарилья с ее «протоколом» как-то более стесневается, горевать об этом не приходится.

На робкие замечания мои по поводу утрировки придворного церемониала, часто доходящего до смешного, люди серьезные и сведущие объяснили мне, что оказалось вовсе невозможным *a la longue*** обходиться без этикета ввиду неблаговоспитанности здешнего весьма смешанного общества и распущенности его нравов и привычек. Так, например, всего лет десять тому назад во внутренние апартаменты дворца на бал являлись почти исключительно одни голландцы и метисы со своими женами, одетые и те и другие по-европейски. Остальные приглашенные, мужчины в цветных жакетках, а дамы просто в своих затрапезных туземных *саронгах* и белых кофтах с босыми ногами, приезжали в экипажах, размещались вокруг дворца, слушали музыку, выходили смотреть на танцы сквозь двери и окна на открытой веранде и затем в момент вечернего кормления все эти *стенга анам* ужинали в своих экипажах, выпивая неимоверное количество лимонада, вина и шампанского. Услужливые, но не имевшие предрассудков кавалеры этих дам пригоршнями таскали из буфета конфеты и фрукты, забирали без зазрения совести папиросы, сигары, бутылки шампанского и пр., и все это казенное добро тут же истреблялось или увозилось домой. Словом, происходил разгром и полное расхищение, и такой «бал» более подходил на шумную и беспутную фламандскую кермессу***, чем на собрание цивилизованных людей. Подобному безобразию, напоминавшему лучшие времена блаженной памяти пастора Валентайна, необходимо было, в видах приличия, положить конец.

С этою целью был введен этикет, и балы, благодаря этой реформе, немедленно получили тот вполне приличный и европейский вид, которым они отличаются ныне.

Давка та же, только жары и духоты положительно меньше, чем где-нибудь на балу, например в Петербурге, Риме или Вене. И это понятно: в Европе сотни лиц топчутся в душной, герметически закупоренной зале. Устроить сквозняк — это если не смерть, то неминуемая простуда. В Батавии никакого искусственного сквозняка устраивать не приходится. Он и без того всюду и постоянно существует в изобилии: в апартаментах вечно все настежь, окна и двери, да кроме того вентиляция совершается еще сквозь решетчатые переборки, устроенные над окнами

* Захолустье (нем.).

** В конце концов (фр.).

*** Народное гулянье (фр.).

и дверями. В самой танцевальной зале несомненно жарко, несмотря на постоянно возобновляющийся приток воздуха, зато под боком повсюду есть открытые веранды, где свежо и где можно с наслаждением отдохнуть от душной атмосферы внутри дома.

Благо я заговорил о температуре, скажу кстати раз навсегда, что о тропической жаре и специально о климате Батавии в Европе сложились совершенно невероятные и не соответствующие действительности представления какого-то мрачного и зловещего свойства.

Когда я уезжал в Батавию, мои знакомые и родственники смущенно покачивали головой и принимали печальный вид людей, которые навсегда расстаются с человеком дорогим и близким. Своих опасений они, однако, не высказывали громко, видя, что я и без того смущен перспективой отправиться на погибельную Яву и прожить пять лет в ее убийственном климате, среди разных ужасов тропической природы. Все, что я прочел о Яве, никоим образом не могло рассеять мои опасения. Становилось жутко от этих описаний природы и климата. Настроение мое не улучшилось, когда в министерстве мне разрешили поселиться не в Батавии, а жить в Бейтензорге, местности сравнительно более свежей и здоровой. Начальство мое, увидя по моей вытянувшейся физиономии, какое впечатление произвело на меня известие о назначении моем в Батавию, очевидно, пожелало успокоить и утешить меня. Все это не предвещало ничего хорошего и я, признаюсь, не без замирания сердца приближался к берегам Явы, никому хорошо не ведомой, как я имел случай убедиться впоследствии, ибо, сколько я ни искал источников, где можно было бы навести справки и получить точные сведения о моей будущей резиденции, мне так и не удалось до последней минуты, когда я прибыл в Приок, встретить людей, которые были бы по личному опыту знакомы именно с Батавией.

Я наивно полагал, что в нидерландской миссии в Петербурге тамошние голландцы непременно должны знать и передадут мне все, что касается Батавии. Но ни посланник, ни секретари никогда там не бывали, они сообщили мне лишь, что Ява — голландская колония, весьма отдаленная, и что там везде ужасно жарко. Даже на пароходе французского общества Messageries, который вез меня и мою фортуна, многочисленные пассажиры-голландцы все, как назло, были из Сурабаи, Семаранга и других мест внутри острова. Показания их были поэтому разноречивы и только сбили меня с толка. Одни утверждали, что на Яве невыносимо жарко и нездорово, и они были правы, потому что судили, например, по Сурабае, где еще теплее, чем в Батавии, и где эпидемически господствуют тиф и холера. Другие уверяли, что, напротив, климат чудесный и прохладный, и эти лица также говорили правду: это были плантаторы, которые на высоте 3000 — 4000 футов разводили кофе, чай и хинное дерево, а на такой высоте, даже на Яве действительно температура свежая, почти европейская, так что при 12-14° по Рео-

миру ночью и рано утром довольно толстое шерстяное одеяло является далеко не лишним.

Как бы то ни было, и горожане и плантаторы, в один голос, советовали мне на первых порах поселиться в Бейтензорге, где все же свежее и лишь после предварительной акклиматизации там перебраться на житье в Батавию.

Совета этих некомпетентных, но несомненно благожелательных людей я, к сожалению, послушался, и после прибытия из Европы семейства моего, мы все поселились в Бейтензорге. Но долго мы не могли выдержать: было невыносимо скучно, натянато, общество невозможное, с претензиями и притом весьма нелюбезное к иностранцам. А главное, Бейтензорг, хотя в нем и было свежее вечером и ночью, оказался какою-то гнилою трясиною с постоянными ежедневными ливнями и с насквозь пронизывающею сыростью. Мы там хворали и болели малярией чуть ли не каждый день в продолжение нашего 15-месячного пребывания, о котором и ныне, на 3-й год своего пребывания на Яве, продолжаем отзываться как о потерянном во всех отношениях времени. Ливни эти и сырость (осадков выпадает в течение года в Бейтензорге до 4 метров!) весьма благотельно действуют на растительность, и потому ботанический сад в Бейтензорге по справедливости считается самым роскошным в мире. Но человек не панданус и не кокосовая пальма. Мы нашли, что в знаменитом Бейтензорге слишком сыро и слишком скучно, и снова переселились на этот раз уже окончательно в Батавию, где нам посчастливилось подыскать громадный двухэтажный дом на высоте, в котором сравнительно свежее, чем где бы то ни было в другом квартале Батавии.

Глава V

Ботанический сад в Бейтензорге. –

Климат и условия жизни в Батавии. – Жара; режим голландцев. –

Санаториумы в горах. – Малярия. – Наем квартиры. – Лошади. –

Отношение англичан и голландцев к туземцам. –

Население в приморских городах. – Полиция. – Виртуозность воров. –

Малайская прислуга. – Наружность малайцев. –

Нравы и мстительность малайцев. – Дороговизна в Батавии.

Бейтензорг, расположенный к югу от Батавии на высоте 850 футов над уровнем моря и на расстоянии в 1½ часа езды по железной дороге от столицы Нидерландской Индии, есть голландский Sans-Souci*; это обычная резиденция генерал-губернатора, который в Батавии бывает раз в месяц, дня два всего, круглый же год живет в Бейтензорге или проводит еще месяца два в горной своей Sommerfrische**, Чипанасе, где еще более прохладно.

Одноэтажный низенький дворец, с фонтанами, колоннадами и беломраморными лестницами, довольно обширен, но невзрачен и внешностью похвалиться не может.

Зато он расположен среди чудесного и недаром на весь мир прославленного ботанического сада с густыми аллеями бутылочной пальмы (*Oreodoxia*) и столетних гигантов *канари*, увитых сверху до низу орхидеями и паразитными растениями.

Достопримечательность генерал-губернаторского парка составляют еще сотни оленей и серн, желтых, с пятнами, как у пантер, которые свободно гуляют по лужайке сзади дворца и щиплют траву под темными непроницаемыми для солнечного света сводами исполинских *figus indica* с их своеобразно ниспадающими вниз воздушными корнями.

Есть прелестные уголки в этом роскошном ботаническом саду. Какие экземпляры раскидистых декоративных пальм, какие уродливые, причудливые при лунном освещении панданусы, какие орхидеи и паразитные растения! Это чистое раздолье для ботаника, которому есть на что полюбоваться и чему научиться. Ботаники всех стран мира дейст-

* Сан-Суси / *фр.* «без забот» / — название бывшей загородной королевской резиденции в Потсдаме, под Берлином. Голландское слово «бейтензорг» имеет то же значение.

** Дача (*нем.*).

вительно и посещают усердно Бейтензоргский ботанический сад и делают здесь наблюдения, пользуясь широко предоставленными в их распоряжение лабораториями, библиотекою, гербариями и прочими научными и техническими приспособлениями, под руководством гостеприимного и ученого директора сада, профессора д-ра М. Трейба.

Гулять в этом сказочном уголке тропического мира было бы истинным наслаждением даже для профана, не умеющего отличить кокосовую пальму от *Eucalyptus* или от соснообразной араукарии. Здесь свежо даже в полдень, ибо тень повсюду имеется в изобилии.

«Двор» держит себя в стороне, на недостижимой высоте. Общество состоит из чиновников секретариата или канцелярии генерал-губернатора, «царедворцев» и иных сановников, помешанных на табели о рангах, чопорных, важных и исполненных претензий. Скука поэтому в Бейтензорге убийственная. С этим обстоятельством можно бы еще кое-как примириться, если бы были иного рода компенсации, например, в климатическом отношении, что все-таки важно в тропиках, особенно таких гнилых, как индо-нидерландские.

Но и этого нет: как я писал в прошлом письме, не дожди, а ливни ежедневно падают здесь в изобилии, хляби небесные вечно разверсты, небо серое, мутное, как осенью в Петербурге, все на земле и на горизонте пресыщено водяными парами, сквозь которые лениво просвечивает солнце. Месяц, по всему вероятию, существует и здесь, но его что-то не видно из-за туч, вечно плывущих и застилающих небо. Звезд на этом небе нет, по крайней мере их не видно, а пресловутого созвездия Южного Креста мне в Бейтензорге так и не удалось ни разу созерцать. Но я об этом сожалею мало: Южный Крест, который я видел в других местах, такой же миф, как и все остальные сложившиеся в Европе представления об экваториальной природе и сказочных чарах тропической ночи.

По мне наша родная Большая Медведица с ее сочетанием звезд, образующих стройное целое, много красивее и эффектнее Южного Креста-невидимки.

Она эффектнее уже потому, что ярко выделяется на ярком же фоне звездного неба, которое днем интенсивно синее. А здесь, разве заслуживает почетного наименования неба эта туманная высь и даль, будто полинявшая, наподобие бледной акварели?

При таких-то условиях, имея под боком людей, которые к нам, иностранцам, относились как к лицам, совершившим в Европе предосудительные действия и спасшимся в отдаленную Индию, дабы избежать справедливой кары законов, мы просуществовали целых 15 месяцев!

Но с тех пор, как мы покинули Бейтензорг и поселились в Батавии, общее состояние нашего здоровья настолько улучшилось и продолжает быть удовлетворительным, что изо всех голландцев, нас посещающих, доктор, слава Богу, является наиболее редким гостем.

Батавия, во всяком случае, в отношении климата и гигиены лучше всех остальных приморских городов на Яве. Так, например, в Сурабае, втором по величине и первом по коммерческому значению городе острова, тиф, холера, лихорадки и оспа господствуют эпидемически круглый год, при температуре, в среднем на 3° превосходящей температуру Батавии. В Сурабае вовсе не имеется сколько-нибудь годной для питья воды: она ежедневно доставляется в город издалека по железной дороге, и сосуд воды, продаваемой в бывших жестянках из-под керосина, обходится в 10 центов. То же самое в Семаранге, Тегале и других городах у моря. Но всего хуже город Чилачап, на южном берегу Явы. Это гнездо самой злокачественной лихорадки и иных эпидемий, которыми Чилачап недаром и славится. Город до того нездоров, что голландцы уже давно вынуждены были вывести оттуда гарнизон, в виду чрезвычайно высокой цифры смертности среди солдат и офицеров. Еще недавно я прочел в одной из батавских газет, что в Чилачапе и тамошнем резидентстве переболело в короткое время лихорадками и иными болезнями свыше 250 тысяч, т.е. 68% всего населения! Лихорадка в Чилачапе отличается еще своеобразною особенностью: свежий человек, даже европеец, свободно может рискнуть жить даже в городе, очень часто малярия его не берет вовсе или треплет лишь весьма снисходительным образом. Зато лишь только он покидает это место, болотная лихорадка, упорная и часто смертельная, вступает во все свои права.

В Батавии ничего подобного не существует. Благодаря разумным усилиям колониального управления, как внешняя физиономия, так равно и гигиенические условия города, за какие-нибудь тридцать лет значительно изменились к лучшему. Голландцы прежде всего позаботились всюду провести хорошую воду. С этою целью вырыты были артезианские колодцы, которые доставляют в обильном количестве пригодную для питья воду.

Вода выходит из колодцев еще теплою и ее нужно сперва остудить, после чего ее можно пить без кипячения и не фильтруя предварительно, безо всякого опасения для здоровья. Благодаря хорошей питьевой воде, проведению широких каналов, дренажу и прочим санитарным мерам, стоячая вода болотистой подпочвы уносится в море и не застаивается, как бывало прежде. Вследствие сего, почти совершенно прекратились свирепствовавшие в дореформенное время эпидемии тифа. Холеры, как в Сурабае, здесь не бывает. Если и заглядывает сюда эта страшная азиатская гостья, посещения ее бывают кратковременны, и сама болезнь довольно безобидна: мрут от нее туземцы и китайцы. Европейцев же холера почти не трогает. Желтая лихорадка неизвестна вовсе. Чумы, в настоящее время опустошающей Британскую Индию, на Яве и вообще в Индо-Нидер-

ландском архипелаге никогда не было. Занесения чумы сюда не опасаются отчасти потому, что прямых сношений с Индией почти не существует, больше же потому, что чума, по-видимому, в экваториальной полосе с сырым климатом не проявляется и, во всяком случае, не находит условий, благоприятных для своего распространения.

Таким образом, *im grossen Ganzen*^{*}, нельзя сказать, что бы Батавия была абсолютно нездоровая.

Необходимо, конечно, иметь в виду, что здесь экватор, а потому и самую жизнь свою надо распределить и устроить иначе, чем, например, где-либо в Германии или Дании. Между прочим, питаться в тропиках следует основательно, дабы возместить утрату сил, вызываемую обильною испариной. Голландцы и метисы вводят в пищу массу пряностей, перца и пр., с целью возбудить аппетит. Однако можно прекрасно обходиться без этих пособий, претящих непривычному нёбу и желудку, и все-таки иметь аппетит волчий. Странное дело: казалось бы, что при этой жаре и при более чем в Европе неподвижном образе жизни никакого аппетита здесь быть не может. На деле же оказывается, что желудок вечно готов к восприятию пищи, и притом ждешь не дождешься удара в гонг, который в каждом доме возвещает приближение завтрака и обеда.

Батавия — это паровая русская баня, хотя абсолютная высота средней температуры в Батавии не превышает 22°-23° по Реомюру. Ночью она иной раз падает даже до 21° и 20°, и тогда приходится прикрываться легким шелковым или фланелевым одеялом, ибо тело до того привыкает к постоянной жаре, что уже при 20° вам кажется свежо.

Изнурительна здесь собственно не самая жара — 22°-23° вынести можно, — а постоянство, круглый год и каждый день, все той же банной и сырой тепличной температуры. Но пар костей, как известно, не ломит. Я именно говорю: пар, а не жара, так как здесь все пропитано и насыщено водяными парами и сырою тяжелою духотой.

Несмотря на это, я не усомнился ни на минуту совершать путешествия внутрь острова и, должен признать, что все мои странствования совершились вполне удачно. Я убежден, что движение — это жизнь, даже в тропиках, и что умеренные передвижения много полезнее того неподвижного сидения в «ленивом кресле», на которое, почти без исключения, обрекают себя голландцы и здешние европейцы. Доктора в Батавии неизменно советуют своим пациентам: *prenez du repos, ne vous fatiguez pas trop*^{**}. Но доктора-голландцы по темпераменту своему грузны и неподвижны, они никогда

^{*} В общем и целом (*нем.*).

^{**} Давайте себе отдых, не переутомляйтесь (*фр.*).

лишнего шага не сделают; живучесть и подвижность европейской, неголландской натуры они считают болезненной нервностью и непроизводительной тратой времени и энергии. Они живут методично, с педантизмом соблюдают все правила и узаконения рациональной в тропиках гигиены, их никак нельзя упрекнуть в том, что они изнуряют и утомляют себя, а между тем, эти примерные пациенты постоянно хворают и глотают хинные пилюли от малярии. Совершенно обратно, многочисленные туристы, ежегодно посещающие из Европы эти отдаленные места, в Батавии, где смотреть нечего, не засиживаются, а храбро отправляются внутрь острова, делают при всякой погоде безразлично *leur tour de Java**, совершают в какие-нибудь 15-20 дней такие чудеса и фокусы относительно передвижения, каковых голландцам не совершить и в 15-20 лет. Никогда еще не случалось, чтобы даже какой-нибудь легкомысленный парижанин-*boulevardier***, совершавший обязательную экскурсию на Яву только потому, что это ныне шикарно и в моде, чтобы такой вечно спешащий *globe-trotter**** заболел от солнечного удара или лихорадки во время своих экзотических поездок, к которым ничто его предварительно не подготовило.

В течение особенно жарких в Батавии месяцев, в апреле и мае и затем с сентября по ноябрь, при перемене муссона мы, кроме того, отправляемся, когда можно, в горы. Здесь, в Сукабуми, Бандунге, Гаруте, на высоте 2000-3000 футов над уровнем моря, свежо и прохладно, воздух горный и живительный. Всюду есть гостиницы, а в некоторых местах, как в Сукабуми, Синданглае, даже устроены санаториумы, где за известную, сравнительно невысокую, плату вы пользуетесь помещением, столом и даровыми услугами приставленного к заведению казенного доктора.

При таких условиях комфорта и климата можно с удовольствием провести в горах 2-3 недели и отдохнуть от батавской бани. Кормят, правда, всюду отвратительно, рис и бифштексы из буйволового мяса составляют основу питания. Но дамы, в особенности, блаженствуют и легко примиряются даже с жарким из буйвола, благо в отеле они на время освобождены от всепоглощающих и утомительных занятий по хозяйству.

Однако даже на высоте 2500 футов вы несколько не застрахованы от малярии, так как источники ее, болото и рисовые поля, находятся одинаково в низинах, у береговой полосы, и на возвышенных местах среди гор. Но тогда вы свою сукабумскую или гарутскую малярию преспокойно везете с собою обратно в Батавию, где она и пропадает благополучно. А между тем, вы все-таки в горах набрались свежих сил, ук-

* Свое путешествие по Яве (*фр.*).

** Завсегдатай Больших бульваров (*фр.*).

*** Заядлый путешественник (*англ.*).

репили свое здоровье и можете, возвратясь в Батавию, с новою энергией начать ежедневную борьбу за существование.

Вообще немислимо и невозможно вполне освоиться и ассимилироваться с этим не созданным для белых людей климатом, хотя бы вам на Яве пришлось прожить 15 лет, от чего, Боже упаси! голландцы, живущие здесь по 20 и более лет, даже метисы, родившиеся на Яве, все поголовно, хотя и реже других, свежих людей, испытывают от времени до времени приступы малярии. *Демамом* (лихорадкою) страдают также и туземцы, и не только люди, но даже домашние животные: я сам видел лошадей, кур, обезьян, которые дрожали от озноба и затем метались от жара, как угорелые. Нередко наши туземные служители подвергались, после предварительного недомогания, внезапному острому припадку *демама*, причем на первых порах, с непривычки, жутко и страшно было смотреть, как они вдруг падали на землю и бились на ней, потеряв сознание.

Но такие случаи не опасны. *Демам* проходит так же внезапно, как и наступает. Но приступы малярии повторяются, ибо все здесь как будто нарочно подготовлено и устроено к тому, чтобы дать ей возможность укорениться.

Малярия обычное явление в Батавии. Она неизбежна, как судьба. К счастью, здесь она проявляется почти исключительно в легких формах.

В такой форме ей здесь не придают особого значения. Это еще только угнетенное состояние, а не болезнь. Но, если вам надоела ваша малярия, вы можете от нее избавиться немедленно и на некоторое время: стоит лишь съездить на два дня в соседний Бейтензорг. Или еще, если вы почему-либо убедились, что занимаемый вами дом нездоров, вы можете выехать и поселиться в более подходящем помещении в другом квартале. Это тоже помогает. Иной раз стоит переехать через улицу или поместиться на противоположной ее стороне, чтобы сразу в новом доме почувствовать себя лучше. Ввиду этого, контрактов с домохозяевами никто никогда не заключает. Кварту или домик свой вы нанимаете помесечно и, если, по той или иной причине, вы нездоровы или недовольны, достаточно заявить хозяину за месяц вперед, что вы переезжаете.

Эта система при здешних условиях вместе и разумна, и удобна, так как вы никаким более или менее долговременным обязательством себя не связываете. Чрезвычайно удобна и приятна также возможность занимать дом-особняк, в котором вы можете совершенно изолировать себя от постороннего глаза. Здесь вы среди города живете, как на даче, и всю свою жизнь проводите на открытом воздухе.

Все дома построены на один лад, и в двухэтажных домах в нижнем этаже то же число и распределение комнат, как и наверху. При каждом доме обыкновенно имеются еще отдельные низенькие и всегда душные павильоны со спальнями для посетителей и с самою элементарною мебелью.

Перебравшись из гостиницы в свое помещение и справив новоселье, вы должны озаботиться прежде всего тем, чтоб обзавестись экипажем и лошадьми. Экипаж при здешнем климате и огромных расстояниях составляет не роскошь, а необходимость, и обойтись без «милорда», «делемана» или «тентвагена» просто немыслимо, да к тому же и неприлично для европейца. Здесь самый последний голландский приказчик или метис непременно имеет хоть какой-нибудь, но свой собственный «делеман» (глубокая таратайка с сидениями для четырех по бокам, как в омнибусе, двухколесная и в одну лошадь). Китайские же купцы и желтолицые особы побогаче и познатнее даже щеголяют своими американскими или лондонскими экипажами и упряжью.

Если вы спортсмен, или если средства ваши позволяют вам такую роскошь, вы можете купить здесь у первого экипажного мастера Oudard коляску, купе или ландо, все отдельные части которых выписаны из Америки или из Европы и скомпонованы вместе здесь китайскими мастерами. Такие экипажи, по своему щегольскому внешнему виду, легкости и изяществу отделки, смело могут парадировать в парижском Bois или лондонском Гайд-Парке.

Но понятно, что такая забава обходится невероятно дорого: обыкновеннейший и наиболее распространенный здесь тип «милорд» (двухместная коляска с передним выдвижным сиденьем, полузакрытая) стоит у Oudard'a не меньше 1200-1300 гульденов. Не всякому подобные цены доступны, тем более, что шикарным «ударовским» экипажам требуются также подходящая шикарная упряжь и австралийские рослые лошади, так как местные пони и полупони кажутся в такой запряжке мизерными и хилыми.

За пару австралийских лошадей не первого сорта надо заплатить по меньшей мере 1200-1300 гульденов, а с европейскою сбруей и хомутами и все 1500 гульденов. Но как бы ни были первостатейны и дороги австралийские лошади, мне лично они не нравятся. Они не в меру удлинённые и неуклюжие. Притом же эти лошади из южной, более прохладной Австралии, плохо выносят жаркий климат Батавии; здесь они вечно какие-то дохлые, будто сенбернарские собаки, которые под своею теплою шубой задыхаются, высунув язык, где-нибудь в необычном для них климате Неаполя или Севильи. Туземные лошадки, напротив, прелестны и красивы. Это живые, грациозные создания с тонкими ногами, с огоньком в глазах и с подвижными ноздрями. Они меньше ростом, чем австралийские ломовые одры, но гораздо быстрее аллюром и много выносливее. Особенно славятся две породы лошадей: батакская из Суматры и сандельвуды с островов того же имени*. Батаки, однако, составляют редкость и пара хороших лошадей с Суматры стоит не менее 1500 гульденов.

* Другое название — остров Сумба.

Высокомерные, держащиеся особняком англичане, обращаются с туземным населением грубо и презрительно, как с низшею расой людей. Для них всякий native (туземец), где б это ни было, в Британской Индии, в Африке, в Вест-Индии, не более как презренный «nigger», не заслуживающий мягкого и человеческого обхождения. Англичанин никогда и ни под каким видом не вступит в более близкие отношения даже со сливками туземного общества.

Держатся они исключительно силою штыков и престижем, который почерпают из солидарности всех белых между собою. О симпатиях населения они, впрочем, не заботятся.

Туземец обязан исправно платить в казну подати и налоги, беспрекословно повиноваться и курить опиум на пользу английского бюджета. Прав он никаких не имеет. Положим, что и кокетничание с более или менее неразвитыми азиатскими и иными народностями, ничего общего с европейскими понятиями и складом ума не имеющими, нелепо; этим европейцы лишь умалются в глазах туземцев, а последние этим не воспитываются, а деморализуются. Под боком у англичан, в той же Индии, в Пондишери*, например, те же индусы, парсы и магометане уже не бесправное быдло, как в соседних британских владениях, а полноправные французские граждане и избиратели. Конечно, это тоже крайность.

Здесь, как всегда и во всяком деле, существует *juste milieu***. Английская администрация, например, Британской Индии есть возмутительная и чисто хищническая эксплуатация всех рабочих сил и жизненных соков населения. Свирепствующие ныне в Индии голод и чума в ужасающих, еще небывалых размерах, лишний раз свидетельствуют о том, что англичане заняты исключительно усиленным извлечением рупий из этой злополучной страны. По известиям даже английских газет, голод ныне обхватил район, насчитывающий до 80 миллионов населения! Но распущенность в отношении туземцев тоже не дала, и вероятно, не даст благоприятных результатов. Правильной системы по отношению к туземцам держатся, кажется мне, русские в Азии и, отчасти, голландцы в своих колониях на дальнем Востоке.

И те и другие заняты не одною лишь беспощадною эксплуатацией подвластного им края. Русские и голландцы видят в своих цветных подданных живых людей, а не бессловесных и бесправных животных, а потому считают себя обязанными кое-что сделать также и на пользу этих желто- и чернолицых, вверенных их управлению.

Мы, кроме того, одарены еще способностью приближать к себе и ассимилировать азиатов, которые под сенью мощного русского орла чувствуют себя, как у Христа за пазухой. Сразу между русскими и

* Ныне — Путтуччери.

** Золотая середина (*φρ.*).

азиатами, покоренными силою оружия или подчинившимися добровольно, устанавливаются самые благодушные взаимные отношения. Азиатские князья и владельцы неудержимо тяготеют к России, испрашивают чести и счастья быть присоединенными к владениям могущественного Белого Царя, который популярен и любим в самых отдаленных уголках Азии. Даже независимый Сиам и тот неоднократно добивался русского протектората. Явление это знаменательное и необычайное. Ни один народ, не исключая и искусившихся в деле разумной колонизации голландцев, не может похвалиться таким престижем и вместе такую популярностью на Востоке, какими пользуется Россия.

Что касается специально голландцев, то можно утверждать, в отличие от англичан, что власть их имеет основы более прочные, и что самый режим голландский среди туземцев популярен настолько, насколько вообще у азиатов и иных цветных людей может быть популярен белый человек и его владычество. Как бы то ни было, я нигде не заметил на Яве той злобы и бессильной ненависти к поработителю, которая сплошь да рядом поражает туриста в Британской Индии. Впрочем, незачем искать примеров за Суэзским* каналом, в тропиках: подобное же проявление затаенной ненависти я имел случай наблюдать в Боснии и Герцеговине, где население, христианское и мусульманское, в одинаковой степени страдает от австрийского притеснения и горячо ненавидит своих незваных господ — «швабов».

Здесь не то. Взаимные отношения между голландцами и туземцами Явы не оставляют желать лучшего. С *inlander*'ом (местным жителем) голландские власти и плантаторы внутри острова обращаются всегда мягко и благодушно, с участливою заботливостью об его благосостоянии и даже здоровье; вместе с этим соблюдается известная и необходимая дистанция между теми и другими, престиж горсти голландцев, рассеянных среди 24-миллионного населения на одной только Яве, поистине громадный и достоин удивления. Быть может, яванцы за 300 с лишком лет голландского владычества успели привыкнуть и освоиться с оным.

Как бы то ни было, поразительно благотворно действуют те полные достоинства спокойствие и ровность, с которыми голландцы обращаются со своими подданными. Яванцы отвечают подчинением и почтительностью, которые, например, внутри острова простираются до того, что при встрече с белым все туземцы обязательно отходят в сторону, садятся на пятки, а конные *inlanders* даже слезают с коня и спешенные ожидают, пока белый человек скроется из вида. Голландцы оставили некоторым знатным, прежде владельческим, яванским родам кое-какие привилегии: они даже дали им некоторую самостоятельную роль по внутренней администрации. Роль эта, ко-

* Суэцким.

нечно, упорядочена правительственным контролем, но яванским регентам (чиновникам, состоящим в каждом резидентстве при особе резидента в качестве туземных шефов) все же лестно их положение «младшего брата резидента». Они притом получают от казны содержание, часто весьма высокое (от 2 до 3 тысяч гульденов в месяц) и им кажется, что и они управляют и имеют решающий голос. Такое самообольщение «младших братьев» (голландский регламент именно так и называет и предписывает резидентам третировать своих яванских коллег, как своих «младших братьев»), подобная иллюзия, говорю я, никому вреда не приносит; яванцев тешит занимаемый ими ранг, это доверие льстит их самолюбию, что же касается самих голландцев, то ведь в действительности выходит, что командуют и распоряжаются они, а не яванские марионетки — «младшие братья».

И до сих пор метода эта давала прекрасные результаты, так как имеет то преимущество, что решительно все заинтересованные в деле управления лица довольны этим *modus vivendi**. Доступность голландских управителей имеет, кроме того, еще и другую хорошую и симпатичную сторону, сближая белых людей, господ, с их туземными подчиненными, которые чувствуют себя по-человечески под мягким и справедливым голландским режимом.

Еще более, слишком пожалуй, сближают тех и других смешанные браки между белыми и туземными женщинами. Начинается дело обыкновенно с конкубината**. Где-нибудь далеко от центров или внутри края голландские офицеры, чиновники и плантаторы приживают детей со своими «хозяйками» и «экономками».

Дети эти, большею частью, узакониваются и сожительство кончается браком. Какая-нибудь коричневая *бабу* (простая женщина, горничная или нянька) на другой же день вступает полноправным членом в голландскую семью. Она отныне и впредь присваивает себе и голландское титулование белых дам — мефрау, вместо прежнего малайского *ньонья****, которого уже более не терпит и которым оскорбляется. Яванцы-подчиненные и слуги белого *туана* (господина) ежедневно видят такие браки. Сестра или дочь какого-нибудь *мандура* (надсмотрщика над рабочими) или *спенна* (первого служителя) может со дня на день сделаться капитаншею, контролершею, а то и выше подняться, при удаче мужа, до видных служебных степеней в военной и гражданской иерархии.

Но «дамами» эти бывшие *бабу* никогда не делаются, как бы высоко ни было их положение. Они необразованны, невоспитанны и такими остаются на всю жизнь.

Англичане называют такое поведение голландцев распущенностью, недостойною представителей высшей белой расы. Голландцы с таким

* Образ жизни (лат.).

** Длительное внебрачное сожительство (лат.).

*** Госпожа (мал.).

явлением, которое постоянно возобновляется, давно свыклись и такие браки их не шокируют. Но нельзя не признать, что подобное интимное и кровное слияние господ с их цветными подчиненными в некоторой степени умаляет и престиж голландцев. Породнившись по жене с туземцами низшего класса (ибо яванские принцессы из высших родов никогда за белого не выходят замуж), голландцы тем самым теряют несколько власть и *n'ont aucune prise** над окружающими и подчиненными им малайцами, которые состоят с «мефрау» в более или менее отдаленном родстве или кумовстве. Голландцы распустили этих людей; особенно называется это отсутствие дисциплины и почтительности среди туземной прислуги в крупных центрах, каковы Батавия, Сурабая и др.

В больших приморских городах Явы население весьма смешанное; сюда стекается на честные и иного свойства заработки масса лентяев, людей без профессии и отъявленных негодяев. Народ этот, благодаря частому общению с европейцами и моряками всех наций, глубоко деморализован. Тут нужна бы сильная власть, пожалуй, с кнутом в руках, как то и было прежде, пока псевдолиберальные приемы управления еще не проникли в индо-голландские административные нравы.

Тогда было лучше, люди не грубили, повиновались, зная, что в противном случае им прикажут отсчитать 25 розг или более в полицейском участке.

Но нравы изменились, а с ними и внешние приемы. Старожилы-голландцы уверяют, что все изменилось к худшему, что люди от рук отбились, что ныне господа — *туаны* — во власти своей прислуги. И они совершенно правы.

Полиция здесь жалкая, как по внешнему виду, так равно и по проявляемой ею деятельности. Эти «скоуты» — полицейские и городовые в синих фраках с желтыми шнурами и тесьмой, босые со шляпою в виде гриба на голове — те же малайцы, за исключением весьма немногочисленных белых или полубелых инспекторов. Никакого престижа эти костюмированные обезьяны иметь не могут. Они вялы, нерасторопны и, кроме того, держат сторону своих людей, от проделок и покушения которых эта туземная полиция призвана оберегать общество и его безопасность.

Вследствие этого, полиция никогда никакого вора или преступника не в состоянии разыскать и лишь благодаря усилиям европейских инспекторов, часто действующих с опасностью для жизни, малая толпа грабителей и убийц попадает в тюрьму, рабочий дом, а то и на виллицу.

Особенно неблагополучно в туземных и китайских кварталах. Там постоянно происходят драки, грабежи и убийства, немалая доля каковых выпадает на долю самих китайцев. Местные воры и граби-

* Здесь: какое бы то ни было преимущество (*фр.*).

тели достигли в своем ремесле известной виртуозности и, соображаясь с местностью, вносят в свои проделки своеобразный оригинальный элемент, который в *modus procedendi** того же разряда негодяев в Европе отсутствует. Будущий грабитель, например, неслышно пробирается в спальню намеченной жертвы и ждет, пока он заснет. Тогда, для большей верности, он курит в комнате над постелью какими-то туземными сушеными цветами и травами, одуряющий и одурманивающий запах которых погружает вас до следующего утра в глубокий и тяжелый сон. При таком бессознательном состоянии жертвы грабитель, с толком и не спеша, совершает свою операцию. Иной способ, еще более оригинальный, состоит в следующем: вор подкапывается снаружи под фундамент большею частью одноэтажного дома, построенного из высушенных на солнце кирпичей с соломенной или бамбуковой кладкой. Подкоп он свой ведет в спальню, где обыкновенно хранятся деньги и ценные предметы.

В проделанное под полом отверстие вор сперва, из осторожности, просовывает в комнату кокосовый орех на длинном шесте. Если все тихо и благополучно, вор затем бесшумно проникает в комнату. Но если вы еще не заснули, или если сон у вас легкий случается, то вы просыпаетесь от произведенного подземною работой шороха. Вы протираете глаза, всматриваетесь и, к изумлению и ужасу своему, видите в двух шагах от своей постели чью-то черную голову. *Vous stes fixe***, не говоря дурного слова, вы в эту мнимую голову стреляете из револьвера, с которым в «эксцентричных» кварталах не расстаются даже ночью. Голова, т.е. кокосовый орех, ныряет беспомощно в пространство, а за нею исчезает и поджидавший злоумышленник, убедясь, что дело на этот раз не выгорело. Как видите, способ этот вместе и оригинален, и практичен.

Редко случается, чтобы вам удалось сцепиться со своим грабителем, который еще не успел ничего совершить, а только изучает почву. Да и поймать такого черного дьявола нелегко: он всегда является голым, опоясанный лишь поясом вокруг бедер, а тело его, густо намазанное кокосовым маслом, ускользает и не поддается вашим объятиям. Да притом безопаснее для вас, если вы только спугнете и выпроводите своего посетителя, так как прижатый к стене и увертливый, как уж, вор не задумается пырнуть вас ножом в живот, прежде чем вы успеете от него отстраниться. Такие поранения всегда опасны, ибо никогда нельзя знать, не намазано ли лезвие ножа или *криса* (кинжала) каким-нибудь яванским ядом.

Но да не подумает читатель, что подобные ужасы случаются ежедневно, и что он на другую же ночь по прибытии в Батавию подвергнется одному из вышеописанных нападений на его личность или на его собственность.

* Способ действий (*лат.*).

** Вы замираете (*фр.*).

Я лишь констатирую, что такие и подобные дела в Батавии практикуются. Здешние любители чужой собственности большею частью оперируют лишь в кварталах с сомнительным населением.

Там, где живут голландцы и европейцы, не только убийств, но и грабежей не бывает. Воры и грабители прекрасно знают, что белый человек, перед тем как ложиться спать, самым тщательным образом осматривает дом вообще и все апартаменты в отдельности. Ставни и двери запираются, даже ставни в нижнем этаже посредством висячих замков, ключ от которых хранится у вас до утра. В спальне же, под подушкою, хранятся ключи от кладовой, кассы, письменного стола и пр. Да и денег-то в доме в крупных суммах не держится — все капиталы свои голландцы и европейцы держат в каком-либо банке. Наконец, европейцы у себя ночью постоянно имеют револьверы, которые они не задумываются употреблять в дело. Все это малайцам и прислуге вашей отлично известно, а риска они не любят, и потому вы в центре города обеспечены от их покушений. Вас охраняет их трусость и, кроме того, многочисленные *гарду* (блюстители ночного порядка), которые рассыпаны повсюду, перекликаются ночью и каждый час бьют в повешенные перед своими будками деревянные болванки, напоминая испанских *serenos**.

До прибытия на Яву я полагал, подобно трем четвертям с половиною несведущих в этих вопросах европейцев, что в Батавии, как это заведено всюду на дальнем Востоке, необходимо содержать целую ораву цветных служителей-лентяев, которые ничего путного делать не умеют, а только глазами хлопают и стоят неимоверно дорого. Я также полагал, что в Британской Индии и на Яве туземцы додумались и практичнее нашего осуществили на практике формулу о правильном распределении труда, вследствие чего каждый слуга в этих краях имеет свою определенную и строго ограниченную сферу деятельности. Так, например, который чистит и зажигает лампы, отказывается их тушить, — это уже обязанность специального гасильщика. По счастью, и это представление оказалось мифом.

В действительности дело совершается несравненно проще и при том не хуже, чем, например, в Европе. В мнениях и оценке свойств и недостатков малайской прислуги европейцы расходятся радикально и делятся на два лагеря: энтузиастов и тех, которые в малайце видят воплощение одних лишь пороков.

Что касается лично меня, я не считаю малайцев хуже какой-либо иной расы людей. Они ненадежны, это правда, и редко привязываются к своему господину. Они, как малые дети, легкомысленны и беспечны. Жуиры по природе, они только и думают о том, как бы возможно

* Ночные сторожа (*исп.*).

приятнее провести настоящий день, а о будущем дне не заботятся. Пять центов, необходимых малайцу на пропитание в день, всегда найдутся. А если нет, то ведь их и взять где-нибудь можно. А то и соседи помогут, дадут займы, наконец, можно у первого встречного китайца или в китайской кассе ссуд заложить *саронг*, браслет, ожерелье и кольцо с бриллиантами, которые имеются всегда в каждом туземном *ménage**. На вид кажется, что есть такие семьи, которым риса или бананов купить не на что. А между тем, муж и жена накануне своих праздников или Нового года не задумываются приобрести какой-нибудь особенно известный *саронг*, гульденов в 12-15, а то и брошку в 50 рупий (гульденов). Все это в кредит, при условии, что муж будет работать год, например, даром у китайца, ссудившему ему вещь или деньги, а жена займется в *бабу* или кухарки, а то и начнет «гулять», чтобы, с своей стороны, восстановить равновесие распатанного бюджета.

Малайские женщины на этот счет никакими стеснениями морали себя не связывают, мужа же, отцы и братья этих дам относятся к этому явлению благодушно и по-философски. Были бы деньги...

Вследствие своей, общей мужчинам и женщинам, склонности поселиться и плотно покушать, беспечные туземцы постоянно сидят без гроша и также упорно и постоянно выпрашивают у своих господ авансы в счет жалованья.

Очень многие авансов не дают вовсе, другие отпускают вперед половину положенного содержания. Вообще следует положить за правило при найме прислуги, что более половины месячного жалованья авансом вы отнюдь и ни под каким видом выдавать не будете. Иначе люди ваши заберут за два месяца вперед, что, при наличности хотя бы лишь 6 человек служащих, разом составит изрядную сумму. Притом же вы ничем не гарантированы, что люди ваши не уйдут от вас с вашими денежками, которые, разумеется, пропали. Малайца, не имеющего *etat civil*** , не скоро разыщешь по бесчисленным *кампонгам****, куда он спешит укрыться, как в неприступную цитадель. Сказал он вам, например, при поступлении, что его зовут Сидаль, что он из *кампонга* такого-то, в таком-то квартале, что он столько-то месяцев или лет служил в качестве кучера или *спенна* у мингера ван А. или ван Б. Он, в подтверждение своих слов, даже представит вам свидетельства от своих бывших нанимателей. Но все это пух, никогда его Сидалем не звали, родом он не из Батавии, а откуда-нибудь из Рембанга, внутри острова, и никогда он ни у каких мингеров не служил, свидетельства же свои признал *ad hoc***** на полчаса у первого встречного, которого тоже в означенных на оном

* Семья (*фр.*).

** Общественное положение (*фр.*).

*** Окраины городов, деревни (*мал.*).

**** На данный случай (*лат.*).

домах не знают. Вот и извольте его при таких условиях отыскать. Местная полиция всегда пасует и даже вмешательство резидента не много поможет. С такого человека, буде он даже найдется, взыскать нет возможности: деньги ваши он давно прокутил или проиграл в китайских игорных домах или с товарищами, которые также страстно режутся в какую-нибудь малайскую орлянку или иную азартную игру, до которых туземцы и китайцы одинаково страстные охотники.

С нами подобные казусы приключались не раз и мы, умудренные опытом, научились впредь авансами не баловать малайцев, исключая разве к их Новому году в феврале, когда отказать им неудобно, так как они друг друга угощают, делают иллюминацию, пускают дешевые фейерверки и вообще за 2 недели влезают в долги, с которыми затем усиленно возятся в продолжение последующих 11 месяцев в году.

Малайцы, нужно отдать им справедливость, вообще некрасивы, хотя и сложены пропорционально, и горбатых или иных уродов между ними немного. Они среднего роста, с черными, какими-то плоскими лоснящимися волосами, скулы у них выдаются вперед, как у монгольской расы. Мужчины большею частию безусые и безбородые и по внешнему виду и по костюму мало чем отличаются от женщин. Особенно сморщенные, без растительности, лица стариков напоминают старую бабу.

Женщины, маленькие, вертлявые и подвижные, также красотою не отличаются, хотя голландцы ими часто увлекаются. Красивее, на мой взгляд, те, которые произошли от смешанных браков с китайцами и полубелыми. Цвет кожи у малайцев *café au lait*, в котором, однако, больше кофе, чем молока. Иные даже не коричневого цвета, а кажутся смуглыми и сильно загорелыми, наподобие жителей юга Европы. Собственно яванцы внутри острова имеют тип несколько различный и в своем *сафonge*, с плотно прилежащими к вискам краями головного платка, под которыми вправо и влево расходятся немного кверху длинные прямые брови, яванцы даже декоративны и эффектны.

По внешнему достоинству, по манере держать себя яванцы — настоящие джентльмены. Они изящнее и благовоспитаннее многих голландских чиновников и плантаторов.

Туземные шефы и регенты, например, в сношениях своих с европейскими гостями всегда поражают последних своею тонкою любезностью, выдержкою и манерами. Туземцы вообще умеют держать себя прилично. Они никогда не дерутся и даже не ругаются. Эта общая благовоспитанность составляет бросающуюся в глаза отличительную черту яванского характера; их не возмутимое ничем спокойствие и принятое ими правило никогда не сердиться и не выходить из себя даже как-то неожиданно и неприятно действуют на

нервного европейца, который в здешнем климате становится еще нервнее и нетерпеливее. Малаец просто не понимает, что можно вообще гневаться. Он с удивлением и молча смотрит на своего *туана*, выходящего из себя, и все-таки ни на йоту не ускоряет темпа своих медленных и как бы рассчитанных движений. Иной раз такая невозмутимость прислути раздражает до крайности. Но сердиться на этих людей бесполезно и не следует. Замечания им надо делать ровным и спокойным голосом, и чем сдержаннее вы с ним говорите, тем более шансов вы имеете снискать их расположение и подчинение.

Даже обругать их нельзя, когда они в чем-либо провинились, ибо ругательных слов на малайском языке не существует. Достаточно сказать виновному «*бодо*» (глупый) или «*ана туда малу*» (как тебе не стыдно), а в крайнем случае можно еще рискнуть «*куранг аджаф*» (недостаточно благовоспитанный). К такому упреку малайцы чрезвычайно чувствительны, они даже считают выражение «*куранг аджаф*» обидным и оскорбительным.

Малайцы, в сущности, взрослые дети, такие же, как дети, неразумные и беспечные. Обращаться с ними поэтому и следует *en consequence**, взыскивать строго, ни в какие разговоры не пускаться, ограничиваясь одною отдачей приказаний.

Притеснять их и придирааться к ним зря, без повода и причины, также не годится, ибо малаец делается мстительным, когда видит, что вы к нему жестоки и несправедливы. Напротив, он покорно сносит вашу строгость и выговоры, когда чувствует за собою вину. Малаец терпит долго и молча, но в один прекрасный день терпение его лопается. Тогда, под влиянием сильного и внезапного аффекта, он, как дикое животное, выбегает вооруженный из дома и безразлично убивает всех попадающихся ему на пути. Такого *orang gila* («бешеного человека») дозволяется всякому на улице хватать и даже убивать, как собаку. Казусы такие, к счастью редки, но все же изредка случается, что «бешеный человек» совершает амок (убийство, вызванное отчаянием или мстостью). В такие моменты раздается по всему кварталу ускоренный, зловеющий треск деревянных болванок, в которые ударяют с азартом дежурные *гарду* в своих будках. Этот своеобразный, действующий на нервы набат прекращается только тогда, когда удастся схватить беснующегося. Малайский и китайский *кампонги* в таких случаях не досчитываются трех, четырех человек, которых *orang gila* успел отправить на тот свет.

Европейцев, однако, даже такой бесноватый, потерявший всякое сознание, индивидум не трогает. Со своим белым обидчиком мстительный малаец расправляется иным, не столь бросающимся в глаза,

* Соответствующим образом (*фр.*).

но верным способом. В кушанье или питье *туана* или меффрау подсыпается отрава, а отравитель скрывается и — дело сделано. Ядами же всякого рода и свойства Ява богата и недаром славится. Яды эти, во всех своих видах и проявлениях, отлично знакомы туземцам.

Действие отравы иной раз до того subtilно, что даже при вскрытии тела доктора часто не в состоянии констатировать присутствие в желудке и внутренностях хотя бы следов яда. Отравление несомненно, все обстоятельства дела на то указывают, но доказать самого факта невозможно, и вердикт докторов гласит: такой-то умер естественною смертью.

Туземные женщины, страстные и ревнивые, отличаются особенною виртуозностью в приготовлении смертельных яств и напитков.

Утверждают, например, что они изыскали оригинальный способ держать в страхе и кабале своих белых любовников или сожителей, которые от законного брака отвиливают. Проведав, что сожитель думает возвратиться в Европу или съездить туда на год в отпуск, но с затаенным намерением там и остаться, туземки перед отъездом неверного подсыпают ему в кушанье медленно действующую отраву. Сожитель или любовник уезжает, но с каждою неделей, с каждым днем, проведенным вдаль от Явы, здоровье его все сильнее расстраивается. Он хворает, чахнет и видимо тает от неведомого недомогания, которое никакому лечению европейских врачей не поддается. Пациент тогда понимает, в чем дело и если жизнь ему дорога, он поспешно возвращается к своей коричневой Цирcee и по собственному побуждению спешит приготовлениями к законному браку. А той только того и нужно. Она дает своему возлюбленному известное ей одной противоядие, и тот быстро начинает поправляться. Через месяц по возвращении своем, он снова совершенно здоров и сочетается на этот раз уже вечными и законными узами со своею цветною подругой жизни.

Такие случаи не вымысел, они существуют; это печальные факты, с которыми легкомысленному европейцу, имевшему несчастье связаться с туземной женщиной, приходится считаться.

В подтверждение, приведу пример, всей Батавии известный, одного здешнего высокопоставленного голландского сановника. В молодости своей он служил субконтролером в какой-то отдаленной трущобе на о. Борнео*. Там он вступил в конкубинат с «дикой» женщиной из племени даяков, которые отчасти еще людоеды, и, как бы то ни было, известны тем, что беспощадно, из-за засады, нападают на всех людей безразлично и снимают с них головы, составляющие гордость и вместе приданное всякого уважающего себя молодого даякского жениха. Даячка своего сожителя не съела, но, что, пожалуй, хуже, она его отравила, когда он выказал поползновение бежать от ее черных чар в Евро-

* Современное название — Калимантан.

пу. Несчастный вернулся и сделал, как бы сделали другие на его месте и в его незавидном положении: он женился на своей дикой женщине и, по завещанию, отказал ей часть своего состояния. Казалось бы, пошутили и довольно. Можно бы и разойтись, живя врозь, отдельными домами. Но даячка, сделавшаяся внезапно голландскою мефрау, серьезно отнеслась к своему новому положению и к обязанностям законной супруги. Она заявила, что в качестве законом признанной жены мингера такого-то, никто и ничто не в состоянии воспретить ей поселиться и проживать у своего мужа. Ныне эта решительная и боевая женщина действительно и живет со своим мужем, который ее однако никому не показывает.

Удивительный край, изумительные нравы! А главное, такие факты и случаи никого более из проживающих на Яве индо-голландцев не шокируют. *Landlich — sittlich**; так этому и быть подобает!

Тем не менее, на Яве и специально в Батавии европеец может существовать в полной безопасности, не рискуя быть ограбленным или пасть жертвою отравы.

Стоит лишь, как всюду впрочем, соблюдать себя и в предосудительные комбинации или рискованные авантюры не пускаться. Я вот уже 4-й год проживаю на «кладбище европейцев», в Батавии, и никогда, за исключением тропической сыпи от жары и легких приступов малярии, никакими болезнями, даже лихорадкою не хворал, слава Богу. С малярией мы даже ладим отлично, и я до того с нею освоился, что мне даже будет казаться на первых порах по возвращении в Европу, что мне чего-то существенного недостает. Приключений мы тоже никаких не имели, нас не обкрадывали ни прислуга, ни лихие люди извне. Наша орава туземных слугителей более или менее исполняет свои обязанности. Словом, мы привыкли, освоились с климатом и местными условиями. Хотя мы продолжаем питать *stille Sehnsucht*** к Европе, но уже не испытываем ныне того болезненно-острого чувства одиночества и оторванности от всего привычного и дорогого, чем мы так упорно страдали и тяготились в первый год нашего пребывания на Яве.

Нас утешает и поддерживает сознание, что более половины этого трудного и тернистого пути уже пройдено, и что месяцев через двадцать настанет и для нас день конечной ликвидации всех расчетов с погибельною Явой...

В заключение моего исследования о местных условиях жизни и о туземной прислуге, мне остается еще поведать в назидание своему пре-

** Провинциальные нравы — чистые нравы(нем.).

* Тихая тоска (нем.).

емнику, из скольких человек состоит обыкновенно штат прислуги в европейском доме и сколько следует платить им жалованья.

Не лишним будет также выяснить вопрос, дорога ли в общей сложности жизнь в Батавии.

Первенствующую роль в доме играет слугитель № 1 или *spenn*. Это нечто вроде дворецкого и старшего. Получает он (буду цитировать минимум жалованья для каждого отдельно туземца) от 15 до 16 гульденов. Номер 2-й *spada*, его помощник, 12 гульденов. Кучер 15-16, конюх 10-12, садовник столько же, повар от 20 до 25 (кухарка от 15 до 18 гульденов), *бабу* или горничная 12-15 гульденов и более, если она умеет шить и кроить, а таковые есть, и даже очень искусные портнихи, так что очень многие дамы шьют свои туалеты дома. Если у вас много детей или лошадей, то в придачу надо нанять лишнюю *бабу* и лишних кучера с конюхом. *Бабу* — это отличные и заботливые няньки, так как туземцы чрезвычайно любят детей, не исключая и европейских «бэби», девчонок и мальчуганов, балуя их страшно и рабски исполняя малейшие их капризы и прихоти.

Кучеров здесь, в собственном смысле этого слова, не существует вовсе. Это только возницы, понятия не имеющие о том, как нужно ходить за лошадьми и как следует править ими. Притом они, как все малайцы, не имеют в руках и мышцах никакой гибкости и силы. Они здешних бойких, с огоньком, лошадей только дергают без толка и портят. Менять Кетилия на какого-нибудь Симана не стоит, так как и новый кучер Симан не лучше прежнего. Малайцы все скроены на один лад.

Ваш *spenn* может во всякое время сесть за кучера на козлы и разница получится неощутительная. Он же, в случае надобности, и не хуже кухарки приготовит вам обед. Конюх или садовник могут заменить *спенна* и прислуживать за столом. Словом, за что ни посадите малайца, он мигом присмотрится и очутится на своем месте. Плохи только так называемые повара и кухарки, которые, вероятно, прежде были садовниками или портнихами. Голландцы в еде неразборчивы и невзыскательны, а потому кулинарное искусство здесь обретаётся не в авантаже. Нет возможности заказать своему повару или кухарке сколько-нибудь приличный обед, когда у вас гости. Вследствие этого, даже в шикарных голландских домах званый обед почти целиком заказывается одному из лучших в Батавии «*pâtissier-cuisinier-glacier*»*, как он себя именует. Эти артисты поставляют и присылают в дом уже готовый обед и за 8-10 гульденов с персоны, без вина, можно получить очень порядочное и даже тонкое меню.

Дорога ли жизнь в Батавии? И да, и нет. Она дороже, конечно, чем в Европе, хотя некоторые предметы, например, вина, поражают своею дешевизною. В Батавии можно достать все что угодно в некоторых весьма роскошных европейских магазинах и у *ланганана* — поставщи-

* Кондитер-повар-мороженщик (*фр.*).

ка-китайца, который раза три в неделю привозит запасы керосина, сахара, вина, консервов и проч. Уплачивается по книжке, в конце каждого месяца, или по «бону», который вы подписали в магазинах, где можете без гроша денег в кармане закупить что угодно à l'oeil*, с уплатою в первых числах следующего месяца.

Жизненные припасы, мясо, рыба, овощи, фрукты, рис, куры и пр. недороги. Консервы, которых истребляется невероятное количество, немногим дороже, чем в Европе.

Содержание прислуги и лошадей также сравнительно дешево. Людям здесь, например, выплачивается только жалованье, кормятся же они сами, на свой счет с чадами и домочадцами, проживая тут же у вас под боком, в отдельных флигелях на вольном воздухе, образуя нечто вроде живописного цыганского табора. Тем не менее, в общей сложности оказывается, что жить в Батавии дороже, чем в Европе. Так, например, когда я был в Боснии, у нас в нашем сараевском доме были те же, что и здесь, 8 человек прислуги, для которой готовился отдельный стол. Но там собственно хозяйство, включая жалованье и пищу прислуги, стоило ровно столько же, сколько здесь, в Батавии, где о пище людей не приходится заботиться. Дороги здесь жилые помещения, предметы одежды и обуви, а также доктора и аптеки, на которые, благодаря климату, ежемесячно уходит немало денег. Словом за тысячу гульденов в месяц, а цифры этой вы в Батавии достигаете без особенного напряжения, и притом не вдаваясь ни в излишнюю роскошь, ни в бесполезные расходы, семейный человек существовать может совершенно прилично, но сбережений и экономии в бюджет сделать нельзя. Можно благодарить Создателя уже и за то, если посчастливится свести концы с концами. Богатеют на Яве лишь плантаторы да концессионеры, иностранные же консулы, бюджет которых ограничен и которые кофе и мускатных орехов не продают, в Батавии обыкновенно разоряются.

* Глазу (*фр.*).

Глава VI

*Китайский театр и музыка. – «Комедия Стамбул». –
Национальная яванская музыка. – Пантунны. –
Яванские сценические представления. –
Публичные аукционы или леланги.*

В Батавии я дебютировал в конце апреля 1894 года один, так как семейство мое, задержанное делами и болезнью в Неаполе, выехало из Италии лишь спустя шесть недель после моего отъезда и прибыло на Яву в конце июня, выдержав в Красном море убийственную жару, а в океане — бури и непогоды от Адена до самой Батавии.

Досугов у меня, таким образом, было много, так много, что я даже не знал, как и чем убить время, которое не шло и не проходило, а как-то ползло непозволительно медленным, черепашим аллюром.

Ява отдалена от всего: она не лежит на великом торговом пути из Европы в дальние края Востока. Она в стороне, и попутно попасть на Яву невозможно. Лет 25-30 тому назад, до пресловутых сахарных крахов, поглотивших миллионные состояния, даже в Батавии люди жили размашистее, роскошнее и веселее. Даже голландцы жили на более широкую ногу, принимали у себя, давали обеды и вечера, делали кавалькады и пикники, и вообще гостеприимно отворяли двери своих домов. Ныне не то: все ограничивается скучнейшими и самыми банальными рецепциями от 7 до 8 ч. вечера, а обеды или вечера сделались явлением редким и необычайным.

Чтобы сколько-нибудь сносно существовать в Батавии, нужно иметь свой семейный *intérieur** и определенные занятия. У меня же ни того ни другого не было, и я на первых порах своего одинокого прозябания в гостинице изыскивал всякие средства, чтобы развлечься. Представлений в европейском театре не было. Пришлось отправиться в театр китайский. Это было оригинально и интересно на первый раз, благо зрелище было новое; но я своего опыта не повторил, оглушенный громоуханием китайских гонгов и прочего оркестра. Описывать китайский спектакль я не стану — описание это не раз сделано прежде и лучше меня; скажу лишь, что меня поразила роскошь костюмов: акте-

* Здесь: домашний очаг (*фр.*).

ры одеты были в богатые парчовые или шелковые одежды, вышитые разноцветными шелками и золотом, чрезвычайно эффектные и своеобразного покроя. То же богатство костюмов я впоследствии встретил повсюду у китайских актеров даже в мизерных театрах, наскоро сколоченных из бамбуковых жердей, где-нибудь внутри Явы, в глухой провинции.

«Комедия Стамбул», которую я посетил затем, более подходила по внешнему облику своему к складу европейских понятий о театре, но зато зрелище это несомненно менее оригинально, чем виденная мною накануне китайская драма.

«Comedie Stamboul» названа так, не ведаю почему, а l'instar de Constantinople*. Между тем, в Стамбуле собственно национального турецкого театра не существует, ибо забавный, но неприличный *карагёз* — не театр, а марионетки. Надо полагать, что здешний Stamboul возник в подражание стамбульским армянам, которые на сцене изображают восточные легендарные драмы, переводные французские пьесы и даже оперетки, более или менее приспособленные к восточным нравам и вкусам.

Давали какую-то героическую драму из истории Явы — с раджами, браминами, волшебниками и всякими гениями, добрыми и злыми, играли также и женщины — на малайском языке, но на отборном *haut malais***, который люди, даже знающие по-малайски, не совсем понимают, так как европейцы в Батавии и вообще в приморских городах объясняются с туземцами на вульгарном малайском наречии, напоминающем ту *lingua franca****, которая в общем употреблении в Малой Азии, Сирии и Египте.

Актеры и актрисы, туземцы, выступали чопорно и не просто говорили, а декламировали роль однообразным тоном, подчеркивая свою речь деревянными жестами будто механические куклы. Яванскую эпопею сменила тоже заимствованная туземными авторами сказка из «Тысячи и одной ночи» с куплетами и пением, как в оперетке, и притом на выкраденные из европейских опер мотивы — «Марты», «Травиаты», даже *M-me Angôt*.

В виде финала поставлены были живые картины, изображавшие взятие голландскими войсками Чакранегары, столицы и резиденции раджи ломбокского на острове того же имени, причем оркестр, состоявший из каких-то личностей в широких синих шароварах и красных фесках, тоже а l'instar de Stamboul, скорее простонал и провизжал, чем сыграл подобие голландского гимна.

Своеобразнее и национальнее, с несомненным присутствием *couleur locale* были, конечно, чисто яванские музыкальные и театраль-

* В подражание Константинополю (*фр.*).

** Высокий стиль (*фр.*).

*** Смешанный язык, используемый для общения людьми, принадлежащими к разным национальностям.

ные представления. Но в космополитической Батавии, в которой самые туземцы как-то обезличились, потеряв первоначальный образ и облик яванцев и сунданцев, превратившись гуртом в «малайцев», национального театра и музыки не существует. Чтоб ознакомиться с тем и другим, необходимо отправиться внутрь страны, где независимые государи — «император» в Соло (или Суракарте) и султан в Джокдже (или Джокьякарте)*, а также различные регенты (туземные помощники голландских резидентов) продолжают еще покровительствовать национальному сценическому и музыкальному искусству. Они при своих дворах содержат труппы актеров и *гамеланг*** (национальный оркестр). В Батавии тоже можно слышать при случае на больших народных празднествах звуки *гамеланга* и видеть театральные представления. Но все это довольно жалко и мизерно и дается в уменьшенном масштабе. Полуголодная танцовщица, много — две под звуки жидкого оркестра из пяти-шести инструментов вертятся на месте и кривляются на улице среди толпы зевак, которые смотрят на это зрелище безучастно, как бы стали смотреть на собачью драку, и не испытывают в себе того священного огонька, которому всецело поддаются истинные любители и ценители где-либо внутри страны, подальше от крупных, более или менее европеизированных центров.

Во внутренних, более отдаленных частях острова все сохраняется еще в своем первобытном виде, а потому является не банальным, а, напротив, интересным и оригинальным предметом изучения.

Начать с того, что театр и музыка сохранили на Яве свой оригинальный, чисто народный, склад и характер. Есть, конечно, и на Яве *гамеланги*, которые на своих *гетах**** и кастрюлях разыгрывают «тарарабумбию» или иной фривольный мотив *fin de siècle*****, но это составляет исключение и диссонанс.

Люди, знающие музыку, не только хвалят яванскую музыку, но искренно увлекаются ею. Что касается меня, могу сказать лишь одно: яванская музыка *гамеланга* по крайней мере не оскорбляет слуха и не оглушает вас подобно китайскому оркестру. В состав порядочного *гамеланга* входят инструменты с медными пластинками (*гендер*) и деревянными (*гамбанг-каю*), по которым ударяют палочками с пробкою на конце; далее входят еще огромные, на подставке подвешенные, гонги из меди, издающие глубокий гудящий и протяжный звон, — *кенонг*, *бонанг*, *кенданг* и *феаб*. *Кенонг* и *бонанг* — это медные полушария с шишкою наверху, внешним видом своим напоминающие медный котелок или кастрюлю дном вверх. *Кенонг* состоит всего из одной такой кастрюли, по-

* Город Джокьякарта имеет разговорное сокращенное наименование Джокджа (вариант — Джокья).

** *Гамелан*.

*** Ударный инструмент (*мал.*).

**** Конец XIX века (*фр.*).

коящейся на веревках между четырьмя деревянными ногами, в *бонанг* же входит целая гамма таких котелков, обыкновенно до 12 кастрюль, и помещаются они на длинной, как постель, деревянной рамке с 4 ногами. *Кенданг* — это высокий и узкий книзу барабан, тогда как *ребаб* — скрипка или, скорее, нечто более похожее на сербские гусли как по внешнему виду, так и по раздирающим за душу тянущим, звукам, которые издает этот несимпатичный двухструнный инструмент.

Кроме вышепоименованных, в состав полного *гамеланга* входит еще масса иных инструментов — духовых, струнных и ударных. Но это бывает редко, ибо полный *гамеланг*, требующий 24 исполнителей — забава дорогая. Очень хорош также полный *гамеланг*, находящийся в музее в Батавии, который вообще интересен своими богатыми этнографическими коллекциями, собранными со всех стран и уголков обширной Нидерландской колониальной империи.

Концерт, исполненный в полном составе, как, например, при дворе в Соло, производит *en somme** приятное и симпатичное впечатление: нет ничего резкого, никаких тональностей, шокирующих ухо — звуки как будто крадутся издалека, заглушенные сурдинкой, но зато и мелодичности нет в этих мотивах, построенных все на тот же лад — и притом на один только лад. Так, по крайней мере, кажется. Ансамбль гармоничен и мягок, как самый характер этого народа, но ничего после исполнения яванской музыкальной пьесы в голове и в памяти не остается.

Да кроме того, музыкальная конструкция яванских мотивов до того сложная, и различные в ней тональности до того subtilны и неуловимы, что их нельзя точно передать нотами на европейский манер. Вероятно, вследствие этой технической трудности передачи яванских мотивов, ни в Батавии, ни в ином каком-либо городе на Яве не существует никаких сборников с яванскими музыкальными композициями. Недавно помнится один парижский композитор, задумавший написать на приз (золотая медаль) оперу на яванские народные мотивы, обратился, как это и естественно, в Батавию с просьбою выслать коллекцию яванских арий. Несмотря на самые тщательные розыски в здешних музыкальных магазинах и на справки и содействие любителей музыки и старожилов в Батавии, которым обыкновенно все известно и все доступно, желание француза не могло быть удовлетворено, и композитору отписали отсюда, что он скорее всего найдет искомое в самом Париже, в каком-нибудь этнографическом музее.

Сами яванцы играют без нот, и различные пьесы их репертуара передаются по слуху и на память, подобно тому как в древние времена переходили устно из рода в род эпические и героические поэмы. Яванцы вообще народ в высшей степени музыкальный, и музыка составляет для них — от мала до велика — не роскошь, а настоящую потребность.

* В целом (*фр.*).

Нет такого, даже убогого, *кампонга* (деревни), где не существовало бы своего *гамеланга*. Яванец по целым часам, более того — в продолжение нескольких дней и ночей, способен слушать чарующие звуки своего национального оркестра.

Не меньшую потребность для него составляют танцы и сценические представления. И то и другое в высшей степени любопытно и, на мой взгляд, оригинальнее так называемой яванской музыки.

Особенно блистательные по своей обстановке и костюмам танцы и театральные дивертисменты даются при дворах помянутых уже выше яванских государей в Соло и Джокдже. Император и султан содержат дорого им стоящие *гамеланги*, *corps de ballet** и труппы актеров и актрис у себя в своем *кратоне* (дворце). Впрочем, считается шиком также и для туземных управителей-регентов разыгрывать в уменьшенном масштабе роль меценатов и содержать собственные оркестры и труппы актеров.

В Соло я видел танцы, исполненные женщинами и затем мужчинами. Все танцовщицы в Соло «принцессы императорской крови» или даже дочери *сусухунана* (императора). В танце *бедойо* топчутся на месте с ритмическим колебанием торса девять танцовщиц, в три ряда, по три в ряд. Исполнительницы — молоденькие девушки, почти дети по росту и внешнему виду, воспитанные специально с этою целью, выделяли различные телодвижения, со взмахом необутых ног с золотыми браслетами вокруг щиколки, отбрасывали в сторону шлейфы своих балетных *саронгов*, все без различия неестественно пялили и до уродливости выворачивали руки и развинченные пальцы свои. В глазах яванцев эта, неприятно нас поражающая, развинченность всех безобразно выворачиваемых суставов рук и составляет главное и высоко ценящееся достоинство яванских национальных танцев. За исключением этого кривляния, танцы вообще гармоничны и грациозны и в отношении технического ансамбля безукоризненны, но они весьма скоро утомляют европейца своим однообразием, а монотонная, как бы заглушенная гамма аккомпанеента усыпляет его. Притом же все эти представления имеют капитальный недостаток: они слишком продолжительны; а так как различные балетные или сценические положения слишком мало разнообразятся, то внимание притупляется, и вам не без содрогания приходит мысль, что балет или драма могут длиться в продолжение целых суток, и что нет ни малейшей причины, чтоб это когда-либо кончилось.

Впрочем, для европейцев и именитых иностранцев, которых угощают такими зрелищами, делается уступка: спектакль продолжается всего один час, много полтора. И этого вполне достаточно, чтобы составить себе представление об яванском сценическом и хореографическом искусстве.

* Кордебалет (*фр.*).

Рядом с музыкаю, туземцы занимаются еще и поэзиею. Фантазия яванцев создала и до совершенства выработала особый тип чисто народной поэзии, так называемый *пантун*. По вечерам можно слышать в *кампонгах* пение *mezza voce** молодых девушек, которым отвечают молодые люди такими же куплетами, импровизированными тут же на месте. Это и есть *пантун*. В сжатой форме и в нескольких, обыкновенно метких, штрихах, полных безобидной шутовщины, а подчас и меланхолического юмора, эти туземные импровизаторы изливают свою *Sehnsucht*** и умеют выразить все, даже самые тонкие, ощущения наболевшего сердца или победную песнь удовлетворенной и торжествующей страсти.

Пантуны на благозвучном и мягком для уха малайском языке всегда глубоко и своеобразно оригинальны. В них сказывается вся прелесть гейневского настроения души, эта удивительная по своим контрастам смесь шаловливости и шуток с безнадежною *Schwermuthigkeit****. Они по форме и содержанию напоминают испанские народные *coplas* и также те *cantares*****, которые, в подражание народным мотивам, написали некоторые выдающиеся испанские поэты. Те и другие импровизируются, те и другие — прелестные и симпатичные продукты народного творчества.

Привожу здесь для примера два наиболее популярные и известные *пантуны*. К оригинальному тексту, по которому читатель может составить себе представление о звучной певучести малайского языка, прилагаю подстрочный перевод, возможно близкий к подлиннику*****:

Tabe, nona, tabe
Saja misti pigi
Pigi rasa sousah
Tinggal trada bole!
Kalau saja pigi
Djau deri nona
Djaga baik baik
Sugat ada saja
Kalau saja mati
Djau deri nona
Troussah siram bounga
Siram ajer mata
Itoe saja trima!

* Вполголоса (ит.).

** Тоска (нем.).

*** Печаль (нем.).

**** Песенки и куплеты (исп.).

***** G произносится как «г» - *pigi* - *пиги*, ja - как «я», dj - как «дь» - *дьяу* - далеко, aj - как «ай» - *ајег* - *айеф*, вода (Прим. М. М. Бакунина).

Прости, моя подруга,
 Я должен удалиться,
 Расстаться тяжело мне,
 Остаться ж я не в силах!
 Я ухожу далеко
 От госпожи любимой,
 Но ты о друге дальнем
 Храни воспоминанье.
 Когда ж я на чужбине
 Свои закрою очи,
 Не поливай цветов ты,
 А горькие лей слезы: *
 Те слезы мне отрада!

Или еще этот *пантун*:

Derimana datang linta?
Deri sawah touroun di kali.
Derimana datang tjinta?
Deri mata touroun di hati!

который я передаю так:

Откуда и куда червяк пресмыкается?
 Из рисового поля он к речке спускается.
 А любовь, скажи мне, откуда приходит?
 Любовь через очи в сердце чуткое входит.

Из приведенных примеров можно вывести заключение, что собственно народное поэтическое творчество в этом отдаленном уголке крайнего Востока симпатично и доступно пониманию европейца. Малайские трубадуры, для которых атог продолжает рифмовать с *dolor*** — сродни провансальским труверам и современным андалузским импровизаторам. Но далеко нельзя утверждать того же, например, о национальном драматическом искусстве яванцев. Это уже ни на что европейское не похоже, и если яванская драма вообще может быть приравнена к чему-либо, нам более или менее известному, то скорее всего ее можно, с грехом пополам, сравнить со средневековыми мистериями божественного и героического содержания. Драма яванцев, так же как и мистерия, архаична, условна и символична. В ней выступает на сцену целая процессия богов, раджей, браминов, эпических героев, волшебников и чудовищ. Все это происходит в давно минувшие и баснословные времена, воспоминание о которых сохраняется в древних хрониках, передающихся из рода в род. Большинству народа, незнакомого с этими эпопеями легендарного века, происхождения, жесты и слова исполнителей на сцене, условных и деревянных, как сама изображае-

* В тексте это выражено еще более поэтичным образом: *айер ма та* означает «воду очей», т.е. «слезы» (Прим. М.М. Бакунина).

** Любовь и скорбь (итал.).

мая драма, остаются темными и непонятными, тем более, что актеры говорят также на мертвом, ныне утраченном наречии *кави*. Тем не менее, хотя, как выражается поэт, «есть речи, значение темно иль ничтожно, но им без волнения внимать невозможно», так и в данном случае: народ, как бы по откровению свыше, страстно внимает и следит за тем, что происходит на сцене. Все эти Арджуна, Антараджа, Батара Гуру, великан Авамуко, боги индусской мифологии, сказочные герои, принцы и принцессы — все эти типы и фигуры ему родные и близкие. И это действительно типичные представители как яванского мирозерцания, так и яванских понятий о физической красоте и внешнем совершенстве. Все они безразлично имеют вытянутую угловатую физиономию на непомерно длинной и тонкой шее, с огромным ртом до ушей и длинным загнутым носом; глаза скошены, руки нескончаемо длинны и тощи, пальцы и того длиннее, какие-то будто развинченные. Типы эти в одно время и страшны, и смешны, благодаря сознательному преувеличению до степени grotesque всех и каждой в отдельности физических особенностей или недостатков человеческой фигуры.

Все это символично и условно, все это именно в таком виде существовало всегда, с начала мироздания, и изменено быть не может, хотя в действительности смеющимися типам эти карикатурные изображения не отвечают. В этом отношении яванцы не сделали никакой уступки требованиям времени. И ныне еще знаменитые в их летописях покаяние народного героя Арджуны на горе Индре или эпизод из войны пандавов* исполняются при той же обстановке, как и во времена владычества браминов, 600-800 лет назад. Яванский театр и драматическое искусство яванцев — это оставшееся до конца XIX века без изменений воплощение в условных формах и образах седой старины. До конца века осталось всего несколько лет, но никакого элемента *fin de siècle*** яванцы не ввели еще в свои сценические представления, которые не поддались, подобно музыке, влиянию белых людей с дальнего Запада. Этому яванскому духу консерватизма можно только искренно радоваться. Театр их, правда, сухой и кажется нам, европейцам, безжизненной формалистикою, но зато он глубоко характерен и оригинален, а разве это не самое существенное условие в наш прогрессивный век, когда даже в какой-либо убогой хижине чернокожего в Конго или на берегу озера Виктория-Ньянца можно увидеть на стенах расклеенные гравюры из *Illustrated London News* или *Journal Amusant*?

Яванцы, впрочем, делят свои драматические произведения на три эпохи: *wayang purwa*, *wayang gohlek* и *wayang karoutjil* (*wayang* — театр, сцена). *Wayang purwa* имеет предметом передачу событий эпохи

* Пандавы — герои древнеиндийской эпопеи «Махабхарата», посвященной истории непримиримой вражды между *кауравами* и *пандавами* — сыновьями двух братьев-царей.

** Характерного для конца XIX столетия (*фр.*).

самой отдаленной, раньше воцарения легендарного Париксита, и действие происходит на языке *кави*. *Wayang gohlek* трактует о временах также еще легендарных, после смерти Париксита; наконец, *wayang karoutjil* изображает времена уже исторические, вплоть до возникновения могущественной империи Маджапахит и до водворения на Яве исламизма.

Слово *wayang* хотя и означает театр вообще, но применяется специально к так называемому кожаному или деревянному театру, на сцене которого играют марионетки из буйволоковой кожи или деревянные. Первые — плоски и размалеваны красками и золотом, вторые — это рельефные куклы и также выкрашены в различные краски с золотыми арабесками и самыми причудливыми прическами и головными уборами. И те и другие безразлично отвечают требованиям яванской эстетики, т.е. они безобразны и карикатурны. Каждая фигура изображает собою известный тип; а так как типы эти чрезвычайно разнообразны, то полный комплект кукол, например, для *wayang karoutjil*, достигает цифр от 125 до 150 штук.

Самую выдающуюся роль во всяком *ваянге* всегда играет так называемый *даланг*. Это в одно и то же время — импрессарио, директор и главный, т.е. даже единственный актер, который по очереди говорит за всех своих марионеток или кукол. Весьма сложны и ответственны обязанности этого яванского сотоварища и соперника знаменитого Р. Салиса, создателя и собственника театра Chat Noir в Париже. Он должен подыскать подходящее место для сцены, озаботиться насчет оркестра и освещения. Он же по целым часам без перерыва декламирует роли, — случается, что такое яванское представление длится, страшно вымолвить, 9 ночей сряду! *Даланг* начинает с того, что знакомит зрителей с содержанием пьесы, где действие происходит, какими особенностями отличается страна, правители и народ; далее он излагает краткую биографию действующих лиц. Лишь после такого вступления начинается собственно действие под аккомпанемент оркестра.

Даланг исподволь готовится к своей профессии и служению яванским музам драматического искусства. Он сперва посещает народные театры, прислушивается и старается запомнить наизусть различные роли, или же он берет специальные уроки у искусного собрата-*даланга*, уже снискавшего себе общую известность.

Обзаведение потребным марионеточным, кукольным и иным материалом, оркестром и пр. обходится от 500 до 800 гульденов, что составляет весьма крупную сумму для туземца, который, по нравам и широким замашкам своим, мало напоминает трудолюбивого скопидома-муравья, а скорее подходит к привольному типу стрекозы. Но ему обыкновенно в его начинании помогают страстные театралы, а также туземные регенты и принцы.

Нельзя сказать, чтобы такой труженик-*даланг* зарабатывал много; он, напротив, еле сводит концы с концами. К счастью, туземцу вооб-

ще нужно немного: несколько щепоток риса, до 5-6 бананов — и он доволен и сыт. Когда он дает представления в собственном *кампонге*, *даланг* вознаграждения никакого не получает, но зато он податей не платит и освобождается от принудительных работ (*corvees*). Когда он командирован ко двору регента или принца, *даланг* получает квартиру и стол; в редких случаях ему выдают вознаграждение деньгами. Таким образом, *даланг* чаще всего работает себе в убыток, но зато роуг *la gloire** и вообще пользуется тем почетом, которым в древнем мире окружали популярных певцов и бардов. *Даланг* — личность, имеющая некоторый авторитет среди населения: его соплеменники относятся к своему лицедею с почтением и робостью, не лишены суеверного страха. Часто его приглашают на обряд обрезания; в таких случаях *даланг* играет роль шамана и над порученным ему младенцем произносит заклинания или читает несколько стихов из древних хроник и легенд.

Существует еще иной жанр театральных представлений, при которых на сцене появляются живые люди — актеры и актрисы. Называется это *wajang orang*, или еще *topeng*, то есть театр с людьми или масками. Я лично нахожу, что такой «живой» театр любопытнее китайских теней, изображаемых кожаными фигурами или декламаций бездушных кукол. Тут, по крайней мере, участвуют настоящие актеры *en chair et en os***; они, правда, не говорят, ибо в настоящем случае *даланг* читает роли за них, и лишь телодвижениями и жестами подчеркивают слова и речи импресарио. Актеры обязательно обнажены до бедер и носят широкие яванские панталоны с разводами, *саронг* и нечто в роде епанчи через плечо. Говорить сами они, впрочем, были не в состоянии, так как носят маски, которые не прикреплены на голове тесемками, а имеют спереди, под носом, выдающийся вперед кусочек дерева; лицедеи кусок этот вставляют себе в рот и крепко сжимают зубами. Им, таким образом, не до разговора, а все их внимание и усилие сосредоточено на том, как бы при усиленных движениях и жестах, ими совершаемых, не потерять своей маски.

Маски эти, неизменно условного типа *grotesque*, сделаны чрезвычайно искусно из дерева, лакированы и раскрашены. Они изображают все самые разнообразные настроения души, всю лестницу человеческих страстей. У классического Яго — изменника — глаза смотрят долу, исподлобья, и выражение физиономии вместе коварное, жесткое и какое-то растерянное; дьявол, например, кровожадный, дикий и чудовищный тип; у иных опять навеки отпечатлелось и застыло на лице бессмысленно-блаженное выражение какого-то юродивого, с ничего не выражающею постоянною улыбкой на устах. Благодаря такому раз навсегда установленному распределению ролей (каждый отдельный

* Ради славы (*фр.*).

** Собственной персоной (*фр.*).

тип имеет свою маску), получаются на сцене контрасты и эффекты, которых яванцы, создатели этих типов, уж, конечно, не искали и о которых они даже и не догадываются. Действительно, неотразимо комичное впечатление производит, например, на европейского зрителя объяснение в любви с «королевой» классического героя пьесы. Природа и традиции снабдили героя всеми атрибутами существа сверхъестественного, физическая красота его, на яванский манер, вследствие сего особенно подчеркнута и доведена до *pes plus ultra** преувеличения. Взгляд у него пронизывающий, острый и гордый, выражение лица должно изображать недоступность, достоинство и вместе суровость, поэтому на его тонких и стиснутых губах играет улыбка презрительного снисхождения ко всему окружающему, узкие же глаза скошены и прищурены, как будто этот сверхчеловек высматривает себе жертву. И вот такой господин, вся фигура которого выражает строптивость и бессмысленную жестокость, не изменяя и *roug cause*** стереотипного выражения, застывшего на его безобразной маске, преклоняет колена перед царевною, снабженною неподвижною розовою маской дешевой куклы или вербного херувима, нашептывает своему предмету слова любви, по-видимому, всепоглощающей и безбрежной, как море, если судить по отчаянным жестам этого дикого и страстного любовника, с лицом, выражающим все, что угодно, за исключением именно одной любви!

Театр и музыка — достояние глухой провинции. Просвещенная Батавия с ее разношерстным населением презирует столь вульгарные развлечения. В Батавии надо искать иных развлечений, иного способа убить беспощадное время. Поверит ли читатель, что к числу таких развлечений должны быть в Батавии отнесены общественные аукционы (*леланг* по-малайски, *vendutie* по-голландски)? Явление невероятное, тем не менее — это факт. При этом интересен не самый процесс аукциона, а канун такого *леланга*, именуемый здесь *kykdag* (кейкдаг, то есть день, предназначенный для осмотра).

Аукционы эти происходят правильным образом раза четыре в неделю, а то и чаще. Особенно усиливаются и учащаются аукционы в феврале, марте и апреле, когда голландцы собираются в Европу на житье или в годовой отпуск. С начала января места на всех пароходах, отходящих в Европу, разбираются нарасхват, кандидаты записываются на несколько месяцев вперед до дня отъезда, и все-таки нередко случается, что, за отсутствием свободных кают, приходится отложить на неопределенное время предположенное и подготовленное путешествие.

Голландцы с невероятною быстротою и ловкостью распродают свое имущество. Самого пустого повода для них достаточно, чтобы

* До крайних пределов (*лат.*).

** Ради этого (*фр.*).

ликвидировать в 24 часа все, что у них имеется, начиная с мебели или экипажей и кончая обувью или старыми книгами и журналами. Почти никогда не случается, чтобы какой-либо голландский офицер или чиновник при перемещении из одного города в другой увозил с собою свою меблировку, экипажи и прочее обзаведение, хотя, казалось бы, это дело несложное, благодаря существующим почти повсюду в главных центрах Нидерландской Индии железнодорожным и пароходным сообщениям. Все, что в доме имеется, непременно продается с аукциона, причем не существует такого предмета — будь это старая шляпа, кухонная кастрюля или помадная банка — который не нашел бы любителя и покупателя.

Аукционы организованы прекрасно. Публичными распродажами заведует особое учреждение, так называемый *Veiling-Departement*. Покупателям дается трехмесячный кредит и срок для взноса денег, должных ими за приобретенные предметы. Учредитель же аукциона, собственник, на другой же день может получить сполна сумму, вырученную с аукциона, за вычетом известного процента в пользу казны и правительственных комиссаров, которые и продают с публичного торга. Эти же комиссары принимают заказы и за известную комиссию приобретают за ваш счет то, что вы им поручили купить.

Накануне аукциона публика собирается смотреть, и каждый выбирает, что ему приглянулось. В богатые дома, где аукцион обещает быть особенно привлекательным, съезжаются вереницы экипажей, и нарядная публика гуляет по ярко освещенным верандам и комнатам. Здесь встречаются знакомые и разговаривают между собою непринужденнее, чем на рецепциях от 7 до 8 вечера, где мужчины составляют от дам отдельную группу. Словом, такой *леланг* есть *rendez-vous** и развлечение для скачущей батавской публики.

Система эта представляет много удобств, особенно для новопривыкшего иностранца, еще незнакомого с ресурсами города. Он, таким образом, может для своего будущего *interieur*** приобрести полную меблировку, не прибегая к услугам китайских столяров, языка которых он не понимает. Мебель тяжелого тикового дерева, который не берет даже челюсть белого муравья, почти всюду в здешних домах одинаковая; излюбленный и самый распространенный фасон, это так называемая модель бамбу, из дерева, с коленчатыми ножками и составными частями, напоминающими натуральный бамбук. Такая мебель, кровати с занавесками от комаров, кухонная утварь, лампы, японские экраны и пр. идет ходко, все их берут охотно. Можно также всегда продать все то, что вывезено из Европы, даже дрянь третьего разбора. Нет такого хлама, будь он только европейского происхожде-

* Здесь: место встреч (*фр.*).

** Здесь: дома (*фр.*).

ния, который не нашел бы покупателей. Особенным спросом пользуются ковры французских и бельгийских фабрик — за них уплачиваются большие деньги.

За ту же сумму можно в Каире или Смирне приобрести настоящий восточный ковер, не чета этим жалким европейским *carpettes**, по 3 франка за метр. Не меньшие цены уплачиваются здешними голландцами и метисами за драпировки, плюшевые скатерти и занавески: чем солиднее и тяжелее материя, тем дороже она ценится. Если у вас есть, например, никелевый топор с барометром в топорнице или такая же чернильница-велосипед с часами в колесе, то вы не только продадите эту сомнительного вкуса дрянь, *made in Germany*, но вы за нее выручите больше того, сколько вы имели неосторожность дать за этот хлам в Европе. *En revanche*** люстры или канделябров изящной венецианской бронзы вы никому не спустите — не берут, потому что толка ни в чем сколько-нибудь изящном здесь никто не понимает, за исключением двух-трех лиц с менее вульгарными вкусами.

Я стал правильно посещать аукционы отчасти с практической целью — мало-помалу меблировать свое будущее помещение, отчасти потому, что это доставляло хоть какое-нибудь развлечение. Мною, кроме того, руководила еще тайная надежда, что авось не на том, так на другом *меланже* подвернется что-нибудь редкостное или интересное. И, действительно, однажды мне удалось отыскать и приобрести чудесный во всех деталях, прекрасно исполненный столик *boule* чистейшей эпохи *Louis XV****. Аукцион происходил в доме не первого встречного, а у одного члена совета Индии, человека с состоянием, с высоким положением и, надо было полагать, со вкусом. Я прежде всего удивился тому, что хозяин мог вообще выставить на продажу такую во всех отношениях прелестную вещь, которая всюду составила бы украшение любого салона. На аукционах выставленные предметы бывают часто *limité***** в цене, то есть за них назначается высокий минимум, ниже которого вещь не уступается. Столик «буль» до того мне понравился, что я решил дать за него до 75 гульденов: я знал, что в Париже цена такому экземпляру, по меньшей мере, 250 франков и ужасно боялся одного, как бы какой-нибудь случайный ценитель изящного не отобрал у меня под носом эту драгоценность. Но я еще плохо знал тогда грузных голландцев: никакому подобному риску я не подвергался. Не нашлось ни одного любителя, и я приобрел за смехотворно низкую цену в 20 гульденов «буль» наилучшей эпохи, который я с торжеством и гордостью увезу себе в Европу!

* Коврики (*фр.*).

** Зато (*фр.*).

*** Работы мастера А. Буля эпохи Людовика XV.

**** Ограниченный (*гол.*).

Я намеренно остановился на этом эпизоде с «булевым» столиком: история эта характерна и показывает общий низкий уровень вкуса, которым одарены здешние плантаторы и прочие тузы батавской чиновной и коммерческой плутократии. Обстановка их домов бывает богата и даже роскошна, но все, что нагромождено в салонах, банально и безвкусно, нет ни одной сколько-нибудь порядочной картины или ценной по художественному исполнению группы, статуи или просто безделушки. Да и откуда им иметь понимание изящного и потребность окружать себя эстетическими предметами? А потому не следует этих мингеров осуждать — не ведают бо, что творят!

Глава VII

*Как ведется хозяйство ланганан и гуданг. –
Ежедневная борьба за существование на Яве: насекомые, гады, змеи и пр. –
Жизнь и общественные ресурсы в Батавии. –
Сношения с властями и обществом. –
Отсутствие русских интересов коммерческих и политических. –
Редкие русские туристы. – Местные редкости для коллекции. –
Путеводители по Яве.*

Словами ланганан и гуданг исчерпывается понятие о способах ведения хозяйства в Батавии. Все и вся основано и вертится вокруг этих двух симпатичных учреждений, благодаря которым значительно упрощаются занятия и заботы хозяйки дома.

Гуданг, существующий при каждом доме, есть чулан или кладовая, в котором сосредоточиваются все потребные съестные и иные припасы и материалы домашнего обихода. Доставляет же эти припасы китаец-поставщик, именуемый *langganan*, раза два в неделю по книжке, по которой уплачивается в конце каждого месяца. Этот *langganan* посылает на дом все необходимое, и к нему можно обращаться за услугами всякого рода, за справками, с требованием разыскать, например, в 24 часа сбежавшую собаку вашу или же с поручением отыскать и привести кучера или кухарку, если ваша собственная прислуга, как это часто случается, не в состоянии или просто не желает вывести вас из затруднения и рекомендовать вам нового кучера или *спенна*, хотя это и входит в круг ее прямых обязанностей относительно своего *туана* (господина).

Китайский *langganan* здесь незаменим, это *bonne a tout faire**. Его можно уподобить, по разнообразию оказываемых им услуг, фактору-еврею в наших западных губерниях. Притом же он обыкновенно дешевле голландских поставщиков, а товар у него столь же хорошего качества.

Ведение хозяйства в Голландской Индии удобно еще потому, что каждое утро все поставщики приносят свой товар на дом, так, что с 7 до 10 час. перед гудангом располагается целая ярмарка и проходят процессии малайцев и китайцев. Являются продавцы яиц и кур, овощей, фруктов, дров, травы и стеблей красного риса, которыми здесь кормят лошадей. Среди этого базара, в утреннем костюме, т. е. в *сафон*-

* Здесь: мастер на все руки (*фр.*).

ге с *кабайею*, торжественно восседает и неистово торгуется хозяйка дома, закупая провизию и выдавая *кокки* (кухарке) все, что нужно к завтраку и обеду.

Гуданг следует содержать в величайшей чистоте и исправности, так как иначе рискуешь в этом гнилом климате, что все испортится от сырости.

Рис, крупу, сахар в порошке приходится раза три в неделю проветривать и сушить на солнце, а остальное время держать в закупоренных стеклянных банках. То же самое вне кладовой приходится проделывать и в самом доме с бельем, платьем, обувью, которые в закрытых шкапах поедаются тараканами (*какерлак*) и очень скоро получают отвратительный запах плесени.

Обувь и все кожаные вещи, как-то: чемоданы и саквояжи постоянно сыры и насквозь пропитаны запахом шампиньона, они покрываются сплошь зеленоватым наметом, какой-то, быть может и роскошной, но в высшей степени подозрительной растительности. Эта постоянно в воздухе разлитая сырость составляет одну из главнейших язв здешнего края и вызывает ежедневную, упорную и не всегда успешную борьбу за существование.

Сколько мы на первых порах, по неведению, благодаря этой феноменальной сырости, понесли убытку всякого рода! Приходилось целыми жестянками выбрасывать подмоченную провизию, а сколько я, например, извел одних конвертов! Они от сырости склеивались так плотно, что не было возможности их открыть, и оставалось одно — выбрасывать их десятками. То же самое случалось с перчатками. Если не держать их в плотно закрытых стеклянных банках, то они сырели, топорщились, становились как бы деревянными, теряя форму и очертание. Сигары, табак и папиросы также вольного воздуха не переносят, они сыреют и пропитываются затхлым и до тошноты доводящим запахом шампиньона.

Кроме сырости, приходится вести еще постоянную и упорную борьбу с крысами и лягушками, которые проникают во все жилые помещения в нижнем этаже, ибо все двери в доме вечно настежь. Тысяченожки, скорпионы, тарантулы и огромные, зловещего вида, ядовитые пауки также делают свое дело разрушения в сырых помещениях. К ним присоединяются еще и белые муравьи — *раяп*, по-малайски. Это чрезвычайно прожорливое насекомое, снабженное весьма завидною разрушительною силою челюсти, атакует и съедает кожу, ковры, циновки, даже дерево. *Раяп* работают в темноте, ведут подкопы и крутые галереи, так что снаружи ничего не обнаруживает их зловердного присутствия. Но муравьи, тем не менее, добросовестно, например, подтачивают деревянные стропила на лестнице или на веранде. Если постучать по колонне, которая снаружи кажется крепкою и здоровою, дерево издает глухой звук. Это значит, что внутри оно съедено и пусто. Случается, что колонна на вид цельная и нормальная, в одно прекрасное

утро начинает трещать и ломится пополам, представляя из себя вид пустой водосточной трубы, а не цельного, уважающего себя деревянного стропила. Вот почему все капитальные части построек, полы, потолки, настилка балконов и веранд, колонны в доме и пр., а также и мебель делается в Индии из тяжелого и крепкого тикового дерева (*bois de teck*, *djati* по-малайски), которого белые муравьи пробраться не в состоянии.

В категорию естественных разрушительных сил тропической природы следует еще включить массу коричневых жирных летучих тараканов (*kakerlak* по-голландски и по-малайски), которые неизвестно как и откуда проникают в шкапы и комоды и поедают книги, бумагу, платье и белье. Они появляются вечером, когда все доброе ложится и все недоброе встает, гуляют, а то и летают по веранде и в комнатах. От этих отвратительных насекомых нет никакой возможности уберечься, они кишат даже у голландцев, которые, как известно, содержат свои дома с образцовою чистотою.

Вечером, особенно после дождя, лампы и газовые рожки составляют притягательный пункт для комаров и для огромных жуков, величиною с кулак годовалого младенца.

Эти жуки, безобидные, но противные и внушительные по величине, издают густой жужжащий звук, беспомощно кружат наперегонку с летучими мышами вокруг лампы и грузно шлепаются об стену, а то и в физиономию хозяйки дома, которая мирно отдыхает на своей *chaise longue** от злобы дня. Даже лежать смирно или читать спокойно вечером на веранде не дают эти противные и весьма агрессивные насекомые: тучи, буквально густые тучи особого вида летучих муравьев застилают газовый свет, обжигаются и сбрасывают крылья на пол, на вас самих, на столы, в ваш чай или *whisky and soda*. Вы зовете *спенна*, и он всю эту нечисть выметает вон грудами и сплошными черными массами. Еще, слава Богу, когда эти летучие муравьи никакого специфического запаха не имеют, а то есть и такие специи, которые напоминают вам далекую Европу своим запахом клопов.

Я, кажется, не забыл в своем перечне никого и ничего из той категории язв и бичей человеческих, которые отравляют созерцательное существование под тропиками. А змеи? — спросит меня читатель. — Где же змеи? Ведь у вас, на Яве, говорят, шагу ступить нельзя без того, чтобы не наступить на подобного гада и тогда, конечно, конец!

Все в Европе убеждены, что на Яве змеи кишмя кишат и что они забираются даже в постель, шипящим кренделем свертываясь под подушками.

В действительности это не совсем так происходит, хотя нет сомнения, что змеями всех сортов, за исключением кобры-капеллы, Ява изобилует. Змеи эти большею частью ядовиты и чем они меньше, тем они

* Шезлонг (*фр.*).

опаснее. Но до больших городов они еще не добрались и по улицам не ползают. Тем не менее, они существуют даже в городах, так как по типу своему эти населенные индо-голландские центры походят все на большие деревни, утопающие в зелени окружающих их садов и парков. Кроме того, ко всем этим городам, не исключая и Батавии, в особенности на окраинах, близко подходят малайские *кампонги* (села) и рисовые поля.

Змеи, таким образом, водятся и в Батавии, даже в Вельтевреде, европейском новом квартале *par excellence**, ибо нет такого дома, который не стоял бы среди сада. Из *сав*** (рисовых полей) скатертью лежит змеям дорога в сад, во двор и даже в жилые помещения нижнего этажа, куда эти нежелательные посетительницы иной раз и заползают. Мне неоднократно рассказывали, что в том или ином доме люди вечером нашли на циновке в гостиной или даже спальне свернутую змею. При приближении человека, змея обыкновенно поспешно ретируется. Атакует она, если вы имели несчастье на нее наступить или если вы ее поднимете палкой. Тогда она бросается на вас и жалит. Укушение большею частью опасно, но не всегда смертельно, если тотчас принять необходимые меры. Выжигать укушенное место не нужно. Достаточно крепко перевязать ужаленный член выше места укушения, дабы остановить подъем по жилам вошедшего в организм яду и испорченной крови. Больное место следует немедленно окунуть и долго держать в простом керосине; это простое средство с успехом употребляется, например, плантаторами в Бразилии, где змей также видимо-невидимо. Не вредно, кроме того, не теряя времени, выпить изрядное количество, до опьянения, водки или коньяку. Далее, полезна еще паровая баня, но это потогонное средство здесь и без того уже уготовала предупредительная природа.

En somme, on peut s'en tirer***. Смертных случаев через укушение ядовитых змей на Яве насчитывается несравненно менее, чем, например, в Британской Индии, где, как показывают статистические таблицы, ежегодно от одних змей люди гибнут десятками тысяч.

В роскошно раскинувшемся на пространстве десятков десятин ботаническом саду в Бейтензорге ежедневно косят траву, копают канавы, рубят деревья и вообще работают сотни босоногих туземцев. В течение 15 месяцев, проведенных мною в Бейтензорге, я всего раза три-четыре слышал, что такого-то малайца укусила змея. Пострадавший тотчас получает в лаборатории сада медицинскую помощь или лечится сам туземными средствами и большею частью выздоравливает. А змей в Бейтензорге несомненно существует достаточно, благодаря соседним болотам и рисовым плантациям. Стоило только заказать любому садовнику или

* Преимущественно (*фр.*).

** *Савахов.*

*** В общем, выкарабкаться можно (*фр.*).

рабочему из ботанического сада, чтобы он к такому-то дню доставил столько-то штук змей. Дело это для них обычное и спрос на различных гадов постоянно велик со стороны туристов и естествоиспытателей, которые ежегодно стекаются для научных работ в Бейтензорге.

Редкий из этих господ покидает Яву без того, чтобы не увезти с собою нескольких экземпляров змей, ящериц, тарантулов и пр. в спиртовых банках. За два гульдена можно в Бейтензорге достать из ближайшей *савы* змею боа в 2,5-3 сажени длины, живую и, прибавлю, очень живучую, ибо такая гадина еще жива после того, как ее голова от ударов палками и камнями превратилась в кисель. Один такой экземпляр я купил однажды и выпустил на свободу в саде. Признаюсь, однако, что я жизни был не рад, когда этот толстый и грузный на вид гад в 2,5 сажени с неимоверною быстротою и прытью спасся в гуще сада от наших преследований. Одно время боа куда-то исчезла бесследно. Необходимо было ее разыскать и убить, ибо жутко становилось при одной мысли от подобного соседства, особенно под вечер, когда в темноте змея могла заползти в дом. Боа не ядовиты, но они страшны по своим размерам и опасны тем, что не задумываются нападать на животных и даже на человека, вокруг которых обвиваются, душа свою жертву в своих мощных кольцах.

После долгих поисков, змея, наконец, отыскалась. Она очутилась обвитою кольцом вокруг дерева *рамбутана*, и полтуловища с зловеще разинутою пастью угрожающе застыло в воздухе. Сильным ударом бамбукового шеста мне удалось перешибить ей позвоночный столб и свалить змею на землю, где мы ее и прикончили, впрочем, не без труда и не скоро.

Других животрепещущих охотничьих походов, за исключением этого в своем роде *Kampf mit dem Drachen*^{*}, я на Яве не испытал, тигров не видал, даже рычания их в лесах слышать не удостоился, крокодилов никаких не стрелял, хотя этого добра достаточно в старой Батавии, где они свободно ныряют в каналах, ведущих в море, близ Приока. Меня неоднократно приглашали попробовать счастья с крокодилами и гарантировали, что таковые найдутся без труда, и что я непременно вернусь с добычей. Но меня эта перспектива не соблазнила. Я убежден был, что ничего, кроме солнечного удара да злокачественной лихорадки, я не принесу обратно домой из экскурсии под палящим солнцем среди приокских трясин и джунглей.

Читатель может убедиться из моего рассказа, что я, в качестве добросовестного и правдивого хроникера, вношу в свою летопись лишь совершившиеся в действительности факты. А между тем, я мог бы наполнить целые страницы повествованиями о драматической охоте на тигров и носорогов на западной Яве, об избиении массы слонов, мною совершенном на острове Суматре, и никто не мог бы меня контролировать или уличить в избытке воображения.

^{*} Битва с драконами (нем.).

Шкуры тигров и пантер, тем не менее, у меня есть, но спешу прибавить, убил этих зверей не я, мне их поднесли на память о Яве приятели, или я их приобрел за деньги у различных яванских исправников и урядников. Но шкуры моих тигров далеко не безупречны, они ужасно изуродованы и истерзаны, вследствие того, что тигры эти попались в западни с заостренными кольями. Голова притом же отсутствует, лапы и когти отрублены, а на самой шкуре масса дыр.

Вообще достать здесь цельный, хороший экземпляр тигровой шкуры возможно лишь при условии или самому застрелить зверя, что дано не всякому, или получить оную в подарок от знакомого голландца-плантатора, так как правительство уплачивает крупную премию, чуть ли не до 200 гульденов за убитого тигра, в удостоверение чего требует, чтобы ему представлены были голова, лапы и когти зверя.

От насекомых, гадов и диких зверей перехожу непосредственно к описанию социальной жизни и общественных ресурсов в Батавии.

Переход этот может быть на первый взгляд сочтен несколько рискованным и резким, ибо, казалось бы, что может существовать общего между категорию врагов и бичей человечества и общественными ресурсами, призванными услаждать наше существование?

Между тем, в действительности эти кажущиеся крайности сходятся и соприкасаются на одной общей почве, которая именуется борьбою за существование. Утром и днем вы более или менее успешно сражались с комарами, муравьями, с тараканами, с малайской прислугой вашей, которая вас эксплуатирует, исполняя лишь минимум того, что вы вправе от нее требовать. Вечером вы желали бы отдохнуть и развлечься, но, увы, развлечений и ресурсов в Батавии нет никаких.

После 6 часов вечера наступает тьма крошечная на улицах, как тени уныло передвигаются утомленные голландцы, совершая необходимый моцион. Публика большею частью без шляп, вследствие жары, головной убор свой, как St-Denis* свою голову, мужчины держат в руках.

Вы, правда, можете сделать обязательно один час продолжающийся визит в каком-либо голландском доме. Про *ресерти* (приемы) эти я уже имел случай говорить в первых своих письмах. Дамы помещаются одесную, мужчины ошую, на приличной дистанции. Видя эту обособленность, я неоднократно задавал себе несколько рискованный вопрос: каким образом, при этом отдалении мужского элемента от женского, как объяснить то поражающее изобилие детей, которым отличаются все почти здешние голландские семейства? Значит, не вечно же эти дамы и мингеры держатся врозь, ограничиваясь взаимным созерцанием, бывают же, следовательно, моменты, когда и те и другие сходятся поближе и поинтимнее?

* Св. Дени — первый епископ Парижа, погибший мученической смертью (около 250 г. н. э.).

Голландцы, в особенности же молодые дамы и девушки, тонкостью манер и изяществом тона не отличаются. Они умеют лишь говорить очень громко, смеются еще громче, развязно гогочут, но веселья настоящего не знают. К тому же они чуждаются иностранцев, так как большею частью не знают других языков, кроме голландского.

Поневоле остается одно при таких условиях — сидеть дома и читать до одурения, дабы хотя несколько убить время и прогнать гнетущую тоску.

Это ли не ежедневная борьба за существование? Днем жара и отставание своей личности против посягательств коричневых тараканов и коричневых малайцев, вечером та же жара и борьба со скукою. И так изо дня в день!

Подобное неприглядное и серенькое существование мы влачили на первых порах нашего пребывания на Яве.

Стадиум сей продлился-таки достаточно времени. Свыше трех лет прожили мы изолированные, будто в карантине. Несообщительные по темпераменту и недолюбливающие иностранцев голландцы нас чуждались, словно мы были зачумленные или совершили в Европе поступки не совсем благовидные, за что нас и сослали в Индию.

Визиты нам отдавали туго, на наши собственные ресепти являлись редко, обедать к себе не приглашали.

Но на четвертый год все изменилось к лучшему. Нам удалось сблизиться с двумя-тремя здешними семействами, из тех, что занимали в городе видное положение, и приняты были не только любезно, но еще и самым радушным образом. Затем круг наших знакомств расширился, установились уже близкие отношения, а не одни лишь редкие и чопорные визиты.

Никак бы я не поверил, если бы мне кто-либо, всего лишь год тому назад, сказал, что можно очень приятным образом существовать в Батавии и что у нас заведутся даже голландские друзья и приятели, с которыми расставаться будет жаль!

Что касается официальных отношений моих к властям в Батавии и Бейтензорге, то они с первого же дня моего прибытия и до конца пребывания были наилучшие и самые корректные. Никогда не возникло никаких инцидентов или недоразумений. Голландцы постоянно выказывали полную предупредительность и готовность служить сведениями всякого рода, поделиться статистическими или иными данными, показать то или иное, могущее заинтересовать иноземца. И это понятно: администрация поставлена так образцово во всех отношениях, что стусевывать и скрывать что бы то ни было не имеется оснований. Голландцы, напротив, во всякое время могут щегольнуть исправностью своего колониального механизма, показать свой товар лицом и наглядно демонстрировать любознательному иноземцу, какими путями и способами следует управлять колонию.

Занятий у меня было немного по моей консульской специальности. Русских интересов и русской торговли в этом отдаленном уголку крайнего Востока не существует, даже вездесущих русских евреев не имеется.

Слишком далеко от нас Ява. А главное, она лежит совершенно в стороне от великого океанского пути, который из Суэцкого канала ведет кратчайшей линией в Китай и Японию. Ява остается в углу, Сингапур, напротив, есть центр и пуп, так сказать, дальнего Востока. Сингапура миновать нельзя, да и нет в том необходимости. Здесь сосредотачиваются два потока и встречаются два течения — судов, идущих из Европы, и судов, возвращающихся туда из Азии и даже из Австралии. Выгоднее положения нельзя было и придумать для всемирного эмпорiums. Батавия, в сравнении с Сингапуром, захолустье и провинция, да, кроме того, надо дать значительный крюк, чтобы попасть на Яву, хотя от Батавии до Сингапура всего 45 часов плавания. Попутно, из Китая в Европу или обратно, никакие суда, ни военные, ни торговые никогда сюда не заходят, потому что не расчет, это отняло бы 5-6 дней, которые с большею пользою можно провести в Сайгоне или каком-либо порте английских владений.

Что касается наших торговых судов, им здесь искать нечего. Да их у нас вообще не настолько много, чтобы они могли плавать по всему свету и заходить в места столь неведомые и отдаленные ... Единственно Добровольный флот мог бы хотя изредка показывать свой флаг на Приокском рейде (в порте Батавии). И было бы голландцам на что посмотреть, так как суда эти могут с успехом выдержать конкуренцию по внешней внушительности и по элегантности своей с лучшими «англичанами» P. and O. (Peninsular and Oriental) и даже с более англичан изящными пароходами французских Messageries.

Казалось бы, отчего в самом деле Комитету Добровольного флота не попробовать, в виде опыта, учредить хоть на один год если не правильные рейсы, то хоть 3-4 захода пароходов в Приок на пути из Одессы во Владивосток и обратно? Грузы в Россию нашлись бы, а со временем они, быть может, бы и возросли, хотя никогда, конечно, не достигли бы количества фрахтов, грузимых в Сингапуре и в китайских или японских портах.

Первым и главнейшим грузом явился бы наш керосин из портов Черного моря, которого вместе с американским Devoe Oil потребляется на Яве ежегодно 30-40 и более миллионов литров. Русский керосин идет сюда и в Восточную Азию на иностранных судах — английских, голландских, итальянских и норвежских. Если бы его с места добычи доставляли русские суда, продукт этот обошелся бы здесь дешевле, так как не приходилось бы платить иностранным агентам-посредникам за нагрузку, перегрузку, комиссию и пр. Таким образом, можно было надеяться, что, сделавшись дешевле, наш керосин вытеснил бы со временем американский продукт.

Меня очень интересовал вопрос, можно ли и желательно ли вообще установить между Россией и Нидерландскою Индией правильные торговые сношения посредством рейсов пароходов русских и плавающих под русским флагом? Я выработал проект в этом смысле и адресовал оный нашему, столь отзывчивому на все русские нужды и начинания, Министерству финансов. Я предлагал рассмотреть, не сочтено ли будет полезным командировать на первое время в Батавию хотя бы только три парохода Добровольного флота, дабы они могли на месте ознакомиться с условиями рынка и подготовить себе почву для будущих коммерческих операций.

Предложение мое было одобрено, и Министерство финансов обрatiлось, со своей стороны, с запросом в этом смысле в Комитет Добровольного флота. Комитет, в принципе, изъявил согласие и постановил, что три парохода, между прочими, новейшие и самые крупные — «Киев» и «Екатеринослав» — зайдут в Приок пробным рейсом на обратном пути из Владивостока в Одессу.

Признано было неудобным командировать сюда пароходы эти на пути следования во Владивосток, куда они шли нагруженные эмигрантами, ссыльнокаторжными, солдатами и железнодорожным материалом для строившегося великого сибирского пути. Комитет точно так же отказался перевозить сюда керосин из портов Черного моря, так как груз этот был неподходящий, требовал особых приспособлений и мог повредить перевозимому на судах Добровольного флота китайскому чаю. Керосин с чаем вместе действительно не уживаются. От своих же фрахтов чая Комитет не счел возможным отказаться, так как Добровольному флоту немалых трудов и усилий стоило приобрести и обеспечить за собою перевозку и доставку чая морским путем в Россию. Комитет, вследствие сего, не желал да и не мог рискнуть лишиться этих столь выгодных и притом верных грузов и поступиться ими в пользу еще лишь гадательных пока выгод транспортирования керосина на Яву и загрузки здесь в Россию колониальных продуктов. Количество таких продуктов, во всяком случае, могло быть лишь ничтожное, ибо Россия вообще потребляет колониальных товаров немного, да притом закупает то, что ей нужно, в Сингапуре, Амстердаме, Лондоне и Гамбурге. Комитет Добровольного флота предпочитает за продукты эти уплачивать несколько дороже, чем рисковать, что рейсы его пароходов в отдаленную Батавию не окупят значительных расходов по уклонению с торного пути, по заходу в Приок и задержке в этом порте, задержке дорогой и не сулившей барышей и заработков.

В самом деле, что могли бы мы приобретать на Яве? Кофе мы получаем из Бразилии, чай идет из Китая. Сахарного песку (иного сорта здесь нет) нам не нужно, у нас и своего сахара, и притом лучшего качества, достаточно. Рисом мы не питаемся, подобно китайцам и индусам, а потому довольствуемся сравнительно малыми количествами. Корицу, мускатный орех, ваниль и пр. пряности мы покупаем в Европе. Не-

сколько сотен тонн копры — единственный продукт, вывозимый в Россию из Явы на иностранных пароходах.

Что же касается продуктов из России, которые можно было бы сбывать на здешнем рынке, то почва к подобному сбыту была еще вовсе не подготовлена, в виду полного отсутствия каких бы то ни было непосредственных сношений между Россией и Нидерландскою Индией.

Конечно, почву эту можно было бы предварительно подготовить путем, например, ознакомления здешнего рынка и здешней публики с продуктами и изделиями из России. В виду сего, можно бы сперва устроить в Батавии склад подобных продуктов; такие музеи и склады Министерство финансов уже открыло в некоторых европейских и даже азиатских центрах.

Я указывал, например, как на статьи вывоза из России, которые могли рассчитывать здесь на порядочный сбыт, на русский табак и папиросы. Спрос на то и другое здесь несомненно существует, так как русские табак и папиросы выписываются сюда из Амстердама и обходятся дорого, будучи притом весьма низкого сорта. Далее, русские вина, крымские, донские и бессарабские, в особенности же первые. Ведь выписываются же в Батавию вина из Италии, которые, за исключением марсалы, вообще плохи и более похожи на сок из смородины и иных ягод, чем на вино. Наши же русские вина ни в каком случае не уступают итальянским по качеству и по букету. Беда только в том, что большинство публики не догадывается даже, что Россия производит вино, а некоторые, более невежественные и наивные голландцы даже серьезно спрашивали меня, растет ли в России земляника и малина, как будто их серая и туманная Голландия пользуется синим небом и благодатным климатом Сицилии.

Словом, продукты для ввоза и вывоза могли бы найтись. Обмен оных, конечно, не достиг бы миллионов сумм, но курочка по зернышку клюет, и на первых порах достаточно было бы ограничиться хотя бы тем, что вообще положить почин непосредственным торговым сношениям между Россией и Нидерландскою Индией.

Но почин сей сделан не был и предприятию этому не суждено было осуществиться в действительности: в последний момент Комитет Добровольного флота отказался от присылки даже трех пробных пароходов, мотивируя свое решение отсутствием достаточных грузов в Батавии.

Это весьма прискорбно. Но я не виню и не могу винить Комитет в отсутствии разумного отношения к делу или в недостатке инициативы, напротив, Добровольный флот отнесся сперва сочувственно к мысли завязания непосредственных сношений между Россией и голландскими колониями путем пароходов, плавающих под русским флагом. Но, взвесив шансы за и против успешности подобного предприятия, Комитет заключил, что ничего серьезного из этого не выйдет и что компания потерпит одни лишь убытки.

Решение Комитета понятно. Всякая иная пароходная компания могла бы еще, не без риска для себя, конечно, испытать, насколько практичным и полезным окажется установление правильных рейсов между Россией и Явою.

Комитет Добровольного флота этой пробы рискнуть не мог без прямого ущерба своим интересам: в самом деле, по духу и принципу своей организации Добровольный флот преследует не одни лишь исключительно коммерческие цели. Они отходят здесь на второй план. Суда эти, так сказать, лишь между прочим занимаются также коммерцией, да и то лишь при условии неуклонения от намеченной линии между Одессою и Владивостоком, на которой Сингапур с китайско-японскими портами расположены попутно, составляя этапы на линии следования из России на Дальний Восток и обратно.

При таких условиях, когда в данный момент правительству нашему может со дня на день потребоваться для военно-политических целей $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ или даже половина всего комплекта судов Добровольного флота, Комитет понятно не имеет возможности отрядить и выделить из среды своих судов хотя бы всего три парохода для посещения Батавии.

Из всего этого я вывожу заключение, что вряд ли когда-либо завяжутся между Россиею и Нидерландской Индиею коммерческие сношения под русским флагом, так как что-то не предвидится возникновения в России пароходной компании, которая преследовала бы исключительно коммерческие цели и сделки с дальним Востоком, и которая согласилась бы включить также и отдаленную Яву в район своей деятельности.

Что же касается наших военных судов, то они вовсе игнорируют Батавию, лежащую не попутно.

Между тем, еще с 1883 г. Морское министерство постоянно и настойчиво хлопотало об открытии в Батавии штатного русского представительства, находя недостаточным иметь здесь консула-голландца из местных негоциантов.

Проекту сему суждено было осуществиться лишь через 10 лет, в 1893 г.

Возможно и даже вероятно, что в 1883 г., когда возник вопрос о штатном консульстве в Нидерландской Индии, подобное учреждение являлось желательным и имело смысл. Между тем, последние военные суда наши появились на Батавском рейде в 1890 г.* То была эскадра Е. И. В. Государя Наследника Цесаревича, ныне благополучно царствующего Государя Императора, который посетил Яву во время совершенного Им кругосветного плавания.

Я не считаю чисто случайного посещения Батавии в 1895 г. крейсерами «Рында» и «Разбойник».

* Визит будущего императора Николая II состоялся в начале 1891 г.

Суда эти, устарелого типа и конструкции, снабженные еще парусами, получили летом 1895 г. в Японии предписание плыть обратно в Кронштадт, расходуя как можно меньше угля.

Вследствие сего, они, по выходе из Сингапура, должны были уклониться от обычного пути следования паровых судов Малаккским проливом на Цейлон и избрали путь на Яву, а оттуда должны были идти вдоль юго-западного берега о. Суматры, где рассчитывали встретить попутный пассат для дальнейшего следования под парусами на Сейшельские острова. Только вследствие изложенных выше соображений, «Рында» и «Разбойник» вообще зашли в Батавию. С тех пор ни одно русское военное судно не показало синего Андреевского креста на Приокском рейде.

На Яву изредка заглядывают русские туристы. Года два тому назад посетили Батавию и Бейтензорг генерал-губернатор Приамурской области, ген.-лейт. С.М. Духовской, с супругою и свитой, на пути из Владивостока в Россию. Далее, назову еще горного инженера Богдановича, которого правительство наше командировало в Камчатку и Охотский край для геологических изысканий, двух студентов-туристов С.-Петербургского и Московского университетов, поручика Л.-Гв. Семеновского полка Д.В. Муяки с молодою супругою, прибывших из России через Сибирь, Китай и Японию.

Еще до моего приезда в Батавию, т. е. до 1893 г., Яву посетили князь и княгиня Щербатовы* и профессор Харьковского университета, естествоиспытатель Краснов. Сей последний в последствии описал в «Историческом вестнике» свои яванские впечатления в целой серии интересных очерков, в которых, однако, профан по части ботаники найдет слишком уже большое обилие латинских наименований цветов и растений. Таким образом, дельный и несомненно ценный труд профессора Краснова является несколько одностороннею специализациею и хвалебным гимном, в котором воспевается роскошь и разнообразие тропической природы.

Книга княгини Щербатовой «В стране вулканов» заключает в себе интересные впечатления путешественницы о Яве и любопытные данные о колониальной администрации. Но указаний о том, как живут на Яве европейцы и туземцы, бытовых очерков не встречается ни у кн. Щербатовой, ни у г. Краснова. О Яве вообще существует мало сочинений в практическом смысле и направлении, из которых свежий человек, европеец, мог бы почерпнуть полезные для себя сведения о неведомом крае, о нравах и обычаях народа, его образе жизни, о достопримечательностях, о климате и пр. данных, необходимых для туриста-неспециалиста.

На французском нет подобной книги о современной Яве; путешествие маркиза де Beauvois, совершенное в 60-х годах, устарело да и неточно.

* О.А. и А.Г. Щербатовы побывали на Яве в 1893 г.

За исключением *soi-disant** философско-психологического этюда о свойствах и сокровенных уголках души яванца (*l'âme javanaise*), помещенного в одной из последних книжек *Revue de Paris* за 1896, мне ничего не известно во французской литературе о Яве.

Душа яванца! Да кому какое до нее дело, кого это может интересовать? Чужая душа — потемки, особенно же темны и недоступны понимания европейца должны быть и оставаться восточная натура и внутренний мир яванца, которых не знают, как следует, даже голландцы, находящиеся, однако, с туземцами в близком и ежедневном общении. А тут, ничтоже сумняшеся, глубокую и психологическую задачу эту излагает и выясняет доверчивым читателям какой-то самоуверенный француз, *boulevardier* из Парижа, который посетил Яву и чуть ли не галопом проехал по ней во образе банального туриста!

Не упоминаю в числе французских источников известного много томного труда *Elisee Reclus*, потому что это географический трактат, а не живое и бытовое описание края и его особенностей.

Я, впрочем, должен сделать оговорку в пользу двух сочинений о Яве, появившихся в 1898 и 1899 годах. Первое — это добросовестный труд бельгийца Jules Leclercq *Sejour dans l'ete de Java***, который может быть прочтен с пользою, а второе — прекрасная книга *Java et ses Habitants**** известного французского экономиста и специалиста по колониальным вопросам, Chailléu Bert, о которой речь будет впереди. Книгу эту, увлекательную и написанную блистательным стилем, смело можно отнести к категории самых замечательных и серьезных исследований, когда-либо появившихся на французском языке.

По-английски существует большее обилие сочинений и описаний, не говоря уже о специальных трудах естествоиспытателей Форбса (*The Eastern Archipelago*)**** и Уоллеса (*The Malay Archipelago, Island Life****** и др.). Больше всего богатых, ценных и разносторонних сведений о Яве и Нидерландской Индии вообще можно почерпнуть из голландских источников, книг и монографий. Голландские ученые в Голландии и в Нидерландской Индии внесли весьма значительный научный вклад в литературу, историю, географию, этнографию и проч. Индо-Малайского архипелага. Но сочинения эти, написанные на мало кому известном и доступном голландском языке, большею частию остаются неведомыми европейской публике.

Тем не менее, хотя весь этот материал разнообразен и богат, простого туриста и путешественника он не удовлетворяет, ибо турист ищет обобщений, а не специализации фактов; ему дела нет до лингви-

* Так называемого (фр.).

** *Жюль Леклерк*. Пребывание летом на Яве (фр.).

*** *Шалье Бер*. Ява и ее население (фр.).

**** «Восточный архипелаг» (англ.).

***** Точнее: «Малайский архипелаг — страна орангутана и райской птицы».

стических исследований, его не интересуют древние героические легенды или особенности, например, геологической формации почвы в той или иной местности, самое имя которой он слышит впервые.

Туристу прежде всего нужны практические указания и сведения. Необходимо, ввиду сего, популярное сочинение, хотя бы на первых порах об одной Яве, наиболее и чаще всего посещаемой, нечто вроде гида, подобного книжкам Мэррея, Бедекера или Жоанна и отвечающего насущным потребностям путешественников, которые ежегодно массами являются на Яву.

Здесь ничего для них не приспособлено, хотя бы для облегчения туристам самого беглого ознакомления с краем.

Административный персонал в батавских и иных отелях с грехом пополам маракует по-французски и по-английски; туземного гида, говорящего на иностранном языке, отыскать нельзя. Все их знание, например, английского языка ограничивается запасом каких-нибудь пятнадцати английских слов, а с этим далеко не уйдешь. Знание малайского языка поэтому на Яве необходимо. Но не всякий имеет желание и досуг научиться по-малайски, а это незнание малайского языка значительно затрудняет передвижение внутри острова.

Года три тому назад появились, наконец, путеводители по Яве на английском языке, снабженные в конце также коротеньким списком самых употребительных малайских слов и фраз.

Книга о Яве, такая именно, какая нужна, полезна для европейского туриста, существует однако, и притом на общедоступном языке, по-немецки.

Это весьма дельно и обстоятельно составленный *Führer auf Java** (издан в Лейпциге), некоего Шульца, который лет двадцать служил в индо-нидерландских колониальных войсках и имел случай хорошо ознакомиться с Нидерландскою Индией.

Führer Шульца дает необходимые сведения о флоре и фауне, минеральных богатствах, климате Явы, о системе администрации, способах сообщения, телеграфных и пароходных линиях, описывает достопримечательности края, знакомит с его историей, театром, языком и проч.

Словом, книга Шульца, рядом с английскими гидами по Яве того же автора, является и остается пока единственным практическим руководством для европейцев, посещающих Яву.

Есть и еще один, по моему мнению, весьма существенный пробел и недостаток, до сих пор, к сожалению, еще неустранимый: нет, полагаю, такого туриста, который не пожелал бы приобрести и увезти домой какое-нибудь оригинальное воспоминание о Яве, в форме и виде негромоздкого, конечно, предмета местной индустрии. Я не говорю здесь о той категории лиц, которые приобретают и составляют себе

* «Путеводитель по Яве» (нем.).

полные коллекции. Пяти, шести своеобразных безделушек экзотического фасона достаточно, чтобы сохранить приятное воспоминание и вещественное *memento** о посещенной местности, так как турист, стесненный временем и незнанием края, не имел бы даже достаточно досуга, чтобы собрать хоть подобие коллекции.

Но даже и этих немногочисленных экземпляров яванской индустрии путешественник не имеет никакой возможности купить, ибо в Батавии, Бейтензоре и других городах он не найдет ничего достойного внимания. В гостиницы, правда, являются и спуют с утра до вечера мелкие торговцы, китайцы и малайцы, которые назойливо предлагают свой скверный товар, запрашивая, например, 40 гульденов за дрянь, которой красная цена 6, и которую они потом уступают за 8 гульденов.

Но оригинального, яванского, у этих *клонтонгов* (разносчиков) ничего никогда не бывает, за исключением самых вульгарных *крисов*** (кинжалов) и *саронгов* (кусок бумажной материи с цветами и разводами, носимый туземцами вокруг бедер). *Саронги* эти вообще дороги, иные стоят 50-60 гульденов, но эти уже действительно красивы и оригинальны, напоминая внешним видом и узором переплеты книг, фотографические рамки и пр., которые ныне делаются в Риме из белого пергамента с золотым тиснением. Но *саронги* этого качества редки и достать их нельзя на базаре и у *клонтонгов*. Вообще покупать *саронги* следует с толком и разумением, иначе легко может случиться, что вы заплатите 18-20 гульденов за особенно цветистый и бросающийся в глаза экземпляр, который однако сделан не на Яве, а прибыл непосредственно из Швейцарии или Германии, где такие «яванские» *саронги* фабрикуются для вывоза на Яву десятками тысяч и продаются от 25 до 30 гульд. за дюжину.

Я, признаюсь, никогда не мог постигнуть, почему так ценятся и в таком спросе эти вульгарные куски бумажной ткани с пестрыми узорами, именуемые *саронгами*. Я ими никогда не восхищался, но есть люди, которые увлекаются и беснуются при виде *саронга*, европейские дамы, в особенности для своего домашнего *neglige*, покупают их десятками и тратят на них сотни гульденов.

Для туземцев такой *саронг*, как существенная часть их одежды, составляет предмет первой необходимости, это в то же время и роскошь, так как имеет всегда некоторую ценность. *Саронг* можно во всякое время продать или заложить в китайской кассе ссуды. Малайская *бабу* не возьмет у своей белой госпожи косынки, кружев, перчаток или иного европейского туалетного аксессуара, зато непременно стащит у нее *саронг*, буде он плохо лежит.

На каждом шагу европейца, только что высадившегося на Яве, поражает разнообразие типов шляп, носимых туземцами. Шляпы эти из

* Память (*лат.*).

** *Крис* — малайский кинжал с клинком в форме пламени.

ротанговой пальмы или из тонкого плетеного бамбука бывают натурального соломенного цвета или окрашены в яркие цвета и лакированы. Они представляют собою большею частью плоские покрышки,верху закругленные или заостренные, напоминая шляпку огромного гриба. Некоторые шляпы имеют аршин и более в поперечнике и служат одновременно зонтиками от солнца и от дождя. Они так и называются по-малайски *тудунг* (крышка), в отличие от слова *топи*, присвоенного собственнo шляпам европейского образца.

Тудунги эти чрезвычайно оригинальны и очень декоративны, если их развесить в передней по стенам или над лестницею. Стоят они безделицу, но, к сожалению, достать их нелегко. Никто еще не догадался устроить в Батавии депо таких шляп или иных оригинальных предметов местного производства для прибывающих на Яву иностранцев, как-то: *крисов*, прелестных фасонов корзинок из плетеного разноцветного бамбука, циновок, подносов и коробок с острова Целебеса*, деревянных лакированных изделий из Палембанга, с острова Суматры. Эти последние удивительно напоминают родные наши изделия из дерева, как-то: ложки, чаны, баклаги, чаши красные с золотом, в которых за границею держат образчики чая, выдавая эти чаши за японское изделие. У меня есть из Палембанга сундук тоже красный с черным и с золотом, о котором никак нельзя бы подумать, что он родом с острова Суматры, до того он похож на ларец, сделанный каким-либо московским кустарем.

Если прибавить к перечисленным изделиям еще весьма любопытные маски, да деревянные куклы или кожаные расписные марионетки яванского *ваянга* (театра), то получилась бы целая категория предметов интересных, оригинальных и, главное, не громоздких. Всякий турист очень охотно увез бы с собою, в виде воспоминания, несколько таких экземпляров местного производства.

Посещая богатый своими этнографическими коллекциями музей в Батавии, путешественника на каждом шагу поражает обилие и разнообразность собранных образчиков кустарной и иной индустрии со всех концов обширного Индо-Нидерландского архипелага. Но все эти приглянувшиеся ему предметы, массу которых, доступных по цене, турист с радостью приобрел бы, не задумываясь, существуют только под стеклянными витринами музея. Беда в том, что в Батавии нет возможности достать что бы то ни было, приходится малейшую вещь заказывать через посредство добрых знакомых, голландских резидентов или контролеров, внутри Явы или где-нибудь на Суматре и Борнео. Пока вы получите заказанное, проходит четыре месяца, полгода и больше. Турист, который проводит на Яве две недели и оттуда спешит в Японию или обратно в Европу, понятно не имеет ни знакомых голландских чиновников, к посредству которых он мог бы обратиться, ни воз-

* Современное индонезийское название — Сулавеси.

возможности тут же на месте сделать закупки в каком-либо специальном складе местных изделий.

За отсутствием такого учреждения, я распорядился иначе: я самым добросовестным образом посетил в Батавии, Бейтензоре и иных местах самые сокровенные и темные лавчонки китайских, арабских и малайских торговцев, в Сурабае и в Преангерском регентстве приобрел массу *крисов* и *тудунгов* самого разнообразного фасона и типа. Некоторые весьма оригинальные шляпы, а также щиты и сабли, украшенные человеческими волосами, мне прислали с острова Борнео. Все эти предметы принадлежат дикому племени людоедов-даяков. *Тудунгов* у меня набралось до 80 штук. Они развешаны вперемежку с *крисами*, копьями, саблями, луками и стрелами из Новой Гвинеи, по стенам моего рабочего кабинета и являют собою, даже в Батавии, очень оригинальный и живописный ансамбль.

Но далась мне эта коллекция нелегко и нескоро. Будучи в Бандунге, в регентстве Преангер*, в июле 1896 г., я заказал местному яванскому регенту серию масок, какие яванские актеры носят при изображении на сцене мифических героев, дьяволов и пр. персонажей яванского театра. Маски эти я получил лишь в феврале 1897 г.! То же самое произошло с воспроизведениями в уменьшенном виде тех парадных *пайонгов* (зонтиков), которые присвоены на Яве всякому туземному владельцу или шефу высокого ранга. Зонтики эти были мне доставлены лишь через 8-9 месяцев, после неоднократных о них напоминаний. Но времени у меня было достаточно, я имел возможность ждать и, таким образом, за пять лет пребывания на Яве я вывез целую, поштучно составленную, коллекцию курбезов из Явы и Индо-Малайского архипелага.

Мне удалось также купить у китайских разносчиков, специалистов этого дела, старинные китайские фарфоровые блюда и тарелки, белые с синим и белые с красным, украшенные птицами, пейзажами и рисунками фантастических цветов, а также две-три старинных скамьи со столами и креслами скульптурной работы, не то из тика, не то из дуба, чрезвычайно тяжелые и массивные. Фарфор и мебель старинного фасона, единственные предметы, которые можно достать в самой Батавии. Китайцы то и другое разыскивают по *кампонгам*, скупая тарелки и мебель у небогатых голландских и португальских метисов. Особенно ценятся знатоками блюда и тарелки, снабженные шифром бывшей Ост-Индской компании; что касается мебели, то уверяют, что она сделана из старого дуба в Голландии в прошлом столетии и даже раньше, по заказу голландских резидентов и негодантов на Яве.

* Прианган.

Глава VIII

Индонидерландская колониальная империя. –

Географические и статистические данные. –

Всестороннее изучение Инсулинды. –

Ученые труды голландские и иные, ученые экспедиции. –

Сравнительная недостаточность достигнутых результатов. –

Причины этого явления. Голландцы и Германия. – Инсулинда. –

Филиппинские острова и Япония. –

Greater Japan и будущность индо-нидерландской и индо-испанской Инсулинды.

Индонидерландские колонии в Зондском и Малайском морях* составляют ряд более или менее крупных островов, которые тянутся к востоку и югу от Малаккского полуострова, приблизительно от 5° северной до 11° южной широты и от занимаемого ими пояса.

Крупнейшие из этих островов, начиная с крайнего запада голландских владений — Суматра с 7634 кв. миль**, Ява с 2290 кв. миль, голландская часть Борнео с 10049 кв. миль и остров Целебес, занимающий по величине своей площадь еще более обширную, чем Ява, а именно 3376 кв. миль.

От 105 параллели восточной долготы вплоть до 127, в пространстве между 5 и 10-ю градусами к югу от экватора тянется по прямой линии, начиная от Сундского или Зондского пролива, отделяющего Суматру от Явы, непрерывная группа островов вплоть до Бандского моря (Banda Zee)***: Ява, с как будто отколотым от ее северо-восточной оконечности островом Мадурою, затем к востоку от Явы расположены острова Бали, Ломбок и целая группа островов, которые по этнографии, флоре и фауне своей должно отнести к азиатскому материку. Лишь к востоку от 125-126° широты Zuidwester Eilanden****, группа Ару, родина райской птицы, и Новая Гвинея принадлежат уже к Австралийскому континенту и к меланезийской этнографической группе.

Впрочем, эта линия разграничения в Малайском архипелаге обо-

* Ныне эти названия не употребляются для обозначения морей, омывающих острова архипелага.

** Автор оперирует старыми русскими милями, равными 7,47 км, соответственно 1 кв. миля = 55,6 кв. км.

*** Море Банда.

**** Юго-Западные острова (голл.), ныне острова Барат-Дая.

значена вообще недостаточно резко, так как, например, гораздо севернее, вне прямой линии Ява — Тимор, на о. Целебес, Гальмагере* и на Молуккских островах туземцы-автохтоны, известные под генерическим наименованием *альфуров*, являют все признаки папуасской расы, населяющей Новую Гвинею и Австралию. Все эти острова вулканического происхождения. На одной Яве насчитывается до 44 вулканов, из которых много действующих.

В административно-политическом отношении все владения нидерландской Инсулинды** разделяются на две группы: 1) Ява с прилегающей к ней Мадурою и 2) внеяванские владения, именуемые *Buitenbezittingen****. В эту последнюю категорию, таким образом, входит самая крупная и обширная часть нидерландских владений в этой части света.

За исключением Явы с Мадурою, все остальное, даже Суматра, мало исследовано и мало известно. Возьмем для примера всю большую часть юго-восточной половины Суматры, которая состоит из резидентств Палембанг, узкой береговой полосы Бенкулен на западе и, так называемых, *Lampongsche Districten***** на крайней юго-восточной оконечности близ Зондского пролива. На юго-восточном берегу острова, против большого острова Банка, но далеко внутри, на широкой и судоходной реке, лежит главный город Палембанг резидентства того же имени. Это малайская Венеция. Дома построены на сваях по берегу реки, и в приречных частях сообщение происходит на лодках по реке и по каналам. Река часто выступает из берегов и затопляет окрестную низменную местность.

За пределами города и округа уже начинается неизвестная, недоступная и, по-видимому, малозаселенная страна: на лучших географических картах огромная площадь к северу от Палембанга, т.е. *Afdeling* (отделение, округ) Имерин и Банью-Асин, далее не менее громадное пространство земли к северо-востоку и к востоку почти вплоть до соседнего резидентства *Lampongsche Districten*, являет довольно белое пятно, окаймленное притом по береговой полосе зелеными штрихами, обозначающими болота и топкие места.

По теории, в состав этого Палембангского резидентства входит туземное государство, султанство Джамби. В действительности же султан в Джамби есть владетель всей территории, включая в оную и голландские *settlements******. Он считается вассалом нидерландского правительства.

* Современное написание — Хальмахера.

** Дословно: островная Индия.

*** В настоящее время принят перевод этого термина как «внешние владения».

**** Лампунгские дистрикты (округа) (голл.).

***** Поселения (англ.).

Однако, зависимость этого государя чисто номинальная, она основана на письменных договорах или *Contracten*, заключенных с голландскими властями; голландцы ограничивают свою юрисдикцию одним Палембангским резидентством, не проникая в пределы собственно Джамби и не вмешиваясь в тамошнее управление.

О самом крае Джамби, о характере местности, о его естественных ресурсах, о его географии и этнографии, голландцы, несмотря на свое соседство с султаном, имеют лишь смутные и недостаточные представления.

Султанство Джамби с независимым и даже номинально не подчиненным голландцам Верхним Джамби, занимает около 890 кв. миль, т.е. на 300 кв. миль больше, чем сама Голландия, но с населением всего до 80 тысяч душ. Впрочем, все это, как площадь, так и цифра населения довольно гадательно, так как точных данных не имеется. В главном городе, именуемом также Джамби, живет голландский контролер, который представляет собою при дворе султана особу резидента палембангского.

Весьма интересное в этнографическом отношении племя с тремя подразделениями являют батаки на западном берегу Суматры и внутри острова, более любопытны те, которые живут на высоком горном плато, вокруг значительного озера Тоба. Эти *Toba Bataken* независимы и страна их довольно недоступна, особенно для голландцев, которых батаки-магометане и соседи воинственных атчинцев не любят. Они относятся к белым с недоверием, опасаясь как бы голландцы не завладели их страной и не утвердились среди них, как они это сделали в Атчине*.

Из приведенных выше примеров, показывающих до какой степени голландцы сравнительно мало знакомы со своим территориальным достоянием в Индии, было бы, однако, ошибочно выводить заключение, что голландцы безучастно относятся к своим колониям или мало интересуются разработкою научных и культурных вопросов в этой части света. Напротив, спешу по этому поводу сделать существенную оговорку.

Труды голландских геологов, этнографов, ботаников, исследователей и пр., отчеты различных комиссий по всем отраслям знания, вклады в научные журналы отдельных лиц голландской администрации, как-то резидентов и пр., изучающих свои округа и проникающих далеко за пределы оных вглубь *terrae incognita*, все эти наблюдения и труды создали специальный отдел колониальной литературы по естествоведению, лингвистике, этнографии и пр. К сожалению, очень много остается недоступным массе европейской публики, так как все эти изыскания и заметки написаны на мало кому известном голландском языке. Кроме того, статьи эти разбросаны по периодическим изданиям, появ-

* Ныне принятое наименование Аче (жители - ачехцы), расположено на северной оконечности Суматры.

ляющим в Батавии, что тоже затрудняет доступ к ним ученых неголландцев.

С целью более широкой популяризации этих знаний начали несколько лет тому назад издавать в Лейдене, Лейпциге, Париже и Лондоне на голландском, немецком, французском и английском языках *Internationales Archiv fur Ethnographie*, по 6 выпусков в год с иллюстрациями в красках. Почти в каждой книжке этого архива можно встретить какое-либо интересное сообщение из Нидерландской Индии. Впрочем, с некоторых пор и сами голландские ученые, сознавая недостаточную пространственность голландского языка, стали писать свои отчеты и целые *Abhandlungen** по-французски или по-английски. Так, например, известный голландский геолог Verbeeg, автор весьма замеченного в свое время французского исследования о причинах катастрофы на Кракатау, издал ныне по-французски капитальное сочинение по геологии Явы.

Директор астрономической обсерватории в Батавии г. ван дер Сток десять лет трудился над исследованием морских течений в Индо-Малайском архипелаге и в 1897 г. издал в Батавии подробный и обстоятельный атлас, озаглавленный *Weather, tides and tidal streams in the Indian Archipelago***.

Все таблицы, вычисления и многочисленные чертежи и карты исполнены и отпечатаны в Батавии самым тщательным и даже роскошным образом. Замечательно при этом, что сотрудники и исполнители чертежей и карт были простые яванцы, которых д-р ван дер Сток лично подготовил в своей обсерватории. Прекрасное издание атласа делает честь здешнему картографическому департаменту и типографии морского ведомства. Атлас этот, по разнообразию своего научного содержания и по изяществу своего внешнего вида, может смело стать наряду с лучшими изданиями подобной же категории в Европе.

Г. ван дер Сток принес в дар русскому, французскому, германскому и английскому правительствам несколько экземпляров своего труда, который будет, несомненно, оценен по достоинству специалистами.

Но труды, подобные исследованиям гг. Фербега и ван дер Стока, написанные на иностранном, французском и английском языках, все же составляют исключение, так как подавляющее большинство научных сообщений о Нидерландской Индии написано и продолжает появляться на голландском языке. А таковых, в виде журнальных статей, отчетов и отдельных монографий, существуют сотни, и каталог этим трудам по отделу *Indica* на одном голландском языке составил бы весьма объемистый том.

Исследование еще неведомых островов с их населением продолжается; почти ежегодно в отдаленные и недоступные местности Суматры, Борнео, Целебеса и иных более мелких островов снаряжаются на-

* Тракта́т (нем.).

** «Погода, приливы и приливные течения на Индийском архипелаге» (англ.).

учные экспедиции. Туда же проникают и отдельные смелые экспораторы*, голландцы и иностранцы. С каждым годом ничем не обозначенные пространства на географических картах пополняются именами доселе неведомых племен, населенных мест, рек и горных цепей. Таким образом, постоянно расширяется запас познаний, а с ним одновременно раздвигается, если не самый пояс культуры и цивилизации, то, по крайней мере, район исследований и наблюдений.

В одном 1896 г. совершены и благополучно доведены до конца три замечательные по своим результатам путешествия: немногочисленная голландская экспедиция с невероятными усилиями прошла сквозь северо-восточную Суматру, прорезав этот почти континентальный по величине остров с запада на восток, от моря до моря.

Швейцары, братья Sarrazin, проникли в неведомые доселе части Целебеса, открыли там ряд озер и вывезли оттуда богатые коллекции по этнографии.

Одновременно с этими путешественниками военный врач колониальной армии, d-г Niewenhuis, в сопровождении лишь двух солдат голландцев, предпринял еще более рискованное и продолжительное путешествие в сердце острова Борнео, куда не проникал еще ни один европеец.

Борнео вообще известно еще менее Суматры и о «тыльных землях», лежащих внутри за береговой полосой, на которой утвердились голландцы, существуют до сего дня лишь темные и смутные представления.

В восточной части острова расположены так называемые Tidoengsche и Berouwsche Landen**, но что это за край и каково его население неизвестно. На лучших картах атласа Стенфоорта и Ситгофа нидерландских владений в Ост-Индии, изданного топографическим бюро колониального министерства в Гааге, слишком еще многочисленные местности являют белое, почти ничем не наполненное, пространство.

Вот в эту-то terra incognita и проник со своими спутниками d-г Niewenhuis. Он в продолжение 16 месяцев плавал на туземной пироге (лодке), поднимаясь и спускаясь по течению рек, не нанесенных ни на какую карту. Он ежедневно подвергался опасностям со стороны природы и дикарей, часто людоедов, населявших непроходимые дебри и леса с убийственным климатом, и ничто не гарантировало этому доблестному и смелому служителю науки, что он благополучно достигнет намеченной цели — восточного берега Борнео. Тем не менее, d-г Niewenhuis совершил этот подвиг и привез с собою собранные им в пути многочисленные коллекции предметов домашнего обихода, музыкальные инструменты, оружие, рыболовные снаряды, шляпы, щиты и

* Исследователи (от *англ.* explorer).

** Голландские названия восточных районов Борнео.

пр. Он вывез также массу растений и семян новых ботанических видов, злаков и фруктов, которые передал директору ботанического сада д-ру Трейбу и которые даже этому знаменитому и в Европе ученому были еще неизвестны.

Я имел случай лично познакомиться с d-г Niewenhuis и осмотреть его коллекции, выставленные в агрономическом музее в Батавии, причем сам путешественник показал мне на карте свой маршрут и изложил мне научные результаты своей рискованной поездки, самым обязательным образом объясняя и демонстрируя смысл и употребление вывезенных им редких предметов.

Этнографические коллекции со всех концов Инсулинды постоянно обогащают и без того богатые музеи в Лейдене, Гарлеме и в Батавии. Географическое общество и различные ученые учреждения в Голландии и в Батавии издают специальные труды, отчеты и бюллетени, печатаемые в *Indische Gids* и иных журналах. Гидрографический департамент морского министерства издал целую коллекцию великолепно исполненных мореходных карт, исправил и пополнил также существующие уже карты различных островов и местностей в Нидерландской Индии.

Кроме того, обращено внимание на метеорологические и астрономические наблюдения, для чего во всей Инсулинде учреждено не менее 450 станций. Из них до 200 содержатся на счет правительства и имеют специальным назначением регистрировать количество выпадающих в этих краях дождей осадков. 58 станций следят за направлением ветра, а 80 изучают морские течения. Обсерватория в Батавии, при которой имеется сейсмограф, ежегодно печатает свои наблюдения в толстом томе *in folio**. Таковых томов вышло уже 17 по метеорологическим, электрическим и магнитным наблюдениям, 16 томов с таблицами дождей осадков и пр.

Словом, не существует такой отрасли знания, на которую голландские ученые дома и в колониях не обратили бы своего просвещенного внимания. Тем не менее, изучение Нидерландской Индии по всем направлениям и во всех подробностях подвигается вперед медленно. Много, долго и усиленно придется голландцам еще поработать, в особенности на поприще географии и этнологии, прежде чем они в состоянии будут утверждать, что Суматра, Борнео, Целебес и иные острова знакомы и доступны им во всех самых сокровенных уголках своих. На подобную подготовительную работу уйдут многие десятки лет. Для того же, чтобы вполне ассимилировать, колонизировать и открыть для культуры такие громадные пространства, каковы поименованные выше крупные острова Инсулинды, потребуются, пожалуй, целые столетия.

В самом деле, ведь понадобилось же голландцам почти 300 лет со дня утверждения их на Яве для того, чтобы весь остров этот на всем его протяжении и во всей его совокупности открыть для цивилизации

* *Ин фолио (лат.)* — формат издания 1/2 листа.

и культуры. Вся Ява представляет ныне собою одну сплошную и цветущую плантацию среди роскошнейшего в мире парка, в котором не найдется и двухсот десятин земли необработанной и лежащей втуне, без культуры.

В настоящее время и давно уже на Яве нет ничего неизвестного и непредвиденного; сюрпризы, открытия и иные откровения, на поприще географии, этнографии, флоры и фауны немыслимы, так как давно уже голландцы обратили на Яву все свое внимание, они исследовали, измерили и описали ее по всем направлениям и во всех отношениях так обстоятельно и точно, что ныне Ява известна и знакома им не менее самой Голландии.

По этому поводу можно сделать один упрек по адресу метрополии: Ява, этот перл Инсулинды, загипнотизировала собою, так сказать, голландцев. Ява одна, почти исключительно, в ущерб интересам остальных внеяванских владений, привлекла и продолжает сосредоточивать на себе все заботы и попечения нидерландского правительства. Здесь голландское управление утвердилось на прочном основании и пользуется огромным и вполне заслуженным обаянием и авторитетом среди туземцев, которые привыкли к своим белым господам и умеют ценить те преимущества и благодеяния просвещенного и отеческого голландского режима.

Нет сомнения, что с течением времени также и внеяванские владения, пока еще сильно отставшие от идеально администрируемой Явы, достигнут в свою очередь своего полного культурного расцвета. Это вопрос времени и средств, ибо методы управления для *Buitenbezittingen* являются те же, что и для Явы, где они дали уже столь блистательные результаты. К сожалению, средства культурные и иные, коими располагают голландцы, слишком ограничены. Маленькая Голландия взяла на себя почти непосильную задачу, *qui trop embrasse mal etreint**, утверждает французская поговорка. Голландия, которая у себя дома занимает всего лишь 600 кв. миль с 4,5 миллионами жителей, владеет здесь в Индо-Малайском архипелаге территориями протяжением свыше чем 30 тысяч кв. миль, иными словами, нидерландские колонии в 50 раз обширнее самой метрополии! Соответственно с пространством, на котором растянулась эта значительная колониальная империя, общее число населения Явы с внеяванскими владениями достигает, если не превышает цифры в 34 миллиона, из коих по переписи 1893 г. на одну Яву приходится до 25 миллионов жителей.

В состав этого многомиллионного населения Инсулинды входят сотни племен и рас, из коих каждая отличается своими этнографическими, бытовыми и иными особенностями, а также и языком.

Большая часть этих племенных разновидностей еще не исследована, несмотря на то, что голландские ученые обращают внимание также

* Много понесешь — домой не донесешь (*фр.*).

и на лингвистику Инсулинды, собирают песни, легенды и все, что относится к туземному *folklore*, изучая в то же время религиозные, нравственные и иные представления этих племен.

Известный английский естествоиспытатель Alfred Russel Wallace, лет 30 тому назад совершивший далеко не по всему протяжении Инсулинды научное путешествие, собрал, например, образчики обыденной речи и необходимейших терминов на 59 языках. Между тем, в этот перечень не вошли вовсе наречия трех племен батаков, наречия племен *кубусов* на Суматре, *бадувисов** на Яве, а также те идиомы островов Борнео и Целебеса, с которыми гораздо позднее суждено было ознакомиться иным последователем Уоллеса на этом поприще, каковы d-g Niewenhuis и братья Sarrazin.

В виду этих внушительных цифр, 30 тысяч кв. миль** с 34 миллионами жителей — мусульман, буддистов, идолопоклонников, фетишистов, анимистов и проч., заселяющих Нидерландскую Индию, культурные средства и материальные силы, которыми располагает голландское правительство, являются совершенно недостаточными. В самом деле, официальная статистическая таблица, напечатанная в *Koloniaal Verslaag* (отчет колониального управления) за 1895 г. показывает, что голландский или вообще белый элемент, насчитывающий для Явы с ее Buitenbezittingen всего лишь 60260 душ, укладывается 566 раз в цифре 34 миллионов общей сложности всего населения Инсулинды. Это составляет 176 белых людей на один миллион туземцев. При том же на этих, так называемых белых приходится по меньшей мере до 32-35 тысяч метисов, т.е. помесь белой расы с туземцами, которые к разряду собственно туземцев, т.е. цветного элемента, отнесены быть не могут.

Еще менее могут быть записаны в категорию носителей и распространителей культуры эти метисы смешанного происхождения, которые от своего цветного лагеря отстали, к лагерю же чистокровных европейцев не пристали и не пристанут никогда. Хотя метисы здесь и уравнины в своих правах с европейцами, но они все же, по свойству характера своего, презирая туземцев и ненавидя и завидуя европейцам, вечно будут составлять обособленное сословие, отнюдь не образуя связующего звена между теми и другими. Это скорее элемент разлагающий. Метисы, конечно, и здесь получают общее образование наряду с голландцами, но если из их среды и выходят порою способные военные и дельные гражданские чиновники и администраторы, то на поприще строго научном ни один half-caste (полукровный) до сего дня еще не ознаменовал себя никакими сколько-нибудь выдающимися открытиями или заслугами.

Таким образом, на метисов, в качестве культуртрегеров, рассчитывать не приходится.

* Совр. наименования — *кубу* и *балу*.

** Точная цифра 34785 кв. миль. (Прим. М.М. Бакунина).

Военный элемент в этом отношении также не может войти в расчет.

Прежде всего следует иметь в виду, что в колониальной армии, достигающей в общей сложности цифры в 28-29 тысяч человек, европейский элемент — голландцы, бельгийцы, французы, немцы и пр. достигают максимум цифры 9 тысяч человек. Все остальное состоит из яванцев, сунданцев, мадурцев (с о. Мадуры) и амбонцев (с о. Амбона, Молуккской группы). Далее эти 9 тысяч человек белых солдат и офицеров несут гарнизонную и нелегкую в тропиках полевую службу. Все они, и притом круглый год, заняты войною в Атчине и усмирением того или иного непокорного племени или еще заботою об охранении себя от убийственного климата и от малярии. К научным работам и исследованиям они вообще неподготовлены, да, кроме того, у военных на подобные занятия не имеется ни времени, ни охоты.

Если из общей цифры в 60 тысяч человек белого населения, разбросанного по всей Инсулинде, выделить 35 тысяч метисов, то безусловно белых, чисто европейского происхождения, получится малая горсть в 22-25 тысяч человек. Следуя далее той же методе выделения, из этой цифры белых людей придется выделить еще, как не отвечающие строго культурным целям, три четверти общего состава. Останется, таким образом, из горсти уже щепотка людей культурных, с высшим образованием, способных и подготовленных на служение научным и цивилизованным целям.

Такова и в действительности пропорция, таков на самом деле малочисленный состав того просвещенного и высокообразованного штаба, который признан в Инсулинде оперировать на поле науки и открывать культуре новые и обширные области. Понятно, что средств и сил этих недостаточно.

Естественным последствием сего факта является незнакомство и недоступность для голландцев, по меньшей мере, половины общего протяжения их колониальных владений в Индо-Малайском архипелаге.

Но из получившейся выше цифры в 22-25 тысяч чистокровных европейцев, три четверти состоят из правительственных чиновников, плантаторов или негоциантов, которые знают и ведают лишь свое специальное дело. Существенных и правильных вкладов в сокровищницу науки от этой категории людей поэтому тоже ожидать нельзя. Вклады такого рода могут быть лишь случайные, если окажется, например, что тот или другой администратор или плантатор одарен также любознательностью и предприимчивым духом исследователя.

Вследствие изложенных выше причин, парализующих культурную экспансивность голландцев, потребуется с их стороны значительно высшее, чем до сего дня, напряжение сил прежде, чем станет осуществившимся фактом полное знакомство со всем комплектом островов, составляющих нидерландскую Инсулинду.

Что касается средств для достижения подобного результата, то таковые пожалуй, найдутся, при непременно однако условии, чтобы голландцы и впредь сохранили в неприкосновенности всю нынешнюю совокупность своих колониальных владений.

Надо желать и надеяться, что Голландия сумеет отстоять целокупность своего заморского достояния от поползновений на оное всегда ненасытной Англии или от посягательств Германии, которая лишь недавно еще выступила на новом для нее поприще колониальной и колонизационной деятельности.

Ни той, ни другой из этих великих держав Голландия не доверяет.

Опасаясь в Европе объединительных тенденций Германской империи, еще не сложившейся окончательно в свои этнографические формы и рамки, голландцы боятся германской экспансивности также и на дальнем Востоке.

В Голландии, à tot ou à raison*, германской политике приписывают в Европе стремления раздвинуть пределы и со временем, при благоприятных условиях, включить в границы германского фатерланда самую Голландию, как родину народа, принадлежащего германскому племени, а также немецкие земли Австрии, чуть ли не до самого Триеста. Словом, германская «ирредента», в pendant** и по образу итальянской, существует, по убеждению голландцев, в теории, пока не наступит для нее момент заявить свою пропаганду идей фактами.

На дальнем Востоке, где еще так много простора для культурных и иных начинаний и где многое, будь то остров, группа островов или целая провинция, «плохо лежит», голландцы страшатся германской инициативы, внушаемой пресловутым Drang nach Osten***. Занятие немцами Киао-Чао**** в Китае и экспедиции туда «броненосного кулака» «Принца Генриха», могли лишь усилить голландскую мнительность в этом направлении. Голландцы не без опасений за будущее своей Инсулинды, также принадлежащей к разряду «плохо лежащих» территорий, присматриваются к германской политике новейшей эры приобретений, занятия земель и целых провинций «на откуп» и пр.

А что вся почти Нидерландская Индия «плохо лежит», это, к сожалению, не оставляет сомнений даже в умах самих голландцев. Они сознают, что ост-индского достояния своего, за исключением разве одной Явы, они не в состоянии будут отстоять, если бы сильной и великой европейской державе или даже Японии вздумалось захватить приглянувшуюся часть Инсулинды. Военно-сухопутные и морские силы Голландии дома и за морем слишком незначительны, а по разбросанности своих составных частей и по отсутствию связи и достаточного

* Справедливо или несправедливо (*фр.*).

** Соответствие (*фр.*).

*** Натиск на Восток (*нем.*).

**** Бухта, в которой расположен порт Циндао.

скопления между этими частями нидерландская Инсулинда представила бы легкую добычу для предприимчивого и сильного противника.

Голландцы не доверяют Германии, пожалуй, больше, чем они опасаются Англии, которая в колониально-территориальном отношении, можно сказать, насыщена, и, пожалуй, пресыщена. Нельзя того же утверждать о Германии, постоянно раздвигающей и расширяющей рамки своих колониальных приобретений с тем, чтобы открыть новые рынки своей эмиграции и своим, из года в год, растущим промышленностям и торговле.

К таким заключениям приводят голландцев еще и иные причины. Они знают до какой степени неудовлетворительны до сего дня колониационные эксперименты немцев, например, в Камеруне, Гросс- и Клайн-Попо, Дар-эс-Саламе и пр., где, за исключением прусской шагистики, да прусской *Schneidigkeit**, культурных начинаний иного свойства не имеется. Колонии эти удовлетворяют лишь национальному самолюбию, «мы, немцы, тоже-де колонизаторы», но толку и проку от них нет, ибо доходов они не дают. Поступлений в государственную казну с африканского пекла, подобного Камеруну и пр., не видно, и Германия в Африке составляет для Германии в Европе одно лишь бремя, да финансовую обузу. Отсюда недалеко до весьма естественного желания променять погибельные и бесплодные африканские владения на нечто более подходящее и, главное, на колонии серьезные и доходные. Что вожделения этого рода у немцев существуют, и что они направлены в сторону Нидерландской Индии, как наиболее отвечающей идеалу серьезной и доходной колонии, в этом голландцы не сомневаются.

Не могу судить до какой степени основательны их тревоги и опасения за будущее, но факт этой озабоченности существует, и я этого голландского недоверия к Германии и в последнее время к Японии и к Союзным Штатам не могу обойти молчанием.

От одного вожделения на чужое добро до осуществления в действительности столь коварных замыслов дистанция пока огромного размера, и слава Богу! Будем желать и надеяться, что Инсулинда вечно останется голландским владением; доблестная голландская раса, уже сделавшая так много в культурном отношении в этой темной части света, вполне достойна собирать ныне плоды своих трехсотлетних начинаний и усилий. Лучшей участи, лучшего, более справедливого, гуманного и просвещенного режима Инсулинда иметь не может и не будет, кто бы ни владел нынешнею Нидерландскою Индией в более отдаленном и гадательном будущем.

За последние годы к разряду держав, которые в колониально-экспансивном отношении еще недостаточно насыщены, а потому мечтают о расширении и округлении при удобном случае, следует присовокупить еще и азиатскую Японию.

* Выправка, молодцеватость (нем.).

Современная Япония представляется далеко не в виде *quantité négligeable** и японская «желтая опасность», происходящая от неудовлетворительных хищнических appetits, будет посерьезнее пресловутого китайского *peril jaune***. Китай, огромный, необъятный и неведомый, продолжает, невзирая ни на что и ни на кого, оставаться невозмутимым и неподвижным.

В ближайшем, по крайней мере, будущем, непосредственной опасности и коренного, притом же наступательного изменения всего китайского политического держания относительно Европы предвидеть нет оснований. Такие основания существуют что касается Японии. Страна эта уже отыскала твердую почву под собою и в экономическом отношении освободилась от опеки и зависимости Европы. Япония несомненно, в сознании собственной силы, стряхнет с себя также в данный момент неуютную и унижительную для ее достоинства политическую опеку Европы, она заявит и добьется своей равноправности с Европой во всех тех случаях, когда вопрос касается интересов дальнего Востока, на суше и на морях которого Япония выдвинет вперед первенствующие свои интересы великой азиатской державы.

Если мощной России, рано или поздно, придется столкнуться с японцами, а считаться с ними приходится уже ныне, то каковою же задачею будет для сравнительно беспомощной Голландии ограждение своего достоинства от экспансивных вожделений Страны восходящего солнца?!

Вожделения эти ограничиваются и выражаются пока усиленною, почти агрессивною конкуренциею Японии с Европою на почве торгово-промышленной, а также недвусмысленным стремлением японского правительства освободиться, как у себя дома, так и вне границ Японии, от прежних, стеснительных для японского самосознания, обязательств международного характера, ставивших ее на одну доску с Турцией и с азиатскою некультурною Персиею.

Так, японским государственным людям удалось уже уничтожить, посредством соглашений с европейскими державами, прежнюю европейскую юрисдикцию в Японии, которой подчинены были резидировавшие в этой стране европейцы. Они ныне подсудны японским судьям и японскому уголовному кодексу.

Далее, в договорах ею заключаемых, Япония стремится выговорить себе и для своих подданных, живущих за границею, где бы это ни было, права наиболее благоприятствуемой нации, причем Япония требует, чтобы ее подданные поставлены и сравнены были в своих политических правах на одну ногу с европейцами. Принцип этот — полного равенства во всех отношениях азиатов-японцев с европейцами — восторжествовал и победоносно проведен был японскими государствен-

* Ничтожная величина, которой можно пренебречь (*фр.*).

** Желтая опасность (*фр.*).

ными людьми в новейшие договоры Японии, торговые и иные, с большею частью европейских держав.

Такая, по меньшей мере преждевременная, капитуляция Европы на почве юридических прав перед только что возродившеюся из феодальной азиатчины Японией новейшей формации, Японией, не давшей еще практических доказательств своей всесторонней и полной правоспособности с европейскою культурностью, такое ступешение Европы перед новоявленной японскою цивилизациею, весьма вероятно, в недалеком будущем окажется крупною политическою ошибкою.

Попустительство Европы, ослепленной яркой лучезарностью японской культурности, которую пока, *jusqu'a preuve du contraire*^{*}, можно уподобить блестящему лаку, наведенному на шероховатую поверхность, составляет самое ценное политическое приобретение Японии и торжество ее государственных деятелей. Виновата будет Европа, если в чувствительной степени возрастут самосознание, а с ними и претензии японцев.

Что касается специально Нидерландской Индии, то Инсулинде, как того не без основания опасаются голландцы, в непродолжительном времени суждено будет на себе испытать все невзгоды договора, заключенного, если не ошибаюсь, в 1898 г. нидерландским правительством с Японией. По смыслу этого соглашения, имеющего вступить в законную силу через два года, японцы, сравненные в правах с европейцами, приобретают право селиться, торговать, покупать земельную собственность и пр. в пределах Нидерландской Индии, причем интересы японцев будут поручены штатному японскому консулу в Батавии.

Колониальное управление в Батавии, вполне отдавшее себе отчет в том, до какой степени пагубно такое сравнение японцев с европейцами отразится на интересах Индии, употребило все усилия к тому, чтобы японцы были приравнены к азиатам-китайцам. Но Голландии из Токио было указано на прецеденты таких же соглашений в смысле японских требований, и нидерландское правительство поневоле вынуждено было изъявить согласие. Оно при этом несомненно руководствовалось разумным соображением, что как следует оформленный договор все же хоть несколько защитит и обеспечит интересы Инсулинды, тогда как при отсутствии какого бы то ни было соглашения предприимчивые японцы, незнакомые с предрассудками, наводнили бы Нидерландскую Индию, подобно тому, как они это уже сделали с Сандвичевыми островами, где у них и произошло столкновение с Соединенными Штатами, когда Америка утвердилась в Юнолулу после падения Сандвичевой монархии.

Японскую иммиграцию и инфильтрацию в Нидерландскую Индию колониальное управление считает несравненно опаснее даже присут-

^{*} Пока не будет доказано обратное (*фр.*).

ствия четырехсот тысяч китайцев в Инсулинде. Китайцы эти всегда были и останутся подневольными и подчиненными голландской власти, занимая обособленное и строго урегулированное голландским контролем положение. Они — азиаты — и не претендуют, чтобы их считали и с ними обращались, как с европейцами, к тому же они не имеют в Батавии штатного консульского представительства, которое ведало бы их интересы, как подданных китайских, что значительно упрощает отношения голландцев к этим китайским выходцам.

В совершенно ином виде представится, со вступлением в силу нидерландско-японской конвенции, положение в крае будущих японских иммигрантов. Колониальное управление не сомневается в том, что японцы, ищущие новых рынков для своей промышленности и простора для своей экспансивности, массами устремятся в новооткрывающуюся их инициативе Нидерландскую Индию. В настоящее время японский элемент здесь составляют пока лишь японские женщины, которыми переполнены публичные дома в крае.

В случае недоразумения с японцами, в Индии могут возникнуть пререкания, а то и конфликты с японским правительством, что также весьма нежелательно и неудобно для Голландии, так как это не Китай, где правительства серьезного и осязаемого, так сказать, не существует, а Япония, т.е. держава организованная, с которой во всех отношениях приходится считаться.

Не подлежит сомнению, что экспансивные стремления существуют не только среди японской интеллигенции, но еще и в сознании самого народа.

Почти 50-миллионное население Ниппона чувствует себя стесненным в узких пределах своих родных островов; оно чуть не поголовно мечтает о Greater Japan* и увлекается идеею колонизации и экспансивности извне.

Первою ступенькою на лестнице колонизации служит японцам Формоза, пока еще не ассимилированная, но недалек тот момент, когда и Формоза будет открыта японской культуре и гражданственности.

За год до восстания на Лусоне, пользуясь и прямо злоупотребляя смутю и затруднениями испанцев, Япония устремила свои взоры также и на Филиппинские острова. Подстрекательства и происки японских тайных агентов и эмиссаров на Лусоне и иных испанских островах были выяснены и доказаны следствием, произведенным испанскими властями.

Агенты эти раздавали оружие и, кроме того, проповедовали туземным тагалам-азиатам** племенную солидарность с азиатами-японцами!

В данном случае японцы не отрицали, а напротив, подчеркивали свою принадлежность к Азии и к азиатской расе, так как констатирова-

* Великая Япония (англ.).

** Тагалы — один из этносов, населяющих Филиппинские острова.

ние этого факта было для них выгоднее и отвечало их политической программе действия.

Лишь в международных сношениях с Европою и в своих договорах с европейскими державами те же азиаты-японцы, в видах политического и политического оппортунизма, прилагали все усилия к тому, чтобы выставить вперед культурные успехи Японии, дающие ей право рекламировать в свою пользу равноправность с наиболее культурными народами Старого света.

Точно так же, как в Лусоне, поступают японцы в Корее, а одно время они вели подобную же агитацию на Сандвичевых островах.

Все эти признаки указывают на существующее и притом сознательное и поступательное движение японцев в намеченном ими направлении в видах сперва подготовить, а затем и реализовать японскую экспансивность на дальнем Востоке, на обладание части которого азиатская Япония считает, что имеет права по меньшей мере равные с претензиями, выдвигаемыми вперед великими европейскими державами.

А так как военные средства Японии на суше и на море находятся в соответствии с вожделениями японской политики и служат лучшим подспорьем к осуществлению японских национальных стремлений, то Европе уже ныне приходится серьезно считаться с народившимся и постоянно возрастающим на дальнем Востоке военно-политическим могуществом новейшей азиатской Великобритании.

Европе, кроме того, приходится еще принимать во внимание и расчет национальные качества и особенности японского характера. Народ этот, трудолюбивый, высоко просвещенный в массе своей, богато одарен от природы. Путешествовавший года два тому назад по Японии корреспондент «Нового времени», в интересных письмах своих свидетельствует о высокой степени самосознания у японцев и удивляется благоустройству страны и прогрессу, осуществленному этою интеллигентною и предприимчивою расою по всем отраслям знания и техники.

Если страна эта будет и впредь в той же возрастающей прогрессии развивать свои культурные и торгово-промышленные ресурсы параллельно со своими военными средствами, то нет сомнения, что Япония в близком будущем станет на дальнем Востоке могущественным и притом цивилизующим фактором, а также соперником и конкурентом европейских держав, преследующих в этой части света те же культурные и колонизационные задачи. Параллельно с инфильтрацией повсюду германского элемента и германской индустрии, которые проникают даже во французские колонии и все сильнее теснят, а порою и вовсе вытесняют вездесущих англичан, одновременно с этим мирным завоеванием самых отдаленных рынков предметами немецкого происхождения, начинается также выселение и инфильтрация повсюду японцев. Эти «желтые англичане» уже конкурируют с успехом с европейцами на поприще торговли; не существует таких изделий, которые не

фабриковались бы по европейским образцам в самой Японии. Предметы эти не хуже тех товаров второго и третьего разряда, про которые англичане презрительно отзываются, что они *made in Germany*. При этом же изделия эти много дешевле, вследствие большей дешевизны вообще рабочих рук в Японии, а еще и потому, что базис производства, т.е. Япония, значительно ближе, чем Европа, от дальнеазиатских рынков и мест сбыта этих товаров.

Если, как изложено было выше, нежелательно утверждение немцев в Инсулинде, то нельзя сказать того же о японском, например, завладении и утверждении на Филиппинских островах.

Эта злополучная группа, хищнически эксплуатируемая испанцами и в конце XIX века администрируемая на подобие и по рецепту средних веков фанатическим духовенством, состоящим из монахов всех цветов и наименований и пользующихся огромным влиянием, могла бы лишь выиграть от замены испанского, отжившего свой век, режима владычеством более просвещенных азиатов — японцев. А кто может поручиться в том, что Филиппинские острова не сделаются со временем японскою колониею? Все шансы и козыри в руках у японцев, особенно если американцы, до сего дня не отличавшиеся, как известно, на Филиппинах, выкажут свою неспособность подавить восстание и свою несостоятельность в новой и непосильной им роли колонизаторов. Они, быть может, признают, что Филиппины слишком отдалены от своего естественного базиса — Америки, что они непроизводительным образом еще в течение долгих десятилетий поглотят американские капиталы и что, вследствие сего, пожалуй, выгоднее уступить эту убыточную колонию японцам, которые и без того к ней давно подбираются. Японцы в этой части света, имея свой военный операционный базис под рукою, несомненно, окажутся сильнее американцев в тот момент, например, когда, вследствие конфликта с Соединенными Штатами, Япония решит совершить диверсию в сторону Филиппин и удержать эту группу, как *Faustpfand**, впредь до разрешения возникшего между обеими державами спорного вопроса.

Таковой японский *coup de main*** в данную минуту и при данных условиях не только возможен, но еще и может быть легко осуществим. Американцы, как народ практического склада ума, не могут этого не сознавать. А так как американцы, кроме того, народ меркантильный и расчетливый, то они, быть может, лет через десять бесплодного и безуспешного хозяйничанья на Филиппинах очень рады будут возможности получить за свою неудачную колонию приличный куш денег, не рискуя, что у них Филиппины отнимут и в таком случае уже вознаграждения требовать не придется.

С голландской точки зрения несомненно, что утверждение Япо-

* Залог (нем.).

** Нападение (фр.).

нии на Филиппинских островах будет невыгодно и нежелательно: Соединенные Штаты, хотя они сильны и располагают неисчислимыми материальными ресурсами, все же слишком отдалены от голландской сферы интересов в этой части дальнего Востока. К тому же настоящий американский империализм в политике, быть может, окажется явлением непродолжительным и скоропреходящим — с переменною правительства в Вашингтоне может измениться и нынешнее течение, направившее американцев в сторону Кубы и Филиппин.

Япония же, напротив, ведет политику поступательную и сознательную, а не нервную, *by fits***, каковой следуют Соединенные Штаты, для которых экспансивный империализм составляет лозунг и ориентировку лишь в настоящий момент. Для Японии, стесненной в своих пределах, приобретение азиатской группы Филиппин означало бы естественное и желательное расширение ее азиатского достояния. Японцы, располагающие достаточными материальными средствами и военными силами, несомненно были бы в состоянии удержать за собою и в непродолжительном времени ассимилировать свое новое завоевание, в ущерб, конечно, нидерландским политико-экономическим интересам.

* Урывками (*англ.*).

Глава IX

*Господствующие расы на Яве. – Густота населения на острове. –
Яванцы и яванский язык. – Психология яванской души. –
Chailléu Bert и его книга о Яве.*

Выше, говоря о жителях Явы, я всех их обозначил безразлично под общим собирательным термином яванцев. Делал я это для удобства, хотя яванцами, собственно и строго говоря, именуются лишь жители средней и отчасти восточной Явы. На западной ее оконечности, в Бантаме* и в Преангерском регентстве, за Бейтензоргом, живет племя сунданцев, получившее свое наименование от пролива Сунда (или Зондский пролив), отделяющего о. Суматру от Явы. Сунданцев насчитывается до 4 с половиной миллионов. Говорят они на языке малайском, отличном от того *petit negre***, на котором изъясняются на берегу, в больших городах.

На острове Мадуре и в северо-восточной оконечности Явы живет около 3-х миллионов мадурцев. Это племя также принадлежит к великой малайской ветви, но мадурское наречие до того разнится от языков сунданского и яванского, что сунданец и яванец, не разумеющие друг друга, не понимают также и мадурца.

Собственно яванцев считается до 16,5 миллионов.

Остров Ява, протяжением в 2300 кв. миль, длиною от Java Punt, крайней западной, до Java Zuidhoek***, крайней ее восточной оконечности, в 1100 до 1200 километров, шириною от 250 до 400 километров, вмещает на этом сравнительно ограниченном пространстве до 25 миллионов жителей – сунданцев, яванцев, мадурцев, китайцев, арабов и белых, всего же Нидерландская Ост-Индия имеет поверхность в 1581,558**** кв. километров и до 34 миллионов жителей.

Если круглым числом отделить на Яву с Мадурою 581 тысячу кв. километров (а цифра эта не преувеличена), то окажется, что на одном этом

* Бантен.

** Ломаный язык (*фр.*).

*** Ныне соответственно мыс Лаяр и мыс Бантенган.

**** По современным данным 1904 тыс. кв. км.

пространстве скучено с лишком 24 миллиона жителей и Ява, таким образом, является самой густонаселенной местностью на всем земном шаре.

Япония, с 417 тысячами кв. километров насчитывает, правда, свыше 46-47 миллионов жителей, но, во-первых, в эти 417 тысяч кв. километров входит также и Формоза, а затем не следует упускать из виду, что Японии составляет не один лишь остров, а целую группу обширных островов.

Ява населена чрезвычайно густо, но не равномерно. Ни в какой местности Явы не насчитывается меньше 3000 душ на 1 кв. миль, в иных же внутренних резидентствах острова, число это достигает почти невероятной цифры от 20 до 22 тысяч душ*.

Еще более Явы обширный остров Суматра заселен значительно реже, с населением, быть может, всего в 8 миллионов. Впрочем, до сего дня никому неизвестны в точности ни внутренняя конфигурация Суматры, Борнео или Целебеса, ни ресурсы или число жителей этих, еще неведомых, стран. Менее же всего известна и доступна голландская часть Новой Гвинеи, отличающаяся своим нездоровым климатом и свирепостью ее дикарей-людоедов Hinterland'a. А между тем, голландские владения в Новой Гвинее обнимают до 398 тысяч кв. километров, на пространстве которых, по приблизительному расчету, живет всего 238 тысяч душ, что составляет 0,6 на 1 кв. километр.

Из всех народностей, населяющих Яву, сами яванцы, бесспорно, занимают более видное место. Эта раса по-своему культурная, одаренная тонким инстинктом изящного, аристократическая по темпераменту и по изяществу манер. Яванская аристократия была во времена, еще не столь отдаленные, чисто феодальная, с правом жизни и смерти подчиненными ей вассалами из мелкой сошки и сельского сословия. Этих яванских властителей и принцев медиатизировала** в видах политических отчасти еще бывшая Ост-Индская компания. Той же системе и по тем же причинам следовало впоследствии и нидерландское правительство, заступившее место упраздненной компании. Некоторые, более строптивные туземцы-владельцы заплатились своими территориями, которые были обращены в обыкновенные резидентства с голландским резидентом во главе управления.

В виде вознаграждения за утраченные власть и владения, колониальное управление стало назначать регентами некоторых представителей из лучших яванских родов, на преданность и лояльность которых голландцы могли положиться. Должность и звание регента переходили обыкновенно от отца к сыну. Регенты были туземными адъюнктами голландских резидентов. Служа связующим звеном между народо-

* Заимствовано из школьного «Атласа Нидерландской Индии», Java, Bevolkingen K rt. (Прим. М.М. Бакунина).

** Присоединить территории, сохраняя за прежним властителем титулы и некоторые права — от mediatize (англ.)

населением и голландскою властью, все эти регенты, *пати* и проч. чиновники из туземцев всегда пользовались уважением голландцев и принимаемы были в обществе с чистокровными голландскими резидентами, контролерами и проч.

На тему о яванцах с их особенностями можно бы написать длинное и глубокомысленное исследование, которое представило бы несомненный интерес новизны, до того все в яванце оригинально и любопытно.

Всего же замечательнее и любопытнее самый яванский язык, составляющий наиболее выдающуюся и характерную черту в яванском типе, вообще чрезвычайно сложном и многостороннем.

Этого языка не одолел и не усвоил вполне, насколько мне известно, ни один европеец. Даже голландцы, давно уже поселенные в центральной Яве среди яванского населения и, следовательно, имеющие со всеми слоями яванского общества частое и близкое соприкосновение, далеко не в такой степени владеют яванским языком, в какой они, например, свободно изъясняются по-малайски или по-сундански. Яванский язык весь состоит из известных, строго определенных обычаем и этикетом формул, градаций и тонких нюансов в настроении даже обыкновенной разговорной речи, что большею частью остается недоступным европейскому складу ума.

Вопрос, однако, отнюдь не заключается в абсолютной непреодолимости яванских языка и письменности. Осилить и то и другое можно, ведь есть же люди, свободно владеющие несравненно более сложным китайским языком с его идеографическими письменами.

Язык, на котором говорит свыше 16 миллионов яванцев и обозначаемый термином новояванский, в отличие от древнего и священного *кави*, чрезвычайно богат словами и выражениями чуть ли не для каждого отдельного представления. Между тем, наряду с этою специализациею понятий, слова, часто самые употребительные и обыденные, вовсе отсутствуют в яванском лексиконе. Так, например, глагола «нести», в самом общем и широком значении этого слова, не существует вовсе. Зато есть оттенки глагола «нести», обозначающие носить через плечо, на спине, на голове, на руках, в одной руке, носить тяжелую ношу и прочее.

Главная же суть и вместе почти неодолимое препятствие для учащегося состоит в группировке фраз и в особых оборотах речи, смотря по тому, беседуют ли между собою равные по общественному положению, старший в ранге с младшим по чину и наоборот и прочее.

В русской речи тоже есть оттенки и утонченности, не всегда доступные уху и разумению иностранца, но в сравнении с яванскими subtilностями, наши русские фокусы — забава для малых детей.

Один знакомый мне именитый иностранец, преодолевший с какими усилиями ему одному известно, все тонкости и премудрости русской речи, высказал мне однажды юмористически, что по-русски глагол «есть» спрягается следующим образом: я кушаю, ты ешь, он изволит кушать, мы питаемся, вы жрете, они лопают.

Конечно, эта натяжка, придуманная праздным воображением остроумного чужеземца с целью наглядно демонстрировать, как трудно дается богатый своими формами русский язык. Но в отношении капризного и бесконечного и разнообразного subtilного яванского языка, вышеприведенная заметка моего знакомого может быть применена почти без преувеличения. Ограничусь здесь пока этими общими замечаниями, дабы объяснить и мотивировать сделанное выше утверждение, что все в яванце своеобразно, и что любопытнее всего язык, на котором он говорит.

К специальным формам и яванским оборотам русской речи с подразделением на категории я вернусь обстоятельнее дальше, когда буду описывать нравы и обычаи императорского двора *сусухунана* в Суракарте.

Несомненно, что народ, подобно яванскому застывший на обрядностях самого педантического этикета, чинопочитания и внешнего формализма, народ, систематически выработавший и практикующий столь головоломные способы выражений, не может не иметь также и соответствующей, то есть весьма утонченной внутренней психологии.

Чужая душа, вообще, потемки или, по меньшей мере, сумерки. Какова же, при данных условиях быта и мирозерцания, должна быть глубока и непроницаема тьма коричневой души яванца!

А между тем, завесу с этого внутреннего и сокровенного мира дерзновенною рукою попытались уже приподнять и даже сорвать некоторые европейские туристы, которых всего пребывание на Яве было каких-нибудь 15-20 дней, но которые, тем не менее, ничтоже сумняшеся, успели составить себе целую систему и теорию по сему деликатному предмету.

Эти господа с уверенностью и с апломбом, достойными лучшей участи, развивают свои идеи на тему «*L'âme javanaise*»*. Автор сей последней статьи в *Revue de Paris* просто забавен, но сам он, очевидно считает свою болтовню серьезным исследованием. Написана вещь его увлекательно и с претензией на научную обработку, но, тем не менее, все это одна фантазия, ибо откуда новичку французу, прямо с асфальта парижских бульваров попавшему на Яву, знать все извилины яванской души?

Голландцы, и те, за триста почти лет своего владычества, премудрости этой еще не изучили и не постигли.

Поистине изумительны эти туристы, совершающие ныне путешествие вокруг света, потому что это принято в известном обществе и потому, что не совершить своего обязательного *tour du monde*** считалось бы прямо моветоном. И вот, какой-нибудь *boulevardier* и завсегдатый *Café Riche* снаряжается в путь безо всякого, впрочем, увлечения. Он изучает в Индии, Китае и Японии сравнительные цены и свойства

* Душа яванца (*фр.*).

** Кругосветное путешествие (*фр.*).

своего любимого absinthe*. Иные отваживаются в места более глухие и неведомые, дабы по возвращении иметь право рассказать, что они проникли в самое сердце Тибета, всего в двух днях пути от загадочной Лхасы. Мне лично в Батавии довелось встретить и таких эксплораторов, которые побывали и посетили знаменитые развалины Ангкора в Камбодже. Эти господа азартно и очень авторитетно утверждали, например, что развалины Ангкора носят по себе неоспоримые внешние признаки своего мексиканского происхождения. О том, как и когда попали в азиатскую буддийскую Камбоджу американские культустрегеры перуанской расы, путешественники благоразумно умалчивали, имея на то, по всему вероятно, свои, весьма уважительные причины. Но возможно, что по благополучном возвращении своем исследователи почувствуют в Париже писательский зуд и поведают изумленному миру в специальном трактате о результатах своих неожиданных открытий.

Есть, конечно, лица составляющие почетные исключения и выходящие по своей солидной научной подготовке из разряда банальных и пустопорожних шарлатанов, от которых даже на отдаленной Яве, благодаря пару и агентствам Кука, нельзя чувствовать себя в абсолютной безопасности.

К этой последней категории лиц серьезных должно отнести известного французского экономиста Chailléu Bert, члена института географического общества и авторитетного специалиста по вопросам колониальным, который уже заявил себя с этой стороны в ряде интересных трудов и конференций.

Получив от французского министерства специальное поручение ознакомиться с колониально-административными порядками и приемами голландцев, Шалье Бер прибыл в апреле 1898 года в Батавию, снабженный лучшими рекомендациями к генерал-губернатору и к колониальным властям. Здесь голландцы приняли французского ученого самым предупредительным образом, они наперерыв старались всячески облегчить ему задачу, оказали ему полное содействие во время его трехмесячного объезда по Яве. В распоряжение Шалье Бера отдан был даже бейтензоргский ассистент-резидент, который всюду его сопровождал в пути и все ему показал и разъяснил.

Это делалось для большего удобства путешественника, незнакомо-го с краем и языком, а также с целью оказать ему почет. Голландцы отнюдь не имели в виду стеснить свободу действий и передвижения Шалье Бера, подвергая его негласному контролю и надзору.

Совершенно иной прием встретил бы тот же Шалье Бер или любой иностранный турист в Австрии, особенно, когда предметом его любознательности были бы славянские земли Австро-Венгерской монархии. Подозрительные австрийские власти приставили бы к нему соглядатаев тайных и явных. Те и другие сопровождали бы туриста по

* Настойка на полыни или анисе (*фр.*).

пятам, всячески затрудняя ему всякое вникновение в интересующие его условия быта и администрации. В этом отношении весьма характерны и любопытны письма «У синя моря» известного русского писателя Муравлина. Путешественник наш в Далмации и даже в Черногории шагу ступить не мог без опеки приставленного к нему австрийского шпиона.

Но голландцы не имеют, подобно австрийцам, оснований скрывать и остерегаться постороннего глаза. Они смело всем и каждому на Яве показывают свои порядки, так как могут лишь гордиться совершенством своего административного механизма. Голландцы, конечно, весьма чувствительны к критике, исходящей из уст или из-под пера иностранца, они простят ему ошибки, совершенные по незнанию, но не простят предвзятой тенденции все разносить или отсутствия объективности в его суждениях и заключительных выводах, раз автору замечено дана была полная возможность основательно ознакомиться с предметом его исследования.

Шалье Бер не употребил во зло доверия и гостеприимства, оказанных ему голландцами, если судить по первому его отчету в *Cosmopolis*, озаглавленному *Les hollandais a Java**, хотя специально в этом очерке о голландцах собственно говорится весьма немного и вскользь, главная же суть посвящена описанию свойств, качеств и своеобразностей яванцев. Здесь этнолог и экономист Шалье Бер выступает в роли психолога. Удивительно, как велика на европейцев-исследователей притягательная сила этой таинственной души яванца!

Новоявленный французский психолог однако не сообщает ничего нового или особенно выдающегося по этой части, но то, что он изображает, подмечено верно и читается с живым интересом. Пишет же Шалье Бер так же, как и говорит, т.е. увлекательно, порывисто, нервно и притом с непоколебимою уверенностью в авторитетности своего собственного суждения. Он никогда не задумывается, не выражает сомнений, а прямо утверждает или отрицает.

Я имел удовольствие познакомиться с ним лично. Это остроумный собеседник и блистательный conferencier**, которого можно заслушаться, хотя не всегда возможно согласиться с его мнением или с резкостью его заключений. Но это нисколько не смущает его апломба. Шалье Бер противоречия и представлений не выносит; раз составивши себе понятие по данному вопросу, он уже так и остается при своем, часто особом мнении. Не могу не упомянуть о двух довольно существенных пунктах, относительно которых Шалье Бер заблуждается.

Непогрешимый француз утверждал однажды в присутствии бейтензоргского ассистента-резидента, что средний образовательный ценз голландского чиновничества в Нидерландской Индии весьма не-

* «Голландцы на Яве» (фр.).

** Докладчик (фр.).

удовлетворительный и низкий, вследствие того, что ни один почти из голландских служащих не прошел в Голландии через единоспасающее, по убеждению Шалье Бера, горнило классицизма.

«Классицизм, — ораторствовал он, — нравственно и умственно развивает человека и дает ему более широкий кругозор. Ваши чиновники все до единого шаблонны, они бессознательные исполнители и бюрократы с узкими и ограниченными понятиями, вот почему личной инициативы они не имеют и иметь не могут. Между тем, вникните в то, что мы видим в Британской Индии: все британские администраторы, судьи, коллекторы и пр. получили у себя дома университетское и классическое образование, все они бакалавры, fellows* той или иной высшей коллегии, все они знают и большею частью легко и изящно интерпретируют латинских и греческих классиков. Англичане высылают в Индию не один лишь человеческий материал, а людей культурных, высокообразованных из лучших слоев общества. Вот почему люди эти не только администраторы, но еще и носители культуры».

Что английский служащий персонал, так называемый в Индии *civil service*** рекрутируется из людей, получивших высшее образование, это несомненно. Но, спрашивается, какую же собственно индусы, т.е. население Индии, извлекают материальную и практическую пользу из этой отборной культуры своих британских господ и просветителей? На этот вопрос двух ответов быть не может и распространяться об угнетенном нравственном и экономическом состоянии Британской Индии под управлением ее классически вышколенных и подготовленных чиновников значило бы доказывать всем, даже более просвещенным англичанам, давно известную истину.

Да и к чему, на кой прах, с позволения сказать азиатам иметь во главе управления людей, свободно читающих Еврипида в греческом тексте и цитирующих наизусть целые страницы из Цицерона или Горация? Не все ли равно индусу, безобидному и беззащитному, дерет ли с него три шкуры вульгарный Джон Буль или же утонченный джентльмен, fellow Кембриджского университета, раз в обоих случаях эффект тот же, и что при той и иной комбинации получается в результате полное разорение края и угнетение его бесправного населения?

Голландцы, менее идеалистически настроенные, но зато более практичные, прекрасно обходятся и продолжают обходиться без совершенно ни на что не годного в Индии багажа древнего классицизма. Незнакомство с Эсхилом и Вергилием не отразилось вредным и губительным образом на состоянии Нидерландской Индии, она живет и процветает и голландская власть здесь покоится на весьма солидных и прочных основаниях, чего о Британской Индии утверждать отнюдь не приходится. Да кроме того, Шалье Бер забывает, что его излюбленная клас-

* Здесь: члены (англ.).

** Государственная служба (англ.).

сическая образовательная подкладка совершенно отсутствует также и во французских колониях, где, уже наверное, очень и очень немного наберется классиков по душе Шалье Бера среди французских администраторов Сенегамбии, Конго или Тонкина, а найдутся одни лишь типичные *fonctionnaires* с самыми рутинными приемами французской бюрократии, бумагомарательной и щепетильной *par excellence*.

Второй упрек автора *Les hollandais a Java* по адресу голландцев — это будто бы поголовное нежелание жен голландских служащих в Индии сопровождать своих супругов и проживать с ними вдали от цивилизованных центров. Шалье Бер утверждает будто голландские дамы предпочитают оставаться в больших городах, пока их мужья работают, как волы, и изнемогают от дизентерии и лихорадок где-нибудь внутри Борнео, Целебеса и в иных диких и убийственных по климату местностях.

Напрасно мы с ассистент-резидентом доказывали противное, цитируя примеры доблестных голландских жен, которые не задумываются вместе с детьми разделять риск и опасности боевой и лагерной жизни своих мужей — офицеров в Атчине — или изгнание где-либо в отдаленной трущобе внутри Борнео, в 12-15 днях плавания на туземной пироге от ближайшего голландского поселения.

Шалье Бер слушал нас со снисходительной улыбкою благовоспитанного человека, стоящего выше предрассудков, но он мнения своего относительно необходимости классического образования для индо-голландских чиновников, а также относительного эгоизма голландских дам, очевидно, не изменил.

Глава X

Жители Явы, их характер и особенности. —

Китайцы, как элемент культурный, их роль в крае, их свойства, качества и пороки. — Опасность для Инсулинды состоит не в иммиграции, а в инфильтрации китайцев. — Арабы, их роль и значение. —

Метисы, их возможная роль в будущем. —

Недостаточность культурных материальных средств Голландии сравнительно с прочими колонизирующими державами.

Ява есть средоточие, исходный и опорный пункт нидерландского владычества в Ост-Индии. Ява — это альфа и омега, *raison d'être**, так сказать, существования вообще голландской оседлости в этой части света. Доходность всех прочих *Buitenbezittingen* (внеяванских владений) относится к доходности Явы, как 1 к 5 или 6, если даже не в пропорции еще более невыгодной для *Buitenbezittingen*, в которых отсутствуют предприимчивость, рабочие руки и капиталы, так как европейцы и голландцы одинаково еще относятся с недоверием к этим странам, имеющим, быть может, блестящую будущность, но которые в настоящее время слишком еще неведомы и недоступны. Вследствие сего, свободные капиталы устремляются и сосредоточиваются почти исключительно на Яве, где почва подготовлена и риску меньше, чем где-либо, например, на островах Борнео и Целебес. Лишь на соседней Суматре, и притом недавно, всего лет 20 тому назад, возникла новая индустрия — добыча керосина, которая с каждым годом усиливается и в настоящее время составляет уже вполне упорядоченную и притом значительную статью дохода, достигающего цифры в несколько десятков миллионов гульденов в год. Запасы нефти на Суматре, по-видимому, неистощимы, дело эксплуатации поставлено там хорошо и самый район добычи постоянно расширяется.

Нефть в бюджете Нидерландской Индии образует настолько важную статью доходности, что я этому предмету посвящу специальную главу в отделе торговли и промышленности. Вопрос этот, как с технической, так равно и с экономической стороны, представляет несомненный интерес для наших нефтепроизводителей и для русского керосинного экспорта, так как в Нидерландской Индии русская нефть ввозится наравне с американским керосином.

После голландцев и иных европейцев, многочисленных, поселенных в Инсулинде китайцев можно считать элементом наиболее куль-

* Смысл (*фр.*).

турным, конечно, с некоторыми ограничениями, вытекающими из специфически свойственного китайцам племенного темперамента. Туземцы же всюду, не исключая и Явы, где они достигли высшей степени образованности и развития, отличаются своею неподвижностью и отсутствием предприимчивости. Нельзя сказать, чтобы жители Явы были нецивилизованны и неспособны. Здешные сунданцы и яванцы могут, напротив, похвалиться своею весьма древнею и даже, что касается яванцев, утонченною культурою, восходящею еще ко временам индусским и к эпохе брахманизма. Но здесь, как повсюду, где господствовал брахманизм, народные массы не усвоили себе светлых и идеальных сторон этого учения, они прониклись лишь грубым суеверием и неподвижно застыли в созерцательном индусском символизме, которого не постигли, принимая за внутреннее зерно и за суть религии лишь ее оболочку чисто внешнего формализма.

Впоследствии к умерщвляющему плоть брахманизму привился еще и убивающий дух ислаимзм, который пропагандировался и с 1315 г. введен был на Яве насильно, огнем и мечом, по обычному рецепту распространителей магометова учения. Магометанство, в конце концов, исходя из Суматры, утвердилось на Яве, где почти сплошное население — мусульмане.

Но суровых свойств аскетического исламизма фанатичные арабы-просветители все же не в состоянии были навязать беспечным и жизнерадостным яванцам. Жители Явы всегда втайне, и как-то инстинктивно чувствовали себя ближе и легче воспринимали дух и поэтические обрядности учения Будды, оно более отвечало их природному характеру и настроению, чем сухой и исключительный педантизм магометова закона.

Вот почему яванцы восприняли лишь внешние формы исламизма, дух которого и поныне остается им чужд. Притом же они даже формы эти видоизменили, согласно требованиям своего темперамента наивных и взрослых детей, никогда не заботящихся не только о более или менее отдаленном черном дне, но еще и не утруждающих себя мыслию о следующем утре.

На самом деле яванцы в душе своей и поныне остались буддистами или, вернее сказать, просто язычниками.

Сочетание двух бесплодных религий, буддизма и магометанства, дало на Яве любопытные результаты: на подпочве древних индусских культа и цивилизации, утвердившихся здесь спокон века, пустило свои неглубокие корни магометанство. Но оно, не всосавшись в плоть и кровь новых своих последователей, не в состоянии было вытеснить вовсе верования, учения и предрассудки индусской эпохи, которые сквозят и ныне через кажущийся исламизм яванцев. К наружному, на-кожному, так сказать, мусульманству яванцев примешиваются суеверия анимизма, а в некоторых местностях и фетишизма, с целым пантеоном богов, полубогов и мифических героев национальной эпопеи, до-

брых и злых гениев и пр. Яванцы к тому же не слишком строго соблюдают правила и требования исламизма, они в религиозном отношении скорее равнодушны и придерживаются одной внешности. Масса народа арабского языка не знает вовсе, а потому и не понимает корана, от предписанных законом молитв уклоняется и мечети посещает редко и вяло. Яванские и малайские женщины ходят свободно с открытым лицом и строгостью нравственных правил не отличаются. Словом, туземцы вовсе не походят на мусульман, суровых и соблюдающих буквально все заветы и предписания своей взыскательной религии.

Мечети их (*missigit*) постоянно пустуют да и по внешнему невзрачному виду своему эти молитвенные дома мало чем отличаются от мизерных туземных хижин в *кампонгах*. Даже в Батавии, где на 115 тысяч жителей насчитывается по меньшей мере 60 тысяч мусульман, поражает отсутствие *миссигитов* и крайняя их убогость и запущенность там, где такие мечети существуют, скрываясь где-нибудь в захолустье за массой домов в глухих переулках.

Лишь внутри острова в регенстве Преангер, в городах Сукабуми, Бандунге, Чианджуре и пр., мечеть занимает более видное и приличное место. Она обыкновенно расположена по одному фасу огромной четырехугольной площади, именуемой *алун-алун*, и представляет собою квадратное здание с двумя острыми крышами. Но и здесь, в центре мусульманства, вся внутренность мечети состоит из просторной залы с голыми оштукатуренными стенами безо всякого убранства. Пол покрыт большими циновками. *Михраба** для имама и проповедника не имеется. Отсутствуют также грациозные и стройные минареты, с башни которых муэдзины сзывают правоверных на молитву; и те и другие заменены огромным тамтамом (тамбурином), подвешенным над входною дверью.

Тем не менее, несмотря на свою индифферентность в религиозных вопросах, яванцы, вследствие своего впечатлительного и легко увлекающегося темперамента, поддаются пагубному влиянию своих арабских законоучителей и фанатизируются поклонниками, побывавшими в Мекке. В независимых туземных государствах внутри Явы, как-то в Суракарте и Джокьякарте, а также в резиденстве Бантам западной Явы, туземцы, стоящие на низком уровне развития и во всех отношениях далеко отставшие от провинций, управляемых голландскими резидентами, считаются, и не без некоторого основания, особенно ненадежными и фанатичными.

Голландцы почему-то полагают, что в данный момент, при условии усиленной пропаганды извне, яванский огонек фанатизма, ныне благодушно скрывающийся под золою кажущейся апатии, можно раздуть до степени опасного пламени.

* *Михраб* (араб.) — молитвенная ниша в стене мечети, обращенной в сторону Мекки.

Насколько могу судить, они в этом отношении заблуждаются, быть может, потому, что недостаточно уверены в себе и не зазнаются подобно, например, культуртрегерам-англичанам. Яванцы слишком ленивы телом и духом, слишком мягки, напоминая в этом отношении безобидных индусов. Никакая угроза вооруженного и поголовного восстания голландцам не предстоит со стороны туземцев, и слава Богу. Не существует никаких серьезных оснований к такому народному движению, направленному против белых господ и повелителей Инсулинды: власть и престиж голландцев покоятся, и давно уже, на прочном и незыблемом фундаменте; туземцы совершенно довольны своею судьбою, притом же нищеты и пролетариата среди туземного населения не существует. Нет такого яванца или сунданца, который не был бы землевладельцем или земледельцем. Многого ему на пропитание не нужно, хлеб же насущный, то есть рис с плодами в придачу, всегда поставляет ему в изобилии тропическая природа, которая не скупится на свои щедрые и разнообразные дары. В случае же голодовки, что случается редко, правительство из запасных магазинов своих раздает нуждающимся рис по низкой цене или даже даром. Стариков дряхлых или калек, лишенных возможности работать, призывают голландские власти, а также разные туземные *kapala kampung* (сельские старосты), *patti* и прочее туземное начальство. Очень часто бывает, что простой народ, поселяне, среди которых сильно развиты и практикуются солидарность и круговая порука, разбирают и распределяют между собою по семействам таких несчастных, которых они и содержат своими средствами или вкладчину.

Словом, туземцам под гуманным и просвещенным голландским режимом живется, как у Христа за пазухою, лучшей участи они желать не могут да, по-видимому, и не желают. Голландцы, по моему убеждению, могут в своей ост-индской Аркадии спать безбоязненно, как говорится *sur les deux oreilles*^{*}, их владычеству не угрожает никакая опасность. А эта уверенность весьма утешительна для той сравнительно горсти белых людей, которые призваны содержать здесь в подчинении и повиновении столь многочисленные народные массы.

Дабы покончить с характеристикой яванцев, скажу еще, что они прежде всего жуиры в душе и по темпераменту. На сосредоточенное и продолжительное усилие они не способны. Трудиться они не умеют да и не любят, а потому совершают лишь минимум того, что необходимо для их несложного существования. В них также отсутствует дух предприимчивости, в столь высокой степени присущий, например, китайцам. Даже торговле туземцы не занимаются, они ограничиваются тем, что разносят мелочной и грошовый товар. Вся же коммерция сосредоточивается исключительно в руках европейцев, китайцев и отчасти арабов.

^{*} Спать спокойно (*фр.*).

Китайцы разбросаны всюду по всей Инсулинде, где они проникают первыми в местности, недоступные европейцам. Даже в сердце Суматры и Борнео можно встретить китайских корабейников, а в главных центрах также вне Явы те же китайцы ведут торговлю, состоят откупщиками опиума, содержат игорные дома, кассы ссуд и пр.

Не существует такого ремесла, которое находилось бы в пренебрежении у сынов Неба, неразборчивых на средства наживы. Они даже, и притом чрезвычайно искусно подделывают банковые билеты и фабрикуют фальшивую монету.

Китайцы большею частью начинают с того, что по городам и селам разносят на спине и на лотках разный хлам, как-то: дешевые ситцы, *са-ронги*, ножи, лампы, спички, посуду, мыло и пр. Смотришь, через 15-20 лет такой китайский офеня стал уже миллионером. В Батавии, Сурабае, Семаранге есть китайцы, которые считают свое состояние десятками миллионов гульденов. Китаец, в противоположность туземцу, довольствуется малым, работает неумоимо и, главное, копит деньги. Китаец также весьма искусный ремесленник. Из их сословия вербуются столяры, плотники, каменщики и пр. Должно отдать им справедливость: они все умеют делать и всякую работу исполняют аккуратно, прочно и притом значительно дешевле, так что никто с ними не в состоянии конкурировать.

В Батавии столяры-китайцы выделывают из тикового дерева чрезвычайно красивую и изящную мебель по европейским образцам. Они, кроме того, весьма искусно во всех деталях способны скопировать и воспроизвести, что угодно, хоть бы то был средневековый *baum**, вычурно-пузатый стол или комод в стиле Людовика XV или мебель времен Империи.

Туземцы не употребляют ни малейшего усилия с своей стороны к тому, чтобы освободиться от тесной зависимости к желтолицым своим эксплуататорам, они, благодаря своей лени, страсти к наслаждениям и апатичности не в состоянии существовать своими собственными ресурсами. Без китайца они шагу ступить не могут, он их поит и кормит в долг, дает им деньги займы под залог *са-ронгов*, домашнего скарба, браслетов и пр. украшений, до которых туземные женщины большие охотницы. Конечно, это желтое провидение, в лице какого-нибудь Тунг-Сиан-Фонга или иного с трехэтажным именем, дерет крупный процент за свое одолжение, но малайцу это все равно, он считать не умеет, деньги же ему во всякое время до зарезу нужны и он пользуется дорогими услугами китайца, зная, что только китаец и даст ему под залог или займы.

Китайцы в Инсулинде напоминают тех жидов-факторов, без которых в Царстве Польском, Бессарабии, Галиции и Румынии нет возможности обойтись. Китайцы здесь играют ту же роль посредников, аген-

* Сундук (*фр.*).

тов, маклеров и арендаторов. Они часто, слишком даже часто, как на то жалуются голландцы, из арендаторов превращаются в собственников плантаций и приобретают за свой счет и на свое имя значительные земельные участки.

Если продукт усилий и труда этих желтолицых вообще удовлетворителен, то далеко нельзя того же утверждать о нравственности китайского племени. Внося известную долю культуры в те местности, где они утвердились, китайцы в то же время своими пороками, алчностью и недобросовестностью деморализуют туземцев и хищническим образом эксплуатируют население. В этом отношении они опять-таки сходны с евреями в западном крае. Но они тоже составляют необходимое зло, с которым, так или иначе, приходится мириться. Их, подобно евреям, не любят, но их терпят и услугами китайских агентов одинаково пользуются как европейцы, так и туземцы.

Не раз уже, по поводу этой всеобъемлющей роли китайцев и по поводу возрастающей иммиграции их в пределы Инсулинды, как голландская, так и колониальная, печать указывала на нежелательность для Ост-Индии численного увеличения китайского элемента; она выставила вперед вред и опасность, которые подобное усиление оказывают интересам колонии. Одно время серьезно поднят был вопрос о необходимости ограничить ежегодный наплыв китайцев на Яву и на остальные острова. Имелось в виду издать стеснительные правила и мероприятия с этою целью, подобно тому, как это практикуется в Калифорнии, Канаде и Австралии.

Но закона в этом смысле и направлении до сего дня опубликовано не было, так как мнения по этому вопросу разделились. Иные прямо утверждали и продолжают стоять на том, что китайцы в Инсулинде — элемент необходимый и полезный, что вреда и опасности даже усиление их в крае не представляет никаких. Достаточно-де усилить надзор за ними и содержать их в полицейском страхе и трепете.

К этой категории оптимистов принадлежат в Ост-Индии многие просвещенные и влиятельные голландцы даже в высшей администрации. Во главе партии, благоприятной китайцам, стоял высокодаровитый бывший вице-президент совета Индии в Батавии г. Грунефельдт. Известный и в европейском ученом мире своими трудами по истории Китая, язык и диалект которого ему знакомы в совершенстве, г. Грунефельдт предлагал упразднить вовсе существующее ныне в Ост-Индии административное подчинение китайцев голландской власти, под управлением назначаемых голландцами китайских старшин для каждого квартала. Бывший вице-президент ратовал еще за предоставление китайцам права селиться и жить где им угодно, а не исключительно, как до сих пор, в предназначенных специально для них местностях. Наконец, этот убежденный синофил в своих представлениях договорился до абсурда: он, сочувственно относясь к стремлениям индо-нидерландских китайцев освободиться из-под голландского контроля, предло-

жил даже в совете Индии допустить в Батавию штатного китайского представителя, с титулом и рангом генерального консула! Предложения Грунефельдта однако оставлены были без внимания. Совет отнесся к оным, как к оригинальной выходке, но не счел удобным и возможным подвергнуть колонию столь коренному переобразованию, находя, вероятно, подобный опыт слишком рискованным.

В самом деле, если бы усвоен и осуществлен был проект г. Грунефельдта, полмиллиона китайцев, поселенных в Ост-Индии и ныне подконтрольных, сразу, в 24 часа, получили бы привилегированное положение наиболее благоприятствуемой нации, сравнившись в правах своих с европейцами, которые имеют в Батавии официальных представителей своих правительств.

Последствий в социальном строе и даже в политическом отношении такой эмансипации *en masse** нельзя было бы даже приблизительно исчислить и предвидеть.

Попытка Грунефельдта вызвала в свое время неудовольствие и негодование в Голландии и даже в самой Индии. Опасность была отклонена, но лишь на время. Нельзя поручиться в том, что Грунефельд все же не осуществит своего фантастического проекта, когда он рано или поздно будет в Батавии генерал-губернатором, на что имеет несомненные шансы этот способный человек, который полжизни своей провел и всю карьеру сделал в Индии.

По отбытии Грунефельдта из Батавии в Европу началась реакция и вместе пропаганда в противоположном смысле.

Голландская и колониальная печать стала усиленно указывать на угрожающую «желтую опасность» и требовать для Ост-Индии, если не полного исключения, то по меньшей мере стеснения размеров китайской иммиграции в ее пределы. Снова заговорили о пороках, тлетворном влиянии и деморализующей деятельности китайцев, словом, пущены были в дело все давно известные аргументы и избитые клише, но дальше отрицания не договорились и даже не выяснили и не доказали, как бы следовало, факта, будто ежегодное приращение в Индии китайского пришлого населения совершается в «ужасающей пропорции».

Нет сомнения, китайцев в Индии много и прибывает их в Инсулинду достаточное количество, но все это далеко не так страшно, как утверждают запуганные пессимисты.

В самом деле, стоит лишь раскрыть официальный сборник статистических и иных данных, издаваемый ежегодно в Батавии колониальным управлением и озаглавленный *Koloniaal Verslaag*, дабы удостовериться в том, что Ява с Инсулиндой не подвергаются опасности быть съеденными заживо желтолицыми сынами Небесной империи.

Вот какую цифру китайского населения на Яве и в ее *Buitenbezittingen* мы находим в официальном отчете: к 1 января 1893 г.

* Массовая (*фр.*).

(год, когда в последний раз произведена была общая перепись населения), китайцев числилось на Яве и Мадуре 248484 человека, а во вне-яванских владениях их насчитывалось около 200000 человек, всего же, круглым счетом, до 450 тысяч душ.

Достоверных данных не имеется относительно того, сколько тысяч китайцев прибывает ежегодно в Индию через различные порты Инсулинды. Но известно, например, что в 1880 г. всех китайцев в Индии насчитывалось 343 тысячи человек. К 1 января 1893 г. цифра эта возросла до 450 тысяч человек, т.е. прирост населения составил всего 107 тысяч человек в течение последовавших 12 лет. Такая пропорция прироста, распространенная притом же на долгий промежуток времени в 12 лет, ни в каком случае не может быть признана «угрожающею и ужасающею».

Таким образом, опасно и страшно для Нидерландской Индии не самое усиление в ее пределах китайского элемента, который возрастает в нормальной пропорции. Опасны скорее свойства китайского характера, способность этой расы на всё и ко всему, выдержка, трудолюбие и выносливость среди самых неблагоприятных условий, а с другой стороны, малочисленность европейцев, вместе с полною неподготовленностью и неспособностью туземных жителей к серьезному усилию и труду, вследствие чего успешная конкуренция с китайцами становится невозможною.

Мне кажется, что по этому поводу существует некоторое смешение понятий: следует опасаться не иммиграции, а скорее инфильтрации китайского элемента в Инсулинде.

В самом деле, китайцы не опасны и не страшны даже *en masse*, они по природе своей трусливы до того, что тысячная толпа очень часто пасует перед сотнею энергичных и хорошо вооруженных белых людей. Притом же голландская власть во всякое время будет достаточно сильна, чтобы содержать китайцев в должном повиновении, голландцы всегда будут иметь в своем распоряжении также и материальные средства, чтобы подавить в зачатке всякое движение, буде таковое возникнет. Случайность же подобной китайской *levée de boucliers** более чем сомнительна и прежде всего потому, что китайцам под голландским режимом живется прекрасно, они вполне довольны своею судьбою. Поселенные в Батавии выходцы из Небесной империи не решатся на какую-либо вооруженную манифестацию, так как им до сих пор еще памятен *dies irae***, который стряся над ними лет 60 тому назад, когда они было учинили возмущение. Тогдашний генерал-губернатор не усомнился перестрелять, перевешать, утопить и иными радикальными способами уничтожить несколько тысяч мятежников, что, надо полагать, навсегда отбило у китайцев всякую охоту бунтовать.

* Восстание (*фр.*).

** День гнева (*лат.*).

Насколько могу судить об этом предмете, вопрос заключается не в численности, а более специально в специфических свойствах и духе китайского темперамента.

Известно, что если где-либо, будь это на антиподах*, соберется вместе четыре немца, тотчас возникает турн или иной ферейн**. Точно так же солидарны между собою желтые сыны Неба, которые во многих отношениях сходны с немцами, они так же аккуратны и трудолюбивы, так же умеют приспособляться ко всем, даже неблагоприятным условиям жизни, так же выносливы и невзыскательны в своих требованиях. Этим и объясняются быстрые и значительные успехи, достигнутые в последнее время немецкими промышленниками, негоциантами и прочими распространителями на всем земном шаре германской культуры и индустрии. Подобно немцам, в китайцах в сильной степени развит инстинкт ассоциации. Четырех китайцев, в данную минуту и в данном месте, достаточно, чтобы сформировать *конгси* (торговая ассоциация). Вслед за таким товариществом с коммерческими целями обыкновенно возникают союзы, преследующие иные и уже гораздо менее невинные задачи. Я говорю о страсти, присущей вообще подданным богдыхана, у себя в Срединной империи и вне ее пределов, собираться в тайные общества. Вот эти-то тенденции на почве широкой между собою солидарности и делают всюду присутствие китайцев *en masse* нежелательным и порою опасным.

Рядом с китайским, в Индии существует еще иной элемент — арабский. Но арабов насчитывается несравненно меньше, а именно всего лишь 23143 человека (к 1 января 1893 г.), включая в то число также и арабов, разбросанных по островам внеяванских владений. В Батавии их считается 2800 человек; в Сурабае, Семаранге, Черибоне***, Тегале и иных городах на Яве также существуют отдельные арабские кварталы.

Почти все арабы, поселенные в Нидерландской Индии, родом из Южной Аравии, из провинции Гадрамат****, откуда их заставляют ежегодно выселяться скудность почвы и бедность. Иммигрируют исключительно мужчины, которые здесь женятся на малайских женщинах, подобно тому, как поступают китайцы; настоящие китаянки из Китая здесь в редкость, вряд ли наберется полсотни китайских женщин на всю Инсулинду. Вследствие браков с туземными женщинами, второе поколение китайцев и арабов, родившихся здесь, не понимает и не говорит на своем отцовском языке. Китайцев это обстоятельство не стесняет, так как они вообще оппортунисты и чувство патриотизма им доступно в весьма лишь скромных размерах. Арабы, напротив, не забывают ни своего происхождения, ни отдаленной и раскаленной родины своей. Более состоятельные из них посылают своих взрослых сы-

* Здесь: на противоположном конце земли (*греч.*).

** Союз, объединение (*нем.*).

*** Черибон.

**** Современное написание — Хадрамаут.

новой в Гадрамат для усовершенствования в родном языке и особенно для вящего утверждения в вере. Религиею своею арабы дорожат, они относятся к требованиям корана далеко не так спустя рукава, как яванцы. Арабские муллы воспитывают туземное юношество в школах и мечетях, и арабы несомненно пользуются влиянием и даже престижем: яванцы помнят, что многие, ныне исчезнувшие царские дома на Яве были арабского происхождения, а потому сунданцы и яванцы до сего дня еще считают за честь породниться с арабом.

Голландцы любят арабов еще менее, чем они любят китайцев, признавая, по крайней мере, за этими последними некоторые достоинства, в которых они отказывают арабам. Общественное мнение в Индии считает, и небезосновательно, арабов фанатиками и ненавистниками христиан, оно указывает на вредное влияние их, на слабую натуру туземцев, которых муллы и хаджи разжигают и фантазируют своими поучениями и проповедями. Арабам голландцы приписывают вооруженные восстания и народные движения, направленные против владычества «белых неверных». Не подлежит сомнению тот факт, что самое воинственное мусульманское племя — знаменитые атчинцы на северной Суматре — вот уже третий десяток лет, как поощряются и поддерживаются в своем упорном сопротивлении голландской власти именно арабским духовенством и изуверами, вернувшимися из Мекки.

Занимаются арабы торговлею. Особенно облюбовали они лесную торговлю, начиная с дров и кончая бревнами и мачтами из тикового дерева. Они также плавают на своих парусных судах по всему архипелагу и на этом поприще конкурируют небезуспешно с китайцами. Во всех же остальных отношениях они перед китайцами пасуют, так как не располагают вообще значительными капиталами.

Что же касается китайского и арабского каботажа вдоль берегов, то индустрия эта частенько-таки из честного судоходства превращается в морское пиратство там, где представляется случай безнаказанно напасть и ограбить какую-нибудь барку, а то и пароход. Вообще моря с Индо-Нидерландским архипелагом, представляющим изрезанные берега с многочисленными бухтами и убежищами, не совсем благополучны, несмотря на крейсирование голландских военных судов. Еще недавно, в июле 1897 г., атчинские пираты и притом всего лишь в числе 11 человек напали среди бела дня в атчинских водах, на севере от Суматры, на английский пароход *Pego*, убили капитана Росса и три человека экипажа и благополучно скрылись, захватив пароходную кассу с 15 тысячами долларов.

Арабы грабят одинаково на суше и на море. На море занятие это именуется пиратством, на суше же оно принимает более приличную и законную форму ростовщичества. В этом отношении арабы дошли до истинной виртуозности, они алчностью и беззастенчивостью своею превосходят даже неглупых насчет наживы китайцев. Земледельцев,

землевладельцев и ремесленников среди арабов почти не существует, очень немногие состоят на казенной службе, к которой голландцы их неохотно допускают, тогда как китайцам даются должности, например, кассиров в правительственных банках, писмоводителей и администраторов.

Таким образом, из всех неевропейских этнографических групп в Инсулинде, арабы составляют элемент наименее культурный и наиболее ненадежный.

О смешанной расе, о метисах, происшедших от браков европейцев с туземными женщинами, я уже имел случай упомянуть выше и выяснить, почему креолы также не могут быть отнесены к категории носителей и распространителей культуры.

Метисы занимают в Нидерландской Индии и в обществе видное место, они сравнены в правах своих с чистокровными белыми, но они этих преимуществ не заслуживают ни по характеру, ни по способностям своим. Мне кажется, что чрезмерная легкость, с которою здесь смешиваются люди белой расы с туземным цветным элементом, который ничего общего с европейскими строем ума и понятиями не имеет, должна со временем неминуемо повлиять и даже видоизменить самую этнографическую физиономию Инсулинды.

В самом деле, эта нарождающаяся новая раса сохранит в более или менее отдаленном будущем одно лишь наименование голландцев, ибо внешность голландского племени метисы утрачивают уже во втором и третьем поколении. Наступит время, когда чистокровными голландцами окажутся в Индии лишь лица, новоприбывшие из Голландии для укомплектования военного и гражданского служебного персонала в колониях. Да и те не навеки оградят свою пока еще белую индивидуальность от инфильтрации индийской крови, благодаря легкости, с которою белые люди вступают здесь, после известного неминуемого периода сожительства, в законные браки с туземными женщинами. Брачные союзы подобного рода особенно часты во внеяванских владениях, где белых людей вообще мало, европейских же женщин и вовсе нет.

Какой-нибудь голландский субконтролер или иной *ambtenaar* (чиновник), начинающий свою индийскую карьеру и заброшенный в тущу где-либо в Борнео, на острове Гальмагере или в Новой Гвинее, на счет женского элемента становится вскоре очень невзыскательным и довольствуется, за неимением лучшего, местными продуктами.

Впрочем, и на самой Яве неженатые голландцы почти сплошь да рядом и по целым годам сожительствуют с коричневыми подругами жизни, плодя оравы маленьких метисов, цвета медового пряника. Женятся они на своих прелестницах реже, чем их товарищи в отдаленных *Buitenbezittingen*, так как имеют возможность выписать себе из Голландии свою невесту, основаться домом и существовать сравнительно удобно в цивилизованных центрах. Эти невесты из Голландии часто выходят замуж еще в Голландии *par procuration** за какого-либо прияте-

ля или родственника своего будущего мужа на Яве и прибывают в Индию на казенный счет, в качестве уже супруги такого-то или иного чиновника или офицера колониальной службы.

Тем не менее, даже эти, сравнительно редкие браки между чистокровными белыми не могут способствовать усилению и умножению в Индии чистого голландского элемента, так как, это благодаря климату, почве, жизненным и иным условиям, дети, даже от браков между европейцами, непосредственно прибывшими из Европы, вырождаются и во втором поколении являют уже внешние признаки вместе с температуром смешанной расы.

Со временем, быть может, лет через сотню, и чем это случится позднее, тем это для Нидерландской Индии будет желательнее, к размножившимся численно метисам перейдет административная власть в колониях, и чистокровный голландский элемент, уже сократившийся в числе, будет оттеснен в сторону.

Если нечто подобное случится — а такое явление отнюдь не невозможно — разумное и мягкое голландское управление будет заменено ретроградным и некультурным режимом метисов. Подобное сосредоточение власти в руках креолов с аппетитами еще ненасыщенных хищников и вымогателей, с сомнительными административными способностями, метисов, исполненных слепой ненависти к белой расе и вместе глубокого презрения к туземцам, все это может лишь самым пагубным образом отразиться на экономическом быте и на самом политическом строе Нидерландской Индии. Можно утверждать вперед, что режим этих *parvenus***, если они когда-нибудь достигнут власти, будет жесткий и исполненный произвола; метисы, отстав умственно и культурно от белых своих родоначальников, не пристали и не желают пристать и слиться с туземным элементом. Они считают себя много выше сунданцев, яванцев и прочих «цветных» подданных Ее Нидерландского Величества. Они относятся к туземцам всегда и во всякое время с высокомерием, а порою и с жестокостью, где таковую можно выказать безнаказанно. При таких инстинктах и направлениях мелкого и завистливого ума, можно себе представить какой режим произвола, если не прямо террора, готовят Нидерландской Индии эти полубелые индо-голландцы, которые, впрочем, в своих способностях и призвании к высшим должностям в крае не сомневаются и даже с уверенностью рассчитывают, что их час рано или поздно наступит.

Опасность столь невыгодного для Инсулинды видоизменения и перемещения центра тяжести, быть может, еще весьма отдалена; тем не менее, с подобным явлением в будущем следует считаться. Вот почему люди компетентные и серьезные в метрополии и в колониях, все те, которым дороги судьбы голландского достояния, не без тайной трево-

* По доверенности (*фр.*).

** Выскочки (*фр.*).

ги взирают на нынешнее положение дел, содержащее в себе, по убеждению пессимистов, зачатки разложения, племенных конфликтов и иных бедствий.

Люди, мыслящие и вникающие в знаменательный язык событий и международных стремлений, сталкивающихся на крайнем Востоке, сознают недостаточность материальных и культурных средств, которыми, в этой части света, располагает маленькая и слабая Голландия. Они также признают, что за 300 лет голландского владычества в Индии достигнуты и реализованы были лишь результаты сравнительно незначительные; в самом деле, голландцы имеют *à leur actif**, можно утверждать, одну лишь Яву.

Этого было бы, пожалуй, достаточно во времена, давно минувшие, бывшей Ост-Индской компании и даже всего каких-нибудь 40-50 лет тому назад, когда условия существования были еще совершенно иные и примитивные. В то время голландцы были среди европейских народов единственными колонизаторами в широком и практическом смысле этого слова. Они монополизировали, исключительно в свою пользу, сбыт колониальных товаров, налагали запрещение на вывоз известных продуктов из своих пределов и не имели поводов опасаться чужеземной конкуренции, находившейся вообще в своем зачатке.

В те отдаленные времена торговля, промышленность и самая колонизация европейцами в Африке и Азии находилась еще в первобытном фазисе своего развития. Англичане еще только покоряли Индию, глотали и ассимилировали ее по кусочкам, будучи прежде всего заняты водворением своего владычества и обеспечением своих захватов и территориальных приобретений. К собственно культурной эксплуатации покоренного края они приступили лишь много позже, когда почувствовали под собою солидную почву в Индии и на Цейлоне. Окончательно же утвердились англичане лишь после того, как в 1857 году подавили вооруженное восстание сипаев, одно время серьезно сомпрометировавшее владычество Англии в Индии. Между тем, голландцы имели в своей Индии значительный аванс перед англичанами, они уже много раньше 1857 года, а именно, в начале XIX столетия извлекали из своего колониального достояния практические и материальные выгоды. Англичане еще только тратились на дорогостоящие войны и карательные экспедиции, тогда как голландцы собирали обильную дань со своих владений и доходами с заморских колоний своих кормили самую метрополию.

Можно смело утверждать, что в XVIII и начале XIX столетия из всех европейских наций единственно голландцы имели вполне благоустроенные, богатые и доходные колонии. Но Голландия взяла на себя непосильную задачу, не соответствовавшую ее силам. Она также не

* В своем активе (*фр.*).

приняла в расчет и внимание того, что время не ждет и не терпит, а, напротив, постоянно прогрессирует. С годами, под давлением внешних обстоятельств, изменились и усовершенствовались в весьма ощутительной степени, как прежние условия, так и несколько первобытные и ныне устарелые приемы культурности и цивилизации. Самая колонизация, из привилегий немногочисленных и избранных сфер, сделалась достоянием, так сказать, общим и задачею, которую одинаково преследуют культурные европейские нации, стремясь на свободные еще просторы темной Африки и дальней Азии. Культурно колониционные рамки раздвинулись под напором усиленной экспансивности, программа действий расширилась, а сообразно с намеченными этим движением целями изменился и самый *modus procedendi*. На колониционном поприще выступили новые факторы и конкуренты, с деятельностью которых приходилось считаться. Требования развившейся не по дням, а по часам торговли создали и открыли новые рынки и производительные центры.

Англичане, французы, немцы и — *last but not least**, японцы, также в свою очередь, додумались до того, что в их владениях и колониях можно возделывать и получать продукты, тождественные с теми колониальными товарами, которые до того времени на всю вселенную поставляли почти исключительно одни голландцы. Вследствие сего, англичане на Цейлоне успешно принялись за культуру чая и кофе, то же самое они затем с успехом предприняли в Ассаме. В Британской Индии, в Бирмании, в Тонкине**, в Сиаме возникли новые культуры и промышленные предприятия, японцы также деятельно конкурируют с Европою и наводняют дальний Восток своими дешевыми продуктами. Все эти новые факторы и рынки уже отобрали и продолжают отнимать у голландцев те заработки, которые голландцы, избалованные своим привилегированным положением монополистов по преимуществу, привыкли издревле считать своим неотъемлемым достоянием.

Все эти преобразования и видоизменения застали голландцев, так сказать, врасплох.

Они в новейшие времена не в состоянии уже удовлетворять исключительно из одних своих ресурсов, как то было прежде, усилившийся спрос. Вследствие сего, голландцы вынуждены делить свои барыши с иными продуцентами и нациями, которые позднее Голландии вступили на поприще торгово-колониальной деятельности, но которые, благодаря своим более значительным экспансивным способностям и материальным средствам, быстро настигли и даже перегнали голландцев в этой борьбе за существование. Голландия, таким образом, отстала от других колонизирующих наций, хотя несомненно, что и голландцы, с своей стороны, реализовали некоторые успехи в этом

* Последнее по порядку, но не по важности (*англ.*).

** Название северной части Вьетнама в колониальный период.

направлении, но они лишь медленно восполняют материальный ущерб, нанесенный им изменившимися условиями торговли и производительности.

Той степени благосостояния, которой их колонии пользуются ныне, голландцы достигли уже давно, с полтора столетия тому назад. Но они с тех пор, так сказать, застыли и замерзли на достигнутых результатах и мало прогрессировали с течением времени.

Ява уже перестала быть золотым дном и житницей, избытки которых поступали в кассы метрополии. Яванский бюджет, вот уже несколько лет подряд, выказывает все возрастающее стремление к дефициту. Злополучная война на Атчине, начавшаяся в 1873 г., продолжается до сего дня и поглощает совершенно непроизводительным образом десятки миллионов. Конца этой войне предвидеть нельзя, это открытая язва, которая разъедает организм Нидерландской Индии, подтачивая жизненные соки и истощая материальные ресурсы колонии.

В экономическом отношении также не совсем благополучно, упадок в цене на сахар и кофе, различные крахи и кризисы, сокращение нефтяного производства и пр. пагубно отражаются на материальном благосостоянии колонии.

Таково настоящее положение Нидерландской Индии и, более специально, экономические условия Явы. Тем не менее, этот благословенный остров продолжает еще и ныне составлять самый драгоценный перл в нидерландской короне.

Ни в каком случае, несмотря на недоборы и на значительное сокращение в доходности, не может быть и речи об упадке и обременительности для Голландии колонии ее в Индии, ежегодный общий бюджет которой по ввозу и вывозу достигает почтенной цифры 350 до 400 миллионов гульденов, из коих на долю одной Явы с Мадурою приходится $\frac{3}{4}$ всего итога. Несомненно лишь то, что бюджет этот, по требованиям настоящего времени, является уже недостаточным и что он мог бы быть увеличен вдвое без особенных напряжений или натяжки, а также без обременения населения новыми налогами и пр. Но при этом необходимо соблюсти как неперемнное условие для достижения искомого успеха то, чтобы в район эксплуатации и в пояс колонизации и культуры вошли все без исключения составные части обширной Нидерландской Индии, которые в своих еще недоступных недрах земли, горах и лесах таят несметные богатства и ресурсы.

Подобный результат осуществим при условии известного напряжения сил. К сожалению, мы видели из вышеизложенного перечня культурных средств, которыми в действительности могут располагать голландцы, что средства эти вряд ли достаточны в настоящее, по крайней мере, время.

Времена же эти пока мирные и способствующие культурному развитию и прогрессу всякого рода, тогда как будущее, как мы видели, темно и необеспеченно.

Глава XI

Малайский язык, его особенности, построение и лапидарность.* –

Примеры. – *Высшее малайское наречие и вульгарный малайский язык.* –

Руководства к изучению малайского языка. –

Своеобразные и поэтические выражения и обороты речи. –

Любопытные автохтоны на Яве: племена тенггеров, беграев и бадувисов.

Малайский язык принадлежит к великой этнографической малайско-полинезийской группе и к категории агломератов или так называемых агглютинативных языков, в которых отличительную черту составляет неизменяемость корней с придачею к оним известных аффиксов и суффиксов.

На более или менее чистом малайском языке говорят миллионы народа малайско-полинезийской расы на Малаккском полуострове, на Яве, на Суматре, во всей нидерландской Инсулинде, даже на Филиппинских островах и на Мадагаскаре.

Собственного алфавита у малайцев нет, они для письма употребляют арабские буквы или же латинскую транскрипцию. Малайские слова суть корни, из которых, с придачею к ним известных слогов, составляются новые выражения и более определенные представления. Но определенность эта весьма сравнительная и условная; благодаря аффиксам и суффиксам только расширяется до некоторой степени смысл речи, но совершенно точно и определенно, как на ином языке германского или латинского корня, по-малайски никогда нельзя выразить требуемого понятия, смысл всегда получается более или менее туманный; можно понять так и столь же свободно истолковать фразу в ином направлении, словом, вечно остается какой-то экивок или *à peu près***.

Некоторые, даже самые элементарные понятия, вовсе отсутствуют. Так, по-малайски не существует частички «без» и понятие это

* Предлагаемая глава представляет интерес главным образом с точки зрения взгляда образованного европейца в конце XIX в. на малайский язык. На самом деле познания М.М. Бакунина в языке, как он сам признает, были весьма ограничены, и на основании его описания нельзя составить впечатление о подлинном строе и возможностях малайского (ныне индонезийского) языка.

** Приблизительность, расплывчатость (*фр.*).

приходится передавать окружным путем, вертеться, так сказать, вокруг да около, чтобы оное выразить. По-малайски нельзя, например, сказать: «Я пью кофе без сахара». Для этого надо построить такую фразу: «Я не употребляю, не хочу, не желаю сахара, отнюдь не давайте мне сахара». Можно еще употребить голландское *zonder* (без) или сказать: «Пью не с сахаром»; это считается более утонченным, но в Батавии, где малайский язык не изыщен, а, напротив, вульгарен, подобная тонкость неупотребительна и непонятна.

Падежей, склонений, спряжений, наклонений не существует. Множественное число получается через повторение существительного имени; так *orang* — человек, *orang-orang* — люди. Все глаголы употребляются в неопределенном наклонении также для выражения будущего или уже прошлого действия. *Tidor* — спать. «Я сплю» — *saja tidor*, «я спал» — *saja soeda* tidor*, т.е. «я уже спать» или «я кончил спать». «Я буду спать» выражается добавкою к корню *tidor*, спать, частичек *mau* — хотеть или *nanti* — вперед, ужю. Таким образом, *saja mau tidor* или *nanti saja tidor* значит «я буду спать». *Nanti* выражает будущее действие.оборот речи, употребительный для выражения будущего времени, глагол *mau* — хотеть, желать — удивительно и, конечно, случайно напоминает совершенно тот же способ на сербском языке передавать готовящееся действие. Сербы точно так же говорят: «Я чу (сокращенное от хочу), спавати — я буду спать». Вообще слова *soeda*, *habis*, *nanti* играют большую роль в малайском разговоре.

Суда и *хабис* употребляются еще в смысле «будет, довольно, дело решено». Так, *спенну* или *спада*, рассуждающим по поводу отданного приказания, говорят *суда* или *хабис* — «я уже сказал, следовательно, и делу конец». Причастий и деепричастий по-малайски образовать нельзя; понятия «спящий, идущий, спя, идя» следует передавать словами: «который спит или идет». Например, *l'Homme qui Rit*** Виктора Гюго будет по-малайски буквально: *orang jang tertawa*.

При таких стесненных рамках, запас слов, фраз и самых понятий получается ограниченный, язык имеет сокращенную лапидарность латинского, но тем и ограничивается его сходство с выразительною изящною латинскою речью.

Префиксы спереди и суффиксы позади корня несколько расширяют эти тесные рамки и вносят больше разнообразия, а также большую точность в малайский разговор. Вот несколько примеров: если к корню *manis* — сладкий — прибавить суффикс *an*, получается *manisan* — сладость, конфета, пирожное. *Makan* — есть, *takanan* — еда, *le repas*. *Mati* — умереть, *каматуйан* — смерть. Но употребление аффиксов и суффиксов обозначает уже некоторую виртуозность в знании малайского языка, обыкновенная же речь, например, в Батавии и на Яве между европей-

* Ое, по голландской транскрипции, выговаривается как у: *soeda* — суда.

** «Человек, который смеется» (*фр.*).

цами и малайцами до крайности упрощена и все здесь без этих тонкостей обходятся.

Слово *туканг*, буквально «ремесленник, работник», соответствует турецкому окончанию *джи* (как-то *катарджи* — погонщик мулов, *эжмеджи* — пекарь) и означает профессию. Если впереди имени существительного или глагола поставить слово *туканг*, получается определенное занятие или специальность, как, например, *toekang kebon* — садовник, *toekang koeda* — конюх.

Довольно сложны и многочисленны местоимения. Они, с их оттенками между собою, созданы идеею о рангах и общественных различиях, которые играют столь важную роль в яванском социальном строе.

Так, местоимение «я» различно выражается словами *saja*, *akoe*, *hamba*, *patek*, смотря по положению говорящего лица.

Дух малайского языка требует, например, чтобы европеец, т.е. господин, говоря с туземцем, т.е. с подчиненным, выражался о себе не иначе, как *аку* (я). Это более корректно и литературно. Но на практике никто почему-то слова *аку* не употребляет и все выражают местоимение я словом *saja*, хотя *сая* и *хамба* означают собственно «слуга, раб».

«Мы» переводится словом *kami*, когда обозначает лицо говорящее и особу, с которой говорят. Когда же не упоминается лицо, с которым беседуют, следует сказать *kita* или еще *kita orang* — «мы люди».

«Ты» передается через *angkou*, *kwe* или более грубое китайское *loe*. Последнего очень не любят туземцы, *loe* ими считается оскорбительно-небрежным, соответствуя бывшему не так давно еще в употреблении немецкому *er*, для второй персоны, например, *er soll schweigen* вместо *schweigen sie**. Здесь все употребляют *kwe* в разговоре с прислугой и простым народом. Высших в ранге туземцы титулуют, смотря по занимаемой ими должности, с добавкою перед титулом слова *toean* (*туан* — господин), как, например, *туан* регент, *туан пати*, даже императору (*сусухунану*) в Соло говорят *туан сусухунан*.

Принадлежность выражается придачею к местоимениям особой частички *роеня* (*пунья*). Так, *сайя пунья куда* — моя лошадь, *дия пунья рума* — его дом.

Особенность малайского языка составляет еще так называемые ну-мералы, в придачу к существительным именам, для обозначения известной категории предметов. Так, *ikor* — собственно, хвост, служит для животных, *biji* (*бидьи*) для мелких и круглых предметов, как-то: яиц, камешков, зерен, семян, *bidang* для предметов плоских, не слишком толстых и объемистых, каковы: циновки, жерди, палки и прочее. Таким образом, на правильном малайском языке следует сказать не просто «три курицы» *tiga ajam*, а *ajam tiga ikor* — «курица три хвост», не просто

* Оба немецких выражения означают приказание замолчать, но в первом случае это приказание несколько мягче.

«восемь яиц», *delapan telur*, а «яйцо восемь зерно», — *telor delapan biji*, т.е. восемь штук яиц и прочее. Европейцы, однако, никогда нумералов не употребляют.

Ada означает одновременно «иметь» и «есть» и остается в этой форме неизменным. *Roema ini ada besar* — «дом этот (есть) велик», *saja ada lima roepiah* — «я (иметь) пять рупий или гульденов».

Малайские глаголы и самый смысл их чрезвычайно разнообразятся придачею к корню различных аффиксов и суффиксов или употреблением тех и других одновременно.

Так, *loepa* (забыть) — *terloepa* (забыть, забытый), но на практике никто здесь не скажет малайцу *kwe terloepa*, а просто выразится *kwe loepa* и будет понят.

Вследствие сего, я не вхожу в рассмотрение различных способов, благодаря которым из простого корня можно образовать глаголы активные, страдательные, возвратные и прочее. Это излишняя премудрость.

Не следует забывать, что в Батавии и приморских центрах со смешанным населением имеешь дело не с чистокровными малайцами, которых природный язык сунданский и яванский, и которые сами научились вульгарному *bas malais** лишь с грехом пополам, дабы иметь возможность объясняться со своими белыми господами. При таких условиях расточать изысканные перлы книжной речи было бы непроизводительною тратой времени и бесполезным утруждением собственной белой головы, прислуга все равно не поймет этих цветов красноречия.

Весьма комична, вследствие этого, беспомощность молодых голландцев, которые ежегодно прибывают из Голландии с целью поступить на службу в Индию. Эти господа учились малайскому и яванскому языкам в академии в Дельфте и прочих специальных заведениях, подготовляющих к прохождению службы в Индии. Но научились они, и притом с добросовестною аккуратностью, какую вносят голландцы во все то, что они делают, не малайской *lingua franca*, т.е. не наречию, для них необходимому, как хлеб насущный, а литературному малайскому языку. Новоиспеченные чиновники ост-индской службы с убежденною расточительностью профанов сыпят вокруг себя частицами *ter*, *ber*, *pet*, *kan*, уснащают свою вымученную малайскую речь префиксами и суффиксами, и несказанно удивляются, когда *спенны*, *спада*, *мандуры* и прочая прислуга в отелях прямо не понимает их, казалось бы, отборного синтаксического упражнения. Таких пришельцев из-за моря, практически бессловесных и незнакомых с обычаями Индии, туземцы презрительно именуют *totok*, «чужой, иноземец», пожалуй, «немец», в древнем и буквальном значении этого термина среди русского народа.

* Низкий стиль малайского языка (*фр.*).

Я не могу согласиться с мнением некоторых лиц, даже специалистов по этой части, будто *la langue malaise* «est a la fois tres claire et tres simple»*. *Tres simple* — пожалуй, можно даже пожаловаться на излишек в этом направлении, ибо европейцы до того упростили этот язык, что он порою становится непонятным. Что же касается его несложности, то я должен протестовать. Самая элементарность малайского языка с недостаточным запасом точных выражений, определенных понятий и способов ясно выражать эти представления делают его сложным.

Доктор Montano и J. Errington de la Croix, составители грамматики малайского языка, уверяют, например, что вас всегда поймут, как бы вы по-малайски ни говорили неправильно, далее, что не существует деления на *haut malais* и на *malais vulgaire***.

Я положительно восстаю против такого утверждения: деление и разница эти существуют и даже сказываются весьма осязательным образом. Я в течение двух-трех месяцев чрезвычайно легко изучил и проник во все, довольно, впрочем, первобытные тайны малайской *lingua franca* и настолько в ней усовершенствовался благодаря ежедневному упражнению, что ныне совершенно свободно объясняюсь и уже не пропаду с голоду на Яве и в Нидерландской Индии. Но все европейцы и голландцы, включая и меня, становятся в тупик, когда, например, нам приходится читать *Bintang Betawi* — «Звезду Батавии», газету, издающуюся здесь на малайском языке. Это уже не примитивный *petit peger*, на котором мы отдаем свои несложные приказания прислуге, это язык литературный, и смыслим мы в отборной прозе «Бинтанга», признаться, немного.

За исключением этого, по моему убеждению, неосновательного утверждения гг. Montano и Errington'a, могу лишь рекомендовать всякому европейцу, желающему ознакомиться с разговорною малайскою речью, учебник обоих авторов, озаглавленный *Vocabulaire Francais Malais avec Precis de Grammaire Malaise* (Paris, Ernest Leroux, editeur)***. Метода их дает вполне достаточное понятие о духе и об особенностях языка для тех, которые не знают по-голландски и не могут пользоваться многочисленными учебниками и словарями на голландском языке.

Желающим более специально ознакомиться со всеми тонкостями малайской разговорной и литературной речи можно еще рекомендовать более обширный и добросовестный труд Clifford'a и Swettenham'a, начатый в 1894 году *Dictionary of the Malay Language*****.

* Малайский язык «одновременно весьма ясен и весьма прост» (фр.).

** Малайский язык высокого стиля и вульгарный язык (фр.).

*** Французско-малайский словарь с приложением грамматики малайского языка под редакцией Эрнеста Леру.

**** Словарь малайского языка (англ.).

Авторы — английские резиденты на Малаккском полуострове. Английско-малайская часть арабским шрифтом с транскрипцией латинскими буквами доведена ныне (в 1898 году) всего лишь до букв D-F. Словарь этот не есть сухая компиляция с переложением по-английски малайских слов и терминов. Он интересен еще как в литературном, так и в этнографическом отношении, так как авторы собрали в словаре своем богатый запас оригинальных *пантунов* (импровизированных куплетов) малайского народа с переводом и толкованием их по-английски.

Замечу здесь, что на Малаккском полуострове живут чистокровные малайцы, и что язык их разнится несколько по произношению и по разнообразию от того довольно скудного и смешного языка, на котором говорят в Нидерландской Индии.

Европейцу, призванному несколько лет существовать на Яве и в Инсулинде, знать по-малайски необходимо для сношений с туземцами, как низкого, так и высшего класса. Что же касается голландского языка, то без него можно обойтись, так как не существует такого голландца, который не изъяснялся бы более или менее удовлетворительным образом по-французски и по-английски. Последний язык особенно широко здесь распространен. Голландцы, все без исключения, знают также по-немецки, но они, также все без исключения, избегают говорить по-немецки, так как они своих соседей-немцев и всего немецкого недолюбливают.

Распространяясь на тему о малайском языке, столь мало русской публике известном, я приведу еще несколько цитат и примеров, дабы продемонстрировать его мелодичность и подчеркнуть более осязательным образом дух и оригинальную конструкцию малайской речи.

Читатели при этом заметят, что характерная сгущенность, так сказать, языка, переданная буквально, являет собою набор слов, нанизанных, как четки на нить, без видимой внутренней связи и, казалось бы, даже без смысла. А потому такую лапидарную речь следует сперва разбить на ее составные части, развить и дополнить поясняющими вставками, что я и делаю для следующего отрывка из повествования о Калиле и о Дамине.

Рассказывается сперва, как один дровосек вошел в лес собирать древесные стволы, дабы построить себе хижину, затем говорится далее: *Tlah brapa banjak diambilnya tinggal sa batang kajoe amat besar tiada ter-bawa ulehnya*. В буквальной передаче это означает: «после сколько много собрать он остаться одно бревно дерево очень большое не унести через он».

Словом, получается как будто бессмыслица. Если разобрать и развить эту тему, то получится: «после (того, как он, работник) собрал уже много (стволов), осталось одно очень большое (бревно), которое под-нять, унести (он был не в состоянии)».

А вот в стихах один, еще очень грандиозный *пантун*.

Boeroeng poetih terbang ka djati

Птица белая летит к дереву *джати*.

Lagi toetoernya dimakan semoet

Еще (кроме) пения съедены (ею) муравьи.

Biji mada djantong hati

Зерно глаза цветок сердца.

Soerga dimana Kita menoeroet.

Небо куда мы следовать.

Не стану утверждать, что смысл этого куплета колет глаза, до того он ясен и прозрачен. Напротив, результат буквальной передачи является нечто схожее с фотографическим оттенком, который становится видимым и ясным лишь после операции, именуемой по-немецки *hervorgerufen**. В строках приведенного *пантуна* также пока еще сокрыты дух и смысл, которые следует сперва вызвать. Вот как развивает и то и другое Errington de la Croix: oiseau blanc vole vers arbre de teck (djati) en outre de son ramage il a encore mange' des fourmis — prunelle des yeux, fleur du coeur — ciel ou' (me sera-t-il permis) de te suivre**.

Но даже и эта версия мало кого удовлетворит, зато она прекрасно докажет, что я прав, когда утверждаю, что отыскивание сокровенного смысла в каком-либо малайском тексте уподобляется игре в жмурки, да еще в темноте.

Транскрипция Errington'a в рифмованных стихах уже лучше потому, что понятна, но зато она фантастична и от первобытной наивности малайского *пантуна* во французском четверостишии Errington'a почти не остается следов!

Высокая и отборная малайская проза и поэзия постоянно напоминают мне толкование одного знаменитого и весьма туманного сонета Поля Верлена, которое, если не ошибаюсь, Эдуард Род приводит в своей критической статье, посвященной разбору поэтических элукubrаций*** пьяницы и декадента Верлена.

Речь идет в сонете о полуденной, усыпляющей жаре, о соломе, которая блестит и сверкает в стойле, о мухах, жужжащих среди раскаленной атмосферы сельского кабака и о сентябрьских розах, которые не будут более цвести. Всего тут есть, на все вкусы, и все это, вместе взятое, красиво и благозвучно, но весьма странно и темно. Смыслу и внутренней связи в этом, как бы случайном сопоставлении эффектных

* Здесь: проявка (нем.).

** Эррингтон де ла Круа:

Белая птичка летит к тиковому дереву,

Она щебечет и клюет муравьев.

Зеница ока моего, цветок моего сердца,

Позволь мне вознестись с тобой к небесному блаженству.

*** Разглагольствование, измышление — от *élucubration* (фр.).

слов до того мало, что Род считает полезным выяснить то, что, по его мнению, желал выразить эксцентричный поэт. Говорю по его мнению, ибо иной критик, быть может, еще иначе, по-своему, интерпретировал бы этот сонет, допускающий, по-видимому, несколько различных толкований. Род и не ручается, что его комментарии точно воспроизведут мысль Верлена, ибо он ведь писал свои произведения между двумя стаканами absinthe и в промежутках между двумя приступами пьяной горячки.

С *пантунами* малайцев происходит то же явление, что и с поэзией французских и бельгийских декадентов, хотя, в похвалу будь сказано малайской психологии, проистекает эта неясность текста от иных причин, чем те мотивы, которыми вдохновляются вымученные поэты школы вырождения.

В малайский язык вошли с португальского и поныне сохранились очень многие термины, почти без изменения, каковы: *soldado*, *kareta*, *media* (стол), *mantega* (масло), *padri* — духовное лицо христианского исповедания, *jendral* — генерал и прочее. Есть и голландские слова, например: *kantoor*, *teeken*, подписать, *gagi* (гаджи) — жалование, *voorschot* — денежный аванс, *jonges* — мальчик, слуга и прочее. Слова эти в письменном и литературном малайском языке не употребляются. Китайских слов насчитывается немного, приведу для примера *wang* — деньги, *kongsi* — ассоциация. От арабов яванцы заимствовали слова, выражающие понятия о божестве, религии, о законности и праве, каковы: аллах, имам, хаджи, шариат, адат и прочее. Из санскритского перешли слова, передающие понятия отвлеченно-нравственные, мифологического и метафизического свойства, а также номенклатура, относящаяся к древним царям, принцам, их дворцам, придворному штату, к национальному *vayang* (театру) и прочее. Буква «ф» в малайском языке не существует и заменяется звуком п. Так, например, Франция, француз передается через Пранса, Прансман; «ф» сохранилось лишь в словах персидского и арабского происхождения, каковы: *фируз* — бирюза, факир, *файда* — выгода, *фирдаус* — рай.

На малайском языке существуют чрезвычайно своеобразные термины и обороты речи, которые кажутся искусственно вымученными и риторическими. Слова эти, между тем, самые обыкновенные и употребительные в ежедневной жизни и в разговоре. Они свидетельствуют о природной поэтичности народного темперамента.

Что может быть, например, грациознее и поэтичнее сопоставления вместе понятий, каковы: *mata hari*, *mata ajer*, *mata soesah*, *mata kaki*, которые выражают «око денницы», т.е. солнце, «око воды», т.е. источник, «око молока», т.е. сосок, «око ноги», т.е. щиколку?! Или еще *ajer mata* — «вода очей» для слез, *boenga api* — «цветы огня» для искр, *boenga wang* — «цветы с денег», т.е., иными словами, вульгарные проценты?!

Несомненно оригинальны обороты речи, которые служат для обозначения различных часов дня. Так, предрассветные часы до зари

передаются словами *belum terbang lalat* — еще мухи не летают. *Kring amboen* — роса высохла — обозначает 8 часов утра, когда лучи солнца уже настолько сильны, чтобы от влаги утренней зари не оставалось следов.

Малайцы не благодарят простыми словами «благодарю, спасибо» и прочее, они говорят *trima kasih* «получать, дать», что означает, «что от вас получил — отдаю». Они не просто курят, а как турки «пьют» *роко* (табак, сигары), не гасят газ или лампу, а «убивают» их.

Бюро резидента или ратушу они обозначают живописным определением *kantor bitjara* — «контора, где разговаривают», что напоминает наши *parlement*, так как слово это обязано своим обозначением говорилки тому же строю понятий, что и малайское *kantor bitjara*.

Адмирала китайцы именуют «генералом от моря», золоченые или мельхиоровые предметы для них — «молодое» золото или серебро.

Про головоломный *casse-tete*, именуемый яванским языком, сказано было выше в общих чертах.

За исключением автохтонов, давно поселенных на Яве, т.е. трех главнейших этнографических групп — сунданцев, яванцев, мадурцев — и пришлых эмигрантов — каковы китайцы, арабы и прочее, — население Явы почти всюду сплошное, без помесей. Здесь не существует той разнообразности языков и наречий, которая наблюдается хотя бы на соседних островах — Суматре и прочее.

Есть, правда, и на Яве, кроме трех господствующих рас, еще и иные этнографические элементы, но они составляют меньшинства, всюду исчезающие в главной компактной массе населения, притом же племена эти, по-видимому, медленно вырождаются.

Таковы *тенггеры*, обитающие в горах того же имени, восточной Явы, резидентства Пасуруан, *беграй* в резидентстве Черибон на северном побережье и, наконец, *бедуисы* или *бадувсы** в западной Яве, резидентства Бантам.

Все эти племена, происхождения, несомненно, весьма древнего, могут быть отнесены к категории автохтонов.

Самое интересное в этнологическом отношении, наименее известное и еще загадочное племя, это — *бадувисы*.

Сами себя они именуют *джелема*, т.е. людьми, преданными вере отцов.

Наиболее известное и распространенное наименование свое *бадувисы* они получили будто бы от арабских завоевателей и распространителей ислама в XV веке. *Бадувис* есть испорченное от *бадави*, жители пустыни, откуда и произошло слово бедуин. Названы они так были вследствие того, что, не желая принять исламизма, они, если верить легенде, удалились в самые неприступные горы и дебри Бантама, где существуют и поныне, в том же, что и три века тому назад, замкнутом отчуждении от прочего мира.

* Современное написание — *бадуй*.

Бадувисы сосредоточились и изолировали себя в уезде Каванданан, округа Лебак, в Бантаме, в глухих местностях, среди непроходимых лесов, на вершинах гор, окруженные дебрями и болотами. Они разделяются на две неравные по численности группы: *джелемов* внутренних и внешних.

Внутренние образуют священное, так сказать, зерно и святое святых, в священной же местности, вокруг которой группируются остальные *бадувисы*. Этих «внутренних» насчитывается всего 40 душ и число это по традиции остается неизменным, подобно комплекту членов Французской академии. Предводитель и духовный глава общины именуется Гиранг Ту-Ун и не показывается никому вне тесных пределов своей резиденции, куда не допускают никого из посторонних, не принадлежащих к тесному кружку 40 избранных, иначе жилище Ту-Уна считается оскверненным и обычай требует, чтобы оно было перенесено в иное место.

Бадувисы, несомненно, древнейшие коренные жители Явы; они того же сунданского происхождения, что и сунданцы, их окружающие, но язык у них свой, с сунданским не схожий. Прежде они были многочисленнее, но с течением времени многие обратились в магометанство, находясь в близком и постоянном соприкосновении с арабами и сунданцами-мусульманами. *Бадувисы*, однако, сохранили многие древние суеверия и обычаи. Ныне *бадувисов* чистейшей воды насчитывается лишь от 1800 до 2000 душ.

Они верят в верховное и невидимое существо, Батара Тунгаль, и в богов более низкой категории, которые живут к югу от места оседлости *бадувисов*, но никому в точности не известно, где именно, так как верховный жрец тщательно ото всех непосвященных, скрывает местонахождение *бадувисского* Олимпа, а также все, что касается религиозных обычаев и прочее своего племени. У *бадувисов* и поныне наложено табу (запрещение) на все то, что им было неизвестно и недоступно в ту эпоху, когда они спасались в горы от мусульманской пропаганды.

Так, например, они в древности возделывали рис на сухих полях, не зная никакого орошения и продолжают культуру риса сухим способом; они не знают и не употребляют и ныне, как пятьсот лет тому назад, ни повозок, ни лошадей для езды, ни вьючных животных для перевозки тяжестей. Вообще и во всех отношениях дикари эти далеко отстали от окружающего их сунданского мира, культура которого сама по себе весьма первобытная.

На острове Суматра, на пространстве 7634 кв. миль, к концу 1892 г., если верить официальной статистике, насчитывалось всего до 3-х миллионов жителей. На Борнео, еще более значительном по протяжению (10019 кв. миль) было и того меньше, а именно круглым счетом 1250 тысяч душ, на о.Целебесе (3376 кв. миль) считалось не более 2 миллионов душ. Но на официальную статистику положиться нельзя, потому что регулярный подсчет населения во внеяванских владениях

встречает почти непреодолимые препятствия. Лишь на Яве и на соседнем острове Мадуре, составляющем с Явою одну нераздельную административную единицу, дело переписи организовано сравнительно правильное, хотя и здесь работа сопряжена со значительными затруднениями, благодаря недостаточности служебного персонала.

В самом деле, на Яве голландских резидентов, ассистент-резидентов, контролеров и пр. должностных лиц весьма немного; рядом с ними работает до 2400 чиновников всех рангов из туземцев, для которых точность и аккуратность, требуемые при собирании статистических данных, остаются пока еще пустым звуком.

Тем не менее, начало счислению на Яве положено было в период времени с 1864 по 1879 год в 10 резидентствах, а в 1880 г., вследствие *ordonnantie* (декрета) генерал-губернатора, перепись была распространена также и на остальные 12 резидентств острова с обязательною рецензиею народонаселения через каждые пять лет.

Цифры, полученные в 1885 году, показали приращение туземного населения на 10,9%, в 1890 г. на 11,4% сравнительно с итогами минувших лет. Уже к концу 1892 г. общее население одной Явы (2,388 кв. миль) достигло крупной цифры 24.284,969 душ, что составляет средним числом до 9250 душ на 1 кв. милю.

Невероятно, чтобы на Суматре, которая более чем вдвое, и на Борнео, который обширнее Явы почти вчетверо, имелось на первом всего лишь 3, а на втором не более 1,5 миллионов жителей. На Целебесе, вся внутренность которого еще мало известна и исследована, число жителей также должно превысить миллион девятьсот тысяч душ, обозначенный по официальной статистике.

Интересны на Суматре племена батаков в северо-западной и в средней части этого огромного острова. Из них известны батаки смиренные, покорившиеся. Большинство же непокорных батаков и поныне живет в своих неприступных горах, не признавая голландской власти. Они отчасти еще язычники, отчасти фетишисты и анимисты, а на досуге, говорят, практикуют еще и людоедство наравне с дикими даяками в Борнео. Батаки составляют три главные группы с тремя диалектами: *тоба*, *мандайлинги* и *даури*^{*}, которые, в свою очередь, имеют еще 6 подразделений по племенам. Замечательно, что батаков так именуют голландцы, сами себя они зовут иначе и для них слово батак считается ругательным и презрительным. Но весьма странно при этом, что автор заметки о батаках в *Encyclopaedie Voor Nederlandsch Indië*^{**}, в которой я почерпаю эти сведения, не упоминает и не объясняет, каково настоящее племенное наименование этих рас, раз батаки есть обозначение голландское и притом оскорбительное. А между тем статья о батаках очень обстоятельна и на

^{*} Современное написание — *даури*.

^{**} «Энциклопедия Нидерландской Индии» (голл.).

16 столбцах убористой печати изобилует интересными этнографическими и иными данными.

Рядом с собственно батакским языком, общеупотребительным в ежедневной жизни и понятным с небольшими вариациями почти всем племенам, имеются для разных целей и случаев еще особые лингвистические видоизменения и отступления от главного и общего языка, подобно тому, как это существует и по-явански. Так, напр., форма и построение речи *andoeng* употребляется в жалобных песнях, слагаемых по случаю вступления в брак батакской женщины и в тот момент, когда она оставляет отцовский дом, чтобы переселиться в жилище своего мужа. Люди, в которых вселился гений или дух, говорят от имени этого духа и не иначе, как на наречии *hata ni begoe sijar*. Формула и построение языка, именуемые *hata partoedoeng*, служат исключительно искателям камфоры, которые на этом диалекте умоляют духов указать им те места в лесу, где камфорное дерево встречается в изобилии. Есть и еще некоторые формы речи, посвященные специальным случаям, но и перечисленного достаточно, чтобы дать понятие об оригинальности батакского языка.

Батакский алфавит, подобно большей части письменных знаков племен Индо-Малайского архипелага, имеет индусское происхождение. Пишут чаще всего на бамбуке и на древесной коре. Литература состоит из рассказов, загадок, поэтических произведений в незначительном, впрочем, количестве, большая часть изложена в прозе и все имеет специфически батакский отпечаток, часто весьма циничный.

Батаки большею частью магометане, христианское учение имело среди этих племен мало успеха. Батаки-язычники, неподвластные голландскому режиму, исповедуют анимизм, с примесью индуизма. Так, напр., самое название божества вообще, по-батакски *debata*, указывает на санскритское происхождение этого понятия и есть испорченное санскритское слово *devata*. Боги делятся на три категории: высших, средних и низших. Главнейшее божество Батара Гуру тождественно, как утверждают, с индусским богом Шивой. Храмов и молитвенных домов батаки не имеют, хотя они и приносят жертвоприношения различным живущим на земле духам, как, напр., гению риса, дабы он послал им полные и зрелые колосья, или гению металлов, которого призывают перед тем, как ковать железо. *Tondi* — именуется душа живого человека, жилище ее над его головой. *Tondi* есть дух-хранитель, он владеет телом человека, которое может покинуть по своему усмотрению и действовать независимо от воли. *Tondi ni eme* — это души или гении риса. Но батаки поклоняются и приносят жертвы также и душам или гениям покойных своих родителей. Идолы они однако не имеют, как не существует у батаков и внешних вещественных изображений их культа.

Datoe или *Goeroe* играет среди батаков значительную роль. Это вместе чародей, жрец и доктор. Лица эти предсказывают будущее, толкуют приметы и сны, дирижируют военными плясками и празднествами,

приготавливают лекарства и волшебные напитки. *Пупук* или *пангулубуланг* есть тесто, которое готовится из членов и частей тела убитых врагов. Особенно ценится голова, которая разбивается и раздробляется на мелкие куски, смешивается с растительными и иными веществами и сохраняется в горшках в виде особого теста или каши. *Пупук* заключает в себе душу умершего и охраняет своего владельца от всех бед и невзгод.

Среди амулетов заслуживают внимания браслеты, изготовленные из отрезанных и высушенных человеческих губ, насаженных затем на металлические проволоки, они придают владельцу их храбрость и неуязвимость на войне.

В заключение о батаках упомяну еще, что итальянец Модилияни, лет 10-15 тому назад, на свой риск и страх, проник в страну независимых батаков, живущих у берегов обширного горного озера Тоба, так как голландские власти, владея этими территориями лишь номинально, не пускают туда иностранных исследователей и путешественников во избежание для себя ответственности.

Модилияни написал и издал во Флоренции весьма интересную книгу о нравах и обычаях этих независимых племен *Nel Paese dei Batacchi indipendenti**. Автор рассказывает, что жители всюду принимали его дружелюбно, когда узнали, что он не голландец и не голландский чиновник, присланный в их страну, чтобы с нею ознакомиться и подготовить аннексию к голландским властям, чего батаки пуще всего опасаются.

В северо-восточной Суматре и по направлению к юго-востоку, географические карты, даже лучшие, показывают еще пустые пространства, хотя и там номинально утвердились голландцы, как, например, в султанстве Джамби и так называемых *Lampungche Districten***. Здесь непроходимые леса, дебри, рисовые поля и болота.

О племенах, населяющих страну Джамби, и об изолировавшем себя от внешнего мира племени *кубус****, известно очень немного. Все эти расы от соприкосновения с белыми оберегают себя самым тщательным образом.

Кубусы, например, живут отдельною группой, вдоль реки и среди девственных лесов вне пределов даже туземной оседлости султанства Джамби. Это совершенные дикари, но безобидные, они практикуют еще меновую торговлю, имея сношения исключительно с мелочными китайскими торговцами-коробейниками, которые, поодиночке, раза три в год проникают в негостеприимную страну *кубусов*. Эпохи посещения этих китайских офеней заранее известны, и тогда два-три *кубуса* посмелее выносят свои продукты на берег, складывают оные под дере-

* «Страна независимых батаков» (ит.).

** Лампунгские округа (голл.).

*** *Кубу*.

вом, а сами скрываются поблизости. Китаец, взамен принесенных туземцами продуктов, кладет спички, бусы, нитки, ножи и прочее. Если положенные китайцем товары исчезают, это значит, что сделка состоялась, иначе *кубус* ждет, пока китаец не накинет лишнюю связку бус или две-три коробки спичек.

Понятно, что при таких первобытных условиях существования *кубусов*, ничего не известно не только о нравах, религии и языке этого племени, но нет возможности определить даже приблизительно численность этих дикарей. То же самое можно сказать про всю центральную и до сего дня неисследованную Суматру, которая в этнографическом отношении несомненно скрывает еще немало неожиданностей и сюрпризов.

Отмечу здесь, кстати, одно из самых последних исследований о Суматре, появившееся отдельным изданием в 1896-97 годах. Это *Dwaars door Soematra* — «Наискось через Суматру», описание результатов географическо-этнографической и технической экспедиции от северо-западного берега острова к северо-восточному, предпринятой известным в Голландии и в Нидерландской Индии инженером Эйзерманом.

Еще менее Суматры известен и исследован обширный остров Борнео. Колонизованы лишь побережья, где на северном берегу утвердился английский North Borneo C°, тогда как на западе возникло и существует под английским протекторатом независимое султанство Саравак, во главе которого стоит с титулом раджи английский джентльмен, сэр Джеймс Брук (His Highness Radja Brooke). Это потомок авантюриста-англичанина, который из администратора саравакского превратился в независимого государя с суверенными правами, армиею, полициею, собственным управлением и, вероятно, с государственным долгом в несколько сот тысяч долларов.

Остальная, т.е. большая часть Борнео, принадлежит голландцам и двум-трем местным султанам, вассалам нидерландской короны. В административном отношении Борнео делится на два округа (Afdeelingen) — западный и юго-восточный, с весьма незначительными поселениями на берегу моря, не заслуживающими названия городов.

Борнео по отдаленности своей и по недоступности между собою своих редких и широко разбросанных центров, в особенности же вследствие своего жаркого и нездорового климата считается, наравне с Атчином на северной Суматре, Богом забытою трупобою и местом изгнания для чиновников индийской службы, тогда как они, напротив, охотно уезжают на еще более дальний Целебес, где климат в некоторых привилегированных местностях здоровый и почти умеренный, схожий с климатом Японии. Менадо*, напр., в северной половине острова слывет чуть ли не санаториумом для голландских чиновников, обреченных на службу в жаркой и вообще нездоровой северо-восточной части Индо-Малайского архипелага.

* Ныне — Манадо.

Самое замечательное среди многочисленных племен, населяющих Борнео, это даяки. Наименование это собирательное и обозначает всех вообще жителей внутреннего Борнео в отличие от малайцев, поселенных вдоль прибрежной полосы. Сами себя племена эти называют иначе, по имени, напр., реки, вдоль которой расположены их становища, или по роду, к которому они принадлежат.

Даяки по происхождению и языку сходны и родственны с племенами западной ветви малайско-полинезийской расы. Они разделяются на кочевников и оседлых и составляют два главных племени: *пунаны* и *отты*, из коих последние более дики и первобытны. В свою очередь, племена эти имеют еще многочисленные подразделения, перечислять которые было бы утомительно и излишне.

Даяки среднего роста, но изящно и пропорционально сложены, обладают физической силою и выносливостью. Цвет кожи у них светлее, чем у малайцев, благодаря их почти постоянному пребыванию в лесах дремучих и темных. Среди даячек попадаются красивые девушки и женщины, стройные, прекрасно сложенные, с менее, чем у яванок и малаек, выдающимися скулами, а потому более отвечающие европейским понятиям о женской красоте, притом же они менее коричневые, чем яванки, и несколько больше ростом, чем слишком уж миниатюрные яванские женщины.

Голландцы имеют, по-видимому, выгодное мнение о даяках, если судить по лестной аттестации, выданной этому племени составителем заметки о даяках в упомянутом уже сочинении *Encyclopaedie voor Nederlandsch Indie*. Автор ставит даяков выше малайской расы в физическом и нравственном отношениях, утверждая, что близкое соприкосновение с малайцами деморализующим образом действует на даяков, природные и прирожденные качества которых — преданность, честность, соблюдение данного слова и гостеприимство — сохранились только среди племен отдаленных и не подверженных малайскому влиянию. Положение и общественная роль даякских женщин также лучше и шире, чем у малайцев, даячки даже принимают деятельное участие в делах управления, там, где существует хоть какое-либо подобие правительственной власти.

Даяки вообще храбры и не избегают сражаться в открытом поле, но они предпочитают нападать на врага из-за засады, причем отрубаят побежденным головы и сохраняют эти трофеи. Молодые даяки стараются отличиться и снять возможно более неприятельских голов, так как это нравится женщинам, и чем более у жениха имеется высушенных человеческих черепов, тем сильнее шансы его добыть хорошую и богатую невесту.

Религия даяков — смесь анимизма с шаманизмом. Каждый предмет и каждое живое существо имеют душу, которая может на время покинуть свою оболочку или оставить оную навеки. Если душа покинула человека и не вернулась в его тело, то человек заболевает и умирает, душа

же его переселяется в селения, где обитают души. В эпоху, предшествующую погребению, душа эта еще витает над землею и даяки ее бояться, приписывая ей качества и могущество злых гениев. Вся природа — реки, леса, озера и пр. — населены добрыми и злыми духами, которые ниспосылают благоденствие, обильные урожаи или же болезни, эпидемии, падеж скота и пр. Во главе этих духов или гениев живет на небесах высший и добрый дух, создатель всего видимого и невидимого.

Внешнею обрядностью культа заведуют волхвы и женщины-жрицы, чародеи и докторы, которые напускают напасти, исцеляют, творят чудеса, предсказывают будущее. Большую роль в этой обрядности играют отрубленные и сохранные головы, а также горшки, будто бы божественного происхождения, мужского и женского пола, в которых живут души, обладающие волшебными чарами и могуществом.

Покончив с Борнео и даяками, перейдем к острову Целебесу, с его своеобразными раструбами глубоко вырезанных берегов, придающих Целебесу оригинальный вид какой-то, не то морской звезды, не то каракатицы. Остров этот внутри еще очень мало известен, но далеко не являет собою *quantite négligeable**. Напротив, Целебес — страна будущего, и уже в настоящее время это до известной степени индо-нидерландское Эльдorado. Пока лишь на берегах встречается оседлость и два сравнительно крупных населенных центра, Макасар** и Менадо.

Целебес обещает в неотдаленном будущем занять среди культурных интересов индо-нидерландского территориального владения видное место. Все внешние условия благоприятствуют развитию там оседлости, эксплуатации лежащих пока втуне земель и насаждению всевозможных культур, как-то: чаю, кофе, сахарного тростника, какао и пр. Климат, особенно в северной части острова, прекрасный, почти умеренный и здоровый. Хотя Целебес, по протяжению своему, представляет величину внушительную, тем не менее, полуострова, образующие и связывающие между собою в центре этот остров, всюду идут более в длину, чем в ширину и глубину, так что все отдельные составные части, щупальцы так сказать целебесской каракатицы, легко доступны и могут быть пройдены насквозь, от моря и до моря. Необозримых и глубоких Hinterland'ов, как на Суматре и на Борнео, здесь нет, что также значительно облегчает задачи научной эксплорации. Остров покрыт горами, а на горах растут необозримые леса роскошных тропических пород, тогда как недра гор и земли содержат неисчерпаемые минеральные богатства, к серьезной разработке которых, за недостатком капиталов, еще не приступали.

Целебес, между прочим, изобилует золотом, на которое уже набросились многочисленные частные эксплуататоры, а также анонимные общества и синдикаты.

* Незначительная величина (*фр.*).

** Ныне — Уджунгпанданг.

С каждым днем все возрастает спрос на концессии на Целебесе земельных участков, большую частью в видах добычи золота. К сожалению, туземное население — *бугинезы** и пр. никакими средствами и принуждением к работе вообще привлечены быть не могут, так что этих отъявленных лентяев приходится заменять рабочими командами из Явы, Мадур, Амбоины и китайцами, что обходится чрезвычайно дорого. Судя по объявлениям, *prospectus*** и пр. различных сформировавшихся синдикатов, уже приступивших к делу и выставивших в Батавии высоко-содержательные образчики чистого целебесского золота, можно заключить, что золотые промыслы обещают сделаться весьма выгодным предприятием. Стремление же и наплыв на Целебес, хотя бы пока одних золотоискателей, все же желательно, так как люди эти своего рода культуртрегеры и пионеры цивилизации в стране, до сего дня еще дикой и недоступной. С возникновением и упорядочением двух-трех эксплуатаций золота, несомненно возникнут на Целебесе также и необходимые пути сообщения, оседлые центры и новые культурные начинания.

В число крупных островов, входящих в целости своей или отчасти в состав территориальных владений Голландии в индо-малайской Инсулинде, следует включить еще и голландскую часть Новой Гвинеи.

Если почти все в Нидерландской Индии, за исключением одной Явы, представляет собою и до сего дня величину гадательную, то про Новую Гвинею можно прямо утверждать, что она изображает огромных размеров знак вопросительный.

В самом деле, даже в административных сферах в Батавии никто не имеет надлежащего понятия ни о составе и густоте населения, ни о конфигурации страны, ни о свойствах и ресурсах почвы и края. Даже самое протяжение голландской части Новой Гвинеи неизвестно, так как никто не проник до сего дня в обширный *Hinterland*, заселенный дикими людоедами папуасской расы. Знают только, что площадь этого нидерландского владения громадная, не менее 12 тысяч кв. миль и что климат на всей береговой полосе убийственный. На лучших голландских картах Новая Гвинея представляет собою обширное белое поле, в которое кое-где гадательно внесены пунктиром горные цепи и реки, тотчас же прекращающие свое эфемерное существование, так как точное расположение и направление их неизвестны и до сего дня никем проверены не были. Даже на пустынных берегах, особенно нездоровых, нет никакой оседлости. Голландского административного центра на всей Новой Гвинее не существует вовсе, эта колония состоит в ведомстве резидента в Амбоине и Тернате (Молукские острова), который оттуда раза два в год и посещает на короткое время новогвинейский берег. В обыкновенное же время, на северном берегу, у Гельвинк-Бай*** и на западном

* Современное написание — *буги*.

** Рекламным проспектам (*фр.*).

*** Современное название — залив Сарера.

побережье живут одни лишь миссионеры в жалких бамбуковых хижинах, возведенных на сваях, далеко в море, возможно дальше от береговых болот с их злокачественною лихорадкою.

Новая Гвинея до того неизвестна, забыта и всеми оставлена, что об этом обширном крае не встречается данных, даже в ежегодных отчетах колониального управления, которые, однако, составлены самым аккуратным образом для всех, даже наиболее мелких частей и уголков голландской колониальной империи, изобилуя драгоценными данными и указаниями.

Немцы на своей новогвинейской территории и на Бисмарковом архипелаге имеют поселенные места, вроде Stephansort и др. Они основали фактории и все это поставлено под ведомство губернатора, который и имеет в своем распоряжении полицейскую охрану, так называемую Schutztruppe. Но немцы не могут похвастаться хорошим климатом, они, вследствие лихорадок, постоянно вынуждены переносить с места на место центр своего управления.

Англичане, в лице сэра Вильяма Мак-Грегора, тоже имеют своего губернатора и свою администрацию. Одни лишь голландцы до сего дня не имеют ни факторий, ни поселений, ни управления. Они до сих пор на Новую Гвинею смотрели более как на обузу для своего колониального бюджета и сильно сомневались, что из этих обширных территорий, когда бы то ни было, можно будет извлечь, какой бы то ни было, прок.

Но в 1898 году и для забытой и заброшенной Новой Гвинеи наступила, по-видимому, новая эра пробуждения к жизни после продолжительной спячки: по инициативе энергичного и способного генерал-губернатора Нидерландской Индии, ван дер Вейка, в голландскую палату внесен и оною уже одобрен проект колонизации и утверждения на Новой Гвинее правильного управления, в скромных пока размерах.

Рядом и одновременно с этою правительственною инициативою, частные люди, как-то: отставные чиновники, капиталисты из Нидерландской Индии, а также частные компании, предложили правительству свои услуги и испросили концессии земельных участков для эксплуатации минеральных богатств совершенно непочатого края и для насаждения на девственной почве Новой Гвинеи тропических культур, каковы: кофе, чай, сахарный тростник, хинное дерево и прочее. Концессионеры заявили требование, чтобы в такой стране, как Новая Гвинея, где ничего не существует, и где все должно быть создано *ab ovo**, правительство предоставило им те самые юридические и политические полномочия, которыми пользуются английские и германские *chartered companies*** на своих территориях, т.е. право, например, форми-

* С самого начала (*лат.*).

** Компании, которым была пожалована королевская хартия, предоставлявшая право на колонизацию (*англ.*).

ровать и содержать необходимую полицейскую стражу, почтовые сообщения и прочее.

Предоставляя правительству 10 и более процентов с эксплуатации, концессионеры обязуются основать внутри острова, в течение десяти лет, между заливом Гельвингка на севере и Этна-Бай на западе, один центральный населенный пункт с минимумом в тысячу душ жителей непанауасской расы, среди горной и здоровой местности. Они предполагают построить также санитарную станцию в горах, на высоте две тысячи футов, разбить парки и сады, устроить шоссейные и иные сообщения и прочее. Кроме главного центрального settlement'a,* предполагается основать еще на береговой полосе от 8 до 10 оседлых пунктов, поселив в них рядом с белыми, еще и яванцев, мадурцев и амбонцев, в качестве работников и кули.

Так как любителей основаться на Новой Гвинее явилось не особенно много, ввиду всеобщего укоренившегося недоверия к губительному климату этой страны, и так как, с другой стороны, предложения концессионеров могут облегчить задачу правительственной колонизации, то надо полагать, что в Гааге и в Батавии отнесутся одинаково сочувственно к проекту предприимчивых людей, задумавших в действительности, а не на бумаге, как до сего дня, открыть голландской инициативе доступ в новые, еще неизведанные территории.

Перечислять здесь все те острова и отдельные группы, которые входят в состав голландской Инсулинды, и делать характеристику каждой группы было бы задачей непосильною и далеко выходящею за те тесные и ограниченные рамки, которые я себе поставил в этом труде. Притом же этот индо-малайский уголок отдаленного тропического мира до того интересен, оригинален и разнообразен, что было бы весьма затруднительною задачею отдать предпочтение какой-либо определенной группе и совершенно обойти молчанием иную, столь же с нею равноправную по интересу.

Несмотря, однако, на вышеприведенную оговорку, я все же, кажется, не ошибусь, выделив более специально острова Бали, Ломбок и Молуккскую группу, как заслуживающие более выдающегося внимания. Об остальных же владениях голландцев я упомяну вскользь, когда буду рассматривать разнообразие и обилие языков и диалектов, на которых говорят в этой части света коричневые подданные Ее Величества Королевы Нидерландской.

Непосредственно к востоку от Явы тянется вплоть до самой Новой Гвинее цепь более или менее крупных, вулканического происхождения островов, известных под наименованием *Kleine Soenda* (Сунда) *Eilanden***.

* Поселения (англ.).

** Малые Зондские острова (голл.).

Первым по порядку расположения и по значению своему представляется остров Бали, отделенный от Явы проливом Балийским (Bali Straat).

Бали (103,5 кв. миль) подразделяется на правительственные территории (Goevernemens Gebied) в 104 тысяч душ населения, стоящие под непосредственным голландским управлением, и на так называемые Vorstenlanden, т.е. на государства «независимых султанов», данников Голландии, с населением в 1,3 миллиона душ. Горы на о. Бали составляют продолжение той вулканической цепи, которая покрывает Яву. Высшая точка, гора Агунг (3200 метров), более известна под именем Piek van Bali*. Климат на возвышенности здоровый, на береговой же полосе свирепствуют лихорадки, холера и оспа. На о. Бали начинается то переходное состояние в флоре и фауне, которое составляет связующее звено между животным и растительным царствами азиатского материка и Австралии. Чем далее к востоку, тем сильнее и определеннее сказывается эта разница в особях и формах. Ограничусь одним примером: на Яве, за исключением малайских зеленых попугаев, вовсе не встречается ару, какаду и иных птиц этой породы. Они начинаются на Бали, а на группе Ару-Эйланден**, к юго-западу от Новой Гвинеи попадают крупные разноцветные попугаи, ару, какаду и райские птицы, а также встречаются разновидности бабочек, свойственных исключительно Новой Гвинее, Австралии и некоторым островам Папуазии. Замечу мимоходом, что Ява, имеющая, вообще, флору и фауну, тождественные с соседнею Суматрой, отличается от сей последней тем, что здесь слонов не встречается вовсе, тогда как на Суматре они попадают еще в изобилии в диком состоянии.

Бали, подобно Яве, имеет свою историю, и притом довольно драматическую. Здесь с давних времен были средоточие и опорный пункт брахманизма и буддизма. Сюда же, после первых насаждений на Яве исламизма, бежали и перенесли свои драгоценные рукописи последователи индуизма, которые спасали свою личность и свою совесть от насильственной пропаганды мусульманских завоевателей. На Бали и до сего дня, за исключением, быть может, $\frac{1}{8}$ части населения, все остальные жители исповедуют свою древнюю религию — брахманизм. Здесь сохранились следы индусского происхождения и культа в форме памятников, храмов, надгробных монументов, надписей и, в особенности, рукописей, написанных на листьях пальмы *лонтар*.

Первое ознакомление голландцев с балийцами и первое их соприкосновение с воинственными жителями острова восходят к концу 16 столетия, а именно к 1597 году. Затем, в течение почти 2,5 столетий голландцы постепенно и последовательно утверждали свои фактории,

* Пик Бали (гол.).

** Острова Ару (гол.).

а за ними и свою власть на Бали. Для этого потребовалось немало экспедиций, и между прочими три подряд, с 1846 по 1849 год, которые обошлись очень дорого, и особенно голландцам памятно потому, что главнокомандующий, генерал Михиелс, изменнически убит был балийцами вместе с офицерами своего штаба.

Лишь в конце 50-х годов нынешнего столетия утвердился в Буленге, на северном берегу, первый голландский ассистент-резидент, а в 1882 году, т.е. всего 16 лет тому назад, голландцы признали возможным обратиться Бали в обыкновенное резидентство и подчинить тамошнему резиденту также и соседний остров Ломбок.

Резидент управляет территориями так называемого *Goevernements gebied**, в «независимых» же султанствах, на острове этом представитель нидерландской власти оставил управление в руках туземных раджей, над которыми он имеет верховный контроль. Раджи связаны через посредство колониального управления с Нидерландами особыми письменными договорами (*contracten*) и состоят к Голландии в вассальном отношении. Это относится, впрочем, не к одному лишь острову Бали. Такие *contracten* существуют между Голландией и туземными государями на Суматре, Борнео, Целебесе и на иных еще островах архипелага.

Что касается более специально балийских и ломбокских властителей-вассалов, то государи эти большею частью весьма беспокойные и ненадежные, они вечно готовы открыто или под рукою принять участие в неприязненных действиях, направленных против нидерландского владычества, как то и сделали в 1894-95 годах балийцы. Балийский *густу* (принц) Джелантик поддержал своим оружием и влиянием соседа своего, раджу острова Ломбока, также номинального вассала, но данника строптивого и отказавшегося признавать свою зависимость от Батавии.

Жители Бали делятся на две категории, различные между собою по численности и по неравноправности своей, на *бали-ага* и на *вонг маджапахит*. Первые считаются коренными автохтонами острова, они почти язычники, так как их древняя полинезийская религия немного отступает от грубого идолопоклонства; говорят они на особом наречии, непонятном остальным балийцам, и не имеют характерной особенности — деления на касты. *Бали-ага*, стоящие на довольно низкой ступени развития, считаются презренными париями.

Наоборот, *вонг* (люди) *маджапахит*, получившие свое название от могущественного некогда на Яве индусского государства того же имени, занимают выдающиеся общественные положения. Они цветом кожи светлее яванцев, одеваются роскошнее, в шелковые, вышитые золотом *саронги* с цветными поясами, и отличаются высокоразвитым чувством собственного достоинства. Они горды и беззаветно храбры.

* Владений правительства (гол.).

В военное время целые дружины балийцев, под предводительством нафанатизованных шефов (*пупутан*), заранее обрекают себя на смерть и все до одного падают под ударами неприятеля. На соседнем Ломбоке даже женщины усвоили эту тактику. В 1894 г. при штурме Чакранегары, столицы раджи ломбокского, «легион телохранительниц раджи», вооруженный пиками и *крисами*, сделал отчаянное нападение на штурмующие голландские колонны. Потерпев значительный урон, голландцы, на первых порах лишь ограничившиеся защитой, и то не без некоторой деликатности, вынуждены были принять *au sérieux** отчаянных амазонок и сражаться с этими дамами, как с равноправными воинами.

Бали интересен тем, что здесь сохранился исчезнувший уже на Яве своеобразный мирок индусских религиозных верований и индусского общественного строя. Брахманизм, особенно же разнообразность одного, известная под именем шиваизма, составляет и ныне господствующую религию средних и высших классов. Встречаются также еще и многочисленные группы буддистов среди простого народа, религия которого не есть, однако, чистый индуизм, ибо состоит из смеси принципов индуизма с грубыми суевериями анимистского свойства.

В каждом селении существуют храмы, посвященные Дурге, богине смерти.

В главнейших шиваитских храмах балийцы приносят частые жертвоприношения, испрашивая здоровье, удачу, прекращение эпидемий и прочее. Подобно индусам, балийцы не употребляют в пищу мясо домашних животных и считают коров священными существами. На счастливом обладателя безукоризненно белой коровы или совершенно черного коня балийцы смотрят как на лицо, взысканное особым расположением Брахмы. Хозяева таких священных коровы или коня продают чуть ли не на вес золота помет и навоз этих животных, так как это считается драгоценным медицинским средством.

Балийцы делятся на касты, во главе которых стоят брахманы с титулом *ида*, пользующиеся наибольшими уважением и почетом. Вторую категорию образуют *кшатрии*, это собственно аристократия, принцы более низкого ранга и «рыцари», *de ridders*, как их обозначают голландцы. Лицам из касты *кшатриев* присвоен титул *дева*.

Третья каста *весья* (*Wesjas*) — это ремесленники, купцы и вообще торговое сословие. *Шудра* составляют последний и самый низкий класс, это земледельцы и поселяне, люди подвластные и оброчные радам и принцам.

Замечательно, что на Бали еще практикуется обычай сжигания трупов, причем зола выбрасывается в море. Церемония эта (*мелебу*) весьма сложная, связана с длинными предварительными формальностями и

* Всерьез (*фр.*).

обходится дорого, так как костры слагаются из ценных пород дерева и на них сжигаются одновременно с трупами также и домашняя утварь, оружие и прочее имущество умершего.

Не всякий балиец имеет средства позволить себе подобную роскошь, вследствие чего трупы, за исключением смертных останков принцев и раджей, часто долгое время остаются неглубоко зарытыми в землю, в ожидании того дня, когда обстоятельства позволят предать их всеочищающему огню.

В прежнее время на кострах сжигались также вдовы государей и лиц царской крови. Обычай этот официально более не существует вследствие воспрещения со стороны голландских властей. Но он все же практикуется, так сказать, официозно в тех уголках независимых султанств, где голландское господство более номинальное, чем фактическое.

Особую доблестью для вдовы считается заколоть себя предварительно *крисом* и затем уже броситься в пылающий костер. Такой *modus procedendi** пользуется специальным уважением и удивлением балийцев. Есть вдовы, которые, не мудрствуя лукаво, живыми бросаются в огонь. Казалось бы, сие последнее действие, совершенное при полном сознании жертвы, еще не истекающей кровью после нанесенной себе раны, должно бы считаться особенно доблестным подвигом, между тем в действительности не то: первая категория вдов навеки приобретает лестное титулование *самья*, которое выше и почетнее наименования *белла***, присвоенного женщинам, не прибегающим к посредству кинжала.

Бали вообще самый оригинальный и непочатый еще уголок во всей нидерландской Инсулинде, и местного колорита на Бали несравненно больше, чем на Яве, которая даже в сравнительно отставших от культуры *Vorstenlanden**** — Соло и Джокдже, слишком уже цивилизована и снабжена всеми ресурсами новейшего комфорта. На Яве можно постоянно встретить массу иностранных туристов, тогда как на Бали и на другие острова Инсулинды они не заглядывают, сюда являются исключительно лишь ученые, путешественники и специалисты по этнографии, истории и археологии. Праздные же туристы и любопытные ограничиваются во всей Нидерландской Индии одною Явою, благо она доступна и открыта, да при том же сравнительно легко достижима, благодаря ныне существующим разнообразным и быстрым сообщениям. Ява, кроме того, интереснее Египта или Сирии, она во всяком случае благоустроеннее и менее банальна, чем эти излюбленные туристами страны Ближнего Востока, где многое, даже в Египте, несмотря на присутствие англичан, представляется в запущенном и непривлекательном виде.

* Способ действия (*лат.*).

** Соответственно «верная» и «самоубийца» (*мал.*).

*** Дословно: княжеские земли (*голл.*), территории, номинально находившиеся под прямым управлением *сусухунана* (Соло) и султана (Джокьякарта).

Что касается специально Явы, я уже имел случай высказать, что образцовый порядок, благоустройство и какое-то идиллическое благосостояние, господствующие во всей стране, составляют отличительные и характерные черты, которые приятно поражают здесь всякого, даже поверхностного наблюдателя. Из-за многочисленных и симпатичных лицевых сторон того стройного культурного здания, которое воздвигли голландцы в этой части дальнего Востока, недостатки и изъяны сглаживаются и пропадают. Здание это кажется гармоничным в своем ансамбле и в своих отдельных частях. Оно, по-видимому, построено солидно и покоится на прочных основаниях. Но и это стройное и даже величественное голландское сооружение имеет свои теневые стороны, оно, по-видимому, начинает давать кое-где трещины.

Не могу не цитировать снова известного уже французского писателя о Яве Шалье Бера. Этот компетентный и тонкий наблюдатель следующим образом блистательно и метко характеризует настоящее положение дел, уподобляя здание, сооруженное на Яве голландцами, изящной башне «qui lance vers le ciel sa fleche delicate»*. Любопытный турист проходит, смотрит и удивляется этой элегантной легкости ансамбля в сочетании с солидностью. Но вот подходит инженер. В свою очередь, он присматривается и констатирует некоторые слабости в технике, здесь винт как будто поддался, в ином месте наклоняется стрельчатый свод, кажется даже, будто одна из колонн, поддерживающих здание, пошатнулась, так что самая ось перестала быть вертикальной. В сущности же не произошло ничего серьезного и тревожного. Техник, тем не менее, обнаружил недостатки и принял их к сведению — всегда будет время исправить зло. Но все же «il est heureux que le technicien ait passe par la», так как, говорит Шалье Бер далее, «l'homme du métier relève ça et là des lacunes et des vices qui l'etonnent, c'est peu de chose, ce n'est rien, ce sont des indices»**.

К категории этих указаний и предостережений, что не все обстоит благополучно, должно отнести экономические условия Нидерландской Индии, положение на Яве «колонистов»-европейцев в соотношении сих последних к администрации и к туземному элементу. Раздаются жалобы среди европейцев и даже среди самих голландцев, будто колониальное управление, вошедшее в свою роль отеческого режима, слишком уж усиленно и ревностно охраняет туземцев от посягательств европейской колонизации и что делается это даже в ущерб интересам самих европейцев. Далее, к числу симптомов, внушающих некоторую тревогу за будущее, следует отнести еще все более развивающуюся эмансипацию и вражду к белым сословия метисов, которых свежепри-

* «Вонзающей в небо свой изящный шпиль» (фр.).

** «Но счастье, если ее увидит человек, смыслящий в технике. Он заметит поразительные упущения и огрехи и скажет: «Это пустяки, это несерьезно, а вот это настораживает» (фр.).

бывшие на Яву голландцы весьма недолголюбивают и в размножении и усилении которых усматривают опасность для солидности голландского владычества в Индии. Голландцы, давно поселенные в Инсулинде, успели к метисам приглядеться, они отчасти сами, во втором и третьем поколении, благодаря смешанным бракам, утратили свой первоначальный тип чисто белой расы, а потому они к этому вопросу относятся сдержаннее и хладнокровнее.

Выше было замечено, что отличительные черты голландского хозяйничанья — благоустроенность и порядочность во всем и повсюду — не есть достояние одной лишь Явы, оно общее всем островам Инсулинды явление.

Заметный и осязаемый контраст с благоустроенными голландскими территориями являет португальская часть Тимора, крупного острова группы *Kleine Soenda Eilanden**, лежащего к юго-востоку от островов Флорес и Алор.

Западная половина Тимора принадлежит голландцам, тогда как восточную частью управляет Португалия.

В португальских владениях происходят постоянные восстания туземцев, обремененных налогами и податями и изнемогающих под деспотическим режимом чиновников, бесчисленных духовных лиц и монашеских орденов. Доходов владения эти не дают никаких; португальский губернатор Тимора получает жалованье меньше, чем какой-нибудь голландский резидент, в тех редких случаях, когда лиссабонское правительство в состоянии вообще выплачивать причитающееся его чиновникам содержание. А это, как в Турции, происходит далеко не правильно и не часто. Войска оборванные и мизерные, причем полковников и капитанов чуть ли не больше, чем простых рядовых. Все они получают скудное довольствие и жалованья не видят. Португальские воины поэтому грабят одинаково подчиненные власти покорное население и дикие независимые племена *Hinterland*'а. Гражданская администрация делает то же по той же причине.

Тиморская колониальная эскадра состоит из жалких судов старого типа, которые с трудом держатся на воде и к передвижению не способны, потому что командирам не на что купить необходимого запаса угля. Словом, Тимор — это турецкий пашалык с португальским управлением.

Эти португальские непорядки, конечно, отражаются в ущерб общественному благосостоянию также и на соседних голландских владениях. Голландцы вынуждены содержать на границе полицейскую стражу и войска, дабы удерживать от вторжения на свою территорию вооруженных банд с той стороны. Это им обходится дорого и расходов по эксплуатации острова не покрывает. Вследствие сего голландцы не прочь были бы приобрести в свою собственность также и португальскую часть Тимора. Они имеют конвенцию, в силу которой Португа-

* Малые Зондские острова (голл.).

лия обязалась дать предпочтение голландцам в случае, если бы в Лиссабоне когда-либо решились отделаться от этой неудобной колонии.

Но португальцы, памятуя о своем величии, вот уже третье столетие как отошедшем в область преданий, ни за что не хотят уступать своей тиморской обузы. Владение Тимором, Макао, Мозамбиком, Гоа и Диу в Индии дает и поддерживает в гордых португальцах иллюзию и самообольщение, будто Португалия также представляет собою серьезную колониальную империю, не хуже остальных крупных европейских держав, подвизающихся на поприще колонизации.

Когда речь идет о владениях голландцев в Индо-Малайском архипелаге, нельзя обойти молчанием одной из лучших составных частей Инсулинды, а именно группы Молуккских островов с главным островом Амбоиной или Амбоном и резидентством того же имени.

Группа эта и специально Амбон, после Явы — один из самых богатых и продуктивных уголков Инсулинды. Она интересна еще и потому, что на Амбоне впервые в Ост-Индии и притом даже раньше, чем на самой Яве, прочно утвердилось голландское владычество, унаследованное после вытесненных оттуда португальцев.

Молуккские острова расположены между Zee van Ceram* на севере и Banda Zee** на юге и резидентство Амбон состоит с запада к востоку из островов Буру, Амбон, Серам, Зейд-Ост-Эйланден***, группы Кай и Ару. Эти последние принадлежат по этнологии, флоре и фауне к Австралийскому матерiku.

Острова эти вулканического происхождения и часто подвергаются разрушительному действию подземных сил. Так, еще в феврале 1898 г. сильное землетрясение и провалы почв почти разрушили город Амбон, в котором не осталось ни одного неповрежденного здания, причем погибло до 300 туземцев и белых.

Молуккские острова занимают площадь в 934 кв. мили и на них к 1 января 1893 г. насчитывалось до 3,000 европейцев, до 27,000 туземцев и около 2,000 китайцев, до 700 арабов. Туземное население состоит из христиан, бывших католиками во времена португальского владычества, ныне обращенных в протестантство, из мусульман и *альфуфов* (дикари-автохтоны, о них сказано будет дальше).

Амбоина открыта была в 1572 г. португальцем Антонио де Абреу и португальцы владели островом до 1599 г., когда голландцы впервые основали здесь фактории, мало-помалу утвердившись на Амбоне и прилежавших островах, не без сильного сопротивления со стороны туземцев. По признанию самих голландцев, Ост-Индская компания управляла и хозяйничала на роскошных своими продуктами Молуккских островах самым хищническим образом и обходилась с населением сурово

* Море Серам (галл.).

** Море Банда (галл.).

*** Ныне — Нусатенгара.

и жестоко. Это вызывало частые восстания и кровопролитные экзекуции, а непосредственным результатом столь неразумного образа действия являлось оскудение естественных ресурсов края вместе с обеднением населения.

Прочно и окончательно утвердились голландцы на всем пространстве Молуккского архипелага лишь в первой четверти настоящего столетия. С 1796 г. по 1802 г. и вторично с 1810 г. по 1817 г. Амбоном владели англичане.

Главный город резидентства Амбонского — порто-франко Амбон — расположен на маленьком островке того же имени (14 кв. миль) с населением приблизительно в 10,000 жителей, среди которых не наберется и 1,000 европейцев.

Из туземных христиан вербуются амбонский контингент колониальной армии. Амбонцы считаются прекрасными солдатами, они дисциплинированы, выносливы, храбры и ставят себя выше солдат яванцев. Сами голландцы о них высокого мнения и предпочитают их сунданцам, яванцам и мадурцам. Эти последние вообще составляют ненадежный элемент, благодаря своему горячему и мстительному характеру.

На восток от Бали лежит остров Ломбок (по-туземному Селатанг), 147 кв. миль, с населением в 370,000 жителей, из коих всего 40 европейцев. Ломбок с 1894 г. окончательно включен в территориальный состав индо-нидерландских владений. Жители Ломбока состоят из племени *сасаков*, которые образуют большинство населения, и из господствующего класса балийцев. На Ломбоке, подобно тому, как и на соседнем Бали, сохранились еще следы древней индусской культуры и веры. В Чакранегаре, столице ломбокского раджи, найдены были в роскошных *кратонах* (дворцах) государя и его принцев выдающиеся также и по своему оригинальному типу монументальные сооружения. Голландским победителям достались еще редкости, груды сплавленных вместе, вследствие пожара, серебряных долларов и разные драгоценности. Можно было по окончании ломбокской кампании видеть в музее в Батавии чрезвычайно богатое оружие, осыпанное бриллиантами, золотые кубки, умывальные чаны, золотые приборы для жевания бетеля, такие же плевалницы, золотые статуэтки индусских богов, кольца и браслеты с драгоценными камнями. Большая часть этих предметов отличалась изяществом форм и тонкостью художественной отделки.

Можно утверждать, что после самой Явы острова Бали и Ломбок составляют конечный предел и Ultima Thule* цивилизации и культуры в нидерландской Инсулинде. Все остальное громадное пространство индо-голландской колониальной империи на север и на восток от острова Ломбока, не исключая и Суматры, еще мало исследованной, представляет собою область некультурную, где местами живут со-

* Крайняя точка (*лат.*).

вершенно еще дикие племена, стоящие на последней ступени развития религиозного, нравственного и общественного.

За Ломбоком, в восточном направлении, к группе Клейне-Сунда-Эйланден* принадлежат в нижеизложенном порядке следующие крупные острова: Сумбава с Комодо, Флоресом; к югу между Сумбавою и Флоресом лежит остров Сумба или Санделвуд-Эйланд, замечательный породою своих красивых, огненных и выносливых пони сандельвуд; к востоку от Флореса назову Солор и Алор-Эйланден, к юго-западу от них голландско-португальский Тимор с островами Ланду и Роти. Замыкают эту непрерывную цепь вулканических островов, которые тянутся от Явы до самой Новой Гвинеи, группы Селатан-Тимур, Кай и Ару-Эйланден. Последние славятся, как родина райских птиц и замечательны еще ловлею жемчужных раковин, которая производится у их берегов.

К северу от этой второй цепи Сундских** островов тянется также от запада к востоку, с тем же, что и для Сунда-Эйланден конечным терминусом Новая Гвинея, первая линия крупных островов, из коих Суматра, Борнео, Целебес и др. имеют вместе до 25,000*** миль протяжения.

* Малые Зондские острова.

** Зондских.

*** Неясно, что имеет в виду автор, указывая столь большую протяженность, возможно речь идет о площади суши.

Глава XII

*Lingua franca в Инсулинде есть язык малайский. –
Языки, диалекты, племена, населяющие Инсулинду. – Европейцы и туземцы. –
Их численность, распределение по национальностям. –
Арабы, панисламизм. – Султан и Константинополь. –
Христианская пропаганда. – Отсутствие религиозности у голландцев. –
Различные культы. – Мусульманские паломники в Мекку.*

Я уже имел случай высказать, что общеупотребительный во всей Голландской Индии язык для сношений между европейцами и туземцами есть язык малайский, в упрощенной и вульгарной его форме *bas malais*.

Этот *bas malais**, как на нем говорят в Батавии и на береговой полосе не одной лишь Явы, а всех вообще островов Индийского архипелага, распространен повсюду и составляет *lingua franca* дальнего нидерландского Востока, тогда как более изящный и более выработанный в своих синтаксических формах *haut malais*** заменяет собою в этих странах французский и служит, подобно сему последнему, для письменных и устных дипломатических сношений между голландскими властями и подчиненными им, более или менее независимыми султанами, раджами и принцами.

При разнообразии и многочисленности существующих в Инсулинде языков и диалектов, столь между собою различных, было бы невысказано и практически неосуществимо, если бы голландцы должны были научиться и усвоить себе все эти языки и наречия своих коричневых подданных. Вот почему все это вавилонское смешение сведено к одному упрощенному знаменателю, который выражается в форме вульгарного малайского языка.

Смесь же эта изумительна, и Инсулинда, по мозаичности своих племен и диалектов, является на крайнем Востоке второю Австриею.

В группе Малых Сундских островов насчитывается до 35 разновидностей этнографических элементов, языков и наречий. На Целебесе с примыкающими к нему островами замечается еще большее разнообразие, а именно до 56 различных племен и диалектов.

В заключение и для полноты этого этнографического очерка я должен еще разъяснить, что такое *альфуры*, именуемые еще *алифурами*,

* Низкий стиль малайского языка (*фр.*).

** Малайский язык высокого стиля (*фр.*).

хальфурами и *харафорас*, так как имя это встречается весьма часто на голландских картах Нидерландской Индии, а также в отчетах и описаниях голландских этнографов и исследователей.

Голландцы, когда затрудняются определить в точности расу или народность, к которым принадлежит какое-либо племя, обыкновенно именуют *альфурами* всех индивидуумов, составляющих ту или другую группу с темным и неисследованным происхождением. *Альфур*ы, таким образом, не изображают собою определенной этнографической единицы, это скорее родовое и собирательное название, которое служит для обозначения жителей островов восточной части Индо-Малайского архипелага, каковы: Буру, Серам, Бангай, Сулу-Эйланден* и о. Гальмагера**, сходная с Целебесом по капризному вырезу своих берегов с четырьмя связанными между собою полуостровами.

*Альфур*ы принадлежат к папуасской расе. Сама этимология этого слова еще не выяснена. Некоторые производят это название от арабского языка, иные полагают, что это испорченное испанское слово *fuera*, означающее «далеко», «вне», причем подразумевается вне «пределов цивилизации». Это последнее объяснение представляется несколько форсированным. Более правдоподобно и вместе более правоспособно то толкование, которое производит *альфу*ров от существующего и поныне в северо-западной Новой Гвинее папуасского племени *арфу*ров или *арфу*. Этих новогвинейских *арфу*ров, по всему вероятно, и следует считать, вследствие иммиграций в отдаленные времена, прямыми родоначальниками нынешних *альфурских* рас, населяющих восточную часть Индо-Малайского архипелага.

Все вообще население Явы и *Buitenbezittingen* распадается на две главные категории: 1) европейцев и ассимилированных с европейцами в правах (*met Europeanen gelijkgestelde*) и 2) на туземцев, *Inlanders* и ассимилированных с туземцами.

В первую категорию европейцев и равноправных с ними, рожденных вне пределов Нидерландской Индии, входят голландцы, немцы, французы и прочие европейцы или американцы, а также ассимилированные с европейцами азиаты, исповедующие христианскую религию, каковы, например, поселенные в Индии армяне из турецких пределов, Персии и Британской Индии.

В Инсулинде и более специально на Яве существует также подобие русской колонии, которая состоит из людей, бывших некогда русско-подданными. Это большею частью немцы из балтийских губерний и поляки. И те и другие немногочисленны, их не более 15 человек. Про лиц этих можно сказать, что они от России отстали, к Голландии не пристали. Серьезными и полноправными русскими подданными их считать нельзя, ввиду их давнишнего выезда из России, с которою они

* Острова Сулу.

** Хальмагера.

порвали всякие связи и отношения, а также потому, что они уже второе и третье десятилетие пребывают на Яве в качестве плантаторов, протестантских миссионеров и солдат или офицеров колониальной армии, состоящих на действительной службе или в отставке. Лица эти в российском консульстве в Батавии не записаны, так как никогда никто из этих выходцев не предъявлял в консульстве своих русских бумаг и документов, может быть, потому, что всякие письменные виды, устанавливающие их принадлежность к русскому подданству, давно ими утрачены. Как бы то ни было, люди эти представляют собою отрезанный ломоть и живут отдельно группою с невыясненным международным положением.

Родившиеся в Индии европейцы и с ними *gelijkgestelde** происходят от европейских родителей, большею частью от смешанных браков европейцев с яванскими женщинами.

В колониальном отчете за 1894 год значится, что к 31 декабря 1892 года считалось европейцев чисто белого происхождения, рожденных вне Индии, всего лишь 8961 мужчина и 3508 женщин, итого 12469 душ. Это буквально изображало одну каплю в безбрежном туземном океане с 35 до 40 миллионов жителей!

Общее же число полубелых метисов и ассимилированных с ними достигло к 31 декабря 1892 г. 58806 душ, из коих 32697 мужчин и 26109 женщин. В эту последнюю цифру включены жены и дети офицеров и солдат колониальной армии.

О численности китайцев и арабов в Голландской Индии сказано было выше. К категории арабов следует отнести еще до 11 тысяч иностранных выходцев восточного происхождения, именуемых голландцами *oosterlinge***, каковы: мавры, бенгальцы, *клингалеzy* с Малабарского берега, африканцы-негры, сии последние большею частью отставные голландские солдаты родом из Гвинеи, колонии на западном берегу Африки, уступленной впоследствии Голландию англичанам. Арабов голландские колониальные власти не любят. Голландцы не без основания считают арабов фанатиками и ненавистниками всего христианского и белого. Действительно, мусульманские законодатели и проповедники, особенно те, которые побывали в Мекке, имеют на туземное магометанское население несомненное и притом дурное влияние. Они постоянно нашептывают своим единоверцам, а порою и проповедают открыто, когда это проходит для них безнаказанно, что голландцы — узурпаторы, что мусульманская Ява и прочие магометанские центры принадлежат не им, неверным, а султану в Константинополе, единственному и законному представителю калифа, которому все правоверные во всей вселенной подвластны и имеют подчиняться и повиноваться. Нет сомнения, что бесконечная война в Атчине, на Суматре поддерживается

* Уравненные в правах (голл.).

** Выходцы из стран Востока (голл.).

среди и без того фанатичных атчинцев именно усилиями арабских подстрекателей. Но на Яве, где власть более сосредоточена, а вследствие того и сильнее, чем на разбросанных на большом пространстве островах Инсулинды, правительство строго присматривает за беспокойным арабским элементом, содержа арабов в более тесной от себя зависимости. Здесь, на Яве, голландцы рискуют сравнительно немного, так как сунданцы и яванцы, за исключением провинции Бантам на западе да «независимых» государств Соло и Джокджи в центре, вообще благодушны и к вопросам религиозным скорее относятся равнодушно.

На притеснения и стеснения своей личности и свободы арабы в Инсулинде ни в каком случае не имеют повода и права жаловаться. Они, тем не менее, голландцев ненавидят, несут голландский режим, как кару Аллаха за свои прегрешения, и, подобно волку, который все в лес глядит, как его ни корми, арабы постоянно смотрят в сторону Стамбула. Они чутко прислушиваются ко всему, что изрекают непогрешные уста их законного повелителя, султана в Константинополе.

После греко-турецкой войны, которая подновила славу турецкого оружия, в Нидерландской Индии, подобно тому, как это происходило в Индии Британской, можно было подметить несомненный подъем духа среди арабов и их туземных единомышленников. За отсутствием и отдаленностью самого недосягаемого калифа они усердно и с убеждением обращали свои взоры и помыслы к его представителю в Батавии, турецкому генеральному консулу.

В константинопольской газете «Малумат», органе, получающем свои внушения непосредственно из Ильдиз-Киоска*, появился в начале 1898 года ряд статей о положении дел в Нидерландской Индии, об управлении на Яве и специально о притеснениях и произволе, под гнетом которых будто бы изнемогают правоверные подданные нидерландской королевы. Статьи эти были тенденциозны с начала до конца, факты были подтасованы и намеренно извращены, комментарии к ним усердных корреспондентов проникнуты были очевидным духом ненависти и нетерпимости.

Измышления эти произвели в Батавии и в самой Голландии дурное впечатление, вызвав бурю негодования и протестов. Общественное мнение в метрополии и в Инсулинде одинаково требовало упразднения в Батавии нежелательного и враждебного турецкого представительства, которое с колониальными властями постоянно состояло в натянутых отношениях, так как индийское управление имело основательные причины не доверяться агентам султана в Батавии, кто бы они ни были. Генерал-губернатор даже потребовал в Гааге и в Константинополе отозвания турецкого генерального консула, который в эпоху объявления совершеннолетия и в момент коронации молодой королевы Вильгельмины в 1898 году навлек на себя своими действиями и под-

* Дворец султана Абдул-Хамида II (1876—1909) в Стамбуле.

стрекательством среди арабов усиленное негодование правительства. А пока, в ожидании удаления турецкого агента, которое впоследствии и состоялось, голландские власти прекратили с ним всякие сношения и даже отстранили его ото всякого официального участия в торжествах по случаю коронации. Стремление индийского управления направлено было к тому, чтобы вовсе упразднить в Батавии турецкое представительство. Но это оказалось неисполнимым: в силу договора, лет 18 тому назад заключенного между Турцией и Нидерландами, Порта согласилась допустить голландского консула в Джедду* при непременном условии взаимности, т.е. с тем, чтобы также и в Батавии резидировал турецкий генеральный консул. Голландскому правительству пришлось принять это стеснительное условие: в виду массы паломников-мусульман из Инсулинды, посещающих ежедневно Мекку, в Джедде было совершенно необходимо присутствие штатного голландского агента, который был бы в состоянии покровительствовать и деятельно охранять яванских поклонников от наглой эксплуатации арабских шейхов и турецких властей. Турки немедленно отобрали бы экзекватуру** от голландского консула в Джедде, если бы голландцы вздумали заявить, что дальнейшее пребывание турецкого агента в Индии им нежелательно. Таким образом, Голландия имеет руки связанными. Она против воли, а также вопреки своим интересам вынуждена примириться с положением дел, созданным договорами, так как, отзывая своего консула из Джедды, правительство рискует безопасностью своих индийских подданных в Аравии.

Не будучи в состоянии выжить из Нидерландской Индии представителя султана, колониальное управление стремится иными путями оградить себя от арабской агитации и от пропаганды панисламизма. Арабским старшинам, имамам и прочее в Батавии строжайше воспрещено сноситься и посещать турецкого генерального консула, в виду чего над этими лицами учрежден тайный надзор. Имеется в виду, кроме того, ограничить специальным законодательством эксплуатацию туземцев со стороны арабских ростовщиков, которые наживаются еще хуже китайцев. Эта разумная и необходимая мера поставит, надо надеяться, ненадежное арабское население в более тесную зависимость от голландской власти.

Население Нидерландской Индии, как чисто европейское, так равно и полубелое, китайцы, туземцы и проч., в течение 20 лет, с 1872 по 1893 год, увеличилось почти на 53%. Так, например, в 1872 году европейцев насчитывалось всего 36467 душ (против 58806 душ в 1892 году), китайцев было 290287 душ (против 445071 душ), арабов 14000 (против 23143 душ в том же году).

* Современное название — Джидда.

** Экзекватура — документ, дающий право исполнять консульские обязанности.

Сравнительно с туземцами, Inlanders, нетуземцы составляют весьма незначительную пропорцию, исчезающую в массе общего населения Индии. Так, процент нетуземцев на Яве и Мадуре в 1892 году был 1,3%. Что касается собственно европейцев, белых людей различных национальностей, то общее число их не достигает и низкой цифры 0,2%, несмотря на то, что на одной Яве сосредоточено $\frac{4}{5}$ всего общего числа европейцев в Индии.

На Яве народонаселение за последние 50-60 лет почти удвоилось и к концу 1892 г. достигло высокой цифры в 21.284,269 душ, против 19 миллионов душ в 1879-80 гг.

Цифры, полученные после переписи в 1885 г., показали приращение туземного населения на 10,9%, а в 1890 г. это приращение дошло уже до 11,4% за истекшее пятилетие. Результаты эти доказывают основательность мнения и заключения, изложенного уже в 1863 г. этнографом д-ром Блеекером, а именно, что многочисленное население малайской расы в тропиках размножается, несмотря на более краткий средний предел жизни отдельного индивидуума, значительно быстрее, чем размножается, напр., более долговечная кавказская раса, поставленная в более благоприятные климатические условия.

Христианская пропаганда в Инсулинде вообще и на Яве специально не может похвалиться многочисленностью своих обращений в католичество или в протестантство. На Яве и Мадуре к концу 1892 г. числилось всего лишь 16507 душ туземных христиан, а во внеяванских владениях христиан было 264312 душ, из коих на о. Борнео 1268, на Суматре 25661, на о. Амбоне и по Молуккской группе 64213 душ.

Протестантские и католические миссионеры (Sendelingen) рассеяны по всему архипелагу, а также и по берегам Новой Гвинеи. Наивысшей цифры обращений в христианство они достигли среди язычников на Суматре, Целебесе, Тиморе, Долоресе* и среди *альфуров*.

Среди протестантских евангелизаторов в Индии имеются также немцы-менониты из немецких колоний на Волге и в Бессарабии.

Кстати о миссионерах и деятельности их: жаль, что учение их не распространяется на самих индо-голландцев, как метисов, так равно и лиц европейского происхождения. Евангелизация тех и других была бы несомненно весьма полезна, так как голландцы, живущие в Индии, отличаются поразительной индифферентностью к религии. В Батавии и всюду в многолюдных даже центрах молитвенные дома наперечет. В Батавии всего 3-4 храма (Kerk), да и те постоянно пусты, пасторы жалуются, что на редких богослужениях мало кто присутствует. Между тем, нельзя здешних голландцев аттестовать атеистами, в их среде даже не имеется, подобно тому, как это встречается, например, в Австрии, людей, которые сознательно и по убеждению именуют себя

* Предположительно имеется в виду о. Флорес.

confessionslos*. Голландцы, напротив, подобно всем протестантам, распадутся на многочисленные религиозные секты и придерживаются самых разнообразных толков. Есть кальвинисты, лютеране, методисты, баптисты, унитарийцы, словом, имеется все, за исключением собственно одних христиан, исповедующих и практикующих догматы верующего христианина. Здешние голландцы просто глубоко индифферентны, безо всякой казуистики, без задней мысли и без критического отношения или отрицания пользы и необходимости религии. Они не практикуют даже основных начал христианского вероучения.

Так, можно сплошь да рядом встретить целые семьи чисто голландского происхождения, над членами которых никогда не было совершенно таинства крещения. Дети, по примеру отца и матери, рождаются, растут, воспитываются и достигают юношеского возраста, не получив ни малейшего понятия о принципах какой бы то ни было религии. Юноши в 18 лет или, что еще более шокирует, молодые взрослые девушки так и вступают в брак, не будучи окрещенными, или же таинство это совершается над ними в последнюю минуту, накануне венчания! Но это здесь не поражает и не возмущает никого, это в порядке вещей.

Такое дикое и странное отношение к религии напоминает характерный анекдот про посещение каким-то шотландским епископом одной шотландской семьи. На вопрос лорда-епископа, обращенный к старшему четырнадцатилетнему сыну, ученику воскресной школы: «Скажи-ка, милый друг, что составляет непременную принадлежность всякого истинно христианского хозяйства?», «милый друг» без запинки и с убеждением ответил пораженному сановнику церкви: «Пробочник, ваша милость». Здешние голландцы, по-видимому, усвоили себе оригинальный взгляд маленького шотландца на первенствующую роль пробочника во всяком порядочном «христианском хозяйстве». У них полезный инструмент этот с успехом заменяет отсутствующую библию.

Протестантские общины в Нидерландской Индии, за исключением английской в Батавии, составляют все вместе одну церковную ассоциацию (kerkgenootschap) с местными церковными советами и под общим управлением одной высшей церковной коллегии в Батавии, именуемой управлением (Bestuur) протестантских церквей в Индии. Коллегия эта сформирована в силу королевского декрета 1849 г. Она имеет президентом одного члена совета Индии и членами ее состоят пасторы в Батавии с тремя нотаблями протестантской церкви. Коллегия сия заведует всеми интересами и вопросами, касающимися культа, в единении с высшею коллегиею в Гааге, поставленную во главе протестантских церквей в Вест- и Ост-Индии. Исповедания христианское и магометанское подчинены в Батавии Департаменту народного просвещения, культов и промышленности. Декретом от 1 августа 1886 г. число пасторов (predikanten) определено в 39, из коих 9 человек в Батавии, Сурабае, Сема-

* Не принадлежащими к определенной конфессии (нем.).

ранге получают по 500 гульденов в месяц содержания, а 30 пасторов в менее крупных центрах имеют по 400 гульденов в месяц жалованья. Кроме этих 39 пасторов, имеются еще помощники (*hulp predikers*) I-го и II-го класса. Сим последним поручена евангелизация язычников.

Взгляд на специальную карту, на которой обозначено распределение в Нидерландской Индии различных религий (христиан, мусульман, буддистов, фетишистов, анимистов и пр.), местопребывание католических и протестантских миссионеров и *hulp predikers* показывает, что к северу от Явы почти весь остров Борнео и к северо-востоку весь комплект многочисленных крупных и мелких островов представляют сплошную область, населенную язычниками.

Во главе католической иерархии в Нидерландской Индии стоит епископ в Батавии, апостолический викарий и *Titulair Bischof van Mauri-Castro**. При нем состоят провикарий и 3 священника-миссионера.

Глава католической церкви и учителя-миссионеры назначаются Св. отцом в Риме, по соглашению с нидерландским правительством и ост-индским генерал-губернатором. Те, которые получают содержание от ост-индской казны, разделяются на три категории: к первому классу принадлежит сам епископ, во втором состоят 22 человека, третий образуется из вспомогательных учителей и миссионеров (*hulp leerars*).

В правах своих католический культ вполне сравнен с протестантским, и колониальное управление ни в чем не стесняет деятельности католического духовенства, которое, впрочем, предоставленную ему свободой не злоупотребляет в целях римской пропаганды среди христиан других исповеданий.

Армянская община на Яве с церковью в Батавии состоит из президента, 2 членов, секретаря и казначея. Поселенные на Яве армяне, в качестве христиан, равноправны с европейцами. Они принадлежат к тому толку армянской церкви, который, вследствие религиозных распрей, отделился от римско-католической церкви и имеет в лице католика всех армян в Эчмиадзине своего верховного главу и духовного представителя**. Число армян на Яве незначительно, оно вряд ли превышает цифру две тысячи душ. Они большею частью негоцианты, домовладельцы и собственники. Почти все армяне получили натурализацию или приняли голландское подданство, но симпатиями и уважением голландцев они не пользуются вследствие специфических особенностей своего национального характера, сходного с отталкивающими чертами еврейского племени.

Что касается мусульманского исповедания, то культ Магомета не подвергается в Нидерландской Индии никаким стеснениям, хотя и подчинен, в видах осторожности, правительственному контролю.

* Епископ упраздненной епархии Маури-Кастро.

** Армянская апостольская церковь, основанная в 301 г. епископом Григором, близка к православию, но последовательница монофиситства. К римско-католической церкви она не имела никакого отношения.

Мусульманские имамы, состоящие в качестве советников (*adviseurs*) при голландских трибуналах или законоучителей при казенных ремесленных и иных школах для туземцев, получают содержание от казны. Остальных содержит само население, выплачивая им натурою и деньгами (*djakat*, *pitra** и пр. *redevances***) за совершаемые ими требы.

На содержание или на сооружение новых мечетей правительство отпускает денежные пособия и субсидии лишь в самых редких и исключительных случаях, когда такой расход вызван и мотивирован необходимостью политического или иного свойства. В большинстве же случаев само население заботится о содержании своих молитвенных домов, которые, впрочем, вследствие крайней убогости своей, больших расходов и не требуют.

Хотя туземцы вообще довольно равнодушны к религии, тем не менее некоторые яванцы и другие магометане, когда могут, совершают паломничества в Мекку и Медину. Этими периодическими путешествиями ко святым местам выражается и резюмируется активная принадлежность туземцев к закону Магомета.

Сравнительно с общею высокою цифрою мусульманского населения в Инсулинде, процент паломников, отправляющихся в Аравию, можно назвать незначительным. Так, например, богомольцев, ушедших в Мекку, считалось для всей Голландской Индии: в 1893 г. — 8663 человека, в 1894 г. — 8181 человек, в 1895 г. — 11570 человек.

Пилигримы снабжаются специальным паспортом на поездку в Мекку и обратно, и с этою целью каждый богомалец обязан до отъезда своего предъявить властям требуемый правилами минимум в 400 гульденов. Перевозятся богомольцы на особенно с этою целью зафрахтованных судах голландских компаний, по уменьшенному тарифу до Джедды и обратно. Но, вследствие переполнения этих судов и несмотря на обязательное присутствие докторов и на имеющиеся медицинские средства, санитарное состояние этих людей большею частью самое неудовлетворительное. Нечистоплотность, недостаточное питание, несоблюдение гигиенических правил и скученность человеческого груза вызывают частые заболевания и эпидемии, которые уносят значительный процент людей, и без того уже обессиленных лишениями всякого рода во время своего пребывания в Аравии.

Вследствие сих неудовлетворительных условий на Яву возвращается из Мекки немного более половины совершающих паломничество к святым местам. Так, например, официальные статистические таблицы показывают следующую пропорцию: возвратилось богомольцев в 1893 г. — 5646 человек (из 8663 человек, предпринявших путешествие), в 1894 г. — 5937 человек (из 8181 человека), в 1895 г. — 5222 (из 11570 человек).

**Закат* (*закаят*) и *фитрах* (оба — *араб.*) — виды обязательных для мусульманина на жертвований.

**Повинности (*фр.*).

Глава XIII

Начало колониальной экспансивности Голландии. – Голландские морские экспедиции и открытия в Ост-Индии. – Колонизация Явы и Молуккских островов. – Основание Батавской фактории. – Возникновение Ост-Индской компании, ее деятельность и управление. – Владычество французов и англичан на Яве. – Маршал-«громовержец» Дандельс и сэр Стемфорд Раффлз. – Многосторонняя и легендарная деятельность Дандельса. – Характеристика сэра С. Раффлза. – Маршал Дандельс – комендант в 1812 г. крепости Модлин.

Ознакомимся теперь с историей возникновения и постепенного, век за веком, развития колониационной экспансивности Голландии на дальнем индо-малайском Востоке. История эта представляет живейший интерес, не лишенный порою драматически легендарного элемента.

Экспансивная деятельность и Drang nach Osten начались в Голландии тотчас после выдающегося в ее истории эпизода, который известен под названием нидерландского восстания и борьбы с испанцами за освобождение от тяжкого гнета и подавляющего обскурантизма Филиппа II и герцога Альбы.

Уже в 1572 г., когда в Нидерландах подъем народного духа и самосознания выразился поголовным восстанием всего населения, Голландия могла по справедливости считаться самою промышленною и коммерческою страню в Европе. Морская торговля северных провинций была самою значительною во всем тогдашнем цивилизованном мире. Провинции эти имели свой собственный торговый флот, независимый от Антверпена.

Этот богатый город, в котором издавна утвердились крупные торговые и банкирские фирмы, был средоточием ввозной торговли и главным депо всех мировых продуктов, но значительный центр сей не резюмировал исключительно собою всей торговли Нидерландов, точно так же, как Лондон не выражает собою коммерции всей Великобритании.

На первом плане стояла рыбная ловля и преимущественно ловля сельдей, родиной которой были исключительно северные штаты, Голландия с Зеландией. Отсюда, из этого скромного источника своего благосостояния, признательными голландцами названного впоследствии «родоначальником коммерции», население извлекало все свои барыши и все свое богатство. Голландия вскоре убила конкуренцию единственно серьезных своих соперников, городов Ганзейского союза.

Что же касается Англии XVI столетия, то страна эта в те времена еще только пробуждалась к разносторонней деятельности при королеве Елисавете, она собиралась, пробовала свои силы и знакомилась с собственными средствами и ресурсами. Франция времен Генриха IV тоже еще находилась в начальном периоде коммерческого развития, и весь экспорт ее в Голландию и в Испанские Нидерланды* ограничивался вывозом вин.

Голландские суда, плававшие в Немецком море и у берегов Англии, стали со временем проникать и в Средиземное море, а оттуда в так называемые *écshelles* (порты) Леванта**.

С развитием в Нидерландах промышленности и коммерции голландцы не могли уже далее ограничиваться для своих операций прежними тесными рамками. Они стремились на простор морей и океанов. Торговые суда их искали прежде всего свободного выхода из тех портов в собственном отечестве, а также в Испании, Португалии и Италии, которые принадлежали и были подвластны испанской короне. Стремление это было со стороны голландцев вместе естественно и законно, так как неоднократно случалось, что испанцы конфисковали грузы голландских кораблей, налагая *embargo* на самые суда. Испанские власти всячески притесняли, в виде репрессалий за свои неудачи в Фландрии, своих непокорных и богатых нидерландских подданных. Испанские порты были, таким образом, для голландских кораблей настоящими западнями, в которых голландцы безнаказанно подвергались произволу и насильственным меропрятиям.

Уже в конце XVI века голландцы вследствие сего стали искать новых и более обеспеченных рынков для сбыта своих произведений. Таким образом, первый и непосредственный толчок нидерландской экспансивности и колонизации дал в сущности невыносимый гнет дома хищнического чужеземного режима. В этом и, вероятно, в одном этом отношении ненавистное испанское управление имело для Голландии и для ее позднейшего расцвета и развития даже прямо благотворное влияние, как утверждает лейденский профессор д-р Muller в своем капитальном исследовании *Onze gouden Eeuw* («Золотой век Голландии»), появившемся роскошным изданием в трех томах в Лейдене.

На первый взгляд мнение, высказанном д-р Мюллером, может показаться смелым и даже парадоксальным: в самом деле, какой скольконибудь полезный и благотворный результат может иметь *a son actif**** испанское владычество во Фландрии и в Нидерландах? Инквизиция, всюду зажженные и пылающие костры, *index***** со стороны духовенст-

* Бельгийские провинции.

** Общее название стран восточного Средиземноморья (*фр.*).

*** В своем активе (*фр.*).

**** «Перечень запрещенных книг», издававшийся Ватиканом (1559–1966) (*лат.*).

ва, незаконные поборы и реквизиции, насилие и произвол со стороны светской власти и иные явления чисто отрицательного свойства! Об иных благодеяниях испанской культуры история умалчивает и имеет на то свои резонные основания. Тем не менее, профессор Мюллер прав, утверждая, что именно испанскому притеснению Голландия обязана своим промышленным и коммерческим развитием. Результат, во всяком случае, неожиданный, которого, конечно, не предвидели фанатичные палачи нидерландской свободы Филипп II, Альба и прочие деятели той же категории!

Голландцы были после португальцев первыми, которые устремились в новооткрытую Бразилию и на западный берег Африки. Они, кроме того, стали искать новых путей и новых рынков. Имена Яна Хейгена, Виллема Барендса* и Геемкирка свидетельствуют об усилиях, ими сделанных в этом направлении. Голландцы-северяне стремились преимущественно к светлomu и благословенному югу, в сказочную Индию с ее архипелагом неведомых и богатейших островов. Пытались они попасть туда двумя путями: вокруг Африки и через указанный Магелланом пролив у южной оконечности Америки.

В 1598 г. компания Verge снарядила целый флот в Ост-Индию, где голландцы уже имели случай встретиться и столкнуться с португальцами. Но эти экспедиции, а также попытки, сделанные раньше, были плодом частной инициативы. Надлежало расширить рамки первоначально слишком тесно задуманного предприятия. Ввиду сего знаменитый Ольденбарневельд соединил в одно целое, под именем «Ост-Индской компании», все те частные ассоциации, которые имели целью эксплоатацию и торговлю с Ост-Индией.

Компания получила вместе с монополиею вести торговлю исключительно в свою пользу в этих странах еще и широкие привилегии и поддержку правительства. Статуты ее были 20 мая 1602 г. одобрены Генеральными штатами, и компания сформировалась с начальным капиталом в 6,5 миллионов гульденов, из коих один Антверпен вложил 3,5 миллионов, что по тогдашнему времени составляло чрезвычайно крупную сумму. С самого начала своего возникновения, благодаря своим значительным средствам, эта компания поставила себя вне и выше конкуренции с ассоциациями подобного же рода в других государствах. Так, например, пресловутая английская Ост-Индская компания, основанная двумя годами раньше, располагала капиталом всего в один миллион гульденов, причем она продолжительное время не была в состоянии соперничать с голландцами.

В операциях Ост-Индской компании имели право участвовать исключительно голландские уроженцы (*ingezetenen*), акции ее котируются на амстердамской бирже и имели ценность и курс денежных знаков. На первых же порах дела пошли столь удачно, что акционерам мог

* Виллем Баренц.

быть выдан дивиденд от 20 до 25%. Тем не менее, ввиду значительных расходов на снаряжение судов в дальние экспедиции, в виду риска, которому голландцы подвергались со стороны своих соперников-англичан и португальцев, а также со стороны многочисленных китайских и малайских пиратов, которыми кишел Индийский океан, благосостояние, а порою и самое существование Ост-Индской компании терпели тяжкие испытания. Неоднократно заходила даже речь о том, что было бы безопаснее для государства вовсе ее упразднить. Годы 1622 и 1644 были для нее особенно критическими. Привилегия компании (Ostrooi), согласно статутам, выдавалась на 21 год, по прошествии которых этот *ostrooi* подлежал возобновлению. Как бы то ни было, компания оправилась и уже в 1648 году, после Вестфальского мира, окрепла настолько, что общее доверие к ней возвратилось; после этого кризиса компания утвердилась уже окончательно на прочных основаниях.

В самом начале, когда экспедиции направляемы были в неведомые тропические страны, голландцы имели в виду лишь одни торговые цели и барыши, с ними сопряженные, с устранением притом, где только возможно было, иноземной конкуренции. О приобретении территории в собственность и об оседлости в новооткрытых странах и островах они, по-видимому, тогда еще не помышляли. Это явилось впоследствии, и мысль о присвоении и завоевании возникла, так сказать, фатально, по мере расширения и утверждения голландцев в Индийском океане. А пока фактории, основанные в Ост-Индии, были не что иное, как торговые агентства в видах монополизации исключительно в пользу голландцев вывоза колониальных продуктов.

Таковые же фактории с тождественными задачами существовали уже в тогдашней Московии и в Леванте.

В Ост-Индии, однако, характер этих поселений вскоре изменился ввиду того, что голландцам приходилось иметь дело с дикими племенами и отстаивать свои интересы и самые территории свои против посягательств англичан и португальцев. Возникла вследствие сего необходимость укрепить фактории, раздвинуть пределы земельных участков, ими занимаемых, заключать договоры с туземными владельцами и раджам, защищать свою собственность от их нападений и порою самим переходить в наступление. Одновременно с развитием голландской оседлости на берегу все сильнее стала сказываться необходимость поручить особому сословию людей вооруженную охрану голландских интересов, так как голландские негоцианты, слишком немногочисленные, не могли без ущерба для своей коммерции нести на своих плечах еще и административную службу.

Ввиду сего учреждены и назначены были резиденты, облеченные политической и исполнительною властью, и при них организован был целый штат помощников, а также чинов полиции и военной стражи. Первоначально резиденты эти имели исключительно дипломатический характер; они были аккредитованы в качестве политических

представителей при туземных дворах для сношений между компаниею и различными яванскими султанами и принцами. Впоследствии и по мере того, как стали исчезать одно за другим эти независимые государства, когда они вошли в состав территориальных владений компании, должность резидента была упразднена, как не имеющая более *raison d'être**, но именование и титул сохранены до сего дня для начальников губерний или резидентств на Яве, Суматре и пр. островах Инсулинды.

Рядом с резидентами и выше их поставлены были генерал-губернаторы, в лице которых сосредоточились в Ост-Индии все суверенные на оную права голландских Генеральных штатов. Генерал-губернаторы облечены были почти неограниченною властью; так, напр., они имели право от своего имени заключать договоры (*Contracten*) и союзы с туземными владетелями, объявлять им войну, занимать новые территории и пр.

Первый генерал-губернатор был назначен в 1609 г. с местопребыванием в Амбоне, на Молуккских островах, которые после упорной борьбы с испанцами приобретены были в 1605 г.

В то время и много позднее еще голландцы имели на Яве и Суматре, где существовали могущественные мусульманские государства, лишь незначительные береговые фактории. За недостатком в людях и деньгах они не отваживались проникать далеко в *Hinterland*, еще менее могли они помышлять о покорении силою оружия многочисленных и воинственных племен, населявших внутренность этих островов.

Вследствие сего голландцы утвердились сперва на Молуккской группе, менее обширной и более для них доступной. Лишь позднее, при генерал-губернаторе Куне, возник в покоренном государстве Джакатра**, в лице Батавии, главный центр голландской оседлости на Яве и в Ост-Индии.

Кун, по своему умственному развитию и по своим широким замыслам, стоял много выше тех нидерландских купцов, которые в Индии помышляли единственно о способах наживы и скорейшего обогащения. Он задался мыслью приобрести для метрополии не одни только пакгаузы и товарные склады в Батавии, в Грисси***, на северо-восточном берегу, в городах Тегале и Черибоне или в провинции Бантам на западной оконечности Явы.

Во всех этих местностях голландцы притом же были не одни, им приходилось считаться и делить свои барыши с английскими купцами, которые тоже искали, где бы можно было утвердиться на Яве.

Кун задумал выжить и вытеснить иностранцев, кто бы они ни были, и создать для Голландии обширную колониальную империю, в которой голландцы могли бы со временем сделаться исключительными и полновластными хозяевами.

* Смысл (*фр.*).

** Княжество Якатра (от испорченного Джаякерта, т.е. «Славная крепость»).

*** Гресик.

Программе этой суждено было мало-помалу осуществиться в действительности. Еще при жизни своей Куну удалось удалить англичан и испанцев с Молуккских островов.

Ост-Индская компания просуществовала целых 194 года, вплоть до 1796 г.

Компания эта, *en somme**, управляла неразумно и хозяйничала чисто хищническим образом; она эксплуатировала ресурсы края и имела в виду исключительно одни лишь барыши, не заботясь вовсе, какими путями таковые достигаются. Администрация была сложная, обходилась она чрезвычайно дорого, хотя чиновникам, ее составлявшим, выплачивалось не слишком высокое содержание. Утверждают, напротив, что администраторы в Индии получали слишком мало, вследствие чего они и изыскивали иные средства увеличить свой доход, так, они брали подарки и взятки, вели торговлю за свой собственный счет, а порою и просто обкрадывали казну. Надо заметить, что личный состав тогдашних голландских негодичантов и чиновников в Индии был далеко не высокопробный.

Сюда являлись разные темные личности, неудачники, люди более чем сомнительной нравственности, не пренебрегавшие никакими средствами, чтобы возможно скорее нажиться. Тем же самым принципом, без разборчивости в средствах, руководилась, впрочем, и сама компания, забирая в свои руки все продукты края и монополизируя их продажу. Ввиду сего администраторы ее не отступали даже перед насилием и экзекуциями. Они, например, не задумывались истреблять поголовно целые племена, которые имели несчастье ослушаться строжайших предписаний компании и культивировали, например, за свой собственный счет колониальные продукты, на сбыт которых голландцы смотрели, как на свое исключительное достояние. Другой раз те же чиновники безжалостно травили посеvy или сжигали урожаи на прострaнстве сотен гектаров, из мести за какое-либо прегрешение туземцев и в назидание им на будущие времена. Они же собственноручно зажигали склады и пакгаузы с нагроможденными в них колониальными товарами, когда им казалось, что продуктов определенного сорта заготовлено слишком много, что цена на них упала, и что желательно снова поднять эту цену вместе со спросом.

О благосостоянии туземцев никто, конечно, не заботился, и все голландцы, от мала до велика, постоянно обращались с цветным населением жестоко, как со скотами, изнуряя людей непосильными работами.

Понятно, что эти белые пришельцы были туземцам ненавистны, и что их грубость и жестокость неминуемо должны были вызывать возмущения и восстания, а это компании обошлось очень дорого людьми и деньгами.

* В целом (*фр.*).

Вследствие всех этих причин Ост-Индская компания с каждым годом запутывалась все сильнее; уже в 60-70-х годах XVIII столетия она существовала более своею прежнею репутациею, кредитом и займами, чем действительными доходами и наличностью своих средств.

Когда в 1780 г. вспыхнула война с Англией, вследствие американской независимости, голландские колонии, продолжительное время блокированные англичанами, долго не давали никакого дохода метрополии.

Так продолжалось до 1796 г. Долг компании достиг к тому времени крупной цифры 120 миллионов гульденов, и Генеральные штаты увидели себя вынужденными упразднить обанкротившуюся компанию и принять в свое непосредственное и государственное уже управление и заведывание весь комплект ее владений и колоний в Индии.

В период времени от 1795 по 1811 гг. (войны Батавской республики с Англией) голландцы лишились своих факторий, фортов и прочих поселений в передней Индии, всего острова Цейлона и мыса Доброй Надежды, а в Индийском архипелаге они утратили еще полуостров Малакку, западный берег Суматры, Молуккские острова и Тимор.

По Амьенскому мирному договору в 1802 г. Генеральные штаты, заступившие место Ост-Индской компании, получили обратно все свои колонии, за исключением Цейлона. Позднее, вследствие войны, возникшей из-за острова Мальты между Англией и Францией с ее союзниками, голландцы снова потеряли часть своих владений, и, между прочим, Яву, куда назначен был в 1811 г. по 1816 г. английским генерал-губернатором сэр Стемфорд Раффлз (Raffles)*, основатель Сингапура, создатель Бейтензоргского ботанического сада, известный и опытный администратор. Раффлз славится еще своими трудами и разносторонними исследованиями по археологии, истории и этнографии Явы, и книга его, сделавшаяся редкою, и ныне еще может быть прочтена с пользою.

Дальновидный политик и государственный деятель, Раффлз сознавал, что рано или поздно Ява, Суматра и Индо-Малайский архипелаг будут для Англии утрачены, и что все эти колонии со временем отойдут к своему исконному и законному владельцу — Голландии. Но именно ввиду уверенности в том, что Англия *à la longue*** не будет в состоянии удержать за собою всего комплекта нидерландских владений, предусмотрительный Раффлз стал искать для Англии иных компенсаций в этой части света. Коммерческий рост и развитие голландской Батавии постоянно внушали ему зависть и опасение.

Раффлз задумал создать где-либо поблизости новый крупный коммерческий центр, в пику и в ущерб ускользавшей из английских рук Батавии. Выбор его пал на островок Сингапур, лежащий на юг от южной оконечности Малаккского полуострова.

* Томас Стемфорд Раффлз.

** В долгосрочной перспективе (*à pp.*).

Здесь и был основан город того же имени. Лучшего и более выгодного во всех отношениях местоположения для своей анти-Батавии Раффлз избрать не мог. Самая блистательная будущность на первых же порах основания новозаложенного города с его портом открывалась для Сингапура: миновать Сингапура было невозможно, так как он лежал на великом торговом пути из Европы на Дальний Восток. Вскоре новый город сделался главнейшим и самым важным *entrepot** для ввозной и вывозной торговли с Индией, Сиамом, Китаем, Японией, а позднее еще с Бирманией, Тонкином и Камбоджею.

Сингапур не боится конкуренции ни с какой стороны, так как существование его, вызванное необходимостью и потребностью в крупном торговом центре, обеспечено в силу тех же причин и соображений. Он, кроме того, имеет еще для англичан высокое политическое и стратегическое значение.

Основанием Сингапура Раффлз оказал Англии весьма ценную услугу, и признательное потомство поставило этому способному деятелю памятник на площади, названной по его имени Raffles Place.

Раффлз преследовал свои экспансивно-колонизационные цели уже тогда, в самом начале XIX столетия, исповедуя девиз *Greater Britain***, которому лет пятьдесят спустя суждено было войти в общественное сознание англичан и сделаться самым популярным лозунгом империализма и политики захватов и расширения.

Английский генерал-губернатор Явы действовал с тою беззастенчивостью в выборе средств, которою во всякое время отличались великобританские министры и государственные люди. Наметив себе цель — островок Сингапур, Раффлз не задумался завладеть этим чужим достоянием, фактически принадлежавшим владетельному султану Джохора на Малаккском полуострове и уже переуступленном султаном голландскому правительству. В самом деле, властитель Джохора признавал себя данником Голландии, в силу договора, заключенного с Нидерландами его предшественником в 1784 г. Он, в том же смысле, в 1818 г. возобновил контракт с голландцами. Протесты нидерландского правительства Раффлз и английский министр Каннинг оставили без внимания. Каннинг даже цинично признал, что новейший захват Англии не покоится ни на каких положительных и бесспорных ее правах на занятую территорию; к своей декларации он прибавил еще, что этого даже и не требуется вовсе, так как нельзя же к азиатским полудиким королям и властителям применять те же правила и приемы международного права, которые практикуются в Европе.

Словом, чувствуя за собою единственное, но зато решающее право более сильного, англичане распорядились по-своему. Голландскую Ма-

* Склад (*фр.*).

** Великой Британии (*англ.*).

лаку с островом Сингапуром, входившим в неоспоримую нидерландскую махтсферу*, они удержали за собою, ибо Сингапур, значение которого они тотчас уразумели и оценили, составлял для них слишком ценное владение, и никакой английский министр, к какой бы он партии ни принадлежал, никогда и ни за что не согласился бы уступить обратно это важное и драгоценное приобретение. Голландцам пришлось примириться с совершившимся фактом и в виде компенсации удовольствоваться «обменом» на Сингапур английской провинции Бенкулен с фортом Марлборо на западном берегу Суматры и островом Билитоном** в группе Риау (на юг от Малакки), которые англичане великодушно предоставили голландцам.

С легкой руки Раффлза, указавшего пути и *modus procedendi*, англичане утвердились впоследствии также и на северной оконечности Борнео (*British Borneo*) и в Сараваке, на юг от британских официальных владений, по отношению к которым Саравак, под протекторатом Англии и с раджею-англичанином во главе управления, может быть отнесен к разряду владений официозных. Далее, они заняли еще часть Новой Гвинеи, с чем их однако ни в каком случае поздравить нельзя.

Совершились все эти утверждения и захваты много после эпохи Раффлза, в 30-50-х годах нынешнего столетия, но первоначальная мысль и нравственная инициатива такого расширения английского владычества в Индии бесспорно принадлежит и должна быть приписана Раффлзу.

Если англичане имеют полное основание чтить память основателя Сингапура, как государственного человека и искусного деятеля на поприще колонизации, то и у голландцев, с другой стороны, есть достаточно причин относиться с чувством удивления и признательности к своему популярному герою — знаменитому маршалу Дандельсу, покорителю, усмирителю и колонизатору Явы в эпоху кратковременного на ней французского владычества.

Дандельс, несомненно, являет собою одну из самых выдающихся фигур в летописях Явы начала XIX столетия и деятельность его принадлежит истории.

С именем этого энергичного и самовластного «маршала-громовержца», как его небезосновательно прозвали современники, связано на Яве столько воспоминаний, фактов и анекдотов, часто легендарного характера, что не представляется возможным, когда речь идет о Яве, обойти молчанием деятельность этого человека. Дандельс и по сие время дорог и популярен, в одинаковой степени среди голландцев и туземцев, хотя эти последние не имеют особенных причин восторгаться мягкостью нрава и административными приемами своего грозного повелителя, который порою выказывал себя самодуром чистейшей воды.

* Сфера влияния (*нем.*).

** Белитунг.

Дандельс родился в 1762 г. в г. Гаттема (Голландия), отличался с юности беспокойным характером и радикальностью своих идей и политических воззрений. Вследствие столкновения с статгоудером* Голландии, Дандельс, примкнувший к партии «патриотов», бежал во Францию и вступил во французскую военную службу в 1792 г., а тридцати трех лет от роду, в 1795 г. был уже генерал-лейтенантом Батавской республики. В 1808 г. Дандельс, в ранге французского маршала, назначен был генерал-губернатором и главнокомандующим в Индии всеми морскими и сухопутными силами короля Людвига Голландского.

Опасаясь попасть в руки англичан, с которыми воевал Наполеон, Дандельс под чужим именем ван Влирдена отправился через Париж, Лиссабон и Канарские острова в Батавию.

Здесь он в 1808 г. принял управление и оставался на своем трудном и ответственном посту всего 3 года, так как уже в следующем 1809 году испросил отставку, которую и получил в 1811 году. Батавия и Ява являли в ту эпоху такую пучину злоупотребления и неустройства, такую мерзость запустения, что даже энергичный и деятельный Дандельс не в силах был более трех лет посвятить очистке этих авгиевых конюшен. Но должно отдать ему справедливость: времени он не терял и в эти три года своего пребывания на Яве успел совершить чудеса во всех отношениях и по всем направлениям.

В данных Дандельсу инструкциях именно предписывалось, чтобы «новый режим отнюдь не походил на времена минувшие, дабы то зло, которое было совершено раньше, не могло быть приписано ему, Дандельсу».

От нового генерал-губернатора в Индии требовали радикальных перемен и улучшений по всей линии, ввиду чего Дандельсу даны были самые широкие полномочия. Но материальными средствами, а также войском и флотом Голландия, ослабленная предыдущими войнами с Англией и борьбою с Наполеоном, располагала в Индии лишь в самой недостаточной степени. Колониальные войска, «армия компании» (Ост-Индской), как их по старой памяти продолжали именовать туземцы, состояли из самых ненадежных элементов. Это были большею частью дезертиры из всех европейских армий, притом же плохо снаряженные и вооруженные. Кассы в Батавии были пусты, а субсидии из метрополии поступали тощие и редкие.

Морское могущество Голландии тоже уже потерпело крушение в предшествовавших войнах, так что на защиту колоний метрополия могла деташировать** лишь слабые и плохо вооруженные суда. Что же касается собственно колониального флота в индийских водах, то английский коммодор Пелью (Pellew) в 1806 и 1807 гг. истребил оный в открытом море; не встретив сопротивления, он вошел затем на рейд Ба-

* Статхаудер — глава исполнительной власти в Голландии в конце XVIII в.

** Выделить (от *ffp. detaché*).

тавии и в самой гавани, в виду береговых батарей, сжег 8 батавских фрегатов и столько же коммерческих кораблей.

Дандельс, после ряда безуспешных представлений в Голландии, убедился наконец, что метрополия не в состоянии выслать на защиту Индии сколько-нибудь внушительного флота. Опасаясь со стороны англичан блокады берегов Явы, Дандельс приступил к возведению фортов и батарей на западных берегах, в Бантаме, тогда еще независимом. При этом голландцы принуждали жителей рыть канавы и производить земляные работы среди нездоровой болотистой местности. Люди, не привыкшие к труду и принуждаемые к тому голландскими надсмотрщиками, стали заболевать массами и отказываться от работ. Когда распространилась в крае весть, что умирают сотни туземцев, бантамцы возмутились, и султан бантамский отказался далее поставлять рабочих. Голландский резидент при дворе этого государя был убит разъяренной чернью и все население взялось за оружие.

Дандельс воспользовался этим случаем, чтобы округлить владения Голландии на Яве покорением независимого султанства Бантамского и включением оногo со всею западною частью острова в территориальный состав нидерландской короны.

Маршал лично во главе войска достиг в три дня из Батавии резиденции султана и один, верхом, в сопровождении лишь нескольких адъютантов, проложил себе дорогу через бушевавшую толпу к *кратону* (дворцу), требуя аудиенции. Устрашенный султан принял маршала и подал ему при этом руку. Дандельс схватил ее и, не выпуская из своей мощной длани, подвел изумленного государя до его трона, от которого он его быстро отстранил и воссел сам на престол, ко всеобщему смущению присутствовавших. Этим своим решительным образом действий маршал хотел показать, что отныне в Бантаме династия туземных властителей упраздняется и что султанство Бантамское включается в территориальную и политическую махтсферу нидерландской короны.

Из приведенного примера видно, до какой степени *schneidig** и энергичен был «железный маршал». Но политик он был плохой, он был прежде всего то, что французы именуют «un sabre»**, т.е. старый рубака, и девизом ему всегда и во всем служило изречение *toujours de l'audace****. Благодаря своей стремительной решительности, своим неограниченным полномочиям диктатора, которыми этот бывший республиканец и боец за свободу пользовался на Яве, Дандельс в три года повсюду сломил сопротивление туземцев и значительно расширил земельное достояние Голландии.

Вслед за Бантамом он задумал покорить самое значительное и могущественное из существовавших в центре Явы туземных государств —

* Бравый (нем.).

** Дословно: сабля (фр.).

*** Всегда отважен (фр.).

султанство Матарамское. Для этой цели он воспользовался первым попавшимся предложением, который к тому же сам вызвал. Он напал на императора или *сусухунана* в Соло, низложил его, возвел на престол его сына, а самую империю разделил на две части: империю Соло и султанство Джокджу. Оба эти государя тотчас же сделались соперниками и непримиримыми врагами, что было как раз на руку голландцам, так как неприязнь обоих властителей, отвлекая внимание от их голландских начинаний, в то же время ослабляла и раздробляла силы туземных султанов и раджей.

Дандельс занялся также реформой всех отраслей управления, реорганизовал армию и внутреннее управление, увеличил размер содержания чиновникам и нещадно преследовал взяточников и обирателей казны. Он же впервые ввел интенсивную и принудительную культуру кофе на Яве, из которой сделал монополию и главную статью дохода для правительства.

В видах более удобного и быстрого сообщения с внутренними частями и восточною оконечностью Явы, совершенно между собою разобщенными, Дандельс приказал построить великолепный шоссейный путь из Батавии до самой Сурабаи, через весь остров, длиною свыше 800 км, причем власти прибегали к принудительным мерам, отчуждая в казну без вознаграждения земельные участки собственников и туземных принцев, сгоняя на работу все окрестное население, которое гибло тысячами, так как при земляных работах на Яве от передвижения значительных масс земли всегда возникают злокачественные лихорадки. Но Дандельс на жертв малярии внимания не обращал, он неукоснительно требовал, чтобы работа была исполнена, ставил вдоль пути виселицы и беспощадно вешал туземцев десятками, когда известный заданный им участок не поспевал к сроку.

Это построенное Дандельсом шоссе существует и поныне и составляет замечательное во всех отношениях сооружение. Оно по исполнению и значению своему для недоступного в то время края напоминает подобное же, наполеоновской эпохи, сооружение в Далмации, а именно великолепную шоссейную дорогу, проложенную через всю эту провинцию от Задра до Котора и построенную маршалом Мармоном, герцогом Рагузским. Шоссе это, известное под именем *strada Marmont*, долгое время, чуть ли не до 50-х годов нынешнего столетия, составляло единственный путь сообщения между северною и южною оконечностями Далмации.

Маршал Дандельс был постоянно впереди, не жалея сил и здоровья. Но даже его железная натура не выдержала этой боевой жизни и усиленной деятельности среди убийственного климата. Чувствуя себя утомленным, он уже с 1809 г. стал хлопотать о своем увольнении от занимаемой им должности, но лишь в 1811 г. император Наполеон согласился отозвать своего батавского генерал-губернатора. По возвращении своем в Европу Дандельс последовал за Наполеоном в Россию, но

уже в самом начале кампании 1812 г. был назначен комендантом польской крепости Модлин. Он умер в 1815 г. в Голландской Гвинее, на западном берегу Африки, куда назначен был генерал-губернатором этой колонии.

После восстановления нидерландской независимости и по свержении Наполеона лондонской конвенцией 1814 г. снова возвращены были Голландии колонии, поступившие в ее владение в 1803 г. после Амьенского мира, за исключением Капской колонии и Голландской Гвинеи в Африке, которые Англия приобрела за 6 миллионов фунтов стерлингов.

Но эвакуация англичанами Явы и передача Ост-Индии голландцам были прерваны эпизодом возвращения Наполеона с острова Эльбы. Операции этой суждено было закончиться лишь после Ватерлоо. В промежуток времени между Эльбою и Ватерлоо на Яве фактически господствовали французы, которых пришлось предварительно изгнать с острова соединенными усилиями англичан и голландцев. Таким образом, лишь в 1816 г. нидерландский флаг мог быть, на сей раз окончательно, поднят над фортами в Батавии в знак поступления Явы снова под голландское владычество.

Трактатом 1824 года между Англией и Голландией, наконец, урегулированы были без изменений взаимные отношения и границы территориальных владений этих двух держав в Индо-Малайском океане.

Голландец van Deventer в *Indische Gids** и в английской брошюре, вышедшей отдельным изданием, подвергает жестокой критике политико-административную деятельность на Яве пресловутого «маршала-громовержца». Режим Дандельса, — говорит van Deventer, — основанный на терроре, на преследовании туземных владетелей и принцев, на неразумной и принудительной культуре сперва кофе, а затем и риса, продукта необходимого для существования яванцев, вызвал всеобщий ропот и неудовольствие, которые выразились в ряде периодических восстаний. Низложенные принцы и разоренная маршалом туземная земельная аристократия соперничали между собою в проявлениях нелояльности относительно голландцев (*rivalry in disloyalty*), и в 1811 г. почти все эти элементы стали на сторону англичан. Общественная безопасность исчезла, от Аньера на западе до Баньюанги на крайней восточной оконечности Явы безнаказанно рыскали шайки не то разбойников, не то инсургентов, которые грабили и убивали своих и чужих. Народ был возбужден и разорен, все ресурсы истощены, казна пуста, горсть европейцев находилась на краю гибели, со всех сторон окруженная врагами.

Мрачными красками описывает van Deventer тогдашнее положение Явы под управлением блистательного маршала Дандельса! Нарисованная им картина безотрадна и не походит на то, почти героичес-

* «Путеводитель по Индии» (*голл.*) — название журнала, в котором публиковались статьи ван Девентера.

кое представление, которое о показной стороне его деятельности составили себе современники «железного маршала»; личность эта, впрочем, и среди нынешнего поколения голландцев все еще имеет горячих защитников и приверженцев, не терпящих ни малейшего пятна на его популярности.

Вот в каком жалком виде и положении Дандельс, по уверению Де-вентера, сдал вверенную его управлению Яву своему преемнику.

Не могу не привести здесь из любопытной брошюры того же автора интересные и малоизвестные данные касательно состава и численности сухопутных войск, которыми располагали голландцы на Яве в три различные эпохи начала XIX столетия, эпохи знаменательные в колониальной истории Ост-Индии.

В 1803 г., когда возобновились военные действия против Англии, «армия компании» состояла из:

европейцев разл. национальностей	916	чел.
1/2 батальона французов	216	-»-
всего же 1,132 европейца!		
3 батальона туземной пехоты	1,380	-»-
3 роты туземных егерей	111	-»-
взвод туземной кавалерии	90	-»-
4 роты тяжелой артиллерии	734	-»-
туземной артиллерии	216	-»-
китайской артиллерии	175	-»-
Итого 3,838 чел.		

Когда в январе 1808 г. генерал-губернатор Wiese сдал управление маршалу Дандельсу, армия, включая контингенты на Молуккских островах, считала уже: европейцев 3496 чел., регулярных туземных войск 8347 чел., иррегулярных, не получавших жалованья, 6935 чел., всего же 18788 чел.

Наконец, в 1811 г. общая цифра вооруженных сил достигала 17774 чел., в числе которых было лишь 2430 европейцев на всю Индию. Но так как в последние годы при Визе и при Дандельсе Голландия лишилась в Индо-Малайском архипелаге большей части своих владений, то тогдашняя Нидерландская Индия состояла почти исключительно из одной Явы. Здесь и были распределены 17300 чел., остальные же, всего 400 человек, содержали гарнизоны в Палембанге (на о. Суматре), Макасаре (о. Целебес) и на о. Тиморе, которые еще оставались в руках голландцев.

Но все эти войска были весьма жалкие по составу, вооружению и дисциплине. Яванские солдаты с убеждением дезертировали массами, и этот ненадежный материал приходилось замещать и комплектовать сбродом с о. Борнео или рабами из Бали. Слова Дандельса в рапорте его министерству от 10-го апреля 1810 г. «ce dont nous avons un si grand

besoin ce sont de bonnes armes à feu des pierres à fasil, du drap, du fer, du cuivre»^{*} и пр. наглядно показывают то убожество ресурсов, которыми в Индии располагали в это время голландцы.

Действительно, войска на Яве и в Ост-Индии вполне подходили под резкое определение генерал-губернатора Янсена, одного из премников Дандельса, когда он доносил центральной власти в Голландию, что имеет под своим начальством «une misérable armée»^{**}. Голландцы, тем не менее, с этой плачевной армией, лишь четвертая часть которой состояла из европейцев, тоже сомнительного достоинства, совершили чудеса, сперва на Яве, а затем и на всем пространстве Индо-Малайского архипелага, на островах которого они постепенно распространялись наподобие все увеличивающегося в объеме масляного пятна.

Но если непосредственное орудие воздействия, т.е. армия, была до крайности плоха и неудовлетворительна, зато люди, поставленные во главе колониального управления, от генерал-губернатора до последнего субконтролера, были на высоте своего призвания. Они сознательно и искусно работали на поприще государственной идеи, имея в виду не одни лишь выгоды коммерции, как то практиковали дореформенные администраторы — негоцианты бывшей Ост-Индийской компании. Это были тонкие политики и государственные деятели, которые на первом плане ставили и активно преследовали уже колониальное и территориальное расширение Голландии в Инсулинде. Для достижения намеченной цели тогдашние руководители колониальной политики в Батавии пускали в ход дипломатические переговоры, заключали соглашения или контракты с туземными правителями относительно «добровольной» с их стороны уступки новых территорий, а в случае нужды или сопротивления высшая власть не задумывалась прибегать к вооруженным экзекуциям и к аннексии целых провинций. Голландское территориальное достояние на Яве такими способами и путями постоянно расширялось и округлялось.

Так, прежняя Батавская фактория с ее неглубокою полосой земли внутри острова преобразилась уже в 1620 г., с завоеванием яванского государства Джакатра, в резидентство Батавское, которое граничило к западу с Бантамским, а к востоку с Черибонским еще независимыми султанствами.

Остров Мадура, почти прилегающий и как бы отколотый от северо-восточной оконечности Явы, Сурабая и Рембанг, Семаранг с Черибоном и Пекалонган, окончательно приобретены были в 1740-45 гг.

Знаменитое в яванских летописях могущественное мусульманское государство Матарам, долгие годы сохранявшее свою независимость и

^{*} «Мы испытываем чрезвычайную нужду в вооружении, в кремнях для ружей, в сукне, железе и меди» (фр.).

^{**} Убогая армия (фр.).

обнимавшее всю центральную и восточную части Явы, было занято и покорено в силу секретного решения индийского управления в 1771 г. При Дандельсе пало независимое государство Бантам, а в 1820-30-х годах начатое в 1620 г. и продолжавшееся ровно 200 лет дело собирания и округления голландского территориального владения на Яве и утверждения голландской власти на всем пространстве Явы и во всех направлениях было окончено.

Все эти приобретения, путем более или менее вынужденных уступок (*afstand*) или в недобровольной форме поднесений и даров (*schenking*) со стороны туземных правителей, обходились не всегда миролюбиво; были, напротив, частые восстания, а последние годы «окружительной эры» — 1825-30 гг. — ознаменовались даже упорною войною с Матарамом, длившеюся с переменным счастьем целых 5 лет.

Если резюмировать в цифрах осязательные результаты голландской экспансивности, то специально для Явы окажется, что в XVII столетии голландцы приобрели 16%, в XVIII — 43,5% и в XIX — 33,5%, всего же 93% всей совокупности земель острова. Цифры же 100%, т.е. полного комплекта, голландцы не достигли и поныне, так как недостающие до 100 семь процентов выпадают на долю так называемых независимых империи Соло и султанства Джокджа, про которые нельзя сказать, что они составляют обыкновенные голландские резиденства наподобие остальных двадцати, вроде резидентств Черибон, Бантам и пр., так как государства эти или *Vorstenlanden* управляются своими туземными государями хотя бы из-под пушек голландских фортов, господствующих над *кратонами сусухунана* и султана.

Глава XIV

*Организация колониального управления в Нидерландской Ост-Индии. –
Генерал-губернатор. – Его роль, значение и полномочия. –
Генеральный секретарь и Algemeene Sekretaris. –
Различные департаменты Binnenlands Bestuur'a (внутреннего управления). –
Резиденты, ассистент-резиденты, их права и обязанности. –
Роль туземных регентов. –
Взаимоотношения управителей-голландцев и управляемых туземцев. –
Оклады содержания и пенсий.*

На неизбежные и стереотипные вопросы, которые всякий голландец и индо-голландец ставит европейскому туристу в Ост-Индии: «Как вам нравится край и что вас больше всего здесь поразило?» — бельгийский путешественник Jules Leclercq, издавший виды и побывавший в Азии, Африке, Америке и Австралии, в книге своей *Un séjour a Java** предлагает следующим образом отвечать любознательным голландцам: *ce qui me frappe le plus aux Indes c'est de vous y trouver établis et de vous y voir rester***.

Этою краткою отповедью Леклерк точно резюмирует и притом в форме самой лестной для чуткого самолюбия голландцев действительное впечатление всякого чужеземца при виде осязательных для всех и для каждого результатов голландского утверждения и голландского господства в Ост-Индии.

Культурные результаты, достигнутые голландцами, тем более значительны и замечательны, что всякого, даже поверхностного наблюдателя, не может на первых же порах его пребывания в колонии не поразить малочисленность людского материала и ограниченность культурных и материальных средств, которыми располагают в Ост-Индии голландские колонизаторы — распространители цивилизации.

Ограниченность эта бросается в глаза повсюду уже на первый взгляд. При более же внимательном вникновении в историю колониальной экспансивности Голландии, как я имел случай это изложить и выяснить выше, чувство удивления и уважения, испытываемое к заслугам голландцев, может лишь безусловно возрасти и усилиться.

В самом деле, не говоря уже об эпохе давно минувшей, когда горсть предприимчивых белых людей покорила и приобрела для нидерланд-

* *Жюль Леклерк. Препровождение на Яве (фр.).*

** «Больше всего меня поражает в Индии то, что вы там обосновались и вы там остаетесь» (фр.).

ской короны обширную заморскую колонию, мы и в настоящее время видим, как такая же малочисленная горсть голландских пионеров культуры удерживает и обеспечивает за метрополиєю достояние предков.

Более того, мы видим, как всего несколько десятков тысяч голландцев, затерянных и утопающих среди безбрежного океана в с лишком 35 миллионов жителей малайской расы, фактически здесь господствуют и распоряжаются. Белые люди притом пользуются расположением своих коричневых *administres**, не рискуя, подобно англичанам в Индии, вызвать в один прекрасный день поголовного восстания туземцев, которые никаких поводов к неудовольствию не имеют, а, напротив, привыкли к голландской опеке и умеют ценить благодеяния мягкого и справедливого голландского режима.

Основные черты организации колониального управления мало однако изменились в течение почти трехсот лет, с тех пор, как первые голландские мореплаватели и негоцианты высадились на Яве, Суматре и на Молуккских островах, т.е. не изменилась точка отправления и основные принципы управления, зато значительно улучшились самые методы администрации, которая стала разумнее, справедливее и гуманнее, чем в прежнее, дореформенное время.

И ныне еще, подобно тому, как это практиковалось при первом батавском генерал-губернаторе Куне в начале 17-го века, верховная и почти неограниченная власть сосредоточена в руках *Landvoogt*'а, генерал-губернатора, с тою лишь ощутительною разницею, что власть и махтсфера нынешнего *туан бесафа* (господин великий — официальный малайский титул генерал-губернатора) уже не ограничиваются, как при Куне, одною Батавиею с неглубоким клочком *Hinterland*'а, а распространяются на всю Нидерландскую Индию во всей ее сложной совокупности.

Институт резидентов, существующий в Индии с XVIII века, сохранен и поныне. Но, за исключением независимых *Vorstenlanden* на Яве, Соло и Джокдже, да еще некоторых более или менее автономных султанств на Суматре, Борнео, Целебесе, Бали и пр., где резиденты и в то же время префекты часто с титулом губернаторов сохраняют еще свой дипломатический характер представителей при местных правителях, все остальные резиденты на Яве и в *Buitenbezittingen* (внеяванских владениях), превратились в администраторов и областных управителей, которые стоят во главе управления различных провинций или резидентств. На Яве таковых насчитывается 22. При резидентах состоят помощниками туземные ассистенты с титулом регентов. Сии последние обыкновенно происходят из знатных яванских фамилий, а иногда из принцев бывших владетельных домов, которые были медиатизированы в первой четверти XIX ст., когда голландцы, присоединив их территории, окончили дело округления и собирания своих яванских владений.

* Подчиненные (*фр.*).

Регенты, с титулами *пангеран*, *раден адипати*, *пати** и пр., смотря по значению и протяжению резидентства, в котором они облечены властью, получают весьма крупные содержания, доходящие для некоторых привилегированных личностей до 3000 гульденов в месяц. Этим путем голландцы утешают и вознаграждают своих яванских сотрудников за отобранную у них власть и бывшее высокое общественное положение. Среди регентов есть лица из древних родов, которые издавна играли в крае значительную политическую роль. Весьма часто звание это преемственно и переходит от отца к сыну; голландское управление обыкновенно утверждает в этой должности регентов, которых избирают народ и сельские общины.

Резиденты имеют юрисдикцию надо всеми без исключения жителями, белыми и цветными, своей провинции, число же это, в большинстве случаев, на Яве в особенности, которая чрезвычайно густо населена, превышает для одного резидентства цифру 2 и 3 миллиона жителей и нигде не спускается ниже миллиона.

Сунданские и яванские помощники резидентов — регенты — ведают специально судебные и религиозные, но не административные дела туземного населения. Они разбирают тяжбы, претензии и процессы, возникающие между туземцами, когда в таковые не замешаны европейцы. В последнем же случае такого рода дела подлежат ведению ландратов, состоящих из председателя и членов — голландцев.

Регенты, получая хорошее содержание, живут богато, даже роскошно в своих поместительных домах, окруженные многочисленную прислугою и дворнею. Весь этот большею частью праздный народ содержится на счет регента и стоит недешево. Некоторые регенты держат для своей забавы национальные *гамеланги* (оркестры), труппы танцоров, танцовщиц и актеров, как, например, регенты в Гаруте и Бандунге, в резидентстве Преангере.

Все эти высшие представители яванской власти люди по-своему, по-явански, благовоспитанные и отличаются изысканным изяществом манер и учтивостью, исполненные натуральной, присущей яванцам грации. Многие регенты, даже из тех, что рангом ниже, каковы *пати*, отлично говорят по-голландски вместе с женами своими и дают своим сыновьям и дочерям европейское образование. Сами же эти чиновники голландского колониального управления сохраняют национальный узорчатый *саронг* до щиколотки с сандалиями на босу ногу, головной платок (*kain kapala*) с форменною синею курткой при металлических пуговицах и поверх платка уродливый черный поярковый головной убор с отверстием наверху для платка и с огромным козырьком. Убор этот напоминает не то жокейскую шапочку, не то абажур, каковые носят люди с утомленным зрением.

* Яванские аристократические титулы.

Туземные сановники и служащие нисколько перед европейцами не заискивают и не унижаются, вполне сознавая и сохраняя в отношении своего голландского начальства собственное самосознание и достоинство. Они прекрасно знают, что служебный регламент предписывает резидентам относиться к своим туземным помощникам, как к «младшим братьям».

Это еще старинное требование регламента, сформулированное буквально в этих выражениях, не есть пустая и утратившая смысл формальность, перенесенная в современную жизнь из доброго старого времени. Правило это удерживается в прежней силе и поныне, оно добросовестно применяется на практике резидентами. Благодаря столь мудрому и политичному образу действий резиденты живут со своими туземными ассистентами в ладах, между ними существуют наилучшие отношения, полная гармония и единение.

Это благодушное, почти идиллическое настроение, проистекающее из взаимного доверия и уважения, передается также и управляемому резидентами и регентами простому народу.

Туземцы польщены тем доверием, которое оказывают им их белые господа и повелители в лице туземных управителей, избираемых из среды лучших фамилий в крае. Лично управители эти пользуются тем же почетом и тем же уважением, какими окружены сами резиденты-голландцы. Регенты, кроме того, питают иллюзию, что и они, «младшие братья», принимают активное участие в делах управления, имея свой голос и свой им голландцами предоставленный авторитет. Авторитет и власть яванских «младших братьев» резидента в действительности фиктивны, ибо в сущности почетный золотой *payong* (зонтик) и лейб-гвардия из *праджуритов* (почетная охрана) господ регентов не составляют еще атрибутов реальной власти. Сия последняя, строго говоря, сосредоточена всецело в руках хозяина провинции, голландского резидента. Но туземцы довольны и счастливы уже и этими внешними проявлениями кажущейся автономии; это взрослые дети, они благодушны и безобидны и при умении с ними обращаться туземцы послушны и мягки, как воск в руках тех, которые ими распоряжаются. Голландцам же должно в этом отношении отдать вполне ими заслуженную справедливость. Они с туземцами ведут себя умело и с тактом, без излишнего искания популярности, но и без попустительства. Где следует взыскать, голландцы неукоснительно принимают соответствующие меры, милуют или карают, но отнюдь никогда и никого не притесняют и не преследуют. Что еще хуже и всего раздражительнее действует на нервы и без того болезненно чутких яванцев, это мелочная придирчивость и «пиление», которых яванский характер положительно не выносит и за которые яванец рано или поздно расплачивается ядом или ударом *криса*. Всего этого рассудительный и холодный по темпераменту голландец тщательно избегает, а потому голландцы на Яве популярны и любимы среди яванского населения. Туземец, когда он провинил-

ся, и вы ему спокойно, не горячась, его вину выясните и докажете, признает свою ошибку и даже покорно выносит наложенное на него взыскание. Голландцы так именно и поступают. Туземец отлично ценит и понимает, что *orang-wlanda* (голландец) уважает в нем его человеческое достоинство. Голландцы вследствие сего разумного отношения к людям, с которыми приходят в соприкосновение, подобно нам, русским, легко и без видимого по крайней мере усилия, содержат в повиновении миллионы своих азиатских подданных. Есть, однако, разница в нашу пользу: более нас неповоротливые и грузные голландцы, быть может, не столь удачно и быстро, как то делают русские, ассимилируют себе эти азиатские души и натуры. Как бы то ни было, результат получается прекрасный.

Мне неоднократно случалось наблюдать во время своих поездок по внутренней Яве взаимные отношения голландских опекунов к их туземным опекаемым и меня всегда приятно поражала та простота, доверие и уважение к личности всех и каждого, которые установились между сунданцами и яванцами с одной стороны, и их белыми господами — с другой.

Эти отличные отношения составляют самый драгоценный залог в том, что голландская власть основалась здесь на прочном фундаменте и что голландскому господству не угрожает никакая опасность внутреннего потрясения или подкапывания под правительственный авторитет со стороны населения, не имеющего никаких поводов к их неудовольствию.

Голландцы предусмотрительно избегнули в своих владениях двух крупных политических ошибок: парламентаризма, автономных учреждений и политического представительства в голландских палатах остиндские подданные Ее Нидерландского Величества не знали никогда, как не знают и ныне. Тем не менее, или, быть может, именно потому, что игру в сомнительный либерализм голландцы сумели устранить из опасения, как бы о сей подводный камень не разбился или по меньшей мере не повредился их заморский государственный корабль, дела колонии идут как нельзя лучше. Все здесь функционирует исправнее, несомненно, чем, например, в Австралии с ее раздроблением на федерации и с антагонизмом между собою парламентам и крупнейших в крае городов. На французской Мартинике и на бывшем французском острове Морис негры равноправны с белыми, работать не хотят и заниматься чем-либо путным не согласны, так как какой бы то ни было труд несовместим с их достоинством гражданина-избирателя.

В Нидерландской Ост-Индии граждан и избирателей пока нет, и слава Богу, а существуют лишь подданные голландской короны, которая и заботится от себя, своею властью и в собственном же интересе о судьбе и благосостоянии колонии и ее жителей.

Другой подводный камень, который голландцы благоразумно усмотрели в своем колониальном фарватере и который они вследствие се-

го благополучно устранили, — это формирование и содержание в Нидерландской Индии туземных армий, которые, подобно вооруженным контингентам индийских раджей и государей Британской Индии, должны в военное время дополнять и служить союзниками европейским оккупационным войскам. Туземной вспомогательной армии с сомнительным духом и гадательными боевыми достоинствами в Нидерландской Индии не существует как самостоятельной единицы. Туземцы включены в состав смешанной индо-европейской колониальной армии, об организации, достоинстве, численности и пр. которой сказано будет отдельно на своем месте. В настоящем очерке займусь специально собственно вопросами об организации и о функционировании колониального управления.

Король Нидерландский, принц Оранский-Нассау и великий герцог Люксембургский состоит, по статьям 59 и 60 голландской конституции, суверенным государем Ост-Индской колонии. Для управления оною король, ныне королева, назначает в Батавию, сроком на 5 лет, высшего гражданского сановника, генерал-губернатора с титулом *Excellentie* — высокопревосходительства. Титулом этим ландфоогт пользуется лишь временно, пока он стоит во главе управления колоний, *туан бесар* имеет огромный авторитет и все внешние атрибуты личного представителя верховной королевской власти и особы Ее Величества.

Министру колоний поручен высший контроль над колониальными делами, но генерал-губернатор с ним лишь совещается, подчинен же он и зависит непосредственно от короля или королевы.

При генерал-губернаторе есть совещательное учреждение, именуемое *Raad van Indie**, которого ландфоогт состоит президентом. Совет этот имеет своего специального вице-президента и 4 членов.

Генерал-губернатор от этого совета независим в своих решениях; в том случае, когда его мнение расходится с мнением его сотрудников, его высокопревосходительство имеет решающий голос и право действовать на свой страх и ответственность, даже вопреки и наперекор постановлениям совета Индии.

При особе генерал-губернатора постоянно дежурят во дворцах в Батавии и в Бейтензорге четыре адъютанта, из коих один заведует дворцовым управлением с титулом *Paleis Intendant***.

Внутреннее управление (*Binnenlandsbestuur*) находится в руках *Algemeene Secretarie**** в Бейтензорге с генеральным секретарем во главе и с многочисленным штатом служащих. Это учреждение можно назвать кабинетом его высокопревосходительства. Здесь сосредоточены все дела по управлению Явы и внеяванских владений. Генеральному

* Совет (Нидерландской) Индии (голл.).

** Управляющий хозяйством дворца (голл.).

*** Генеральный секретариат (голл.).

секретарю подчинены директор департамента внутренних дел и все остальные директора — финансов, юстиции, культов и пр., а также, разумеется, резиденты, губернаторы в Атчине, на Целебесе и весь вообще административный персонал. Кабинет генерал-губернатора ведает также политические дела и дипломатические сношения колониального управления с туземными султанами, раджами и принцами, данниками нидерландской короны. Генерал-губернатору предоставлена власть по собственной инициативе и без испрошения в Гааге предварительного на то разрешения объявлять, например, войну этим нидерландским вассалам, смещать их, когда он ими недоволен, высылать против них карательные экспедиции, заключать с ними договоры (*Contracten*), назначать им содержание и субсидии и прекращать выдачу таковых, в случае их ненадежности или строптивости.

Но широкие полномочия ландфюогта не простираются далее пределов собственно Нидерландской Индии. Дипломатические сношения с внешним европейским и азиатским миром, например, с Сиамом, Японией, Китаем (за исключением соседнего Малаккского полуострова) ведает голландское правительство в Гааге. С Сингапуром же или, вернее, с губернатором английских *Straits Settlements**, где Голландия и Нидерландская Индия имеют важные и разнообразные интересы коммерческого и политического свойства, генерал-губернатор сносится лично. Вот почему в Батавии не имеется штатного великобританского представителя. Отсутствие английского консула для Нидерландской Индии, сопредельной с английскими владениями, тем не менее, поразительно, так как англичане содержат повсюду во всей вселенной своих консулов и агентов, ибо, как известно, шагу сделать нельзя, чтобы как-нибудь невзначай не наступить на какой-либо вездесущий великобританский интерес.

Служить и числиться по кабинету генерал-губернатора считается особым шиком и привилегиею. Все туда стремятся, так как должности в *Algemeene Secretarie* видные, хорошо оплачиваемые, и каждый сколько-нибудь способный юноша всегда может рассчитывать сделать быструю и выгодную карьеру. В это привилегированное учреждение молодых людей из Голландии привлекают еще расчет и надежда, что они после 2-3 лет испытания их способностей зачислены будут в департамент собственно яванского управления, которое совершенно отделено от администрации так называемых внеяванских владений (*Buitenbezittingen*). Служебные посты и оклады лучше, а условия жизни вообще на комфортабельной и благоустроенной Яве несравненно легче и приятнее, чем существование где-либо на Суматре или на диком Борнео, где ресурсов нет никаких. Туда — на Борнео, Целебес, Молуккские острова и пр. попадают люди менее способные, тогда как на Яве остаются и делают карьеру избранники.

* Британские владения на п-ове Малакка.

Штат *Algemeene Secretarie* постоянно возобновляется. В ноябре и декабре ежегодно прибывают из Голландии молодые люди, окончившие курс в университете и специальный индийско-колониальный подготовительный курс в Дельфте. Они поступают в кабинет генерал-губернатора с окладом в 150 гульденов в месяц. Голландское правительство вообще щедро на субсидии и оклады тем из своих чиновников и военных, которые отправляются на службу в Нидерландскую Индию. Это понятно и вполне естественно: правительству хорошо известны тяжкие для европейца условия существования и климата в тропиках. Жизнь там вообще значительно дороже, чем даже в известной своею дороговизною Голландии, не представляя притом того же комфорта и тех ресурсов, которые ныне встречаются даже в незначительных центрах и городах Европы. Не следует упускать из виду, что в гнилых голландских тропиках европеец акклиматизируется чрезвычайно туго и что процесс этот отнимает много времени и еще больше денег, так как доктора и в особенности аптеки в Индии непомерно дороги, потребность же в тех и других сказывается чуть ли не ежедневно. Следовательно, за все те преимущества, которых голландцы, уезжая, лишаются у себя дома, им на новой их родине необходимо дать компенсации. Таковые и выражаются прежде всего и более всего ощутительным образом в крупных содержаниях, выдаваемых индийским служащим.

Молодому человеку, окончившему курс в Дельфте, путевые расходы в Индию и обратно уплачиваются от казны, которая, кроме того, выдает им еще на руки от 600 до 1000 гульденов на обзаведение. Принятый на службу в Индию чиновник обязуется, однако, возратить казне эти путевые расходы и субсидию, если он по какой-либо причине и не по болезни вынужден возвратиться в Голландию раньше 5 лет. По прошествии же 5 лет пребывания в Индии полученные авансы более уже не взыскиваются.

Служащие в Индии могут воспользоваться первым отпуском в Европу не ранее 10 лет после своего приезда в Инсулинду. Отпуск дается годовой, с возвращением в Индию на казенный счет и с сохранением в Европе большей части содержания. Исключение составляют, конечно, тяжкая болезнь или засвидетельствованная докторами неспособность для служащего акклиматизироваться в тропиках. В таких случаях остается одно: взять отпуск на два года и после этого долгого отсутствия вернуться, дабы снова попытать счастья или же вовсе отказаться от служебной карьеры и жизни в Индии. И то и другое случается часто и притом не для одних лишь европейцев, недавно прибывших из Европы и начинающих службу в тропической Голландии.

Но сюжет этот, как вообще все, что относится к климату и образу жизни в Индии, настолько вообще интересно для всякого европейца, что прошу дозволения сделать маленькое отступление и несколько распространиться на эту тему, тем более, что европейская публика, и

русская в особенности, имеет о местных условиях в Нидерландской Индии недостаточное и смутное представление.

Что бы ни говорили голландцы, как бы они ни расхваливали обстановку, условия существования и даже климат своей несравненной Явы, как бы долго они ни провели в этом земном раю, где яблоков не полагается, но зато имеются в изобилии змеи, не подлежит сомнению, что сами голландцы, даже долголетние резиденты на Яве порою бывають вынуждены спасаться из своего яванского эдема постыдным и часто поспешным бегством. Можно сплошь да рядом слышать на Яве, как мингер ван А. или ван Б., прибывшие сюда лет 30-35 тому назад, еще на парусном судне и кружным путем вокруг мыса Доброй Надежды, готовятся к выезду в Европу со следующим отходящим туда пароходом. Казалось бы, что эти господа, съездившие с тех пор в Европу всего один раз, а то и вовсе там в течение 30 лет не побывавшие, имели вполне время и возможность акклиматизироваться и превратиться в закоренелых индо-голландцев, которых не берет ни малярия, ни иная хворь. Между тем, в действительности им этого достичь не удалось. Вполне освоиться и акклиматизироваться в тропиках не дано, по-видимому, европейцу. В самый неожиданный и часто неудобный для него момент в нем внезапно сказывается и прорывается наружу его европейское происхождение. Тогда ему на самом себе приходится проверить справедливость известного немецкого изречения: *man wandelt nicht ungestraft unter Palmen**. Оказывается в один для пациента очень печальный день, что долголетнее общее недомогание, которое он считал за переутомление всего организма вследствие жары и усиленной работы, есть довольно уже определенно выражающаяся атрофия кишечного и пищеварительного каналов, начинающиеся воспаления или нарывы печени или еще так называемая *indische spreuw* (*aphta indica*), т.е. сыпь и изъязвление в гортани, дыхательном и пищеварительном каналах. Точка отправления всех этих болезней всегда и неизменно та же, а именно: малярия, ослабляющая организм. От того, другого и третьего в Ост-Индии спасения нет и следует без потери времени возвращаться в Европу, в более свежий и здоровый климат.

Тем не менее, несмотря на все перечисленные естественные препятствия и напасти, требуемый голландским регламентом 20-летний срок службы в Индии для выслуги полной пенсии достигается большей частью служащих сравнительно легко, хотя и не без перерывов в пребывании в Индии вследствие болезни. Зато 20 индийских лет засчитываются за 40 лет службы в Европе, и пенсия составляет обыкновенно одну треть получаемого чиновником последнего оклада содержания. Достигается эта пенсия легко еще и потому, что служащие прибывают в Индию юношами, они лет 19-20-ти уже поступают на службу и, следовательно, еще молодыми, лет 40-45-ти заканчивают свое ин-

* Никому не дано безнаказанно гулять под пальмами (нем.).

дийское служебное поприще, после чего могут искать новой должности и службы у себя в Голландии. Очень многие отставные, прожившие лет 20-25 в Индии, поженившись там и приживши детей, так и остаются навеки кончать свои дни где-либо в Бейтензоре, Сукабуми или Гаруте. Такие лица давно уже порвали всякую связь с Европой, которой не видали с четверть столетия. Детей своих, особенно сыновей, они, правда, лет 10-12-ти отправили в Голландию довершать свое образование, так как этого нельзя пока сделать на Яве. Но сыновья эти, увидевшие свет в Инсулинде, где проживают и их родители, 19-20-ти лет возвращаются в Индию и поступают в ряды *ambtenar*'ов (чиновников) или же являются в качестве инженеров и техников или, наконец, делаются плантаторами. На пенсии же свои, как бы они значительны ни были, бывшие индо-голландские *ambtenar*'ы в Голландии, где все очень дорого, проживать прилично не в состоянии. Возьмем хотя бы резидента I класса. В Батавии, например, он имеет прекрасный и обширный дом от казны, 18 тысяч гульденов содержания и трех тысяч гульденов на представительство. В отставке такой резидент имеет всего 6 тысяч гульденов в год. Положим, что эти 6 тысяч гульденов пенсии превышают оклады содержания в Голландии многих, даже высокопоставленных чиновников, состоящих на действительной службе. Тем не менее, бывшему индийскому резиденту в Гааге или в не менее дорогих Амстердаме и Роттердаме этих шести тысяч еле хватает на едва приличное существование с семейством, ибо индо-голландский чиновник, подобный резиденту, живет в Индии широко, тратится, не считая денег, имеет всего в изобилии и после столь размашистого образа жизни в тропиках новое голландское его существование на родине кажется ему оскудением и жалким прозябанием.

Нынешний ост-индский генерал-губернатор* юнкхее ван дер Вейк назначен был на свой высокий пост в 1893 году. Срок его полномочий и пребывания в Индии истекал в октябре 1898 г. Но в уважение к его выдающимся способностям, как администратора, и ввиду его чрезвычайно полезной и плодотворной деятельности, королева-регентша предложила ван дер Вейку остаться лишний год в Индии. Молодая королева Вильгельмина, которая по достижении 31 августа 1898 года своего совершеннолетия должна была вступить на престол, тоже выразила, со своей стороны, желание не расставаться на первое время своего правления со столь опытным и компетентным ландфюогтом.

С таким лестным и вполне заслуженным королевским решением можно лишь искренно поздравить Нидерландскую Индию. Колония эта давно уже во главе своего управления не имела столь способного, интеллигентного и энергичного администратора. Отличие, которого удостоился ван дер Вейк, довольно редкое и потому составляет более ценное доказательство монаршего благоволения и доверия: за немно-

* Писано в 1898 году. (Прим. М.М. Бакунина).

гочисленными исключениями полномочия ост-индских генерал-губернаторов не возобновлялись по истечении пятилетнего законного срока их управления.

Ко дню коронации молодой королевы, 31 августа 1898 года, ван дер Вейк получил еще высший нидерландский орден, звезду Нидерландского Льва с привилегией пожизненно пользоваться титулом *Excellentie**.

На трудный и ответственный пост генерал-губернатора обыкновенно назначаются люди, долгие годы прослужившие в Индии, а потому прекрасно знакомые с делами и интересами колонии.

К. ван дер Вейк поступил на службу и всю карьеру свою сделал на о. Яве. Он в течение 30 лет прошел через все служебные степени, начал с мелкого *commies*** в генеральном секретариате, был контролером, резидентом, генеральным секретарем и, наконец, вице-президентом совета Индии. Благодаря своему долгому пребыванию в крае и основательному знакомству с языком, обычаями и нуждами населения, г. ван дер Вейк приобрел драгоценную опытность в делах и вопросах колониальных. Работает он много и во все лично входит и всем интересуется. Вообще, это личность чрезвычайно симпатичная. Ван дер Вейк человек еще не старый, высокий, статный мужчина, с открытым и красивым лицом, имеет внушительную и представительную наружность. Он весьма любезен и прост в обхождении, когда узнаешь его поближе, сквозь и через китайскую стену сложного и щепетильного этикета, воздвигнутого вокруг *Leur Excellences**** их приближенными, которые скуки ради в Бейтензоре особенно усердно, но не всегда разумно и удачно забавляются невинною игрою в «*petite cour*»****.

Практические познания, соединенные с недюжинным умом, тактом и энергиею, выдвинули и поставили ван дер Вейка на первое и видное место среди современных голландских государственных деятелей. Его, несомненно, еще ожидает в Голландии блистательная будущность, но заменить ван дер Вейка в Батавии будет, по истечении в 1899 году его полномочий, задачею далеко не легкою.

Генерал-губернатор, при назначении своем, получает 60 тысяч гульденов подъемных и на обзаведение и 130 тысяч гульденов жалованья в год.

Генерал-губернатору, как представителю в Индии особы Ее Величества, даны и соответствующие его рангу полномочия, почти неограниченные, включая сюда и суверенную привилегию казнить или жаловать преступников по своему усмотрению. Генерал-губернатор имеет право высылать из Индии или не допускать в пределы колонии лиц не-

* Его превосходительство (*галл.*).

** Мелкий служащий (*фр.*).

*** Их превосходительств (*фр.*).

**** Малый двор (*фр.*).

благонадежных, опасных или не имеющих средств к существованию и без профессии. При прибытии своем каждый иностранец обязательно предъявляет свой национальный паспорт в канцелярию резидента и испрашивает дозволения генерал-губернатора «пребывать и путешествовать по краю», на что получает особый вид. Благодаря этому поставлению, которое наблюдается строго и без послаблений, Нидерландская Индия ограждена от наплыва искателей приключений и темных личностей, которые живут игрою собственного находчивого ума и воображения. Господ сколько-нибудь сомнительных или лишенных средств к существованию беспощадно высылают за пределы колонии. Вследствие чего здесь европейского пролетариата не существует и белый элемент поставлен очень высоко. Белый иноземец, кто бы он ни был, всегда в Голландской Индии принадлежит к господствующему классу и во всей Инсулинде ни за какие деньги нельзя найти белой, т.е. европейской прислуги. Белый человек, по понятиям голландцев, которые передалась также туземцам, может и должен быть исключительно *туаном*, т.е. господином, прислуживать же ему нанимаются малайцы, яванцы и китайцы.

Вся индо-голландская печать, свободная и без предварительной цензуры, подчинена, однако, генерал-губернатору и находится от него в тесной зависимости. В силу простого декрета (*Ordonnantie*), ландфогт может прекратить вовсе то или иное издание, закрыть типографию, преследовать судом и посадить в тюрьму провинившегося редактора и издателя.

Начальник края окружен внешнею помпой и почетом, имеет свой штат гражданских и военных чиновников, многочисленные экипажи и прислугу, два дворца в Бейтензорге и в Батавии, дачу в Чибода, горной местности близ Синданглаи, где на высоте три тысячи футов находится культурный рассадник, аппехе* знаменитого Бейтензоргского ботанического сада.

Этикет в Бейтензорге и Батавии введен придворный и соблюдается строго, без отступлений и изъятий. Начальник края дает два раза в месяц *гесертје* (прием) во дворце и специальные аудиенции, которые испрашиваются письменно через дворцового интенданта. Сам генерал-губернатор выезжает лишь в парадной карете, цугом с форейторами, конною охраною и с почетным золотым *пайонгом* (зонтиком). Гуляет он пешком исключительно в пределах своего парка и в ботаническом саду в Бейтензорге. Показываться же публично пешком ему не полагается этикетом, это не соответствовало бы высокому положению и рангу *туан бесафа* в глазах туземцев, на впечатлительность которых и рассчитаны прежде всего все эти строгости церемониала, парадные выезды и прочие церемонии, несколько отжившие свой век и потому импонирующие европейцам-неголландцам, несравненно менее, чем

* Филиал (*фр.*).

добродушным и наивным туземцам, падким на всякого рода зрелища и внешние проявления величия.

Генерал-губернатор никому не обязан лично делать и отдавать визитов, не исключая и посещающих его принцев королевской крови. За обедом ему всегда подают первому, кто бы на таком, даже парадном и официальном обеде ни присутствовал.

Привилегиею, освобождающею начальника края от визитов, особенно дорожат в Бейтензорге. Этим правом, освященным и установленным регламентом, никогда и ни в чью пользу не поступаются, как бы таковое обыкновение ни шокировало разных знатных иностранцев и иноземцев, которые неотдачу визитов считают невниманием к себе, оскорбительным для их достоинства. По этому поводу возникало уже немало недоразумений, дело доходило даже до столкновений между униженными и оскорбленными, с одной стороны, и гофмаршальскою дворцовою канцеляриею — с другой, в которую, по настоянию обиженных, вынуждены были с почтительными запросами обращаться их консулы в Батавии. Но все было тщетно. В Бейтензорге упорно отстаивали привилегию генерал-губернатора, как непосредственного представителя королевской особы, не делать и не отдавать визитов, а в Гааге голландское правительство не пожелало или не сочло возможным бросить* Бейтензорга и предписать изменение в устаревшем этикете, более отвечающее требованиям современного кодекса международной учтивости. Так все и осталось по-старому — *c'est á prendre ou á laisser***.

Генерал-губернатор облечен законодательной властью. Он может на месте декретировать новые законы и мероприятия и даже временно приостановить действие некоторых законов, уже действующих и одобренных палатами представителей. Все законы и положения, а также права и атрибуты генерал-губернаторской власти изложены в так называемом *Regeerings reglement**** и в официальном *Java Courant*. Начальник края обязан строго их соблюдать и применять в обыкновенное мирное время.

В случае же политических осложнений, как-то восстания в крае и войны, угрожающей безопасности колонии, генерал-губернатор может объявить часть и даже всю Индию на военном положении, смещать без суда провинившихся служащих и пр. с оповещением о своих распоряжениях королевской власти и Генеральных штатов, которые впоследствии такие мероприятия скрепляют своею окончательною санкциею.

Общие распоряжения ландфоогта, имеющие обязательную силу, именуются *Ordonnantie* и печатаются в правительственном органе *Javaasche Courant*.

* От *фр. brusquer* — обходиться грубо или резко.

** Здесь: волей-неволей (*фр.*).

*** Правительственное установление (*голл.*).

Начальник края, кроме предоставленных ему широких, почти самодержавных прав, имеет еще многочисленные и сложные обязанности. Ему прямо предписано «заботиться об ограждении туземного населения от произвола и притеснений, с какой бы стороны таковые ни исходили». Вследствие сего туземцы, имеющие надобность по своему делу обратиться лично к *туан бесару*, могут на аудиенции изложить ему свои нужды, жалобы и претензии. Общее благосостояние туземного населения, правильное взимание налогов, надзор за правительственными культурами, урегулирование так называемых *Heerediensten* (барщины) со стороны туземцев и аграрных отношений между ними и голландскими собственниками, высший контроль над действиями резидентов, регентов и пр., надзор за правительственными учреждениями, каковы школы, банки и пр., вот в главных чертах что должно составлять, а при голландской добросовестности действительно и составляет предмет забот и попечений генерал-губернатора. Начальник края все это лично разбирает и ведает, он своею властью всему государственному механизму в Нидерландской Индии дает надлежащее движение и направление.

Генерал-губернатору, со своей стороны, деятельно и разумно содействуют выразители в крае центральной бейтензоргской власти — резиденты и губернаторы провинций. Эти администраторы, в свою очередь, имеют в своих округах определенный круг действий и широкие полномочия. В руках хозяина губернии сосредоточена власть политическая, финансовая и полицейская. Властью своею они никогда не злоупотребляют, так что туземному населению живется легко и привольно под просвещенным и гуманным голландским управлением.

Замечательна и достойна удивления та неусыпная заботливость, которую колониальное управление принципиально и систематически проявляет к нуждам вверенного его попечению туземного населения.

Я уже выше имел случай заметить, что не только в силу предписания официального регламента, но и в действительности яванский регламент считает «младшим братом» голландского резидента. Не менее этой особенности любопытны и характерны также инструкции, которыми снабжаются, например, контролеры в провинциях, состоя помощниками резидентов и ассистент-резидентов; контролеры, по кругу своих обязанностей, входят в более непосредственное, близкое и частное соприкосновение с туземцами. Вследствие сего контролеры должны быть людьми интеллигентными, обладающими тактом и чувством меры, так как от поведения такого контролера, от большей или меньшей степени дружественных его отношений и от той или иной популярности, которою он пользуется среди туземцев, часто зависит тишина и спокойствие в округе, а также самая лояльность населения.

Ввиду сего служебный регламент положительно и строжайше предписывает контролерам «поддерживать с представителями туземной власти — регентами — наилучшие отношения». Контролеры должны

быть для регентов интеллигентными, справедливыми и снисходительными руководителями. Они тщательно должны избегать в своих сношениях с регентами высокомерного тона и тем паче действий, которые могли бы оскорбить некоторые веками установленные обычаи и понятия народа. Контролеры отнюдь не должны ронять значения и престижа регента в глазах его соотечественников и подчиненных, даже в тех случаях, когда они имеют повод быть недовольными поведением регента. Если же приходится сделать замечание, контролер «должен поговорить с регентом в дружественном, любовном и мягком тоне (sic*) и затем довести о случившемся до сведения резидента».

Я привел целиком этот любопытный текст инструкции контролерам, так как педагогически образовательный смысл этого руководства вместе своеобразен и симпатичен. Инструкции эти притом же не остаются мертвою буквою, они прекрасно и наглядно резюмируют собою дух и направление колониальной администрации, выясняя в то же время, почему голландское управление в Индии, руководствуясь и применяя на деле столь разумные и политичные правила, могло достичь столь блистательных результатов.

Совершенно прав компетентный в делах колониальных и наблюдательный француз Chaillé Bert, когда он замечает: «Одолев сперва трудную задачу изучения яванской души во всех ее сокровенных тайниках, ознакомившись со сложною психологиєю туземца, голландцы *se sont un beau jour surpris a aimer de coeur leurs administres indiens*»**.

Да не подумает читатель, что я увлекаюсь, и что я слишком густо накладываю одни лишь светлые краски на изображенную мною идиллическую картину благодетелей голландского управления. Нет, теневые стороны и недостатки существуют, разумеется, и здесь, как повсюду. Тот же внимательный наблюдатель, Шалье Бер, посетивший Яву, изучивший ее учреждения и написавший о Нидерландской Индии лучшую, по моему убеждению, книгу, существующую на французском языке, — *Java et ses Habitants****, указывает на «те трещины, которые обнаруживаются в стройном на первый взгляд колониальном здании, возведенном в Ост-Индии голландцами».

Я имел в виду констатировать и подчеркнуть лишь тот утешительный факт, что светлые стороны голландского управления безусловно затмевают и превышают своею численностью те недочеты и недостатки, которые несомненно существуют в колониальной администрации. Этот факт стоит вне всякого сомнения. Можно без преувеличенной похвалы голландцам утверждать, что им в Ост-Индии удалось осуществить на практике тот идеал политического совершенства вместе с материаль-

* Так в тексте (*лат.*).

** «... в один прекрасный день обнаружили, что завоевали сердца индийцев, которыми они управляют» (*фр.*).

*** Ява и ее население (*фр.*).

ным и нравственным благоустройством, достижение которого должно составлять первую и главнейшую заботу всякого просвещенного европейского правительства, вносящего культурность и цивилизацию в отдаленные и варварские страны азиатского и африканского мира.

Голландцы реализовали на почве практической эти идеалы культуры и в этом состоит огромная и неоценимая услуга, оказанная ими всему человечеству.

В Бейтензорге вокруг особы генерал-губернатора сосредоточены высшие административные власти колонии. В Батавии же резидируют все остальные чины военного и гражданского управления. Там же имеет пребывание и счетная или контрольная палата (*Algemeene Rekenkamer*), которая составляет независимое учреждение, так как поставлена выше колониального управления и контролирует действия ононого. Ввиду сего президент и члены счетной палаты назначаются непосредственно королевской властью.

Счетная палата вместе с директорами разных департаментов участвует в ежегодном составлении государственной росписи, для чего в палату поступают все отчеты, счета, сметы и пр. по внутреннему управлению.

Колониальное правительство ежегодно публикует следующие издания: *Regeerings Almanak voor Nederlandsch Indië** и *Koloniaal Verslaag* (отчет), а также статистические и цифровые данные по навигации, ввозной и вывозной торговле и пр. (*Statistiek voor Handel en Scheepvaart*)**.

В колониальном отчете, который обыкновенно состоит из 3-4 объемистых книг, каждый год публикуются данные о торговле, промышленности и культурах, о горном и минном деле, о пароходстве, железных дорогах, почтах и телеграфе, статистические таблицы о населении всех составных частей Инсулинды, сведения о промышленных, банковых и иных предприятиях, наконец, данные и цифры касательно армии и флота, госпиталей, школ и пр.

Изучение прекрасно и документально составленного *Koloniaal Verslaag'a* дает полное и точное представление о многосторонней деятельности правительства, а также о положении и ресурсах Индии с точки зрения экономической, политической и культурной.

Извлекая из этой публикации некоторые любопытные цифры и данные.

Интересно прежде всего на Яве и на почти соприкасающемся к ней острове Мадуре распределение населения европейского, азиатского и американского происхождения. Из общего числа европейцев, поселенных на Яве с Мадурою, которое не превышает 11,322 души всего-на-всего (на 25 миллионов туземцев, яванцев, сунданцев и мадурцев!), на

* Правительственный сборник для Нидерландской Индии (голл.).

** Статистические данные о торговле и морских перевозках (голл.).

долю собственно голландцев приходится 9,560 душ. Остальные белые жители — англичане (262), бельгийцы (258), французы (245), немцы (735), швейцарцы (109), затем шведы, датчане, португальцы и даже 14 человек более или менее сомнительных русских, т.е. поляков и выходцев из балтийских губерний.

Лиц азиатского происхождения насчитывалось 39,943 человек, из коих подавляющее большинство в 39,788 человек составляли индо-голландские метисы. Американцев числилось всего 47 человек.

Во всех внеяванских владениях, т.е. на островах Инсулинды, состояло европейцев всего лишь 2,500 человек, а именно 1,718 голландцев и 782 других европейца. Метисов считалось 9,211 и американцев 27 человек. Все эти вышеприведенные цифры относятся к 1 января 1896 года.

Чиновников и прочих лиц, состоящих на правительственной службе и получающих казенное содержание, было на Яве с Мадурою 5,060 чел., а во внеяванских владениях 1,400 человек, всего же 6,460 человек, отставных, получающих пенсию из индийской казны, 3,446 человек.

Плантаторов, земельных собственников с их персоналом, контролеров, администраторов и пр. было всего 4,352 человек. Негоциантов, ремесленников, банкиров, докторов, нотариусов, адвокатов и пр. считалось 1,985 человек. Во все эти цифры не включена численность европейцев, служащих в армии и флоте.

К 1 января 1896 г. насчитывалось туземных христиан на Яве и Мадуре всего 19,193 человек, т.е. капля в океане 25 миллионов мусульман, а во внеяванских владениях туземцев-христиан было 290,065 человек.

Здесь кстати будет, в заключение моего очерка о колониальной администрации, упомянуть о размере окладов и пенсий, получаемых в Ост-Индии голландскими чиновниками гражданского и военного ведомств.

Оклады эти вообще крупные, размеры их поражают своею цифрою лиц, служащих в нашей старой Европе, где иной раз и в иных государствах министр или другой какой-либо высокий сановник получает жалованья меньше, чем скромный подполковник ост-индской колониальной армии. Выше были изложены причины, на основании которых лицам, покидающим Европу на Индию, признано было необходимым, в виде компенсации за нездоровый климат, различные невзгоды и напасти и во внимание к большой дороговизне индийской жизни назначить столь высокое содержание.

Во главе *ambtenaŕ*'ов Нидерландской Индии стоит генерал-губернатор с 130,000 гульденов оклада. Далее, в нисходящей степени, следуют: 1) вице-президент совета Индии с 36,000 гульденов; 2) четыре советника с титулом *edel heer**, по 30,000 гульденов; 3) генеральный секретарь и ди-

* Дворянин.

ректоры департаментов по 24,000 гульденов; 4) президент счетной палаты 18,000 гульденов; 5) резидент I класса 18,000 гульденов и 3,000 гульденов на представительство, резидент II кл. 15,000 гульденов и 3,000 гульденов на представительство, резидент III кл. 12,000 и 1,200 гульденов; ассистент-резидент I кл. 8,400, II класса 7,200, секретарь при резидентстве 6,000 гульденов, контролер 4,800 гульденов; 6) референдариус в генеральном секретариате 7,200, главный «комми» (Hoofdcommissies) там же, с 5,400 гульденов в год. Самый мелкий чиновник в секретариате начинает свое служебное поприще с 150 гульденов в месяц.

Во главе военной иерархии в Голландской Индии поставлен генерал-лейтенант, главнокомандующий всеми сухопутными силами в колонии. Он получает 24,000 гульденов жалованья, кроме того, 12,000 гульденов на представительство и имеет роскошный дворец в Батавии.

Вице-адмирал, командующий морскими силами, получает столько же, при казенной квартире или, вернее, доме.

Следуют за сим:

генерал-майор	с 15,000 гульд. жалов.	и 6,000 гульд. квартирн.
полковник	— 12,000	— 6,000
подполковник	— 8,400	— 2,400
майор	— 7,200	— 1,800
капитан	— 4,800	— 900
поручик	— 2,700	— 720
подпоручик	— 2100	— 600

На активной военной службе, в походе, например, в Атчине, где уже 26-й год не прекращаются военные действия, офицеры получают еще усиленное содержание и столовые деньги.

Вот размеры пенсий, выплачиваемых выходящим в отставку военным и гражданским чинам.

Бывший генерал-губернатор и отставной вице-президент совета Индии получают: первый 12,000, а второй 9 или 10,000 гульденов. Для всех остальных гражданских чинов пенсия рассчитана в размере одной трети получаемого ими последнего оклада.

Пенсия генерал-лейтенанта (ост-индской службы) равняется 8,000 гульденов с надбавкою 2,000 гульденов в случае тяжелого увечья или раны.

Генер.-майор получает	6,000 гульд.	и 1,500 гульд. в случае тяжелой раны.
полковник	— 4,500	и 1,125
подполковник	— 3,500	и 875
майор	— 2,800	и 700
капитан	— 2,000	и 500
поручик	— 1,500	и 375
подпоручик	— 1,200	и 300

Последующий очерк посвящен будет военной организации, армии, флоту, а также медицинской и санитарной части в Нидерландской Индии, которые во многих пунктах и отношениях значительно разнятся от таковой же организации европейских войск, а потому и представляют своеобразное учреждение, не лишенное интереса, общего для всех просвещенных людей, даже не состоящих в капитанском чине.

Глава XV

*Колониальная армия и флот. —
Организация, численный и личный состав, дисциплина. —
Русский, бывший лейб-улан в Индии. —
Дореформенная армия и система вербовки. —
Медицинская и санитарная часть. —
Проценты заболеваемости и смертности. —
Яванские санаториумы и курорты. —
Несколько статистических данных и цифр.*

Самостоятельной армии или, вернее, нескольких армий, составленных исключительно из туземных элементов, голландцы в Инсулинде не имеют, подобно англичанам в Индии.

Они ограничиваются содержанием колониальной армии, которая формируется путем вербовки в Голландии и в Нидерландской Индии из европейцев и туземцев, так как собственно голландские войска, вне пределов Голландии, употреблены в дело быть не могут, согласно конституции королевства.

Но она деташирует в колониальные сухопутные войска офицеров и солдат сроком на 5 лет, а во флот сроком на 3 года.

Это составляет кадры, в которые входит, наряду с голландцами, еще и масса иноземцев — немцев, французов, бельгийцев, швейцарцев, поляков и пр. Собственно же голландцы в этой армии, набранной aus aller Herren Lander* состояли, еще не так давно, всего каких-либо 10-15 лет тому назад, в ощутительном меньшинстве.

Усиленный наплыв иноземцев в индийскую армию начался в особенности с 1873 г., когда впервые вспыхнуло восстание в Атчине, на северо-западной Суматре. Тогдашних вооруженных сил оказалось недостаточно для подавления все сильнее разраставшегося движения среди фанатических и воинственных атчинцев. Необходимо было усилить и подкрепить колониальную армию элементами извне. При выборе личностей, соблазненных 300 гульденами Handgeld'a**, выдаваемого на руки вербовщиками в Голландии, правительство центральное и колониальное не могли быть слишком разборчивыми, ввиду усиленного спроса на человеческий материал, предназначавшийся для Индии.

В колониальную армию, вследствие сего, поступали без затруднения всякие темные личности, для которых дальнейшее пребывание на

* Отовсюду (нем.).

** Задаток (нем.).

родине связано было с опасностью для их личной свободы, вследствие совершенных ими некрасивых деяний. Попадали в Индию разные, как выражаются немцы, *dunkle Ehrenmänner**, искатели приключений, которым терять было нечего, неудачники из всех слоев общества, даже аристократы чистейшей воды, с громкими фамилиями, от которых они, впрочем, благоразумно отрекались, скрывая свои неудачи, а порою и свой позор под более скромными и буржуазными именами. Принимались на службу также заведомые дезертиры из иностранных армий, причем особенно много оказывалось немцев. Одно время, после падения Второй империи**, в ряды колониальной голландской армии особенно много поступило французов, зуавы, солдаты и офицеры Иностранного легиона и даже бывшей императорской гвардии.

Словом, колониальное управление в 70-х годах без разбора принимало в атчинский экспедиционный отряд всех и каждого с распростертыми объятиями и дареному коню в зубы не заглядывало.

Благодаря необычайной легкости, с которою без всяких лишних и стеснительных формальностей поступали добровольцы в колониальную армию, возникла в Голландии, а также в соседних Бельгии и Германии специальная индустрия, которая для изобретателей этого ловкого гешефта оказалась весьма выгодною статьею дохода: в те времена можно было свободно приобрести у жидов, за 100 или 150 франков, правильный паспорт, на имя некогда существовавшего, но в момент заключения сделки уже умершего субъекта, французского, германского и бельгийского подданного. Голландские вербовщики и даже военные власти подобными документами вполне удовлетворялись и предъявителей сих фальшивых бумаг вносили под новыми, ими приобретенными фамилиями в списки колониальной армии.

Мне лично известен один подобный случай долгого проживания одного русскоподданного под вымышленным именем в Нидерландской Индии, куда он попал в 1873 г. и поступил рядовым в армию: в одно прескверное и особенно душное и мокрое утро дождливого сезона 1898 г. ко мне в канцелярию является господин чрезвычайно внушительного вида и роста, с зычным голосом и весьма, слишком даже, развязными манерами. Он отрекомендовал себя на чистейшем, несмотря на 16-летнее пребывание в Индии, русском языке: Р-ский, бывший вахмистр и ординарец 1-го (лейб-эскадрона) лейб-гвардии Е.В. Уланского полка (что стоит в Варшаве). Этот Р-ский, поляк, между тем, здесь, на Яве и в Батавии, известен был исключительно под фамилиею Лендерс. Он 9 или 10 лет прослужил безукоризненно и безупречно в индийской армии, имел наилучшие аттестации от своего начальства и вообще пользовался всеобщими симпатиями и уважением за свою честность и добродушный открытый характер.

* Темная личность (нем.).

** Период правления во Франции императора Наполеона III (1852–1870).

Явился же он внезапно в русское консульство по двум причинам: Лендерс-Р-ский, как он сообщил мне по секрету, тревожно озираясь на все стороны, задумал с помощью мусульман-яванцев завладеть всею Явою и поднести оную в дар России и российскому правительству, в знак глубокой своей лояльности и признательности! «Яванцы в полном у меня повиновении, они у меня по струнке ходят, ждут лишь моего приказания», уверял меня горячо и убежденно мой посетитель. «Притом же русский флот вскоре появится в виду Батавии, будет бомбардировать город, высадит десант» и пр., говорил Лендерс, развивая свою идею. Ясно, что я имел дело с человеком или уже сумасшедшим, или находившимся накануне помешательства. Несчастный Лендерс, действительно, и свихнулся окончательно три дня спустя, учинив громадный скандал в одном магазине, где избил хозяина и подоспевшую ему на помощь малайскую прислугу, и распространив предварительно по всему городу известия о предстоящей бомбардировке Батавии русским флотом по сигналу, поданному русским консулом, который должен был из своей канцелярии пустить в данный момент сигнальную ракету!

Вторая причина, приведшая Лендерса в консульство, было намерение его жениться на одной метиске и тем узаконить сына, прижитого с другою женщиною вне брака. Мой странный, а порою буйный и азартный посетитель имел, очевидно, *idée fixe** и бредил о завоевании Явы, да кстати и о покорении Британской Индии с присоединением их к России. Я старался его успокоить, вошел в его соображения и советовал ничего не броскировать**, а хорошенько и по всем пунктам обсудить сперва со мною подробности этого деликатного предложения и пр. Лендерс действительно убедился моими доводами и успокоился, а когда мне удалось отвлечь его внимание в сторону от терзавшей его *idée fixe*, я даже нашел в нем человека, вполне здорового и последовательно рассуждающего, неглупого и симпатичного собеседника. Он все время говорил по-русски без запинки и почти без акцента, объясняя это тем, что постоянно по-русски думал, говорил сам с собою и писал, никогда за все время своего пребывания в Индии не переставая чувствовать себя русским.

Р-ский, alias*** Lenders, сообщил мне о процветавшем в 70-х годах в Голландии, Бельгии и Германии гешефте с фальшивыми паспортами для желающих поступить в ряды ост-индской колониальной армии.

Я сам, признавался мне Лендерс, приобрел у жида в Люттихе за 150 франков подобный вид. Принадлежал этот документ некоему немцу, Лендерсу, который собирался также отправиться на Атчин, но заболел и в Бельгии умер. Под именем Лендерса я и был записан вербовщи-

* Навязчивая идея (*фр.*).

** Здесь: не спешить (от *фр. brusquer*).

*** Он же (*лат.*).

ками в Голландии, Лендерсом я состою и именуюсь вот уже 16 лет, но ныне, ввиду моего желания вступить в брак и узаконить сына хочу снова принять и носить свою законную фамилию Р-ский».

Мечтам злополучного Р. не суждено было осуществиться. Он, как сказано выше, обнаружил такие несомненные признаки помешательства, сопряженного с буйством, что его пришлось водворить в дом умалишенных в Бейтензorge, где он, по всему вероятно, и останется до конца дней своих, так как доктора отрицают возможность его выздоровления.

Я рассказал поучительный и печальный эпизод с запропавшим в Ост-Индии русским подданным и бывшим лейб-уланом, чтобы констатировать, что подобные Р-скому русские выходцы не являют собою изолированного факта или исключения. Подобные личности, большей частью поляки-эмигранты и русскоподданные, служат и поныне в рядах колониальной армии. Всего лишь лет 7-8 тому назад один из них, не помню русский или поляк, дослужившийся уже до чина штабс-ротмистра, после 13-летнего пребывания в Индии, вышел в отставку и вернулся в Россию, не желая делаться голландским подданным, что неукоснительно требуется от иноземных офицеров при производстве их в чин ротмистра, капитана и следующие ранги.

Нечего и говорить, до какой степени разношерстности и, так сказать, случайности доходил при поименованных выше условиях личный состав тогдашней колониальной армии: рядом служили и дрались с атчинцами солдаты наполеоновской армии, пруссаки, баварцы и прочие немцы, которые в 1870 г., быть может, уже имели случай сражаться вместе, где-либо под Мецом и Седаном.

Интернациональный сброд этот, состоявший из личностей, не имевших между собою ничего общего, тем не менее, поставлял то, что от него требовалось, т.е. пушечное мясо, в котором Голландия в особенности нуждалась.

Отдельно и в совокупности все эти немцы, французы, бельгийцы и пр. авантюристы были, кроме того, большей частью отчаянно храбры и на все готовы. Дисциплиною они, однако, похвалиться не могли и держать этих искателей приключений в должном повиновении было делом мудреным.

То же самое явление, при тождественных почти условиях, можно было в 1876-78 гг. наблюдать среди многочисленных русских добровольцев, нахлынувших в Сербию. Это были очень и даже слишком часто личности, как известно, беспардонные и отпетые. В свободное от занятий (с турками) время, добровольцы наши мало чем отличались от турецких башибузуков, истреблять которых они прибыли в Сербию; они неистовствовали, пьянствовали, устраивали на улицах Белграда грандиозных размеров побоища, в кафанах проламывали друг другу биллиардными киями свои буйные головушки и пр. Но зато по первому сигналу, вызывавшему их на бой, эти самые буяны постоянно стано-

вились в первые ряды, дрались отчаянно и совершали чудеса храбрости, чем вызывали восторженное удивление горсти своих союзников-черногорцев, которые в боевых делах толк знают.

Число иноземцев в индийских войсках в первые после 1873-го годы, особенно же в период самой острой интенсивности военных операций в Атчине, достигло цифры 8 и 9,000 человек, т.е. составляло половину всей европейской численности колониальных войск.

Впоследствии, когда агрессивный пыл атчинцев был несколько умирнен и когда война получила характер периодически возобновляемых экспедиций, прежняя бесконтрольная система вербовки улучшилась и изменилась.

Европейских добровольцев на службу в Индию стали уже допускать с большею осмотрительностью и разборчивостью. Сократился усиленный наплыв иноземцев, а с другой стороны, увеличился процент голландских волонтеров и бывших милиционеров, записывавшихся в ряды индийской армии. Учреждены были также резервные колониальные кадры. В то же время усилен был и состав detaшируемых в Индию голландских офицеров.

В 1873 г., когда началось восстание в Атчине, числилось в индийской армии 26,642 солдата, из коих было 11,025 европейцев, 1,308 африканцев и амбонцев и 13,709 туземцев. В 1878 г. считалось еще иноземцев 8,052 человек, а голландцев 8,214 человек.

Двадцать лет позднее, в 1898 г., численность армии достигла уже цифры 41,157 человек, из коих на 15,839 европейцев состояло 11,029 человек, родившихся в Индии, и всего лишь 3,043 иноземца. Остальные распределялись так: туземцев 21,332 и африканцев с амбонцами 3,986 человек.

Понижение иноземного и приращение голландского элемента в армии вызваны были, кроме изменившихся условий войны на Суматре, еще и предпринятыми реформами, как-то: значительным против прежнего улучшением в быте и продовольствии солдат, упрощениями в экипировке их и прежде всего созданием рационально задуманной и прекрасно поставленной санитарной и госпитальной части. Удивительно, что и того и другого почти не существовало в организованном виде в стране с таким убийственным климатом, какова Нидерландская Индия!

Все эти разумные меры сразу чувствительным образом понизили процент смертности и внушили волонтерам в Голландии большее доверие к Индии. Самый климат, конечно, изменился мало, но изменились к лучшему те первобытные условия, среди которых европейским офицерам и солдатам приходилось существовать и действовать под тропическим солнцем, в девственных лесах и непроходимых болотах с их вредными испарениями, под проливными дождями и пр. Вредные для здоровья воздействия всех этих причин, дававших еще лет 20 тому назад высокий процент заболеваемости и смертности, в настоящее вре-

мя низведены до минимума благодаря образцовым госпиталям с их отличным составом врачей.

В дореформенные времена холера, бери-бери и дизентерия в иные годы вырывали из рядов войск 30, 40 и 45%. Ныне пропорция смертности от этих самых болезней понизилась до 3 и 2,5%. Так, например, в течение 1897 г. умерло европейцев всего 360 человек (из коих от холеры 106).

Впрочем, бери-бери до 1897 г. уносила еще много жертв. За период времени, например, с 1893 по 1896 гг. включительно средняя годовая цифра заболеваний была для европейцев 1,040 человек, а для туземцев 4,569. Но уже в 1897 г. цифры эти понизились до 279 европейцев и 1,932 туземцев, с тех пор как доктора, давно уже изучившие эту болезнь, обнаружили и доказали, что бери-бери происходит от почти исключительного питания рисом дурного качества. Это вызывало параличные поражения, распухание и атаксию* голеней и нижних конечностей при расслаблении желудка и всего организма. С целью ослабить пагубное влияние исключительно рисового питания введены были в солдатское продовольствие растительные и животные вещества, как-то: овощи, мясо, хлеб, рыба, *саго*, фрукты и этим разнообразием питательных элементов достигнуты были наилучшие результаты.

Бери-бери, особенно усиливающаяся от сырости, недостаточного питания и скученности человеческих масс, не есть болезнь, свойственная специально Нидерландской Индии и тропикам, она известна и распространена, например, в Китае, Японии, Кохинхине**, т.е. везде, где население почти исключительно питается рисом плохого качества, который отсырел или сгнил под дождем или же почему-либо был снят с полей недозревшим.

Бери-бери можно уподобить итальянской малярии, свирепствующей в низинах По, в провинциях Анкона, Мантуя и Равенна, где население питается почти исключительно полентой и маисом, что порождает малокровие, лихорадки и изнурение организма.

Администрация военная поручена военному департаменту в Батавии. Во главе оного поставлен главнокомандующий сухопутными силами в Нидерландской Индии в чине генерал-лейтенанта. Собственно говоря, и в силу статей конституции, верховное начальство над армией и флотом в колонии предоставлено генерал-губернатору, который своею властью может назначать и сменять командиров, производить офицеров в чины до полковника включительно и даже принять фактически главное командование над всеми сухопутными и морскими силами. Назначаются по указу королевы лишь генерал-лейтенант и генералы и вице- или контр-адмирал, главноначальствующий над флотом. Се-

* Атаксия — нарушение координации движений.

** Принятое в колониальный период название Южного Вьетнама.

го последнего малайцы именуют «генералом от моря», в отличие от его сухопутного товарища.

Ява делится на три военных округа: западный, средний и восточный. Гарнизон Явы обыкновенно состоит из 15-18 батальонов, полков не существует и батальоны составляют крупнейшую тактическую единицу. Они формируются из европейцев и туземцев, причем все офицеры европейцы или метисы, за исключением частей войск, образующих так называемую армию или «легионы» императора и принца Мангко-Негоро* в Суракарте.

Расположены войска гарнизонами в главнейших городах — Батавии, Сурабае, Семаранге, Магеланге, Черибоне и пр.

В Салатиге, к югу от Семаранга, есть кавалерийская школа и лагерь.

Имеются, кроме того, тяжелая, легкая и горная артиллерия, инженерные войска и один полк кавалерии.

Надо заметить, что обувь носят одни лишь европейцы, большую частью люди рослые и представительные, яванцы же и другие туземные солдаты, низенькие и коренастые со скуластою физиономиею азиатского типа, ходят постоянно босиком, даже в строю. Они весьма некрасивы, не имеют ничего внушительного и воинственного, но материал, говорят, составляют удовлетворительный.

Года два тому назад колониальное управление устроило в Чимахи близ Бандунга, главного города Преангерского регентства, центральный укрепленный лагерь с лазаретами, госпиталем, бараками для офицеров и казармами в здоровой местности, возвышенной на 2,500 футов над уровнем моря. Лагерь этот, долженствующий со временем вместить до 10 батальонов с артиллерией, которые во всякое время состояли бы в распоряжении правительства, образует уже ныне центральное депо, удачно выбранное в стратегическом отношении, так как Чимахи расположено в центре острова, в близком расстоянии от ненадежных Соло и Джокджи, по железнодорожной линии из Батавии в Сурабаю, так что в данный момент всегда могут быть из Чимахи двинуты войска по всем направлениям.

Колониальный контингент составляет совершенно отдельное целое от собственно голландской армии. Система вербовки для Индии удержана в прежней силе; туземные солдаты получают при поступлении своем 60 гульденов и набираются с Явы, Мадурой и с острова Амбона, Молуккской группы. Размещены европейские и туземные войска прекрасно и широко в поместительных казармах, где простора и чистого воздуха достаточно. При солдатах-яванцах тут же на нарах и циновках располагаются по-домашнему также их жены и дети. Яванские сожительницы туземных воинов занимаются хозяйством, готовят пищу, стирают белье, чистят и исправляют мундиры и амуницию. Это

* Современное написание — Мангкунегара.

присутствие в казармах женщин с детьми, существующих там на законном положении, являет собою странное и своеобразное зрелище, с которым с трудом мирятся наши европейские представления о солдатском обиходе. Столь же диким и даже смешным кажется европейцу, кто бы он ни был, колониальное войско в строю или парад, производимый этим неказистым коричневым воином в неподходящем к типу их физиономий европейском снаряжении и шагающим обязательно с босыми ногами!

Офицеры, военные доктора и пр. получают прекрасное содержание, втрое против Европы и казенную квартиру с прислугой. Пользуясь массой удобств, как-то: дешевизною содержания верховых и выездных лошадей и пр., эти господа живут в Ост-Индии на широкую ногу, *en grand*, в такой обстановке и таких размерах, о которых как о неосуществимом сновидении никогда и помышлять не могло воображение не только какого-либо поручика в Голландии, но даже и голландского генерал-майора в его холодной и туманной родине, где все так рассчитано, дорого и недостижимо. Экономий голландцы, служащие или поселенные в Индии, не делают, ничего не откладывая в сторону про черный день. Это не в здешних нравах. Доход, часто весьма значительный, расходуетя сполна, без остатка, на содержание дома с целою оравною прислуги, на экипажи, лошадей, дамские туалеты, часто выписываемые из Парижа от лучших *faiseurs**, на периодические путешествия в Европу, в Карлсбад, Виши и Ниццу, где богатые набобы из Батавии и плантаторы с Явы даже сенсацию производят своими замашками и своею роскошью. Вследствие этих широких привычек жить в свое удовольствие в Ост-Индии, часто случается, что со смертью какого-либо крупного туза, генерала, банкира или адвоката, который один на своих плечах выносил весь *train*** своего семейства, жившего *sur le pied**** 3,000 гульденов в месяц, остаются вдове и ее детям одни лишь воспоминания о прежнем своем величии. Сбережений никаких не оказывается и вдове с детьми приходится бедствовать, если глава семейства не догадался или не был в состоянии предварительно застраховать свою жизнь на солидную и крупную сумму. После краха, столь внезапно ее поразившего, вдова военного или чиновника, состоявшего на государственной службе, часто вынуждена ходатайствовать перед правительством о выдаче ей пособия на похороны мужа и на возвращение в Голландию.

На пенсию, ею получаемую, она в Голландии прожить прилично не в состоянии, даже отставному чиновнику индийской службы этой пенсии у себя на родине, где все дорого, не хватает, особенно после роскошного существования в Индии. Вот почему такое сравнительно зна-

* Мастеров (*фр.*).

** Расходы на жизнь (*фр.*).

*** Здесь: на сумму (*фр.*).

чительное количество пенсионеров так и остаются доживать свой век в Инсулинде, где на 300 гульденов в месяц они в Сукабуми или Гаруте, могут жить чуть ли не роскошно, тогда как это немыслимо не только в Гааге или Амстердаме, но даже и в Гарлеме или ином второстепенном городке голландской провинции.

После этого маленького отступления, рисующего, впрочем, правдивую картину быта и нравов, возвращаюсь снова к главному предмету этого очерка.

Колониальная армия, не исключая и туземных элементов, ее составляющих, вообще хороша и пригодна для целей, которые ею преследуются и достигаются. Задачи же ее всюду и во всякое время нелегкие и сложные, а служба в жарком и сыром климате тяжкая, что, в конце концов, не может не отзываться пагубным образом на нервах и на здоровье европейских офицеров и солдат, так как доказано опытом, что европеец никогда не в состоянии привыкнуть и акклиматизироваться в Индии, как бы долго он ни пребывал под тропиками.

Нижние чины колониальной армии строгою дисциплиною не отличаются. В индо-голландских газетах, под рубрикою *Krijgsraad* (военный совет), постоянно можно прочесть о том или ином постановлении военных судов, в силу которых принуждаются к разжалованию или тюремному заключению рядовые, сержанты или капралы из европейцев, за буйство, пьянство, инсубординацию, а порою даже за кражу и грабеж. Пьянство, совершенно туземцам не известное, довольно сильно развито среди европейских солдат, которые в своих кантинах*, барах и клубах выпивают невероятные количества виски, джину, пива и национального *jenever*, крепкой водки из ягод можжевельника.

Самостоятельных туземных контингентов в голландской Индии не имеется; ибо названия войска не заслуживают, например, полицейская охрана (*праджуриг*) яванских регентов, *баписан*** из мадурцев, и яванский легион принца Мангко-Негоро в Соло, состоящий из 39 офицеров, 816 рядовых и 110 человек конницы.

Все эти люди, вооруженные отчасти кремневыми, отчасти старыми дульными ружьями и обученные строю голландскими инструкторами, представляют собою маловнушительную массу. Приземистые, босые, с цветными платками на головах, торчащими из-под громадных и безобразных киверов типа незабвенной национальной гвардии 1848 года, воины эти, в полном смысле слова «потешные», как по своему внешнему виду, так равно и по своим боевым достоинствам.

Голландцы могут быть вполне благонадежны: «независимые» император Соло и султан в Джокдже не в состоянии отвоевать у них Явы с таким плачевным воинством!

* Столовая (*ит.*).

** Здесь: отряд, подразделение (*мал.*).

Если ко всему перечисленному выше прибавить еще учреждение, напоминающее национальную гвардию (Schutterij)* из европейских обывателей и бюргеров в больших городах, то предмет о вооруженных сухопутных силах, которыми располагает Нидерландская Индия, будет исчерпан.

Эта Схкюттерей — самое ненавистное для всех белых людей в Ост-Индии учреждение и, можно утверждать, самое бесполезное. Это игра в солдатики, с командирами из негоциантов, адвокатов, нотариусов и проч., которые носят военные мундиры до чина подполковника включительно, не имея никакого понятия о военной дисциплине и о требованиях воинской службы. Сами солдаты-бюргеры чрезвычайно упрощают себе непривычные и тяготящие их обязанности: в дни маневров и парадов можно видеть таких доблестных воинов, как они не маршируют по улицам, а в разброде едут на извозчиках на сборный пункт, причем ружья их везет отдельно какой-либо туземный служитель.

В Схкюттерей безразлично забирают всех европейцев, даже иностранных подданных.

Военные упражнения этих защитников отечества довольно сомнительного достоинства и лишь отвлекают европейцев от их гораздо более прибыльных занятий в банках, конторах и магазинах, а потому обыватели под всякими предлогами отвиливают от национальной гвардии и уплачивают штрафы за освобождение от подобной *corvée***.

Самым излюбленным и верным к тому средством представляется искание и получение какого-либо внештатного иностранного представительства на Яве. Вот почему, например, в Батавии имеется всего пять или шесть серьезных, то есть штатных консулов, остальные же 12 или 14 все больше капитаны национальной гвардии.

В заключение посвящу несколько слов морским вооруженным силам Ост-Индии.

Флот для защиты колонии, для крейсерской, разведочной, сторожевой и таможенной службы, состоит из судов *Indische Militair Marine* и *Auxiliair Eskader****.

Морские силы эти, большею частью мелкие суда старого типа, по малочисленности своей недостаточны для охраны столь обширной линии берегов. Они не в состоянии, например, установить и поддерживать действительной блокады вдоль атчинско-недирского побережья, дабы воспрепятствовать подвозу в Атчин оружия и военной контрабанды, которым занимаются, рядом с нейтральными и дружественными англичанами в Сингапуре, еще и арабские, малайские и китайские аферисты из Пенанга****, да из соседних английских *Straits Settlements* на Малаккском полуострове.

* Выговаривается — Схкюттерей (прим. М.М. Бакунина).

** Повинность (фр.).

*** Индийского военно-морского флота и вспомогательного флота (голл.).

**** Пенанг — город-порт на о. Пинанг (ныне — Малайзия).

Совершенно недостаточный контроль на море является одною из причин, вследствие которых война на Атчине не может быть до сего дня приведена к благополучному окончанию. В последние годы, однако, голландское колониальное управление предприняло реформу и улучшение вместе с усилением в морских оборонительных средствах колонии укреплены были некоторые гавани, а из Голландии подоспело 5 или 6 более крупных судов новейшего типа.

Перечисленные выше военные средства, как сухопутные, так и морские, достаточны в обыкновенное мирное время, когда Нидерландской Индии не угрожает никакая опасность со стороны внешнего врага.

В критический же момент, в случае вооруженного конфликта Голландии с какою-либо из крупных европейских держав, вся нидерландская Инсулинда, за исключением, быть может, одной Явы и части Суматры, легко и в короткое время может сделаться добычею чужеземных покушений, благодаря разбросанности голландских владений и невозможности для голландцев отстоять свое достоинство, которое, таким образом, окажется беззащитным. В Голландии и на Яве вполне сознают эту опасность и рассчитывают единственно на то, что для мирной и миролюбивой Голландии, тщательно избегающей всяких международных столкновений, такой критический момент никогда не наступит.

Извлекая из *Koloniaal Verslaag* (отчета) за 1898 год некоторые небезынтересные статистические цифры и сведения, касающиеся Нидерландской Индии.

В 1896 году имелось в яванских и внеяванских владениях школ: 1) общественных (*openbaare schoolen*) 162, из коих 131 — смешанные школы для европейских мальчиков и девочек, 31 — для одних девочек при 536 учителях и учительницах с 14,280 уч.; 2) частных школ (*particuliere schoolen*) 19 при 151 преподавателях и 2,970 уч.

Туземных школ (*inlandsche Schoolen*) к концу 1896 года считалось: а) на Яве и Мадуре 407 с 37,103 уч.; в) в *Buitenbezettingen* состояло 296 школ правительственных и 455 частных, миссионерских и иных, итого 751, с общим числом 65,741 уч.

Последняя перепись населения, произведенная в 1895 году, показала для туземцев на одной Яве с Мадурою приращение в 624,177 душ за истекший 1894 г., всего же туземного населения на этих островах насчитывалось к 1 января 1896 года 25,697,700 душ. В эту цифру не вошло число жителей островов Суматры, Борнео и проч. составных частей Инсулинды.

Населенность главных городов на Яве к 1 января 1896 года распределялось следующим образом:

Для Батавии — 114,566 жителей, из коих европейцев всего 8,553, туземцев 76,169, китайцев 26,889, арабов 2,823.

Для Семаранга — 82,962, европейцев 3,545, туземцев 62,280, китайцев 11,375.

Для Сурабаи — 154,529 жителей, европейцев 6,997, туземцев 102,578, китайцев 12,331.

Для Суракарты или Соло — 104,589 жителей, в числе коих европейцев было 1,320 душ.

Главные города на Суматре:

Паданг на западном берегу с 32,038 жителями (1,805 европейцев, 25,394 туземцев, 4,013 китайцев).

Палембанг на северо-западном берегу с 53,788 жителями (242 европейца).

Котараджа* — главный город в Атчине, с 4,314 жителей (171 европейцев).

На острове Борнео: Понтианак, на западном берегу, резиденция султана того же имени, с 17,300 жителями, при 186 европейцах.

Банджермасин — на юго-восточном берегу с 45,082 жителями, при 377 европейцах.

На острове Целебесе: Макасар с 17,318 жителями, при 825 европейцах, и Менадо с 8,996 жителями, при 450 европейцах. В эти цифры городского населения не вошли офицеры и солдаты колониальной армии.

Во всех внеяванских владениях состояло к 1 января 1896 г. всего-на-всего 2,500 человек европейцев, из коих собственно голландцев 1,718 человек и 782 лица других европейских национальностей. Метисов насчитывалось 9,211 человек.

Чиновников и прочих лиц, состоявших на правительственной службе и получавших казенное содержание было на Яве с Мадурою 5,060 человек, во внеяванских владениях 1,400, всего же 6,460 человек, отставных пенсионеров на иждивении индийской казны набралось к концу 1895 года 3,446 человек.

Вот в какой пропорции распределялись европейцы по занятиям и профессиям: плантаторов, земельных собственников с их вспомогательным штабом контролеров, надсмотрщиков над рабочими, администраторов над плантациями и проч. насчитывалось 4,352 человек, не-гоциантов, ремесленников, банкиров с их европейским персоналом было 1,985 человек, включая сюда докторов, аптекарей, нотариусов, маклеров, адвокатов и проч.

Перейдем теперь к наиболее интересному предмету, к медицинской и санитарной части, и посмотрим, как она в Индии поставлена и каким образом она функционирует.

В такой стране, как Нидерландская Индия, об «убийственном» климате которой, особенно, когда речь идет о Яве с Батавией, не могут без содрогания и какого-то суеверного страха говорить в Европе, интересны и поучительны прежде всего цифры заболеваний и пропорция смертности.

* Кутараджа, ныне — Банда-Ачех.

Возьму для наглядности официальные данные относительно того и другого за 1896 год в колониальной армии.

Более всего заболеваний приходится на долю малярии, а именно: 14,639 человек, т.е. без малого 50% всего численного состава колониальной армии! Пропорция поистине ужасающая и свидетельствующая о повсеместном в Индии распространении болотных лихорадок, этого бича сырых и гнилых тропиков! Необходимо, однако, оговорить, что из этого высокого числа больных выздоровело 13,420 человек, выписалось из госпиталей 316, умерло же всего лишь 173 человека, и что большая часть этих 14,5 тысяч человек испытала в течение года неоднократные и повторительные приступы малярии.

Холерных заболеваний было 137 с 82 смертными случаями. Дизентериею болело будто бы всего 5 человек и умерло 2, бери-бери перенесли 5,780 человек, умерло 151, выздоровело 4,567, выписалось 726 человек.

Больных печенью было 195, при 5 смертных случаях, болезнями пищеварительных органов страдало 6,608 человек, выздоровело 6,024, умерло 88, выписалось 154 человека.

Общий же итог за 1896 год заболеваний вышепоименованными и еще иными болезнями (сифилис, кожные, нервные и проч.) достигло почти невероятной цифры — 62,993 человека, из коих выздоровело 55,700, умерло 713, выписано из госпиталей 2,735 человек.

Медицинская и санитарная часть устроена в Нидерландской Индии прекрасно, а сравнительно многочисленные госпитали, лазареты, санаториумы и Ziekenzaalen (палаты для больных) содержатся в образцовом порядке.

Численный состав частных докторов в больших городах также вполне достаточный. Медики эти, большею частью учившиеся в Германии, знают свое дело, и им могут без опасения довериться европейцы, для которых порядочный доктор является в Ост-Индии постоянною и насущною потребностью.

Правительство не жалеет расходов на медико-санитарную часть. Личный состав докторов, фельдшеров, смотрителей, пищевое довольствие, светлые и просторные помещения для больных, хирургические, терапевтические и друг. приспособления стоят на высоте современной науки со всеми ее усовершенствованиями. В военном госпитале в Батавии имеется также помещение для женщин с гинекологическим и родовспомогательным отделением.

В новой Батавии в Вельтефреденском ее квартале существуют, кроме того, так называемый Park Vacci nogen (оспопрививательное заведение) и Пастеровский институт.

С тех пор, как голландцы устроили прекрасные госпитали в Котарадже (Атчине), в Паданге и Форт-де-Коке* на западной Суматре,

* Ныне — Букиттингги.

смертность среди атчинских гарнизонов значительно понизилась. Что же касается пропорции заболеваемости, то она не сократилась, как мы видели выше. Этому причиной климат, которого изменить к лучшему не во власти докторов и правительства. Зато шансы на выздоровление поднялись и усилились в ощутительной против прежнего степени, благодаря правильному уходу и принятым в последнее время разумным гигиеническим мерам, так что ныне, по крайней мере, европейские солдаты и офицеры, обреченные на службу и походы в Индии, уверены в том, что они не будут, как лет 15-20 тому назад, умирать, как мухи.

Голландцы озаботились еще, кроме устройства госпиталей, учреждением на Яве в горных местностях особых санаториумов, куда эвакуируются для лечения и для перемены воздуха больные офицеры и рядовые колониальной армии.

В Бейтензорге существует госпиталь специально для больных, одержимых бери-бери. В Сукабуми, на высоте 2,000 футов, в двух часах расстояния от Бейтензорга по железной дороге, существует для военных обширный санаториум, в который допускаются за определенную плату также и частные лица.

Санаториумом заведовал до 1899 г. главный доктор Прохник, родом австриец, бывший военный врач, прослуживший свыше 20 лет в индийской армии. Он пользуется заслуженною репутациею искусного врача и специалиста по оперативному пользованию нарывов печени. Эти последние операции еще лет 10-12 тому назад считались весьма рискованными и угрожали опасностью для жизни пациента. Ныне сплошь да рядом оперируют даже тяжкобольных, и притом случается, что тот же пациент через несколько лет подвергается вторичной операции. Доктору Прохнику, благодаря его многолетнему опыту и навыку, а также благодаря чистому и свежему воздуху в Сукабуми, где термометр порою спускается ночью до 12-13° по Реомюру, операции эти удавались в пропорции 90-91 на сто, что нельзя не признать блистательным результатом. Пациенты из военных в Сукабуми или, вернее, в Селабату, близ Сукабуми, пользуются бесплатно, частные лица платят по категориям от 2,5 до 6 гульденов в день за помещение и стол, причем их два раза в день посещает доктор.

Упомяну еще о санатории для военных в Синданглае, расположенной на высоте 3,000 футов невдалеке от горной дачи генерал-губернатора.

Ява с ее невыносимо жарким и сырым климатом береговой полосы, напоминающим температуру паровой бани или теплицы, имеет, однако, одно неопенимое преимущество перед иноземными колониями, каковы Британская Индия, английская Straits Settlements на Малаккском полуострове или французские Тонкин и Кохинхина: все эти вообще погибельные для европейского темперамента страны, где населенные европейцами крупные центры расположены по большей ча-

сти в низменных местностях, на знойном и нездоровом морском побережье, не имеют по соседству возвышенного Hinterland'a с более свежим климатом. На Яве же горный и прохладный Hinterland этот расположен, так сказать, под рукою и легко доступен для тех, которые удушливой и утомительной жары в больших городах выносить не в состоянии. В самом деле, уже Бейтензорг, на высоте 800 футов над уровнем моря, отстоящий от Батавии всего на полтора часа по железной дороге, все же, по сравнению с душною Батавией, являет некоторую разницу в температуре, еще более влажною, но зато и более прохладною. За Бейтензоргом на два с половиною часа расстояния лежит Сукабуми. Еще далее внутрь острова утомленные климатом европейцы могут найти свежесть и отдохновение в Бандунге (2,400 футов), главном городе живописнейшей на Яве провинции — Преангерского регентства. В сторону от Бандунга, на боковой ветви железной дороги, на высоком (до 3,000 футов) плато, окруженном цепью величественных и большею частью действующих вулканов, расположен перл Преангерской провинции — Гарут, изобилующий красотою природы.

Все эти, как англичане их именуют, health resorts*, рассчитаны на нужды страждущего человечества западной Явы и отчасти Суматры.

Но и восточная Ява с еще более Батавии знойною и нездоровою Сурабаей, где холера, дизентерия и тиф, вследствие отсутствия хорошей воды для питья, господствуют круглый год, имеют свои зланные и прохладные уголки. Здесь изнемогающий от жары малокровный европеец может испытать не одну лишь иллюзию, но и вполне реальное ощущение холода. Чувство это, впрочем, довольно неприятного свойства, так как яванский морозец, пропитанный сыростью, пронизывает вас насквозь. В нескольких часах расстояния от Сурабаи сперва по железной дороге, затем в экипаже и, наконец, верхом по недоступным горным тропинкам, на высоте 600 футов в чрезвычайно живописной местности, лежит санаториум Тосари. Здесь более чем свежо даже днем, а вечером, ночью и рано утром термометр спускается до 8 и 7° по Реомюру. В гостинице всюду поставлены печи, не картонные для виду, а настоящие, которые и отапливаются весьма усердно.

Как бы это ни показалось нелепым и диким европейцам из Европы, для которых понятие о Яве и ее климате равносильно представлению об обширном кладбище для белых людей, внутренняя Ява, тем не менее, является неоценимым ресурсом и благодеянием не для одних лишь яванских европейцев или индо-голландцев. Сюда в Сукабуми, Бандунг и Гарут с каждым годом все чаще стекаются жаждущие отдохновения и исцеления европейские резиденты из соседних Straits Settlements и даже из более отдаленных Сайгона и Бангкока. Как известно, за Сингапуром, Сайгоном и Бангкоком, этом инфекционным гнезде по преимуществу всяких заразных болезней, не существует са-

* Курорты (англ.).

нитарных станций уже потому, что нигде нет гор, не слишком отдаленных от главных населенных пунктов на берегу. Ява, таким образом, является обетованною землею, наиболее приближенною и доступною для всех изнемогающих, малокровных и подточенных лихорадкою европейцев, которых судьба, коммерция или служба обрекла на сомнительно благополучное существование в гнилых тропиках.

Все эти яванские санаториумы можно лучше и ближе всего уподобить тем *Luftkurort'am**, которых так много в Швейцарии, Австрии и Германии. Публика здесь пользуется только свежим воздухом да совершает экскурсии по окрестным городам и вулканам. Минеральные источники на Яве существуют в изобилии, но все они, за исключением двух-трех, в первобытном состоянии и европейцами не посещаются.

Выше я имел неосмотрительность выдать патент на здравие яванскому Hinterland'у. Выражение «здоровый горный климат» не совсем точно: здоровым этот Hinterland является только относительно, по сравнению с безусловно пагубною береговою полосой.

В действительности же на всей Яве не существует, кажется, такого благополучного уголка, про который можно было бы утверждать, что он вполне свободен от малярии. На берегу и в низинах она, конечно, сказывается сильнее, но и в горах, будь это даже на высоте 6,000 футов, как в Тосари или, как на столь же возвышенном центральном плато Дьенг, малярия основалась прочно и эндемически.

И это вполне понятно, так как причины, порождающие миазмы малярии, существуют повсюду в одинаковой степени, куда бы вы на Яве ни поднимались или не спускались: малярия возникает из рисовых полей, постоянно искусственно орошаемых, рис, как самый насущный питательный злак, туземцами возделывается в горах и долах безразлично. Не менее рисовых плантаций (*sawah*) малярию вызывают еще джунгли, трясины *rawah* (болота) и, наконец, подпочвенная вода, которая не всегда имеет достаточный сток. А так как рис, болота и стоячая вода встречаются решительно всюду, то из этого следует, что от приступов малярии не гарантируют даже высоко лежащие курорты и санатории. То же самое явление повторяется на плантациях, где на высоте нескольких тысяч футов живут люди, пользующиеся на Яве наилучшим здоровьем.

Сколько раз мне лично, например, приходилось наблюдать на чайных плантациях Синагар (г-на Керкговена) и Паракан-Салак (г-на Мундта), в окрестностях Бейтензорга, у подножия вулкана Салак, на высоте 1,800 до 2,000 футов, как каждое утро неизменно перед началом работ собирались у конторы главного администратора плантации сотни туземных рабочих с женами и детьми; по впалым и изможденным лицам этих людей можно было безошибочно определить, что они давно страдают упорным *демамом* (лихорадкою). Я присутствовал при

* Климатический курорт (нем.).

раздаче пациентам хинных пилюль, которые постоянно в количестве 4-5 тысяч штук хранятся при каждой плантации в огромных стеклянных банках, наглухо закупоренных стеклянными же пробками.

Итак, европеец, бежавший в Бандунг или Гарут от батавской или бангкокской лихорадки, может нагулять себе малярию местную, бандунгскую или гарутскую. Но, сравнительно со злокачественными лихорадками, свирепствующими в Сиаме, такая малярия безобидна, она к тому же почти моментально пропадает без дурных последствий для организма, все же несколько подкрепленного пребыванием в более прохладном климате.

Кроме вездесущей малярии, с которой, так или иначе, приходится мириться, европеец в большей части яванских курортов может с чрезвычайною легкостью приобрести еще и катар желудка вследствие отвратительной жирной и неудобоваримой снеди, которую туристам подносят в отелях утром и вечером под предлогом завтрака и обеда. Порою даже неразборчивые голландцы, умеющие лишь есть, а не обедать, возмущаются и протестуют против слишком частого появления за обеденным столом жестких бифштеков из буйволового мяса да свинины или сосисок с ананасами под шоколадным соусом с корицею.

Исключение, благотворно действующее на расстроенные и без того желудка посетителей, представляет отель ван Хорка в Гаруте. Здесь кормят не только вполне прилично, но даже сравнительно хорошо, стол не роскошный, но провизия всегда свежая и меню разнообразится, насколько это возможно. Вследствие сего, при существенном условии приличного питания, в Гаруте, с его свежим почти европейским климатом, с его чудными окрестностями, представляющими массу живописных и интересных экскурсий, можно очень приятным образом провести месяца два. Из всех курортов западной половины Явы я могу, по личному опыту, с убеждением рекомендовать европейскому туристу или пациенту тихое и симпатичное пристанище ван Хорка в Гаруте, которое положительно лучше так называемых первоклассных гостиниц в Батавии, каковы Hotel des Indes и Hotel der Nederlanden. Цены в гарутском отеле к тому же весьма умеренные: за просторную комнату и за стол взимается с отдельного лица от 100 до 110 гульденов в месяц, с семейства же, состоящего, например, из трех лиц, берут не более 90 гульденов с персоны, всего же 270 гульденов в месяц за всех. Правда, отели на всей Яве чрезвычайно примитивны по своему устройству и никаких удобств и комфорта посетителям не дают. Отели получше я встретил лишь в Сингапуре, а совсем хороший, даже роскошный по внешнему виду и по отделке с вентиляторами всюду и громадной столовой залой в два света я нашел в Коломбо, где недавно выстроенный на берегу моря Great Oriental Hotel поражает и радует неизбалованного резидента с Явы своим чисто европейским комфортом, разумно и удачно насажденным на азиатской почве и в тропическом климате.

Глава XVI

Экономическая система управления голландцев. —

Реформы генерал-губернатора ван ден Босха. —

Принудительные культуры. —

Страничка из дореформенных ост-индских нравов. —

Культуры кофе, чая, сахарного тростника. —

*Филиппинские острова входят в политико-экономическую махтсферу**
Голландии. — Америка, Англия и Германия на дальнем Востоке, недоверие
голландцев к Германии.

Экономические принципы, руководящие голландскою администрациею колоний, исходят из той же, что и для политической системы управления, руководящей мысли: подобно тому, как голландцы сохранили туземцам их принцев и регентов, они оставили в прежнем объеме и в прежней силе также и все особенности старинного кодекса собственности, которым до прибытия белых колонизаторов управлялись яванцы. Голландцы ничего не изменили ни в аграрных отношениях, ни в условиях владения, которые существовали издавна и вошли в плоть и кровь яванского народа и яванского правосознания.

При национальных государях, деспотических султанах, раджах и императорах, частной собственности на Яве и в Инсулинде не существовало. Все на земле и в самых недрах земли принадлежало государю, который землею и людьми в своих землях распоряжался бесконтрольно, по своему усмотрению. Он отчуждал часть своей территории в пользование частных лиц, своих подданных, которые платили ему подати, оброки и аренды, он же удерживал за собою исключительное право вести торговлю и продавать в свою пользу естественные продукты края. Народ же, как везде на Востоке, близком или дальнем, был бесправным быдлом.

Жители одного села составляли и ныне еще образуют *дессу***, т.е. общину, в одно и то же время гражданскую и политическую. Владение жителей *дессы* коммунальное, т.е. земля принадлежит всем жителям *дессы*, а не частным владельцам. Земли, годные под культуры, ежегодно распределяются между теми из жителей, общины которых имеют право на пользование земельными участками, но распределение это неравномерное и распространяется оно только на тех поселян, право которых на владение установлено обычаем или фавором старейшего

* Сфера влияния (нем.).

** *Десус*.

в *дессе*. Кроме того, не урегулированы ни самый факт, ни долговременность владения участком, доставшимся на долю поселянина, который уже в следующем году, при новом разделе грунта, может лишиться своей земли. Система эта представляет много неудобств и ничем не обеспечивает временного собственника. В самом деле, зная, что его обладание землею краткое и преходящее, поселянин не прилагает усиленного труда на возделывание земли, могущей через какой-либо год достаться другому.

Голландцы, тем не менее, сохранили целиком эту систему со всею неясностью ее аграрных отношений. Они прежде всего желали избежать обвинения и упрека в том, будто они задумали подвергнуть коренной ломке яванские правовые учреждения. Изменилось при голландском режиме лишь одно: места прежних яванских государей-собственников заняло нидерландское правительство, которому ныне принадлежат все верховные права этих владетелей и все земельные участки в колонии.

Вследствие сего, сохранились поныне также и принудительные работы (*Heeredienste*, барщина) прежних времен. Яванские султаны выгоняли своих подданных на общественные работы, каковы сооружения дорог, мостов, гатей, плотин, на надзор за этими работами и на ремонт этих сооружений; они требовали, кроме того, от населения исполнения почтовых, курьерских и иных повинностей.

Число барщинных дней достигало в прежнее время 52 в году, но оно позднее было ограничено и сокращено в некоторых резидентствах до 24 дней по 12 часов труда в день, работа была безвозмездная.

В 1882 г., вместо барщины, введен был в некоторых провинциях поголовный налог (*Capitation*) в 1 гульден. Кроме казенных *Heeredienste*, отбываемых в пользу правительства, существуют еще принудительные работы, налагаемые на население каждого *дессою*, и этого рода работы считаются наиболее обременительными.

Уже знаменитый маршал Дандельс, в первом десятилетии, а затем в 30-х годах XIX века не менее замечательный ост-индский генерал-губернатор ван ден Босх усмотрел в обязательных *Heeredienste* источник для усиления продуктивности острова, а вследствие сего и способ для материального обогащения и поднятия благосостояния колоний.

Из принципа принудительных работ Дандельс впервые почерпнул мысль о введении на законном основании широкой системы принудительных культур, продукт которых должен был всецело поступать в колониальную казну. Ван ден Босх усвоил, переработал и расширил первоначальную программу Дандельса, извлек ее из области отвлеченных вождедений и осуществил свою идею на реальной почве с блистательными результатами.

При Дандельсе всем *дессам*, земли которых признаны были пригодными под культуру кофе, предписано было посадить в своих пределах определенное количество кофейных дерев. Обыкновенно приходи-

лось таковых 1,000 на каждого старейшего представителя в семье. По прошествии пяти лет приступали к оценке продукта плантации; население обязано было поставить в правительственное депо и магазины на береговой полосе две пятых добытого урожая, в противном же случае уплатить казне стоимость собранного кофе по установленному казенному тарифу. Таксировался же обыкновенно один пиккуль кофе (61,5 кг) в 24-25 гульденов. Три пятых кофейного сбора поступало в собственность культиваторов, которые могли весь свой заработок или часть оного продать правительству по казенной цене, что туземцы обыкновенно и делали.

Правительство, благодаря такой регламентации, получало возможность на очень выгодных для себя условиях приобретать почти все наличное количество производимого на Яве кофе. Но это преимущество оказывалось более теоретическим, чем реальным: в казенные склады, сосредоточенные в больших городах, поступали продукты лишь приближенных к морю провинций, что же касается внутренних резидентств, отдаленных от моря и от крупных торговых и административных центров, то за отсутствием хороших путей сообщений и перевозочных средств кофе из центральной Явы не достигал казенных магазинов. Он продавался на месте по низкой цене первому встречному или пропадал под дождем и портился.

Туземцы еще обменивали кофе в пропорциях одна треть или половина его веса на соль, в которой население нуждалось и которая составляла правительственную регалию. Собственно же казна получала таким образом на свою долю лишь часть добываемого на Яве кофе, большая же часть приобретаема была китайскими аферистами и частными лицами, которые и отправляли оный за свой счет в Европу.

Но ни производители, ни продавцы не давали себе труда кофе этот предварительно очищать и сортировать, вследствие чего яванский кофе вскоре получил в Европе репутацию продукта весьма неудовлетворительного качества, что и вызвало его понижение в цене. С другой стороны, *дессы* во внутренней Яве, ввиду недостаточных заработков, всячески уклонялись от принудительного насаждения и заменяли кофе более насущными и более выгодными для себя культурами, каковы: рис, кокосовый орех и пр.

Система обязательных культур функционировала более или менее удовлетворительным образом вплоть до 1824 г., но в означенном году колониальный бюджет впервые дал недобор, и с тех пор ежегодный дефицит постоянно усиливался и возрастал. Недобор в 1833 г. составил уже крупную сумму в 38 миллионов. Он пополнен был из средств метрополии и образовал первое ядро значительно возросшего с тех пор колониального долга Явы.

Экономические условия этой колонии были в то время плачевные. Кассы были пусты, население изнемогало под деспотическим управлением туземных шэфов, которые в то время пользовались еще реаль-

ною властью, а личный состав голландских администраторов далеко не достиг еще той степени порядочности, которая ныне составляет правило, а не исключение.

В 40-х, 50-х и даже 60-х годах нынешнего столетия колониальная администрация была небезупречна. Резиденты с неограниченною властью держали себя маленькими царьками в своих резидентствах. Они, несмотря на крупное содержание, не стеснялись еще увеличивать свои доходы спекуляциями сомнительного свойства, а то и просто взятками. Такие добровольные подношения, известные под ласкательным наименованием *cadeautjes* (подарочки), поступали преимущественно от китайских спекуляторов. Падкие на наживу сыны Неба, когда они были богаты и желали зацепить какой-либо выгодный гешефт, как, например, аренду на поставку опиума, являлись к резиденту, от которого зависело сдать опий тому или иному откупщику. Китаец, жаждущий концессии, подносил начальнику края ящик дорогих сигар, под слоем которых скромно, как фиалки, но сильно и приятно благоухали пять или шесть билетов в 1,000 гульденов. Сигары, таким образом, оказывались действительно «дорогими», обходясь подносителю по 50 и 60 гульденов за штуку. Если подарок китайца казался начальнику края мало соответствующим тому громадному барышу, который откупщик мог реализовать впоследствии, резидент медлил решением, а на робкое напоминание своего клиента отвечал: «Сигары ваши очень мне понравились, нельзя ли еще ящичек получить?».

После второго, часто улучшенного и дополненного издания сигар дело быстро решалось в пользу догадливого подносителя. Обе стороны оставались вполне довольны, откупщик наживал громадные деньги: купленные за 5,000 гульденов 1,000 кг опия он продавал затем *en detail** по 50 и 60 гульденов за один килограмм и в короткое время составлял себе крупное состояние. Покладливый же резидент, любитель «хороших сигар», приобретал очень для себя существенное и выгодное расположение китайцев, не в одном лишь своем резидентстве, но еще и за пределами своей юрисдикции.

Вот почему, когда услужливого и любезного резидента переводили на иной пост, благодарная китайская публика давала ему наглядные и осязательные доказательства своего расположения. Это могло оказаться полезным для китайцев того нового резидентства, куда перемещался этот влиятельный сановник.

Ввиду сего придуман был и долгое время практиковался следующий ловкий фокус: перед отъездом резидент устраивал аукцион (*Vendutie*) своего имущества. В настежь открытые по этому случаю палаты резидента собирались его клиенты-китайцы вместе с прочею публикою и за малейший предмет, имевший честь принадлежать его высокоородию, платили нелепые и сумасшедшие деньги: письменный стол

* В розницу (*fr.*).

хозяина, стоивший новым у китайского же столяра 120, самое крайнее 150 гульденов, шел за 600 и 700 гульденов. Палка или зонтик резидента достигали баснословной суммы 75-100 гульденов. Право, за эту же цену можно было бы приобрести фельдмаршальский жезл Фридриха Великого или одну из его исторических тростей, если бы столь редкостные предметы случайно очутились на каком-либо аукционе!

При подобных условиях и таким манером резидент в 24 часа выручал чистыми деньгами 50 тысяч гульденов или более за обзаведение, которое обошлось ему тысяч в восемь или десять. Комбинация остроумная и притом ни к чему нельзя было придаться, так как торги происходили открыто и у всех на виду и в них участвовать мог всякий из присутствовавших. Ведь не существует такого закона, который возбранял бы человеку, будь он благодарный китаец, платить 100 гульденов за пару перчаток или за старый цилиндр, если такова фантазия покупателя.

Той же системе «хороших сигар» и прибыльных аукционов следовали и придерживались, с легкой руки хозяина губернии также ассистент-резиденты, контролеры и прочие тузы провинциальной администрации.

Но практиковалось это для мелких чиновников в более скромных размерах, ибо понятно, что большому кораблю большое и плавание!

Само собою разумеется, что и туземные регенты, эти по регламенту «младшие братья» резидента, не сидели сложа рук, а также, со своей стороны, действовали по мере сил и разума в том же смысле и направлении. Регенты, будучи притом азиатами, т.е. деспотами и хищниками в душе, не сдерживаемые контролем свыше, наживались не по дням, а по часам, душили и эксплуатировали своих яванских опекаемых совершенно безнаказанно. Они налагали на население тяжкие барщины, непосильные взыскания и денежные штрафы в свою пользу и суда никакого на них не было.

Можно утверждать, что в эти, еще не слишком отдаленные от нас времена, всего 30-40 лет тому назад, когда фактически еще существовало рабство и когда под предлогом принудительных культур чинились всякие беззакония, стон и вопли отчаяния стояли по всей Яве среди разоренного и бесправного населения.

Вот на эти-то вопиющие злоупотребления, сопровождаемые порою жестокостями, впервые имел гражданскую доблесть открыть глаза своим соотечественникам в Голландии некто Douwer Dekker, alias Multatuli*. Заслуга этого честного человека была тем высшая, что Деккер сам принадлежал долгие годы к составу голландской администрации на Яве, где он служил ассистент-резидентом. В течение своей 17-летней служебной практики автор сенсационных разоблачений

* Эдуард Дауэс Деккер, он же Мультатули.

о яванском управлении имел возможность лично и близко освоиться со всеми неприглядными сторонами и злоупотреблениями колониальной администрации. Прекрасно знакомый с нравами, обычаями и языком населения, для которого сам Деккер был постоянно справедливым и гуманным начальником, автор книги о Яве возмущался теми экспериментами in anima vili*, которые в то время беспрепятственно производили его соотечественники и сослуживцы.

Деккер в книге своей «*Max Havelaar*, или Кофейные аукционы Голландской торговой компании», обнаружил все эти безобразия и в едкой сатире, не лишенной темного и трагического юмора, описал эгоизм, жадность и неспособный произвол современного ему колониального чиновничества. Под именем Макса Хавелаара автор вывел на сцену самого себя.

Книга эта, появившаяся в начале 60-х годов, произвела и не могла не вызвать громадной сенсации в правительственных сферах и в общественном мнении, как в метрополии, так и в самой Индии.

Непосредственным результатом этого беспощадного разоблачения было для самого автора увольнение его от службы, сопровождаемое всяческими придирками и гонениями. Карьера Деккера была разбита. Унижаемый и оскорбляемый всеми автор «Макса Хавелаара» принял тогда латинское nom de plume** — Multatuli (много перенесший), под которым он и приобрел себе видное и почетное место в голландской литературе.

На негодующие вопли задетых в книге за живое и заинтересованных лиц будто все эти обвинения ложь и гнусная клевета, Деккер смело выступил вперед с требованием к нидерландскому правительству доказать, что его книга есть злостный и тенденциозный памфлет. От выяснения сего правительство, однако, благоразумно уклонилось, вероятно, чувствуя себя не без греха.

Вопросы, поднятые и затронутые Мультатули***, долго и бурно занимали собою общественное мнение и сделались даже предметом живейших интерpellаций в парламенте. Один из выдающихся депутатов публично признал, что вся Голландия поражена ужасом, а профессор Лейденского университета Veth, знаток и специалист по индийским делам, не задумался высказать, что Мультатули, движимый чувством патриотической умеренности, скорее стусевал, чем стусил темные краски над некоторыми постыдными действиями индийского управления, фактами общеизвестными и легко поддающимися контролю.

Как бы то ни было, первый толчок был дан, он исходил от человека компетентного и честного, благонамеренность которого стояла

* Над живыми душами (лат.).

** Литературный псевдоним (фр.).

*** В нашей стране книга Мультатули вышла под заглавием «Макс Хавелар, или Кофейные аукционы Нидерландского торгового общества» (М., 1927).

превыше всех сомнений. К тому же сенсация и негодование, вызванные разоблачениями Деккера, были слишком глубоки и продолжительны, чтобы не привести, в конце концов, к серьезной реорганизации колониального управления на новых и лучших началах справедливости и гуманности.

Если в настоящее время уничтожены произвол и взяточничество, если прежние глубокомысленные и авантажные комбинации с резидентскими аукционами отошли ныне в область отживших преданий; если личный состав администрации, вместе с нравственным уровнем отдельных личностей, повысился и улучшился, а хищническую систему управления заменил режим разумный и отечески относящийся к нуждам населения, можно смело утверждать, что столь коренными и благоприятными изменениями Голландия и Ост-Индия обязаны прежде и больше всего великодушному почину Доувера Деккера.

Введенные центральным правительством реформы в колониальной администрации были тем более неотлагательно необходимы, что экономические условия, в которые давно уже поставлена была сама метрополия, требовали возможно скорейшего принятия более радикальных и разумных мер.

В самом деле, Нидерланды долго не могли оправиться после того, как голландская казна ссудила 38 миллионов гульденов нуждавшейся Яве. К этому крупному расходу присоединились еще те миллионы, которые поглотило подавление бельгийской революции и отпадение от голландской короны богатой и промышленной Бельгии. Все это самым чувствительным образом отозвалось на финансах и благосостоянии Голландии.

При таких обстоятельствах Ява на дальнейшую материальную помощь со стороны метрополии рассчитывать не могла. Приходилось поэтому изыскивать в самой Ост-Индии новые местные ресурсы для улучшения общего неудовлетворительного положения дел.

Вот в эту-то критическую для Ост-Индии эпоху ее существования возник в лице ее нового генерал-губернатора ван ден Босх, *l'homme providentiel**. Ван ден Босх обещал и гарантировал центральному правительству, что он на Яве в короткое время все перевернет вверх дном, а самую Яву снова превратит в прежнее неисчерпаемое золотое дно, доходами с которого в избытке покроются недоборы, как в самой колонии, так равно и дефициты метрополии.

Понятно, что весьма стесненное правительство в Гааге, которое не знало как извернуться, отнеслось с восторгом и доверием к заманчивым и многообещающим предложениям генерала ван ден Босха. Оно дало ему самые широкие полномочия, а новый правитель края, по прибытии в Батавию, немедленно приступил к коренной реформе экономического строя.

* Человек, ниспосланный провидением (*фр.*).

Теория, которою руководствовался генерал ван ден Босх в своих начинаниях, была весьма несложная. Она всецело резюмировалась в следующем основном и чуть ли не единственном положении: государство — это исключительный собственник и распорядитель всего существующего, следовательно, исключительно одному правительству должно *de jure* и *de facto* принадлежать право монополизировать всю продукцию края с недопущением никакой и ничьей частной конкуренции.

Вывод свой ван ден Босх основывал на адате, т.е. на совокупности положений обычного и старинного мусульманского правового кодекса яванцев. В силу постановлений адата, все и вся, земля и люди на ней жившие составляли бесспорную и неотъемлемую собственность правителя, поставленного, по воле Аллаха, во главе своих подданных. А так как яванских государей и правителей более не существовало, все же их диктаторские и неограниченные права унаследовала нидерландская корона, то из этого видоизмененного строя новых порядков ясно и определенно вытекала законность неотъемлемых притязаний голландского правительства на все то, что некогда принадлежало ныне упраздненным яванским султанам, раджам и прочим бывшим властителям края.

Ван ден Босх значительно раздвинул, кроме того, первоначальные рамки и тесную программу действий первого инициатора новой системы, маршала Дандельса. Кроме кофе, введены были еще обязательные культуры индиго, чаю, табаку, сахарного тростника и иных колониальных продуктов, в силу сперва так называемого добровольного соглашения с туземными культиваторами; впоследствии, ввиду усиления своих доходов, казна стала уже прямо вынуждать туземцев к почти исключительному труду в свою пользу, причем правительственными органами, наблюдавшим за работами, деятельно помогали заинтересованные в барышах яванские регенты и старейшины *десс*.

Система, введенная ван ден Босхом, прославила ее автора и известна под наименованием «принудительных культур». Их значение для края, осязаемые результаты этой реформы выяснены обстоятельным и наглядным образом в книге J. Leclercq. *Un séjour a Java*^{*}, в известных уже талантливых очерках Шалье Бера *Les Hollandais a Java*^{**} и в книге княгини Щербатовой «В стране вулканов» (глава III). Leclercq в последней главе своей *le Systeme Colonial des Hollandais*^{***} характеризует более специально период управления ван ден Босха и преемников его в Батавии, каковы: Рохуссен, Бод и др.

Я должен по поводу деятельности ван ден Босха сделать существенную оговорку: этот реформатор изменил к лучшему одни лишь эконо-

^{*} Ж. Леклерк. Пребывание на Яве (фр.).

^{**} «Голландцы на Яве» (фр.).

^{***} Голландская колониальная система (фр.).

мические приемы управления; он достиг более интенсивной продуктивности, а с нею материальных результатов, о возможности осуществления которых до ван ден Босха никто и помышлять не осмеливался. Но при этом генерал-губернаторе и еще долгое время спустя, при его преемниках, голландский режим приобрел и сохранил еще более хищнический характер, благодаря именно повсеместному распространению обязательных культур. Самой сути, составлявшей корень зла, т.е. системы внутреннего управления, ван ден Босх и его преемники не коснулись. Злоупотреблениям и язвам этой системы суждено было исчезнуть лишь в конце 60-х годов, когда над Голландией, подобно трубному звуку, прогремел обличительный голос Мультиатули.

Ван ден Босх, как бы то ни было, сыграл значительную и крупную роль в истории Голландии и ее заморских владений. Его, подобно Куну и Дандельсу, относят к категории собирателей и умножителей колониального достояния. Идею его о принудительных культурах многие порицают как мероприятие отсталое и жесткое в своей несправедливости, другие, напротив — и таких панегиристов немало — именно с ван ден Босха начинают считать Яву вполне ассимилированным голландским достоянием. Они утверждают, что этой ассимиляции никогда бы не достигли, если бы ван ден Босх не возымел своей гениальной идеи, положившей краеугольный камень позднейшему процветанию Явы.

Истина, вероятно, и в настоящем случае, как всегда, находится в середине между этими двумя крайними оценками. Одно не подлежит сомнению: человек, вокруг которого так азартно и страстно спорят враждующие лагеря и о котором возникла целая литература, специально посвященная разбору «за» и «против» его начинаний, бесспорно был личностью одаренною и выдающеюся по своим способностям.

Не могу в заключение не упомянуть в связи с ван ден Босхом о чрезвычайно любопытном, несколько уже устарелом труде John Money'я Java, с характерным подзаглавием *or how to manage a colony* (или как следует управлять колонией).

Книга эта вышла еще в 1861 г. Автор ее, чиновник гражданского управления Британской Индии, а *civil service man**, как выражаются англичане, выгодно отличается от своих соотечественников своим беспристрастием и редким у англичан качеством — отсутствием узкого британского шовинизма. Money умеет понимать и ценить светлые и хорошие стороны иноземных учреждений, на что англичане большею частью неспособны, так как они обыкновенно превозносят до небес лишь все английское, к проявлениям же не британской культуры относятся с высокомерным пренебрежением.

Книга John Money'я внушена и вызвана была не отдаленными еще в 1861 г. кровавыми событиями 1859 г. в Британской Индии, когда ох-

* Государственный служащий (англ.).

вадившее весь край восстание сипаев грозило одно время положить конец владычеству англичан.

Заметки Money'я могут быть прочтены не без пользы еще и ныне, спустя с лишком 38 лет после первого их появления. Рассудительный и объективный автор своему описанию Явы и голландских порядков, которыми он не может достаточно нахвалиться, предпослал нелестный для английского самолюбия очерк Британской Индии под управлением Англии. Из этого он выводит заключение, что так, как действуют англичане, не следует управлять колонией. Money, рекомендуя голландский метод администрации, преподает своим соотечественникам и своему правительству практический урок политической экономии и разумного и гуманного отношения к людям азиатской расы. Мило, должно быть, было обращение просвещенных мореплавателей к презренным черным «niggers» в Британской Индии, если Money находит возможным одобрять и даже восхищаться кроткостью голландского *modus precedendi* в отношении яванцев! Мы только что видели выше, каково в действительности было отношение к туземцам колониального управления на Яве, недостатки которого столь красноречиво бичевал Мультатули.

Что касается методы генерала ван ден Босха, Money в восторге от его идеи. Он до того восхищается блистательными результатами, достигнутыми введением принудительных культур, что даже книгу свою посвящает памяти этого «великого государственного деятеля» (*great statesman*).

Вот небезынтересное резюме 25-летней деятельности на Яве генерала ван ден Босха, как излагает оную в своем предисловии John Money: доходность колонии с 25 миллионов гульденов в 1832 году (до вступления в должность нового правителя края), возросла до 115 миллионов. Вместо прежних дефицитов получились излишки в бюджете, доходившие до 40 миллионов. Благодаря этим излишкам, значительно возвысилась выплачиваемая ежегодно Голландии контрибуция (*quote part*) со стороны ее индийских колоний. Личный состав голландской администрации в крае был увеличен количественно и улучшен в качественном отношении. Больше внимание было обращено на публичные работы и на общественные сооружения на пользу края, что сделалось осуществимым благодаря усилению средств колонии. Ввоз повысился с 1,3 миллионов до 5 миллионов, вывоз поднялся с 2 до 8,5 миллионов. Уменьшились и сократились на Яве разбои и преступления. Money констатирует изумительно быстрое и с каждым годом все более ощутительное приращение туземного населения. С 6 миллионов душ, разоренных и плативших всего до 2 миллионов фунтов стерлингов ежегодно податей и сборов (*revenue*), население это возросло до 12 миллионов, т.е. удвоилось и образовало самый состоятельный на всем дальнем Востоке класс земледельцев и поселян, благодаря чему казна стала получать до 9,5 миллионов фунтов

стерлингов податей, что, по расчету Money, составляет до 16 шиллингов 6 пенсов с души.

Не следует забывать, что Money посетил и ознакомился с дореформенной Нидерландской Индией, которую долгий, свыше чем десятилетний период времени отделял еще от благотворительных преобразований, вызванных инициативой Доувера Деккера. И тем не менее, Money, участник британского управления в Индии, называет голландские порядки идеальными, что, конечно, может внушить о британском режиме лишь весьма невыгодное представление.

В настоящее время с каждым годом сокращается все больше самая площадь тех земельных участков, на которых правительство принудительным образом насаждает кофе. Система эта продолжает быть стеснительною и непопулярною в крае, да кроме того, принудительные культуры далеко уже не дают казне прежних значительных доходов. Вследствие сего все чаще и сильнее раздаются даже в официальных сферах голоса, требующие ограничения обязательных культур и дозволения туземцам и частным лицам сажать и продавать кофе за свой собственный счет.

Частных кофейных плантаций развелось за последние годы на Яве и Суматре очень много, но не видно пока, чтобы туземцы особенно усердно возделывали за свой счет кофе. На казенных плантациях, где рабочие трудятся безвозмездно под контролем правительственных надзирателей, туземцы за каждый пикль кофе (61,5 кг), поступающий в казенные магазины, получают ныне всего 15 гульденов, тогда как казна этот самый пикль продает затем по цене, колеблющейся между 40 и 60 гульденами, реализируя, таким образом, от 25 до 45 гульденов netto с каждого пикля.

При таких условиях для туземцев было бы чрезвычайно выгодно сажать и продавать кофе за собственный счет. Между тем, они этого не практикуют, отчасти потому, что с посадкою кофе связано для них ненавистное представление о принудительности, отчасти еще потому, что они кофе, которого сами не пьют, всегда предпочитают разведение более насущных и выгодных для своего обихода культур, каковы: рис, кокосовые орехи, сахарный тростник и пр.

Что же касается европейских плантаторов, которые труд наемных кули вынуждены оплачивать да, кроме того, содержать при плантациях дорого стоящий штат администраторов и контролеров, то в настоящее время культура кофе невыгодна и с каждым годом все менее покрывает затрачиваемый на оную капитал.

Кофейные плантации на Яве до того жестоко потерпели от опустошений паразитного грибка *Nemileia vastatrix*, что пришлось прежние кусты заменить новыми деревцами из Либерии, на западном берегу Африки. Либерия лучше выносила климат и почвенные условия, она не поддается влиянию паразитов, но сорт этот грубее и ценится дешевле. Выписка кустов из Африки и насаждение оных обошлись очень до-

рого и в первое время после посадки плантации дали лишь незначительное количество кофе.

Все сильнейшую конкуренцию яванскому кофе делают сорта бразильский, цейлонский и бирманский. Бразильский кофе по качеству и ароматности ниже яванского. Но, несмотря на дальность поставки и цены фрахтов, он обходится дешевле яванского даже в пределах самой Инсулинды и на всем крайнем Востоке, не говоря уже о Европе, где он всего более распространен.

Все эти условия пагубно отзываются на индустрии кофе в Нидерландской Индии, плантаторы да и самое правительство давно уже терпят убытки. Количество добываемого ежегодно кофе все сокращается, причем самый продукт постоянно понижается в цене.

Так, в 1895 г. сбор казенного кофе достиг цифры до 370,000 пикблей, тогда как в 1894 дал всего 230,000 пикблей. Далеки уже те времена, когда за один пикбль хорошего кофе (наивысшим по качеству считается продукт с о. Суматры) выручали 60 и даже до 80 гульденов. Ныне казна и частные производители счастливы, когда цена на высший сорт достигает 50-55 гульденов за пикбль. Случается весьма часто, что цена за пикбль не доходит даже до минимума, установленного правительственной оценочною комиссией, т.е. 40 гульденов, как это и произошло в 1897 г. на одном из четырех аукционов кофе, ежегодно имеющих место в казенных магазинах в Батавии и в Паданге.

Вследствие сего кризиса частные производители на Яве созвали весною 1898 г. в Маланге специальный «кофейный» конгресс для обсуждения мер к поднятию производства и для упорядочения качества и цен на кофе. Обсуждали горячо и много, сидели долго, все единогласно констатировали неудовлетворительность настоящего положения дел и убытки, уже причиненные кризисом, но к сколько-нибудь практическому результату и решению созданный конгресс не пришел.

Дела шли так плохо, что многие плантаторы ликвидировали свои участки и распустили свой персонал, содержание которого обходилось им слишком дорого при настоящих условиях. Между тем, в действительности кофейные плантации не требуют слишком усиленного и сложного ухода. Отдельные деревца быстро в этом благодатном для растительного царства климате достигают 2-3-саженной вышины при известных однако условиях: плантации кофе располагаются преимущественно на возвышенных местностях, на высотах от 800 до 3,500 футов над уровнем моря. Дабы кофе давал хороший сбор, необходимо оградить кофейное деревцо от слишком сильного и непосредственного воздействия солнечных лучей. Ввиду сего, между отдельными кустами сажают деревья, которые своею тенью прикрывают и охраняют кофе от излишней жары, а также от крупных тропических ливней, вследствие которых опадают цветки, а почки подвергаются гниению.

Кроме правительственных плантаций кофе, существуют еще и частные по всей Яве, на Суматре, Целебесе, на островах Бали и Тиморе.

Они сданы казною частным лицам, за определенную плату в аренду на 77 лет. Плантаторы свободно продают продукт свой по существующим в данный момент рыночным ценам. Минимум количества акров земли, годной под кофе, которую снимают арендаторы, равняется обыкновенно 400-500 акрам (106 акров = 1 десятине). Но встречаются собственники крупные, имеющие 1,200-1,500 акров и более. Кофе дает плод на 4-й год, и можно к тому времени рассчитывать на чистый сбор в размере 1 пикюля с 1-го акра. На 5-й год один акр дает 4 пикюля, а на 6-й — от 9 до 12 пикюлей сбора.

В конце 1898 г., вследствие обильного урожая, цены на кофе поднялись и в декабре снова достигли прежних высоких цен, от 50 до 60 гульденов за пикюль. Но продержалось это недолго. Лучшим годом для частных производителей кофе на Яве считается 1894 г. Сбор за названный год достиг очень почтенной и редкой цифры 530,000 пикюлей, причем рабочие на частных плантациях заработали почти 12 миллионов гульденов, тогда как на казенных участках их доля составила всего 5 миллионов гульденов.

Кофе вывозится почти исключительно в Голландию, причем индийской казне уплачивается вывозная пошлина.

На Яве, особенно же в регентстве Преангер, существуют также многочисленные чайные плантации различных сортов **чая**: яванского, ассамского и китайского. Яванский чай запахом, вкусом и терпкостью напоминает ассамский, он менее ароматичен, чем цейлонский. Чаи эти вывозятся в Европу, Персию, Афганистан, Сиам, Японию и отчасти в Америку. Яванские чайные производители до сих пор предпочитают Амстердаму Лондон для сбыта своих продуктов, так как лондонские агенты и чайные маклера довольствовались куртажем в 1%, тогда как в Амстердаме брали 1,5% и 2%. Но в последнее время Амстердам вошел в непосредственное соглашение с яванскими чайными плантаторами, дабы привлечь в Голландию предпочтительно перед Лондоном грузы яванского чая.

Наиболее выдающимися на Яве плантациями, как по площади, засеваемой под чай, так и по оборотам своим считаются плантации Паракан-Салак г-на Мундта и Синагар г-на Керкговена.

Г. Мундт, который в 1896 г. справлял 25-летний юбилей своей плантаторской деятельности, особенно успешно потрудился над распространением чайной культуры в западной части Явы. Можно утверждать, что г. Мундт создал на Яве эту культуру и эту отрасль промышленности. Когда он в 1871 г. вступил в качестве администратора в управление имением Паракан-Салак, чай возделывался в виде опыта на пространстве всего лишь 300 *боу**, самая культура была первобытная, а чайные сорта неудовлетворительного качества. Ныне, в 1896 г., площадь чайных культур увеличилась в 10 раз и занимает уже 3,200 *боу*, причем и са-

* 1 *боу* (правильнее *бай*) равно 0,71 га.

мый продукт поднялся в качестве и в цене. Все эти блистательные результаты достигнуты были благодаря неутомимому труду и неусыпной энергии г. Мундта, который лично отправился на о. Цейлон изучать тамошние методы культуры и приготовление чая.

Более усиленное насаждение, а затем и экспорт чая начались на Яве в 1875 г., когда вывоз достиг 2.178,630 кг. В 1879 г. вывезено было 2.590,000 кг в Англию, Нидерланды и Австралию. В 1895-96 гг. вывезено было чаю 3.765,000 кг, а в 1896-97 гг. — 3.639,583 кг.

Чайные плантации разделяются на 3 категории:

1) Предприятия (*ondernemingen*), эксплуатируемые по взаимному соглашению производителей с туземцами-собственниками, которые свои негодные для насаждения риса участки отдали под чай. Участки эти при заботливом уходе дают доход в течение 25 лет, причем рассчитано, что с каждого *боу* владелец извлекает ежегодно до 75 гульденов чистой прибыли.

2) Участки, сданные правительством в наследственное пользование (*erfpacht*) или в наем (*huur*). Таковых плантаций считалось к концу 1894 года 96 с 10,263 *боу*, из коих на одно Преангерское регентство приходилось 67 *ondernemingen* с 9,130 *боу*.

3) Участки, отданные в собственность частным лицам, занимали площадь в 3,968 *боу* и дали к концу 1896 г. 67,5850 кг чая.

Разведение чая ведется по методу, распространенной в Британской Индии и на Цейлоне. Но китайские сорта, первоначально насажденные на Яве, все больше уступают место ассамским сортам. Культура чая почти исключительно сосредоточена на западной Яве, на остальных же островах архипелага чай не культивируется.

Плантации дают хорошие сборы благодаря климатическим и почвенным условиям, изобилию рабочих рук и умеренности заработной платы.

На плантациях снимаются листики чая ежедневно на 10, 13, 20 и 40-й день; сбор всюду обильный, так как сухость почвы и недостаток в орошении — явления исключительные.

Чай разводят одинаково на вулканической, терциярной и аллювиальной почве, лишь бы подпочва не представляла собою болота со стоячею водою. Каменистая почва тоже идет под чай, хотя она менее пригодна.

Плантации встречаются на высоте от 500 до 5,000 рейнских футов над морем. Большая часть расположена на высоте от 1,000 до 2,000 футов, но и выше (3-4,000 футов), получается еще хороший чай ассамского сорта. На здешней тучной почве чайные кусты не нуждаются в удобрении в течение нескольких лет. Следует лишь разрыхлять почву раза два в год и необходим ежедневный старательный уход за почвою и за кустами. Ежедневная чистка и подрезка растений дает тоже много работы.

Фабрикация чая требует дорогих и сложных машин, которые доставляются из Англии, а также кропотливой ручной работы по сбору

листьев, промывке, сушке, свертыванию их и пр. Рабочие все туземцы. На плантации средней величины, например, в 500 *боу* (355 гектаров) работает в самое горячее время приблизительно 500 мужчин и 700 женщин, именуемых *pluksters*, т.е. люди, срывающие листки.

Плантация Синагар г. Керкговена продает, например, семена сорта ассам по 9 гульденов за 1 *гантам* (8,5 литров), что изображает, приблизительно, до 4,800 семян весом в 4,5-5 кг.

Сахарный тростник. Среди колониальных культур первое место, и притом более специально на Яве, занимало издавна насаждение сахарного тростника, которым занимается население всей восточной и отчасти северо-западной половины острова.

Еще и ныне, хотя и в значительно меньшей степени, чем лет 30 тому назад, сахарный тростник составляет одну из доходнейших статей колониального бюджета. Но на этой отрасли промышленности, подобно тому, как это случилось для кофе, чая, хинной коры и пр. продуктов, вредно отозвались перенесенные сахаропроизводителями тяжкие кризисы, конкуренция иных сахаропроизводительных стран, в особенности же возрастающее с каждым годом в Европе свеклосахарное производство. Культура свекловицы ныне вводится, например, в таких странах, каковы Швеция и Италия, в которых до сего дня этой индустрии не существовало. Свекловичный сахар, как продукт недорогой и легко осуществимый из находящегося под рукой материала, вполне удовлетворяет вкусам европейских потребителей. Нельзя того же утверждать об ост-индском сахаре. Прежде всего надо заметить, что рафинадных заводов в Нидерландской Индии не существует, получается и выводится лишь масса и песок, более или менее хорошо очищенные; по внешнему виду своему песок делится на 18 категорий или номеров, причем № 1 представляет собою почти черную и липкую массу, №№ 2, 3, 4, 5 тоже еще очень грубы и так далее до № 17, номера же 18-го, про который можно сказать, что он уже достаточно очищен, здешний сахар не достигает.

При вывозе этого продукта в Европу присяжные маклеры тщательно обозначают в коносаментх качество сахарного груза, оговаривая, например, что нагруженный сахар качеством выше № 17, но не достигает № 18. Делается это ввиду значительного повышения ввозной пошлины для рафинированного сахара.

Но даже и этот сахарный песок, бесспорно уступающий сахару в твердом виде, требует, кроме крупных предварительных затрат на выписку и установку машин на месте, еще и чрезвычайно сложной манипуляции. Машины получают из Англии и Америки и стоят очень дорого. К ним приставлены европейские механики и мастера, при заводах состоят европейские же администраторы, и все эти люди получают высокие содержания. Уже основной капитал, потребный для устройства сколько-нибудь приличной сахарной эксплуатации, и притом отнюдь не в преувеличенных размерах, равняется по меньшей мере 400 тысяч гульденов.

Сахарная индустрия процветала и одно время давала даже производителям огромные доходы. Плантаторы сахара наживали в короткое время миллионные состояния, так как лет 40-30 тому назад с Нидерландскою Индией еще не конкурировала в столь сильной степени Европа с ее свекловицею, ни Бразилия, ни Британская Индия, ни Куба и потому спрос был значительный и цены держались крепкие.

Но когда разразились один за другим несколько крупных крахов, сахарозаводчики сразу потеряли несколько миллионов на одной Яве. Они с тех пор никогда не в состоянии были поправиться, ввиду усилившейся с каждым годом иноземной продукции и понижения цен на яванский сахар, а цены эти в цветущую эпоху были чрезвычайно высокие: 1 пиккуль сахара продавался по 18-20 гульденов, обходилась же добыча одного пиккуля брутто всего каких-нибудь 4,5-5 гульденов. Плантаторы, на сколько-нибудь обширной плантации, достигали без усилия ежегодной продукции в 100,000 пиккулей, что изображало оборот в 18-20 миллионов гульденов, или от 13 до 15 миллионов чистого барыша в один год! Такие крупные собственники, реализовывавшие полностью фантастический тип индийского набоба, были, конечно, немногочисленны, но мелких сахаропроизводителей, тоже хотя и в менее грандиозных размерах наживавших миллионы, считалось в то время на Яве достаточное количество.

Ныне далеко уже не то, вследствие вышеизложенных причин экономического свойства. Хотя и в настоящее время условия, при которых добывается сахар, остались те же, т.е. хотя и ныне, например, один пиккуль брутто сахару, обходится плантатору не дороже тех же 4,5-5 гульденов, зато условия рынка, спрос и самые цены претерпели невыгодное изменение: давно уже один пиккуль сахару не превышает высшей цены в 8 гульденов, а сплошь и рядом случается, что его приходится уступать по 6,5 и даже по 6 гульденов, лишь бы от него отделаться. Вместо прежних 12-15 гульденов, плантаторы ныне, да и то с трудом и не всегда, реализуют всего каких-нибудь 2-3 гульденов барыша с пиккуля, причем цена в 7,5 и даже 7 гульденов за пиккуль считается уже очень удовлетворительною, когда же она, как в последние годы, понижается до 6,5 и 6, то сахарозаводчики работают уже себе в убыток, так как незначительный барыш, ими реализуемый, уходит на поддержание и ремонт завода и на необходимые технические улучшения или репаратуры* машин.

Был момент, когда сахарная индустрия на Яве начала было оправляться, с тех пор, как на о. Кубе, которая делает серьезную конкуренцию Яве по количеству своего производства, господствовала анархия и междоусобная война. Эти причины сильно сократили сахарную продукцию и вывоз сахара в Америку, которая, не находя достаточные количества оного на Кубе, стала усиленно вывозить сахар из Явы.

* Ремонт (от *англ.* repair).

Но так как есть предел всему, даже анархии, то с завоеванием Кубы американцами последним шансам Явы на снабжение Америки сахаром суждено исчезнуть безвозвратно. Нет сомнения, что через несколько лет хаотическое состояние дел на Кубе будет заменено благоустройством и правильною администрациею и что американцы серьезно и действительно примутся за эксплуатацию естественных богатств края. Главнейшие ресурсы и доходные статьи Кубы — сахар и табак — снова и в более усиленных против прежнего размерах войдут в свои права.

Кроме того, если Куба превратится в американский штат, территорию или колонию, в Америке уничтожены будут ввозные пошлины на прежний испанский сахар с Кубы, который сделается продуктом американским и, ввиду близости Кубы, обойдется Америке дешевле, чем сахар с отдаленной Явы.

Эта перспектива сильно озабочивает и смущает яванских сахаропроизводителей.

Того же можно ожидать и от Филиппинских островов, если они окончательно отойдут к Америке.

В настоящее время из всей многочисленной Филиппинской группы, состоящей из 1,000 островов, реальное значение имеет один лишь главный остров Лусон, который, сам по себе, изображает и резюмирует $\frac{7}{8}$ всего филиппинского производства и экспорта. Сахарный тростник, табак и пр. выгодные культуры будут, без сомнения, и на Филиппинах введены в широких размерах американцами или вообще новыми хозяевами, кто бы они ни были. Сахар с Филиппинских островов, будь он продуктом американским или немецким и английским, в случае, например, перехода группы во владение немцев или англичан, все равно нанесет новый и сильный удар еле дышащей и без того сахарной индустрии Явы.

Но пострадало бы не одно сахарное производство, а вся торговля и промышленность Нидерландской Индии в тот день, когда на Лусоне утвердится на солидном основании американский режим или иное какое-либо европейское сознательное и сильное правительство. Эту опасность для Индии сознают здесь одинаково официальные лица и коммерческо-промышленные сферы.

Вот почему перспектива перехода Филиппин, граничащих близ о. Борнео с индо-голландскими владениями в Азии, внушает серьезную тревогу колониальным властям в Батавии и центральному правительству в Гааге. Ни те ни другие не могут равнодушно относиться к вопросу о будущей судьбе Филиппинских островов, столь тесно и близко связанных с интересами голландской махтсферы в Азии. Естественно и понятно, что голландцы предпочли бы иметь своею непосредственною соседкою распатанную в своем авторитете и разоренную Испанию, которая, вследствие сего, безобидна и неопасна. Перейди, вследствие той или другой почти невероятной сделки, Филиппинские острова снова под власть и управление испанцев, роскошная по своим естественным

ресурсам группа эта останется в испанских руках тем же непроизводительным и заброшенным пустырем, каковым она не переставала состоять в течение трех веков испанского господства. Естественные богатства края так и продолжали бы оставаться неразработанными и непроизводительными, что, конечно, с экономической специально голландской точки зрения могло быть лишь желательно и выгодно.

Наоборот, нежелательно и невыгодно для Нидерландской Ост-Индии пробуждение Филиппин к новой жизни и к новой разносторонней деятельности под каким бы то ни было и под чьим бы то ни было сильным и солидным управлением.

Кроме того, вследствие политических и экономических соображений, утверждение американской власти на этой группе, столь близкой к голландской Инсулинде, было бы особенно неудобно. Благодаря своей империалистической политике, Соединенные Штаты фактически совершили уже занятием Лусона вторжение в азиатскую махтсферу интересов европейских держав. Громадные капиталы, которыми располагают американцы, протекционизм в торговле, которого они придерживаются, тоже не обещают в будущем ничего утешительного для голландцев, которые, вследствие отсутствия материальных средств, с трудом сводят концы с концами в своих колониях.

Утверждение на Филиппинских островах Англии, Франции или Германии, если уже группе этой судьбою суждено когда-либо перейти во владение европейской державы, было бы с голландской точки зрения наименьшим злом. Господство Англии потому, что великобританские владения, а, следовательно, и интересы и без того сильно разбросаны и раздроблены, так что, вследствие этой вездесущности Англии, Великобритании можно считать в достаточной мере насыщенною в колониальном отношении. Притом же либеральный английский принцип свободной торговли не внушает тех же опасений, какие представил бы американский протекционизм.

Господство Франции на Филиппинах можно бы даже предпочесть английскому владычеству уже потому, что Франция не оказалась до сего дня способною превратиться в колониальную державу, несмотря на приращения ее заморских владений.

Остается Германия, которой голландцы не любят и боятся, приписывая ей в Европе объединительные замыслы относительно собирания разрозненных частей германского фатерланда, а в Азии завоевательные виды с целью расширения своего теперешнего колониального достояния. В этом направлении и отношении голландцы полагают, что Германия недостаточно еще насыщена и они, быть может, не заблуждаются.

Всем еще памятны в Батавии двусмысленные маневры германской эскадры в лусонских водах и отношение немцев к американцам во время последней войны с Испаниею. С другой стороны — и это единственно утешительная сторона вопроса — Германия на Филиппинских ост-

ровах была бы клапаном, предохраняющим Нидерландскую Индию от действительных или предполагаемых германских посягательств на голландские владения, так как надо полагать, что через филиппинскую трубу немцы выпустят излишек своего, так сказать, колониционного пара; занятые водворением на Лусоне прусской культуры и прусской шагистики, они на долгое время оставят в покое собственно Нидерландскую Индию.

А что поползновения Германии, под видом угольной станции, захватить в свои цепкие руки ценою покупки или уступки в аренду тот или иной остров или даже целый архипелаг в Индо-Малайском океане действительно существуют и даже при случае обнаруживаются, в этом голландцы в метрополии и в Ост-Индии не сомневаются. Материальной возможности воспрепятствовать осуществлению подобного германского проекта голландцы не будут иметь ввиду недостаточности дефенсивных* морских и сухопутных сил, имеющихся в Ост-Индии в их распоряжении.

Словом, Германии и ее экспансивных тенденций голландцы опасаются прежде и пуще всего. Они утверждают, что имеют основания не доверять германской политике и ожидать неприятных для себя сюрпризов с ее стороны. Так, например, всеми в Ост-Индии был замечен и тревожно подчеркнут, как знаменательное явление, факт продолжительного пребывания в ост-индских водах германского броненосца Kaiser, который под начальством вице-адмирала Дидрихса командирован был в Батавию для приветствия индо-нидерландского генерал-губернатора по случаю восшествия на престол 31 августа 1898 г. молодой королевы Вильгельмины.

По миновании коронационных торжеств Kaiser не ушел обратно, подобно командированному с тою же целью английскому военному судну.

Вице-адмирал Дидрихс, напротив, отправился еще в Сурабаю, на острова Бали, Ломбок и вообще рекогносцировал яванское побережье с прилежащими островами. Kaiser, между прочим, зашел, под предлогом запаса угля, в Биму, на восточной оконечности о. Сумбавы, в группе Kleine Soenda Eilanden**, и простоял несколько дней в бухте Сапе, на берегу которой лежит незначительный городок Бима, резиденция местного султана. Необходимо заметить, что по свидетельству компетентных в морском деле лиц, залив Сапе, просторный, с глубоким рейдом, могущий дать убежище целому флоту крупных броненосцев, считается лучшею во всей Нидерландской Индии якорною стоянкою.

Вице-адмирал Дидрихс, кроме того, испросил и получил разрешение посетить еще атчинское побережье на северной Суматре. Германский адмирал должен был лично ознакомиться, между прочим, с прекрасною бухтою и стоянкою Сабанг на острове Уэй***, где голландцы

* Оборонительных (от *англ.* defense).

** Малые Зондские острова (*голл.*).

*** На современных отечественных картах обозначен как остров Ве.

устроили склад угля и доки. Пуло (остров) Уэй в стратегическом и политическом отношении являет пункт первостепенной важности, так как лежит в коротком расстоянии от Сингапура, и в случае натянутых отношений с Англией иностранные суда, минуя английский Сингапур, могли бы запастись углем на Уэе.

«Кайзеру» не пришлось, однако, посетить Суматру и Сабанг: телеграммою из Берлина вице-адмиралу Дидрихсу предписано было в начале октября, ввиду тревожного положения дел в Китае, немедленно присоединиться к судам германской эскадры в Киао-Джу*. Kaiser, тем не менее, проплавал в индо-голландских водах свыше 30 дней, и командир германского броненосца, несомненно, имел возможность рекогносцировать и ознакомиться со сравнительными достоинствами различных портов и островов из категории тех, что «плохо лежат».

Столь продолжительное курсирование «Кайзера» у берегов Явы и вызвало предположение, что Германия уже наметила себе подходящий пункт, а потому голландцы нисколько не будут изумлены, если в один прекрасный день Германия предложит голландскому правительству уступить или продать ей под якорную стоянку ту или иную бухту с ее Hinterland'ом в одном из морей, известных под названием Java Zee или Flores Zee**.

Но возвратимся к Филиппинским островам и к важному для голландских интересов вопросу, не разрешенному, по убеждению голландцев, американскою оккупациею этой группы. Общественное мнение в Батавии, признавая совершившийся факт перехода Филиппин под владычество Америки, самую оккупацию, однако, признавало лишь временною, а отнюдь не окончательною, ввиду встреченных американцами затруднений и упорного сопротивления жителей-тагалов, а также ввиду ясно обнаруженного ими стремления организовать в независимую Филиппинскую республику.

Вот почему для Нидерландской Индии продолжал оставаться открытым вопрос о будущей и уже окончательной судьбе этого бывшего испанского достояния.

Остается рассмотреть еще один способ разрешения этого вопроса, который состоит в предоставлении Филиппин Голландии, взамен уступки Соединенным Штатам голландских Гвианы, острова Кюрасао и других ее малоодоходных владений в Вест-Индии.

Голландцы, получив и без того входящие в их махтсферу Филиппины, несомненно в течение первого же десятилетия по вводе во владение создали бы из новоприобретенной территории благоустроенную и процветающую колонию, подобную Яве. Филиппинские естественные продукты, сделавшись статьями вывоза голландской колонии, не нанесли бы материального ущерба Яве и индо-нидерландской промыш-

* Киао-Чао — бухта, в которой расположен порт Циндао.

** Яванское море, море Флорес (голл.).

шленности и торговле, чего так опасаются голландцы при иных условиях.

Соображения эти верны, однако, лишь до известной степени и притом более в теории, чем на практике.

Начать с того, что судьба Филиппин, по-видимому, решена мирным трактатом с Испаниею в пользу Соединенных Штатов. Меркантильная Америка может, конечно, продать свое новое приобретение, например, англичанам, о чем одно время и поговаривали. Ничто точно так же не препятствует ей Филиппины уступить Голландии в обмен на Вест-Индию, которая непосредственно входит в американскую махтсферу, а потому более представляет значения и ценности для Соединенных Штатов в силу доктрины Монро.

Но еще вопрос, как отнеслось бы нидерландское правительство и его представители в обеих палатах к этой комбинации. Есть основание предполагать, что будь такое предложение поставлено в конкретной форме, голландские депутаты отказали бы подобной сделке в своем согласии и санкции. Они, вероятно, отступили бы перед риском и материальными затратами, сопряженными с расширением колониальных пределов; притом же, на первых порах пришлось бы силою подавлять вооруженное восстание воинственных тагалов, что до сего дня не удалось американцам, несмотря на все их экспедиции и затраченные десятки миллионов.

Сомнительно, чтобы даже более чем вероятные материальные выгоды, которые разумное и искусное голландское управление извлекло бы из филиппинского золотого дна, были бы в состоянии подвинуть и направить голландское правительство на столь все-таки рискованное и гадательное предприятие!

Я остановился несколько пространнее и подробнее на рассмотрении того значения, которое для колониальной державы, по преимуществу какова Голландия, имеет то или иное разрешение столь важного для нее вопроса о будущей судьбе Филиппинских островов. В самом деле, интересы Голландии не ограничены и не сосредоточены в одной лишь Нидерландской Индии, они распространяются и фактически существуют также вне пределов собственной Инсулинды. Варьируя известное изречение «gouverner c'est prévoir»*, можно безошибочно утверждать в наш материальный век, что «trafiquer c'est prévoir»**; и что современная политика прежде всего и более всего выражается на практике в открытии и обеспечении новых рынков сбыта для продуктов государства и страны, ведущей мировую торговлю.

А подобное расширение тесных рамок, в которых ныне задыхается индустрия Инсулинды, особенно желательно и необходимо, так как нельзя не признать, что общее положение колониального рынка давно уже представляется в далеко не удовлетворительном виде.

* Управлять значит предвидеть (*фр.*).

** Торговать значит предвидеть (*фр.*).

Глава XVII

Колониальный бюджет и периодические дефициты. —

Причины этого явления. — Ввоз и вывоз из Явы и из внеяванских владений. —

Культуры: табак на Яве и в Дели и иные тропические продукты. —

«Русские тропики». — Пригодность Закавказья и Батумской области для разведения на русской почве некоторых экзотических культур, каковы: хинное дерево, бамбук, ротанговая пальма, тиковое дерево и пр. —

Заарендованные статьи дохода и правительственные регалии. —

Железные дороги, трамваи и пути сообщения. — Пароходные сообщения Нидерландской Индии с Европою и другими частями света. — Желательность завязания торговых и пароходных сношений специально с Россиею.

В прежние отдаленные времена Ост-Индия была поистине золотым дном для Голландии, которая на свои колонии не только не тратилась, но еще и извлекала из них значительный доход и ежегодную субсидию.

В эпоху более приближенную доходность эта несколько сократилась, но все же изображала собою внушительную цифру. Ост-Индия ежегодно уплачивала свою *quote part** метрополии, что именовалось *Bijdragen ans Rijksmiddelen* (*Contribution des Indes au Tresor de la Metropole*)**.

Начиная с 1867 г. эти *Bijdragen* были ничтожные, так, с 1867 по конец 1881 г. Ост-Индия доставила всего 2.761,200 гульденов, причем на долю, например, 1877 г. приходится всего 1/2 миллиона гульденов.

Вот таблица общих расходов, приходов и дефицитов колонии за период времени с 1888 по 1892 г.

	Приход	Расход	
1888 г.	121.690,000	128.034,900	дефицит свыше 6,600 тыс. гульд.
1889 »	132.332,000	129,133,000	в приходе 3,199 тыс. гульд.
1890 »	137.789,000	127.737,000	» 10 млн. гульд.
1891 »	116.349,000	131.263,000	дефицит 14,900 тыс. гульд.
1892 »	127.089,000	136.259,000	» 9,170 тыс. гульд.

Иными словами, за 5 бюджетных лет насчитывается 3 дефицитных года с общею цифрою недобора в 30,740 тыс. гульд.

С 1867 по конец 1892 г. чистый доход составил 134 миллиона, недо-чет достиг 92,600 тысяч, но получившееся, по-видимому, превышение 40 миллионов было, в сущности, лишь кажущееся, так как за означен-

* Квота, доля (англ.).

** Вклад Нидерландской Индии в казну метрополии (голл. и фр.).

ный период времени израсходовано было из колониальных средств свыше 80 миллионов гульденов на сооружение целой сети железных дорог с боковыми линиями, прорезывающими Яву с запада на восток, на постройку конно-железных дорог, шлюзов, ирригационных каналов, на урегулирование течения некоторых рек и пр.

Следует еще при этом иметь в виду, что бездонная атчинская пропасть с самого начала восстания в 1873 г. и по 1898 г. поглотила самым непроизводительным образом свыше 300 миллионов гульденов и что нет никакой возможности определить, когда эта война, наконец, прекратится.

Ввиду постоянных дефицитов (недобор за 1898 г. достиг 14 миллионов гульденов) Нидерландская Индия уже в 1897 году пыталась, но unsuccessfully, заключить в Голландии заем в 30-35 миллионов.

Если начинает оскудевать бывшая житница и Эльдорадо Голландии — Ява, то о доходности внеяванских владений и говорить нечего.

Все промышленные и торговые транзакции, совершающиеся на островах Суматре, Борнео, Целебесе и пр., в сущности и в общей сложности составляют немногим более половины всего экспорта Явы. Лучше всего иллюстрируется эта пропорция цифрами вывоза, которые приводит «Статистика торговли и судоходства за 1897 г.».

Так, в 1896 г. вывезено из одной Явы за счет правительства и частных лиц на сумму 142.499,708 гульденов, в 1897 году — на сумму 132.197,238 гульденов — вывезено из *Buitenbezittingen* за счет одних лишь частных лиц, в 1896 г. — на сумму 67.130,953 гульденов, а в 1897 г. на сумму 68.216,316 гульденов

Если сравнить вывоз из внеяванских владений с вывозом из Явы, то окажется, что экспорт одной Явы вдвое сильнее. Пропорция эта возрастает до 18, если принять в соображение, что Ява с ее 2300 кв. миль протяжения почти 18 раз вмещается в тех 40,000 кв. милях, которые составляют площадь всей остальной внеяванской Инсулинды*.

С течением времени голландские капиталы и рабочие силы будут, несомненно, вынуждены необходимостью искать иного поля деятельности вне пределов Явы, уже теперь ставшей слишком тесною. Голландцы тогда направят свои усилия в сторону Суматры, Борнео и пр. островов, которые в более интенсивной степени, чем ныне, откроются для цивилизации и культуры.

А пока вся промышленная и колонизационная работа сосредоточивается почти исключительно на одной Яве.

На этом острове не существует клочка земли, который не был бы уже употреблен в дело; с запада к востоку и с севера к югу, вдоль и поперек всего роскошного парка, именуемого Явою, культуры следуют за культурами; это повсюду, на сотни километров, сплошные и непрерыв-

* Площадь суши Индонезии, совпадающая с площадью б. Нидерландской Индии, составляет 1904 тыс. кв. км, в т.ч. Ява и Мадур — 132,1 тыс. кв. км.

вающиеся плантации риса, кофе, чая, сахарного тростника, хины, индиго, *ротанговой* пальмы и тикового дерева. Там, где не возделываются продукты растительного царства, земля дает в изобилии нефть.

На Яве нет, кажется, такой культуры или эксплуатации, которая там не была бы введена и не функционировала бы более или менее успешно. В этом направлении мудрено придумать что-либо новое, еще небывалое. Да, кроме того, на густонаселенной Яве, где европейцы и туземцы фактически соприкасаются, не имеется более свободных земель для подобных экспериментов, все занято и давно разобрано.

Не следует далее упускать из виду, что Ява, будучи вулканической формации, покрыта сравнительно тонким слоем растительной земли (*humus*), под которою встречается лава, сера и горячая вода. Плодородность даже такой роскошной почвы, какова яванская, постепенно истощается и такому истощению еще, с своей стороны, способствуют усиленные культуры. Вот почему кофе, сахарный тростник и пр. произведения дают продукт неудовлетворительного качества, который к тому же вызывает тенденцию ухудшаться чуть ли не с каждым годом.

Приведу лишь один пример: кофейное дерево имеет прямые длинные корни, которые необходимо сажать глубоко и вертикально метра на полтора в землю. На такой глубине корни не всегда встречают годную растительную почву, дерево вследствие сего не достигает полного развития и кофе дает плохой урожай.

То же самое, в большей или меньшей степени, можно сказать и про все остальные культуры, которые в количественном отношении далеко уже не дают того, что от них вправе были бы ожидать плантаторы.

Несмотря, однако, на неудовлетворительные условия почвы и на понижение цен, вызванное иноземною всевозрастающею конкуренциею, Нидерландская Индия и Ява по преимуществу остаются странами земледельческими. Колониальные продукты, хотя и в меньшей степени, чем лет 30-40 тому назад, все же еще составляют главнейшие статьи вывоза и доходности.

На первом плане по своей сравнительной выгодности и по цифре, достигаемой экспортом, продолжает стоять культура сахарного тростника. Но если прежние чистые и высокие барыши, реализуемые в эпоху процветания этой индустрии, давно, как мы видели выше, отошли в область преданий, то самый сахарный тростник, невзирая на все перенесенные злключения, все же еще занимает первое место среди статей колониального вывоза.

Следующие таблицы с 1894 по конец 1897 г. свидетельствуют о крупном экспорте этого продукта.

Вывезено **сахару** в килограммах:

в 1894-95 гг.	круглым числом 492.000,000
» 1895-96 гг.	почти 570.000,000
» 1896-97 гг.	518.000,000

На сумму 51.830,000 гульденов преимущественно в Англию (88.000,000 кг), в Америку (45.000,000 кг), в Порт-Саид и далее по заказу европейских потребителей 128,5 миллионов кг, в Сингапур 27 миллионов кг, в Гонконг 132,5 миллионов кг, в Австралию 32,5 миллионов кг в течение, например, 1897 года. В 1895-96 гг. сахарных заводов, работавших на Яве, было 152 на пространстве 80,847 боу, ими занятых под сахарный тростник.

Остается упомянуть еще о некоторых иных культурах и прежде всего о **табаке**, который в резидентстве Бесуки, западной Явы, в особенности же в Дели, на Суматре занимает первое после сахара место по своей высокой доходности.

Индустрия эта сосредоточена почти исключительно в руках частных лиц и компаний.

Из них крупнейшая Deli C° на Суматре, которая в 1894 г. отпраздновала 25-летие своего существования. Замечательно, что во всей Нидерландской Индии лишь на о. Суматре и притом исключительно в одной провинции Дели до сего дня произрастает табак, который собственно для курения никуда не годится (в трубке или в виде папирос), но лист которого при условии специальной сушки и обработки употребляется исключительно и предпочтительно на обертку лучших и самых избранных сортов сигар. Лист делейского табаку мягкий, нежный, чрезвычайно гибкий, желтого цвета и составляет первую внешнюю оболочку сигар высокого достоинства. Лист этот требует очень сложной и внимательной манипуляции, он вывозится в громадных количествах в Голландию, Америку и Гамбург. Из одного листа изготавливается до 4 сигарных оболочек.

Этот специальный сорт табаку встречается только в самом Дели и на делейской территории, наиболее близкой к самому центру производства.

Нигде вне пределов Дели, даже поблизости, не удалось отыскать почвы и климатических условий, которые давали бы продукт одинакового достоинства.

Табак дает собственникам и акционерам Deli C° почти баснословные барыши. Так, «Дели и К°» выплачивала даже в первые сравнительно неблагоприятные годы по своему основанию не менее 25% чистого дивиденда, позднее от 50 до 60%, а в последние годы дивиденд этот превысил даже 80%. Акции компании, выпущенные по 100 и 500 гульденов, котируются ныне в 5,000 гульденов и выше. Их даже за 6,000 гульденов нет возможности приобрести в настоящее время.

Надо заметить при этом, что Deli C° имеет весьма сложную и дорогую администрацию, как, например, директора с месячным содержанием от 4 до 5,000 гульденов, главные инспекторы с 2,000 гульденов в месяц, контролеры, европейские мастера и пр., которые, кроме высокого жалованья, получают еще и дивиденд. Тем не менее, компания процветает и дела ее идут блистательно.

Рядом с «Дели и К^о» делают также громадные обороты еще и частные плантаторы табаку на Суматре, из которых самые мелкие выручают в год 50-60 тыс. гульденов, а более крупные — 200-300 тыс. гульденов чистого дохода.

Про табак можно утверждать, что это самая благополучная во всей Инсулинде индустрия, дающая наибольшую доходность.

Вот несколько цифр: в 1896 г. вывезено всего делийского и яванского табаку за пределы Индии 28.635,000 кг, а в 1897 г. 36.245,651 кг на сумму всего в 36.245,651 гульденов, т.е. по одному гульдену за 1 кг. Из общей цифры в 68 миллионов гульденов, достигнутой экспортом всех внеяванских владений в 1897 г., на долю одного делийского табаку приходилось почти 16 миллионов гульденов.

На Суматре табачною культурою занимаются 112 культурных станций (*ondernemingen*), которые, например, в 1894 г. дали 190,911 пакетов (*pakken*) табаку, считая по 76 кг в 1 пакете. Это доставило 34.650,000 гульденов. На Яве в том же году за 153,344 *pakken* вырублено 8 миллионов гульденов

Приступаю теперь к описанию тех тропических культур на Яве, которые по распространению и пользе своей, а также по многосторонности своих применений на практике и в технике занимают после кофе и сахарного тростника видное место в индо-нидерландской продуктивности.

Культуры эти, каковы: **хинное дерево**, кокосовая пальма с целью извлечения **копры**, **растительная шерсть**, **ротанговая пальма**, **бамбук** и **тиковое дерево**, кроме того, чрезвычайно интересны также и для нашего русского хозяйства, так как большая часть этих продуктов тропических стран с полными шансами на успех могла бы быть правильно и систематично культивирована у нас в Закавказье, в Батумской области и на Черноморском побережье Кавказа.

Извлекая нижеследующие мои соображения из специального доклада по сему предмету, представленного Департаменту торговли и мануфактур Министерства финансов и отпечатанного отдельно брошюрою по распоряжению редакции «Вестника финансов, промышленности и торговли».

Выключаю из этой статьи лишь подробности, изложенные выше относительно культуры кофе и чая.

Близ Батума, как известно, за последние годы возникли, по инициативе некоторых крупных чаеоторговцев наших, частные плантации чая, возделываемого по китайской методе. Они уже дали сборы: кавказский чай продается в России и уверяют, что по качеству своему он не хуже китайских сортов.

Ввиду такого благоприятного результата, практически доказавшего возможность возделывания чая на русской почве, в России возник вопрос о желательности разведения в Закавказье также и яванского сорта **чая**, в ожидании, что и этот яванско-ассамский чай примется там не хуже китайского, что более чем вероятно.

Подобная, теоретическая пока, попытка введения в пределы России яванских чайных сортов была уже сделана. В 1895 году, в бытность мою на острове Яве, в Батавии, г. Виноградов, член Императорского российского вольно-экономического общества в Киеве, обратился ко мне с запросом, возможна ли доставка с острова Явы на Кавказ цельных кустов чая.

Пришлось, к сожалению, ответить г. Виноградову отрицательно, после справки, наведенной мною у г. Керкговена, одного из крупнейших на Яве чайных плантаторов, весьма, следовательно, сведущего и компетентного в чайном деле.

Г. Керкговен в ответе своем высказал мнение, что, быть может, возможно с Явы на Кавказ доставить молодые растения, посаженные в горшки и уже пустившие ростки. Пересылка же семян может быть сделана с шансами на успех лишь при непременно условии очень тщательной их упаковки в безусловно сухой земле.

К сожалению, это последнее условие почти неосуществимо на практике: вследствие чрезвычайной влажности воздуха на всем пути следования от Батавии вплоть до Адена, никоим образом нельзя поручиться за то, что даже при соблюдении самых строгих предосторожностей, земля эта, первоначально сухая, не впитает в себя влажности, вследствие чего способность прозябания семян быстро пропадает.

Ввиду такого затруднения для яванских, собственно, сортов чая, можно бы чай с острова Явы заменить в России сортами цейлонского и ассамского (из Британской Индии), которые по вкусу и качеству своему близко напоминают яванский чай: чай на острове Яве тот же цейлонский, ввезенный с Цейлона и насажденный на яванской почве, на которой он дает продукт почти одинакового качества и вкуса, что и на Цейлоне. Русская публика притом ознакомилась ныне с цейлонскими сортами и уже не пьет, как то было еще недавно, чай исключительно китайского происхождения. Имеет, кроме того, вес еще и следующее соображение в пользу цейлонского чая: остров Цейлон ближе к Европе на 10-12 дней пути, чем остров Ява. Из Коломбо до Батавии лишь 10 дней плавания. Из Коломбо, дней через 5-6, по направлению к Адену, пароходы и товары, ими перевозимые, вступают уже в зону все еще жаркого, но уже сухого климата. Благодаря этому обстоятельству, лучше и дольше сохраняются в этой зоне все те продукты, которые бы подверглись гниению, брожению или порче в тепличной и банной атмосфере тропиков, пропитанной всепроникающею насквозь влажностью.

Таким образом, чайные семена, вывезенные с острова Цейлона, достигли бы Европы быстрее и с большими шансами прибыть на место назначения в надлежащем и для целей посадки более пригодном виде, чем те же семена с острова Явы.

Достаточно было бы по выходе из Коломбо, всего в течение 5-6 дней до Адена, содержать в абсолютно сухом виде землю, в которую уложе-

ны чайные семена. Операция же эта, в продолжение столь краткого срока, кажется вполне осуществимою.

Наконец, отправка чайных кустов и семян из Цейлона в Россию облегчена еще двумя, специально для нас благоприятными обстоятельствами: с некоторых пор, кажется, года три тому назад, в самом Коломбо основались две или три русские чайные фирмы, которые вывозят цейлонский чай в Россию. Представители этих фирм свое дело знают и могли бы непосредственно, т.е. помимо английских и иных чайных агентов и маклеров, снабжать русские чайные плантации в Закавказье цейлонскими чайными растениями и семенами. Далее, чрезвычайно для нас удобно и выгодно еще то, что Коломбо находится в прямом сообщении с нашими портами Черного моря посредством пароходов Добровольного флота, которые совершают рейсы из Одессы во Владивосток и обратно, причем правильным образом заходят в Коломбо. Это удешевляет стоимость фрахтов и самого чая, который следует без перегрузки из Коломбо до самой Одессы или Батума.

Мне неизвестно, предпринято ли что-либо, что именно, когда и кем, в видах собственно насаждения в русских пределах благословенного юга цейлонских сортов чая, которые с каждым годом сильнее распространяются в России и все более завоевывают вкусы и симпатии русской публики*.

Возражение, будто у нас возможна культура лишь китайских сортов, т.е. чая, который родом не из тропических стран, не выдерживает критики, потому что тропические, так сказать, сорта чая, каковы цейлонский и яванский, культивируются не в жаркой и низменно лежащей полосе тропиков, а на возвышенностях, и даже в горах, в местностях, расположенных на высоте от 500 до 5,000 футов над уровнем моря, где климат уже не тропический, а умеренный и сходный с климатом южной Европы. Вследствие сего вполне осуществимы насаждение, культура и сбор цейлонского чая в тех регионах Закавказья, Батумской области и Сухумского побережья, в которых, как сказано будет дальше, прекрасно принялись, произрастают и даже дают плоды некоторые субтропические и даже чисто тропические растительные виды, свойственные, например, Нидерландской Индии.

Привожу все эти данные касательно распространения и методов чайной культуры на Яве в виду аналогичности во многих отношениях отдаленного острова тропической Нидерландской Индии с нашими русскими тропиками у берегов Черного моря. В самом деле, многое из того, что существует и практикуется на Яве, могло бы, отчасти целиком, отчасти в видоизмененной и приуроченной к русским условиям форме найти свое применение и в наших южных окраинах под энерги-

* В 1895 году цейлонского чая употреблялось в России 2 миллиона фунтов, а в 1899 году потребление это достигло уже 10 миллионов фунтов. (Прим. М.М. Бакунина).

ческим и интеллигентным руководством какого-нибудь предприимчивого русского Мундта. А что таковой найдется и для русских тропиков, в этом не может быть сомнения, ведь уже нашлись среди русских людей инициаторы первых русских попыток насаждения культуры китайского чая в Батумском крае.

Об учреждении двух или трех русских чайных фирм в Коломбо на острове Цейлоне уже упомянуто было выше.

Еще более поразительный пример, свидетельствующий о способности и выносливости русских людей, представляет утверждение в Индо-Малайском океане на отдаленном, менее Явы известном и мало еще затронутом культурой острове Суматре целой русской колонии работников и тружеников, специалистов по нефтяному делу.

В 1898 году дирекция в Гааге голландской компании «Муара-Эним», имеющая нефтяные участки и концессии в округе Палембанге на острове Суматре, пригласила русского человека и специалиста А.В. Рагозина и назначила его директором своих эксплуатаций в Муара-Эниме и в Палембанге.

К концу 1898 года г. Рагозин с супругою и малолетним ребенком прибыл к месту своего экзотического служения и уже вступил в исполнение своих обязанностей. Новый русский директор заключил контракт на 3 года и выговорил себе право выписать русских техников и даже простых рабочих, лично ему известных и уже потрудившихся на Кавказе под его руководством. К апрелю 1899 года должны были, по вызову г. Рагозина, прибыть и действительно прибыли с Кавказа один слесарь, окончивший курс в Коммисаровском училище, для заведывания заводом для выделки жестянок под керосин, один механик и еще целая партия русских техников и рабочих из Баку. Некоторые из них не задумались выехать со своими женами и детьми. Ныне эти русские люди образуют на острове Суматре маленькую русскую колонию, которая успешно, по-видимому, делает свое дело, нимало не смущаясь отдаленностью и оторванностью от своего теперешнего для них непривычного местопребывания с его чуждым голландским и малайским населением и с его банною температурою теплицы.

Приведенных примеров достаточно. Они доказывают, что русские люди на многое пригодны, раз они совершили над собою усилие стряхнуть свои обычные косность и спячку, которые препятствовали их инициативе развернуться, как следует.

Если мы оказались способными и притом с успехом посвятить остальных и полудиких корейцев в тайны военного ремесла, если наши русские люди удачно ведут свои торговые дела в Коломбо и с успехом работают на острове Суматре на поле промышленной деятельности, то не подлежит сомнению, что инициаторы и полезные насадители культуры найдутся среди нас также и для русских благословенных климатом и дарами природы краев, каковы Закавказье, Батумская и Сухумская области.

Здесь непочатый еще уголок с огромными естественными богатствами, к разработке которых приступлено лишь в недавнее сравнительно время. Но уже область эксплуатации и культуры с каждым годом все более расширяется, как благодаря усилиям правительства, так и по инициативе просвещенных частных лиц и обществ. 12 февраля 1896 года разработан закон об отводе участков казенной земли под высшие культуры в окрестностях Новороссийска. Ныне, в 1900 году, Министерством земледелия и государственных имуществ разработан и разослан на заключение подлежащих ведомств законопроект о распространении распоряжения 1896 года также и на некоторые свободные казенные земли Батумского и Сухумского округов. По сообщениям газет, в настоящее время в министерстве имеется уже около 600 прошений относительно отвода участков в указанных местностях. На первое время министерство проектирует обратить под участки около 360 десятин.

Надо полагать и надеяться, что при этих опытах не ограничатся одною посадкой китайских сортов чая или попытками насаждения цейлонских сортов.

По поводу вышеприведенного запроса г. Виноградова, касающегося специально разведения на Кавказе яванских сортов чая, считаю небезынтересным для будущих русских плантаторов, а также для государственных учреждений и ученых обществ, каковы Министерство земледелия и уделов, Императорское вольно-экономическое общество и проч., рассмотреть поближе вопрос о том, до какой степени возможны акклиматизация и разведение колониальных продуктов жарких стран у нас в России, в тех полосах и поясах нашего обширного отечества, которые пользуются свыше чем умеренным климатом.

К категории растений и продуктов, имеющих шансы акклиматизироваться у нас, должно отнести, кроме чая, еще рис, *капок* (растительная шерсть), *Cocos nucifera*, дающую красильное вещество — копру*, *Cassia fistula*** , бамбук, *ротанговую* пальму, тиковое дерево.

Отмечаю здесь, как отрадное явление, инициативу землевладельца в Чернигове, г-на Мацко, которому я, по его просьбе, выслал из Батавии 12 кг двух сортов лучших ост-индских табачных семян — из Дели на о. Суматре и из резидентства Бесуки на о. Яве, ввиду заявленного мне г. Мацко желания произвести на юге России опыты разведения сортов **табака** с островов Явы и Суматры.

К сожалению, мне неизвестно, была ли вообще эта попытка сделана и какие она дала результаты. Черниговская губерния еще не Закавказье и, быть может, окажется слишком неподходящею и холодною для экзотических культур табака. Но возможно, что сорта эти удачно

* Копра — сушеная мякоть кокосового ореха и красящим веществом не является. Используется для получения кокосового масла, производства маргарина и мыла.

** Коричное дерево (*лат.*).

примутся в «русских тропиках», хотя и это подлежит сомнению, так как вряд ли у нас встретятся те существенно необходимые почвенные условия, среди которых могут давать удовлетворительный продукт специальные сорта делийского табака. В самом деле, так называемый в Нидерландской Индии и далеко за пределами ее известный сорт, именуемый *Deli Tabak*, вполне хорошо растет лишь в провинции Дели на о. Суматре, т.е. на тесном сравнительно пространстве в самом Дели и в непосредственном с ним соседстве. Табак же, разводимый вне пределов делийского округа и в других, даже близких к Дели, местностях, дает уже продукт несравненно более низкого качества, что зависит исключительно от почвенных условий Дели, каковые в тождественной форме и обстановке уже нигде, вне собственно делийских пределов, не встречаются. При этом необходимо сделать существенную оговорку: делийский продукт отнюдь не относится к разряду курительных табаков. Курить чистые Дели никому в Ост-Индии не придет в голову, так как он для этого употребления не годится, несмотря на свое высокое достоинство. Зато лист Дели, при условии специальной сушки и обработки, употребляется на обертку лучших и самых тонких сортов сигар и дает, по уверению знатоков, сигары идеального качества.

Если бы у нас, конечно, не в Черниговской губернии, мог акклиматизироваться и дать удовлетворительный результат сорт делийского табака, то и мы могли бы выводить и готовить дома сигары с листьями высокого достоинства, получше того, что ныне фабрикуется в Риге и, наверное, не ниже тех *soi-disant** манильских и гаванских сигар, получаемых нами из Гамбурга, где, как уверяет Гейне, фабрикуют также и луну, сомнительного, впрочем, достоинства.

В Закавказье и в Батумской области уже сделаны первые и притом вполне удавшиеся опыты разведения некоторых продуктов жарких стран, как на то указывает ряд интересных и поучительных очерков «По Черноморскому побережью», помещенных в «Русском вестнике», если не ошибаюсь, за 1895 г. В Сухуме, например, климат со среднею температурою лета в 11,66° по Реомюру и зимы в 7° и с дождевыми осадками в миллиметрах за 1 год в 1,218, а за одно лето средним числом в 324.

Весьма любопытна и поучительна также статья «Монастырские культуры Нового Афона близ Сухума», в садах которого на открытом воздухе созревают апельсины и лимоны и имеются плодоносящие экземпляры финиковой пальмы и даже дынное дерево (*Carica papaya*), которая есть продукт чисто тропической флоры. Она встречается в большом количестве на Яве. Следует упомянуть еще о возродившемся после турецкого погрома 1878 г. Сухумском ботаническом саде с его культурами сахарного сорго и даже индиго и бамбука. Те же плантации, свойственные жаркому поясу, встречаются еще и в обширном саду Татаринова за Сухумом.

* Так называемых (*фр.*).

Заслуживают также не одного внимания, но еще и серьезного вникновения, со стороны заинтересованных лиц и сфер, заметки и заключения профессора харьковского университета А.Н. Краснова*.

Автор, специалист по ботанической части, посетил Яву и результаты своих наблюдений изложил в книге «По островам дальнего Востока» и в очерках «Из путевых впечатлений под тропиками» («Исторический вестник», январь 1895 года).

Г. Краснов, кроме того, и эту именно статью его я специально имею в виду, — поместил в «Исторический вестник» за февраль 1895 г. оригинальное исследование о Батумском крае под несколько сенсационным на первый взгляд заглавием «Русские тропики».

Но г. Краснов доводами и фактами вполне оправдывает свое определение и возведение роскошного Батумского края на степень «русских тропиков».

Из всех этих данных, собранных и наглядно сгруппированных, явствует, что климат и почвенные условия Батумского побережья и Закавказья благоприятствуют разведению и культуре некоторых растительных видов и особей, свойственных жаркому поясу. Отчего бы, например, не попробовать в Батумской области разведение **риса**, который с успехом культивируется в Северной Италии?

Рис, продукт одинаково умеренных и жарких стран, найдет там исковые условия тепла и подпочвенной влаги.

В орошении и в дождевых осадках недостатка тоже не будет: дождей выпадает в Батуме ежегодно до 2,000 миллиметров, тогда как на близлежащих горах падает, по вычислению г. Краснова, влаги, по крайней мере, в 1,5 раза больше, чем в самом городе.

В числе растительных колониальных продуктов, способных, по всему вероятию, акклиматизироваться в наших южных пределах, я называл *капок*, копру, *ротанговую* пальму, бамбук и тиковое дерево.

В надежде, что рано или поздно у нас действительно предпримут культурные опыты с этими растениями, считаю не лишним поближе ознакомить читателя и вообще предприимчивых людей, в России в особенности, со свойствами этих видов и с теми их применениями, которые встречаются в торговле и в промышленности.

1) Растительная шерсть (по-малайски **капок** (*Erysdendrum anfractuosum indicum*) принадлежит к семейству *Sterculiaceae*, родом из Южной Америки. Плод дерева в форме удлинненной коробки или капсулы открывается сам, когда вполне созревает, при чем обнаруживаются черные семена с горошинку, обмотанные как бы чистою серовато-белой шерстью. *Капок* дает плод уже на третьем году. Одно дерево, достигшее полного развития, дает от 1,000 до 1,500 плодов в год. Десять штук капсул изображают ценность в 2-2,5 голландских цента

* Профессор А.Н. Краснов (1862-1914), выдающийся российский географ и ботаник, посетил Яву в 1892 г.

(в 1 гульдене 100 центов), так что одно дерево в течение года может дать приблизительно от 2,5 до 3,5 гульденов дохода. *Капок* встречается в большом количестве на Яве до высоты 4-5 тысяч футов над уровнем моря. Туземцы и индо-голландцы издавна употребляют его шерсть для набивки тюфяков и подушек. *Капок* можно без труда сажать в землю отпрысками или плодить семенами. Из зерен *капока* де Фрей добыл прессовкою 8,9%, а посредством обработки бензолом 18,6% желтоватого водянистого масла, которое не высыхает. Оно содержит 75% олеина и 25% трипальмитина и тристеарина.

Растительная шерсть входит все в большее употребление также и в Европе, занимая среднее место между хлопком, пухом и шерстью. Вывоз *капока* в Европу с каждым годом увеличивается, как свидетельствуют следующие цифры (для одного острова Явы):

В 1886 г. вывезено *капока* 1.012,877 кг на сумму 354,506 гульденов, в 1887г. — 1.531,199 кг на сумму 459,599 гульд., в 1896 г. — 2.257,034 кг, а в 1897 г. — 2.557,163 кг.

2) **Копра** — красильное вещество, добываемое из орехов пальмы *Cocos nucifera*. Это один из редких продуктов, который из Нидерландской Индии вывозится в Россию.

Приготовлением копры специально занимаются в Приамане,* на западном берегу Суматры. С конца 70-х и до 1887 года вывоз ее исчислялся десятками тысяч пикулей (1 picoul — 61,5 кг), в 1888-1889 г. уже перевысил 100 тыс. пикулей, а в 1895-96-97 гг. достиг 40 и 50,5 миллионов кг. Копра еще вывозится с острова Риау, на юг от Сингапура, из Менадо на острове Целебесе и из Амбоины на Молуккских островах. В резидентстве Тернате и на Новой Гвинее копра образует статью меновой торговли. В резидентствах Черибон, Семаранг и Бантам на острове Яве в последние годы усилилась культура копры, так как владельцы кокосовых плантаций, по-видимому, пришли к заключению, что выгоднее извлекать копру, чем добывать кокосовое масло.

В 1894 году вывезено копры в Россию 407,478 тонн, всего на сумму 44,823 гульденов. Но вывоз этот весьма неправильный и колеблющийся, как неправильна и совершенно неправомерна, смотря по годам, вся вообще экспортная торговля Нидерландской Индии с Россией, которая в индо-нидерландской таблице стран потребительниц колониальных товаров занимает последнее место. Так, например, в 1893 и 1895 годах копры не вывезено в Россию ни одного килограмма, тогда как в 1894 годах экспортировано 407,480 кг, в 1896 году даже целых 2.361,271 кг, а в 1897 году опять ничего. Замечу кстати, что в Россию, кроме копры, вывозятся еще следующие колониальные продукты из Нидерландской Индии: индиго (98,000 кг в 1894 и лишь 35,500 кг в 1897 году), мускатный орех, кофе в весьма значительном количестве и сахар. По последней статье вывоза опять и притом сильнее всего заме-

* Париаман.

чаются самые фантастические прыжки, от объяснения причин которых я отказываюсь. В самом деле, как и чем, например, мотивировать факт, что в 1894 году сахара вывезено в Россию 1.529,963 кг, тогда как в 1893, 1895, 1896 и 1897 гг. не экспортировано ни одного килограмма.

Под именем копры разумеются высушенные плодовые зерна *Cocos nucifera*. В Европе из них готовится так называемое кокосовое масло, которому многие отдают предпочтение перед маргарином. Масло это белое, не имеет запаха и почти без вкуса. Оно топится при 26° Цельсия, а при 19,5° снова получает солидную форму.

3) Вниманию русских потребителей и фабрикантов следует, кроме бамбука, уже растущего на Кавказском побережье, рекомендовать еще **ротанг**, продукт *ротанговой* пальмы. *Ротанг* — *rotin** — это выходящая по другим деревьям или ползущая по земле льяновидная и часто очень длинная ветвь, породы *Calamus* из фамилии *Palmae*. Он встречается во всех лесах Ост-Индского архипелага, во всех разновидностях и объемах, толщиной, начиная с чубук тонкой глиняной трубки и доходя до обхвата человеческой руки. Особенно ценятся сорта, растущие на Борнео и в Палембанге (восточный берег Суматры), из которых готовятся трости и палки для зонтиков. Большие количества *ротанга* вывозятся из Атчина в Пенанг, Сингапур и на Коромандельский берег Индии. Срезают свежий зеленый *ротанг*, возможно большей длины, после чего сухая ветвь приобретает желтый или коричневый цвет. Самый колоссальный сорт, это *бубуай* (малайское название) или по латыни *Plectocomia elongata*, которая сползает и покрывает собою кроны самых высоких деревьев. Встречается этот сорт в горах Преангерского регентства на Яве, на высоте до 4,500 футов. *Ротанг* имеет на практике очень распространенное и разнообразное применение: из лучших сортов плетут изящные и легкие шляпы, прочные корзины, делают столы, кресла и вообще мебель, которая отличается своей прочностью, элегантностью форм и легкостью.

До какой степени распространено ныне употребление *ротанга*, как материала для фабрикации вышеназванных предметов, доказывают следующие цифры: с 1891 по конец 1897 гг. вывезено *ротанга* из одной Нидерландской Индии свыше 90 миллионов кг по цене от 15 до 20 центов за 1 кг.

Ротанг в большом спросе, наряду с бамбуком, в Англии, Голландии, Италии и Франции, где из него плетут корзины и мебель. Нет никакой причины думать, что *ротанг* не примется также и в почти тропических лесах Кавказа и Закавказья, где уже благополучно растет бамбук, хотя пока лишь в незначительных и рассеянных группах и скорее в виде курьеза, без практического применения в целях промышленности. А между тем, раз этот тропический и субтропический бамбук растет в

* Ротан — *rotan* (мал.).

наших пределах и если будет на практике доказана возможность разведения также и *ротанговой* пальмы, явится также возможность отечественные бамбук и *ротанг* употреблять в дело, подобно тому, как это практикуется в Европе, куда продукты эти привозятся из-за океана. Мы же могли бы и то и другое иметь у себя под рукою.

4) В категорию пород, разведение которых в России могло бы по меньшей мере составить предмет опыта, включая еще и великолепное по своим качествам **тиковое дерево** (bois de teck).

Оно требует простора, много света и свободного притока воздуха с обильным орошением, но с сухой подпочвою. Дерево достигает высоты 30-40 метров, при поперечнике ствола от 40 до 100 сантиметров. Замечу при том, что, кроме ствола, идут в употребление и листья: они содержат красильное вещество, идущее на окраску в красный цвет других древесных пород. Тиковое дерево, крепкое, прочное, не поддающееся влиянию сырого климата и разрушительному действию бесчисленного сонма муравьев и насекомых, свойственных тропикам; тик особенно пригоден на постройку домов, мостов, судов, на все сооружения в воде, как-то: плотины, гати, на траверсы для железных дорог, на мебель, а в последнее время и на деревянные мостовые. Опыт таких мостовых, и притом удачный, уже сделан был в Париже. Специально Петербург, с его гнилым и сырым климатом, нуждался бы в торцовых мостовых, посолоннее тех, которые ныне каждое лето ремонтируются и возобновляются: они, подобно розе, держатся l'espace d'un printemps*, а потому, невзирая на свой дешевый и незатейливый материал, обходятся все-таки в конце концов дорого. Торцовые мостовые из тяжелого, почти компактного и крепкого тика могли бы, даже в Петербурге, невзирая на сырую сырость и на усиленную езду, держаться десятки лет без ремонта. Само собою разумеется, что я имею в виду, хотя бы это было лишь лет через 20 или 25, тиковое дерево отечественного происхождения, ибо заокеанский, сиамский или индо-нидерландский тик, доставленный в Петербург, обошелся бы вряд ли дешевле, чем, например, мостовая из флорентинской майолики.

Особенно можно рекомендовать тик для постройки судов и для настилки палуб, а также на лафеты под орудия, так как он очень долго выдерживает действие воды, ветра и сырости. Есть примеры судов из тикового дерева, которые пробыли в употреблении свыше 100 лет.

Тиковое дерево в Нидерландской Индии считается одною из самых ценных древесных пород. Насколько оно ценится, доказывает обстоятельство, что все вообще леса в Нидерландской Индии делятся на две группы: леса специально тиковые и леса, не заключающие пород тика.

Мы рассмотрели выше те категории тропических культур, которые, благодаря климатическим и почвенным условиям «русских тро-

* В течение одной весны (*фр.*).

пиков», имели бы значительные шансы акклиматизироваться в наших пределах. Породы и виды эти впоследствии могли бы составить если не статью экспорта — наши амбиции так далеко пока не простираются — то по меньшей мере предмет внутреннего потребления для целей отечественной кустарной промышленности; это имело бы уже то ценное преимущество, что освободило бы нас от необходимости обращаться за этими предметами через посредство третьих рук к заграничным и к заокеанским рынкам, от которых наша индустрия находится ныне в зависимости.

Неужели все эти вождедения лишь сон, совершенно в действительности неосуществимый! Сомневаемся, пока нас не убедят в противном.

К списку уже перечисленных колониальных продуктов прибавим еще две, существенно важные и выгодные культуры, а именно: **кофе** и **хинное дерево**.

Никогда и нигде, насколько мне известно, в наших пределах не сделано было до сего дня попытки к правильному разведению этих двух продуктов. Если кофейные и хинные деревья где-либо и существуют в садах Татаринова или в иных местностях, то они изображают собою лишь изолированные группы, растущие скорее в виде курьеза наряду с немногими экземплярами дынного дерева и сахарного сорго.

Между тем, интересно бы было по меньшей мере попробовать насаждение и разведение кофе и хины, для которых, без сомнения, также отыскились бы у нас подходящие условия климата и почвы, подобно тому, как эта благоприятная обстановка обретаена уже для чая.

На первый взгляд может показаться диким предложение разводить кофе где-либо в Батумском или Сухумском крае, так как о кофе мы, вероятно, имея перед глазами преимущественно знойную Бразилию, почему-то составили себе представление, что это продукт более специально тропического пояса, а потому для культуры в России непригодный и даже немислимый. Понятие это верно лишь до некоторой степени: не следует упускать из вида, что кофе в жарких странах произрастает и разводится, подобно чаю и другим еще более чая экзотическим растениям, не на береговой или низменной и, следовательно, знойной полосе, а на возвышенностях и в горах, до высоты 4,000 футов, т.е. в местностях, где климат уже не тропический, а скорее умеренный. Впрочем, замечательно, что для всех уже перечисленных культур, включая сюда еще кофе и хинное дерево, не исключение, а общее правило составляет факт, что все эти колониальные продукты тропиков неизменно разводятся на сравнительно значительных высотах, начиная от 1,000 до 4,000, а для хинных плантаций и до 5,000 футов над уровнем моря.

Это для жарких стран. Что же касается специально «русских тропиков», то чай, кофе и прочее могли бы быть культивированы в наших пределах на береговой полосе или вообще в местностях, не слишком

высоко расположенных, климат которых соответствовал бы климату от двух до четырех- и пяти тысячных высот жаркого пояса, например, на о. Яве.

Хинное дерево — продукт возможный в наших пределах с теплым и даже умеренным климатом. Еще не так давно полагали, что хинное дерево не может успешно культивироваться в тропическом климате. Но удавшаяся культура хины на о. Цейлоне доказала ошибочность этого воззрения. С легкой руки англичан на Цейлоне, голландцы на Яве также стали сажать плантации хины, причем хинное дерево особенно хорошо принималось на высоте 3,000 футов и доходя до 4,500-5,000 футов над уровнем моря.

Вот несколько технических и цифровых данных касательно способов добывания, стоимости и экспорта **хины**.

По расчету г. ван Преена, председателя хозяйственно-агрономической ассоциации в Сукабуми (регентства Преангер), добыча и приготовление одного кг хинина из хинной коры с 4% содержанием хинного алколоида, обходится в 6 гульденов. Хинная плантация, действующая при самых благоприятных условиях продуктивности, может дать с участка земли в 1 *боу* (7096,5 кв. метров) до 250 кг коры. От плантации в 200 *боу* можно ожидать сбора 5,000 кг коры, из которых можно извлечь до 2,000 кг чистого хинина.

Вот какие цифры реализуют при условии обработки на месте эти 5,000 кг коры: из них извлекается чистого хинина 1,960 кг, который в продаже достигает цены 24,5 гульденов за 1 кг, что за 1,960 кг составит 49,540 гульденов или чистого барыша 36,996 гульденов, если из этого итога в 49 тыс. вычесть 11,760 гульденов (стоимость фабрикаций, считая по 6 гульденов за 1 кг) и 784 гульдена (стоимость доставки хинина на место и его реализации). Между тем, в Амстердаме, например, за то же количество хинина реализуется из тех же 5,000 кг коры всего лишь 16,000 гульденов барыша.

В 1892-93 гг. одна Ява производила до 150,000 кг хинной коры ежегодно. В 1897-98 гг. продукция эта возвысилась уже до цифры 400,000 кг, что составляет почти половину общей суммы производства хинной коры на всем земном шаре.

Хина — продукт дорогой, драгоценный и составляет статью потребления первой необходимости. Весь запас хины, употребляемой в Европе, идет из Перу и из Явы и потому обходится дорого. Притом же продукт этот получается преимущественно в сыром виде хинной коры, которая уже на специальных хинных заводах в Европе, а таковых вообще очень немного, перерабатывается в вещество, именуемое хинином. Все это способствует тому, чтобы поставить и держать европейский хинный рынок, а, следовательно, и потребителей в тесной зависимости от отдаленных заокеанских центров продукции хинина. Зависимость эта с неизбежными колебаниями в цене этого продукта особенно ощутительно и невыгодно сказывается в эпохи ненормаль-

ные, когда, вследствие войны или эпидемий, спрос на хинин значительно возрастает.

Исходя из предположения, что хинная культура у нас возможна, не подлежит сомнению, что для нас было бы чрезвычайно желательно и выгодно создать у себя, в своих собственных пределах, центр хинной продукции. При господствующих на побережьях Кавказа и в Средней Азии болотных и часто злокачественных лихорадках, сбыт хины в эти местности был бы во всякое время обеспечен, а на случай войны мы могли бы часть запаса необходимой хины пополнять у себя, забирая, например, лишь половину общего потребного количества у хинных производителей за границу.

Конечно, на осуществление этого проекта потребуется лет 30, а то и все 50. Но ведь и Рим был построен не в семь дней, каждому делу и предприятию надо дать потребный ему срок.

При этом следует, однако, сделать оговорку существенной важности: предположим, что у нас взялись за правильное и рациональное хинное «хозяйство» в местностях, пригодных и намеченных *ad hoc** техниками и специалистами. Предположим еще, что культура эта прекрасно принялась и дала совершенно достаточные и удовлетворительные результаты. Это уже очень много, но далеко еще не все: открытие в центре продукции или в районе ее собственной хинной фабрики является не фантазией или роскошью, а предметом первой и существенной необходимости. Иначе мы добываемый у себя сырой продукт — кору — вынуждены будем отправлять в Германию, Голландию, Англию и пр., откуда нам вышлют обратно уже чистый хинин. Бесполезно, полагая, доказывать, насколько столь сложная операция обойдется дороже выделки хинина у себя дома. Пример, впрочем, налицо и приведен был выше: 39,000 гульденов барыша для фабрикантов на Яве и всего 16,000 для производителей в Амстердаме. Мы, притом же, очутились бы в положении, в котором долгое время находилась Ява: имея у себя дома хинное дерево в изобилии, а, следовательно, и кору, Ява, тем не менее, не имела порядочного качества и как следует приготовленного хинина: кору обрабатывали в хинин одни лишь аптекари, каждый по своему способу и рецепту, так как они не имели в своем распоряжении тех технических, химических и иных приспособлений для очистки коры, выделки хинина и пр. предварительных манипуляций, какими могли располагать специально с этою целью обставленные хинные фабрики. Отправляемая же сперва в Амстердам и там выделяемая хина в различных препаратах обходилась слишком дорого, операция эта отнимала много времени; при таких условиях хинные производители на Яве не извлекали и четвертой доли тех барышей, которые они стали реализовать с тех пор, как догадались выстроить в Бандунге, главном городе Преангерского регентства, первый и единственный пока

* Специально (*лат.*).

во всей Нидерландской Индии, да и чуть ли не на всем дальнем Востоке, хинный завод. Осуществление подобного проекта сулило тем большие выгоды, что в настоящее время во всей Азии хинное дерево культивируется исключительно лишь на одной Яве. На о. Цейлоне с самого начала хинное дело поставлено было неумелым и неудачным образом; под хинные плантации отведены были не пригодные для кофе земельные участки, вследствие чего продукция не соответствовала спросу и хина получалась неудовлетворительного качества. После 10 лет неудачных попыток англичане пришли к убеждению, что цейлонский климат и почва не благоприятствуют разведению хинного дерева, они вследствие сего возвратились снова к культуре кофе, а затем в усиленных размерах к разведению чая, хинная же индустрия на Цейлоне прекратилась вовсе.

Ввиду того интереса, который представляет вопрос о разведении у нас хинной культуры и о необходимости, раз она принялась удовлетворительно, иметь в центре производства также и свой собственный хинный завод, ознакомимся с условиями, при которых возникновение такого завода возможно, а также со стоимостью и со степенью продуктивности такого учреждения.

Для примера и исходной точки возьму бандунгский завод на Яве. В 1895 г. сформировался синдикат с основным капиталом всего в один миллион гульденов. Учредители утверждали в своем prospectus, что добыча на заводе 1 кг сернокислого хинина обойдется всего в 10 гульденов 20 цент., включая в эту цифру стоимость (7 гульденов) 1 кг сульфата в коре и 3 гульденов 20 цент. — стоимость собственно добычи (Realisatie, как говорят голландцы) 1 кг хинина. А так как 1 кг хинина продается по 24,5 гульденов, 1 же кг *chininum purtissimum** до 29,5 гульденов, то компания рассчитывала реализовать за свой счет от 14 гульденов 30 цент. до 19 гульденов 30 цент. чистого барыша с каждого продаваемого килограмма хинина. Ежегодное же потребление хинина на одной Яве определяется приблизительно цифрой до 20,000 кг, что составило бы ежегодно чистой прибыли от 280,300 до 380,300 гульденов.

Учреждение хинного завода на Яве встретило сильнейшую оппозицию со стороны хинных фабрикантов в Европе, которые до того времени были единственными производителями и поставщиками хинина, монополизируя, таким образом, эту отрасль производства и самый продукт. Они, вследствие этих соображений и опасений, всячески старались затормозить и дискредитировать столь неудобное для их интересов начинание. Тем не менее, первая индо-нидерландская хинная фабрика была в Бандунге учреждена и открыта. Она функционирует благоприятно и исправно, выделявая на третий год своего существования до 100 кг чистого хинина в день.

* Полностью очищенного хинина (лат.).

В Бандунге готовят сернокислый хинин, хинные пилюли и пр. продукты, признанные лучшего качества анализами докторов-специалистов в Батавии.

Заинтересовавшись этою новою на Яве индустриею выделки на месте хинина из яванской коры, я препроводил в медицинский департамент в С.-Петербург, вместе с объяснительною запискою по этому предмету, также и несколько экземпляров бандунгских продуктов, в том предположении, что для нас, быть может, оказалось бы удобнее и выгоднее, особенно в военное время, освободиться от зависимости в этом отношении от европейского хинного рынка и специально от германских хинных фабрикантов, запасаясь предпочтительно потребным хинином из первого источника на Яве, что, несомненно, обошлось бы дешевле.

Все вышепоименованные культуры в русских пределах тропических и субтропических видов принадлежат пока к неосуществленной категории *pia desideria**, но разведение *капока*, тика и пр. вполне мыслимо, возможно и притом выгодно, а это тоже ведь соображение не из последних.

Но рядом с не осуществленными еще попытками культур существуют у нас в Закавказье и на Кавказе уже и совершившиеся факты и притом такие насаждения, которые увенчались успехом и дают прекрасные результаты: про русский чай уже было сказано выше. Нельзя не упомянуть здесь еще и о культуре **хлопка**. Количество производства, а также площадь участков, засеваемых хлопчатником, настолько значительна, что с этою отраслью отечественной промышленности приходится уже ныне считаться серьезно, хотя развитие этой индустрии далеко еще не достигло своего максимального пункта.

В самом деле, мы узнаем по статистическим таблицам Министерства земледелия, что в Эриванской губернии производится до 460,000 пудов хлопка, на сумму 3,5 миллионов руб. (с площади засева в 25,000 десятин). Далее в нисходящем порядке идут Елисаветпольская и Бакинская губернии; в первой до 10,000 десятин с продукцией до 170,000 пудов, а в Бакинской 3,000 десятин с 50,000 пудов очищенного хлопка. Почти весь этот кавказский и закавказский хлопок до 700,000 пудов на сумму 5 миллионов руб. вывозится в Москву и Лодзь на тамошние фабрики.

Из этого краткого отчета видно, что хлопковое дело в наших кавказских тропиках уже благополучно поставлено и что оно солидно стоит на собственных ногах. Это прецедент весьма утешительного свойства, доказывающий полную возможность процветания на почве богатного нашего отечества с его разнообразными условиями и климатами таких произведений природы, о которых всего лет 20-15 тому назад никто бы не догадался, что они вообще мыслимы в наших пределах.

* Благие пожелания (*лат.*).

До сих пор я рассматривал возможность у нас экзотических культур с точки зрения климатической и почвенной, и вывод получился благоприятный.

Но в таком крае, как Кавказ и Закавказье, не следует, мне кажется, упускать из вида, наряду с почвенными и климатическими, еще и третью категорию условий, которые, смотря по тому, как они уже сложились или имеют сложиться в будущем, могут в значительной степени способствовать или, наоборот, затормозить преуспевание культурных начинаний.

Я разумею условия, в которые в этом крае поставлены земельная собственность, а равно взаимоотношение между собою землевладельцев, их степень зависимости от правительства, их отношения к казне и обратно, казны к собственникам.

Если все эти аграрные условия и взаимоотношения вполне выяснены и поставлены на незыблемую правовую почву, не допускающую никаких препирательств и недоразумений, то самая задача насаждения различных культур в крае сразу окажется чрезвычайно облегченной и упрощенной. Останется в таком случае лишь приступить к делу. На первых порах придется, пожалуй, ввиду обычной русской косности, еще сильнее сказывающейся на окраинах России, декретировать свыше различные полезные культуры и мероприятия. Подобно русскому темпераменту, пригодному на все, но ожидающему, чтобы развернуться, лишь толчка и побуждения свыше и извне, русскую природу, почву и климат также надо сперва поощрять, развить и даже слегка форсировать; сами по себе, *spontanement* они вряд ли дадут ожидаемые плоды. Кто-то из замечательных русских людей давно изрек, что русский человек решительно на все способен и пригоден, стоит лишь ему «приказать».

Точно так же следовало бы «приказать» вводить культуры в Закавказье и на Кавказе. Это будет особенно полезно и даже вначале необходимо, если аграрные отношения там окажутся сложными и запутанными, если они до сего дня несколько отзываются еще феодализмом, как оно и естественно для края, сравнительно нового, еще не ассимилированного и в котором русская оседлость и гражданственность, утвержденные и введенные недавно, не успели еще как следует окрепнуть.

Подобные невыясненные взаимоотношения собственников между собою и к казне поныне существуют в занятых австрийцами Боснии и Герцеговине, где земельная собственность сосредоточена и притом при отсутствии письменных документов на владение, в руках мусульманских *бегов*-собственников, которые свое право на владение ведут из рода в род по нисходящей линии, доказать же фактически этого своего права не в состоянии никакими записями, грамотами или документами. Отсюда постоянные столкновения между *бегами*-собственниками и *кметами*-христианами, которые часто оспаривают права своих мусульманских лэндлордов на пользование тем или другим участком, пре-

тендуя, что до вторжения мусульман и до завоевания турками, вся земля составляла в Боснии и Герцеговине собственность их, христиан, и что, следовательно, нынешние земли *бегов* захвачены силою и этим *бегам* отнюдь не принадлежат. *Кметы*, со своей стороны, также не в состоянии доказать основательности своих претензий.

Новейшие завоеватели Боснии и Герцеговины и культуртрегеры — австрийцы, в свою очередь, остерегались пока так или иначе радикально разрешить этот жгучий и деликатный вопрос о землевладении; они считают его слишком сложным и запутанным, а потому новый австрийский режим в обеих занятых провинциях оставил почти без изменения прежние турецкие порядки собственности; аграрный вопрос с его неудовлетворительно постановкою продолжает существовать, как и до 1878 г., а, следовательно, продолжает задерживать и тормозить экономическое развитие и преуспевание края.

То же самое видим мы и на острове Яве: голландцы ничего не изменили ни в аграрных отношениях, ни в условиях владения, которые существовали издавна и вошли в плоть и кровь яванского народа и яванского права.

Мне могут возразить: все это прекрасно, но ведь все это относится к Яве и притом к Яве первой четверти настоящего столетия, между тем, дело идет о Кавказе и Закавказье, да и считаем мы не 1832 г., а 1900. Какое же может существовать сходство и сравнение между индонидерландскими тропиками и русскими?

По моему скромному мнению, аналогия между Явою и Закавказьем сказывается более, чем в одном пункте: Закавказье для нас та же колония, что и Ява для голландской метрополии. Климатические и почвенные условия «русских тропиков» допускают возможность в наших пределах насадить и осуществить с успехом многие тропические и субтропические культуры, за которые следует лишь взяться с толком и разумением.

Что же касается собственно принудительной методы культур, то правительство наше, мне кажется, вправе было бы взамен даруемых им переселенцам льгот потребовать от них в Закавказье и на Кавказе, чтобы они культивировали, например, кофе и хинное дерево; для них, выходцев из России, безразлично, что именно культивировать, раз они вследствие иных, чем у себя на далекой и холодной родине, почвенных и климатических условий, все равно вынуждены будут на новых местах изменить как привычные способы обработки земли, так равно и самые культуры.

Вместо ржи да картофеля, ячменя да гречихи, они на новых местах будут насаждать виноградную лозу и плодородные деревья, продукты для северян новые и им незнакомые. Столь же новы и незнакомы окажутся для них чай, который уже культивируется, да кофе, тиковое и хинное дерево, культуру которых мы предлагаем ввести или по меньшей мере попробовать. Для насаждения и обработки чайного ку-

ста выписаны были знающие свое дело рабочие из Китая, под руководством которых наши русские и туземные люди переняли китайские методы и приемы. Таких же руководителей и наставников можно бы без труда приискать и для рекомендуемых экзотических культур кофе, хины и пр. На первое время преуспеванию этих непривычных культур будет, вероятно, мешать рутинная и предвзятое, но фальшивое представление, что Закавказье еще не тропики и что возделывать в русских пределах и получать свой кофе, свою хину, свое тиковое дерево немислимо и невозможно. Но ведь всего лет пять тому назад никто не хотел верить в возможность насаждения в наших пределах и притом с успехом китайского чая. То же самое повторится и для других продуктов экзотических стран. Стоит только взяться за дело серьезно, «приказать» и декретировать свыше подобные культуры, при правительственном контроле и даже принуждении на первых порах, пока люди не убедятся на практике, что задуманное дело не только осуществимо, но что подобное предприятие даст даже несомненные барыши и выгоды в ближайшем будущем. Принудительное же побуждение к труду в этом направлении более чем где-либо в иной местности осуществимо специально на Кавказе и в Закавказье, крае еще малокультурном, далеко не вполне ассимилированном, с условиями гражданственности и социального строя, которые еще и ныне во многих чертах сходны с феодальным строем, существовавшим на Яве в первой четверти настоящего столетия.

К категории непосредственных доходов Нидерландской Индии принадлежат подати и налоги, а отчасти также поступления с казенных правительственных культур. Но доходы колониального управления не исчерпываются этими статьями. Оно извлекает еще доходы косвенные из так называемых заарендованных статей (*Verpachte Middelen*), составляющих правительственную монополию.

В эту категорию входят следующие главнейшие 9 статей: 1) опиум, 2) соль, 3) сбор с убоя быков и буйволов, 4) за право китайцам содержать игорные дома и играть в *фо* и *тофа* (в игорные дома европейцы, полубелые и туземцы не допускаются), 5) за убой свиней, 6) сбор с мостов и переправ, 7) с ласточкиных гнезд; индустрия эта процветает на южном берегу Явы, 8) за концессию исключительно китайцам содержать ломбарды и кассы ссуд (*Pandhuisen*), 9) за продажу *араку** и спиртных напитков.

По этим статьям, от 3-й до 9-й включительно, собрано, например, в 1893 г., 4.207,777 гульденов. Опиум и соль составляют монополию правительства. **Опиум** до 1897 г. сдавался на откуп китайским арендаторам (*Pachters*), которые уплачивали казне за право исключительной продажи опиума в свою пользу ежегодную сумму, итог которой разнился, смотря по степени важности и населенности резидентства, отданного ки-

* Рисовая водка (*араб.*).

тайским арендаторам на откуп. Правительство строжайшим образом преследовало контрабанду опиия, налагая высокие штрафы и подвергая тюремному заключению провинившихся. Опиум, культура которого строго воспрещена в пределах Нидерландской Индии, но который, по странной аномалии, свободно и в громадных количествах выписывается из Британской Индии, издавна являл весьма соблазнительную по доходности своей статью контрабанды и тайного ввоза и притом не для одних лишь китайских аферистов, которые хотя и с величайшим риском, но зато при удаче, могли этим занятием в короткое время составить себе громадные состояния. В самом деле, за 1 тайль (1 Thail), приблизительно до 0,04 килограмма, или $\frac{1}{12}$ часть амстердамского фунта сырого опиума, «легального», т.е. получаемого через таможни из Британской Индии, платят от 8 до 12 гульденов; контрабандист за тот же 1 тайль, заплатив, например, в Сингапуре 3-4 гульдена, сбывает его китайским аферистам за 40 или 50 гульденов. В свою очередь, аферист по мелочам продаст этот нелегальный опиум, вдесятеро дороже против уплаченной им цены. О степени доходности опиия для откупщиков, несмотря на сильную контрабанду извне, можно судить уже по тому, что в китайских лавках для курения опиия крошечная порция, размером со средней величины ягодку малины, прессованного опиума, рассчитанная как раз на одну маленькую трубку, продается по цене 1 гульден. Между тем, из одного амстердамского фунта опиия фабрикант извлекает без малого 1,000 таких порций по 1 гульдону!

Но если опиий доставлял доход и притом чрезвычайно крупный, то из выручки этой собственно правительство получало лишь очень незначительную часть; кроме арендной платы, правда, высокой, оно не имело иных барышей, так как вся чистая и крупная прибыль поступала в бездонные карманы китайских *rachters**. Притом же правительство еще не было обеспечено от мошенничества китайцев и от часто повторявшихся злостных банкротств со стороны нечестных арендаторов. Оно, собственно говоря, даже теряло при такой системе откупов. Вследствие сего управление Нидерландской Индии пришло к заключению, что лучше и выгоднее было бы для казны, если бы само правительство из первых рук и помимо дорого обходящихся китайских посредников стало продавать потребителям опиум из своих казенных складов.

Первый шаг к осуществлению сего проекта сделан был в 1897 г., для начала в 2 резидентствах на Яве и результаты получились удовлетворительные: благодаря лучшему контролю, тайный ввоз опиия значительно сократился, чистый же доход превысил на 70,000 гульденов ту сумму, которая была бы выручена при прежней системе. С 1898 г. новый режим введен и действует уже в 7-8 резидентствах и имеется в виду оный распространить на все 22 резидентства Явы и Мадуры.

* Откупщиков (*голл.*).

В Батавии основан в конце 1897 г. обширный центральный склад и фабрика для опиума, откуда опий поступает в провинциальные казенные склады и продается под контролем правительственных чиновников. Заимствуя из колониального отчета за 1896-97 гг. следующие данные относительно опия.

Общий итог сумм, уплаченных казне китайскими арендаторами опия за право продажи во внеяванских владениях, каковы Суматра с Атчином, о-ва Риау, Банка, Билитон, Целебес, Амбоина, Тернате, Тимор, Бали, Ломбок, Борнео составил для 1895 г. в круглых цифрах 3.300,000 гульденов, а для 1896 г. — 2.300,000 гульденов. Арендная ежегодная плата, смотря по местности, была весьма различная, так, западный берег Суматры сдан был в аренду на 3 года по 273,000 гульденов в год, восточный — при тех же условиях, уже за 1.320,000 гульденов, тогда как на всем протяжении огромного о. Борнео пахтеры платили в год лишь 100 и позднее 85 и 82,000 гульденов.

По предварительной составленной смете, казна рассчитывала за 1896 г. на сбор для Явы с Мадурою в 5,5 миллионов гульденов, в действительности же недобросовестность и банкротства арендаторов значительно понизили сбор.

Соль. Добыча соли составляет также монополию правительства. Добывается она во всех яванских владениях, в Лампонгских дистриктах на юго-восточном — и в Палембанге на восточном берегу Суматры, на о-ва Борнео и Банке. За 1895 г., например, местности эти дали 1.300,000 пикблей соли. В яванских владениях соль преимущественно добывается на Мадуре, острове, лежащем против северо-восточного берега Явы, близ Сурабаи. Нормальная цена за 1 пик. соли на Яве — $6\frac{1}{4}$ — $6\frac{3}{4}$ гульденов. Соль, предварительно переработанная для целей различных индустрий, следовательно, негодная в пищу, продавалась по 2 гульдена за 1 пикбль.

В 1897 г. устроен на Мадуре завод для фабрикации соли в брикетах.

За проданную, например, в 1895 г. яванскую и внеяванскую соль выручено было 8.620,000 гульденов. Кроме доходов, поступающих с косвенных налогов, откупов и принудительной культуры кофе, казна имеет доход еще и с **олова**, добываемого за счет правительства на о. Банка. Оловом, как известно, особенно изобилует Малаккский полуостров, принадлежащий Англии, затем в голландских владениях остров Банка и о. Билитон. Копи сего последнего эксплуатируются частною компаниею *Biliton Maatschappij* — под контролем, однако, комиссара от правительства и со внесением ежегодно компаниею в казну 5,6% за право эксплуатации олова.

По вычислению известного и в Европе голландского геолога Verbeek'a, автора описания катастрофы на Кракатау и прекрасной геологической карты Нидерландской Индии, с о. Банка извлечено 7 млн. пикблей олова и можно рассчитывать на добычу в минимум еще 4 млн. пик. За последние 16 лет добывалось на Банке олова средним числом до 100,000 пик. ежегодно. Лет через 50-60 индустрии этой по

истощении копей на о. Банке суждено прекратиться вовсе. На о. Билитоне в те же 16 лет добыто 2.250,000 пик. и по приблизительному расчету имеется еще до 300,000 пик. олова. При средней добыче в 80,000 пик. ежегодно запас олова на Билитоне должен истощиться уже через 4 года*.

Олово продается ежегодно на аукционах под контролем правительственных комиссаров в Батавии и на местах добычи. На 6 аукционах в 1896 г. продано было, например, олова на 3.350,000 гулд. по средней цене за 1 пик. 92 гульдена 97 центов.

Подвержены ввозной пошлине следующие товары и продукты:

Кожи	платят 2% ad valorem**
Индиго	с 1 кг 10 центов.
Кофе	со 100 кг 1 гульден.
Сахар	со 100 кг 15 центов.

(Взимание этой пошлины временно приостановлено ввиду сахарного кризиса и по ходатайству сахаропроизводителей).

Олово с 100 кг платят 3 гульд. 15 центов. Ласточкины гнезда 6% ad valorem. Гнезда эти, идущие специально в Китай, доставили казне, например, в 1894 году чистого дохода 300,000 гульденов. В том же году вывозная пошлина на все помянутые выше продукты доставила казне свыше 1.200,000 гульденов.

Пошлина не взимается с монопольного правительственного кофе, так называемого *safe de corvée****, и с казенного олова с о. Банки.

Ввозная торговля. Дабы не слишком испещрять этих страниц цифрами, ограничусь для ввозной торговли Инсулинды итогами лишь за два года. Замечу при этом, что за исключением, конечно, колониальных продуктов в Нидерландскую Индию ввозятся решительно все произведения 5 стран света, начиная с железных гвоздей и спичек и кончая грузными и сложными машинами, так как собственной индустрии Нидерландская Индия не имеет, а потому нуждается в подвозе извне произведений из Европы.

За 1896 г. ввезено в Инсулинду товаров и продуктов на сумму круглым числом в 168.345,000 гульденов, вывезено на 199.630,000 гульденов.

Итого по ввозу и вывозу 367.975,000 гульденов.

За 1897 г. ввезено на сумму 182.000,000 гульденов, вывезено на 210.415,000 гульденов.

Итого 392.415,000 гульденов.

Ввозная пошлина взимается 10% ad valorem.

* Фактически добыча олова в этих районах продолжается и в наши дни.

** От стоимости (*лат.*).

*** Кофе, получаемый по обязательным поставкам (*фр.*).

Железные дороги, паровые трамваи, пароходные линии и пр. также входят в категорию статей дохода, непосредственного, когда они принадлежат казне, и косвенного, когда оными владеют частные общества.

А потому небезынтересно сказать несколько слов о путях сообщения в Нидерландской Индии, как сухопутных, так и морских. Батавия соединена железным путем с Сурабаей (свыше 800 км длины) и с Проболинго на северо-восточной оконечности Явы. Но крайние запад и восток острова, от Батавии до Сундского пролива и от Проболинго до пролива, отделяющего Яву от о. Бали, еще не связаны рельсами. В настоящее время строится ветвь от Батавии на запад через Серанг, главный город резидентства Бантам, к Аньеру (Anjer), длиною в 147 км, к берегу Сундского пролива. Соединяется также и Проболинго с Баньюванги на крайнем востоке, на берегу Балийского пролива.

Общее протяжение линий, находящихся в эксплуатации, достигло к концу 1895 г. длины 1,745 км, включая сюда: линию западного берега Суматры (177 км) и линию Дели (102 км) на восточном ее берегу. На долю собственно Явы приходится, таким образом, 1,466 км. Расширение между рельсами повсюду равняется 1,067 м.

Основной капитал для всех существующих на Яве и Суматре линий изображал к концу 1895 г. сумму 146.400,000 гульденов, что составляет около 83,600 гульденов с километра. Общий доход *brutto* достиг 13,5 млн. гульденов, расходы по эксплуатации поглотили 6.000,000 гульденов и чистой прибыли получено до 6 миллионов гульденов

Перевезено было путешественников 1, 2, 3 и 4-го классов 10.655,647 человек, а фрахтов до 146 млн. тонн, выручено до 12 миллионов гульденов с пассажирско-фрахтового движения.

Все вообще линии распадаются на 2 группы: 1) казенные (*Staatsspoorwegen*), каковы восточные и западные на Яве, западная на Суматре и 2) частные линии (*particuliere Spoorwegen*), принадлежащие частным компаниям. Тарифы, еще недавно очень высокие, ныне понижаются. Поезда во всей Нидерландской Индии ходят лишь днем от 6 часов утра до 7 часов вечера и после заката солнца всякое на них движение прекращается. Практикуется это отчасти вследствие недостаточности движения вообще, отчасти по экономическим причинам, удешевляющим и упрощающим такую эксплуатацию.

Рядом с железными дорогами существует еще на Яве 342 паровых (*Stoomtram*) трамваев, с шириною между рельсами в 1,067-1,188 и 1,435 метров. Все они сооружены и принадлежат частным компаниям. Основной капитал достигал к концу 1895 г. почти 9,5 миллионов гульденов, что составляет около 27,000 гульденов с 1 км.

Общие итоги: сбор по всем линиям 1.477,000 гульденов, расходы по эксплуатации 603,376 гульденов, чистый доход около 873,000 гульденов.

Перевезено пассажиров 8.474,863 человека и фрахта в тоннах-километрах почти 11 миллионов за 2 года.

Итоги судоходства, парусного и пароходного сообщения между Нидерландскою Индиею и портами Европы, Азии, Африки, Америки и Австралии и в обратном направлении:

В 1896 году прибыло в порта Нидерландской Индии всего 5,290 судов. В 1897 г. 6,822 судна. В 1896 г. выбыло из портов Нидерландской Индии 5,226 судов. В 1897 г. 5,478 судов.

Нидерландская Индия находится в постоянном сообщении с Европою, Азиею, Африкою и Австралиею благодаря нескольким пароходным компаниям, голландским и иноземным, которые поддерживают правильные рейсы. Сюда относятся из голландских компаний:

1) Stoomvaart Maatschappij Nederland с 12 пароходами от 2,600 до 4,000 тонн.

2) Rotterdamsche Lloyd с 10 пароходами в 3,000 тонн, пароходы этих компаний каждые 15 дней выходят из Амстердама и Роттердама, причем пароходы Nederland заходят в Геную, Аден и Паданг на Суматре, пароходы же Rott-Lloyd идут из Марселя прямо в Батавию.

3) Французская Messageries Maritimes, service de l'Indo Chine* с 1 пароходом линии annexe**, между Сингапуром и Батавией, 1 раз в месяц из Марселя.

4) Английская Peninsular and Oriental Steam Navigation Co., более известная под сокращенным названием P. and O. (Пи энд О), 1 раз в месяц из Англии тоже поддерживает прямые сообщения с портами Нидерландской Индии.

Почту с P. and O. и германского «Ллойда» доставляют в Батавию из Сингапура голландские пароходы Paketvaart Maatschappij по соглашению с компаниею этого имени и германский пароход, один раз в месяц попутно в Новую Гвинею заходящий в Батавию.

5) Nord-Deutsche Lloyd один раз в месяц из Гамбурга и Бремена в Сингапур, а также из Китая и Японии. Пароходы эти крупные, быстроходные, устроенные роскошно со всеми новейшими удобствами и техническими приспособлениями, пользуются после французских Messageries наилучшею репутациею и уже захватили значительное количество пассажиров и грузов.

6) Незначительная Holt Line, более известная под именем Nederlandsche Stoomvaart Maatschappij. Суда ее, английские, плавают под голландским флагом, дабы иметь право на каботаж, дозволенный лишь голландским судам.

7) Queensland Royal Mail Line, линия австралийская. Пароходы ее один раз в месяц из Австралии заходят в Батавию.

8) Компания Oseaan — английская, но под голландским флагом; цена от Батавии до Лондона и Амстердама 480 гульденов в I классе. Но пароходы малы и плохи. Из этого списка исключают пароходы, например, авст-

* Индо-китайская линия (фр.).

** Дополнительная (фр.).

рийского «Ллойда», итальянской компании Florio Rubattino, испанскую Compania Transatlantica, из Барселоны, и пароходы русского Добровольного флота. Все эти линии совершают рейсы на Дальний Восток, минуя о. Яву, и с Батавиею не имеют почтовых и иных сообщений даже при посредстве голландских или местных из Сингапура английских пароходов.

Цена, например, за проезд из Батавии или Сурабаи, до Марселя на Messageries 630 гульденов в I классе с удовольствием в пути. Билет I класса до Марселя и обратно, действительный в продолжение одного года, стоит 1,070 гульденов, а билет на 9 месяцев туда и обратно стоит 980 гульденов, что весьма удобно и рассчитано для голландских чиновников и служащих, отправляющихся в Европу по делам чаще всего на 6 месяцев или же в годовой отпуск.

Следует еще отметить местную индо-голландскую компанию Paketvaart Maatschappij, которая содержит рейсы между островами Индо-Голландского архипелага. Эта компания получает ежегодную субсидию от правительства и обязана по востребованию перевозить войска и казенные фрахты.

Рассматривая приведенные выше пароходные линии, поддерживающие правильные сообщения между Нидерландской Индией и внешним миром, прежде всего является поразительный факт, что собственно непосредственные рейсы между Европою и Явою содержат всего лишь 2 голландские компании.

P. and O. и германский «Ллойд» уже косвенно посредством линии аппехе сообщаются с Батавиею из Сингапура. Все остальные иностранные компании совершенно игнорируют Яву и Батавию, пароходы их, между тем, правильно на пути на Дальний Восток и обратно заходят в Сингапур, которого миновать нельзя, благодаря его выгодному и попутному для всех расположению на великом торном пути из Европы в Азию. Батавия, отстоящая от Сингапура всего в 48 часах плавания, лежит в стороне и представляет отрезанный ломоть. Меня всегда поражали эти отторженность и отрезанность Явы от остального мира, особенно же недостаточность и редкость ее сообщений с Европою. В самом деле, если из сравнительно высокой цифры в 6,822 судов, посетивших, например, в 1897 г. индо-нидерландские порты, исключить 3,105 судов, прибывших из одного Сингапура, Пенанга и с Малаккского полуострова, окажется, что на долю Европы и остальных частей света приходится всего лишь 3,717 паровых судов.

Между тем, Ява с Нидерландской Индией, хотя они и отдалены и не попутны, все же далеко не представляют собою трупщобы, где мир кончается и досками заколочен. Ни в каком случае не может быть трупщобою или хотя бы считаться за *quantite negligible* колония, которая ежегодно делает торговых оборотов по экспорту и импорту на крупную сумму средним минимумом до 350 миллионов гульденов.

Торговля, следовательно, существует и притом в крупных размерах, как ввозная, так равно и вывозная. Итог одного индо-нидерланд-

ского экспорта колониальных продуктов колеблется между цифрами 192,5 миллиона (в 1893 г.), 210,5 миллиона (в 1897 г.), достигая даже 225 миллионов гульденов в 1895 г. В 5-летний период времени от 1893 г. до конца 1897 г. колониальный экспорт может, следовательно, быть определен среднюю годовую цифрой в 205.100,000 гульденов.

Ява, тем не менее, продолжает оставаться в стороне от общения и вне оживленного обмена идей и продуктов между Европою и остальным миром. Между тем, колониальному бюджету Нидерландской Индии, обремененному с некоторых пор хроническими изнурительными дефицитами, такой обмен в более усиленных размерах был бы особенно желателен и полезен для поднятия ее экономического благосостояния.

Что между Явою и Россиею общение и обмен продуктами сводятся к нулю, меня не удивляет ввиду неподвижной косности и за отсутствием инициативы среди лиц, составляющих русское торговое и промышленное сословие. Эти купцы и промышленники наши от однажды проторенных путей не отклоняются, в дальние заморские предприятия не пускаются; наши негоцианты притом никак не в состоянии отказаться от давно усвоенных приемов торговли и спекуляции, рутинных и не соответствующих духу времени. Они, например, кредиту не дают и не отпускают товара на веру, что при международных коммерческих отношениях, преимущественно основанных на кредите, отзывается невыгодно и парализует торговые сношения России с заграничными потребителями. Многие даже отказываются от выгодного предприятия лишь только оно сопряжено с каким-либо усилием; чтобы убедиться в отсталости наших негоциантов в этом направлении, стоит лишь прочесть донесения наших консулов, в которых все эти недостатки выставляются наружу.

Дух предприимчивости, кроме того, у нас отсутствует, все и каждый в России жаждет правительственной поддержки и казенной субсидии, а без этих основных условий и без этой точки отправления никто на свой страх ничем рисковать не желает. Между тем, правительство и специально Министерство финансов от себя сделало уже чрезвычайно много; в короткое время расширились до неузнаваемости стесненные до сих пор рамки русской промышленности и торговли, повсюду основаны примерные музеи и депо русской кустарной и иной индустрии, открылись новые рынки сбыта, Министерство финансов назначило в некоторые важные центры специальных коммерческих агентов, вызвало к новой жизни и субсидировало коммерческие предприятия и новые пароходные линии.

Правительство вообще и Министерство финансов в частности, усматривая чрезвычайно экономическое, в ближайшем будущем, значение Сибири, где всякая индустрия обретается еще лишь в зародыше, озаботились грандиозною задачею открыть Сибирь посредством чрезсибирского железнодорожного пути для всемирной торговли; одновременно с этим принялись за колонизацию и заселение безлюдных

сибирских пространств, которые постепенно превращаются в полосы оседлости и подготовляются к восприятию культуры. Министерство иностранных дел, с своей стороны, постоянно открывает новые дипломатические и консульские посты, каковы русские штатные представительства в Батавии, в Абиссинии, Сиаме и пр. Министерство финансов, зная неподвижную косность наших торгово-промышленных сфер, которые по своей собственной инициативе пальцем не пошевелинут, сделало даже больше: оно, на основании данных, представленных и собранных русскими консулами в их периодических донесениях, озабочилось указанием русским торговцам и промышленникам не только новых рынков сбыта, но оно еще и познакомило их с теми статьями потребления в различных странах, которые могли бы сделаться со временем предметом русского ввоза и вывоза.

Больше того, что уже осуществлено нашими ведомствами, которым русские интересы дороги, кажется, никто не вправе и требовать. Все расписано, выяснено, пути указаны, намечены даже продукты, имеющие спрос, двери всюду отворены настежь, остается только нашим купцам и промышленным предприятиям пожаловать и, благословясь, приступить к практической разработке изобильно заготовленного материала. Но купцы наши не жалуют, русская антреприза даже уже разжеванного не может или не желает положить себе в рот и ассимилировать. Русские коммерческие суда блистают своим отсутствием, русские потребители продолжают по рутинной привычке переплачивать агентам-посредникам комиссионные деньги непроизводительным образом за продукты, которые они могли бы получать лучше и дешевле из первых рук, из непосредственных для них ныне открытых и доступных источников.

Возьму для примера хотя бы колониальные товары. Россия покупает кофе, гвоздику, мускатный орех, ваниль, хину и пр., предпочтительно в Лондоне, Амстердаме и Гамбурге и лишь совершенно незначительную часть приобретает, например, в Сингапуре, который сам не есть продуктивный центр, а служит лишь складочным местом и всемирным депо для этих товаров. С другой стороны, и русские продукты могли бы несомненно вывозиться, например, на дальний Восток транзитом или непосредственно в больших против нынешнего количества. Некоторые наши продукты могли бы рассчитывать на обеспеченное потребление. Таковы, например, русские папиросы, на которые здесь существует сильный спрос. Но папиросы эти получаютсся кружным путем из Голландии, причем в Амстердам посылаются из России папиросы 2-х и 3-х сортов, дорогие, но не дающие понятия о хороших качествах нашего турецкого табаку. Сюда ввозятся сотнями тысяч бутылок французские, испанские, рейнские и пр. вина. Даже плохие во всех отношениях итальянские вина здесь покупаются охотно. Наши крымские и бессарабские вина, конечно, не уступают итальянским; между тем, попытки ввоза русских вин, спирта, водок и наливок не сде-

лано. Можно прибавить еще наши сушеные фрукты, фруктовые мармеладки и пр., не уступающие иностранным продуктам, которые здесь в большом спросе. Один крупный торговый дом в Крыму уже года 4 тому назад обратился ко мне за разъяснениями относительно условий винной торговли вообще в Нидерландской Индии и просил специально моих заключений по вопросу имеют ли русские вина шансы утвердиться со временем на здешних рынках.

Я сочувственно отнесся к этому проявлению столь редкой русской инициативы и приложил все свои старания, чтобы обставить возможно лучшими условиями это новое дело. Я отписал обстоятельно крымской фирме, указал, как следует поступить, рекомендовал выслать несколько десятков прейскурантов на иностранных языках и несколько пробных ящиков с полубутылками и бутылками вин разных качеств и цен, как это здесь принято для всех новых и еще не знакомых здешней публике продуктов; я указал также на стоимость фрахта, вероятную цену, по которой здесь будут проданы вина, и, наконец, дал адрес двух или трех крупных торговых домов в Батавии, которые согласились бы взять эти вина на комиссию. К сожалению, ничего из этого не вышло. Выше и далее робкого поползновения завязать торговые сношения с Нидерландской Индией крымская фирма не пошла. Полагаю, что там испугались перспективы пожертвовать непроизводительным образом полудюжиною ящиков с винами; между тем, незнакомая вовсе с русскими винами индо-голландская публика не стала бы покупать неведомого продукта, не ознакомившись предварительно с качеством оного. Это понятно и естественно, но, по-видимому, сочтено было нашими negociантами убыточным, ибо я никогда не получил ни пробных вин, ни даже прейскурантов. Конечно, при таких условиях робости, недоверия и косности трудно, если даже не вовсе невозможно, помышлять об установлении сколько бы ни было серьезных торговых сношений между Нидерландской Индией и Россией.

Между тем, я дело это на практике все же считаю осуществимым, конечно, при неперменном условии приняться за оное серьезно, сразу и с самого начала поставив предприятие русского ввоза и вывоза на прочных основаниях. Подобной постановке дела (а об иных условиях, т.е. как-нибудь и спустя рукава и думать нечего, ввиду иностранной конкуренции, давно утвердившейся в Нидерландской Индии), такой постановке дела в значительной степени могло бы способствовать прежде всего установление правильных пароходных сношений между Россией и главнейшими портами на Яве, для начала хотя бы и одной Батавией. Я не мечтаю о несбыточном идеале появления здесь русских коммерческих судов, пока наш коммерческий флот не окрепнет и не разовьется пропорционально с потребностями России. Для начала можно бы порадоваться и с благодарностью приветствовать хотя бы и срочные появления в Батавии судов русских пароходных компаний, плавающих под русским флагом.

Я уже сказал выше о неудавшейся попытке Добровольного флота завязать подобие коммерческих сношений с Явою и выяснил, почему этому благому начинанию не суждено было осуществиться на практике.

Неудача эта, тем не менее, была обидна. Индо-голландский коммерческий мир и промышленные сферы в Батавии, предуведомленные о предстоящем посещении Батавии русскими судами, отнеслись к этому проекту очень сочувственно. Они были знакомы уже понаслышке с организацией Добровольного флота и могли лишь радоваться появлению лишнего русского конкурента, так как это увеличивало шансы вывоза и понижало конкуренцию фрахтов. Многие крупные плантаторы из внутренней Явы выразили желание воспользоваться этим случаем, чтобы заблаговременно заготовить фрахты чая, кофе, копры и пр. товаров в Порт-Саид, Триест, левантинские порты и в Россию. Словом, все казалось, было устроено и подготовлено, когда я получил всего недели за три до ожидаемого прибытия первого русского парохода, телеграмму из Комитета Добровольного флота следующего краткого и неутешительного содержания: за отсутствием грузов пароходы в Батавию не зайдут.

Пришлось поневоле разносить сложенный камень по камню здание, объявлять в газетах и оповещать отдельных лиц об отмене первоначального распоряжения Комитета.

Отмена эта вызвала неблагоприятное для нашей серьезности впечатление. Здешняя публика критически отнеслась к непоследовательности в наших идеях и усомнилась в надежности русских начинаний вообще, ввиду неожиданного и для голландцев недостаточно мотивированного отказа Комитета Добровольного флота.

Выше я имел случай коснуться уже этого мертворожденного проекта и даже объяснить, какими соображениями, с его точки зрения достаточно вескими, руководствовался Комитет.

Все эти резоны понятны и допустимы, хотя и не свидетельствуют в пользу духа инициативы Комитета, который не захотел или не сумел в данном случае отрешиться от своих рутинных воззрений и приемов.

Я протестую против самой постановки вопроса и мотивирования Комитетом неудобности появлений в Батавии судов Добровольного флота, а именно против приведенной в телеграмме Комитета причины: отсутствие будто бы грузов. Это отсутствие фрахтов не доказано, напротив, грузы нашлись бы в Батавии, сперва незначительные, так как это предприятие новое, с течением же времени, когда случайные заходы наших судов в индо-нидерландские порты заменились бы правильными рейсами, и самые грузы утратили бы свой случайный характер. Вывоз определился бы и принял бы впоследствии уже правильную форму, так как, повторяю, в стране, торговый оборот которой ежегодно по импорту и экспорту достигает цифры 350 миллионов гульденов, в грузах и статьях ввоза и вывоза недостатка нет и быть не может. Остается лишь изыскать эти статьи. То, что ежегодно вывозят англичане, немцы, французы, даже норвежцы, могли бы вывозить и мы, русские.

Но если по вышеизложенным соображениям для Добровольного флота собственно представляется неудобным заведение и поддержание правильных коммерческих сношений с Нидерландской Индией, то неудобства и невыгоды подобного предприятия исчезают и пропадают для иной русской пароходной компании, которая, подобно *Messageries*, германскому «Ллойд» и пр., задалась бы целью перевозить пассажиров и грузы из портов Черного моря на Дальний Восток и обратно и содержать правильные периодические рейсы, например, между Одессою и Владивостоком. Такие русские пассажирско-коммерческие суда несомненно могли бы заходить и в Батавию. Ввиду с каждым днем все сильнее определяющегося значения Сибири, как всемирного рынка, у нас в Одессе, по-видимому, задалась уже мысль создать особый флот специально с целью развития и поддержания сношений с Дальним Востоком под русским флагом; такие русские рейсовые пароходы, не стесненные той специальною программой, которая руководит действиями Добровольного флота, могли бы, несомненно, с пользою для нашего экспорта посещать также и отдаленную Нидерландскую Индию, про которую никак нельзя утверждать, что она представляет собою страну, лишенную всякой производительности и всяких ресурсов.

Глава XVIII

*Нефтяное дело в Нидерландской Индии. —
Возникновение, процветание и упадок нефтяной индустрии. —
Русский и американский керосин.*

Рядом и параллельно с главнейшими в крае культурами сахарного тростника, кофе и табаку, в последнее пятнадцатилетие возникла и ныне достигла высшей точки своего развития новая в Нидерландской Индии индустрия, нефтяная эксплуатация. Добыча нефти сразу стала в категорию самых выгодных предприятий и уже доставила нефтепромышленникам в Голландии и в ее ост-индской колонии высокие барыши, превышающие сотню миллионов гульденов.

Постановку и ведение в Нидерландской Индии нефтяного дела лучше всего и обстоятельно выяснят мои сообщения по сему предмету в «Вестнике финансов, промышленности и торговли», которые я привожу ниже.

Нефтяное дело в Голландской Индии сравнительно недавнего происхождения. Лишь в 1863 г. главный инженер по минной части де Грот, в рапорте своему тогдашнему генерал-губернатору в Батавии, указал на место нахождения aardolie* (Erdol) в резидентствах Семаранг и Сурабая на Яве, на острове Мадуро и в Палембанге на о. Суматре. Но ни в этом рапорте, ни в донесениях, полученных колониальным управлением за последние годы, ни словом не упоминается о местности Лангкат на Суматре, долженствовавшей впоследствии занять первое и самое видное место среди всех месторождений нефти в Нидерландской Индии.

Еще в 60-х и чуть ли не до 80-х годов заботы администрации почти исключительно направлены были к тому, чтобы извлекать возможно больший доход из продуктов колониальных и вообще растительного царства. Усиленно разводили кофе, чай, какао, сахарный тростник, ваниль, хину, перец, мускатный орех и вывозили продукты эти в Голландию и на европейские рынки. Словом, занимались преимущественно вывозною торговлею, о промышленности же заботились мало, да и

* Нефти (гол.).

никому в голову не приходило, что Нидерландская Индия могла бы иметь свою собственную оригинальную и притом выгодную индустрию, так как в эту категорию, благодаря сохранившимся рутинным приемам и понятиям, включали и понимали преимущественно фабричное производство, о котором по отдалению своему от европейского промышленного базиса и по дороговизне своей Нидерландская Индия не могла серьезно помышлять.

Вот почему занимались преимущественно разведением естественных продуктов. В те времена культуры эти, особенно же сахарного тростника, были чрезвычайно выгодны, так как существовали монополии и запретительные тарифы, обеспечивавшие Яве и остальным островам Инсулинды верный сбыт их колониальных товаров, тем более, что с Явою не были еще в состоянии конкурировать тогда остров Цейлон, Бурма, Аннам, Камбоджа, Кохинхина* и Сиам.

Между тем, с течением времени, следуя примеру, поданному голландцами, еще и другие европейские народы выступили на поприще колонизации и открытия для всемирной торговли новых рынков обмена и сбыта; они, в свою очередь, ввели улучшенные способы культуры, расширили свои торговые сношения, упорядочили и удешевили прежние способы сообщения. Все это с течением времени должно было лишить Нидерландскую Индию того исключительно выгодного положения монополизатора, которым она так долго пользовалась. Англичане на Цейлоне, а за ними французы в Тонкине также догадались разводить чай, кофе, хину и пр. тропические продукты.

Возникла конкуренция, и Нидерландская Индия оказалась вынужденною делить свои прежде исключительные барыши с иными производителями и колонизаторами.

Условия, таким образом, изменились к худшему, но не изменились прежние приемы культуры и колонизационной деятельности: культура продолжала ограничиваться местностями, давно уже намеченными и облюбованными, еще в 17 и 18 столетиях, т.е. в эпоху деятельности пресловутой Ост-Индской компании. При этом все сосредоточивалось преимущественно на одной Яве, из которой голландская предприимчивая инициатива создала один обширный, прекрасно возделанный парк или нечто вроде образцового опытного сада, с насадками колониальных и иных полезных растений тропического пояса. Ява одна и ныне еще продолжает быть *terrain réservé*** для плантаторских и иных опытов интенсивной культуры.

Выше было выяснено, что внеяванские владения Голландии, ее *Buitenbezittingen*, далеко во всех отношениях отстали от Явы, вполне ассимилированной и открытой для культурности и цивилизации во

* Бурма — Бирма; Аннам и Кохинхина — принятые в колониальный период названия Центрального и Южного Вьетнама.

** Заповедник (*фр.*).

всех ее, даже самых отдаленных уголках, но и на Яве, за последние 25-30 лет, изменились прежние условия, когда в несколько лет европейцы составляли себе торговлю и сбытом естественных произведений громадные состояния, без особенных к тому усилий. Почва начинает истощаться, а население Явы с Мадурою постоянно вырастает. Люди скучены на сравнительно тесном пространстве, они уже не всякий год могут прокормиться, случаются неурожаи, последствием которых являются голодовки и эпидемии. Правительство раздает рис немущим, приискивает им общественные работы, поддерживает и материально тратится на население, что, конечно, обходится недешево казне, и без того терпящей все чаще и чаще повторяющиеся ежегодные дефициты, вызванные нескончаемой войной на Атчине и экономическими кризисами понижающих свою доходность культур.

Такое неблагоприятное положение дел убедило колониальное управление, что прошли те времена, когда культуры и сбыт естественных продуктов почти исключительно питали Нидерландскую Индию, обогащая одновременно и самую метрополию. Необходимо было изыскать еще иные доходные статьи для поднятия общего благосостояния колонии и в видах устранения периодических недочетов в бюджете.

Колониальное управление, руководясь соображениями экономического свойства, обратило тогда серьезное внимание на непочатые еще минеральные богатства края.

После инженера де Гроота известный германский естествоиспытатель Iunghuhn в 1863 г. в письме к голландскому министру, который указал еще на местонахождение aardolie между Мукомуко и Бенкуленом, на западном берегу Суматры. Он утверждал, что местность эта богаче нефтью, чем таковые же местонахождения на Яве, напр., в резидентстве Черибон. В 1865 г. Т. Грамбергом открыто на Суматре еще 9 нефтяных источников. Но лишь в 1872 г. правительство приняло первые официальные изыскания в округе Мадья, Черибонского резидентства, ввиду чего прорыто было 7 колодцев, из коих 5 в Чибодэ. С августа по декабрь 1872 г. последние дали 400 пикулей (22,704 кг) сырой нефти — aardolie. В резидентстве Сурабая, близ Гунунг-Саари, первые изыскания произвел в 1875 г. горный инженер Мансфельд. Туземцы давно уже пользовались для осветительных целей и для лечения кожных болезней маслянистою жидкостью, которую они собирали с поверхности воды, в весьма примитивно вырытых колодцах. Первые попытки добычи нефти дали весьма жалкие результаты. Так, напр., в Сурабайском округе за весь 1875 г. добыто было всего 305 пикулей нефти, так что инженеры пришли к заключению, что значительные расходы по буравлению колодцев никогда не окупятся и что благоразумнее отказаться от столь неверного предприятия.

Между тем, в 1887 г. вернулся на Яву горный инженер Стооп, которого правительство командировало в Америку со специальною целью изучения там нефтяного дела.

Стооп, по-видимому, пришел к менее пессимистическому заключению, чем сурабайские инженеры, ибо он в том же году испросил и получил концессию для эксплуатации нефтяных источников на Яве и сформировал *Doordtsche Maatschappij* в Сурабае.

На первых порах компания ограничилась участком близ самого города, но уже в 1889 г. приобрела новый участок Джабакота-Дженголо, а в 1892 г. — концессию в округе Ламанган (резиденция Сурабая), известную под именем *de Twaalf Dessas* (12 сел), где на участке лежало 12 яванских сел. В 1890 г. в концессии Джабакота существовало 8 колодцев и было вырыто еще 2-3 новых. Концессионеру разрешено было построить на канале Вонокромо нефтеочистительный завод и провести на расстоянии 7,000 метров трубы от местонахождения нефти к заводу. Компания добыла в 1890 г. на этом участке 26,881 ящик керосина, по 35 литр. вместимостью, 372,800 литр. остатков (*residu*), 9,015 литр. газolina и 8,625 литр. смазочного масла (*smeerolie*), тогда как в 1899 г. получилось лишь 5,569 ящиков керосина, 73,800 литр. остатков и 720 литр. смазочного масла, газolina же не было добыто вовсе. Средняя цифра ежедневной добычи керосина в Джабакоте в 1890 г. равнялась 86 ящикам. В следующем 1891 г. результат получился еще более благоприятный, добыто было 79,490 ящиков очищенного керосина (в 1 ящике 2 жестянки по 36 литр.), достаточное количество остатков и 48,000 литр. газolina. Изготавливались и имели сбыт также машинные масла, парафин и асфальт. Керосин имел достаточное число потребителей, несмотря на конкуренцию со стороны американской нефти. Бензин и остатки шли на отопление, а смазочные масла встречали сбыт и применение у железнодорожных компаний для отопления паровозов.

Упомянутые выше концессии *Doordtsche Petroleum Maatschappij* занимают в настоящее время в общей сложности площадь, равную 24,212 *боу*, (1 *боу* = 500 *Rheinlandische Quadratruthen* или 7,096,49 кв. метрам), а *Twaalf Dessas* занимают 2,412 *боу*. На концессии Джабакота вырыто было до 1890 г. 8 колодцев, в 1890 г. — 10 колодцев, в 1891 — 15 колодцев, в 1892 г. — 13 колодцев, из коих в шести нефти найдено не было. Глубина этих колодцев колеблется между 100 и 800 футами. Концессия дала в 1894 г. 330,000 литр. сырой нефти. На участке *Twaalf Dessas* пробуровлено было в 1894 г. 6 колодцев, из коих 4 дали весьма значительную массу нефти, количество которой за 1894 г. дошло до 15 млн. литров.

Сырая джабакотская нефть, *ruw olie* (*rauhes Ol*) дает 68,5% чистого керосина, та же нефть в *Twaalf Dessas* дает всего от 54 до 58%. Концессионеры продают свой керосин преимущественно туземному населению и притом на 20 центов дешевле за 1 литр против цены русского керосина.

Собственно чистого (*gezuiverde*) керосина *Doordtsche Maatschappij* добыла в 1894 г. 435,974 литра, 7,437 литров газolina, 3,858 смазочных масел, 56,000 кг асфальта и 2.346,615 литров остатков для отопления

(brandstof). Один ящик яванского керосина, т.е. 2 жестянки с ящиком, обходится на месте приблизительно в 1 гульд. 25-30 центов.

Керосин собственно яванского происхождения за пределы Явы не вывозится, а продается туземцам и китайцам. Он упаковывается в деревянные ящики, содержащие 2 жестянки по 18 литр. в каждой. Под яванский керосин идут старые, уже бывшие в употреблении жестянки, тогда как для керосина лангкатского (на о. Суматре) жестянки изготавливаются на месте. Но упаковка и укупорка этого керосина оставляют желать лучшего и уступают в отношении солидности и доброкачественности русскому и американскому способам укупорки. Наливных паровозов-цистерн для перевозки керосина морем не имеется, но есть для этой цели на яванских железнодорожных линиях вагоны-цистерны.

Добыча нефти в Нидерландской Индии находится исключительно в частных руках. Вот перечень выданных таким лицам и компаниям концессий: 1) концессия Лангкат на о. Суматре в 1,500 боу, данная в 1883 г. гг. Zyllez и перешедшая в 1890 г. в собственности Langkat Petroleum C°. Далее в том же Лангкатском округе имеются еще следующие концессии: 2) Bositang в 11,836 боу дана в 1895 г., 3) Aroebai (Арубай) в 62,000 боу в том же году, 4) Boekit Mas (Букит-Мас) в 1895 г. с площадью в 53,942 боу. Таким образом, Langkat C° в одном округе того же имени эксплуатирует огромную по протяжению своему площадь в 130,238 боу. Doordtsche Petroleum Maatschappij в Сурабае владеет протяжением в 24,212 боу. В том же резидентстве одна китайская фирма имеет в Гунунг-Саари 200 боу с 1893 г.

В резидентстве Семаранг китайская же фирма в 1894 году получила 277 боу в Клантунге. Г. Ch. Riesz и фирма Anemast получили в 1894 году в резидентстве участок в 30,232 боу. Наконец, в южной и восточной части острова Борнео г. J. Kenten получил в округе Кутай в 1891 году концессию Lonite в 28,000 боу. Но до сего дня не имеется сведений о том, произведены ли были на этом участке изыскания, буравления и проч. и с каким результатом. Если сложить вместе все цифры в боу земельных участков, отданных под концессии на островах Яве, Суматре и Борнео, то получится общий итог в 213,159 боу, а именно: для Суматры 130,238, для Явы 54,921, для Борнео 28,000.

Первое место во всей Нидерландской Индии по количеству и качеству добываемой нефти занимает уже упомянутый выше округ Лангкат, который, однако, впервые получил известность и обратил на себя внимание в эпоху не столь отдаленную, а именно не раньше 1883 года. До того горный инженер Van Schelle указал как на месторождение нефти на участок в Падангском резидентстве на западном берегу острова. Лишь в 1886 году сделаны были в Лангкате первые изыскания и прорывы первые колодцы на весьма скромной концессии в 500 боу, по правому берегу реки Лепан в Нижнем Лангкате, данной г. Зейлькеру. Контракт заключен был на 75 лет, но с оговоркою, что концессионер мог отказаться от обязательства эксплуатировать свой участок, если тако-

вая эксплуатация окажется убыточной, вследствие недостаточности нефти. Концессионер должен был платить колониальному управлению ценза по 30 центов с 1 гектолитра очищенной и по 15 центов с 1 гектолитра сырой нефти. Как явствует из условий контракта, концессионеры, не рассчитывая на блистательные результаты, выговорили себе право отказаться от своего предприятия, заранее считая его рискованным и убыточным. На первых порах действительно дело не шло на лад. В феврале 1888 года пожар, возникший вследствие разрыва газа, уничтожил большую часть колодцев и возведенных на участке построек, причинив тем значительные убытки. Концессионеры потеряли последнее доверие к предприятию, а индо-нидерландское управление декретом от 4 августа 1889 года решило эксплуатацию упразднить и служебный и рабочий персонал отозвать, несмотря на заключение правительственного инженера, который гарантировал присутствие на участке значительных масс нефти, настаивал на необходимости пробуровать колодцы в 120 метров глубины минимум и уверял, что в таком случае Лангкат по количеству добываемой нефти не уступит месторождениям керосина в Америке. Лангкат недолго, впрочем, остался запущенным и забытым. Уже в конце 1889 года горные инженеры Rennaud и Fennema снова произвели изыскания, которые и дали настолько утешительные и многообещающие результаты, что в 1890 году сформировалось в Гааге, с капиталом в 1.300,000 гульденов, «Королевско-Нидерландское общество для эксплуатации нефтяных источников в Нидерландской Индии». Господа Rennaud и Fennema нашли, что нефть обнаруживается уже при копании неглубоких колодцев на всем протяжении участка от реки Лепан вплоть до атчинской границы на протяжении 50 километров, а также и на концессии г. Зейлькера. Колодезь близ Телага-Тунаана дал в 1889 году по 360 гектолитров в день. Из отчетов компании за 1890 и 1891 года заимствуем следующие данные: нефтеочистительный завод лежит на реке Бабалан в 10 километрах от месторождения нефти. Различные постройки возведены из железа. Машины и мастерские для жестянок устроены с тем расчетом, чтобы можно было изготовлять до 5,000 ящиков в день. Завод соединен с правлением паровым трамваем и телефоном. Буравы, трубы и проч. орудия выписаны из Америки, Бельгии и Германии; котлы, серная кислота, сода и пр. получают из Голландии. Залив Ару (Aroebaai) в проливе Малаккском, на восточном берегу Суматры, единственный, который доступен для крупных судов и соприкасается с земельными участками, принадлежащими компании. 1 марта 1892 года началась, наконец, собственно эксплуатация, которая уже в мае того же года достигла цифры 600 ящиков в день. Керосин получился в изобилии и прекрасного качества, как о том сказано будет ниже. В продаже он известен под маркою Crown Oil. Керосин этот чистый, дает много света, светлый, почти без цвета и без запаха. Удельный вес очищенной нефти — 0,779 при 15° Цельсия. Точка воспламенения очищенной неф-

ти по опытам, произведенным по Abel'ю, достигается при 83-86° Фаренгейта. Burning point* для сырой нефти — 124°-126° Фаренгейта, которая вследствие этого до того безопасна, что туземцы свободно употребляют ее для своих *palita*, открытых ламп или ночников. По своим составным частям лангкатская сырая нефть весьма близка к пенсильванской нефти. Она содержит парафин, но не без признаков асфальта. Цена очищенного продукта была в первое время ниже ввозимых сортов керосина, но сравнялась нынче с лучшими русскими сортами. Самый процесс очищения за последние годы также значительно улучшился. Различным опытам и исследованиям в лаборатории подвержены были экземпляры трех сортов керосина: 1) лангкатский, 2) американский и 3) русский. Результаты получились следующие: удельный вес лангката при 15° Цельсия — 0,799, американского — 0,791 и русского — 0,825. Американский керосин, видимо, имеет желтую окраску, русский таковую же, более бледную. Лангкат реагирует нейтрально, точно так же американский, тогда как в русском керосине обнаружены слабые признаки свободной серной кислоты. В Лангкате нет вовсе смолистых веществ (Harse), в американском есть признаки, в русском незначительное количество. Крепкая серная кислота окрашивается лангкатом в светло-желтый, американским в темно-буро-красный, а русским в бледно-буро-красный цвет. При частичной дистилляции в энглерской реторте керосин улетучивается при температуре:

	Лангкат	Американский	Русский
Ниже 150° Ц	15,9	8,7	13,2
Между 150° Ц и 270°	79,6	47,8	74
Выше 270° Ц	3,4	32,3	12

Исследование с фотометром на газовой фабрике дало для этих трех сортов след. цифры: лангкат — 109, американский — 100, русский — 97, при условии одинаковой для всех сортов продолжительности горения и одинакового количества употребленного керосина. При горении лангката на фитиле почти вовсе не образуется коры от обугливания. Фотографическое исследование американского керосина и лангката показало, что после 6-часового горения, осветительная способность американского керосина уменьшается на 9,37%, лангката же всего на 4,1%. Точка воспламенения для американского — 43,4°, для лангката — 47,6°, для русского — 51,2°. Словом, лангкат по своим качествам и содержанию углеводородных веществ не только не уступает, но превосходит привозные сорта американского Devoe's Oil и русского керосина. На первых порах в Лангкате готовили более специально масла для осветительных целей. Впоследствии стали выделять

* Точка воспламенения (англ.).

вать еще газолин, который идет на освещение улиц и жилых домов в Медане и в Дели, асфальт, бензин и прочее.

В 1892 году приступлено было также к бурованию нового колодца, Телага-Бару, над которым проработали 49 дней, достигнув на глубине 525 футов слоя нефти. Средняя ежедневная добыча сырой нефти из обоих колодцев Тунган и Телага-Бару достигла около 64,000 литров. В третьем колодце Телага-Саид, на глубине 840 футов, не найдено еще было признаков нефти и приступлено к изысканиям в ином месте. Первые 9 месяцев 1892 года дали в итоге 144,703 ящика очищенной нефти по 36 литр., т.е. 32,7% всего количества извлеченной сырой нефти. Выручено было за них 307,244 гульдена 05 цента (приблизительно по 2 гульдена 09 цента *netto* за ящик).

Председатель Langkat С° сообщил еще в общем заседании в Гааге, что, вследствие введенных в 1892 году улучшенных способов дистилляции *rendement** переработанного количества сырой нефти в керосин поднялся с 32% до 48%. В июле 1893 года получено было известие, что последний прорытый колодезь дает ежедневно до 30,000 литр., все же колодцы вместе дали до 95,000 литр. в день сырой нефти, из которой добывалось до 50,000 литр. очищенного керосина, т.е. до 1,300 ящиков в день. До конца 1893 года вывоз ограничивался одною лишь Нидерландскою Индиею. Но в 1894 г. сделана была попытка, увенчавшаяся успехом, транспортировать лангкатский керосин в Сингапур, Пенанг, Гонконг, Китай и Японию; несмотря на конкуренцию со стороны американского и русского керосина, лангкат утвердился на азиатских рынках и имеет обеспеченный сбыт, так как, благодаря сравнительной близости мест рождения от рынков сбыта, фрахты и пр. расходы оказываются ниже, чем для того же продукта из России и Америки.

Лангкат вывозится в Гонконг непосредственно и компания приобрела там земельные участки, на которых возвела магазины и депо. В течение года с октября 1894 года в Гонконг вывезено было 78,890 ящиков (2.843,600 литр.) лангката. В цифру эту не вошли итоги вывоза в порты английских Straits Settlements и Китай.

Компания приобрела в 1896 году два парохода по 1,200 тонн специально для перевозки каждые 2 недели лангката в китайские порты. Дела ее идут весьма успешно, добыча керосина значительно усилилась и, кроме того, самая площадь эксплуатации нефти постоянно расширяется (она с первоначальных 60,000 *боу* достигла уже цифры до 132,000 *боу*). Дивиденда общество дало за истекший год 44%.

Лангкат, таким образом, уже ныне делает весьма серьезную конкуренцию американскому и русскому керосину и возможно, что он со временем, если не вовсе вытеснит, то, по крайней мере, вызовет чувствительное уменьшение ввоза на туземные и даже азиатские рынки этого иноземного продукта, с которым, благодаря благоприятным условиям,

* Выход (*фр.*).

близости и дешевизне Devoe's Oil и Батуму все труднее будет конкурировать. Результат этот в более или менее отдаленном будущем можно тем более предвидеть, что остров Суматра, по-видимому, обещает сделаться неистощимым источником добычи нефти. В этом отношении мало еще исследованная и еще менее эксплуатируемая Суматра готовит новые сюрпризы даже для голландской и индо-нидерландской предприимчивости и индустрии: так, в резидентстве Палембанг, на восточном берегу Суматры, обнаружены, как кажется, новые богатейшие залежи нефти, на которые со всех сторон частные лица и компании спешат испрашивать концессию. Впервые в этой местности присутствие нефти обнаружила в 1888 году немецкая компания. Позднее концессии получили 3 компании, а именно: 1) the Bombay Burmah Trading C°, имеющая участок на широкой судоходной реке; 2) голландская К°, г. Буассевен из Амстердама предполагает буравить колодцы на участке Муара-Эним, откуда на протяжении 100 м керосин будет проведен в трубах в г. Палембанг в нефтеочистительный завод, который там со временем построит концессионер; 3) Netherlands India Exploitation C° к изысканиям еще не приступила. В Палембанге вообще нефтяное дело находится еще в первой стадии возникновения, но более чем вероятно, что и здесь найдены будут неистощимые запасы нефти.

Вот еще несколько достоверных цифр касательно лангкатского экспорта в Сингапур и Пенанг за период времени от 1892 по конец 1894 годов:

	1892	1893 Литры	1894
В Пенанг	2.495,067	4.638,720	8.201,136
В Сингапур	1.366,642	6.345,888	15.530,112

За последний год стали ввозить лангкат также и в Рангун, Бангкок, Сайгон и Японию. В 1894 г. К° добыла 1.042,943 литра при цене брутто от 1 долл. 10 ц. до 2 долл. 25 ц. за 1 ящик; в 1895 году с января по конец мая получилось 513,800 ящиков. Что касается русского керосина, то его ввезено было на Яву за 1895 по конец 1895 года: в 1890 г. — 37.795,140, в 1891 г. — 49.616,740, в 1882 г. — 55.723,704, в 1893 г. — 85.352,838, в 1894 г. — 25.969,788, в 1895 г. — 42.045,736 литров. За этот же период времени ввезено было американского Devoe Oil: 1890 г. — 67.225,526, 1891 года — 51.960,012, 1892 г. — 54.888,583, 1893 г. — 67.965,118, 1894 г. — 77.609,249, 1895 г. — 55.918,431 литр.

Фирма John Reet ввозит на Яву преимущественно русский керосин, конечно, не на русских судах, которые никогда в Батавию не заглядывают, а на пароходах английских, итальянских и иных, вследствие чего грузы, забранные часто даже не в Батуме, а в Лондоне, Роттердаме, Амстердаме, Антверпене и др., обходятся здесь дороже, чем если бы они приходили непосредственно из русских портов на судах, плаваю-

щих под русским флагом, так как приходится за фрахты уплачивать лишнюю комиссию различным агентам-посредникам. Представители фирмы John Peet неоднократно указывали на желательность доставки русского керосина на русских судах, которые специально бы занимались этим транспортированием.

Нефтяное дело в Нидерландской Индии постоянно развивается, не на одном лишь острове Суматре, в лангкатском нефтепроизводительном регионе *rag exellence**. Кроме Сурабайского резидентства в восточной части Явы, нефть, и притом, как уверяют, весьма значительное количество ее, обнаружена еще в империи Суракарта или Соло, в центральной Яве. Здесь концессию в 35,000 *боу* получила бельгийская компания, представители которой, Kohlers, вскоре приступят к эксплуатации, выписав уже на 30,000 долларов машин, буравов и проч. из Америки, после чего Kohlers имеют в виду построить на своем участке нефтеочистительный завод. Утверждают, что участки в Соло ожидает богатая будущность, и что они будто бы по количеству и по качеству нефти не уступают знаменитому лангкату. Лангкатский керосин ныне уже вывозится в количествах все более значительных в порты Китая и Японии. В японской газете Jiji напечатан был в апреле интересный отчет японского посланника в Голландии относительно вывоза в Японию сырой нефти с острова Суматры. По сведениям японского дипломата, лангкат дал в истекшем году увеличение добычи в количестве до 3 миллионов ящиков, и керосин этот он считает лучшего качества, чем Батум и Devoe's Oil, цена же ему средняя между русским и американским керосином. Японский посланник даже высказывает мысль, что если японское правительство дозволит беспошлинный ввоз керосина вовнутрь Японии, то можно будет, с помощью голландских капиталов, построить в Японии нефтеочистительные заводы. Заводы эти дали бы керосин, который был бы в состоянии успешно конкурировать с русским и американским продуктами до того момента, пока японские колодцы в Сегиго не начнут доставлять количества достаточного для внутреннего потребления края. Если этот проект будет одобрен, а предложение в этом смысле уже поступило на рассмотрение японской торговой палаты, докладчик ожидает от осуществления его большой материальной пользы как для самой Японии, так равно и для голландской промышленности.

Привожу теперь точные цифровые данные по ввозу на остров Яву американского, русского и лангкатского керосина за истекший 1896 год. Цифры эти заимствованы из периодических отчетов фирмы John Peet в Батавии, которая здесь считается первой и самой крупной по импорту керосина.

К 1 января 1896 года запасов керосина было налицо в Батавии: американского — 407,201 ящик, русского — 375,140 ящиков, лангката —

* Преимущественно (*фр.*).

21,513 ящиков. В течение 1896 года вывезено было на остров Яву американского 2.085,953 ящика, русского — 1.107,091 и лангката — 352,185 ящиков, итого 3.545,229 ящиков. Запас (Stock) керосина к 1 января 1897 года составлял: американского — 625,700 ящиков, русского — 301,065, лангката — 62,064 ящика, итого же 988,829 ящиков. Продано было в 1896 году (deliveries for 1896) американского — 1.460,258 ящиков, русского — 806,126 ящиков, лангката — 290,021 ящик, всего же 2.556,400 ящиков.

Могу доставить ныне точные статистические цифры по ввозу на о. Яву американского, русского и лангкатского керосина за 1896 г. Цифры эти доставлены мне представителями в Батавии фирмы John Peet and C°, первые по значению своих оборотов импортеры керосина на Яву из Батума и из Америки. Это succursal* той же крупной фирмы, существующей в Лондоне. К 1 января 1896 г. состояло в Батавии, в ящиках, керосина: американского — 407,201, русского — 375,140 и лангката — 21,153. В 1896 г. ввезено в Яву: американского — 2.085,953 ящика, русского — 1.107,091, лангката — 352,185, всего же 3.542,229 ящик. К 1 января 1897 г. имелось в запасе (stock) керосина: американского — 625,700 ящ., русского — 301,065 ящ., лангката — 62,064 ящ., итого 988,829 ящ. В 1896 г. продано было керосина (deliveries for 1896)**: американского — 1.460,258, русского — 806,126, лангката — 290,021 ящ., итого 2.556,400 ящ. Оптовые цены керосина franco eu rade Java*** колебались в 1896 г. от 2 гульд. 60 центов до 2 гульд. 87 центов за ящик американского и от 2 гульденов 60 центов до 2 г. 80 центов за ящик русского керосина. К сообщению своему представители John Peet and C° прибавили следующее примечание: Standard Oil C° из Нью-Йорка делает лучшие дела, потому что имеет на Яве своих агентов — американцев, весьма деятельных и лично вникающих во все подробности дела. Русские же компании продолжают до сего дня назначать еще в Европе цену своим продуктам, не заботясь и не вникая в положение и спрос их продуктов на яванском рынке. Русские также не имеют здесь своих агентов. Прибавлю от себя, что никогда ни одно русское коммерческое судно не заходит в порты острова Явы, и что весь батумский керосин привозится сюда исключительно на пароходах английских, итальянских, норвежских и пр., что увеличивает стоимость как фрахта, так и самого продукта, который, таким образом, проходит через руки агентов и маклеров, уплачивая оным известный процент за комиссию. Таким образом, русскому керосину с каждым годом, при данных неблагоприятных условиях, становится все труднее конкурировать с американцами, которые постоянно озабочены тем, как бы расширить район своего сбыта в индо-нидерландских владениях. Будучи весьма энергич-

* Филиал (англ.)

** Поставки за 1896 г. (англ.)

*** С доставкой на рейд Явы (фр.).

ны и деятельны, американские агенты здесь, располагающие притом широкими средствами, не только надеются со временем вытеснить русский керосин, но еще и сами изыскивают ныне на Яве и Суматре новых месторождений нефти, дабы приобрести оные для себя путем концессии и тем получить возможность успешно конкурировать с местною нефтью, добываемую на островах Яве и Суматре. А нефтяное дело в Нидерландской Индии постоянно расширяется, исследуются новые участки, обнаруживается на них присутствие нефти, испрашиваются концессии и в Голландии формируются специальные компании для эксплуатации этих месторождений. В Палембанге на о. Суматре участок Муара-Эним принадлежит 4 концессионерам на протяжении до 15 миль. Месторождение находится в 100 милях от города Палембанга, куда нефть будет проведена в трубах. Нефть найдена на глубине 215 275 и 400 футов, и эксперты дали столь благоприятное заключение о предполагаемом в недрах земли количестве нефти, что синдикат, производивший исследования, мог продать компании Muaга Еним концессию за миллион гульденов. Другая компания с капиталом в 300 тыс. гульд. (East India Exploration C^o) сформировалась для эксплуатации залежей в резидентстве Семаранг на о. Яве. Утверждают, что в некоторых участках этой эксплуатации нефть имеется в столь великом изобилии, что газ от подземного керосина спалил и уничтожил всю растительность в местах своего появления. Ныне в Голландии публика выказывает большее доверие к этим oilfields* в Нидерландской Индии и уложены уже многие миллионы в эти предприятия. В настоящем случае, как и во всяком ином деле, существует относительно будущности этих начинаний два противоположных взгляда и мнения: пессимисты опасаются, как бы не оказался избыток нефти, много превышающий спрос, вследствие чего цена на продукт неминуемо имеет понизиться; оптимисты же утешают себя мыслью, что керосин с Явы и Суматры со временем можно будет в громадных количествах вывозить не только во все соседние азиатские рынки, но еще и в Европу, и, что этот продукт отовсюду вытеснит американский и русский керосин! На о. Борнео тоже за последнее время выдана была концессия гг. Vuju и Mohr в Батавии, а именно в округах Батанг-Емас и Лабуан-Емас, юго-восточного Борнео. Инженер, исследовавший этот участок, выражает надежду, что концессия Батанг-Лабуан доставит керосина количество, достаточное для снабжения оным всего о. Борнео, и имеет в виду устроить большой нефтяной завод, который мог бы доставлять до 5,000 ящиков в день керосина. Все это пока одно лишь предположение, и, быть может, упованиям и расчетам гг. концессионеров участков на о. Борнео не суждено осуществиться в действительности, так как самый о. Борнео еще почти неведомая, малоисследованная страна, труднодоступная и отдаленная, куда голландская и вообще европейская предприимчи-

* Месторождения нефти (англ.).

вость пока неохотно еще и без достаточного доверия помещает свои капиталы. Совсем не те условия гадательности представляет вполне и давно колонизованная Ява, где каждая десятиная земли занята под культуры или эксплуатируется с успехом, или даже о. Суматра, на котором голландцы утвердились всего лишь на побережьях, не проникнув до сих пор вовнутрь края, но зато они на берегу утвердились прочно и уже создали кое-какие промышленные и интеллигентные центры.

Я уже имел случай сообщить, какое быстрое развитие и распространение даже за пределы Нидерландской Индии, на рынки дальнего Востока получили нефтяные продукты с островов Явы и Суматры. Я писал также в предыдущих сообщениях своих о том *rush for petroleum**, который за последние годы возник в Голландии, где одна за другой формировались ассоциации и компании с целью эксплуатации нефтяных богатств в Лангкате и других местностях, также и на о. Яве. В эти только нефтяные предприятия в Нидерландской Индии одна лишь Голландия вложила капитал до 50 миллионов гульденов, что для столь маленького государства должно признать весьма значительною и почти непосильною затратою, тем более, что на иные предприятия и эксплуатации, почему-то менее популярные в данный момент, чем керосин, не остается свободных капиталов. Но за последнее время в Голландии замечается более сдержанное отношение к делу эксплуатации нефти; там стали уже менее увлекаться ост-индскою нефтью, спрос на новые концессии понизился; собственно голландские фирмы уже не рискуют, как то делали прежде, одни на свой страх формировать компании, они все более высказывают тенденцию разделять риск и барыши или убытки в ассоциации, напр., с французскими или английскими синдикатами или с фирмою Ротшильда. Причина тому — чрезвычайное усиление месторождений нефти и обилие ее, вследствие чего продукт стал понижаться в цене. Но главнейшую причину этого явления, оказавшую на нефтяное дело здесь решительное влияние, следует искать в той монополизации керосина, которая ныне сосредоточена в руках американского Standard Oil Co. Standard Co° наводнил Нидерландскую Индию своими продуктами и повсюду содержит своих специальных агентов-американцев. Компания задалась целью убить в Инсулинде иностранную, т.е. русскую, конкуренцию и подорвать, насколько возможно, местную продукцию. Ввиду этого, она не отступает ни перед какими действиями и не жалеет материальных средств, которыми, как известно, располагает в изобилии. Так, напр., агенты Standard Co° приобрели в собственность компании все самые значительные нефтяные склады в главнейших приморских городах. Склады эти они с намерением оставляют пустыми, лишь бы не допустить сосредоточения в них грузов русского и лангкатского керосина. В одной Сурабае американцы уплачивают ежегодно за наем помещений и за магазины до 250 тыс. гульд. ежегодно, лишь бы иметь их под рукою в

* Гонка за нефтью (англ.).

своим исключительном пользовании. Standard C°, напр., отложил в сторону за 1897 г. не менее 6 млн. гульден, предназначив их на покупку оптом иностранных и местных грузов керосина, на подрыв мелочной торговли им китайскими перепродавцами, на приобретение концессии под своим или подставным именем, на покупку и постройку складов и пр. Американцы ныне умудрились продавать ящик своего американского керосина по неслыханно низкой цене 1 гульд. 20 центов, тогда как даже лангкатский керосин обходится не ниже 1 гульдена 70 центов, несмотря на близость месторождения и дешевизну фрахтов.

Понятно, что, благодаря таким насильственным мероприятиям, американцам удалось убить мелкую конкуренцию китайских нефтяных *конгси* (ассоциаций) и значительным образом подорвать также и местную продукцию. Конкурировать со Standard C° не в состоянии ост-индские нефтепроизводители, да и в самой Голландии не найдется ни одной фирмы, которая была бы в состоянии, подобно Standard C°, бросить в данный момент хотя бы четверть тех 6 миллионов на цены монополизации или даже необходимого ныне поднятия и упорядочения нефтяного производства в Нидерландской Индии, дабы сколько-нибудь освободиться из-под гнета и эксплуатации американцев. Вот почему в Голландии поколебалось ныне доверие к ост-индскому нефтяному рынку и чувствительно сокращается прежний спрос на новые концессии.

Ост-индская нефтяная индустрия переживает ныне тяжелые времена, и нефтяное дело здесь, вследствие американского воздействия, является все более рискованным и гадательным предприятием. Положение дел, созданное американским давлением и бесцеремонностью, серьезно озабочивает как нефтепромышленников в Инсулинде, так и их *bailleurs de fonds** в Голландии, которые, по всему вероятию, вынуждены будут прийти со Standard C° к какому-либо соглашению, более или менее для себя убыточному, лишь бы оградить себя и свои капиталы от полного разорения.

Корреспондент из России нидерландской газеты *Nieuws van den Dag* резюмировал для голландской публики, также весьма живо интересующейся задачами нефтяного дела, сообщение мое, помещенное в одном из номеров «Вестника финансов» за февраль сего года о настоящем положении и видах на будущее нефтяной промышленности в Нидерландской Индии. Корреспондент голландской газеты соглашается со мною относительно конечных выводов и, со своей стороны, указывает нидерландскому правительству на серьезную опасность, грозящую ост-индской нефтяной промышленности со стороны могущественной американской Standard Oil C°. Я в сообщении своем «Вестнику финансов» высказал опасение, как бы голландские нефтяные синдикаты в самой Голландии и в Нидерландской Индии, не располагающие достаточными средствами, не увидели себя, рано или поздно, вынужденными всту-

* Инвесторов (*фр.*).

пить в соглашение с американцами, для которых ничего не стоит выбросить на рынок, в целях спекуляции и монополизации, в данный момент 5-6 или более миллионов долларов. Такого рода сделка между факторами, далеко не равноправными, каковы голландские компании и Standard C°, ни в каком случае не могла бы быть сочтена компромиссом, выгодным для голландской промышленности. Это было бы не сделкою, а прямо поглощением более слабого со стороны сильных в финансовом отношении американцев.

К счастью, в Голландии поняли, что грозит опасность и сознали также, в чем она состоит, если бы, например, действительно состоялось соглашение между палембангскою на Суматре «Муара-Эним Petroleum C°» и американским «Стандардом». Американцы имели в виду приобрести в собственность все земельные участки в Палембанге и вовсе отстранить от эксплуатации голландцев. Они даже начали уже переговоры в этом смысле с синдикатом «Муара-Эним», который, сознавая свою беспомощность и невозможность конкурировать с американцами, в принципе, принял уже сделанные ему предложения. Но в этот момент в дело вмешался, и притом энергичным образом, нидерландский министр колоний в Гааге. Сознвая опасность подобного прецедента и уступая давлению возбужденного и встревоженного общественного мнения, министр призвал главного муара-энимского концессионера, инженера Эйзермана, и заявил ему, что сделка эта не может и не должна быть заключена ввиду ущерба, наносимого всей индо-голландской нефтяной промышленности. Министр пригрозил даже г. Эйзерману, что в противном случае правительство будет вынуждено взять обратно дарованную ему концессию. Переговоры вследствие этого были порваны и соглашение не состоялось. На этот раз голландцам удалось отстоять свое достоинство от посягательств американцев. Но они отстояли пока лишь один «Муара-Эним», и то еще неизвестно, надолго ли. В чем состояли условия предполагаемой сделки, выяснено уже обстоятельно в № 34 «Торгово-промышленной газеты», а потому я к этому предмету не считаю нужным возвращаться. Прибавлю лишь, что «Муара-Эним», подобно большей части голландских нефтяных синдикатов, не располагает достаточными средствами для ведения эксплуатации en grand. Ввиду этого и для увеличения продуктивности, а также силы сопротивления, так сказать, общества по отношению к американцам, возникло ныне, говорят, по совету министра колоний, предположение слить воедино «Муара-Эним» с главным голландским синдикатом — «Королевским обществом для эксплуатации нефтяных источников в Индии». Это — единственно рациональная мера для поднятия нефтяной промышленности, которая слаба и несолидна, потому что ныне с открытием un peu partout* в Инсулинде нефтяных

* Почти повсюду (*фр.*).

месторождений, замечается перепроизводство, а, следовательно, упадок в цене нефти. Далее несолидна и не может укрепиться эта промышленность еще и потому, что слишком она уже раздробилась на многочисленные участки и на столь же многочисленные синдикаты.

Из анонимных обществ и синдикатов весьма немногие располагают сравнительно высоким капиталом в 5-6 миллионов, и нет такого, основной капитал которого превысил бы 10 млн. Между тем, даже 10 миллионов гульденов — капля в море сравнительно с теми десятками, чуть ли не с целую сотнею миллионов, которыми во всякое время свободно может располагать Standard Oil C°. Капитал есть сила, а с такими капиталами и с такою силою, каковыми располагают американцы, пожалуй, не могли бы с успехом конкурировать все, сколько бы их ни было, голландские синдикаты, даже если бы они все вместе сложили свои капиталы и соединились в одно главное общество для эксплуатации. Вот почему Standard Oil относится хладнокровно к своей неудаче с К° «Муара-Эним». Что не удалось сегодня, может, так или иначе, осуществиться в более или менее отдаленном будущем. Американцы богаты, ни перед чем не останавливаются и изобретательны, они могут и, вероятно, будут действовать через подставных лиц, и если они себе серьезно наметили обладание участками в Палембанге или иной местности, то они своей цели, рано или поздно, достигнут. Даже слияние «Муара-Эним» с «Королевским обществом» вряд ли в состоянии будет обеспечить и оградить, напр., палембангские участки от полного завладения или, по крайней мере, от отчуждения части этих участков в пользу и собственность «Стандард К°». Недаром агенты его на Яве хвалятся своими капиталами, на которые всё и всех купить можно, как они бесцеремонно и цинично утверждают во всеуслышание. Все для них сводится к краткой формуле: дай срок, остальное само собою устроится. Нельзя не опасаться, что эти расчеты и затаенные надежды «Стандарда» не останутся пустым хвостовством. Деньги есть в изобилии, предрассудков не существует у этих энергичных и деятельных воротил миллионами, почва для действий также вполне благоприятная. В самом деле, если даже предположить, что Standard C° на время откажется от своих планов на Палембанг, что отнюдь еще не доказано, для деятельности его открывается свободно в иных местностях обширное поле и выбор богатый. Я уже высказал выше, что один из слабейших пунктов индо-голландской нефтяной промышленности — это ее чрезмерное раздробление при незначительных средствах для эксплуатации. Приложи американцы свой золотой рычаг к одному из таких слабых пунктов, а таковых немало — и они в 24 часа оборудуют свое дело. Приведу в подтверждение один лишь, но убедительный пример: на севере Явы, в резидентстве Семаранг, вокруг и около железнодорожной станции Telawa, одна компания из Роттердама арендовала нефтяные участки в несколько тысяч боу, располагая притом основным капиталом в 300,000 гульденов всего-навсего. У этого общества был интерес-

ный случай с одним инженером-техником поляком, русскоподданным, Э. Крж-ким. Инженер этот известен был своими познаниями и техническими способностями с наилучшей стороны, он работал на Урале, Кавказе, руководил керосиновым делом в Галиции и Румынии и имел отовсюду самые лестные отзывы и рекомендации. Его-то ангажировало роттердамское общество для упорядочения сперва и затем для эксплуатации нефти в Телаве, сроком на 2 или 3 года, формальным контрактом, заключенным в Роттердаме. Общество уплатило г. К-му путевые расходы от Бухареста, откуда его вызвали до Роттердама и оттуда до Телавы на Яве. Оно обязалось уплатить ему и обратный путь в случае, если он не вынесет климата или в его услугах не окажется более надобности.

Г. Кр-ий нашел в Телаве девственный лес и такую же почву, о которой утверждалось, что она изобилует нефтью. Нефть эту, т.е. присутствие оной, пришлось сперва определить примитивными способами, так как технических приспособлений на месте не оказалось никаких. Буры, машины и пр. получены были из Европы лишь 3 месяца после прибытия г. К-го. Он собрал разобранные части, установил их, пустил в ход и начал было эксплуатацию. Непривычный к тропическому климату, живя притом в жалкой бамбуковой хижине среди леса, г. К-ий от переутомления вскоре заболел малярией, которая всегда в Индии проявляется, когда переворачивают и копают землю. Он отправился в ближайший город Семаранг для свидания с доктором. Директор в Телаве его не пустил под предлогом, что «их» доктор — в Батавии. Когда же, наконец, доктор вернулся, то г. К-ий в Семаранге нашел не одного, а двух докторов общества, которые денег с него за консультацию не взяли, но зато прямо заявили ему письменно, что организм его не выносит климата Явы, и что г. К-му, вследствие сего, необходимо возможно скорее вернуться в Европу. Доктора, очевидно, действовали по наущению телавской компании, которая извлекла из г. К-го все то, что можно было из него извлечь, и находя, что европейский техник слишком дорог и обходится им не по средствам, решила его поблагодарить за труды и заменить техником-метисом с жалованьем, в шесть раз меньшим против платы, определенной г. К-му. Раз он собрал, установил машины и пустил их в год — главное дело было сделано, остальное мог вести и метис-механик без научной подготовки.

Г. К-ий из вердикта семарангских врачей понял, что от него желают просто избавиться. Несколько изнуренный лихорадками и напуганный строгим приговором врачей, г. К-ий подчинился решению телавского директора, но заявил ему, что не он, К-ий, просил его уволить, что он, впрочем, с такими недобросовестными личностями не желает иметь дело, но что он в Роттердаме, где был заключен контракт, будет протестовать и требовать возмещения убытков.

Здесь, в Батавии, г. К-ий имел предосторожность запастись также письменно оформленным свидетельством трех лучших и уже «незави-

симых» ни от какой компании докторов, которые единогласно признали и заявили, что ничто не препятствует дальнейшему пребыванию г. К-го в тропическом климате. С этим документом г. К-ий и отплыл в Роттердам, где будет искать и, будем надеяться, найдет удовлетворение.

Вся эта некорректная история вышла, по моему убеждению, не столько из предвзятой и принципиальной недобросовестности роттердамской компании, сколько из того обстоятельства, что с 300,000 гульденами далеко не уйдешь и что по достижении цели — т.е. выяснения присутствия, качества и количества нефти, на что потребовались машины, советы и руководства техника, дальнейших средств из мизерных 300 тысяч не оказалось налицо и компания не была в состоянии продолжать слишком дорого ей стоившее дело — содержание европейского научно подготовленного специалиста. Приведенный пример показывает, как рискованно для европейского техника, неголландца, связываться с голландскими нефтяными компаниями, поставленными несолидно и не обладающими капиталами.

Но это доказывает еще и то, с какою легкостью такие невзрачные компании, подобные телавской, могут вместе с их участками перейти в собственность Standard C°, для которой они составляют легкий и дешевый приз во всякое время, и притом вряд ли министр колоний заступится и опротестует подобную сделку.

Купи американцы, например, Телаву — и ничто и никто им в том помешать не может — это будет прецедент и начало для дальнейших приобретений.

Из комментариев и рассуждений русских газет и голландского *Nieuws van der Dag* по поводу моих сообщений в «Вестнике финансов» о критическом положении нефтяного дела в Нидерландской Индии, а также из заметки, появившейся в «Торгово-промышленной газете» от 7 марта сего года по тому же вопросу, я усматриваю, как живо публика в России и Голландии интересуется вопросом о том, удастся ли или нет голландской и индо-голландской нефтяной индустрии, в конце концов, отстоять и обеспечить нефтяную производительность Явы и Суматры от поглощения со стороны всемогущего американского синдиката Standard Oil C°.

Отчет *Hamburger Handelsblatt* о керосинном производстве в Индии, помещенный в «Торгово-промышленной газете» от 7 марта, отвечает действительному положению дела и самые шансы этой промышленности выставляет не в розовом освещении, что также точно.

В предыдущем сообщении моем от 30 марта в «Вестнике финансов» я имел случай возвратиться более специально к наделавшему столько шуму и вызвавшему такую тревогу инциденту с палембангскою «Муара-Эним К°». Сделка не состоялась лишь благодаря вмешательству нидерландского министра колоний, который, по настоянию встревоженного Нидерландского банка, наложил свое veto и на время приостановил заключение соглашения «Муара-Эним» со Standard C°. Я уже выразил опа-

сение, что индо-нидерландские нефтепромышленники и компании, рано или поздно, вынуждены будут силою обстоятельств искать и заключить даже убыточное для себя соглашение с американцами, лишь бы себя и свою индустрию оградить от полного разорения. Я обстоятельно тогда же мотивировал это свое опасение, а в упоминаемом последнем письме своем от 30 марта к вышеприведенным соображениям добавил еще целый ряд новых аргументов и указаний, из которых вывел небезосновательное, по-видимому, заключение, что американцы далеко не отказались от своих всеобъемлющих планов и что они на запрещение министра колоний, которое лишь на время приостановило осуществление их проектов, взирают как на *quantite négligeable* и как на демонстрацию, не имеющую и не могущую иметь никакого практического значения и результата. Американцы во всеуслышание утверждают, что будущее в их руках и что с теми капиталами, которыми они располагают, они во всякое время могут купить что и даже кого угодно.

Как на дальнейшую и притом весьма существенную причину, тормозящую не только развитие, но еще и самую постановку на солидных и прочных основаниях нефтяного дела в Индии, я в письме своем от 30 марта указал в особенности на чрезвычайную раздробленность и разбросанность многочисленных голландских керосинных предприятий, работающих с капиталами постоянно недостаточными, а порою и просто с жалкою *mise de fonds*.

Несомненно, что Standard C° может купить если не всех, то всё, что ей так или иначе приглянется на Яве и Суматре. Но это будет уже *ultima ratio**, к которому бесцеремонные американцы, несомненно, и прибегнут в данный момент, а пока Standard C°, по-видимому, не желает еще броскировать дело и думает достичь цели окольными и обходными путями.

В подтверждение такой новейшей тактики со стороны американского треста привожу следующее сообщение здешнего *Nieuwsblad* от 8 (20) апреля: «По всему вероятно, контракт с палембангскою «Муара-Эним К°» все-таки состоится — американский Standard, ввиду сего, облечется в голландскую одежду под голландскою маскою и в таком случае будет иметь основание требовать от министра колоний, чтобы он уже не налагал более своего veto на подобную транзакцию. Veto же министра мотивировано было паникою, вызванною внезапным падением в 24 часа на 120% облигаций «Королевско-палембангского нефтяного общества» и обращением акционеров за помощью и к заступничеству Нидерландского банка.

Как бы то ни было и что бы ни сулила будущность для американского синдиката, достоверно то, что Standard C° имеет полное основание вполне невозмутимо и безбоязненно взирать на это будущее, так как дела Standard'a в настоящий момент идут блистательно. Собственно

* Последний, решающий довод (*лат.*).

говоря, сделки и дела по керосинному импорту делает исключительно Standard Oil C°: из бюллетеней публикуемого в Батавии коммерческого палатою еженедельного Marktbericht я за продолжительный период времени от 7 октября 1897 по 7 марта 1898 г. не встречаю ни одного arrivage* русского керосина, а зарегистрированы грузы одного лишь Devoe и в конце истекшего марта еще новой марки Tigerbrand, выпущенной «Стандартом». При этом с октября 1897 вплоть до апреля 1898 г. в Marktbericht'ах постоянно можно было прочесть: состояние керосинного рынка угнетенное, ввоз незначительный за отсутствием спроса, розничные цены на 1 ящик колебались: для Standard Devoe от 3 гульд. 5 цент. до 3 гульденов 15 цент. — 3,25 и 3 гульден. 40 цент. в начале истекшего марта, для русского — от 3 гульд. до 3 гульден. 15 цент. и 3 гульден. 25 цент., для лангката от 2 гульден. 95 цент. до 3, 3,05 и 3 гульд. 15 цент.

Standard Oil C° в Батавии дает следующие цифры ввоза в 1896 и 1897 гг. в Индию американского, русского и лангкатского керосина:

Американского ввезено:	Ящиков
в 1896 г.	1.678,682
в 1897	2.009,290
Русского ввезено:	
в 1896 г.	791,951
в 1897	401,705
Лангката:	
в 1896 г.	330,652
в 1897	539,560
Итого	
в 1896 г.	2.741,255
в 1897	3.043,965

Из этого сопоставления явствует, что за год американский привоз усилился на 330,608 ящиков, тогда как русский ввоз понизился, несмотря на 236,845 ящиков, на разницу в цене между американским керосином, продававшимся средним числом по 1 доллару 26-28 центов, и русским, стоившим 1 доллар 22-20 цента. При этом сравнительно с американским более сильного процента распространения достиг керосин с о. Суматры, благодаря близости производительного центра, короткому расстоянию от Суматры до яванских рынков сбыта и еще вследствие более низких цен продукта в Суматре. Здесь полагают, что если и впредь будет продолжаться столь значительная количественная добыча лангкатской нефти, которая окажется достаточною для внутреннего потребления, то правительство наложит на этот продукт местной индустрии охранительные, если не вовсе запретительные пошлины.

* Поставка (*фр.*).

Размер ныне взимаемой пошлины не может быть назван преувеличенным, а именно по 10 центов с гектолитра иноземной ввозной нефти (а, следовательно, и с лангатской, как внеяванского продукта) и 80 центов акцизной пошлины с гектолитра.

«Королевское Нидерландское общество для эксплуатации и нефтяных месторождений в Нид. Индии» увеличивает ныне свой капитал на 1,5 миллиона гульденов, эмитируя облигации (*preferentie aandeelen*)* в числе 1,500 шт. по 1,000 гульденов, которые имеют быть изданы к 1 января 1899 года. Эти облигации могут быть проданы лишь голландцам и голландским подданным в Голландии и в Нидерландской Индии и будут именные.

Директора королевской компании *Langkat Petroleum C^o* циркулярно ознакомили своих акционеров в Голландии с операциями общества за 1897 г. и с видами оного за 1898 г. Оказывается, что в 1897 г. добыто керосина всего 4.527,000 единиц (*units*), причем каждый *unit* равняется 10 американским галлонам. Компания располагает ныне 5 миллионами гульденов наличными, депонированными в различных банках и *en compte courant***, в резерве имеется до 800,000 гульд. Дивиденд за 1898 г. достигнет, по всему вероятно, 50 или 60%. За 1898 г. рассчитывают на добычу вдвое большую против истекшего года, а именно до 8 миллионов *units*. В январе, феврале и марте сего года добыто, напр., керосина 520,000 — 580,000 и 710,000 *units*.

На концессиях Ланката пробуравлены были новые колодцы, из коих 4 дают ежедневно 7,000 бочек нефти. Колодцы, ныне эксплуатируемые, дают 18,000 бочек в день. Ввиду усилившейся продуктивности, ныне существующий уже нефтеочистительный завод был расширен и заложен был новый завод.

Судя по этому отчету, дела компании идут блистательно. Но компания постоянно настороже и опасается, как бы могущественный американский синдикат *Standard Oil C^o* не совершил внезапно какого-либо неприятного и убыточного для нее сюрприза приобретением, напр., земельных участков на Суматре или покупкою уже существующих эксплуатируемых участков. Поэтому директора голландской компании, особенно в циркуляре своем, настаивают и объясняют своим акционерам, что настоятельно необходимо помешать иностранцам приобрести акции в количестве, достаточном для того, чтобы оказывать влияние на дела общества. Вследствие этого опасения, именно и возникла мысль эмитировать особые облигации на указанных выше основаниях.

Опасения компании и недоверие ее относительно *Standard Oil C^o* мотивируются теми широкими планами, которыми задался этот американский синдикат. Так, *American Exporter* замечает по поводу все интенсивнее развивающейся в Нидерландской Индии нефтяной индуст-

* Привилегированные акции (голл.).

** На текущем счете (фр.).

рии, что промышленность эта имеет огромное значение для индустрии Питсбурга. Сюда обращаются нефтезаводчики с Явы и Суматры с заказами. Отсюда уже отправлено в Нидерландскую Индию более 100 миль протяжения чугунных труб для нефти, а также все минные принадлежности, зонды, буравы и пр. Недавно в Питсбурге получено было письмо, в котором излагали план учредить в Сингапуре огромное депо-магазин для машин и пр., из которых Ява и Суматра будут заимствовать все необходимое. Этот supply house* имеет быть основан на капиталы питсбургских негоциантов. Завод Крампа в Филадельфии ныне строит 4 огромных парохода-резервуара (tanks) для перевозки нефти от берегов Суматры на азиатские рынки, а завод в Питсбурге изготовляет 30 миль труб для проложения от внутренних месторождений нефти на Суматре к берегу. До сего дня ни на одном из комиссионированных участков не разрабатываются побочные и вспомогательные продукты нефти за недостатком химических и технических приспособлений. Между тем, в западной Пенсильвании на нефтеочистительных заводах вырабатывается до 125 различных продуктов из нефтяных отбросов. На Суматре и Яве предполагается также со временем утилизировать эти отбросы.

Из вышеприведенного видно, что американский капитал и американская инициатива играют крупную роль в нефтяном деле Явы и Суматры даже теперь, когда оно находится в руках голландских компаний, которые, следовательно, имеют полное основание опасаться американской предприимчивости. Ныне здесь надеются на то, что, благодаря войне с Испанией, американский ввоз керосина сократится и американцы вообще на время откажутся от рискованных операций в Нидерландской Индии, столь далекой от их естественного базиса.

Nederlandsch Indische Exploratie Maatschappij (директор Ф. Сиренгер ван Эйк) имеет в Палембангском округе, на юго-востоке Суматры, весьма обширные земельные участки и эксплуатирует лишь часть этой площади с таким успехом, что представитель компании в Палембанге настаивает на желательности изысканий и активной эксплуатации на всем пространстве концессии, принадлежащей обществу. Ввиду предстоящих расходов, имеет быть выпущено 10,000 акций по 100 гульденов, всего на 1.000,000 гульденов. Компания рассчитывает в 1898 г. на дивиденд, превышающий 100%, основываясь на чрезвычайно благоприятных результатах, полученных в 1897 г. Рассчитывая на столь же блестящие дела, как те, которые делает «Королевское общество для эксплуатации нефти в Нидерландской Индии» составила компания Palembang Sumatra Maatschappij с 7.000,000 и компания «Муара-Эним» с 4.500,000 гульденами. Dordtsche Petroleum Maatschappij на Яве имеет

* База снабжения (англ.).

5.000,000 obligatieschuld*, на 5 миллионов preferentie aandelen** и на 10.000,000 обыкновенных акций, эти последние не котируются на денежном рынке. Java Petroleum Maatschappij выпустила на рынок 500,000 акций, а «Королевское общество» 2.000,000 акций по курсу 450%, включая дивиденд за 1897 г. Ввиду, однако, перепроизводства керосина, понижения его в цене и монополизации ныне торговли американским Standard Oil C° в Нидерландской Индии, общественное внимание стало в Голландии и в Индии охлаждаться к нефтяному делу и все более обращаться в сторону новой и многообещающей промышленности — к добыче золота. Оказалось, что по содержанию и проценту новооткрытые в северной части о. Целебеса золотоносные жилы значительно превышают даже австралийские и южно-африканские копи. Вначале казалось, что результаты, добытые Nederlandsch Indische Mijnbouw Maatschappij в Сумалате вполне подтвердили выгодное представление, сложившееся о новооткрытых в этих местностях копиях. Акции Сумалата прекрасно и бойко пошли на Амстердамской бирже. Вследствие этого, в Батавии возникли новые предприятия для добычи золота, каковы: Noord Celebes C°, Bwool, Gorontalo Kwandeng-Soemalate Bovenlanden в Паданге, на о. Суматре. Составились компании, которые для образования необходимых капиталов обратились к содействию общественного кредита, не всегда, впрочем, с одинаковым успехом, так как доверие свое публика давала лишь местностям, в которых изыскания уже доказали выгодность эксплуатации. 1 февраля опубликован в Батавии prospectus новоучрежденной здесь Mijnbouw Maatschappij Tilamoeta (Тиламута) под управлением фирмы Keiss C°. Она располагает участком около 12 тысяч боу в округе Боалемо, резидентство Горонтало-Менадо на о. Целебесе. Участок разделен был на 900 частей и выпущены были акции по 100 гульденов. Так как река Тиламута сливается на Целебесе богатой и золотоносной, то требуемый капитал в 60 тысяч гульденов для работ (Werkkapitaal) был в тот же день сполна обеспечен подпискою, публика брала акции нарасхват и дала бы охотно втрое более требуемой суммы. Уже через несколько дней после того платили 125% за тиламутские акции, которые были в большом спросе. При этом следует перечень тех Goud Exploratie Maatschappijen (компаний для эксплуатации золота), акции и облигации которых котируются были 28 января сего года на бирже в Сурабае:

Goud Expl. M-ij Kedjang Loboug	.825	950
Nederl. Sud. Mijnbouw	.125	—
Kiam Kanan	.112,5	—

* Облигации (голл.).

** Привилегированные акции (голл.).

Benkajang	117,5	140
Pinogo	120	130
Monano	120	125
Bone	125	130
Expl. M-ij Coda	125	—
Goud Expl. M-ij Lero	105	110
Semarangsche Mijnbouw M-ij	125	—

Дивиденды за 1897 г., выплаченные некоторыми компаниями и предприятиями в Нидерландской Индии, были следующие:

Проценты.

Brandassurantie M-ij Insulinde	19,5
» » Koloniale	11
» » Oesterling	12
Tweede Koloniaal Brandassurantie	10,5
Brandassurantie Veritas	10,5
» Ardjoeno	10,5

В Гааре учреждена компания Babat Djombang Stoomtram M-ij (К^о паровых трамваев) с капиталом в 1.500,000 гульд. в 1,500 акций (aandeelen) по 1,000 гульд. За концессию уплачено 85,000 и 1,250 акций продано al pari*. Дивиденд имеют в виду распределить следующим образом: директору — 10%, комиссарам и контролерам 10, в резервный фонд для ремонта 10 и акционерам 70%. Nederl. Ind. Sroorweg M-ij (железных дорог) открыла 15 июля 1897 г. подписку на 9,000 облигаций по 1,000 гульд. по 2½% ежегодно, курс эмиссии был утвержден в 85%. Дела компании идут весьма успешно, о чем свидетельствуют следующие цифры:

Выдано было дивиденда:

в 1895 году	1.030,500 гульденов
» 1896 »	1.019,050 гульденов

Выкуплено облигаций в 1895 г. на 736,818 гульд., в 1896 г. на 755,054 гульд., уплачено голландскому правительству за выкуп акций в 1895 г. — 124,620 гульд., 1896 г. — 120,192 гульд.

Nederl. Ind. Levensvetzekering en Lijfrente M-ij, основанная в 1859 г. в Батавии, выплатила за 1897 г. 80% bonus акционерам.

Первоначальный основной капитал общ.	500,00 гульденов
К 31 декабря 1896 г. состояло	18.000,000 гульденов
В резерве	7.000,000 гульденов
Extra-reserwe**	1.029,500 гульденов

* По номиналу (ит.).

** Дополнительный резерв (голл.).

За период времени 1885–1889 было страхований на сумму 2.854,000 гульд. — застрахованным уплачено обратно в виде премии — bonus 528,000 гульд.

С 1890 по 1894 г.

Страхований на сумму	3.505,000 гульденов
Выплачен bonus	566,000 гульденов

Вновь учредилась К° Mijnbouw M-ij Pegattan Koesan в Амстердаме с капиталом в 1½ млн. гульд., в 1,500 акциях по 1,000 гульд., из коих на 800,000 гульд. уже продано акций. Общество дало на 4 года комиссию г. Сусману в Сумалате на изыскание и эксплуатацию в юго-восточной части о. Борнео алмазов, золота и платины. Вышепоименованные облигации Soemalat Goudbow Mij котируются ныне в Амстердаме уже в 216%.

В резидентстве Палембанг, на юго-восточном берегу о. Суматры, присутствие нефти впервые было обнаружено в 1888 г. немецкими инженерами, но концессии получили гораздо позднее 3 компании, а именно: 1) The Bombay-Burmah Trading C°, 2) Голландская К° Boissevain из Амстердама, 3) Netherlands India Exploitation C°. Самым значительным центром эксплуатации керосина во всей Нидерландской Индии есть и продолжает быть концессия лангкатской компании на восточном берегу о. Суматры, данная «Королевско-Нидерландской компании для эксплуатации нефтяных источников в Нидерландской Индии». Эта компания располагает уже огромными земельными участками, каковы: 1) концессия на реке Лепан, в 500 боу (bows), 2) Беситанг в 11,836 боу и 3) Ару-бай у залива того же имени в 62,960 боу. Эти последние два приобретены на 75 лет от султана лангкатского, которому за участок Беситанг компания обязуется платить рachtzins ежегодно не менее 1,000 гульд., за Ару-бай не менее 6,000 гульд.

Далее вышепоименованная компания приобрела в 1895 г. концессию Букит-Мас в 60,000 боу, прежде принадлежавшую под именем Petrolia G. Deen. Она, таким образом, округлила свои владения, которые все лежат в султанстве-резидентстве Лангкат и составляют ныне площадь свыше 124,000 боу.

Pachtzins*, уплачиваемый султану за Букит-Мас, также составляет не менее 6,000 гульд. в год (а именно считая 5 центов за каждый гектолитр очищенного керосина и по 3 цента за 1 гектолитр добываемой компанией и пускаемой в продажу сырой нефти). Керосин имеет сбыт на самом о. Суматре и вывозится в Сингапур и Пенанг, в Рангун, Бангкок, Сайгон, Гонконг, Батавию и в порты Нидерландско-Индийского архипелага. Цены брутто за 1 ящик с 2 жестянками керосина колебались в 1895 г. между 1,32 и 2,25 доллар., расходы достигли от 18 центов до 1 доллара 80 цент. с ящика, смотря по расстоянию, включая сюда

* Арендная плата (голл.).

фрахт и ввозную пошлину, где таковая взимается. В 1894 г. вывезено было лангкатского керосина в Сингапур 508,449 ящиков, в Пенанг 258,871 ящиков, что составляет 60 до 64% всего ввоза туда керосина, т.е. вдвое против цифры ввоза, достигнутой в 1893 г. Цены за 1 ящик с 2 жестянками колебались в 1895 г. в Сингапуре и Пенанге между 1,40 и 1,625 доллара, за жестянку керосина без ящика платили 15-20 центов дешевле. На Яве главная фирма (в Сурабае) по эксплуатации керосина в резидентствах Сурабая, Семаранг, Рембанг есть Dordtsche Petrol. Maatschappij с керосинным заводом в Wenonomo (резидентство Сурабая). В Канне в 1894 г. Ch. Reisz и фирма Anemaet и К° приобрели в резидентстве Рембанг концессию Тинавун в 30,232 боу, но до 1895 г. к изысканиям еще приступлено не было.

Выбор Мак-Кинлея* президентом Соединенных Штатов вызывает некоторую тревогу в торговом мире на о. Яве, который опасается установления высоких ввозных пошлин в Америке на табак и на сахар. Оба предмета эти составляют значительную статью вывоза и сокращение их ввоза нанесло бы интересам яванских плантаторов немалый ущерб. В 1894 г. вывезено было всего табака из Нидерландской Индии 30.017,286 кг, из коих на долю Явы с Мадурою приходится 16.177,047 кг, в 1895 г. — 31.718,215, на долю Явы и Мадур — 15.760,453 кг (в официальных статистических таблицах о торговле за 1893—1895 гг. не указано, однако, сколько табака вывезено специально в Америку). Что же касается сахара, то Америка, как потребитель, занимает весьма высокое место: так, в 1884 г. вывезено туда сахара 30.155,373, а в 1895 г. более чем вдвое, а именно 70.024,544 кг. В настоящее время плантаторы сахарного тростника на Яве весьма недовольны высокими таксами и стеснительными аграрными законами, вследствие которых вздорожала самая процедура добывания сахара. Чувствительную конкуренцию они терпят также со стороны сахарозаводчиков в Европе ввиду достаточных повышений вывозной премии за свекловичный сахар. Оптимисты здесь, однако, утешают себя надеждою, что премии эти скоро достигнут того максимума, за пределы которого переступить окажется невозможным. Они полагают, что вследствие этого неминуемо должна произойти реакция в обратном смысле, а именно, что вывозные премии утратят свое значение и что даже полное уничтожение их явится не только желательным, но еще и вполне осуществимым. Из Нидерландской Индии вывезено было всего сахара за период времени 1893—1894 гг. — 499.205,746 кг., в 1894—1895 гг. — 492.099,354 кг. В 1866 г. не рассчитывали на хороший урожай, вследствие чрезвычайной, почти беспрецедентной, засухи, продолжавшейся с мая по конец октября и отразившейся весьма неблагоприятно не на одном лишь сахарном тростнике, но еще и на культуре кофе и чая.

* Мак-Кинли (1897—1901).

Внешняя торговля Явы за 1895 год представляется в следующих цифрах:

	1894	1895
Ввезено:		Гульдены
На о.о. Яву с Мадурою	117.383,535	103.004,203
Id. * в Buitenbezittingen (внеяванские владения) за счет негоциантов и частных лиц	50.216,117	50.341,000
Итого за счет частн. лиц	167.503,632	153.345,203

За счет правительства на Яву и Мадуру	7.116,556	7.763,059
Id. на Buitenbezittingen	595,041	412,032
Всего	175.215,229	161.530,294

Вывезено:		
Из Явы и Мадур и из Buitenbezittingen (на счет негоциантов и частных лиц)	183.063,456	202.806,301
Id. на счет правительства	17.022,361	22.281,009
Всего	200.085,817	225.087,810

Общая сумма ввоза и вывоза достигла в 1894 г. 375.298,046 гульд., в 1895 г. 386.618,104 гульд., т.е. в общем на 11½ больше, чем в 1894 г. Из России ввезено керосина в 1894 г. 25.969,788 литров, в 1895 г. 42.045,786 литров. В Россию вывезено:

	1894	1895
		Килограммы
Копры	407,478	—
Индиго	97,871	65,276
Кофе	-	37
Мускатного ореха	-	60
Сахара	1.529,963	—

Количество и ценность главнейших продуктов, вывезенных в 1894 и 1895 гг., были следующие:

	1894	1895
		Килограммы
Какао	686,271	383,973
Копра	44.722,061	48.722,061

* Idem — то же (лат.).

Индиго	571,291	573,471
Капок	1.575,763	1.999,577
Хинная кора	2.326,061	4.210,402
Кофе	36,358,900	56.190,424
Рис очищенный	28.869,061	30.930,378
Ротанговая пальма	17.230,859	11.276,123
Сахар	499.205,746	492.099,344
Табак	32.443,088	30.936,133
Чай	2.504,666	4.550,277
Олово	13.604,131	11.341,915

Прибыло пароходов из России 7 в 1894 г., 12 в 1895 г., все под иностранным флагом. Отошло в Россию судов за оба года по одному.

Развитие конкуренции по культуре и сбыту тожественных с Явою колониальных продуктов в иных европейских и внеевропейских государствах с их колониями неблагоприятно отражается на торговле Явы. Таковы все увеличивающееся в Европе производство свекловичного сахара, усиление культуры сахарного тростника в Америке, английских и испанских колониях (за исключением о. Кубы). Кофе бразильский, цейлонский и африканский конкурируют с кофе и чаем Нидерландской Индии. Замечается и сказывается, далее, огромный экономический и коммерческий подъем, отличающейся притом же предприимчивостью Явы. Следует прибавить, наконец, усиленные за последние годы военные и чисто непроизводительные расходы на бесконечную войну в Атчине — все это, вместе взятое, неблагоприятно отразилось на колониальном бюджете, который уже несколько лет подряд показывает дефицит. Лишь в 1893 г. получилось превышение в 8 млн. гульд. За 1891, 1892, с 1894 по 1896 гг. общая цифра дефицита составила круглым числом до 50 млн. гульд. В 1894 г. дефицит составил 10.650,000 гульд., в 1895 г. он колебался между цифрами от 9.127,000 до 10.391,100 гульд., наконец, за 1896 г. достиг уже значительной цифры 14.389,610 гульд. вследствие того, что расходы в означенном году по Голландии (27.060,073 гульд.) и по Нидерландской Индии (113.773,642 гульд.), всего же 140.883,715 гульд., превысили наличные средства метрополии (15.698,555 гульд.) и в Нидерландской Индии (110.745,550 гульд., всего же 126.441,105 гульд.). Приписывают дефицит усиленным с конца 1895 г. военным расходам, вызванным необходимостью вести в Атчине военные действия в более широких размерах, а также и неурожайному году, ибо с мая по ноябрь не выпало ни одной капли дождя, отчего уже в значительной мере пострадала культура чая, кофе и сахарного тростника. Так, напр., собрано было в 1895 г. 239,000 пикблей кофе (по 61 кг в 1 пикбле), тогда как за 1896 год не считывали собрать его более чем 158.160,000 пикблей, ценностью средним числом в 48 центов за полкилограмма. За 1896 г. израсходовано всего 14.317,000 гульд. на экономические и культурные предприя-

тия, как-то: новые железные дороги — 4.718,000 гульд., новые ирригационные работы — 4.089,000 гульд., снабжение новым огнестрельным оружием войск и флота — 2.345,000 гульд., усиление материала индийского военного флота — 1.119,000 гульд. и пр. На пенсии отставным и на жалованье находящимся в отпуску чиновникам колониального управления, согласно новому регламенту, потребовано в 1896 г. на 322,000 гульд. более против предыдущего года. 1.119,000 гульд., назначенные на усиление индийского военного флота, сократятся, как рассчитывают, до суммы в 400,000 гульд., когда через 5 лет доведена будет до конца предполагаемая реорганизация. Реформа же должна, по плану министров морского и колоний, состоять в следующем: 1) 6 новых судов сильного типа с экипажем на каждом в 276 европейцев и 61 туземном матросе, 2) 15 меньших судов, из коих 10 на активной службе в мирное время с экипажем в 68 европейцев и 28 туземцев и 5 судов для резерва, 3) необходимое число судов и барж для защиты входа в гавани и рейды в Нидерландской Индии, 4) 2 вахтенных судна с 244 европейцами и 80 малайцами и 2 парохода для съемок (*opnemings Vaartuigens*). Всего предполагается иметь личного состава 2,766 европейцев и 940 малайцев с 132 европейцами и 86 туземцами в запасе. Этими мерами имеется в виду усилить вообще средства и способность к защите нидерландских колоний, разбросанных на громадном пространстве и недостаточно огражденных от всяких случайностей. Предполагается прежде всего получить возможность эффективно блокировать побережья Атчина и прилегающие к ним берега о. Суматры и крейсировать в соседних морях и проливах для прекращения и захвата контрабандного оружия и пороха, подвозимого атчинцам англичанами, арабами и китайцами из Сингапура и из *Straits Settlements*. Обращено в 1896 г. внимание также на реорганизацию и перевооружение армии и на усиление защитной способности особенно Явы, как от внешнего врага, так и от внутренних восстаний и пр. сюрпризов. С целью возможно быстрого сосредоточения войск в Нидерландской Индии, в случае угрожающей войны, назначена комиссия для осмотра существующих железных дорог и ознакомления с их провозоспособностью. Ввиду более полной защиты специально Явы и готовности ко всякой случайности колониальное управление распорядилось учредить центральное депо войск в Преангерском регентстве, на юг от резиденции Батавии. С этою целью построен в Чимахи, близ г. Бандунга, в здоровой местности, на высоте 2,000 футов, барачный лагерь с госпиталем и тюрьмою, который вместит в непродолжительном времени свыше 3,000 человек пехоты, кавалерии и артиллерии. Бандунг связан железной дорогой с Батавией, Семарангом и Сурабаей и лежит на пути между этими резидентствами и всегда сомнительными и ненадежными «независимыми» империею Суракарта и султанством Джокьякарта. Заключен контракт для снабжения индийской армии 9,500 ружьями и 500 карабинами калибра 6,5 миллиметров. В индий-

ском войске до сегодня имелось орудие (*positiegeschut*)* 8 см полевой артиллерии. Оно будет заменено орудиями калибра 7 см, заряжающимися с казны. В 1896 г. таковых доставлено в Индию 10 и заказано Круппу еще 16. Предполагается учредить также тяжелую артиллерию. Для опыта и начала заказано Круппу 2 орудия из числа предполагаемых 12 орудий и 12 мортир калибра 12 см, на что из индийского бюджета отпущены будут деньги. Необходимо сделать оговорку по поводу вышеприведенной цифры в 50 миллионов дефицита в индийском бюджете: за период времени с 1891 по 1897 г. (исключая 1893 г.) израсходовано до 50 миллионов на железные дороги, ирригации и портовые сооружения в Батавии из средств колониального бюджета, что объясняет образовавшиеся постепенно недочеты. Но 1896 г. дал снова довольно крупный дефицит с лишком в 14 миллионов. Ввиду этого явления, грозящего повториться и в последующие годы вследствие непрекращающейся в Атчине войны, колониальному управлению приходится искать для колониальных продуктов Явы новых рынков сбыта. Таковым новым рынком могла бы в недалеком будущем сделаться наша Приамурская область и Сибирь, а через посредство великого сибирского пути также и Европейская Россия. На желательность именно такой попытки установить с Россией *via*** Сибирь более правильные и серьезные коммерческие сношения для нидерландских колоний, а также на великое политико-экономическое значение сооружаемой через-сибирской железной дороги, указывает в донесении своем, помеченном Гааге, июль 1896 г., нидерландский генеральный консул и поверенный в делах в Пекине г. Кнобель. Этот голландский представитель в апреле 1896 г. совершил из Пекина, *via* Ургу***, Кяхту, Томск и Москву, путешествие в Европу, которое и описывает в прекрасном деловом отчете, изобилующем статистическими и цифровыми данными и дающем весьма точное и интересное во всех отношениях по своим выводам описание Сибири с ее ресурсами. Г. Кнобель, лицо вполне компетентное, знакомое с Россией и русским языком, делает оценку будущего значения, как нашего грандиозного культурного предприятия, так равно и самой Сибири, «этого богатого и почти девственного края», призывая своих соотечественников к ознакомлению и ко вступлению с ним в более тесные коммерческие связи и, особенно, рекомендуя нидерландским колониям с Явой во главе пользу такого начинания.

Я имел случай упомянуть о неудовлетворительном состоянии сахарного и кофейного рынков в Нидерландской Индии и выяснить в то же время причины, вызвавшие кофейный кризис и понижение цен на сахар. Кофе еще и ныне не оправился от разразившегося над ним удара. Так, за 1898 г. казенные плантации дали на 11 миллионов гульденов

* Артиллерийское орудие (*нем.*).

** Через (*лат.*).

*** Ныне — Улан-Батор.

кофе меньше, чем в истекшем году. На частных плантациях, не пользующихся правительственной субсидией и даровой принудительной обработкой земли, культура кофе становится все более убыточной. В июне и июле внезапно разразился нефтяной кризис, который продолжается и поныне и грозит нанести непоправимый ущерб вывозному бюджету Ост-Индии, так как в нем лангкатский керосин составляет весьма существенную статью. Уже в июне стали распространяться слухи о том, что дела королевской компании в Лангкате идут далеко не блестяще вследствие того, что некоторые колодцы иссякли. Рассказывали, что на берегу близ Дели и Лангката вот уже два месяца стоят пустыми 7 или 8 наливных пароходов в ожидании нефти, которой, однако, не оказывается в достаточном количестве. Слухи эти уже тогда повлияли на курсы акций королевской компании: с 850 гульденов и в начале года они понизились до 750-700 гульденов.

Несмотря на то, что Koninklijke, т.е. «королевская», как эту компанию принято называть в публике, старалась скрыть настоящее положение дел, скоро обнаружилось, что распространившиеся слухи вполне основательны: уровень нефти в лангкатских колодцах, действительно, понижается, и добыча ниже обычной средней цифры. Добывалось нефти до кризиса около 8,000 бочек в день, что отвечает около 57,000 units* рафинированного керосина в месяц. Уже в июле количество это упало до 382,000 units, а в августе добыто было на 700,000 литров меньше, чем в июле. Вследствие этого, aandelen «Королевской» быстро и неудержимо стали понижаться и в несколько дней они достигли 400-300 и, наконец, 238 гульденов (после почти 900 гульд. за облигацию в декабре 1897 и январе 1898 г.). Акционерами и нефтяным рынком в Голландии и Индии овладела паника, так как на производительность уже существующих в Лангкате и значительно иссякших колодцев надежда плохая, изыскание же новых нефтяных участков и пробуривание новых колодцев сопряжены со значительными расходами, на которые Koninklijke не рискует, опасаясь, как бы через несколько лет эти новые *naphtha-velden***, в свою очередь, не иссякли. Акционеры тоже не приходят компании на помощь с новыми капиталами, они, напротив, распродают свои акции. Кроме всего этого, Koninklijke не располагает достаточным количеством денег и не имеет запаса инженеров-техников из голландцев. Наученная опытом, когда от завладения нефтяными залежами в Муара-Эниме американцами королевскую компанию спасло лишь личное и энергичное вмешательство министра колоний, королевская K° ныне допускает к эксплуатации и ко владению нефтяными участками исключительно голландских подданных. В силу нового контракта, заключенного после известного эпизода с «Муара-Энимом», многие нефтяные участки, напр., в Тами-

* Единиц (англ.).

** Нефтяные месторождения (голл.).

анге, эксплуатируются быть не могут, так как работами на них заведуют именно иностранные техники. Между тем, Koninklijke и ее акционеры возлагают надежды на Тамианг и иные еще не разработанные участки вокруг Медана, Лангката и в Палембанге. Техники утверждают, что эти новые *velden**, несомненно, содержат богатые запасы нефти, что добыча ее окажется производительной и что новые источники с успехом заменят иссякшие колодцы. Упование это, по всему вероятно, вполне основательное и мотивированное. К сожалению, публика, акционеры и синдикаты, после убыточных экспериментов в Лангкате, потеряли прежнее доверие к нефтяному делу в Индии и весьма неохотно вкладывают капиталы в неверные предприятия.

Здесь торговый и промышленный мир весьма озабочен грозящим если не исчезновением, то сокращением значительной доходности, которую Ост-Индия до сего дня извлекала из нефтяного промысла на Суматре. Опасаются, кроме того, как бы Koninklijke, оставленная своими *bailleurs de fonds***, не вынуждена была, рано или поздно, ликвидировать свои дела и продать свои концессии, ставшие для нее бременем.

В таком случае Standard C°, обладающая огромными капиталами, по всему вероятно, поспешит приобрести эти участки. Standard в состоянии, без стеснения для себя, выбросить моментально, так сказать, на рынок 5-10 или более миллионов долларов, а с такими средствами американцы будут иметь возможность расследовать и устранить причины высыхания прежних колодцев, они одновременно произведут новые изыскания и приступят к эксплуатации новых *velden* и притом они обставят это дело более роскошно и совершенно в отношении технических приспособлений, чем то когда-либо могла сделать «Королевская К°», даже если бы ей удалось слияние воедино с 2-3 голландскими синдикатами с целью продолжать и снова поднять начатое было столь успешно дело.

Директоры и администраторы в Лангкате стараются успокоить публику, внушить ей доверие и представляют дело лангатской эксплуатации в более благоприятном освещении. Так, напр., они выясняют, что все разрабатываемые колодцы в Лангкате принадлежат к разряду *self-flowing wells**** и что бьющие фонтаном колодцы еще не представляют доказательства в том, что в недрах земли непосредственно под ними обретаются неиссякаемые резервуары нефти. Бьющий фонтан указывает лишь на то, что нефть там находится под высоким давлением от присущих в большом количестве газов. Лишь из первого фонтана нефть бьет ключом, из остальных она уже выливается медленно (*self-flowing*), и уровень ее понижается по мере прорыва новых колод-

* Месторождения (*голл.*).

** Инвесторы (*фр.*).

*** Фонтанирующие скважины (*англ.*).

цев. Таким образом, то, что происходит ныне в Лангкате, есть лишь явление вполне естественное и предвиденное. Если же пустить в дело насосы (pumping), то добыча нефти значительно увеличится, в этом администрация не сомневается.

Все это, быть может, весьма естественно и возможно также, что, благодаря насосам или эксплуатации новых velden, дела «Королевской К°» поправятся, но до сих пор что-то не видно, чтобы акционеры и публика делали новые вклады и пожертвования в дело, к которому, так или иначе, потеряно доверие.

Лангкатский нефтяной кризис не распространился пока на нефтяные эксплуатации на Яве: яванское нефтяное дело функционирует нормально и правильно, синдикаты на Яве даже расширяют район своих операций. Так, еще недавно в яванском резидентстве Рембанг обнаружено, по-видимому, богатое месторождение нефти, которая при прорытии первых колодцев забила высоким ключом и затопила всю окрестную местность.

Разразившийся нефтяной кризис отразился, конечно, тяжело на расстроенном уже и без того экономическом положении Нидерландской Индии. Колониальный бюджет вот уже лет 6 подряд показывает недоборы. Вследствие нового недочета за 1898 г. предполагается ввести усиленный акциз на керосин и акциз на спички во ограждение местной индустрии от конкуренции и наводнения края плохими продуктами японских спичечных фабрик. Предполагается также сокращение расходов и упрощение администрации через сокращение, напр., числа резидентств на Яве и округов (afdeelingen).

К концу 1898 г. дела нефтепроизводителей несколько поправились и акции «Королевской компании», поднявшись до 260-280 гульд. (с 232 еще в августе и сентябре), остаются пока без изменения, не повышаясь и не падая в цене. Насколько это прочно, еще заключить нельзя. Можно утверждать одно, а именно, что прежнее доверие публики в Голландии и в Индии к нефтяному делу поколеблено, и что индустрия эта продолжает быть в угнетенном настроении за отсутствием новых вкладов, будущность которых столь мало обеспечена.

Со своей стороны, «Королевское общество», его директора в Голландии и администраторы в Индии по возможности скрывают от акционеров и от публики истинное положение дел, так что никто хорошенько и точно не знает, постиг ли компанию окончательный крах или лишь минутный кризис. Утверждают, что недостатка в нефти нет и что стоит лишь пробуровать новые, богатые содержанием, колодцы. Это весьма вероятно и, надо полагать, что новые источники действительно дадут нефть в изобилии. Но, и в этом-то именно и состоит загвоздка: не имеется свободных капиталов на производство этих работ, да кроме того, стеснив себя условием, в силу которого одни лишь голландцы могут эксплуатировать нефтяные концессии, различные голландские синдикаты опасаются поручить эти работы иностранным

техникам. Своих же собственных бормейстеров и инженеров голландцы не имеют. Затруднение это, по-видимому, безвыходно и дело пока не подвигается как бы следовало.

Между тем, значительная голландская компания «Муара-Эним» под дирекцией инженера Эйзермана в Голландии обошла, со своей стороны, это затруднение; дабы выйти из *impasse**, в которой ныне бьется, как в мешке, дирекция, имеющая концессии в Палембангском округе на о. Суматре, по собственной инициативе, сделала энергичный шаг вперед: к немалому изумлению и к великой досаде американской компании «Стандард», дирекция назначила русского человека директором своих эксплуатаций в Палембанге и в Муара-Эниме, отстоящем на 150 км от сего последнего.

Русский директор Александр Викторович Рагозин в ноябре 1898 г. прибыл и уже вступил в Палембанге в отправление своих обязанностей. Он заключил с г. Эйзерманом контракт на три года и выговорил себе право выписать с Кавказа русских техников и даже простых рабочих. К концу 1898 года уже должен был прибыть в Палембанг слесарь, окончивший курс в Комиссаровском училище, для заведывания заводом для выделки жестянок под керосин и привести с собою еще одного русского же механика. В течение февраля и марта 1899 г. ожидается новая партия русских техников и рабочих из Баку, так что весною будущего года образуется в Палембанге на о. Суматре маленькая русская колония, среди которой есть даже семейные люди с детьми.

Нельзя не признать, что г. Эйзерман чрезвычайно ловко повел все это дело и что он довел оное до благополучного конца. Американцы компании «Стандард», разумеется, весьма недовольны этою комбинацією, которая явилась для них неприятною и неудобною неожиданностью, они кричат, как ошпаренные, и заявляют, что голландцы не имели права оказать русским людям подобное предпочтение перед американцами, которые давно уже и до сих пор безуспешно добивались для своих людей контроля и директорства над операциями «Муара-Энимского» синдиката. Известно, что именно на Муара-Эниме с ее нефтеносными участками «Стандард» давно уже имел серьезные виды.

Между тем, контракт, ныне заключенный с г. Рагозиным, снова скомпрометировал и, по-видимому, надолго все расчеты американцев. Понятны поэтому их неудовольствие и их протесты. Но и то и другое останется, надо полагать, гласом вопиющего в пустыне и ни в какую практическую форму неудовольствие это вылиться не может — дело обставлено так, что ни с легальной, ни с формальной стороны ни к чему придаться нельзя: право независимого голландского синдиката назначать директором любое лицо любой национальности неоспоримо. Кроме того, г. Рагозин состоит именно лишь директором, а не пайщи-

* Тупик (*фр.*).

ком, не собственником и не эксплуататором нефтяных участков, следовательно, и с этой стороны не нарушено условие, в силу которого исключительно голландцы и голландские подданные имеют право приобретать и эксплуатировать концессии в Нидерландской Индии. Как бы такое соглашение с г. Рагозиным ни было американцам тягостно и неприятно, они вынуждены ныне примириться с совершившимся фактом перехода в руки русского директора интересов «Муара-Энима» на Суматре. Что же касается нас, русских, предпочтение, оказанное голландцами, и выбор их, павший на русского техника, могут быть лишь лестны для нашего национального самосознания; начало сделано, наряду с разными иноземцами также и русские специалисты начинают приобретать равноправность за границей.

Голландцы с большим доверием относятся к России и к русским, которым они не приписывают никаких честолюбивых и экспансивных замыслов в этом отдаленном уголке азиатского Востока. Того же отнюдь нельзя утверждать, напр., о немцах и об американцах, особенно с тех пор, как новая империалистическая и колониальная политика Соединенных Штатов направила американцев на скользкий и опасный путь территориальных приобретений, открывающих, быть может, в недалеком будущем эру конфликтов с теми из европейских держав, в колониальную и азиатскую махтсферу которых Соединенные Штаты ныне совершили вторжение.

Немцев, как изложено выше, голландцы недолюбливают, и колониальной экспансивности Германии они имеют основания опасаться. Русские им не угрожают ни в каком направлении, притом же специально по нефтяному делу русские техники пользуются хорошою и заслуженною репутациею людей, знающих свое дело. Выбор русского директора был поэтому вполне естественный, *c'etait indique** самими обстоятельствами.

Несомненно, что дела «Муара-Энима» пойдут успешно под интеллигентным и деятельным руководством такого лица, как г. Рагозин. Самое дело, по-видимому, спервоначала поставлено солидно. «Муара-Эним» имеет достаточный основной капитал в 10 миллиона гульденов и думает еще издать новые облигации на сумму 2 или 3 млн. гульд. Площадь комиссии в Палембангском округе громадная, она равняется 158,000 *боу* (1 *боу* — 7096,5 кв. метрам), что составляет почти одну пятую часть площади всей Голландии. Участки или *velden* обещают громадные богатства, даже если земля не нефтеносна на всем своем протяжении. В Палембанге строится нефтяной завод и в самом Муара-Эниме приступлено уже к техническим работам и сооружениям, причем компания не жалеет затрат на приобретение буравов, машин и пр. наилучших приспособлений. Все данные налицо,

* Здесь: подсказанный (*фр.*).

чтобы ожидать быстрого развития этого многообещающего нового дела. Будущность и успех одного ныне интересны также и для нас, русских, с тех пор, как во главе предприятия на отдаленной Суматре поставлен русский человек с маленьким штатом русских рабочих и тружеников, которых не остановила отдаленность неведомой Суматры и не испугали обстановка и трудность существования в тропическом и часто нездоровом климате.

Глава XIX

*Колониальные войны и экспедиции. Атчин и Ломбок.
Русский фельдцейхмейстер Е.В. Раджи Ломбокского.
Его процесс и осуждение.*

Пресловутый Атчин, или Atjeh*, как этот край именуют голландцы, являет и поныне еще собою территорию, далеко не всюду фактически подвластную голландскому управлению. Даже точное число жителей в крае и протяжение оно не вполне известны.

Atjeh en Ondergoorigheden (dependances)** делится в административном порядке на: 1) Groot Atjeh*** с муксемами (округами) и 2) Onderhoorigheden (dependances), в которые входят западный берег Атчина, северный берег с территориею Иедир, восточный берег и южные поселения. Вся территория управляется гражданским и военным губернатором, резидентом в Котарадже****, главном городе Гроот Аче, ассистент-резидентами и контролерами. Гроот Аче, т.е. собственно территория, занятая голландцами, имеет до 1,726 кв. миль протяжения с рекою Аче, на которой расположена Котараджа, а при устье реки при впадении в море лежит порт — городок Оле-ле*****.

Атчинцы — народ малайского племени, они говорят на своем особом языке, не схожем с малайским. Это большею частью люди высокие, рослые, чрезвычайно подвижные и выносливые. Атчинцы воинственны и храбры по-азиатски: они дерутся хорошо и стойко, но нападают лишь когда имеют над европейцами численный перевес, в открытом же поле они избегают столкновений, предпочитая естественные прикрытия и засады из бамбуков, волчьи ямы с заостренными в них кольями и укрепленные палисады (*бентенги*) из наваленных стволов деревьев и бамбуков с земляным прикрытием. *Бентенги* эти, в ко-

* Принятое ныне название — Аче, жителей — ачехцы.

** Аче с входящими в него территориями (*голл. и фр.*).

*** Великий Аче (*голл.*).

**** Ныне — Банда-Ачех.

***** Правильно: Уле-ле.

торых атчинцы защищаются упорно, приходится обстреливать сперва артиллерийским огнем и затем брать штурмом*.

Атчинцы — фанатичные мусульмане, ненавидящие голландцев и вообще «неверных» белой расы. Самим себе они почему-то приписывают индусское происхождение. Как бы то ни было, в отдаленные времена индуизм был в Атчине господствующей религией и внес в край даже некоторую цивилизацию, которая исчезла с обращением атчинцев в ислаимизм. Будучи по натуре своей беспокойными хищниками и отличаясь постоянно полным отсутствием дисциплины и понятия о праве, атчинцы никогда не были способны образовать правильное и благоустроенное государство. Их султаны и *улу-баланг* — владетельные принцы, пользовались лишь номинальной властью, постоянно между собою враждовали, и история Атчина, с тех пор, как он существует, являет собою ряд междоусобных войн, убийств, вероломных нападений на поселившихся на берегу португальцев, англичан и голландских коммерсантов, что, в свою очередь, вызывало против этих разбойников карательные экспедиции.

Исламизм введен был в Атчине в 1507 г. первым и наиболее могущественным султаном атчинским Али Магометом Шахом. В XVII столетии преемники его распространили и утвердили свою власть в соседнем Педире, а также на Малаккском полуострове и содержали сильную армию с боевыми слонами. Они в это время имели еще и значительный флот для набегов и разбойничьих высадок на соседние берега. Голландцы впервые познакомились с Атчином в 1599 г., когда первый голландец Корнелий Гоутман**, посетивший край, был изменнически умерщвлен атчинцами. В конце XVIII и в начале XIX века еще при английском губернаторе Явы Раффлзе, начинается ряд столкновений европейцев с атчинцами, вызванных все тою же причиною — вероломством султанов и избиением со стороны жителей голландских и иных коммерсантов, резидентов, что, в свою очередь, побуждало голландцев к репрессалиям.

Собственно восстание в Атчине началось в 1873 г., т.е. с того времени, когда голландцы стали селиться и утверждаться в Атчине, где встретили на первых же порах отчаянное сопротивление со стороны фанатичных атчинских племен. Голландцы не были в состоянии сломить этого сопротивления и покорить край; они с великими усилиями удерживались в своих укрепленных резиденциях и лагерях, большею частью довольствуясь обороною и лишь изредка переходя к наступлению. Но экспедиции внутрь пересеченного и трудно доступного, к тому же малоизвестного края не давали желательного результата, атчинцы уклонялись от битвы в открытом поле, вели партизанскую войну, тревожа голландские гарнизоны, нападая на отдельные посты, отрезыв-

* Напряженность между Аче и центром сохраняется до наших дней.

** Корнелис де Хутман.

вая транспорты с продовольствием и боевыми запасами. При первом сколько-нибудь энергичном преследовании они скрывались в свои недоступные горы, там, никем не тревожимые, ожидали благоприятного момента, чтобы снова перейти в наступление. Лишь энергичному военному губернатору атчинскому, полковнику, затем генералу ван дер Гейдену удалось в период времени с 1878 по 1881 г. нанести врагу столь чувствительные удары, что одно время позволено было ожидать скорого окончания кампаний и умиротворения края. Операции ван дер Гейдена были удачны, он испросил и получил достаточное количество войск, с которыми и прошел весь Атчин вдоль и поперек, нанося составившим поражения за поражением, захватывая пленных, налагая контрибуции, разоряя атчинские *кампонги* (селения); один за другим главнейшие *панглимы* (шефы и предводители) являлись с повинною к победоносному и страшному для атчинцев генералу. Ван дер Гейден просил продления своих полномочий еще на 2 года и ручался, что по истечении этого срока весь Атчин будет покорен и окончательно умиротворен. Но тогдашний генерал-губернатор Нидерландской Индии, который завидовал военным успехам ван дер Гейдена и, говорят, опасался, как бы популярного и победоносного генерала не назначили на его место генерал-губернатором, игнорировал и не передал правительству предложения ван дер Гейдена. Генерал-губернатор, напротив, поспешил донести в Гаагу, что война кончена и что Атчин умиротворен, отозвав притом обратно часть атчинского гарнизона. Естественным последствием такого образа действий было усиление в Атчине подавленного было восстания, голландцы в короткое время лишились всех столь дорогою ценою приобретенных преимуществ и снова вынуждены были ограничиться на всей линии пассивною обороною своих позиций, за пределы которых их влияние и владение не простирались. Такая война продолжалась с переменным счастьем до 1896 г. В означенном году были моменты, когда дела голландцев и положение их в Атчине казались отчаянными. Тогдашний военный губернатор, генерал Дейкергоф, вялый и неспособный, совершил крупную неосторожность, которая ничем оправдана быть не может: он доверился некоторым атчинским предводителям, между прочим, некоему Туку Умару*, выразившему желание вместе со своими приверженцами не только покориться, но еще и поселиться среди голландцев, дабы своим добрым примером увлечь к подчинению также и остальных шефов восстания. Генерал Дейкергоф действительно дозволил Туку Умару с сотнею-другою его атчинцев основаться отдельною группою в самом голландском лагере в Котарадже. Он отличил Туку Умара, назначил ему крупное содержание, снабдил его и его шайку оружием и вообще вполне доверился этому атчинскому волку в овечьей шкуре. Генерал не принял во внимание представлений более осторожных голландских командиров, ко-

* Теуку Умар.

торые лучше Дейкергофа знали азиатскую душу и специально вероломство атчинцев. Последствия такого неразумного поступка не замедлили обнаружиться: обласканный и взысканный милостями голландцев, Туку Умар продолжал все время на глазах доверчивого Дейкергофа поддерживать с атчинскими инсургентами сношения; в течение года своего пребывания среди голландского лагеря Туку Умар успел ознакомиться и высмотреть слабые стороны голландской военной организации. В нем созрел план этими недостатками воспользоваться с тем, чтобы внезапным ночным нападением на Котараджу со своими атчинцами, ожидавшими лишь его знака, овладеть городом, перерезать гарнизон и сокрушить голландское владычество в Атчине.

Приготовления Туку Умара велись настолько ловко и осторожно, что, казалось, успех смелого предприятия был обеспечен. С потерей главного города в крае, самого значительного и единственного опорного и укрепленного пункта, голландцы несомненно потерпели бы жестокое нравственное поражение. С их стороны потребовались бы громадные усилия и материальные затраты, чтобы снова овладеть городом, о покорении же и умиротворении самого Атчина, в случае удачи Туку Умара, разумеется, надо было на долгие годы отложить всякое попечение. Счастливая случайность вовремя обнаружила созревшую уже измену: когда в одно прекрасное утро проснувшийся голландский лагерь увидел, что Туку Умар с его головорезами исчез из Котараджи и что атчинцы в большом количестве начинают сосредоточиваться вокруг города, глаза даже доверчивого Дейкергофа открылись. Генерал уразумел очевидность измены. Приняты были наскоро соответствующие меры предосторожности, полетели телеграммы в Батавию с требованием немедленной высылки подкреплений. Энергичный генерал-губернатор ван дер Вейк, наученный печальным прецедентом 1894 года в Ломбоке, где генерал ван Гамм со всем его штабом пали жертвами вероломства ломбокцев, не теряя времени, снарядил в Атчин 3 или 4 батальона из Батавии и Сурабаи и отправил, кроме того, к атчинским берегам несколько военных судов поддержать сухопутные войска. В то же время отправлен был на место действий главнокомандующий индокOLONIALной армией генерал-лейтенант Феттер с титулом и полномочиями генерального комиссара.

Уже одно это последнее и необычайное распоряжение доказывало, насколько серьезно было положение дел в Атчине. Можно утверждать, что в 1896-97 годах, как и в 1894 на Ломбоке, единственно энергия и распорядительность генерал-губернатора ван дер Вейка вывели голландское колониальное управление из чрезвычайно критического положения, которое могло быть и на самой Яве, среди фанатичных бантамцев на западе и среди не менее фанатичных яванцев в Соло и в Джокдже в центре острова и которое было чревато самыми нежелательными осложнениями и даже опасностями для голландского владычества вообще в Нидерландской Индии.

С прибытием Феттера и подкреплений дела приняли более благоприятный оборот, но об активном наступлении по всей линии пока нельзя еще было помышлять. Голландцы были рады уже и тому, что мало-помалу и постепенно могли возвратиться к *status quo ante** до неудавшегося *coup de main*** Туку Умара.

Генерал-губернатор, однако, по натуре своей дельный и предприимчивый, не желал ограничиться полумерами. Он отозвал Дейкергофа, затем сменил неспособного его преемника и назначил гражданским и военным губернатором Атчина в марте 1898 г. полковника ван Гейса (Van Heutse)***. Выбор этот был во всех отношениях удачный: на необходимость назначить именно энергичного и способного ван Гейса, отлично знакомого с краем и с условиями войны в Атчине, давно уже указывало общественное мнение в Индии. Ван Гейс пользовался, и небезосновательно, репутацией отличного и интеллигентного предводителя. Он был чрезвычайно популярен среди войск, которым подавал благой пример. Отчаянно храбрый, хладнокровный, строгий к себе и подчиненным, ван Гейс был постоянно впереди всех на самом видном и опасном месте. Успех до сих пор сопровождал все его начинания, и молодой еще полковник вскоре сделался грозой атчинцев; туземцы смотрели на него со смешанными чувствами удивления и страха, утверждая, что его не берут ни пуля, ни болезнь. Действительно, железная натура ван Гейса блистательно выдерживала атчинский климат и тяжесть боевой и походной жизни.

Назначение ван Гейса, от которого ожидали великих дел и славных подвигов, встречено было повсюду с радостью и упованием. И должно признать, что ван Гейс оправдал всеобщие надежды и доверие общественного мнения. Он в короткое время преобразовал атчинско-экспедиционную армию на новых началах, подготовил и обеспечил успех похода и уже недели три после состоявшегося 31 августа 1898 г. юбилея вступления на престол молодой королевы Вильгельмины новый атчинский губернатор мог известить генерал-губернатора, что Groot Atjeh покорен, что инсurreкция там подавлена и что умиротворение Педирского, смежного с Атчином, края также сделало значительные успехи. В награду за свою столь блистательно и успешно веденную кампанию ван Гейс произведен был в генералы, и королева пожаловала ему, кроме того, еще и командорский крест военного ордена Вильгельма за боевые услуги. Нет сомнения, что ван Гейсу предстоит блистательная будущность: он, по всему вероятию, будет со временем главным командующим всеми сухопутными силами в Нидерландской Индии. Ван Гейс вел свое дело интеллигентно и осмотрительно, он бил атчинцев кнутом и рублем одновременно, убедившись в практическом эф-

* Ранее существовавшее положение (*лат.*).

** Нападение (*фр.*).

*** Ван Хейсе.

фекте взыскания денежных пеней за всякое враждебное или двусмысленное действие, как-то: укрывательство, измену, разбой и пр., учиненные атчинцами. Эти денежные контрибуции были атчинцам особенно ненавистны и тяжки, но они вынуждены были уступать силе, смирялись, и, один за другим, их главнейшие *панглимы* (шефы) являлись в голландский лагерь с повинною и с изъявлением покорности. Один лишь пресловутый Туку Умар все еще уклонялся; до сего дня его никак не могли схватить, он спасается в горах и недоступных дебрях, хотя число его приверженцев с каждым днем редее. Достать его в тущо-бах, в которых он скрывается, дело нелегкое для неповоротливого и грузного европейского отряда, который вынужден в разоренной и негостеприимной местности таскать за собою на людях и мулах боевые снаряды, провиант и походный лазарет, что, конечно, затрудняет и замедляет передвижение войск. С другой стороны, атчинский климат дает себя чувствовать: люди болеют дизентериею, бери-бери и лихорадками, главный госпиталь в Котарадже, госпитали в Паданге и Форт-де-Коке, а также походные лазареты переполнены больными, которых надо эвакуировать и заменять свежими войсками с Явы. Даже яванцы и амбонцы, т.е. туземцы, не выносят атчинского климата и тягостей боевой жизни. Особенно, конечно, страдает европейский контингент экспедиционной армии. Не существует такого европейского солдата или офицера, на котором не отразились бы самым пагубным образом последствия атчинской кампании, все они переболели тяжкими видами заболеваний, причем считается еще счастьем, если дело ограничивается одною лишь сравнительно легкою маляриею.

Европейский состав атчинской армии ежегодно меняется и пополняется новыми солдатами и офицерами, деташируемыми из нидерландской армии на 5 лет в ряды армии колониальной. Каждый офицер, прибывший в Индию, без исключения, обязан прослужить в Атчине 2 года, если он не женат, и 14 месяцев, если он семейный. Немногие, особенно из вновь прибывших и не привыкших еще к тропикам, выдерживают подобное испытание; они, правда, остаются в Атчине положенные 14 или 24 месяца, но возвращаются на Яву и поступают в горные санатории с расшатанным, часто навсегда, здоровьем и нервами, благодаря чему люди в 30-35 лет выглядят изможденными 60-летними старцами.

Нет сомнения, что все в Голландии и в Нидерландской Индии вздохнут с облегчением в тот день, когда в умиротворенном окончательно Атчине водворятся спокойствие, порядок и оседлость, и когда этот мятежный край будет вполне ассимилирован и открыт для культуры и цивилизации. Если дела в Атчине будут и впредь идти столь удовлетворительно, как с тех пор как ван Гейс поставлен там во главе управления, можно в скором времени достигнуть этого благоприятного результата. А давно бы пора покончить со злополучным Атчином и с бесконечною войною, которая ведется в этом уголке Суматры с самого

1873 г., т.е. вот уже 26-й год. Война эта поглотила уже несметные суммы, можно без преувеличения определить цифрой в 400 миллионов гульденов стоимость продолжительной атчинской кампании, все еще не давшей окончательного и конкретного результата после стольких лет бесплодных напряжений людьми и материальных затрат. Израсходованные 400 миллионов легли тяжким и непроизводительным пока бременем на бюджеты метрополии и самой Нидерландской Индии; они неоднократно тормозили и задерживали материальное развитие ост-индской колонии, которая необходимые на промышленные и иные предприятия суммы вынуждена была обращать на нужды армии и жертвовать в бездонную атчинскую бездну.

Причины столь продолжительного и в общей сложности мало успешного топтания голландцев на одном месте довольно сложные и часто неожиданные: во-первых, голландцы в Атчине не располагали достаточными войсками, за исключением, быть может, 1878–1881 гг., когда генералу ван дер Гейдену удалось сосредоточить под своею командою экспедиционный отряд в свыше 10 тысяч человек. Средства также отпускались тогда пропорционально численности экспедиционной армии, и результаты, как изложено выше, такого разумного образа действий в короткое время получились настолько удовлетворительные, что года через два еще можно было ожидать окончания кампании. Если цель не была достигнута, то в этом ни в каком случае нельзя винить генерала ван дер Гейдена.

После этого самого способного и энергичного из всех, за исключением ван Гейса, голландских командиров дела в Атчине снова стали подвигаться черепашным шагом.

Правительство, естественно, колебалось и не могло решиться на организацию внушительной экспедиции тысяч в 10-12 человек и израсходовать на дело покорения Атчина 60 или 70 миллионов гульденов в два года. Оно предпочло не обременять бюджета, тратя, напр., в год всего 10-12 миллионов гульденов и оперируя не со значительною армиею в 12 тысяч человек, а с какими-нибудь 5,000-6,000 солдат, раздробленных по гарнизонам и блокгаузам вдоль и вокруг всей линии так называемого Groot Atjeh.

Далее, голландцы никогда не в состоянии были, за отсутствием достаточных морских сил, установить и поддерживать действительную блокаду атчинского побережья; благодаря этому обстоятельству, инсургенты почти беспрепятственно получали порох, оружие и даже подкрепления людьми из соседнего Малаккского полуострова, английские и китайские коммерсанты в Сингапуре и Пенанге постоянно снабжали атчинцев военною контрабандою, которую им подвозили малаккские *прау* (барки); вместе с оружием и порохом часто прибывали в Атчин еще и арабы-добровольцы или фанатичные муллы и хаджи, побывавшие в Мекке; эти фанатики еще пуще разжигали своею проповедью сопротивления «неверным» и без того фанатичных атчинцев;

они рассказывали им небылицы о предстоящем, напр., вмешательстве в их пользу султана в Константинополе, калифа всех правоверных, а, следовательно, и единственно законного повелителя столь любезных мусульманскому сердцу атчинцев.

Лишь в последнее время голландцы несколько усилили свой контроль над атчинскими берегами, перехватили в море десяток-другой подозрительных *прау*, на берегу конфисковали тайные склады оружия, причем виновные подверглись столь чувствительному для них денежному взысканию, которого они боялись пуще даже самого огня голландцев.

Наконец, но в основательности своей последней причины, объясняющей продолжительность военных действий в Атчине, я ручаться не могу, утверждают, что именно в оттягивании решительного момента заинтересованы материально пароходное общество *Paketaart*, имеющее контракт с правительством и казенную субсидию на перевозку войск, а также не в меньшей степени некоторые фирмы и поставщики. Эти господа из поставки казне предметов снаряжения съестных и иных припасов вот уже 25 лет как извлекают значительные барыши и, естественно, не желают лишиться столь выгодной статьи более или менее правильных доходов. Я передаю лишь то, что слышал здесь от многих компетентных лиц, которые прямо утверждают, что, между прочим, именно такое отношение к делу заинтересованных лиц составляет одну из главных причин безуспешности военных операций голландцев в Атчине.

При обширности и разбросанности нидерландского территориального владения в Инсулинде, ввиду разнообразия самых различных между собою этнографических элементов, населяющих эти владения, при недостаточности тех военных и материальных средств, которыми располагают голландцы в этой части света, следует удивляться лишь одному, а именно тому, что Голландия была в состоянии отстоять и что она по сие время благополучно сохранила под своим скипетром во всей совокупности все составные части своей обширной колониальной империи. Столь благополучный и благоприятный исход следует приписать на первом плане чрезвычайно осторожной политике правительства, его политической изворотливости и выше всего, конечно, разумной и в общей сложности всюду популярной системе отеческого голландского управления. Но, с другой стороны и счастливая случайность также сыграла немалую роль в осуществлении на практике гордого национального девиза Голландии *Je maintiendrai**. Девиз этот, много обещающий, полный сознательного самосознания, не остался пустою и громкою фразою. В Европе искусные принцы из Оранско-Нассауского дома**, которые в то же время были полководцами и государ-

* Я устою (*фр.*).

** Царствующая королевская династия в Нидерландах.

ственными деятелями, преодолели с редкою выдержкою и блистательным успехом все политические препоны, они собрали воедино разрозненные части своего отечества, освободили оное от иноземного ига и отстояли самостоятельность своей страны от посягательств извне. С тем же умением, выдержкою и успехом руководители судеб Голландии работали за океаном, органическою прочною связью сковав отдаленную Ост-Индию с голландским государственным организмом. Давно уже Инсулинда на крайнем азиатском Востоке образует собою естественное дополнение и заокеанское продолжение самой метрополии.

Девиз *Je maintiendrai* практически осуществлен и применяется в Европе и в Азии.

Особенно благополучные сочетания обстоятельств благоприятствовали реализации этой программы, что касается заморской части нидерландских владений. После целого ряда конфликтов и войн Инсулинда в первой четверти XIX столетия собрана была во единое стройное целое и с тех пор продолжала оставаться под властью голландской короны.

Иноземные посягательства извне на нидерландские колониальные владения, как в XVII и XVIII столетиях, в XIX веке прекратились. Быть может, им в следующем XX столетии суждено возобновиться снова, ввиду того нового фазиса экспансивно-империалистской политики, в которую с легкой руки и после своих дешевых успехов на Кубе и на Филиппинах вступили Соединенные Штаты Америки. Возможно, в более или менее близком будущем, что также и колониально ненасыщенная еще Германия обратит свои взоры и вожделения в сторону Индо-Малайского архипелага, где многое, острова и целые группы «плохо лежат» и представляют заманчивую и притом легкую добычу для германского *Drang** на крайний Восток. Все это вопросы будущего, хотя несомненно тревоги и опасения именно по поводу этого неопределенного будущего уже ныне озабочивают общественное мнение в Голландии и Ост-Индии, бросая вперед, как выражаются англичане, тень грядущих событий.

Но настоящее пока верно и обеспечено, а это, бесспорно, самый главный пункт. Обеспечено оно, как уже сказано, интеллигентною и осторожною политикою голландского управления, а также в немалой степени и тем немаловажным обстоятельством, что никогда и нигде еще Голландии не приходилось отстаивать своего колониального достояния одновременно на нескольких пунктах. Ей, таким образом, не встретилось, к счастью, надобности раздроблять и ослаблять свои и без того недостаточные ресурсы.

В самом деле, неизбежные при столь мозаичном составе племен и рас восстания и войны никогда не поглощали всех наличных сил колониального управления. Когда голландцы дрались в Атчине, они сво-

* Натиск (нем.).

бодны были от военных забот во всех остальных частях Инсулинды. На Суматре длилась несколько лет так называемая война монашеская (de Padri Orloog)*, но это происходило задолго до атчинского восстания. Экспедиция против острова Бали в 30-х годах тоже не вызвала осложнений в остальных частях Инсулинды. Единственное исключение составляет в 1894 году предпринятая экспедиция против султана ломбокского: одновременно с новой войною на Ломбоке голландцы продолжали вести старую и бесконечную войну в Атчине.

По этому поводу обнаружилась ясно и осязательно вся недостаточность военных ресурсов колоний. Пришлось разделить силы: часть их, и притом довольно значительная, была имобилизирована в Атчине и к Атчину прикована; о сокращении в немирном крае боевого состава войск нельзя было и помышлять. Другая часть гарнизонов на Яве, в числе 5-6 батальонов оперировала в то же время на Ломбоке и притом на первых порах весьма неудачно. Потребовались подкрепления, которые доставила та же Ява. Но и с прибытием новых вспомогательных сил успех ломбокской кампании долгие месяцы еще оставался гадательным и неверным. Поражение же голландцев на Ломбоке могло вызвать прежде всего усиление восстания в Атчине, где инсургенты чутко прислушивались к отдаленному грохоту орудий под стенами Чакранегары, резиденции раджи ломбокского. Атчинцы через своих шпионов были постоянно au courant** всего того, что голландцами предпринималось. Им, следовательно, известно было стесненное в данный момент положение голландцев, а также голландские опасения за самую Яву, где в ненадежных Бантаме и в независимых Vorstenlanden*** во всякое время возможно было возбудить восстание; такое движение, надо полагать, неминуемо бы и вспыхнуло, если бы голландцы потерпели серьезное поражение на Ломбоке и одновременно ряд неудач в Атчине.

К счастью для колонии и, прибавим с убеждением, для цивилизации, опасность эта была отвращена: вооруженный конфликт, хотя и на двух театрах войны, все же удалось локализовать, и, в конце концов, голландцы были в состоянии удержать в повиновении мятежных атчинцев, а со взятием Чакранегары и после захвата в плен старого ломбокского раджи они благополучно покончили также и с Ломбоком.

Как бы то ни было, положение дела казалось в данный момент критическим и угрожающим: Ява уже отдала на оба театра войны все свои свободные ресурсы; дальнейшее ослабление яванских гарнизонов не представлялось возможным без серьезного риска. Между тем, если бы дела на Ломбоке и в Атчине приняли дурной оборот, пришлось бы не-

* «Война падри» – движение ваххабитского толка в 1821–1837 гг.

** В курсе (*фр.*).

*** Дословно: княжеские земли (*голл.*), территории, номинально находившиеся под управлением *сусухунана* (Соло) и султана (Джокьякарта).

сомненно все остающиеся еще на Яве немногочисленные батальоны поспешно направить на место военных действий. В таком случае на Яве для охраны европейцев, их жизни и имущества оставалась бы лишь одна по-военному организованная национальная гвардия (Schutterij) из бюргеров. Учреждение это, при всем усердии и патриотизме господ бюргеров, все же явило бы собою величину недостаточную и малую, обеспечивающую общественную безопасность. Никогда еще, как в 1894 году, европейцы на Яве не ощущали столь интенсивным образом своей полной и беспомощной изолированности среди безбрежного азиатского океана туземцев, пока еще смиренных, но уже волнующих разными сомнениями и обрабатываемых извне подпольною пропагандою недовольствия и возбуждения против белых людей. К счастью, компактная масса яванцев и сунданцев в 24 миллиона человек никогда не сознавала и не знала своей силы; она обреталась в неведении и составляла многочисленное, правда, стадо, но стадо без пастыря и без руководящей идеи. Между тем, одной десятой части этого 24-миллионного населения достаточно, чтобы вогнать в море и потопить безнаказанно всех европейцев на Яве, включая голландских бюргеров-воинов, и тем в 24 часа положить конец трехсотлетнему голландскому владычеству. Сопротивления туземцы не встретили бы почти никакого, регулярные войска отсутствовали, национальная гвардия, немногочисленная, в серьезный расчет входить не могла, главнейшие города были не укреплены и беззащитны, в Соло и Джокдже с их двухмиллионным населением насчитывалось всего-навсего каких-нибудь 4,000 голландских плантаторов и чиновников, включая в это число и гарнизон «независимых» туземных государств. Но туземцы, неорганизованные, неподготовленные, не собранные воедино под одно национальное знамя во имя идеи независимости, не догадались учинить вооруженного восстания. Критический момент, благодаря этой неподготовленности, благополучно миновал для европейцев и для самих голландцев на Яве.

Мне остается еще в заключение резюмировать причины, вызвавшие экспедицию в 1894 году против острова Ломбока, а также охарактеризовать и самые военные действия голландцев, дабы дать европейскому читателю понятие о способах ведения подобных экзотических экспедиций. Ломбокская кампания представляет, кроме того, специальный интерес для русских читателей, так как на Ломбоке сыграл некоторую активную роль один наш злополучный соотечественник, который волею судеб и различных обстоятельств скитался в Китае, побывав затем в Сингапуре и, наконец, попал на остров Ломбок, где и был очевидцем, голландцы же утверждают — и участником в военных действиях раджи против голландских войск.

Недоразумения с раджей Ломбока начались еще в 1893 году. В силу договора (Contract), заключенного колониальным управлением с ломбокским государем, раджа этот признавал себя вассалом и данником

нидерландской короны. Но зависимость его была лишь номинальная и на бумаге, в действительности же раджа был полным хозяином у себя дома, управлял неограниченно по азиатскому рецепту, т.е. притеснял и обирал своих подданных *сассакского* племени*. На острове не существовало ни голландского резидента, ни голландских гарнизонов и вообще никакого внешнего и видимого проявления вассальной зависимости от *оранг-вланда* (голландских людей).

Тем не менее, беспокойный и честолюбивый старик-раджа, подстрекаемый к тому же извне отчасти англичанами из Сингапура, отчасти своим соседом с о. Бали, Густы (принцем) Джелантиком, решил в одно прекрасное утро отрешиться вовсе даже от этого призрака зависимости и объявил, что знать не хочет никаких голландцев. В то же время он стал вооружаться, закупая порох и оружие в Сингапуре; раджа организовал даже нечто вроде национального ломбокского военного флота из трех или четырех судов, уступленных ему по дорогой цене за ненадобностью и ветхостью и, наконец, отправил к иностранным консулам в Сингапуре особого поверенного с меморандумом, в котором раджа излагал свои неудовольствия на голландцев, причины, побудившие его отложиться от колониального управления и упования свои, что иностранные державы за него, раджу, заступятся и объявят над Ломбоком свой протекторат. Какой — английский, французский, итальянский или американский — это расслабленному старцу, восседавшему на ломбокском престоле, было совершенно безразлично, лишь бы устранены были ненавистные ему голландцы.

Колониальное управление, разумеется, не могло равнодушно отнестись к махинациям мятежного своего вассала. Радже сделано было без успеха несколько внушений, и когда это не подействовало, голландцы отобрали у него зародившийся было ломбокский флот. Раджа, однако, не сдался. Он заранее успел в Сингапуре приобрести массу оружия и ожидал еще транспорта с порохом и военными запасами, с которыми трое предприимчивых и услужливых английских коммерсантов уже отплыли к берегам Бали из Сингапура на утлой и жалкой парусной барке, носившей, тем не менее, громное и внушительное наименование *Pride of the Ocean* («Гордость океана»).

К контрабандистам-англичанам присоединился в ту пору случившийся в Сингапуре без места и без занятий также и соотечественник наш. Назовем его Виссарионом Пантелеймоновичем Папарыгиным, в сокращении Парыгин**. Голландцы же упорно называли его «Парыган» с ударением на последнем слог. Настоящая фамилия нашего авантюриста Папарыга, что свидетельствует о его бессарабско-румынском происхождении. Господин Парыган с несколько бурным, но не предосу-

* Современное наименование этноса — *сасаки*.

** По современным источникам — Василий Пантелеймонович Мамалыга (Малыгин).

длительным прошлым в России, откуда он удалился уже давно, скитался долгое время в Сибири, Китае, Японии, был в Амое, Шанхае и проч. китайских портах, служил проводником русским морякам, показывая им местные достопримечательности; он выдавал себя за горного инженера и эксплуатировал или хлопотал о концессиях на разработку естественных богатств в Китае и иных местах, жил изо дня в день чем Бог пошлет, без определенных доходов и занятий. Словом, это был авантюрист и скиталец, который не стеснялся выбором средств; он совершенно равнодушно относился к вопросу, где и каким манером ему придется орудовать и действовать, был бы лишь подходящий случай развернуться и было бы что предпринять. Парыгину было безразлично, «работает» ли он в Уганде, Судане или Конго, или на неведомых островах Полинезии. Он, например, в Конго присоединился бы к бельгийской антиэсклаважистской* экспедиции или же с не меньшей готовностью поступил бы в дружины арабских шейхов-разбойников, которые в глубоких недрах Темного континента сгоняют и скупают негров-невольников. Весь вопрос состоял в том, которая из этих двух комбинаций выгодней. Предрассудков Парыгин не имел. Я этим не хочу утверждать, что герой наш был вовсе человеком отпетым, на все способным и без всяких нравственных правил. Нет, он просто был бессознательным оппортунистом, таковым сделали его многообразные виды, которые он видал на своем веку, да убеждение, что так или иначе, а есть да пить надо. Когда нельзя было поступить так — он распоряжался иначе, вот и все. Я даже убежден, что он, отклоняясь от правильного курса, не отдавал себе ясного отчета в том, до какой степени красиво или двусмысленно внушенное ему необходимостью действие. Парыгин, я полагаю, с такою же душевною невозмутимостью стал бы продавать и отравлять, например, опиум или спиртом каких-либо дикарей Бисмарковского архипелага, с какою он впоследствии снабжал военною контрабандою непокорного вассала голландской короны, раджу ломбокского. Опиум, спирт, порох и ружья, не все ли это равно, была бы от того, другого и третьего прибыль, это и единственно это требовалось доказать и осуществить на практике. Он и осуществил, но ему за это, как говорится, влетело и результатами своей деятельности на Бали и Ломбоке Парыгин не имел основания быть довольным.

Если герой наш претерпел огорчения и разные неприятные превратности судьбы, то этим печальным исходом своей авантюры Парыгин обязан исключительно себе самому. Высадив и сдав благополучно на о. Бали груз для соседнего Ломбока, Парыгину следовало ретироваться обратно в Сингапур на своей утлой ладье, подобно тому, как это совершили более догадливые английские его компаньоны. Те отделались дешево: их было голландцы задержали, но затем выпустили, так как явных улик против них не нашлось. Но Парыгин, быть может, имевший веские

* Направленной против рабовладения (*фр.*).

основания не доверять добросовестности своих товарищей, отделился от них, желая, вероятно, лично реализовать причитающуюся ему долю барыша. Он с острова Бали переправился на Ломбок и это его погубило. На первых же порах он попал в водоворот возбуждения, а затем и военных действий, предпринятых против голландцев. Когда он опомнился и сообразил, что ему здесь при таких рискованных обстоятельствах делать нечего, оказалось слишком поздно: оставить остров, ввиду крейсировавших вдоль берегов голландских судов, становилось слишком рискованно, к тому же старик-раджа не отпустил подвергнувшегося ему европейца, в котором он тотчас же открыл блистательные способности сперва дипломата, а затем полководца. Более чем вероятно, что в именуемом себя горным инженером Парыгине не существовало вовсе требуемого материала, из которого фабрикуют государственных мужей и военачальников. Но Парыгин был прежде всего белый человек, европеец, и как таковой признан был, единственно в силу своего европейского происхождения, многосторонним гением, пригодным на все без исключения. Известно, что на Востоке и на крайнем Востоке всякий европеец турист и даже простой globe trotter* слывет за врача в глазах невежественного населения; замечательнее же всего, что такой случайный путешественник действительно никогда не задумывается врачевать и экспериментировать in anima vili**. Не менее странно и то обстоятельство, что, в большинстве случаев, как импровизированный врач, так равно и неосторожные его пациенты остаются друг другом вполне довольны.

Азиатский властитель, раджа ломбокский, со своей стороны, разделял, по-видимому, как предрассудки, так равно и лестное убеждение своих соотечественников насчет универсальной пригодности на все европейцев, кто бы они ни были. Парыгин, таким образом, неожиданно-негаданно для себя призван был к старому принцу в качестве политического советника. Нужно отдать нашему авантюристу справедливость; роль советника, вынужденную обстоятельствами, он сыграл а son corps défendant***. Амбиции никакой у него не было, никакой роли политической или иной он не искал, ему вообще неизвестно было до этого рокового дня, что существует остров, именуемый Ломбоком; он точно так же не знал, кто такой раджа ломбокский, ни что и кого этот государь собою изображает по отношению к голландцам; еще менее авантюрист наш догадывался, какие существуют в силу договоров отношения между Ломбоком и голландцами. Всего этот Парыгин не знал, да он нисколько и не любопытствовал ознакомиться поближе со всеми этими тонкостями. Ему сказали в Чакранегаре в *кратоне***** раджи, что властитель Ломбока государь независимый, что голландское

* Здесь: скиталец по свету (англ.).

** На живой душе (лат.).

*** Против своей воли (фр.).

**** Дворец (мал.).

управление заявило к нему претензии, которых раджа знать и признавать не может, что голландцы грозят Ломбоку насильственными мерами, против которых население решило реагировать силою же. Парыгин этому заявлению поверил тем легче, что он лично мог констатировать на будто бы вассальном Ломбоке полное отсутствие голландских властей и гарнизонов, а также то, что местный государь, по всей видимости, правил страною безо всякого ограничения своей сюзеренной власти с чьей бы то ни было стороны.

Притом же Парыгин искал на Ломбоке не поста государственного канцлера или генералиссимуса, он имел в виду исключительно сделать выгодный гешефт. Если он отдал предпочтение пороху и оружию, то это тоже было чистойшею случайностью: в данный момент существовал спрос именно на порох, а не на керосин или фальшивую монету, и Парыгин, как смысленный коммерсант, стал поставлять, конечно, то, в чем ощущалась наивысшая потребность. Впоследствии, когда его схватили голландцы, наш спекулятор попробовал было утверждать, что он сам сделался жертвою эксплуатации своих английских компаньонов, которые его будто бы подвели: он, Парыгин, не догадывался, что и какого рода груз он везет на «Гордости океана», узнал же он, в чем дело, лишь в момент высадки, когда балийцы* стали разбирать привезенный груз; фрахт этот тогда оказался порохом и ружьями. Но тогда было уже слишком поздно, чтобы возвращаться вспять и отказаться от столь рискованной операции. Защита Парыгина показалась голландскому трибуналу в Батавии легкомысленною и неправдоподобною, суд приговорил невольного и бессознательного контрабандиста к штрафу в 1000 гульденов или к тюремному заключению. Парыгин избрал тюрьму. Отделался он первый раз так дешево за неимением улик, ему, как и его английским соучастникам в гешефте, нельзя было доказать, что оружие, которое впоследствии проявилось у ломбокцев, было доставлено именно им и радже их из Сингапура.

Зато Парыгин обвинен был впоследствии в доказанном будто бы участии в заговоре раджи и во враждебных подстрекательствах ломбокцев, а также в личном и активном участии в военных действиях против голландских войск. Парыгин, призванный на совещание раджи с его балийскими министрами в *кратон*, посоветовал будто бы старому принцу наружно изъявить покорность и согласие на все требования специального голландского уполномоченного, дабы усыпить его бдительность; в то же время Парыгин будто бы предлагал радже из-под руки сделать все приготовления, дабы, не теряя времени, ночью и врасплох напасть на голландский лагерь и перебить всех голландцев, пока они еще немногочисленны и не успели получить подкреплений.

* Автор неоднократно именует жителей Ломбока балийцами. Возможное объяснение — территориальная близость островов и наличие значительного числа балийцев на Ломбоке.

План этот и был в точности приведен в исполнение в ночь на 24 августа 1894 г. Голландцы не приняли никаких мер предосторожности, требуемых военным временем, не выставив ни аванпостов, ни сторожевых цепей. Они вовсе упустили из виду, что в 30-х годах командующий экспедицией на о. Бали генерал Михиелс со своими офицерами был изменнически в палатке своей умерщвлен балийцами. Они забыли, что в лице ломбокцев имеют дело с азиатами, т.е. с людьми, для которых вероломство составляет вторую натуру*. Голландские войска, кроме того, расположились в самой невыгодной позиции — они лагерь свой разбили на полпути из Ампенана на берегу, к Матараму, среди *кратонов* и домов местных принцев и жителей; *кратоны* эти, солидные здания из камня, кроме того, обнесены еще высокими и крепкими стенами, так что между ними образовались тесные улицы-коридоры. Генерал ван Гамм, командовавший ломбокскими войсками, не имел основания не доверять неприятелю: шефы ломбокские из знатных аристократических балийских родов перед тем, один за другим, явились к генералу с повинною. Раджа даже внес первую четверть, 250000 гульденов, наложенной ему контрибуции в 1 миллион и деньги уже отправлены были на суда эскадры. Балийских шефов следовало, однако, удержать в лагере заложниками, но генерал ван Гамм этого не сделал и снова отпустил их на все четыре стороны! Предводители эти изъявили от имени раджи его покорность и согласие принять голландский ультиматум. В доказательство лояльности своего государя, они даже принесли с собою в лагерь наличными деньгами вторую четверть 250,000 гульденов контрибуции и деньги эти были приняты и сложены пока в батальонную кассу, с тем, чтобы дня через три переслать оные на суда эскадры, крейсировавшей в виду Ампенана.

Таким образом, все и вся, казалось, должно было внушить голландцам полное доверие. И действительно, войска уже стали поговаривать, что кампания вообще не состоится за отсутствием сражающихся, и ожидали только внесения недостающих еще 500,000 гульденов военной контрибуции, которую раджа обещал в непродолжительном времени пополнить.

Но раджа и балийцы замыслили, между тем, измену. Доверие и беспечность голландцев могли только укрепить ломбокцев в решимости нанести удар ничего не подозревавшему неприятелю.

В ночь на 25 августа вооруженные банды ломбокцев неслышно подкрались к главной квартире командующего генерала, который со своими офицерами, доканчивая вкусный и, по-видимому, веселый ужин, сидел еще за столом, попивая шампанское и докуривая сигары. Генерал и свита, ужинавшая с ним, были, вследствие жары, чуть ли не в одном ни-

* Справедливости ради заметим, что методы, с помощью которых голландцы колонизовали Инсулинду, во всяком случае не были более честными и нравственными.

жнем белье; во всяком случае, в этих пировавших и возбужденных госпиталях трудно было признать людей, принадлежащих к военному сословию и притом стоящих в неприятельской стране. Окна и двери были открыты настежь, часовых не было, и весь лагерь, за исключением генерала и штабных, был погружен в сон, да и отстоял от штаба довольно далеко. Балийцы, никем не задерживаемые, необутые, неслышно подкрались и внезапно ворвались в столовую, где, конечно, застали пировавших врасплох. Последовала ужасная резня, сам генерал ван Гамм и до 12 его офицеров были на месте заколоты пиками и *крисами* балийцев, они, будучи безоружны, не могли оказать никакого сопротивления. Двум или трем офицерам удалось выскочить и поднять тревогу. Но было уже поздно, лагерь был окружен и со всех сторон, балийцы открыли по растерявшимся солдатам убийственный огонь, между тем как неприятель, пользуясь переполохом, переколол сотню-другую солдат.

Кое-как голландцы в темноте оправились; оставшиеся в живых офицеры собрали своих людей и, соблюдая, по возможности, строй и порядок, предприняли отступление в сторону Ампенана, где стояли резервы и где можно было рассчитывать на помощь с военных судов эскадры.

Отступление это совершилось при самых тяжелых условиях; войска были деморализованы, утомлены, страдали от жары, голоду и жажды, припасов и оружия не было, кто что успел прихватить, с тем и вышли. Ретироваться приходилось в беспорядке, массою в несколько сот человек по узким улицам, окаймленным высокими стенами, из-за которых через заранее проделанные амбразуры балийцы в упор и не спеша расстреливали почти безоружных голландцев. При этом войска потерпели значительный урон, прежде чем им удалось пробить себе дорогу и соединиться с резервами. Береговой отряд, заслышав из Ампенана ружейный огонь, шел на помощь расстроенным главным силам. Разгром получился полный: главнокомандующий и 12 офицеров были убиты, 1 подполковник и 16 офицеров ранены во время отступления, человек 500 нижних чинов перебито. Балийцы захватили 6 орудий, много пороха и амуниции, весь архив, багаж, кассу и те самые 250,000 гульденов, которые только что, чуть ли не накануне, внесены были покоровшимися балийскими предводителями в счет будущей военной контрибуции. Отступление главных сил и постоянные ожесточенные атаки балийцев на колонны полковников Бейлефельдта и Лавика ван Пабста продолжались без перерыва до 27 августа и лишь к вечеру того же дня расстроенным 6 и 7-му батальонам и колоннам вышеназванных 2-х полковников, потеряв половину своего боевого состава, удалось достичь лагеря в Ампенане и укрыться в возведенных там полевых укреплениях под защитой орудий с эскадры.

Голландцы защищались с отчаянною храбростью и стойкостью. Их офицеры находились постоянно на самом видном месте, но общий урон все-таки был тяжкий. Вероломство ломбокского раджи и коварное

нападение балийцев на голландский лагерь были впоследствии приписаны голландцами наущению Парыгина и его советам. Голландцы точно так же утверждали, что Парыгин не удовольствовался пассивной ролью дипломатического советника и что он во время последовавшей в сентябре осады Чакранегары принял в балийском лагере активное участие в военных действиях; уверяли, что он наводил на голландские войска оружия раджи и даже что он сам стрелял из оных по голландцам. Это видели будто бы голландские офицеры и солдаты, словом, голландцы, когда они после взятия Чакранегары и по окончании кампании захватили спасавшегося на Ломбоке Парыгина и предали его суду, обвинили нашего авантюриста в том, что он составил заговор против безопасности нидерландских колоний и лично участвовал во враждебных действиях вассала нидерландской короны против суверенной власти королевы и ее индо-нидерландского представителя в Батавии.

Согласно постановлению колониального органического устава, за оба эти преступления полагается смертная казнь. Приговор трибунала, осудившего Парыгина, не был, однако, приведен в исполнение; голландцы сообразили, что Парыгина они захватили месяца 2,5 или 3 после окончания кампании, а не на месте действий с поличным, т.е. с оружием в руках. Он, кроме того, был не голландцем, а выдавал себя за русского подданного. В качестве же иностранца, Парыгину к тому же не обязательно было знать, какие существуют отношения между колониальным управлением и различными туземными султанами и раджами, более или менее подвластными голландской короне; следовательно, в государственной измене (Hoogvetgaad) Парыгина, как иноземца, уже ни в каком случае обвинять было нельзя; еще же менее можно было его казнить за «измену», которой он, как иностранец и иноземный подданный, и совершить не мог. Притом же самые отношения от суверена к вассалу на Ломбоке до последнего момента были темные, сбивчивые и неопределенные, без всяких видимых признаков какого бы то ни было подчинения, как выяснено было выше. Существовала одна лишь, так сказать, «претензия» колониального управления на суверенство, но даже и эта невидимая связь была порвана, притом же сам раджа и окружавшая его балийская знать упорно и энергично отрицали какую бы то ни было свою подвластность генерал-губернатору в Батавии.

Все это на суде выяснил и доказал энергичный и способный защитник Парыгина, ван Г., который опротестовал решение суда (смертную казнь) и по пунктам разбил самое обвинение в личном участии Парыгина во враждебных действиях против голландцев. Ван Г. высказал, что, по его мнению и убеждению, тяжкое обвинение это осталось недоказанным, ибо заслушаны и допущены были давать показания одни лишь свидетели *a charge**, тогда как лица, на свидетельстве которых Парыгин настаивал, как на показаниях для себя благоприятных, даже

* Обвинения (*ghp.*).

не вызваны были в суд. К категории таких самых важных для обвиненного свидетелей и очевидцев принадлежали балийский принц Джелантик и жена его, которые в своем *кампонге* (селении) некоторое время укрывали спасавшегося от голландцев Парыгина. Суд из политических соображений не посмел вызвать принца Джелантика, который в ломбокском инциденте сыграл столь значительную и активную роль.

Вызвать же Густу Джелантика было равносильно осуждению этого принца, вина и участие которого в ломбокских событиях не подлежали никакому сомнению. Между тем, осуждение беспокойного балийского вассала на ссылку или на лишение власти могло бы породить на самом острове Бали, где он пользовался сильным влиянием, вооруженное восстание воинственных балийцев; голландцы не хотели и не могли идти на риск вызвать новое усложнение, они и без того имели достаточно забот в Атчине и на не умиротворенном еще Ломбоке, где все и вся находилось в состоянии хаоса и безначалия.

Точно так же суд отказался вызвать важнейшего после самого Джелантика свидетеля а *decharge*^{*}, а именно жену этого балийского принца. Немыслимо да и рискованно было бы, аргументировал трибунал, цитировать^{**} в европейский суд туземную женщину-буддистку да еще принцессу крови, каковою была супруга принца Джелантика. Прецедентов подобных никогда еще не было, да и опасно было бы создавать таковой, ввиду общего возбуждения умов на Ломбоке и на Бали среди туземного населения.

Так и не привлечены были главнейшие благоприятные для Парыгина свидетели. Парыгин осужден был единственно: 1) на основании показаний голландских офицеров и солдат, видевших его будто бы на бастионах Чакранегары в качестве генерал-фельдцейхмейстера раджи ломбокского наводящим орудия против голландских войск, 2) на основании не проверенных никем показаний балийских шефов и предводителей восстания, которые, разумеется, счастливы были, в оправдание собственных некрасивых действий, свалить всю инициативу и всю вину на подвернувшегося так кстати Парыгина. Во избежание ответственности для самих себя, раджа и его приближенные не задумались на суде высказать, что Парыгин на тайном совещании во дворце раджи, дня за три до рокового 25 августа, посоветовал старому повелителю Ломбока произвести внезапное ночное нападение на голландский лагерь немедленно, пока голландцы еще ничего не подозревали и пока они еще не успели стянуть всех боевых сил, составлявших экспедиционный отряд. «Вы их легко сомнете, опрокинете и сбросите всех в море», — будто бы твердил Парыгин, рекомендуя свой план действий, который и был одобрен и приведен в исполнение с успехом для балийского оружия. Далее те же балийцы утверждали, что Парыгин, когда в

* Защиты (*фр.*).

** Вызывать — от *cite* (*англ.*).

сентябре началась осада и бомбардировка Чакранегары, учил балийцев, как обращаться с пушками, сам заряжал орудия и стрелял из оных по голландским войскам.

Парыгин то и другое обвинение упорно отрицал. По первому пункту он ссылаясь небезосновательно и не без признаков правдоподобности на то, что раджа, несмотря на успех своего вероломного предпринятия, все же, в конце концов, попался в плен голландцам и, естественно, вынужден был искать всячески оправданий своим действиям. Не имея другого исхода, раджа свалил со своей старческой и больной головы на его, Парыгина, здоровую голову инициативу и ответственность за избиение голландцев, произведенное 25 августа.

Что же касается 2-го пункта, Парыгин утверждал и настаивал на том, что он, во время осады Чакранегары скрывался в *кампонге*, в 11 км от резиденции раджи, у жены принца Джелантика, которая дала ему убежище. Здесь, в безопасном месте, Парыгин выжидал того момента, когда брожение умов стихнет и война на Ломбоке кончится, после чего он, Парыгин, имел намерение явиться к голландскому вновь назначенному резиденту и объяснить ему причины своего случайного присутствия на Ломбоке. Парыгин неоднократно утверждал, что принц Джелантик и жена его, оказавшие ему покровительство, могут подтвердить, что он, Парыгин, как раз во время осады Чакранегары был спрятан у них в *кампонге*, и что, следовательно, он ни в каком случае не мог во время бомбардировки находиться на бастионах города и оттуда стрелять по голландцам.

Объяснения обвиненного не были приняты во внимание. Но первоначальный суровый приговор был отменен и вместо смертной казни Парыгин был 3 года спустя приговорен к 20-летнему тюремному заключению в исправительном доме (Tuchthuis). Во внимание же к тому, что он уже отбыл 3 года предварительного заключения, срок был уменьшен до 17 лет.

Эта, уже окончательная мера наказания, тем не менее, по тяжести и суровости своей, далеко превышала степень содеянного преступления, которое, во всяком случае, нужно было считать бессознательным действием со стороны осужденного. После искусной и мужественной защиты адвоката ван Г. выяснилось, что не могло быть и речи об измене и что даже злоумышление или покушение против безопасности колониального управления были сомнительны. Самая серьезная сторона роли Парыгина — его личное участие — за одностороннюю тенденциозностью взведенных на него обвинений, оставалась до конца невыясненной и недостаточно доказанной. Что же оставалось налицо из всего этого здания, возведенного обвинением? Простая, не совсем благовидная, конечно, спекуляция, предпринятая случайно, без задней мысли каким-то искателем приключений и прежде всего наживы. Дело не выгорело, спекулятор имел неосторожность попасться в руки правосудия. «Преступление» Парыгина ниспадало и сводилось, таким об-

разом, на степень вульгарного и незаконного гешефта. Вполне достаточно было бы приговорить провинившегося к крупному денежному штрафу, пожалуй, даже к тюремному заключению на 1 год и затем проводить этого авантюриста из Нидерландской Индии с воспрещением ему возвращаться в пределы колонии. Но общественное мнение было чрезвычайно угнетено и раздражено неудачами голландского оружия и осложнениями, возникшими на Ломбоке вследствие массакра* 25 августа. Оно громко зывало ко мщению и требовало наказания виновного, которому приписывало все эти бедствия, постигшие голландцев. Общественное мнение в этом случае заблуждалось: Парыгин был ни при чем, виновны были и притом единственно и исключительно военное управление, начальствующий генерал ван Гамм с его штабом и сам главнокомандующий в Батавии генерал-лейтенант Феттер. Никто из этих начальствующих лиц не понял и не вник, как бы следовало, в условия, при которых имеет совершиться кампания; театр войны не был предварительно изучен. Голландцы от генерала до солдата, по собственному признанию голландцев, выказали самую непонятную неподготовленность и беспечность. При подобных условиях нельзя было удивляться, если разразилась катастрофа над экспедиционным отрядом, катастрофу эту ни в каком случае не следовало приписывать ни в чем в этом отношении не повинному Парыгину. Но так как настоящих виновников ломбокского фиаско, т.е. главнокомандующего с его штабом, неудобно было привлекать к ответственности, а, с другой стороны, настоятельно необходимо было отыскать и примерно наказать виноватого, хотя бы таковым оказалась личность темная и неведомая, то Парыгин и сыграл в ломбокской драме печальную роль козлища отпущения.

Защитник Парыгина, адвокат ван Г., с редким беспристрастием обнаружил на суде все закулисные стороны этого дела, отстаивая по пунктам интересы своего злополучного клиента. Ван Г. с удивительной беззастенчивостью, а с его легкой руки также и сурабайская газета *Soerabajasch Handelsblad* высказали, что Парыгин не что иное как назначенная и заранее обреченная на заклание жертва военного управления. Сказано это было с откровенностью, поразительной для газеты, выходящей в Нидерландской Индии, где все органы печати строго контролируются властью высшего гражданского управления. *Handelsblad* осыпала упреками и даже ругательствами главнокомандующего и его приближенных за выказанную этими лицами «блистательную неспособность, небрежность и самомнение», «таких господ следовало бы судить военно-полевым судом, а не награждать орденами, как то сделано было после кампании», открыто заявляла газета. Удивительно, как статья эта, чрезвычайно резкая по форме и прямо оскорбительная по содержанию для генерала Феттера, вообще допущена была

* От *фр.* massacre — бойня, резня.

к печатанию, тогда как гражданское управление, в силу широких предоставленных ему полномочий, могло не только воспретить эту статью, но еще подвергнуть автора оной преследованию и штрафу. Между тем, ничего подобного не случилось. Объясняют это поразительное долготерпение и снисходительность правительства тем будто бы обстоятельством, что генерал-губернатор был не в ладах с генерал-лейтенантом Феттером и не сходиллся с главнокомандующим ни во мнениях, ни во взглядах относительно того, как следует вести колониальные войны вообще, ломбоксую же экспедицию в особенности. Упрямый Феттер повел ее по-своему, игнорируя многие полезные указания и советы более его опытного в колониальных делах генерал-губернатора ван дер Вейка.

Ван дер Вейк, негодуя на ограниченного Феттера, не прочь был, говорят, дать ему почувствовать, что и публика не одобряет такую методу ведения войны спустя рукава, хотя бы воевать приходилось с более или менее дикими и неорганизованными балийцами. Вот почему с подначальной и подвластной индийской печати снята была сдерживавшая ее в обычное время узда умеренности. И печать эта, в особенности сурабайская, воспользовалась в широкой мере оказанным ей послаблением.

За невозможностью судить генерала Феттера и его штаб обрушились на Парыгина. Как его судили — рассказано было выше. Не подлежит сомнению, что весь допрос веден был с пристрастием. При подобной постановке вопроса, когда разбушевавшееся и негодующее общественное мнение а tout prix* неистово требовало отмщения и жертвы искупительной, можно было заранее безошибочно угадать, какой приговор вынесен будет сурабайским трибуналом.

Парыгин своею особою и своею свободою заплатил за все и за всех. Общественное мнение было удовлетворено и аплодировало решению судей. Враждебное Парыгину настроение было в этот момент во всей Нидерландской Индии настолько общее и сильное, что даже добросовестный и всегда справедливый генерал-губернатор ван дер Вейк не счел возможным воспользоваться предоставленным генерал-губернаторской власти правом помилования. Он мог лишь отменить смертную казнь и заменить этот не в меру суровый приговор продолжительным тюремным заключением. Надо было выждать, пока успокоится взбаламученное море. Лишь года два, три спустя можно было рискнуть, если не на полное помилование, то по меньшей мере на значительное смягчение и сокращение срока наказания. Парыгину в этом отношении счастье благоприятствовало: в августе 1898 г., по случаю совершеннолетия молодой королевы Вильгельмины и вступления ее на нидерландский престол, последовала общая амнистия, в которую включен был также и Парыгин. Его к 31 августа помиловали, с воспрещением возвращаться в

* Любой ценой (*фр.*).

пределы Нидерландской Индии. Голландцы, естественно, не желали и не могли рискнуть дать Парыгину безусловную свободу и позволить ему удалиться на все четыре стороны. Они опасались, как бы Парыгин, будучи выпущен на свободу, не поселился поблизости Явы в Сингапуре, напр., откуда он снова мог бы агитировать и интриговать против голландцев в Атчине, на этот раз уже с ведома и даже при тайном содействии англичан, которые всегда радуются затруднениям своих соседей, когда сами не вызывают и не создают подобных замешательств с расчетом, что в мутной воде легче рыбу ловить.

Парыгина англичане, может быть, выставили бы вперед в виде политической жертвы произвола индо-нидерландского управления; они снарядили бы ожесточенного уже против голландцев русского авантюриста на Суматру подстрекать и фельдцейхмейстерствовать над атчинцами. Подобное предположение и еще более осуществление в действительности такого великобританского ехидства представлялись, однако, маловероятными. Надо было скорее всего ожидать, что Парыгин счастлив будет употребить столь дорого, наконец, купленную свободу с большею для себя пользою. Тем не менее, в уме голландских высших властей составилось такое представление о возможности и впредь новой активной роли Парыгина, в смысле и направлении, конечно, враждебных для интересов Голландии и колонии.

Необходимо было себя оградить от подобного *retour offensif** со стороны бывшего канцлера и фельдцейхмейстера Е.В. Раджи Ломбокского. Сингапур, и небезосновательно, считается на крайнем Востоке тихим пристанищем для всякого международного сброда всех цветов кожи и всех национальностей. Там, лишь бы они не совершали слишком уже возмутительных преступлений, господа мошенники, авантюристы и просто личности отпетые, без профессии и без средств, живут у снисходительных англичан, как у Христа за пазухой. Из своей главной квартиры Сингапура более ловкие и смелые аферисты предпринимали даже не всегда очень благовидные экспедиции с «коммерческими» целями в соседние Сиам, Тонкин и Нидерландскую Индию.

Понятно, почему голландцы, выпуская на свободу Парыгина, особенно озаботились тем, чтобы гарантировать себя против поселения этого деятеля у них под носом в Сингапуре. Для достижения этой цели голландские власти предложили Парыгина из его тюрьмы в Семаранге перевести на голландский пароход, идущий в Амстердам или Роттердам на Паданг (о. Суматра), минуя Сингапур. Из Голландии Парыгина имелось в виду отправить в Россию.

Комбинация эта, впоследствии и осуществившаяся, имела, кроме своей практичности, еще и двоякое преимущество: она в одинаковой степени удовлетворяла обе заинтересованные стороны — голландцев, которые, таким образом, фактически получали обеспечение в том, что

* Новое наступление (*фр.*).

«Парыган» навеки покончил свою роль в Индии, и самого героя нашего. Действительно, Парыгин неустанно и упорно всем и каждому твердил, повторял и писал одно: я русский подданный, в России я никакой вины за собою не знаю и ничего никогда не совершил там преступного или предосудительного. Пусть меня освободят из голландского плена и препроводят на родину в Россию.

После продолжительных переговоров, которые на несколько месяцев еще задержали Парыгина в Индии, пока не достигнуто было соглашение по вопросу, каким путем и образом его отправить в Европу, амнистированного героя нашего в 1899 г., наконец, окончательно выпустили на свободу. Его на голландском пароходе доставили в Порт-Саид, а оттуда препроводили в Россию уже на русском пароходе.

Глава XX

«Независимые» государства центральной Явы: империя Суракарта, или Соло, и султанство Джокьякарта, или Джокджа. – В кратоне у сусухунана в Соло. – Придворный этикет, костюмы, обычаи. – Празднование дня тезоименитства нидерландской королевы в доме резидента с участием сусухунана и его двора.

В русской литературе, насколько мне известно, не существует пока самостоятельного описания внешнего типа, нравов и обычаев яванского народа. Вот почему я, в предположении, что такое описание может представить интерес для русских читателей, постараюсь нарисовать возможно полную и точную картину племенных и бытовых особенностей яванской расы.

Изучение же этих действительно своеобразных особенностей любопытно уже потому, что собственно яванцы, в числе от 17 до 18 миллионов душ, населяющие всю центральную Яву и всю восточную половину острова, являют собою самую компактную, самую многочисленную и самую выдающуюся во всей Инсулинде этнографическую группу, не лишенную притом же собственной, весьма оригинальной и древней культуры.

Яванцы среднего, скорее малого роста, но прекрасно и пропорционально сложены, с тонкими оконечностями рук и ног. Они светло-коричневого цвета, *café au lait**, хотя обыкновенно пропорция «кофе» в этой смеси преобладает над количеством «молока». Яванская аристократия несколько светлее по окраске кожи, чем низшие классы населения.

Глаза у яванцев коричневые или черные, волосы черные, лоснящиеся, *des cheveux plats*** и жесткие, собраны в шиньон и завязаны узлом на затылке. Лицо большею частью лишено всякой растительности, так что безусого и безбородого яванца на первый взгляд нелегко отличить от женщины, тем более, что и одежда, т.е. *саронг*, обмотанный вокруг бедер, у тех и других почти тождественная. Нельзя сказать, чтобы яванский тип был вообще красив; выдающиеся азиатские скулы, толстые губы, подпиленные и черные зубы, десна, красные от же-

* Кофе с молоком (*фр.*).

** Гладкие волосы (*фр.*).

вания *сифи* (бетеля), делают яванца и яванку мало привлекательными для европейского глаза. Но они грациозны, и все движения их гибки и плавны.

Вместо отсутствующей на лице растительности высшие классы наводят себе черною краскою искусственную, клином заостренную, бородку, усы, уходящие кверху острием, и такие же заостренные густые брови, не имеющие ничего естественного. Эти две темные линии бровей, начинаясь непосредственно по обе стороны носа, почти достигают висков и пропадают под искусно и живописно сложенным цветным платком, который плотно обтягивает голову и образует на лбу маленький открытый треугольник.

Благодаря таким густо намалеванным бровям, усам и эспаньолке, *plus poirs que nature**, скуластые и коричневые, например, камергеры его величества императора в Соло, в цветных *саронгах* с резкими разводами, в широких панталонах, с вопиюще колющими глаза узорами, с турнюром позади, как у женщин, с шиньонами, затканными бисером и жемчужными нитями, являют собою нечто неимоверно извращенное и исковерканное. Эти удивительные фигуры напоминают своим внешним обликом тех ларв, суккубов и инкубов**, которые порою являются во сне и кружатся в вихре ужасающего кошмара. Все эти яванские гранды и сановники в полном параде, т.е. обнаженные до пояса, согласно требованиям придворного этикета, с кривыми *крисами*, которые торчат сзади и сбоку над левым бедром, мало похожи на живых людей. Они искусственны и условны, подобно кожаным марионеткам и деревянным куклам своего национального *ваянга* (театра), которые, со своей стороны, составляют условное воспроизведение древнеяванских героических типов с угловатыми членами и изгибами преувеличенно удлиненных рук и ног, с длинными клювообразными носами и скошенными глазами.

Но... я чуть было не произнес осудительного и неосторожного приговора: чучелы эти — яванские сановники и царедворцы, вместе страшные и смешные на вид, в сущности люди не только безобидные, но еще и вполне и до тонкости благовоспитанные, конечно, по-своему. Врожденному всем яванцам приличию манер, их утонченной вежливости и сдержанности, их почтительному отношению к старшим по рангу могли бы позавидовать многие и даже очень многие европейцы, которые не всегда принадлежат к сливкам общества. Такие европейские типы зачастую-таки попадают среди многочисленных туристов, удостаивающих «диких» яванцев своим банальным посещением. Они положительно не умеют держать себя в порядочном обществе; они на каждом шагу поражают и шокируют благовоспитанных яванцев грубостью и бесцеремонностью своего обращения и уже, конечно, не в состоянии

* Неестественно черные (*фр.*).

** В древнеримской мифологии — злые духи, мужские и женские демоны.

преподать презренным «азиатам» выгодного представления о культурности высшей белой расы.

Отличительные и симпатичные черты индивидуума яванца присущи в одинаковой степени также и массе яванского народа.

Яванская толпа, даже в несколько тысяч, собранная и скученная, например, на одном тесном пространстве, по случаю какого-либо *ва-янга* с танцами или иного представления, безмолвна и чинна. Она не выдает своего присутствия не только криками, руготней или драками, но даже хотя бы сколько-нибудь громким разговором. Никакой полиции не имеется и не полагается, ибо сдерживать или «честью просить» кого бы то ни было не приходится, до того все умеют и привыкли соблюдать порядок и приличие. А между тем, такая скученная масса зрителей топчется на одном месте или просиживает на корточках 12, 18-24 часа подряд, так как яванское театральное представление обыкновенно тянется без промежутков от заката солнца до следующей вечерней зари, а то и доле, и нет никакой разумной причины, чтобы такое бесконечное «позорище» когда-либо кончилось.

В яванской толпе, падкой на всякого рода зрелища, можно наблюдать весьма разнообразные и интересные типы. Толпа почтительно раздается в стороны, когда подходят *orang-wlanda* (голландец) или какой-либо туземный сановник-регент, *ведоно*, *адипати* или *пати*. Такого высокопоставленного чиновника яванец, младший в ранге, сидя на корточках, приветствует вытягиванием вперед обеих рук, сложенных ладонями вместе, в знак глубокой почтительности. Жест этот, медленный и в то же время эффектный и широкий, изящнее турецкого салама, который состоит в поспешном, обыкновенно, прикосновении пальцами правой руки к земле и в прикладывании затем этих пальцев к сердцу и голове. Яванское приветствие именуется *sembah*.

Вообще яванские этикет и чинопочитание весьма сложны и выработаны веками и традициями. Этикет, разговорные формы языка, согласно общественному положению беседующих лиц, и строгое деление на классы во всей своей неприкосновенности сохранились еще в центральной Яве, в так называемых независимых государствах, в империи Соло, или Суракарте, и в султанстве Джокджа, или Джокьякарта.

Особенности эти, быть может, бессознательно для самих яванцев, перешли к ним еще из времен отдаленных, а именно из эпохи, когда яванцы, до XIV века исповедывавшие буддизм, были, подобно индусам, разделены на особые неравноправные касты, которые ни в какое почти соприкосновение между собою не приходили.

Быть на Яве и не видеть Соло и Джокджи равносильно посещению Рима без лицезрения папы с его двором, *guardia nobile*, полосатыми швейцарскими телохранителями и *sedia gestatoria**. Как Святой отец в Риме, так равно и *сусухунан* (яванский титул императора) — оба принад-

* Почетная гвардия, папские носилки для торжественных выходов (*ит.*).

лежат к эпохе, если не вовсе еще отжившей свой век, то несомненно к поколению, отживающему и предназначенному на полное исчезновение в более или менее отдаленном будущем. Надо спешить увидеть и то и другое, пока всесокрушающая десница беспощадной политики не стерла еще с лица земли папской легенды в Риме и императорского мифа в Соло. Рискованным и непочтительным для главы католического христианства может показаться на первый взгляд такое сопоставление и уподобление папы с тенью мусульманского Аллаха на земле, какую из себя изображает *сусухунан* на отдаленной азиатской Яве. Между тем, сближение, делаемое мною, может быть обосновано и мотивировано историческими причинами и явлениями: в самом деле, судьба пап, духовных и светских властителей, тождественна с ролью суракартских *сусухунанов*, которые тоже в свое время были независимыми государями и верховными жрецами обширной Матарамской империи, обнимавшей большую половину Явы, со включением нынешнего султанства Джокджи.

Это последнее искусственно создано было голландцами в пику императору в Соло, с целью держать сего последнего государя *en echec** и тем дробить его власть и умалить его престиж среди яванцев, в силу известного принципа *divide et impera***.

Папа в Риме и *сусухунан* в Соло — две блистательные *impuissances****, с тою лишь разницею, по моему убеждению, что созерцание суракартского *non possumus*'a**** несравненно оригинальнее и своеобразнее той неподвижной папской нетерпимости, которая в королевском Риме объединенной Италии ничего не забыла и из уроков истории ничему не научилась.

В Соло государь и народ его все забыли, ни о чем давно невозвратно минувшем не сожалеют и очень многому научились. Они прежде всего научились безусловно покоряться судьбе, которую для яванцев олицетворяют *orang-wlanda*, голландцы, почти три столетия уже владеющие Явою. Некогда могущественную империю Матарам они сокрушили, правда, не очень давно тому назад, но зато сокрушили они ее основательно и в лице султана в Джокдже создали и поставили соперника и врага императору в Соло.

В Суракартской империи не существует более поколения, которое бы помнило о Матараме и его величии, и на глазах которого совершилось бы превращение Соло и Джокджи в простые и банальные индо-голландские резидентства, подобные остальным 20 резидентствам на Яве. Следовательно, суракартским жителям вспоминать не о чем. Яванцы не додумались еще до историографии, и у них не имеется до-

* *Tenir* (держать) *en echec* — сковать (*фр.*).

** Разделяй и властвуй (*лат.*).

*** Бессилие, беспомощность (*фр.*).

**** Безвластный государь (*лат.*).

стоверной летописи событий даже не слишком отдаленной, современной эпохи. Жалеть также не приходится, хотя бы о недавнем сравнительно прошлом, о котором никто ничего точного не знает и которое по этой причине является почти столь же легендарным, как баснословны, например, записанные 8-10 веков тому назад сказания героические о подвигах богов, полубогов, принцев и богатырей национальной еще буддистской эпохи.

Голландцы, к тому же, будучи одарены светлым и практическим складом ума, а также выдающимися административными способами носителей культуры, прежде всего озаботились, ввиду требований политики, примирить и приучить к своему присутствию население поглощенных ими чисто яванских областей; затем они на практике демонстрировали народу все преимущество и пользу своего благоустроенного, либерального и отеческого режима, который самым выгодным образом заменил собою прежние беззакония и хищническую эксплуатацию туземных государей. Уже последующие, второе и третье поколения могли на себе испытать благоденствия нового белого управления, с которым яванцы быстро освоились. Голландские порядки гарантировали им их собственность, а порою и самую жизнь.

Еще популярнее стала власть голландцев, еще солиднее установилась она, когда население убедилось, что белые пришельцы оставили неприкосновенными не только нравы и обычаи страны, но что они сохранили в крае даже его национальную династию с *сусухунаном* во главе. Это была со стороны голландцев политическая и вместе дешевая уступка народному духу и консерватизму яванского государственного и общественного строя. Голландцы, поступая таким образом, ничем существенным при этом не рисковали: они изощрились распорядиться так, чтобы *сусухунан* оказался в их руках послушною куклою. Самого *сусухунана*, как видимое воплощение императорской власти, голландцы сохранили, но они подрезали ему крылья, стеснили и урегулировали проявления его дотоле безграничного произвола. Даже управление краем и суверенные права государя, как-то взимание податей и проч., по-прежнему оставлены были императору и султану — мы увидим далее, с какими существенными ограничениями и при какой обстановке.

Такое широкое отношение и подобное доверие белых господ льстило самолюбию яванцев и утешало самих государей, которые оба мнили, что они независимы и фактически управляют у себя дома.

В действительности же и тот и другой, «независимые» *сусухунан* с его соседом-султаном, обратились в фикцию и состояли в полной и притом весьма тесной зависимости от местных резидентов, как представителей высшей власти генерал-губернатора в Батавии.

Государей окружили почестями и всякою внешнею помпою и пышностью, но положили им казенное ежегодное содержание и сделали их почетными полковниками и адъютантами *туан бесафа* (господина вели-

кого, т.е. генерал-губернатора в Батавии) с правом носить мундир, присвоенный их рангу в нидерландской армии. Мундир европейского покроя весьма мало подходит к внешнему облику этих косоглазых и скуластых азиатов. Они, впрочем, при военном мундире и необычных для яванцев сапогах сохранили свой головной платок с треугольником на лбу под кэпи, что выходит довольно-таки дико и забавно. Невольно вспоминаешь, глядя на таких яванцев-офицеров, малайских кучеров в Батавии, необутых, но в ливрее, со штиблетами и цилиндром с кокардой на голове, повязанной национальным *kain kapala*.

Выше сказано, что голландцы окружили туземных государей почетом и видимыми внешними знаками власти и уважения. Но они в то же время этих государей содержат в почетном плену за саженными стенами их собственных *кратонов* (дворцов). Над кратонами и над туземными кварталами Соло и Джокджи господствуют орудия голландских фортов. В какой-нибудь час времени орудия эти, в случае надобности, могут разгромить и разнести до основания дворцы правителей и самые города. И это со стороны голландцев весьма рациональная мера предосторожности и самозащиты: в обоих государствах Суракарте и Джокьякарте голландцев не наберется и 4,500 человек, включая сюда гарнизоны и голландскую гвардию их драгун (*lijfdragonders*), численностью всего до 100 человек, состоящую под командою голландских офицеров при особе *сусухунана* и султана, будто бы для почета, а в сущности для надзора и контроля над ними.

При этом я еще раз должен подчеркнуть, что голландцы в Нидерландской Индии опираются не на штыки и держатся не в силу своей многочисленности, подобно, например, австрийцам в Боснии и Герцеговине. Они сильны единственно своим нравственным престижем высшей белой расы, обаяние же и власть свою голландцы приобрели и сумели сохранить и консолидировать, благодаря своему мудрому управлению и гуманному обращению с подвластными им туземцами.

Голландцы не совершили в своих владениях той ошибки, о которой ныне еще глубоко сожалеют очень многие англичане в Британской Индии, где туземные независимые государи содержат свою армию, будто бы долженствующую служить вспомогательным войском для английских оккупационных войск в Индии. Как известно, мнения о военной организации и о боевых способностях этих вспомогательных контингентов весьма различны, но в одном пункте все, по-видимому, сходится, не исключая и самих англичан, а именно в том, что, в случае войны с иноземным врагом, вторгающимся в пределы Индии, доверия к этим туземным воинам англичане никакого иметь не могут. Иные даже прямо утверждают, что эти туземные войска первым делом обратят свое оружие против самих англичан.

Голландцы благоразумно отклоняли для себя подобные риск и опасность. Нидерландская колониальная армия состоит, правда, из различных европейских и азиатских элементов, но она составляет единое

дисциплинированное целое, и входящие в оную яванцы, амбонцы, мадурцы и прочие туземцы вполне ассимилированы и лояльны.

Те же войска, которые голландцами оставлены *сусухунану* и султану, вполне безвредны, как о том сказано было в письме XIV.

Интересный мирок древней Явы — Суракарту и Джокьякарту, сохранившие свою оригинальную *couleur locale**, я имел случай увидеть и изучить на месте, так сказать, у самого источника, и при том при условиях и обстановке, лучше которых и желать было нельзя.

31 августа празднуется повсюду в Нидерландской Индии тезоименитство Ее Величества молодой королевы нидерландской — Вильгельмины.

Прodelав два года подряд эту официальную церемонию в Батавии, куда с этою целью приезжает генерал-губернатор из Бейтензорга для приема и парадного обеда, я в 1896 г. решил присутствовать в Соло на этом торжестве. Для этого я воспользовался данными мне генеральным секретарем и вице-президентом совета Индии рекомендательными письмами к резиденту в Соло, юнкхеру.

Мне в Батавии и Бейтензорге настойчиво советовали побывать в Соло именно 31 августа, уверяя меня, что зрелище, которое я там увижу, в высшей степени любопытно, и что я в своем решении не раскаюсь.

Я был, признаюсь, сильно заинтересован описаниями лиц, уже побывавших в Соло, но боялся я лишь одного, как бы это собственно голландское национальное торжество, хотя и справляемое на чисто яванской почве, не оказалось слишком обьевропеизированным и вследствие сего банальным. К счастью, опасения мои не оправдались.

Я выехал 29 августа в 6 часов утра из Батавии со скорым поездом, шедшим в Сурабаю, и к 7 часам вечера прибыл на ночлег в Маос. Поезда железной дороги на Яве ходят лишь днем от утренней до вечерней зари, после же 7 часов вечера всякое движение прекращается, так что волею-неволею приходилось переночевать в Маосе. Перспектива эта не представляла ничего привлекательного, так как станция Маос лежит на болотистой и безлюдной местности, среди непроходимых джунглей и *фава* (трясин), в расстоянии всего каких-нибудь 15 км от пресловутого Чилачапа, города, расположенного на южном и пустынном берегу Явы. Город этот слывет *weit und breit***, и недаром, гнездом самых тяжких и опасных лихорадок на всей Яве. Он до того нездоров, что голландцы вынуждены были удалить из города гарнизон и значительно сократить срок пребывания там своих резидентов, контролеров и пр. чиновников. Злокачественная и упорная чилачапская лихорадка обладает еще тою особенностью, что составляет не статью местного потребления, а, так сказать, *article d'exportation****. В самом деле,

* Местный колорит.

** Повсюду (нем.).

*** Статья экспорта (фр.).

человек может в Чилачапе просуществовать день, неделю, один месяц, целый год совершенно безнаказанно, не ощущая ни малейшего приступа малярии. Лихорадка обнаруживается и уже не покидает вас лишь после того, как вы из Чилачапа выехали.

Благодаря близости этого злополучного инфекционного гнезда, Маос, лежащий среди болот по местности, открытой южным ветрам, тоже не пользуется завидною репутациею.

За час до приближения к этому фатальному Маосу можно было наблюдать в поезде нашем оригинальное зрелище людей, которые заранее принимали меры предосторожности. Пассажиры один за другим исчезали в туалетной, где, как я узнал впоследствии, они надевали на себя предохранительные фланелевые набрюшники, ибо первое и главное условие состоит в том, чтобы как-нибудь не простудить желудка, иначе, кроме малярии, можно схватить еще дизентерию или холеру. Затем мужчины и дамы приняли кто хинные порошки или пилюли, кто хинные капли д-ра де Фрей.

ОТЕЛЬ в Маосе, построенный и содержащийся на средства правительства, оказался, вопреки ожиданию, новым просторным зданием с высокими комнатами и с весьма порядочною кухнею, так что не слишком тяжело было примириться с необходимостью провести одну ночь в этом Богом забытом и оставленном месте.

Уже часа за два до Маоса начались леса и непроходимые болота с зарослями камышей и папоротников, простых и древовидных. Ото всюду сильно пахло смесью разлагающегося торфа и специфическим, но неприятным до тошноты запахом грибов, сырой земли и гнили. Незримый, но обонянию ощутительный и воображению доступный призрак зловещей малярии носился над этою печальною, низменною и почти безлюдною местностью. Густой белесоватый пар неподвижно стоял над сонными трясиными по обе стороны пути. Из болот доносился металлический звон лягушек, которые как-то гогочут, издавая звуки, схожие с ударом в колокол. Вся эта южная часть Преангерского регентства вообще очень жидко заселена вследствие именно своего чрезвычайно нездорового климата. Впрочем, весь южный берег Явы, обращенный в сторону Австралии, также почти безлюден. Городов, за исключением одного Чилачапа, не попадаетея вовсе. Имеются одни лишь незначительные поселения да деревушки, заселенные рыбаками.

Путешествие на Яве представляет собою в прекрасных и комфортабельных вагонах истинное удовольствие. Оно не так утомительно, как бы того можно было ожидать при здешней тропической температуре, и это весьма просто объясняется: начиная от Батавии, поезд постоянно идет в гору, уже после Бейтензорга (550 футов над уровнем моря) у Сукабуми и Бандунга абсолютная высота 2,200 футов, а в кульминационном пункте, за Тасикмалаей, она достигает 3,000 футов. Несмотря на палящее солнце, пыль и удушливый запах скверного угля, которым отапливаются паровозы, температура все-таки сравнительно све-

жая, продувает отовсюду, здоровый горный ветерок освежает и значительно разнится от того *soi-disant** воздуха, который в Батавии и на берегу с усилием проникает в наши легкие, будто проходя сквозь слой сырой ваты, герметически приложенной к вашим устам.

С трехтысячной высоты поезд постепенно спускается к Маосу, и тут вы снова дышите сквозь обычную вату, да еще с примесью неблагоприятных и неугодных эманаций *triple extrait de Java***. После Маоса вплоть до Джокджи и Соло тоже еще сносно. За Соло начинаются почти вплоть до Сурабаи необозримые роскошные поля и равнины, на которых возделывается сахарный тростник, и здесь под палящим тропическим солнцем передвигаться далеко уже не столь отраднo. Как бы то ни было, я еще раз мог констатировать с удовлетворением, что на участке Батавия — Соло, по крайней мере, тропическая жара есть миф и предрассудок, и что в Италии, например, в июле месяце между Венецией и Римом путешествовать много неприятнее и теплее, хотя итальянская жара сухая и от яванской различная.

Голландцы и индо-голландцы, которые по отношению всего того, что касается их ни с чем не сравнимой Явы, обретаются в состоянии хронического гипноза и восхищения, давно уже и усиленно расхваливали мне очарования природы и местности внутри острова по линии железного пути в Сурабаю. Они смело и, очевидно, с искренним убеждением утверждали, что по живописности, грандиозности и разнообразию видов нигде во всей вселенной не существует местности, подобной участку от Сукабуми до Маоса через регентство Преангер. Прославленная, и не даром, по своей красоте линия от Коломбо до Канди на о. Цейлоне, даже знаменитая Канадско-Калифорнийская дорога будто бы остаются в этом отношении далеко позади, вне рекорда. Я, вследствие этих громких реклам, внушенных местным патриотизмом, ожидал увидеть нечто небывалое и изумительное. То же, что я увидел в действительности, был типичный яванский ландшафт, красивый и живописный, но не более того. Нигде я не обрел обещанных мне грандиозности и разнообразия, от совместного созерцания которых пришлось бы опустить беспомощно руки или вложить в безмолвные уста перст безусловного изумления.

Начать с того, что как раз самым существенным качеством, т.е. разнообразием видов, линия Батавия — Маос не изобилует. Господствующая всюду нотка, от которой яванская природа редко отступает, это действительно не поддающееся никакому точному описанию изумительное богатство и роскошь растительности. Но отличительные черты этого бьющего через край изобилия вечно и повсюду тождественны: группы кокосовых и иных пальм, букеты изящных бамбуков, аллея из тамариндов или деревьев *канару*, раскидистые гигантские *Arthocarpus* и

*Так называемого (*фр.*).

**Трех запахов Явы (*фр.*).

Ficus indica, растрепанные с будто изрезанными и полинявшими листьями кусты *musa* (банановые деревья), юкка, папоротники, полное отсутствие цветов или же ярко-красные цветы *flamboyants*, растущие на деревьях на недостижимой высоте. В сырых местах и низинах появляются еще элегантные древовидные папоротники, камыш и иные болотные растения. Порою бесконечно вдаль и вширь тянутся *sawahs* (рисовые плантации). Они расположены по обеим сторонам пути террасообразно; своими выступами и каскадами со ступеньки на ступеньку переливающейся оросительной воды *sawahs* эти прерывают однообразие сплошного мохнатого и густо сплотившегося тропического леса. Но рисовых полей слишком уже много попадаетея всюду, по склонам гор, в равнинах и низинах, — они утомляют своею монотонностью. Смотри по степени зрелости, рисовые злаки образуют живую гамму зелени, идущей от нежного бледно-зеленого цвета молодых всходов до интенсивного изумруда, переходящего в желтовато-золотые отливы риса, уже созревшего и ожидающего жатвы; затем снова пальмы и бамбук, бамбук и пальмы попеременно с вечнозелеными *sawahs*, и так до бесконечности с двумя лишь почти одинаковыми зелеными нотами в этой роскошной гамме тропической флоры.

Живой, текущей воды мало, кое-где незначительные горные ручейки да мутные бурые *кали*, не то каналы, не то речки, озер не встречается вовсе. Отсутствуют также столь живописные рыжие и серые скалы с золотисто-фиолетовыми отливами при восхождении и закате солнца. Горы, даже вулканы, еще ныне действующие, которые далее за Бандунгом своею причудливою массою окаймляют горизонт, покрыты от подошвы до вершины сплошною зеленою растительностью. Все это вносит в ландшафт своеобразную прелесть, но мало разнообразия.

Есть, конечно, на протяжении линии особенно эффектные пункты. К числу самых живописных и единственных в своем роде следует отнести Лелес. С высоты виадука, извивающегося среди гор и ущелий на уровне до 3,000 футов над морем, внезапно слева открывается глубоко внизу под горою обширная равнина, состоящая из серии спускающихся одно в другое уступами рисовых полей. Поля эти исчезают под водою, и островками выступают из *sawahs* остроконечные холмики, увенчанные ширококораскидистою кроною пальм. На холмиках среди зелени, отражающейся в недвижной воде, в живописном беспорядке разбросаны хижины малайских *кампонгов*.

Здесь кульминационный пункт всего участка, а равно и суммы впечатлений, собранных в продолжение пути. Ничто уже вплоть до самой Сурабаи не может по своей оригинальной своеобразности сравниться с этим уголком чисто яванского *Stilleben**.

Железнодорожные сооружения, мосты, туннели, виадуки, облицовка и закрепление сползающей почвы и пр. по всей линии исполне-

* Здесь: ландшафта (нем.).

ны с чисто голландскими солидностью и аккуратностью, и я вполне верю, что сооружения эти, представившие по условиям пересеченной местности немалые затруднения, выполнены голландскими инженерами самым блистательным образом.

Резюмируя свои личные впечатления, я должен оговорить, что столь расхваливаемая голландцами живописность яванского пейзажа далеко уступает, не говорю уже, швейцарским видам или вечно меняющимся *aragus** несравненной Ривьеры; яванский ландшафт не выдерживает сравнения даже с природными красотами, столь щедрою рукою рассыпанными в Зальц-Камергуте, Тироле или хотя бы в сравнительно мало известной и мало еще посещаемой Боснии и Герцеговине, как, напр., на участке Коньница-Яблоница в долине р. Неретвы.

Вся Ява, от Батавии до Сурабаи, на протяжении до 800 километров, представляется изумленным и несколько утомленным глазам туриста в виде одного сплошного девственного леса, который кое-как с грехом пополам и спешно расчищен. В расчищенных местах своих лес этот превратился в парк, люди поторопились проложить железные дороги, телеграф, шоссе, пути, тут же на удачу разбросаны *кампонги* (села), домики и даже целые города. Все это утопает и исчезает в зелени, имея над собою зеленые султаны все тех же неизбежных пальм и тамариндов. Даже Батавия и прочие города более или менее европейского типа расположены среди садов и плантаций на пространстве, очевидно отвоеванном от посягательств всеобъемлющего некогда девственного леса. Люди именно поспешили своими сооружениями жилых мест и путей сообщений: так и сдается, что, при малейших оплошности и недосмотре со стороны человека, лес этот, насильно отодвинутый, способен снова перейти в угрожающее наступление и задушить в своих зеленых объятиях расчищенные участки с их населенными центрами, которые могущественная тропическая растительность постоянно рекламирует, как свою законную собственность, насильно от нее отторгнутую.

Русский критик французского *Journal de S.-Petersbourg*, помнится, по поводу первого письма моего из Батавии, в котором я сравнивал яванский тропический лес с мистическим садом *Paradou* в книге Золя *La faute de l'abbé Mouret***, не одобрил меня за мое отрицательное отношение к очарованиям тропической природы, а ведь тропиками принято вообще захлебываться от восторга. Глубоко скорблю, что не угодил г. критику, но мнения и заключения своего относительно оспариваемого пункта я изменить не могу, даже после пятилетнего пребывания на Яве. Прибавлю в свое оправдание, что не на меня одного тропическая растительность, которая в сущности собою и резюмирует всю тропическую природу, с первого же момента произвела и продолжает произ-

* Виды (*фр.*).

** «Проступок аббата Муре» (*фр.*).

водить захватывающее впечатление чего-то стихийного, она в своей подавляющей трагичности и агрессивности просто страшна и *unheimlich* — жутка.

Сколько раз знакомые мне европейские туристы, впервые посетившие Яву и тропики, вообще выражали почти в тожественных словах то же испытываемое и мною впечатление стесняющей жуткости.

Самого поверхностного наблюдателя не может не поразить на Яве чрезвычайная многолюдность населения. Не сотнями, а прямо целыми тысячами передвигаются люди пешком, верхом и в телегах по большим дорогам и по всем направлениям. На станциях и даже полустанках, среди леса или в поле, всюду толпится народ. Это крестьяне, работники, пассажиры и простые зеваки. Туземцы вдоль платформ разносят плоды, молоко, рис и разную более или менее подозрительного вида снедь. В базарные дни масса народа особенно возрастает, площади городков, селений и мелких населенных мест буквально кишат народом, здесь толпятся уже десятки тысяч человек, которые продают и покупают, оживленно разговаривают, но без гама и суеты, степенно и спокойно. Видно, голландская флегма и аккуратность отразились также и на мало демонстративных по природе туземцах.

Второе, что поражает туриста, и притом самым приятным и симпатичным образом, это бросающиеся всюду в глаза порядок, благоустройство и чистота. Удобные, изящные железнодорожные вагоны, приличные, а иногда и роскошные станции с садиками и зеленью, беленькие аппетитные домики городов и даже убогие хижины малайцев, окаймляющие полотно рельсового пути, все это замечательно мило и опрятно в своей игрушечной миниатюрности. Шоссейные дороги, засаженные деревьями по обеим сторонам, мосты и прочие сооружения содержатся в примерном порядке, поезда ходят не торопясь, но правильно и не опаздывая, без столкновений и приключений. Словом, это, от Батавии до Сурабаи и всюду внутри страны, даже в стороне от главных проездных путей, та же, только тропическая Голландия, до того все здесь аккуратно, прилизано и подчищено. Турист может быть уверен, что он повсюду на Яве, даже в сердце края и в глуши, найдет вполне приличное и, главное, безукоризненно чистое помещение в гостинице или в *пасапграхане* — этом индо-нидерландском *bungalow**. Пища, конечно, плоховата, и к индо-голландскому меню привыкнуть человеку свежему нелегко, но это составляет подробность и неизбежное зло, с которым во внимание ко всему прочему не трудно с признательностью примириться.

Но вот поезд вступает на территорию независимых *Vorstenlanden*. Картина моментально меняется. Если вы не следили за расписанием железнодорожных станций и потому не знаете, что находитесь в пределах его величества *сусухунана*, то одного беглого взгляда из окна ваго-

* Бунгало — небольшой загородный дом, обычно одноэтажный (англ.).

на на окружающую толпу и обстановку достаточно, чтобы убедиться в этом неутешительном факте.

«Station Solo!» — выкрикивает кондуктор, и поезд останавливается. Вы приехали, но куда? Станционное здание мизерное и грязное, стены потрескались, потеряли штукатурку и загажены, на платформе снуют какие-то оборванцы с дикими физиономиями, шум, гам, толкотня, вонь и полная анархия. Да, это уже не безукоризненные резидентства с голландскою опрятностью и порядком, через которые вы до сих пор проезжали, с одобрением присматриваясь ко всему и мысленно благодаря голландцев за то, что они все так прекрасно устроили. Здесь «независимое» государство, администрация которого находится в руках туземного азиатского правителя. Оно и видно, прощай благоустройство, вы вступили в полосу, в которой господствует мерзость запустения.

За вокзалом, сейчас же против грязной и топкой площади, начинается эта мерзость. Туземные базары жалкие и бедные. Это ряды бамбуковых ларей с товаром последнего разбора. Улицы и площади кишат крайне неопрятным народом. У всех какое-то тупое и сосредоточенно-подавленное выражение лиц. Еще бы им и не быть подавленными. Император дерет три шкуры со своих подданных, и злополучные суракты изнемогают под бременем налогов и такс.

Торговли и промышленности в Аллахом хранимом городе Соло нет никакой; люди живут изо дня в день на медные гроши, благо еще рис и бананы доступны в цене, а большего им и не надо.

Улицы темны, узки и непомерно грязны, на них свалены всякого рода нечистоты, а жители и обыватели, со своей стороны, посреди улиц, согам *ropulo**, предаются своим обычным домашним занятиям, тоже чистотою не отличающимся. Не могу не упомянуть здесь об одном специально и специфически малайском и яванском упражнении. Туземная женщина сидит у порога своей хижины, то есть, собственно говоря, на улице, и усердно копается в голове другой яванки, стоящей перед нею на корточках. Она ищет и, конечно, находит, и даже в изобилии, насекомых, которых лучше не называть по имени. Это бы еще ничего — подобные уличные сцены можно наблюдать и в Неаполе, в бедных и популярных кварталах. Неаполитанки, однако, благоразумно ограничиваются одною поимкою мелкой дичи, яванки идут до предела, дальше которого уже идти нельзя: они, вероятно, в виде компенсации за свой труд, с очевидным аппетитом и наслаждением кушают пойманных насекомых! Только и видны учащенные жесты руки, подносящей от головы ко рту лакомую, по-видимому, добычу! Такое зрелище можно сплошь да рядом увидеть на Яве и притом не в одних лишь сурак-картских пределах, отличающихся своею нечистоплотностью вообще, даже в малайских кварталах Батавии турист, который впервые удостоится видеть подобное времяпровождение, сперва не верит своим гла-

* На глазах у всех (*лат.*).

зам, а затем с отвращением отворачивается, убедившись, что это не фантасмагория.

Улицы в Соло окаймлены по сторонам отчаянными открытыми лачугами, покосившимися набок, так как стены давно дали трещину, а крыша протекает, починить же не на что, да и к чему! Некоторые более других жалкие домишки из бамбука без штукатурки наполовину ушли в землю. И всюду на площадях и улицах перед лачугами и в самых домах кишмя кишат оборванные дикообразные яванцы. Это было предместье Соло; оно по своему одичавшему и истрепанному виду ужасно живо напоминало мне таковой же жидовский и цыганский квартал в Яссах с его зловонием, грязью и скученностью в жилых помещениях.

В центре города много приличнее и лучше. По четырем фасам обширной площади, среди которой возвышается из-за высоких стен громада императорского *кратона* (дворца), образовался новый город. Тут живут голландцы, и слава Богу, это, по крайней мере, вполне благообразно и составляет приятный контраст с туземными кварталами. Здесь два отеля, кирка, *societeit* (клуб), европейские магазины, домики офицеров и чиновников. Дом резидента тут же недалеко от лучшего отеля. Не помню уже, которой из двух гостиниц я отдал предпочтение, но это безразлично: рекомендовать и ту и другую я по совести не могу, ибо обе хуже. Но я рад был уже тому, что вообще мог отыскать помещение, так как по случаю торжества 31 августа город был переполнен приезжими любопытными и соседними плантаторами с их семьями.

Резидент принял меня 30 августа чрезвычайно любезно, в урочный для голландцев час, от 7 до 8 вечера. Юнкхеер Х. С-ма весьма представительный господин с изящными манерами светского человека. Правительство предпочтительно перед другими личностями посылает в Соло и Джокдзу людей благовоспитанных, так как *сусухунан* и яванские гранды, сами изучившие и практикующие все тонкости этикета, особенно ценят приличное воспитание и изящные манеры. А так как, кроме того, положение резидентов в обоих *Vorstenlanden* весьма деликатное, требующее вместе энергии и мягкого такта, то резидентами при императоре и султанах обыкновенно назначаются люди интеллигентные и одаренные дипломатическими способностями и тактом. Обладая всеми этими достоинствами, юнкхеер Х. С-ма, ловкий и способный политик и администратор, был как раз на своем месте и пользовался в Соло по заслугам всеобщим уважением, а также большим влиянием на императора.

Задача такого голландского представителя нелегкая. Это, собственно говоря, высшая акробатия: он должен держать себя так, чтобы не дать почувствовать ни государю, ни его народу, что фактическая власть находится в его, резидента, руках. В теории и по внешней видимости резидент есть не более, как дипломатический представитель и «советник», аккредитованный колониальным управлением при особах «независимых» государей так называемых *Vorstenlanden*. Своими дей-

ствиями и отношениями к государям резидент должен поддерживать эту фикцию дипломатического представительства при независимых суверенах. В действительности же императору и султану предоставлены одни лишь внешние атрибуты суверенной власти: они лишь указывают и декретируют, не вмешиваясь собственною особою в дела внутреннего управления. Для этой цели существуют в Соло и в Джокдже специальные органы, облеченные исполнительною властью; это — так называемые голландским термином *Rijksbestuurder* с титулом *раден адипати*, т.е. буквально «администраторы государства», нечто, напоминающее *maitres du palais** французской средневековой истории или тех регентов, которые за малолетством правителей временно поставлены были во главе управления в различных государствах. Эти администраторы в Соло и в Джокдже вещают народу державную волю его государей, они взимают подати и налоги, назначают и сменяют туземных чиновников, судей и проч. Эти сановники, на жалованье из Батавии служат посредниками между властителями, голландским управлением в лице резидентов в Соло и Джокдже и высшею инстанцією — генерал-губернатором в Бейтензорге. Но эти яванские *maitres du palais*, подобно своим повелителям, *сусухунану* и султану, состоят под контролем резидента, который из-за кулис руководит всеми этими коричневыми куклами и, не подавая вида, всем и всеми распоряжается.

Дабы поставить туземного правителя в еще более тесную от себя зависимость, практичные голландцы, к тому же не располагающие, как известно, достаточно внушительным военным аппаратом, придумали еще целый ряд весьма искусных комбинаций: так, они содержат государей в почетном заключении, окружили их особы голландскою лейб-гвардиею и проч. Но перлом изворотливости голландского ума должно признать следующий ловкий и политичный фокус: пользуясь тем, что в центральной Яве, как везде на азиатском Востоке, престолонаследие не обеспечено благодаря раздорам среди членов семейства царствующей династии, голландцы, с первого же момента после своего утверждения в Соло и в Джокдже и до сего дня, последовательно и систематично воспитывали, так сказать, и держали наготове и в оппозиции *сусухунану* и султану кого-либо из младших членов суверенного дома, племянника, двоюродного брата или иного какого-либо родственника обоих правителей.

В Соло в качестве пугала и постоянного *memento*** по адресу *сусухунана* состоял (ныне умерший) принц императорской крови из младшей линии — Мангко Негоро***. Официальным и признанным, т.е. терпимым государем, пока он держал себя корректно, был его величество *сусухунан*. Но рядом с императором и тоже под протекциею и опекою

* Майордом (*фр.*).

** Напоминание (*лат.*).

*** Ныне принятое написание — Мангкунегара.

голландской власти существовал на голландском жалованье официозный, так сказать, кандидат на императорский престол. *Сусухунан* знал, что во всякое время, если он подаст повод к неудовольствию, голландцы могут его удалить и посадить на престол послушное и преданное им орудие, *антисусухунана* — принца Мангко Негоро. И *сусухунан*, ввиду этого живого напоминания в лице своего родственника, сдерживал свои дикие порывы азиатского деспота и поневоле соблюдал лояльность и покорность.

С другой стороны, чтобы свою креатуру, *антисусухунана*, оградить от оскорблений при дворе императора, который на особе Мангко Негоро вымещал свою бессильную злобу, требуя от него, как от «подданного», неукоснительного ползания в своем августейшем присутствии, вместе с иными оскорбительными кривляниями яванского этикета, голландцы произвели Мангко Негоро в чин подполковника. Они сделали, кроме того, принца почетным адъютантом генерал-губернатора и поставили непременно условием, чтобы Мангко Негоро постоянно носил мундир. Мундир штаб-офицера нидерландской армии должен был обеспечить и действительно оградил принца от тех унижений, которые при других условиях ему непременно уготовала бы, при каждом появлении Мангко Негоро при дворе, изобретательная мелочность его милостивого суверена, а в душе непримиримого соперника и врага. Мангко Негоро является ко двору в форме подполковника и притом пользуется должным ему почетом и уважением, так как, кроме своего высокого военного ранга, имеет еще авантаж быть принцем крови, с несомненными и неоспоримыми правами на определенное место в свите императора.

Таким образом, голландцы сразу достигли двух результатов: не брюскируя* *сусухунана*, который, благодаря глубокомысленной комбинации с *антисусухунаном*, находится в состоянии хронического раздражения, они в то же время закрыли двери всяким случайностям и обеспечили себе повиновение и преданность официозного претендента, содержимого в запасе про всякий случай.

Вообще политические смысл и такт, выказываемые голландцами, поистине изумительны и достойны подражания. Можно бы специально рекомендовать эту бархатную голландскую лапу со скрытыми под нею когтями высокомерным английским правителям в Индии и английским резидентам, которые при дворах туземных государей умеют показывать одни лишь свои хищные когти.

Несмотря на внешний почет, которым даже голландские власти стараются окружать *сусухунана*, император, можно утверждать, живет узником в стенах своего обширного *кратона*. Так как азиатский этикет вообще, будь это в Турции, Персии или Китае, воспрещает государю приходить со своим народом в более близкое соприкосновение, то

* Грубо обходиться с кем-либо (*фр.*).

голландцы воспользовались этим древним обыкновением с тем, чтобы завладеть священной особой *сусухунана*. Император никуда не выезжает, не предварив о том резидента; визиты он делает при строго соблюдаемом этикете одному резиденту. Государь не может даже выехать на побывку в свою загородную дачу в часе расстояния от города, не испросив сперва на то разрешения у резидента. Отлучиться же вовсе из своей резиденции и посетить хотя бы своего соседа, султана в Джокдже, император не имеет права — это было бы противно яванскому обычаю.

Еще одна характерная особенность. Когда-то, во время оно, один из императоров был отравлен своими придворными или родственниками. Это в Соло и вообще на Востоке явление обычное, и даже нынешний государь постоянно дрожит за свою жизнь. Преемник отравленного правителя, во избежание таковой же участи, попросил резидента дозволить, чтобы на будущее время кушанье для императора было приготавливаемо на резидентской кухне, откуда оно потом под конвоем отправлялось бы в *кратон*.

Голландцы пожелали и впоследствии сохранить этот обычай и прибавили еще одно, на этот раз уже кулинарного свойства, звено к цепи, связывающей *сусухунана* с резидентом.

И ныне еще можно в Соло наблюдать следующее любопытное зрелище: ровно в полдень из ворот *кратона* выступает целая процессия, медленно и торжественно направляясь к дому, или, вернее, в сторону, где расположена кухня резидента.

Какие-то фантастические яванские чучела в конусообразных цветных шапочках (*кулук*) из рыбьего пузыря, с развешивающимися *сафонгами* и шароварами, с *крисами* за спиною, несут серебряные и золотые блюда с крышками; это мундшенки и тафельдекеры его величества. Над августейшими блюдами другие чины двора в таком же снаряжении высоко держат императорский желтого шелка *пайонг* (зонтик). Зонтики, как известно, различно изукрашенные и расписанные, смотря по рангу собственника, составляют также и на Яве неизбежный внешний атрибут официальных лиц и людей, власть имущих. Голландцы, для усиления своего престижа, усвоили этот обычай: их чиновники и сановники также имеют присвоенные их рангу расписные *пайонги* и *пайонгосцев*.

Получив из кухни резидента императорскую порцию *наси* (вареного риса) и прочие кушанья, процессия тем же путем и порядком возвращается обратно и исчезает в воротах *кратона*, которые вслед за нею затворяются.

Благо я коснулся *сусухунана* и того *modus'a procedendi*, которого в управлении «независимыми», *Vorstenland'*ами придерживаются голландцы, скажу здесь, дабы к сему предмету более не возвращаться, что император получает от правительства ежегодную субсидию или *liste civile* до 800,000 гульденов. Мангко Негоро имеет до 100,000, на содер-

жание так называемого легиона его имени отпускается еще 60-70 тысяч гульденов, на содержание остальных принцев крови положено еще до 275,000 гульденов в год.

Прибавлю, что *сусухунан* постоянно в долгу, он то и дело испрашивает авансы у правительства, которое не отказывает в выдаче денег, но тем еще более связывает суракартского правителя по рукам и ногам.

Султан в Джокдже получает до 475,000 гульд. *liste civile*, наследный принц до 20,000 гульденов.

Эта забава, т.е. поддержание легенды и фикции о существовании «независимых» государств в центре Явы, обходится колониальному управлению довольно-таки дорого. Но правительство королевы предпочитает нести эти расходы, чем, совершить аннексию *pur et simple** обоих *Vorstenlanden*, что могло бы вызвать всеобщее неудовольствие и, пожалуй, вооруженное восстание в смирном дотоле крае. Да и к чему устранять никому в сущности не мешающее подобие династии, которая в Соло и Джокдже так блистательно... бездействует!

Не следует никогда упускать из виду, что европейцев, т.е. голландцев — гражданских и военных чинов, в обоих государствах насчитывается всего до 4,200-4,500 человек при общем туземном населении в Соло до полутора миллиона на пространстве 113 квадратных миль, и в Джокьякарте до 600,000 жителей на протяжении 56 миль. Спрашивается, что могла бы сделать такая горсть белых людей в случае серьезной опасности?

Голландское правительство вознаграждает себя за свои расходы по содержанию *сусухунана* и султана отчасти тем, что взимает в крае пошлины с поступающих податей, отдает на откуп соль, опиум и земельные участки для эксплуатации минеральных богатств и проч.

Голландская власть в провинции Суракарта в лице резидента, секретаря, 2-х канцелярских чиновника и ассистент-резидента, ведает административные дела, судебные и прочие интересы исключительно европейцев, китайцев и азиатов, не состоящих в подданстве *сусухунана*.

Делами собственно подданных его величества заведует верховная судебная комиссия в Соло, именуемая *pradoto negoro*, под председательством «администратора государства» и при 6 *тумонггонгах* (туземных регентах) в качестве членов совета.

Но совет этот подносит сперва все судебные акты на разбирательство резидента и испрашивает его подпись. Приговоры совета подлежат утверждению резидента в течение трех суток после состоявшегося решения. Для совершения смертной казни над подданным *сусухунана* испрашивается специальное разрешение генерал-губернатора.

Для заведывания имущественными и иными интересами принца Мангко Негоро существует в городе Ваногيري особый *прадото*, сравненный в правах с императорским верховным *прадото* в Соло.

* Просто и неприкрыто (*фр.*).

Подобные же учреждения введены голландцами также и в соседнем султанстве Джокьякартском. Только общественное благоустройство и благосостояние поставлены там на более высокую степень, чем в Суракартской империи, быть может, потому, что Джокджа вдвое меньше Соло, с населением также вдвое менее многочисленным.

Резидент предложил мне представиться *сусухунану* в тот же вечер в 9 часов. Он пригласил меня в следующий высокотожественный день к себе на ужин и на бал, удостоенные присутствия императора и его свиты. «К *сусухунану* надо явиться во фраке при орденах, он ужасно это любит, как вы будете иметь случай в том убедиться. За вами заедет поручик Г., командир лейб-драгун. Беседовать вам придется с *сусухунаном* на малайском языке, он по-голландски не понимает», — довершил резидент свои инструкции и спросил еще: «Надеюсь, что вы по-малайски говорите свободно, успели научиться?»

— То есть я знаю вульгарный малайский язык, тот, на котором говорю со своею прислугою, а ведь с императором нельзя объясняться, как с простым *спенном* (первый служитель в доме), и надо употреблять высокое наречие малайского языка *le haut malais*. Как же быть? — ответил я не без смущения.

— О, это пустяки, не тревожьтесь. *Сусухунан* тот же... *спенн*, — чуть было не обмолвился резидент, но тут же быстро поправился и прибавил с улыбкою: — Тот же *inlander* (туземец), только высокого ранга, говорите с ним, как умеете, титулуя его *туан** *сусухунан*, а жену его, императрицу, *туан фату* — вот и все.

Я быстро простился с любезным хозяином, было уже 8 часов вечера, а к девяти меня ожидал император.

— Ах, кстати, вы, конечно, заключаете по смыслу моего приглашения, что к ужину надо явиться часам к десяти, — остановил меня в дверях резидент, — но это было бы глубокое заблуждение: празднество у меня начнется уже в шестом часу, и я в вашем же интересе очень бы вам советовал быть здесь уже в 5 часов, если вы желаете посмотреть на торжественную процессию выезда из *кратона* и прибытия в резидентский дом императора с его многочисленною свитою. Надо вам сказать, что *сусухунан* чрезвычайно дорожит присвоенным его рангу пушечным салютом с крепости, а так как по захождении солнца салюта уже не полагается, то *сусухунан* выступает из дворца в 5 часов и будет здесь к 5 с половиной часам.

Поручик лейб-драгунского эскорта Г. заехал за мною, как было условлено, и мы ровно в 9 часов въезжали во внутреннюю *enceinte*** обширного, окруженного высокими стенами *кратона*, где под *пендопо* (передняя крытая галерея), довольно слабо освещенною тусклыми керосиновыми лампами, нас ожидали братья его величества и другие высо-

* Господин (*мал.*); *фату* — государыня, королева (*мал.*).

** Огороженная территория (*фр.*).

кие сановники его двора. На каменных плитах на корточках восседали группами телохранители, часовые и прочие члены и чины многочисленного придворного штата. Все они кланялись нам по-явански, простирая вперед от высоты лба руки, сложенные ладонями вместе. Исполняющие должность церемониймейстеров ввели нас в огромных размеров зал, отделанный наполовину в яванском, наполовину в сомнительном европейском вкусе с европейской мебелью, люстрами, лампами, статуэтками из позолоченного гипса и прочею салонною обстановкою, собранною со всех концов Европы немножко наугад. К типу яванского *кратона* этот европейский хлам третьего разбора не подходил, портя гармоничное впечатление вычурного яванского стиля: в общем получалась безвкусица и банальность. В глубине залы, на эстраде, в раззолоченных штофных креслах под желтыми *пайонгами*, восседали *сусухунан* и первая его супруга, *туан рату*, окруженные бесчисленными братьями, сыновьями и дочерьми. На мраморных плитах, у подножия трона, застыли на корточках в безмолвно благоговейном созерцании императорского величия придворные кавалеры и фрейлины. Кавалеры были, согласно требованиям придворного яванского этикета, обнажены до пояса, дамы или, скорее, женщины — и какие женщины! — одеты были менее легкомысленно. Они имели под *саронгом*, туго стянутым впереди на груди, совершенно обнаженные руки от плечей до того психологического момента, который французы именуют *la naissance des seins**.

В боковых приделах залы и в соседних апартаментах также неподвижно восседали на полу чинные бронзового цвета группы царедворцев, музыкантов, танцовщиков и танцовщиц.

Приблизившись к эстраде, мы совершили предписанные этикетом три глубоких реверанса. Император встал и, подойдя к нам, любезно раскланялся. Взяв нас за руки, он подвел и посадил меня по правую, а поручика Г. по левую сторону, и тут же представил меня императрице и членам своего семейства.

Сусухунан был в яванском костюме с необутыми ногами в расшитых золотом и бриллиантами туфлях-шлепанцах, в пестром *саронге* и бархатной черной куртке, на которой сияла звезда недавно им полученного Нидерландского Льва и еще какой-то котильонный орден небывалого типа, который оказался «домашним орденом», изобретенным его покойным отцом.

Сусухунан Паку Бувано Сенопати Ингнаголого Нгабдур Рахман Сайдин Панотогамо — еще молодой человек лет 27-28, высокого роста, стройный, скорее красивого типа лица, с тонкими губами, подвижный, нервный, с порывистою речью и движениями, с беспокойно блуждающими во все стороны глазами стального цвета. На лице его толстыми черными чертами намалеваны были борода клином, брови и усы, уxo-

* Начало груди (*фр.*).

дившие кверху острием. Император произвел на меня впечатление человека фальшивого, капризного и с норовом, при том еще упрямого и ограниченного. С таким характером резиденту, полагаю, немало придется возиться, и действительно оказалось, что сношения с *сусухунаном* не относятся к разряду легких и приятных наслаждений.

Пока император ставил мне обычные банальные вопросы — давно ли я в Батавии, откуда прибыл и проч., слуги разносили угощение, состоявшее из чая, шампанского, ликера, неизбежной в Индии «голландской воды» (*айер вланда*), т.е. аполинариса с виски. Нам подали также сигар и папирос. Из глубины второго зала доносились до нас звуки *гамеланга* (оркестра), между тем как впереди под нашими глазами выстраивались группы танцоров и миниатюрных танцовщиц в богатых цветных костюмах.

Баядерки — все девочки, чуть не дети от 10 до 13-летнего возраста, имели на головах тяжелые золотые диадемы, украшенные гирляндами цветов. На обнаженных руках и на щиколотках необутых ног красовались массивные золотые браслеты с драгоценными камнями. Вся эта женская часть кордебалета состояла из родных дочерей, племянниц и иных родственников самого императора. Эти же принцессы крови должны были на другой день у резидента, в присутствии *сусухунана*, танцевать национальные яванские танцы *бедойо* и *сримпи*.

Что сказать об особенностях яванской музыки и танцев? Я не восхищаюсь ни тем, ни другим, как не восторгался и тропическою природою. Музыка полного *гамеланга*, состоящего из 40-50 струнных и ударных инструментов, как, например, во дворце в Соло, заунывная и монотонная. Но она, по крайней мере, не оскорбляет и не терзает слуха, подобно тому оглушительному грохоту, который именуется китайскою музыкою. Долетающая до вас, из отдаления и как бы под сурдинку, мелодия яванского *гамеланга* имеет даже своеобразную прелесть — иной раз звуки еле уловимы, порою они даже как будто переходят совсем в какой-то подавленный шепот; музыку эту — я говорю музыку, ибо мелодичности в ней нет, а есть одна лишь тягучая *melopee** — можно лучше всего сравнить с запахом духов несильных, почти выдыхающихся, из категории тех, которые французы характеризуют выражением *parfum discret***.

Что же касается яванских танцев, то они неизменно производят на меня усыпительное действие своими однообразием и деланною извращенностью. Да и вряд ли можно в строгом смысле этого слова назвать танцами эти плавные и медленные эволюции одного корпуса, это ритмическое топтание на одном месте с покачиванием тела, с неестественными вывихами наружу кистей и пальцев рук, почти без участия и без движения ног. Это какое-то священнодействие, а не танцы. Про-

* Монотонное протяжное пение (*фр.*).

** Тонкий запах (*фр.*).

должительное созерцание подобных упражнений может, я полагаю, загипнотизировать непривычного зрителя, тем более, что хореографический спектакль этот обыкновенно длится по целым часам, подобно яванскому театральному представлению.

Я по счастливой случайности избежал на этот раз опасности погрузиться в гипнотический или даже просто в обыкновенный и банальный сон. Я заметил, что *сусухунан* что-то очень часто посматривал на меня не то с недоумением, не то с улыбкою; он что-то такое шептал своим приближенным, указывая на свой орден, висевший у него на шее. Я, видя эти упорные взгляды, усомнился, нет ли какого изъяна в моем туалете. И усомнился я не даром. Император, наконец, не выдержал: ткнув своим коричневым, но августейшим перстом в мой сербский крест, он заметил мне с улыбкою: «Bintang ini tida ada betoul», т. е. «Орден этот надет не так, как следует». В доказательство он велел себе принести альбом, в котором изображены были все ордена и декорации вселенной, и безошибочно разыскал в нем мой таковский крест. Оказалось, что я впопыхах перед тусклым зеркалом в отеле надел свой орден наизнанку, что не ускользнуло от зоркого глаза *сусухунана*, который, очевидно, из изучения иностранных орденов составил себе специальность и забавлялся, как ребенок, видя мое смущение и удивление.

Но тут поручик Г. счел долгом вмешаться и сделал шепотом замечание императору. *Сусухунан*, по-видимому, остался недоволен, ибо он порывистым движением закрыл злополучный альбом и почти швырнул его в широко раскрывшиеся объятия кстати подвернувшегося царедворца с неопределенными придворными функциями не то камергера, не то скорохода. Затем его величество, вероятно, с досады сплюнул в подставленную ему золотую плевальницу. Придворная фрейлина с красными от жевания *сифи* деснами приняла эту урну и, высоко держа над головою свою драгоценную ношу, отковыляла в сторону. Именно и буквально отковыляла, так как она, сидя на корточках, так и осталась сидеть и с места рысью поползла по мраморным плитам, откидывая в стороны необутые ноги, подобно придавленной и помятой лягушке, которая спешит укрыться от наступившего на нее сапога.

Сусухунан, успокоившись, много расспрашивал меня о России, любопытствовал узнать, как велико *негри* (государство) Рюсланд, сколько в России жителей и войска. Изумлению его не было пределов, когда он услышал, что мы можем выставить, в случае войны, до 4 миллионов воинов. *Сусухунан* начал быстро и возбужденно шептаться со своими приближенными, он, очевидно, сообщал им, что во всей *негри Вланда* (Голландии) жителей столько, сколько в России одних солдат.

После аудиенции, музыки и танцев, затянувшихся до 11 часов вечера, мы откланялись и возвратились восвояси. На следующий день предстояло много работы — la programme etait tres charge*: в 8 часов утра це-

* Была весьма напряженная программа (*фр.*).

ремония в церкви, в 9 — парад лейб-драгунов и легиона Мангко Негоро, в 11 — прием и поздравления у резидента, от 12 до 2-х визиты яванским принцам и первому министру, или *rijksbestuurder*, в 5 часов опять парадный прием у резидента. Кроме того, мне хотелось хоть бегло ознакомиться с городом. Специального осмотра я, однако, не произвел, с меня было достаточно того, что я видел по дороге, делая визиты. Я убедился, что в Соло не имеется ничего, кроме тесных и грязных улиц, да площади и бесконечно длинных и толстых стен, окружавших *кратоны* принцев и министров. В *кратонах* этих живут десятки тысяч праздного люда, состоящего из придворных чинов, прислуги, стражи, музыкантов, кордебалета, рабочих и ремесленников с их женами и детьми. Весь этот бесполезный народ содержится за счет *сусухунана* и принцев и обходится весьма дорого, так что у императора никогда денег не бывает. Он, кроме того, весьма любит покупать бриллианты и всякий европейский хлам, давать обеды, ужины и балы с европейскими угощением и выпивкою. Все эти широкие привычки и замашки обходятся, разумеется, очень дорого. *Сусухунан* поэтому постоянно забирает деньги вперед у резидента в счет своей *liste civile* и еле сводит концы с концами.

Про развод с церемонией не скажу ничего. Это была смехотворная пародия на европейский парад, благодаря немногочисленности и внешнему виду участвовавших войск, хотя туземные воины под руководством голландских инструкторов и исполняли довольно чисто и сносно различные эволюции.

У *rijksbestuurder'a* (правителя государства — титул первого министра) я нашел ту же банальную полуевропейскую обстановку со смесью азиатчины, что и во дворце *сусухунана*. Но первый министр, яванец с прекрасными манерами и чрезвычайно тонким и интеллигентным лицом, понравился мне более своего вертлявого государя. Резные и разноцветные деревянные потолки в золотом *пендопо* (передней веранде) у правителя-министра, в строго выдержанном и вычурном яванском стиле, также показались мне богаче и оригинальнее, чем в главном *кратоне*.

В 5 часов пополудни я был уже у резидента и застал полный дом приглашенных. Ровно в пять с половиной часов грянули с форта *Vastenburg* салютные пушечные выстрелы в честь императорского выхода из *кратона*. *Сусухунану* предшествовали различно и пестро костюмированные группы телохранителей с пиками и щитами, носители почетных зонтиков и золотых августейших плевалниц, оруженосцы, царедворцы, конюхи, танцоры и проч. Некоторые были в яванском костюме, другие, зеленые, красные и синие, в каком-то полуевропейском облачении XVII века, перенятом у португальцев, в башмаках и коротких штанах в обтяжку и в шляпах с перьями поверх национального ши-ньона волос и неизбежного *каин капала* (головной платок).

Гамеланг и фрейлины *сусухунана* прибыли раньше, придворные дамы на этот раз уже не приковыляли и не приползли, а прибыли в дом

резидента по образу общечеловеческого пешего хождения, благо самого императора еще не было.

Но вот является и он в золоченой по всем швам огромной карете на высоких рессорах, обитых красным штофом, с золочеными фонарями и высочайшими козлами, обтянутыми золотою парчой. Два кучера в ливреях торжественно восседали на своем седалище, шесть форейторов посажены были на шесть лошадей, запряженных цугом, а сзади на запятках помещались двое лакеев с открытыми над кузовом кареты желтыми императорскими зонтиками. Четверо скороходов рысцой бежали у дворец экипажа с такими же желтыми зонтиками.

В карете неподвижно и важно, как идол, восседал Паку Бувано... Но обрываю дальнейшее перечисление имен его величества, оно бесконечно, и я не успею кончить, ибо раздаются уже звуки чудесного нидерландского гимна *Oranje Nassauw**, и резидент в фрачном шитом золотом мундире спешит встретить своего высокого гостя у подъезда.

Оба авгура — серьезный голландец и потешный азиат, прежде всего раскланиваются друг перед другом медленно, церемонно, низко наклоняясь, затем резидент берет *сусухунана* под руку, подобно тому как у нас кавалер ведет свою даму к обеду, и оба направляются среди расступающейся и раскланивающейся публики в парадный зал, где на эстраде, под бархатным балдахином с золотым голландским гербом, поставлено два совершенно тождественных кресла. Резидент сажает *сусухунана* рядом с собою и усиленно следит за тем, как бы его гость как-нибудь не подвинулся вперед, чуть двинет свое кресло император, резидент совершает подобную же эволюцию. Свита размещается позади, по сторонам и впереди этой главной центральной группы, кто стоя, кто на корточках на полу. Свита эта — невероятная, режущая глаза и пестрая, в *са-фонгах* с узорами, широчайших бумажных шароварах с разводами, в разноцветных, смотря по рангу, конусообразных шапочках, из-под которых в заплетенных волосах кавалеров сверкают нити жемчуга и крупные бриллианты, а также в шиньонах женские полукруглые гребни, усыпанные разноцветными камнями.

По знаку *сусухунана*, далеко впереди у самой веранды размещенный на полу *гамеланг* исполняет свою заунывно-однообразную *invitation a la valse***.

Танцовщицы, все принцессы императорской крови, выдвигаются вперед и плавно, медленно, с неизбежными кривляниями и вывихами пальцев и суставов рук исполняют танцы *сфимпи* и *бедойо*.

Эти упражнения длятся полтора часа. Резидент сидит на своем троне с выражением на лице тоски и покорности судьбе, он в эту минуту священнодействует, что, очевидно, забавляет его мало. Он изредка за приложенною к лицу рукою скрывает нервный зевок. Резиденту подобный спектакль не в редкость, он видал виды, прodelьывает без всякого увлече-

* В честь царствующей Оранско-Нассауской династии.

** Приглашение к вальсе (*фр.*).

ния то же самое по несколько раз в год в экстренных случаях, *ex officio**, потому что без этого в торжественные дни обойтись нельзя. Голландская публика тоже относится равнодушно и позевывает от скуки.

Но вот ко всеобщему облегчению танцы окончились. Публика, утомленная однообразием зрелища и продолжительным сидением, шумно поднимается со своих мест и рассыпается по залам и по открытым галереям, чтобы поразмяться и покурить.

Император под руку с резидентом прогуливается и беседует на малайском языке с более выдающимися европейскими и туземными сановниками. Затем он садится рядом со своим хозяином уже за обыкновенный стол, курит и попивает прохладительные напитки, изредка сплевывая в подставленную ему услужливую рукою государственную плевальницу. У императора в руках гирлянды живых и сильно пахучих белых цветов, которые он, в знак благоволения, раздает окружающим.

После 9 часов начинаются танцы, уже европейские, под звуки балльного оркестра, и сам *сусухунан* принимает в них живое участие. Составляются кадрили и *lanciers d'honneur***, его величество танцует по очереди с резидентшею, ее дочерью, полковницею и женою президента трибунала.

Сусухунан, высокий, стройный, изящно сложенный, весьма красив и представлен в своем черном костюме португальского покроя, он кажется живою фигурою, перенесенною из XVII столетия. На нем короткая бархатная жакетка, фасона не то Фигаро, не то андалузской куртки, какую носят испанские тореадоры. На куртке ряд крупных бриллиантов заменяет собою пуговицы. Кушак также сверкает бриллиантами и драгоценными камнями. За спиною вставлен богатейший *крис* (кинжал) в золотых ножнах, весь усыпанный алмазами. На голове император имеет необычайной формы черную поярковую шляпу; она внешним видом своим напоминает шапочки католических священников, но втрое выше и имеет три раструба, закругленных фестонами. Говорят, что подобные шляпы носили в XVII столетии португальские и голландские резиденты. Бархатные лосины в обтяжку, черные шелковые чулки и башмаки с алмазными пряжками довершают этот оригинальный и эффектный костюм. Молодой *сусухунан* носит его свободно, и он в нем несравненно более авантажен, чем в тесном мундире голландского полковника. Император грациозен, все его движения исполнены какой-то будто кошачьей и ласкающей изящности, и он совершенно походил бы на юного пажа или еще на игривого *Cherubin****, если бы не неестественно густо намалеванные на лице усы, борода клином и искусственные брови, что придает его физиономии несколько дикое и даже свирепое выражение.

* По должности (*лат.*).

** Вид кадрили.

*** Керубино — персонаж оперы В.А. Моцарта «Свадьба Фигаро».

Ровно в 12 часов начался ужин. Приготовлено было в задней открытой галерее четыре или пять столов на 200 человек, и все было безукоризненно и роскошно: обстановка веранды, уставленной зеленью, цветами и крупными пальмами, декорированной флагами и залитой огнями, прекрасная сервировка, буфет и разнообразие выписанного целиком из Батавии ужина. По всему видно было, что резидент привык и умел принимать на широкую ногу.

В данный момент, когда разливали шампанское, хозяин дома и обслуги встал и по-голландски произнес тост в честь королевы, а затем и в честь своего высокого гостя. Оркестр заиграл гимн. *Сусухунан* коротко ответил на малайском языке.

После кофе и чая, сервированных на передней веранде, возобновились прерванные ужином танцы, и бал оживленно продолжался до 4 часов утра. В пятом часу *сусухунан* откланялся хозяевам и публике, подав тем сигнал ко всеобщему разъезду.

Я таким образом целых 12 часов подряд провел в зале резидента и вынес наилучшие впечатления о любезности симпатичных хозяев. Я также составил себе полное и яркое, хотя и несколько пестрое, представление о той любопытной фантазмагории, которая именуется двором его величества *сусухунана* суракартского, и которую не всякому европейцу доводится видеть при столь благоприятных условиях.

О последующем посещении своем соседней Джокджи и султанского двора не имею сказать ничего особенного. Оно было повторением и копием в уменьшенных размерах с императорского двора в Соло. Прибавлю только, что город Джокджа несравненно симпатичнее, что Джокджа лучше и чище содержится, чем Соло, и что среди города есть замечательной формы обширная площадь с мечетью, посреди и кругом площади своею неожиданностью среди этой чисто азиатской обстановки особенно поражают группы огромных и столетних тамариндов и деревьев *канафи*, шарообразно и *en charmille**, подрезанных наподобие садов в Версале и Шенбрунне. Эти на классический образец XVII столетия взращенные и подстриженные деревья сохраняются в таком виде еще со времен португальского владычества.

* Аллея подстриженных деревьев (*фр.*).

Глава XXI

Два анекдота. – Casse-tete, именуемый яванским языком. –
Нравы, обычаи, религия, суеверия яванцев. – Гороскопы, приметы и пр. –
Брак и расторжение брака. –
Яванская аристократия, титулы государей, принцев, принцесс и вельмож. –
Яванская литература и несколько яванских легенд
(впервые появляющихся в русском переложении).*

Ловкость, изворотливость и политический такт, который усвоили себе голландцы за триста почти лет сношений своих с азиатами, проявляются не только в важных случаях, когда управлять означает предвидеть, эти свойства попадают еще и в мелочах, в обыденной жизни.

В подтверждение приведу два не анекдота, а характерных факта, переданных мне в Соло тамошним резидентом. В обоих случаях замечательна постоянная забота голландцев избегать по возможности инцидентов и столкновений и стремление покончить дело полюбовно, тогда как одного слова всемогущего резидента было бы достаточно, чтобы заставить враждующие стороны подчиниться его решению.

Предшественник нынешнего *сусухунана*, старый и несколько фанатичный император, недолюбливал европейцев и по отношению к резиденту подчас держал себя слишком вольно, дабы внушить своему народу высокое понятие о его, государя, независимости. Он даже намеренно не соблюдал элементарных приличий, предписанных яванским хорошим тоном. Так, во время первого своего посещения в резидентском доме *сусухунан* постоянно жевал *сири* (бетель) и плевал в свою золотую плевальницу, что считается грубым неуважением приличий. Плевальница, правда, постоянно и всюду переносится вслед за государем, но она изображает лишь предмет декоративный и атрибут власти, пользоваться же ею в присутствии европейцев отнюдь не следует. Резидент, однако, не позволил себе ни малейшего замечания, он только не отдал императору визита в положенный трехдневный срок. Прошли затем 3 - 4 недели, полтора месяца, и *сусухунан*, наконец, спросил, что означает такое невнимание к его особе со стороны резидента. Ему было отвечено, что резидент ожидает, чтобы император поправился от того насморка и катара, которые вынуждали его безостановочно плевать во время его визита в резидентском доме. Урок был понят и

* Головоломка (*фр.*).

подействовал. С тех пор плевальницу стали убирать вовсе с глаз долой даже в самом *кратоне*, когда туда являлся резидент или кто-либо из голландских чиновников.

Другой факт еще забавнее и характернее. Случай этот показывает, до какой наивно-болезненной степени у азиатских правителей вообще развито чувство мелочности и сознание своей собственной грандиозности.

Резидент юнкхер Х. С-ма рассказал мне инцидент, приключившийся в Соло во время посещения и пребывания там сиамского короля в 1896 г. *Сусухунан* сперва и слышать не хотел о нанесении им первого визита королю: «Я его не приглашал, он ко мне приезжает, а не я к нему, следовательно, пусть он же и является ко мне первым», так аргументировал и упрямился не без горячности император. Немало труда стоило резиденту выяснить строптивому *сусухунану* разницу в общественных положениях, так сказать, императора *par la grace des hollandais** в Соло и независимого короля в Сиаме. Задача эта была деликатная, но ловкому Х. С-ма удалось, не оскорбляя самолюбия государя, убедить его, что при таких условиях было бы желательно и прилично, чтобы он, *сусухунан*, сделал своему коронованному гостю первый визит. Тень Аллаха на земле, без энтузиазма, но все же признал «желательность» внушенного ему *modus procedendi***, и, действительно, первый приехал к королю в дом резидента в парадной карете, запряженной шестериком цугом, с форейторами, телохранителями *et tout le tremblement****. *Сусухунан* просидел с полчаса, после чего вернулся в *кратон*, откуда должен был немедленно выслать обратно свою карету королю, дабы доставить во дворец его сиамское величество. Но *сусухунан*, подчинившийся против воли и убеждения приговору резидента, не утерпел, чтобы не сделать по случаю возвратного визита маленькой пакости резиденту и королю. Он даже, благо за семь бед — один ответ, совершил целых три крупные пакости: во-первых, он заставил короля прождать чуть ли не полтора часа возвращения экипажа, который должен был и мог вернуться минут через 20 или 30. Далее, он ехидно рассчитал так, чтобы лишить короля салютных пушечных выстрелов с крепости, которые после захождения солнца не полагаются. Сам же *сусухунан* догадался приехать и уехать еще засветло. Наконец, вместо 6 лошадей императорской упряжи парадная карета возвратилась запряженной лишь четверкою на вынос. Не досчитались также и двух-трех скороходов и форейторов.

Король, бывший уже, вследствие замедления и несоблюдения этикета, в весьма скверном расположении духа, отказался наотрез садить-

* По милости голландцев (*фр.*).

** Образа действий (*лат.*).

*** И прочая, и прочая (*фр.*).

ся в таком манером видоизмененную карету, уже поданную к подъезду и в которую его усердно подсаживал резидент. Указывая на четверку а la Daumont, король с негодованием заметил: «Это что такое, отчего не шесть лошадей, а только четыре? *Сусухунан* приехал на шести лошадях, я требую того же, иначе не поеду».

Инцидент дипломатического свойства был готов. Выходило крайне комично, но вместе и неприятно. Резидент, однако, не потерялся. У меня, рассказывал он, внезапно явилась блистательная мысль. Ваше величество, ответил я упорствовавшему королю, не извольте обращать внимания на подобные пустяки. Смеею вас уверить, что его величество *сусухунан* никогда не имел ни малейшего намерения выказать неуважение к особе своего высокого коронованного гостя, выслав ему лишь четырех лошадей вместо шести. Дело в том, как только что сообщил мне один из царедворцев *сусухунана*, что на обратном пути сюда, вследствие фейерверка и пускаемых всюду ракет, две передние выносные лошади испугались, перервали построения, так что пришлось их убрать, а дабы не задерживать долее вашего величества, карета явилась при четырех лошадях. Благоволите уже извинить, что делать, *force majeure*!

«Король удовлетворился моим импровизованным объяснением и благополучно отправился в *кратон*, иначе у меня на шее оказались бы два весьма деликатных и неприятных объяснения с *сусухунаном* и королем, не считая реферата и переписки по поводу этого нелепого инцидента с канцелярией генерал-губернатора», — прибавил в заключение и со смехом г. Х. С-ма.

Для полноты моего очерка о яванцах и о яванской жизни я должен здесь несколько распространиться еще на тему о нравах и обычаях этого своеобразного и, по-своему, высококультурного яванского народа. В особенности же интересен, своеобразен и сложен яванский язык с его видоизменениями форм и группировкою слов в зависимости от ранга и общественного положения беседующих между собою лиц. Эти чрезвычайно сложные субтильности и формы разговорной речи делают из яванского языка настоящий *casse-tete***, недоступный пониманию европейцев, хотя бы они теоретически и ознакомились хорошо с требованиями яванского синтаксиса. Дело в том, что грамматического изучения и вникновения в одни лишь тонкости грамматики недостаточно, необходимо знать, так сказать, психологию яванской души и вытекающие из этого психологического анализа предписания сложнейшего яванского социального этикета.

Для сношений голландских чиновников внутреннего управления с туземными регентами, султаном в Джокдже и *сусухунаном* в Соло служит высший малайский язык. Это язык административных отношений, судебных разбирательств и политических отношений между гол-

* Форс-мажорные обстоятельства (*фр.*).

** Головоломка (*фр.*).

ландцами и подвластными им туземцами высшего ранга в обоих «независимых» государствах.

Хотя от голландских чиновников в принципе и требуется знание яванского языка, тем не менее, на практике голландцы, даже те, которые хорошо владеют этим языком, не говорят по-явански. Более того, голландским чиновникам, например, резидентам в чисто яванских провинциях и при дворах в Соло и в Джокдже, даже прямо предписано сноситься с туземными государями и их свитой не иначе, как на высшем наречии малайского языка (*haut malais*).

Распоряжение это вызвано неоднократно уже возникавшими, отчасти печальными, а порою комическими и нелепыми недоразумениями, вследствие употребления голландцами яванского языка, о всех тонкостях которого они, как ни вникали, все же не в состоянии были отдавать себе точного отчета.

Язык этот, подобно яванскому этикету при дворе местных государей, до того разнообразен в своих многочисленных оттенках, что европейцу, какие бы он ни прилагал старания, почти невозможно освоиться с неуловимыми свойствами наречия и овладеть вполне всеми тонкостями даже обыкновенной разговорной речи. Вследствие этого, например, резидент в Соло, будучи искренно убежден в своей безукоризненной корректности и вежливости, в разговоре с императором, употребляя самые цветистые и изысканные обороты речи, все же, сам того не замечая, впадал порою в грубые ошибки против этикета и должной государю почтительности. Словом, резидент, одушевленный наилучшими намерениями, тем не менее, совершал непростительную неловкость согласно понятиям весьма чувствительных и щепетильных яванцев. Подобные промахи несказанно шокировали, а порою оскорбляли *сусухунана* и его приближенных, выставляя притом же невольно провинившегося голландского сановника в ложном освещении и в смешном виде. Все это, конечно, умаляло престиж белого человека, а потому решено было употреблять впредь исключительно более легкий и удобопонятный *haut malais* в сношениях с яванцами высокого ранга.

Неспособность европейца ориентироваться, разобраться среди непреодолимых препятствий головоломной яванской речи вполне понятна и естественна. На первый и поверхностный взгляд казалось бы, что дело очень просто, так как яванский язык представляет собою одну этническую и лингвистическую группу, которая только сложилась в определенные формы, без усложнения этих форм различными диалектами.

Но это единство языка только кажущееся. В действительности существуют издавна предписанные традициями и этикетом хотя и не особые наречия, а различные формы разговорной речи, смотря по тому, кто с кем говорит. Поясним это примерами: строго говоря, *сусухунан* в Соло и султан в Джокдже беседуют со своими принцами, придворными и подданными на яванском языке. Те отвечают своему госу-

дарю, строго говоря, тоже по-явански. Но тут-то и начинается та путаница и то неуловимое для европейского склада ума различие, которое и составляет неодолимый для европейца камень преткновения. Яванский язык императора и яванская речь всех ниже его стоящих совершенно и глубоко разнятся между собою. Яванский этикет и чинопочитание выработали для сношений лиц как равного, так и не равного между собою общественного положения, своеобразные группирования отдельных слов, целые, специально созданные, выражения и обороты речи. Считается грубым нарушением этикета, признаком непочтительности и неблаговоспитанности, если, например, яванец простого класса, поселянин, земледелец и проч. обратится к лицу, выше его стоящему, на вульгарном *ngoko* (*нгоко*). Он обязательно должен в отношении своего господина или высшего в ранге употребить предписанную именно для этого случая форму языка, именуемую *krama* (*крама*). На *ngoko* говорят между собою лишь простые люди, *les vilains*. На *ngoko* же отец, мать и старшие родственники будут говорить со своими детьми, племянниками и проч., как с существами, с ними неравноправными и подчиненными высшей родительской власти. По той же причине и дети между собою объясняются на *ngoko*. На *krama* сносятся лица, имеющие известное общественное положение и состояние, притом в одинаковом ранге. Если перевести это на русские нравы и понятия, то можно бы сказать, что на форме языка *крама* должны обязательно беседовать между собою полковники или статские советники, генералы или действительные статские.

Madya (*мадия*) составляет третью группу. Это смесь *ngoko* и *krama* с придачею выражений и оборотов, свойственных специально группе *мадия*. На *мадия* объясняются равные между собою по рангу и положению лица, не занимающие общественных должностей и не состоящие на правительственной службе. На *мадия* же высший в ранге и старший годами обращается еще к низшему в чине и к младшему, когда желает оказать последнему особенную честь и внимание. В противном случае, старший будет говорить на вульгарном *ngoko*, тогда как собеседник ответит ему на *krama*.

К разряду наиболее оригинальных групп и форм принадлежат еще *krama inggil* и *basa keraton*. В *krama inggil*, независимо от того, говорят ли на *ngoko* или на *krama*, вошло до 300 специальных слов, имеющих отношение исключительно к понятиям о божестве, его качествах и атрибутах. Сюда же относятся еще слова, служащие для обозначения высшего на земле представителя и тени божества — *сусухунана*, его священной особы и всего ему принадлежащего. Так, например, державная воля, сердце, ум *сусухунана*, а также его священные голова, руки, ноги, его дворец, его богатства и проч. выражаются словами, взятыми из формы *krama inggil*. О своей особе, о своих деяниях и помышлениях, обо всем, ему лично принадлежащем, император выражается тоже в форме *krama inggil*. Обо всем остальном он говорит в самой низкой и вульгар-

ной форме *ngoko*, так как все на земле ему, *сусухунану*, подвластно и стоит ниже его.

С самим императором и его семейством его приближенные и подданные говорят в наиболее возвышенной форме *krata*. Наконец, *basa keraton* употребительно преимущественно лишь внутри *кратона*. Это придворный язык. На *basa keraton*, однако, говорят между собою одни мужчины. Женщины между собою говорят на *krata* и на *krata madya*, когда же они обращаются к мужчинам во дворце, то они употребляют *basa keraton*. Все же, безразлично, мужчины и женщины с *сусухунаном* говорят на *krata*, то же самое и с наследным принцем и прочими принцами крови, вставляя предписанные обычаем слова из *madya*, когда речь заходит об особе, качествах и проч. императора и его семейства.

Эта чрезвычайная сложность и запутанность яванского языка, делающая из него подобие китайского *casse-tete*, тем не менее, свидетельствует о смысленности и изворотливости яванского ума. Яванец, действительно, смыслен и даже subtilen*, он ленив и неспособен на какое-либо последовательное физическое усилие или на напряжение своих, несколько дремлющих, умственных способностей. Он, однако, даже в низших классах населения, не обучаясь правильным образом ничему, усвоил себе, по меньшей мере, три разговорные формы, из комбинации которых сложилась головоломная яванская речь. Многие, кроме того, свободно говорят по-малайски, а в высших общественных сферах и по-голландски.

Яванец хорошо знаком с полезными и вредными качествами естественных сил природы и в особенности со свойствами своей родной флоры. Яванцы из растительного царства извлекают множество лекарственных пособий; некоторые из таких *obat* (лекарств), относящиеся, в особенности, к пользованию местных заболеваний, каковы средства от малярии, бери-бери, дизентерии, болезней печени и проч., вошли даже в европейскую фармакопею и предписываются в Индии теми из голландских докторов, которые, вследствие долгого пребывания в крае, могли ознакомиться и убедиться в целесообразности этих туземных средств. Яванцы и сунданцы (жители западной Явы) в приготовлении тонких и медленно, но верно действующих ядов не имеют себе равных. Должно признать, что туземцы довольно-таки часто пускают в ход свои токсикологические познания, упражняясь, как между собою, так и над европейцами, которые их оскорбили и от которых мстительный по своей природе яванец никогда не задумывается избавиться.

Туземцы вообще мирного нрава, послушны и дисциплинированы, и голландцы без напряжения и усилий справляются со своими индийскими подданными. Тем не менее, яванцы до болезненности щепетильны и обидчивы, они не выносят ни малейшей несправедливости. Ос-

* От *фр. subtil* — хитрый.

корбленный яванец, в припадке *мата-глап* (буквально: «темный глаз»), т.е. ослепленный аффектом, бросается, очертя голову, с *крисом* и убивает всех попадающихся ему на пути. Такие припадки, вместе с их печальными последствиями, известны под названием «амок».

В нормальном состоянии яванец добродушен, гостеприимен и чрезвычайно любит детей, не исключая европейских. Он живет беззаботно изо дня в день и отличается широкою натурою; он совершенно неспособен откладывать копейку на черный день, вследствие чего весь свой век должен эксплуатирующим его инстинкты китайским и арабским ростовщикам, которые, разумеется, поощряют природное расположение своих клиентов к азартным играм, курению опиума, празднествам и зрелищам всякого рода.

Торговлею и промышленностью яванцы занимаются мало, представляя эти, не подходящие для них, занятия европейцам, китайцам и арабам. Они преимущественно собственники, земледельцы или еще чиновники. Затаенная амбиция всякого яванца, среднего и даже высшего класса — это поступить рано или поздно на правительственную службу голландскую и сделаться *ambtenaar*'ом (чиновником), т.е. старостою в *дессе* (деревне) или *пати* и регентом в городе. Очень многие поступают на службу к *сусухунану* и султану. В обоих случаях яванские чиновники пользуются присвоенным им по рангу почетным *пайонгом* (зонтиком), шляпою с галуном и мундирною курткой с металлическими пуговицами. Все они чрезвычайно падки на ордена, галуны, перья и прочие отличия.

Официально яванцы исповедуют мусульманскую религию, но исламизм их сильно перемешан с суевериями древней их индусской религии. Так, они веруют в существование духов праотцов, в водяных и леших, в горных и воздушных гениев, в приметы благоприятных и несчастных дней, смотря по сочетанию созвездий. В важных случаях своей жизни, как, например, перед обрезанием детей мужского пола и выдачею замуж дочерей, яванские священники и *дукуны* (знахари) сперва определяют гороскоп. Духов и гениев своих яванцы именуют *сангхианг*, что одно уже указывает на индусское происхождение этого поверия, так как именно предикат *сангхианг гуру* (бог-учитель) обозначал преимущественно индусского бога Шиву. Каждая *десса* (село) имеет своего бога-охранителя, алтарь которого, из двух камней, поставленных ребром, и третьего, наложенного сверху плашмя, воздвигнут в глухих местах, под развесистыми и благородными *раг excellence ва-рингинами* (*ficus indica sacra*). На алтарях этих курится фимиам и кладутся цветы. Часто даже можно видеть в яванских домах древние индусские статуэтки божества, в видимой форме изображающие невидимого бога.

Рис, составляющий главнейшую ежедневную пищу яванцев, естественно должен был получить и своего специального духа-хранителя. Это Шри, бог *sawah* — рисовых полей. Могущественным духом в божествен-

ной иерархии считается еще Рангу Ларикадуль*. Обитает он на южном побережье Явы, там, где отвесно спускающиеся в море голые скалы изобилуют ласточкиными гнездами. Замечателен еще злой дух Кьяй Белогоронг, это дух сокрытых в недрах земли богатств и кладов. Кроме перчисленных выше, в яванском народном суеверии существует еще масса иных добрых гениев и злых демонов индусского происхождения, к которым яванцы присоединили еще шайтанов (дьяволов) и джиннов (гениев) мусульманской мифологии. Различные демоны эти накликают бедствия, затмения, наводнения, напускают эпидемии и болезни.

Рядом с духопоклонением яванцы почитают еще и души умерших. Каждая *десса* чтит память своего основателя (*акаль бакаль*), а каждое семейство устраивает однажды в год поминальное пиршество и справляет жертвоприношения на могилах своих родителей в 3-й, 7-й, 40-й и 1,000-й день по смерти их.

Яванцы верят, что души умерших могут переселиться и жить в теле известных живых людей и что в таких случаях души эти обнаруживают свое присутствие швырянием камней, передвижением неодушевленных предметов и прочими манифестациями. Это в одно и то же время спиритизм и спиритуализм, ибо среди яванцев существуют медиумы, которые днем и в виду многочисленной публики проделывают изумительные вещи. Так, неоднократно можно прочесть в газетах отчет о том, как летали по воздуху тяжелые медные ступки для толчения риса и как сражались между собою тоже в пространстве, днем на виду у всех, два *криса*, и притом бились они с таким ожесточением, что один *крис* вышел из схватки совершенно искривившимся.

Яванцы, как мусульмане, могут иметь несколько жен. Но правом этим пользуются лишь принцы и особы высшего класса, тогда как единоженство составляет правило среди простого народа.

Яванец — нежный супруг и отец. Он любит свою жену, которая почти равноправна с мужем и пользуется большою свободой (яванки все ходят с открытыми лицами). Тем не менее, яванец по закону очень легко, слишком даже легко, может развестись со своей женой и взять себе другую подругу жизни.

Совершение браков обставлено чрезвычайно сложными церемониями, и ему всегда предшествует астрономическое или, вернее, астрологическое вычисление и определение. Требуемые указания почерпаются из особого руководства, именуемого *Posatoan*. Исходною точкой служит яванский алфавит, состоящий из 20 букв и слогов, из которых каждому соответствует известная каблистическая цифра. Величина эта именуется *пенту*.

Пенту, со своей стороны, имеет соотношение к 7 и 5 дням яванской недели и к фазисам луны в яванском году. Так, *ha* = 6, *ga* = 1, *nga* = 2 и т.д.

* Лара Кидул или Лоро Кидул — по яванским поверьям властительница южных морей.

Начальные буквы имен жениха и невесты слагаются вместе, полученная сумма делится на 7, и смотря по тому, получается ли остаток и какой, *дукун* определяет, имеет ли вообще состояться брачный союз, и какие будут свойства и последствия одного. Возьмем в пояснение два примера: жениха зовут Гатут, невесту — Алима. Начальные буквы обоих имен, сложенные вместе, дают как раз цифру 7, т.е. после деления на 7 не получается никакого остатка. Это — самое благоприятное условие. Про такую пару *дукун* говорит, что лучшей комбинации желать нельзя, так как это *дилала анему капенак*, т.е. предопределено свыше, и что такой брак будет благословен Аллахом. Если получается остаток 1, как, например, при сочетании имен Махмуд и Карсия, то это означает, или что родители не будут иметь детей, или же, что они их потеряют в нежном возрасте.

Впрочем, вышеприведенная есть лишь одна из разнообразных комбинаций с *непту*; смотря по тому, какую ценность придают каждому отдельному *непту*, получаются из сопоставления и группирования оных различные выводы, имеющие решающее влияние на заключение браков. В свою очередь, из этих комбинаций составлен целый лексикон или кодекс, но выяснение этой системы завлекло бы меня слишком далеко.

Кроме *непту*, влияние на благополучие браков оказывают еще различные месяцы в году. Так, браки, состоявшиеся в первом месяце, *мухареффе* или *суфе*, яванского года, предвещают смерть всем членам семьи, второй месяц, *сапар*, обещает мужу и жене денежные затруднения и долги. Из того, однако, обстоятельства, что нет такой яванской семьи, которая не выходила бы всю жизнь из невылазных долгов, можно бы прийти к заключению, что на Яве большинство браков совершается именно в месяце *сапаре*.

Яванское летосчисление опять-таки не простое, а весьма сложное. Високосный год *винду* возвращается периодически через каждые 8 лет. Есть недели по 7 дней и так называемая базарная неделя в 5 дней. Из семидневных недель составляется цикл в 30 недель, именуемый *вуку*.

Когда гороскоп оказался благоприятным, родители молодой девушки и жених ее определяют между собою цену невесты — *тумбасан* или *маскавин* (буквально: свадебное золото). Они также условливаются насчет *сасраханана*, или вознаграждения натурою, которое за невесту полагается. Ценность *маскавина* обыкновенно не превышает одного таэля, точнее 0,05409 веса одного килограмма серебра, что составляет около 5 голландских гульденов. *Сасраханан* состоит из съестных припасов — риса, плодов, кухонной посуды, иногда из коров, буйволов и из изукрашенных носилок для брачной процессии. Когда жених побогаче, то вечером того же дня совершается в доме родителей прием с пиршеством (*сламатан*) в честь пророка Магомета и душ праотцов, дабы они благословили союз. При этом присутствует имам и приносит молитвы.

Такая вечеринка именуется *мидадарени*, т.е. ожидание нимф-небожительниц, которые должны оказать брачной паре свое покровительство. Всю ночь продолжаются угощения с музыкой и танцами, и во всю ночь молодые не должны ни на минуту отдыхать или сомкнуть глаз, иначе это предвещает беду.

На другой день совершается самый обряд венчания в мечети или на дому, у богатых людей, причем почетные представители семьи громко произносят магометанский символ веры.

Тотчас после церемонии жених, дабы оказать своему тестю и имаму почтение и повиновение, обнимает и целует их колена; затем молодые следуют в торжественной процессии, жених на коне, а невеста на носилках вокруг и через всю *дессу*, сопровождаемые родственниками и любопытными, музыкантами, баядерками и грохотом спускаемого фейерверка, до которого все яванцы страстные охотники.

Обыкновение требует, чтобы молодая первую из всех вступила в дом своего мужа, где она умывает ему ноги в знак почтения и повиновения. После этого муж берет жену за правую руку и ведет ее к парадному брачному ложу, выставленному напоказ в главной приемной комнате. Присутствующие бросают на пути следования молодых рис и мелкую медную монету, что должно обозначать будущее благосостояние и изобилие всего хорошего в доме. Молодые садятся на диван или на лавку рядом с брачным ложем, которое изображает более парадное седалище, чем постель, и муж выкладывает у ног жены пригоршни риса, плодов и монет. Этим он, так сказать, наглядно демонстрирует публике, каким образом он имеет в виду заботиться о содержании своей супруги.

В полночь подруги молодой вводят ее в брачный покой и призывают мужа. Но уже час спустя к ним входят родственницы мужа и жены с факелами и фонарями. Они суетятся и делают вид, будто по всем углам и закоулкам комнаты разыскивают молодых. Они открывают, наконец, занавеси брачного ложа и, найдя мужа и жену, окропляют их водою, желая им всякого благополучия. Несколько дикая и стеснительная для молодых церемония эта есть также символический остаток индусской старины. Прodelывается она с целью напомнить супругам те баснословные времена, о которых повествуют яванские театральные драмы, когда молодых принцесс среди первой же брачной ночи похищали злые демоны и чародеи. Это есть живое *memento** мужу, чтобы он не дремал, иначе то же самое может приключиться и с его супругой.

На третий и следующий дни новобрачные делают визиты отцу и матери, свекру и свекрови, в доме которых, согласно старому обыкновению, они обязательно должны провести одну ночь, но на этот раз уже покой мужа и жены не нарушается шумным и внезапным вторжением факельщиц.

* Напоминание (*лат.*).

Совершеннолетие наступает для яванца по достижении им 15-16-летнего возраста, после обрезания, которое совершается около того же времени. Девочки достигают совершеннолетия уже 2-3 годами раньше, а в возрасте 12-13 лет они уже выходят замуж. Браком сочетаются также и дети в нежном еще возрасте, как это делается у индусов, но браки такого рода, именуемые «висящими», остаются недействительными до достижения обрученными законного возраста.

Часто случается, что дочери принцев или лиц, принадлежащих к высокой яванской аристократии, выходят замуж за простолюдинов; в таком случае будущих супругов возводят сперва в дворянское достоинство. Тем не менее, такой новой формации дворянин чувствует и считает себя ниже своей жены. Он оказывает ей не только публично и дома, *dans l'intimité**, внимание и уважение, сидя на корточках, он проделывает *sembah*, яванское приветствие, на полу перед супругой, которая восседает выше мужа на диване.

Расторжение брака совершается, согласно мусульманскому праву, вследствие, например, вероотступничества одного из супругов, а также путем развода. Муж может отделаться от жены еще в том случае, если они оба нравами не сходятся и ссорятся между собою, или если жена не оказывает мужу должного повиновения. При этом муж может еще произнести проклятие (*кутук*) над своею супругой. Муж может тотчас же взять себе другую подругу жизни. Что же касается жены, то если она беременна в момент расторжения брака, то обязана выждать после родов еще 4 месяца и 10 дней до заключения новых брачных уз. То же предписывается в случае вдовства жены.

Расторжение брака может быть также вызвано по инициативе жены, если она обвинит мужа в физической неспособности к исполнению супружеских обязанностей, в невыдаче обратно *маскавина*, полученного от невесты, в сумасшествии и в том случае, «если вследствие кожной болезни тело и лицо мужа покрывается светлыми пятнами, так что он походит на темнокожего альбиноса» (sic).

Расторжение брака при этих условиях, именуемое *пегатан рапак*, совершается яванским судьей и имамом. Наконец, муж имеет просто право удалить и прогнать жену, которая перестала ему нравиться; он от себя дает ей формальный разводный документ и отсылает ее обратно к ее семейству, возвратив полученный *маскавин*. Этот способ, именуемый *talak*, самый употребительный и притом самый произвольный, так как муж не обязан ничем мотивировать своего решения, для приведения которого в исполнение достаточно одной его воли и даже его каприза. Правда, тот же муж, оттолкнувший от себя жену без всякого повода, может по прошествии известного времени взять ее к себе обратно.

* В интимной обстановке (*фр.*).

Во всех случаях развода и расторжения брака обычай — адат — и мусульманское право — шариат — предписывают, как поступить с детьми, происшедшими от брака.

Все приведенные выше и последующие сведения относительно яванских нравов и обычаев я почерпнул из интересной книги Th. Maïjer'a «Яванец как член яванского общественного строя».

Укажу здесь еще на особенность, лишняя раз свидетельствующую, что религия яванцев не есть ислаимзм чистейшей воды, а что она, напротив, сильно перемешана с суевериями астрологического свойства и индусского происхождения. Так, день и час рождения ребенка играют важную роль и оказывают значительное влияние на будущую судьбу, удачу или неуспех в жизни новорожденного. Понедельник, например, и притом 6-й, 7-й, 12-й, 1-й и 2-й часы благоприятны для появления на свет младенца женского пола, тогда как для мальчика считаются благоприятными часы 3-й, 4-й, 5-й, 8-й, 9-й и 11-й того же дня.

Выбор имени для ребенка также составляет весьма сложную операцию. Оно находится в зависимости от года, месяца, дня, часа и места рождения, от окружающих родильницу в момент родов предметов одушевленных и неодушевленных и пр.

При рождении ребенка родители меняют свое имя и принимают имя новорожденного с присоединением к оному слов *пак* (отец) и *бок* (мать): для мальчика, например, Пак Саридья, для девочки Бок Салем.

Траур, подобно китайцам, яванцы носят белый. В головах умерших ставятся ребром камни, напоминающие формою индусские *лингамы**.

День и час смерти бывают благоприятны и неблагоприятны. К первой категории относятся «святые дни» — вторник и пятница. Народное суеверие придает особую таинственную силу белому полотняному савану людей, умерших именно во вторник или в пятницу, и часто случается, что трупы таких покойников подвергаются поруганию со стороны лихих людей, которые отрезают и уносят куски савана с целью сделаться невидимками при совершении краж и преступлений.

Погребение у яванцев, как и остальных мусульман, совершается почти немедленно после смерти и всегда днем, до заката солнца, самое же позднее в течение первых 18-20 часов. При такой системе нередко случается, что в землю закапываются люди еще живые, как о том свидетельствуют разрытые могилы, в которых покойники зачастую найдены были в неестественно исковерканных позах.

В заключение скажу несколько слов о яванских сословиях — крестьянах, аристократии и принцах крови.

Высшую яванскую аристократию олицетворяют собою независимые государи — *сусухунан* в Соло и султан в Джокдже.

Вот полный титул императора суракартского из владетельного дома Мангко Негоро: Инканг Синухун Пандьженг Сусухунан Паку Бувону

* Фаллос (*санскрит*).

Сенататин Нгалага Нгабудурахман Саидин Панатагама. У императора четыре законных жены и неограниченное число наложниц. Его законные жены носят титул *рату*, первая из них титулуется специально *рату-кенчано-вунгу*; остальные именуются *рату-мас*, *рату-бендафа* и проч.

По смерти царствующего государя титулы эти меняются: императрица-мать получает титулование *рату-агенг*, а остальные жены лишаются своего титула.

Сыновья императора от первой жены именуются *раден-мас-густу*, а остальные *раден-мас*.

Старший сын, когда нидерландское правительство признало его престолонаследником и кронпринцем, получил титул Кандженг Густу Пангеран Адипати Аном Анен Негара-Суднбья Раджапутра Нарендра Матарам.

Особые титулы имеют различные члены императорской фамилии, незаконные сыновья, братья, племянники, внуки и прочие родственники императора.

Султан в Джокдже, из владетельного дома Паку-Алам, титулуется Инкканг Синухун Кандьенг Сумпан Амангку Бувано Сенапати-инд-нгалага Нгабудурахман Саидин Панатагама, с добавлением еще Халифатулла, т.е. наместник Аллаха.

Кроме лиц, происходящих из родового дворянского сословия, дворянские титулы присвоены еще тем из яванцев, которые занимают общественные положения на государственной службе императора и султана.

Простой народ распадается на две категории: самостоятельные землевладельцы, земледельцы и ремесленники, врачи, знахари и прочие и поденщики или кули, которые работают на других.

Яванская литература имеет прошлое: это — произведения древней письменности, которые относятся к категории героических поэм и эпосов. Перечисление их дало бы лишь перечень невозможных и варварских имен, мало кому известных и интересных. Написаны эти хроники на языке *kawi miring**, именуемом еще *bahasa djawa***, и древнее священное *kawi* понятно и доступно немногим.

Религиозные исследования (*pegon*) об ислализме, весьма многочисленные, написаны на арабском языке или по-явански арабскими буквами.

Кропак именуются рукописи па пальмовых листьях, самого разнообразного содержания, каковы, например, положения мусульманского адата, предвещения, молитвы, гороскопы, диссертации на тему о загробной жизни и проч.

Если для неспециалистов яванские героические и религиозные эпосы представляют мало интереса, нельзя сказать того же о легендах

* Древнеяванский литературный язык.

** Яванский язык (мал.).

яванского народа. Они дают представление о верованиях и суевериях яванцев, а также о их своеобразном мирозерцании.

Приведу для примера несколько таких рассказов, которые я заимствую из голландского и малайского перевода яванских легенд, собранных вышеупомянутым Мейером в различных резидентствах Явы.

Легенды эти в русском переложении появляются здесь впервые перед русскою публикою.

1) **Священный камень в Тугу, именуемый яванцами *Embah Bodo*, т.е. глупый дедушка** (легенда из резиденства Мадиун).

Во время оно проживал в местности Тугу некий *пандит* (отшельник, учитель), который славился своими познаниями, но стремился достигнуть еще высшей степени учености и власти, для чего он постоянно постился и молился. Дабы испытать его силу воли, боги послали ему однажды фею (*видадафи*), которая в образе прекрасной женщины должна была отвлечь его от его святых занятий. Злополучный *пандит* смертельно влюбился в очаровательницу, позабыл о посте и молитве и объявил, что он готов скорее превратиться в каменный столб, чем лишиться своей прелестной подруги. В тот самый момент, однако, когда *пандит* намеревался заключить фею в свои объятия, *видадафи* исчезла в пространстве, старец же был превращен в каменный столб. Между тем, ученый муж сей должен был знать, что имеет дело не с человеческим существом, а с волшебницею, небесною феею, обладающею сверхъестественными силами.

Вот почему в добродушной иронии своей яванцы обозвали «глупеньким дедушкою» сего неразумного, неосторожного старца.

Народная фантазия приписывает каменному олицетворению *пандита* сверхъестественные свойства, как-то: давать советы и исполнять желания верующих, обращающихся к столбу с этою целью, и проч.

2) **Чудесный конь в Баньяпути.**

Во время оно проживал в *дессе* (селе) Баньяпути простой крестьянин. Он держал кобылу, которая перевозила на базар плоды, рис и сельские продукты. От кобылы этой родился жеребец, который отличался тою особенностью, что не имел вовсе зубов. Жеребец питался не травкою, а бананами, и притом съедал им же очищенный от кожи плод банана, но никогда никто не видел, каким образом он сперва снимал эту кожу. Многие были убеждены, что жеребец этот не что иное, как *sembrani*, т.е. мистический конь с невидимыми крыльями на ногах. Однажды хозяину приснилось, что его посетил седой старик, который поведал, что конь этот действительно *сембрани*, божественного происхождения и что простому смертному не дозволено таким конем пользоваться. *Сембрани* не суждено было жить на этой грешной земле, он должен был возвратиться в свою небесную обитель в тот момент, когда с горы Лаву низвергнется вниз могущественный поток, который разрушит все на пути. Неизвестный старец прибавил, что этот момент наступил, и приказал крестьянину, не теряя времени, с чадами и домо-

чадцами переселиться на вершину горы Лаву, коня же оставить в конюшне. Крестьянин исполнил все, как ему было предписано, и с вершины горы мог видеть, как низринувшийся поток затопил всю местность внизу, и как чудесный *сембрани*, подхваченный волною, с веселым ржанием вынесен был потоком и исчез в море. Уверяют, что в той местности, в которой раздалось ржание *сембрани*, еще и ныне водятся кони особенно выносливой и сильной породы.

3) **Гора Лаву.** Во время оно, давно это было, гора Лаву вершиною своею касалась самого неба. На горе жил великий чародей Самар, который забавлялся тем, что выходил на вершину горы, снимал с неба и снова прикреплял к горизонту звезды. Это занятие его, наконец, надоело звездам, и они решили произнести проклятие над чародеем и над самою горою. Вследствие сего, они Самара превратили в маленького уродливого карлика, между тем как вершина горы провалилась. Тогда Самар взял в руки часть ввалившейся горы, с целью погрузить оную в Индийский океан. Работал он ночью, дабы ничье человеческое око не могло его при этом увидеть. Таким образом, Самар с ношею своею однажды приблизился к селению Чанкринг, где поселяне собирали рис и измельчали оный в ступках. Полагая, что они его заметили, и что при приближении его люди подали сигнал медными пестами, Самар уронил верхушку горы на поле, а сам исчез. Гора эта, именуемая высокою, и ныне еще возвышается среди ровной местности. Но Самар вскоре убедился, хотя и слишком поздно, что люди просто работали в поле и никакого сигнала не подавали. Тогда он над деревней Чанкринг произнес проклятие в том смысле, что впредь в *дессе* никто не может жениться в юном возрасте, и что браки будут заключаться только между людьми в зрелых летах. Боги одобрили это решение, и вот почему и ныне в Чанкринге браки совершаются между людьми немолодыми.

4) **Гизик Пенгадонаям.** На побережье южного моря есть местность, известная под именем Пенгадонаям, т.е. арена петушиных боев. Утверждают, что каждую пятницу ночью здесь слышны крики, пение и шум крыльев дерущихся петухов; а также рукоплескания зрителей, но при этом не видно ни тех, ни других. Здесь, действительно, в прежние времена собирались любители петушиных боев.

5) **Дикие псы в Прамбу-Далеме.** В *дессе* Ванасиди есть пещера Прамбу-Далем, в которой живут сотнями дикие псы. Выход грота находится под водою. Утверждают, что можно призвать этих диких псов на помощь против диких кабанов и иных зверей, уничтожающих посевы, и что псы эти имеют патроном шайтана (дьявола). При гроте состоит смотритель, которому властью шайтана даны человеческий образ и свойства. К этому-то смотрителю и обращаются с просьбами и жертвоприношениями, состоящими из цветов, плодов, риса и денег. Если молитва верующего услышана, дикие псы сотнями выходят из грота и кидаются на кабанов и прочих зверей, которых и уничтожают. Но обращаться к шайтану не всегда безопасно. Если ему, например, покажется

недостаточным жертвоприношением, он посылает диких псов своих не на кабанов, а на собственные стада просителей. Далее шайтан переселяется иногда в тела некоторых лиц, которые начинают прыгать, кричать и бесноваться. В таком случае, этим бесноватым нужно отдать все, чего бы они ни потребовали. Такие люди считаются братьями и сестрами самого шайтана, они одарены большею властью, чем обыкновенные смертные.

6) В резидентстве Рембанг есть **местечко Тубан, известное некоторыми своими особенностями**. Так, на берегу моря есть колодезь с чистою и пресною водою, несмотря на близость моря и на то, что при приливах морская вода проникает внутрь колодца. Колодцу этому приписывают следующее происхождение. В первые годы пропаганды и введения ислама на Яве, жил в Тубане знаменитый муж и законоучитель Сунан Бонанг, ученость которого известна была далеко за пределами Явы. Дабы иметь с Бонангом свидание и публичную диссертацию*, прибыл однажды в Тубан один известный законоучитель с затаенною целью посрамить Бонанга. Прибывший потерпел крушение и выброшен был на берег в Тубане. Проходивший случайно Бонанг увидел своего соперника, остановился, начал с ним разговаривать и воткнул в землю свой посох. Из-под посоха тотчас же забил ключ пресной воды. Это чудо произвело на чужеземца столь сильное впечатление, что он из противников Бонанга сделался его послушным учеником и последователем. Вокруг могилы Бонанга и ныне еще существуют целебные источники и дом, которому приписывают таинственное и божественное происхождение, так как никто не видел, кем и когда дом сей был сооружен.

7) Легенда из резидентства Джапара. Это рассказ юмористического содержания. Во время оно, в **местечке Джувана**, супруга одного из принцев Картасуры была беременна и возымела желание поесть огурцов. Но во всем государстве не существовало ничего подобного, и никто не имел определенного представления о том, чего собственно желает принцесса. Тогда принц отправил особого посланного, наказав ему во что бы то ни стало разыскать и принести желаемый огурец. После долгих поисков гонец разыскал у одного старого поселянина огород и в нем всего один лишь огурец, который и был тотчас же приобретен. Но старик-крестьянин не сумел сказать ни имени местности, ни названия неизвестного ему растения, так что и государю своему посланный не мог доложить ничего определенного. Тогда принц назвал Друджувана (а по сокращении Джувана) место, где обретен был огурец, самый же огурец получил название и затем известен под именем *тимун-ватанг*.

8) **Десса Видара Пайонг** (буквально: **Кровавый зонтик**).

Рассказ этот относится еще к баснословным временам, когда боги свободно появлялись на земле среди обыкновенных смертных.

* Здесь: дискуссия (*фр.*).

Однажды Нараяна (одно из побочных имен бога Вишну), гуляя с сестрой своею Сембадрой, заблудился и, разыскивая исход, воткнул в землю свой *пайонг* (зонтик) и сказал сестре: «Садись под зонтик и подожди меня, пока я разыщу дорогу».

Как только он удалился, Сембадра увидела приближавшегося страшного вида дракона, который грозил ее поглотить. Она в страхе и смятении бежала, оставив *пайонг* воткнутым в земле.

Прибежавший на ее крик Нараяна узнал в драконе могущественного волшебника и чародея Нага, посланного против него его врагом Кангса. Нараяна тогда схватил заостренный бамбуковый кол и снес дракону голову, которая упала и исчезла в море, тело же туловища превратилось в реку Синага, ныне еще существующую, а из священного *пайонга* вырос могущественный экземпляр дерева *видара*, под сению которого основана была впоследствии *десса* Видара Пайонг.

9) Наконец, в резидентстве Черибонском, в *дессе* Сиелуман, существуют так называемые *leuweung opot*, т.е. **очарованные леса**, жилища невидимых духов, вместе с болотами (*rantjir*), над которыми тоже витают невидимые гении. Гении эти походят свойствами своими на легендарных немецких кобальдов и *Heinzelmannchen**, они добродушны, охотно служат человеку, исполняют за него различные полевые и домашние работы и, подобно кобальдам, не любят, чтобы за ними подсматривали и чтобы их поднимали на смех. В таких случаях они жестоко мстят человеку. Духи эти являются в базарные дни на рынок, и люди знающие тотчас могут их отличить по их костюму и внешнему виду. Духи или гении пускаются в разговоры, расспрашивают людей, но сами не терпят расспросов. Они никогда не торгуются, а знают точную цену всякого предмета и цену эту, не говоря ни слова, выкладывают перед торговцем. Они вообще безобидны, когда люди их оставляют в покое и не пристают к ним, в противном случае гении напускают на любопытных разные напасти, болезни, а порою и смерть.

* Домовой (нем.).

Глава XXII

Древнейшая история острова Явы по туземным и китайским источникам. – Суматра, Борнео и Молуккские острова. – Политическая и культурная роль Китая на материке и на островах Юго-Восточной Азии.

О древнейшей истории острова Явы и ее жителей не существует никаких сколько-нибудь надежных данных, по той простой причине, что не имеется верных источников, откуда можно было бы почерпнуть положительные указания.

Автохтоны Явы, сперва буддисты, затем с XIV столетия обращенные в мусульманство, историей не занимались и летописей не составляли. У них сохранились лишь традиции, передававшиеся из рода в род, да героические поэмы и эпopeи, более или менее баснословные, исполненные повествований о междоусобной войне различных царей и о титанической борьбе богов, подобно тому, как о таковых же событиях передают индийские «Рамаяна» и «Магабарата»*.

Если верить сохранившимся древнейшим традициям, первые жители Явы были великаны, будто бы пришедшие из Рима или Византии (!?). Другие утверждают, что они — выходцы из Египта или из Персии и вообще с берегов Красного моря. Третьи, наконец, рассказывают, что на Яве существовала уже туземная раса автохтонов, которую первые переселенцы из Рима и встретили на острове**.

Автохтоны эти, говорят, оказали первым чужестранцам-культуртрегерам самое упорное сопротивление, которое объясняет происхождение басни о том, будто яванцы были великаны почти чудовищных размеров с дикими и свирепыми инстинктами.

Самое название Ява при этом не только не облегчает изысканий ученых, но скорее усложняет задачу исследователя, так как слово Djawa (Ява) имеет множество прямых и переносных значений. Вообще же принято видеть в Дьяве более специально отечество растения *Дьявавут*

* Современное написание — «Махабхарата».

** В Индонезии с доисторических времен проживает авохтонное население аустронезийской (малайско-полонезийской) этнической общности. Подробнее см. История Индонезии. ч. 1, М., 1992, с. 4-5.

(*Panicum italicum*) или остров Ячменя, объясняя слово *Дьява* санскритским *Ява*, которое означает ячмень. Но подобная деривация от санскритского несколько, быть может, произвольна, так как ячмень не был местным продуктом, а злаком, ввезенным из других менее жарких стран.

Возможно, что название острова происходит от другого санскритского слова — *Иява*, которое звучит почти тождественно с первым и означает «скоро», «быстро», «внезапно». Объясняют это следующим образом: первые иноземцы, высадившиеся на Яве, будто бы постоянно кричали: «Иява, иява!» своим товарищам и спутникам, призывая их к себе «поскорее» на помощь против воинственных туземцев, сопротивлявшихся вторжению.

Подобное толкование слишком произвольно, а потому неудовлетворительно. Все объяснения и выводы основаны на созвучиях сходных между собою слов. Приведу несколько примеров: санскритское *Java* значит еще — «вестник, скороход, бродяга». Иное толкование приписывает имя Ява названию дикого сунданского быка (*Bos sundaicus*), самку которого яванцы и поныне именуют *дьяви*.

Наконец, *дьяви* может еще означать воду в ее натуральном виде, как-то источник реки, так что Ява получила бы свое наименование от обилия вод, которым она отличается.

Все вышеприведенные объяснения более чем гадательны. Они могут все быть одинаково правдоподобными и одинаково не выдерживать даже снисходительной критики.

Не менее гадателен и темен вопрос о происхождении первых автохтонов на острове. То, что таковые существовали много раньше начала нашего летосчисления, не подлежит сомнению. Об этом факте свидетельствует Адьи Сака, первый индусский владетель и повелитель на Яве, утверждающий, что еще до воцарения раджей-принцев индусской расы на Яве существовала анархия, причем сильнейший теснил и угнетал слабейшего.

Как бы то ни было, из истории и преданий многочисленных и различных между собою племен и народов, населяющих нынешнюю Нидерландскую Ост-Индию или Инсулинду, между Индией и Австралией и прежде всего из самого яванского языка, можно безошибочно вывести заключение, что яванцы принадлежат к малайско-полинезийской расе, разбросанной на значительном пространстве Индо-Малайского архипелага.

Лингвистические и филологические изыскания голландских и английских ученых* по сему предмету доказали, что колыбель яванцев следует искать в Тямпе, Камбодже и Кохинхине, т.е. в пределах, так называемых, *Vorder und Hinterindien***.

* Голландцы: Veth, Valentyn, Hageman. Англичане: Crawford и Wallace. (Прим. М.М. Бакунина).

** Ближняя и Дальняя Индия (нем.).

Томас Стемфорд Раффлз, один из первых и самых выдающихся генерал-губернаторов Явы из эпохи английского владычества. Раффлз составил в 1817 г. во многих отношениях замечательные историю и описание Явы, которые и ныне еще могут быть прочтены не без пользы.

Не подлежит, во всяком случае, сомнению, что первые автохтоны, кто бы они ни были, стояли на весьма низкой ступени развития, так как об их присутствии на острове не сохранилось никаких следов.

Первые сколько-нибудь серьезные известия и указания о древней Яве и ее жителях начинаются с I столетия нашей эры, а именно с появления на Яве индуса Адьи Саки, между 78 и 125 гг. по Р.Х.

Адьи Сака ввел на острове индусское летосчисление и письменность, именуемые Саливахата или Сака.

Этот первый колонизатор и насадитель культуры из Индии имел сильное влияние на туземцев и подчинил их своей власти. Полагают, что он был выходец из Короманделя в Индии (именуемого яванцами Келинг или Келинга), потому что жители именно этого берега издавна славились своим предприимчивым духом и способностями к мореплаванию. В пользу этого предположения говорит еще и тот веский факт, что во всей Индии единственно на Коромандельском берегу принято летосчисление Саливахата.

Более поздние данные о распространении и утверждении на Яве индусской власти относятся к 525 г. по Р.Х.

Приблизительно в эту эпоху индусский царь Астина Пури, которому предсказано было, что его царство должно погибнуть, отправил на Яву своего сына Севала Тьялу для основания там нового царства.

Этому Севале обязано своим происхождением и существованием могущественное государство Менданг-Камуланг, впоследствии Прамбанан. В XII веке, в царствование Девы Кусумы, при котором индусские цивилизация и культура достигли своего апогея, резиденция с титулом Прамбанан была перенесена в Дьенгалу*, нынешнюю Сурабаю. В ту же эпоху образовалось государство Подъядьаран** (нынешнее субрезидентство Бейтензорг, в 60 км к югу от Батавии).

Другое могущественное государство Мадъяпаит*** в Вирасабе (нынешняя Сурабая), распространившее с 1158 по 1301 г. свою власть почти на всю Яву, было в 1478 по Р.Х. завоевано и разорено мусульманами. С исчезновением этого государства исчезают на Яве также последние следы индусского могущества и брахманской культуры.

Еще во времена индусского владычества яванцы вошли в соприкосновение с китайцами, но китайцы не имели, по-видимому, влияния на нравы, язык и цивилизацию яванцев, если судить по малому количеству китайских слов, перешедших в яванский язык.

* Джанггала.

** Паджаджаран.

*** Маджапахит.

Согласно исследованиям замечательного голландского ученого и синоведа Грунефельдта, бывшего вице-президента совета Индии в Батавии, первые письменные известия и данные о Яве, именовавшейся и тогда уже Дьявой, относятся к 315 г. по Р.Х.: это реляция одного китайского путешественника, который случайно бурей заброшен был на Яву и составил описание неведомого до того времени острова.

Несравненно сильнее влияние на яванцев имели арабы, которые, уже начиная с XIII века, пытались стать твердою ногою на острове, пропагандируя на нем исламизм. Но это удалось им лишь в XIV столетии, после того, как они утвердились на соседней Суматре и ввели там ислам. На Яве же первая арабская инфильтрация началась около 1315 г., когда Маулан Ибрагим и его ученики явились первыми проповедниками учения Магомета. Позднее араб Раден Ната завоевал царство Маджипаит и окончательно ввел исламизм в восточной и средней частях Явы, тогда как на западной Яве исламизм утвердился между 1330 и 1335 гг.

Тем не менее, традиции и культ буддизма, продержавшиеся столько веков на Яве, продолжали существовать в сердцах яванцев и после их обращения. Буддизм пустил весьма глубокие корни среди населения, и туземцы до того туго поддавались новому учению, что арабские завоеватели вынуждены были огнем и мечом проповедовать закон Магомета.

Эта привязанность яванцев к старому культу объясняет, почему до сего дня из всех магометан, населяющих земной шар, яванцы, которые ныне все мусульмане, поражают самого поверхностного наблюдателя своим равнодушным и апатическим отношением к религии арабского пророка.

Проповедники ислама стерли с лица земли господствовавшую религию буддизм, о культурной силе которого и поныне еще свидетельствуют грандиозные развалины храмов в Буру-Будоре*, Прамбанане и пр.

Туземцы, насильно обращенные в магометанство, не могли привязаться и полюбить своей новой религии еще и потому, что суровое учение Магомета являло слишком чувствительный контраст с комфортабельным и несколько привольным характером буддизма, который, как нельзя лучше, подходил к самому существу малайца, неустойчивого в своих понятиях и относящегося к жизни, к религии и ко всему вообще с изумительным легкомыслием.

К официальному и каноническому буддизму малаец примешивал, кроме того, еще и поклонения различным богам и стихийным силам. Буддизм не регулировал обыденной жизни туземца так беспощадно и холодно, как то делал ислам. Малаец и яванец, жизнерадостный, беспечный и по природе своей общительный, не мог никогда уразуметь и усвоить тех ограничений нравственного и социального свойства, которыми строгий, как военный регламент, ислам стеснял его экспансивную *joie de vivre***. Понятно, что при таких условиях ислам не мог найти под собой солидной почвы на Яве.

* Боробудур.

** Жизнерадостность (*joie de vivre*).

Но зато на язык и словесность яванцев мусульманство оказало сильное и притом неблагоприятное воздействие.

Литература яванцев почти вся резюмируема индусским учением о богах и о существе богов, повествованиями о раджах и подвигах принцев и народных богатырей. Литература столь интенсивно окрашенная, не могла, конечно, приспособиться к требованиям ислама, который умерщвляет дух и всякое эстетическое проявление.

Слиться эти два элемента, столь противоположные, не могли. А так как в данный момент исламизм получил перевес, благодаря огню и мечу, то к яванской, схизматической, так сказать, письменности, правоверные мусульманские завоеватели применили, также и на Яве, все то же давно испробованное средство, которое уже однажды удалось в египетской Александрии: они предали огню и разрушению то, что, по их разумению, оказалось лишним или вредным, т.е. почти все то, что могли найти среди памятников древней письменности.

К счастью, среди яванцев отыскивались патриоты и люди образованные, которые, не желая принимать магометанства, решили эмигрировать сами и спасти от окончательной гибели сокровища своей древней культуры.

Ввиду сего они выселились на соседний остров Бали, к востоку от Явы, и перенесли туда сохранившиеся еще рукописи, а с ними традиции и самый культ буддизма, который на о. Бали существует и поныне в своей неприкосновенности.

Первый язык, на котором говорили на Яве после индусского завоевания, был санскритский, вывезенный индусами из Индии. Он заменил собою грубый и примитивный язык туземцев, которые большинство понятий отвлеченных, им не известных, стали выражать по-санскритски.

По-санскритски, и притом чистейшим языком, говорили все, а не одни лишь жрецы и высшие касты. Впоследствии на яванский язык переведены были героические поэмы индусского эпоса и притом переданы они были на так называемом священном языке *кави*, в состав которого наполовину и более вошли санскритские слова. Графически выразился этот нововозникший язык алфавитом, заимствованным из санскритского языка.

Любопытна история или, вернее, легенда о происхождении этого алфавита: Адьи Сака, вступив на почву Явы, убил людоеда, властителя царства Менданг, и провозгласил себя царем на месте убитого Мо, перед тем Адьи Сака вручил своему спутнику Сембаде на хранение свой волшебный нож, крепко наказав не отдавать этого ножа никому иному, как лишь лично ему, Адьи Саке. По воцарении своем он вспомнил о ноже и отправил за ним к Сембаде своего другого спутника Дору, забыв об отданном раньше приказании. Сембада, верно соблюдая заповедь своего господина, отказался выдать его посланному полученное на хранение орудие. Дора тогда напал на Сембаду,

они сразились и оба пали мертвыми, оба пожертвовав жизнью во исполнение в точности воли своего повелителя. Адьи Сака, пораженный и опечаленный смертью двух своих верных слуг, почерпнул, однако, из этого происшествия полезное указание: заботясь постоянно о благе и развитии своих новых подданных, Адьи Сака решил почтить и увековечить память Сембады и Доры в алфавите, который он имел в виду дать яванцам. Символическое сочетание буквенных знаков, общая сложность в 20 групп яванского алфавита и конечное четверостишие должны были постоянно славословить и прославлять в глазах яванцев, когда они читали или произносили наизусть буквы азбуки, верность и стойкость Сембады, а также слепое послушание Доры.

Для профанов, не знакомых даже с элементарными понятиями о санскритской и яванской грамматике, сочетание групп, каковы *ха*, *на*, *тья*, *фа*, *ка* и еще *да*, *та*, *са*, *ва*, *ла*, не имеют смысла и остаются пустым звуком. Между тем первые пять групп означают: «были высланы гонцы», вторые значат: «они поспорили и сразились», а далее в последних двух группах яванец прочтет: «одинакова была их (гонцов) доблесть, но оба кончили смертью».

Для яванца все эти сопоставления групп действительно имеют глубокий символический смысл, так как каждая буква яванского алфавита имеет свою кабалистическую цифру, именуемую *непту*.

Первые индусские насадители культуры на Яве принадлежали несомненно к трем высшим кастам — *браминов*, *кшатриев* и *ваисиев**. Подчинив туземцев своей власти, пришельцы стали относиться к покоренным как к судрам** (рабам, работникам), содержа простой народ в страхе и повиновении. Строгое разделение на кланы и чинопочитание, достигающее до преувеличенных размеров, наблюдаются и ныне еще в современном яванском обществе, специально в так называемых «независимых» яванских государствах центральной Явы — в империи Соло и в султанстве Джокджа.

Собственно же деление на касты, подобно тому как это было у древних индусов, сохранилось еще на о. Бали с его буддийским населением, как то изложено было выше в главах, трактующих о Соло, Джокдже и Бали.

В предыдущей главе изложено было, почему о древнем быте и истории Явы не существует, за исключением китайских, никаких письменных и сколько-нибудь достоверных источников. Между тем, чрезвычайно интересно было бы выяснить, что происходило на Яве, начиная с отдаленных времен и вплоть до появления на острове в XV и XVI столетиях первых европейских исследователей и колонизаторов — голландцев, англичан и португальцев.

* Вайшьеv.

** *Шудры* — низшее сословие в индийской кастовой системе.

В самом деле, история Юго-Восточной Азии, ее география и быт ее населения до появления европейцев до того малоизвестны, что даже весьма сбивчивые и недостаточные повествования о сих странах арабских путешественников IX века, а также венецианца Марко Поло и арабского географа Ибн Баттуты, следует признать документами, заслуживающими полного внимания и изучения. Реляции эти все же проливают некоторый, хотя бы часто и фантастичный, свет на этот неведомый континент.

Более всего мы знакомы с древнейшею империею в мире, с Китаем. Китай поистине является Срединною империею, вокруг которой все остальное группируется и к которой дикие и варварские земли вроде Аннама, Камбоджи, Кореи и др., имеют видимое тяготение. Выражалось это в подражании китайской высшей культуре, а также в стремлении войти к могущественному Сыну Неба в подвластное отношение данника, как к сюзерену и покровителю.

Древнейшая китайская цивилизация передавалась из рода в род без насильственных перерывов извне.

Не менее древняя китайская литература обнимала все отрасли знаний и дошла до нас в целостности, также без перерывов. Она представляет собою драгоценную сокровищницу и очевидно, что именно здесь следовало искать источники для пополнения нашего скудного запаса сведений о Юго-Восточной Азии.

Такими словами начинает вступление к своему интересному исследованию о Малайском архипелаге и о Малаккском полуострове по китайским источникам вице-президент совета Индии в Батавии Грунефельдт, известный синолог, научная и филологическая компетентность которого по всем вопросам, относящимся к китайской истории и литературе, давно признана и оценена по достоинству в ученом мире, специально по истории и этнографии дальнего Востока.

Китайский язык, в его трех главнейших диалектах, китайскую письменность, а также язык маньчжурский г. Грунефельдт знает в совершенстве. Он некоторое время пребывал в Пекине, где чрезвычайно радушный прием голландскому ученому оказали между прочими тогдашний русский посланник Влангали, известный архимандрит Паладий и доктор при русской миссии Бретшнейдер. Эти господа самым предупредительным образом предоставили в распоряжение г. Грунефельдта свой богатый китайский архив, состоявший при миссии. Они даже подарили г. Грунефельдту некоторые особенно драгоценные и редкие китайские документы. Из китайских книг-манускриптов г. Грунефельдт почерпнул все те сведения и данные о Яве и Суматре, которые он изложил в упомянутом выше труде своем. Сочинение это вошло в состав брошюр, периодически издаваемых Нидерландским обществом наук и искусств и в отдельной продаже не встречается. Автор поднес мне один экземпляр своего интересного труда и разрешил мне извлечь из его сочинения наиболее любопытные эпизоды, касающиеся

древней истории, географии, быта и культуры Явы, Суматры и их обитателей, начиная с V века по Р.Х.

Грунефельдт скромно утверждает, что не он первый совершил экспедицию в эту почти неведомую область. Предшественники его на этом поприще были: отец Amiot (*Memorie concernant les Chinois*), голландец D-r Schlegel и известный французский ориенталист Leon de Rosny (*Les peuples de l'Archipel indien connus des anciens geographes chinois et japonais*, 1872)*.

Но de Rosny ограничился переводными извлечениями из китайской энциклопедии «Сан-Тцай-Ту-Хай»**, самой плохой из всех энциклопедических книг подобного рода, переполненной и погрешностями, и неточностями, к которым автор-француз прибавил еще собственные ошибки, по незнакомству с географией описываемых стран.

Грунефельдт поступил иначе. Он составил по вопросу о Малайском архипелаге возможно полную коллекцию письменных документов, имел терпение прочесть весь этот материал, проверил каждую отдельную реляцию и извлек из всего лишь факты, в достоверности которых нельзя было сомневаться. Словом, ему пришлось изучить громадный материал, из которого лишь одна десятая часть вошла впоследствии в состав его собственного этюда.

Тем не менее, результат этой утомительной и кропотливой работы получился сравнительно скудный. Удалось, правда, пролить новый свет на быт и на международные отношения обитателей Малайского архипелага, а также выяснить некоторые сомнительные пункты по истории и этнографии, но многие существенные вопросы все же остались без разрешения.

В числе китайских документов, которые доставили самый обильный материал, на первом плане стоят так называемые 24 историка или еще «История династий». Она состоит из 1900 томов, заключающих в себе историю всех династий, царствовавших в Китае; летопись каждой династии написана отдельно при непосредственных преемниках павшей и прекратившейся династии. Материалом служили историкам богатые правительственные архивы, а также современная эпохе литература. В компиляцию Грунефельдта вошли еще указания и данные, заключенные в сочинениях частных лиц. Хроники эти относятся к 400, 983, 1416, 1337 и 1678 гг. Кроме того, автор прочел еще 17 реляций и летописей китайских авторов различных эпох.

Из внимательного изучения географии и литературы явствует, что они познания и сведения свои о Юго-Восточной Азии приобрели не путем смелых морских исследований. Китайцы, напротив, осто-

* Леон де Росни. «Народы Индийского архипелага по сведениям древних китайских и японских географов» (фр.).

** Имена и географические названия в этом разделе приводятся в транскрипции М.М. Бакунина.

рожно и осмотрительно держались сперва берегов и проникали вглубь страны лишь после предварительного ознакомления с новым для них краем.

Когда китайцы обратились к югу, первую страну, которую они посетили, была, по всему вероятию, северная часть нынешнего Аннама. Спустившись далее вдоль берега, они достигли Камбоджи и затем Сиамского залива. Здесь они, по-видимому, основались и были задержаны долгое время, ибо в китайских хрониках имеются обстоятельные описания этих земель, которые китайцам были хорошо известны много раньше стран, лежащих далее к югу. Лишь из Малаккского полуострова они впоследствии достигли островов Суматры и Явы. Процесс этого проникновения на юг продолжался, по всему вероятию, долгие столетия.

В то время, как и ныне, особенно предприимчивым духом и славою искусных мореплавателей отличались жители южного Китая — Фукияна и Квантунга*. Эти две провинции монополизировали в своих руках торговлю с чужими странами.

Индусы и персы в самые отдаленные времена, еще до начала нашей эры, вели с Китаем деятельную торговлю. В Китае знали также о существовании Рима или через индусов и персов, или через посредство торговых людей, римских подданных, разбросанных по всему пространству земного шара и тогдашнего цивилизованного мира.

Об этом факте свидетельствует историк первой династии Лиянг** (502—556), который повествует, что в царствование императора Хияяна***, из династии Хан**** римляне и индусы в 73-49 гг. до Р.Х. отправили в Китай послов с подарками и данью.

Китайцы приблизительно в ту же эпоху начали торговые сношения с югом, но, что касается собственно Малайского архипелага, они, надо полагать, знали лишь понаслышке, что там, где-то далеко к югу, среди морей и океанов, существует целая группа значительных и богатых островов.

Первое же появление китайцев в Малайском архипелаге и специально на Яве относится к V столетию по Р.Х. Это явствует из хроники и маршрута, оставленного китайцем, буддийским жрецом Фа-Хиеном****, который в 400 г. по Р.Х. отправился из Китая в Индию сухим путем и вернулся в Китай морем. На обратном пути он посетил Яву в 414 г.

Книга Фа-Хиена о буддийских странах была переведена на французский язык Авелем Ремюза. Весьма любопытны морские приключения Фа-Хиена, который после 90-дневного бурного плавания прибыл в

* Современное написание — Фуцзянь и Гуандун.

** Лян.

*** Сюань-ди (73—49 до н.э.)

**** Хань.

***** Фа-сянь.

страну, «жители которой были еретики (heretiques у Ремюза) и брамины, тогда как об учении Будды не стоит говорить, до того оно было мало распространено».

Из реляции Фа-Хиена о Яве видно еще, что он встретил там индусских поселенцев, которые поддерживали сношения с Индией и Китаем. Надо полагать, что они находились там в большом количестве, иначе Фа-Хиен не сказал бы о них, «что религия их процветала на Дьяве».

Фа-Хиен не упоминает о присутствии на островах китайцев; если бы таковые встретились, он не преминул бы записать, что нашел на Яве соотечественников. Фа-Хиен повествует о следующем любопытном и трогательном эпизоде: во время своих дальних путешествий по чужим странам он видел лишь иноземцев и иноверных, с которыми не мог иметь сношений. А потому «сердце его было печально». Однажды Фа-Хиен увидел в храме одного купца, который возложил на жертвенник Будды веер из китайской белой тафты. При виде этого продукта своей отдаленной родины Фа-Хиен невольно умилился и заплакал.

По этому поводу Грунефельдт справедливо замечает: человек, который при одном виде китайского веера растроган до слез, никоим образом не мог бы обойти молчанием факта существования на Яве своих соотечественников, которых он столь давно не видел.

Интересно было бы выяснить, в какой именно части Явы Фа-Хиен высадился. Так как наименование Ява по туземным и по китайским источникам более специально относится к восточной части острова, ранее других занятой индусскими колонизаторами, то надо полагать, что Фа-Хиен вступил на яванскую землю на северо-восточном берегу и скорее всего в нынешнем округе Рембанг, где, если верить туземным традициям, в оно время существовало первое индусское поселение Менданг-Комулан.

После Фа-Хиена мы в течение долгих столетий не имеем более никаких реляций китайских путешественников об острове Яве и сведения о Яве встречаются исключительно лишь в упомянутой выше истории различных династий.

Первая по времени хроника подобного рода — история династии Сунг* (420—478 гг.) упоминает, что царь страны Дьяваида отправил в Китай послов с грамотою и подарками.

Этот факт знаменателен в том отношении, что выясняет эпоху, с которой начались первые официальные и непосредственные сношения Явы с Китаем.

Историк династии Лиянг (502—556 гг.) вносит уже в свою хронику первое описание острова, его жителей, их нравов, естественных продуктов и проч., причем именует Лангасу описываемую страну. Это наименование долго составляло загадку для исследователей. Некоторые

* Сун.

видели в Лангасу остров Цейлон, но толкование это ошибочно, так как в китайских хрониках Цейлон постоянно именуется Син-го-га-ла (остров Львов), причем говорится, что остров сей лежит вблизи индийского материка. Отсюда нынешнее наименование сингалезов, племени, обитающего на Цейлоне.

Надо скорее полагать, что китайская форма Лангасу есть искажение индусского Ланга и Ланга Капура (имена мифологические), и что первые индусские поселенцы с Цейлона именовали так, в воспоминание о своей индийской родине, колонии, основанные ими на западной Яве.

Историк династии Танг* (618-906 гг.) дает Яве новое наименование Калинг. Слово это, видимо, указывает на присутствие на Яве индусских выходцев и колонистов из местности Калинг или Клинг в Индии. Замечательно, что еще и в настоящее время индусские торговцы на Яве с Малабарского берега Индии известны у малайцев и у китайцев под именем *франг-клинг* (человек из Клинга).

Хроникер династии Сунг** (960-1279 гг.), исчисляя продукты Явы, упоминает о существовавшей в то время и ныне исчезнувшей индустрии — добыче слоновой кости, разведении шелковичных червей и фабрикации туземцами легкой шелковой материи желтого цвета. Он описывает также торжественные процессии царей, сидящих на слонах. Слонов же в настоящую эпоху на Яве не существует вовсе, хотя они и сохранились на соседнем острове Суматре.

В 1129 г. китайский император дал правителю Явы титул короля. Факт этот интересен тем, что указывает на тесную связь, успевшую установиться между правителями на Яве и китайским двором, который, по-видимому, считал себя сюзереном Явы.

Первый император монгольской династии (1280-1367 гг.), известный Кублай или Кублай-хан***, снарядил даже в 1292 г. военную экспедицию против Явы, дабы наказать тамошнего владетеля за оскорбление, нанесенное одному из послов Сына Неба. Реляции об этих экспедициях сохранились, и притом в трех различных вариантах. В них повествуется о военных действиях трех генералов, командовавших монголо-китайскою армиею.

Летописец монгольской династии Сунг**** рассказывает о Яве много любопытного. Между прочим, повествуется о великом изобилии обезьян, которые не боятся человека. Когда их зовут словами *siau, siau*, они приближаются, и если дать им бананов, ананасов и проч. плодов, то две самые крупные обезьяны, короли обезьяньего племени, первые съедают фрукты, оставляя объедки своим верноподданным, смиренно и на корточках ожидающим своей очереди.

* Тан.

** Сун.

*** Хубилай.

**** Юань.

Рассказ об этих обезьяньих царях справедлив и в настоящее время, хотя и кажется баснею. Дикие обезьяны встречаются на берегу маленького озера Синяя вода, близ Пасуруана, на Яве. Туземцы и ныне еще приносят им фрукты и пищу и считают благоприятным предзнаменованием, когда обезьяны милостиво принимают приношения. Самая сильная и рослая из них, которая содержит всех прочих в строгом повиновении, благодаря своей физической силе, первая вкушает от плодов; когда обезьяний царь кончил, остальные бросаются на объедки и дерутся между собою.

Во время царствования династии Синг* (1368–1644 гг.) и преимущественно в начале этого периода сношения между Китаем и Явою были весьма частые и тесные. С обеих сторон постоянно снаряжались посольства. Среди китайских послов особенно выдающуюся роль играл Шенг-Хо**, неустрашимый мореплаватель и искусный летописец.

За период времени 1573 по 1620 г. впервые имеются сведения о новых пришельцах-«красноволосых варварах», т.е. голландцах, англичанах и португальцах, которые открыли «контору» (*toko*) на берегу «великой реки», нынешней р. Бантам.

В 1416 г. Инг-Шенг-Лан дал особенно обстоятельное описание Явы, жителей острова, их нравов, а также населенных мест, в которых китайские купцы и поселенцы насчитывались уже тысячами. Впервые упоминается о Сурабае, ныне второму по величине и первому по торговым оборотам портовому городу на острове Яве. Шенг-Лан разделяет население на три категории: 1) магометане-арабы, которых китайцы называют *tazi*. «Они чисто одеваются и чисто едят»; 2) китайцы, которые также держат себя с благородным достоинством и опрятно едят, и 3) туземцы, которые очень безобразны и грязны. Они ходят нечесанные, босые, верят в дьявола и злых духов, едят руками разные мерзости вроде змей, червей, муравьев, насекомых в сыром почти виде; они спят в сидячем положении, так как не имеют постели. Мужчины и женщины постоянно жуют *сири* или листья бетеля с известью, отчего у них губы и десны красные. Далее Шенг еще рассказывает следующее: когда отец или мать семейства умирают, сыновья и дочери деликатно спрашивают своих родителей, желают ли они быть съеденными собаками или же они предпочитают быть сожженными или брошенными в воду.

Если умирающие выразили желание быть съеденными, их трупы выставляют в лесу на добычу собакам, причем труп, съеденный без остатка, считается благоприятным знаком и сулит счастье; в противном же случае дети плачут, в отчаянии рвут на себе волосы и бросают остатки тела в воду.

* Мин.

** Чжэн Хэ.

На Яве, в эпоху буддизма, практиковалось вдовами и наложницами богатых и знатных людей или принцев самосожжение на костре живьем, по индусскому обычаю.

Ознакомившись с Явою, каковою ее представляют китайские летописные документы, перейдем к более крупному, чем Ява, но менее ее значительному острову Суматре, а также к группе Молуккских островов, о которых также сохранились сведения и данные по китайским источникам.

На этом вице-президент Грунефельдт заканчивает свое любопытное исследование и извлечение из древних китайских хроник. Таким образом, получается общее, довольно полное представление о быте, продуктах, нравах и даже о международных сношениях, ограничивавшихся, правда, одним Китаем, всего комплекта островов, вошедших в состав нынешней нидерландской колониальной империи и известных под именем Малайского или Ост-Индского архипелага или еще *Insulindien*.

Начнем с Суматры. Древние китайцы были знакомы лишь с северным и восточным берегами острова, на котором они основали эмпориум для торговли. Они даже в точности не знали объема и очертаний острова Суматры и полагали, что их колонии лежат на двух различных островах или материках, тогда как в действительности их поселения Кандали*, Санботцай и Поли были лишь расположены на разных берегах, на восточном и северном, того же острова.

О Кандали (нынешний Палембанг), летописец династии Лиянг повествует следующее: «Король кандалийский Гутхасуподада увидел во сне буддийского жреца, который сказал ему: «В Китае ныне царствует святой государь и через десять лет учение Будды значительно распространится всюду. Если ты отправишь к нему послов с подарками и данью, страна твоя будет счастлива и богата, и чужеземные купцы будут ее посещать толпами. Если же ты не слушаешь меня, в стране твоей утвердятся навеки раздор и несогласие».

Король усомнился, но через несколько дней ему во сне предстал тот же жрец и сказал ему: «Так как ты мне не веришь, я должен перенести тебя в Китай и показать тебе самого императора». И король во сне очутился перед лицом богдыхана и имел у него аудиенцию. Проснувшись, король был чрезвычайно удивлен, но так как он был искусный живописец, то он написал на память портрет императора, каким он его видел во сне и отправил посла с письмом, драгоценными камнями и подарками, а также живописца с поручением написать портрет императора Ву-ди (502-557). Оказалось по сравнению с обоими изображениями, что они совершенно одинаковы и сходны.

В конце X столетия мы снова встречаем в китайских хрониках упоминание о восточном берегу Суматры, но уже под новым именем Санботцай, которое, вероятно, заимствовано было у арабов и переделано

* Ганьоли.

с арабского «Сарбазай». С тех пор непрерывно отправляемы были с Суматры послы в Китай с подарками и данью, а китайские императоры, со своей стороны, посылали буддийских жрецов, колокола для храмов, грамоты для королей и их наследников, которые сами просили у богдыхана инвеституры. Подарки состояли, как, например, в 1371 г., из письма, написанного на листе из золота, из черных медведей, казуаров, попугаев, павлинов, различных духов и ароматических эссенций.

Про жителей Санботцая хроникер сообщает, что они не знакомы с медной монетой, а употребляют в своих торговых сношениях с китайцами золото и серебро. Пишут они санскритскими знаками, но знакомы также и с китайскими письменами.

При благоприятном ветре расстояние между этою страню и Кантоном* не превышает 20 дней плавания.

Около 1397 г. Санботцай был завоеван яванцами, которые стали называть страну Куконг, под каковым наименованием китайцам и поныне известен нынешний Палембанг на острове Суматре.

Куконг китайцы описывают как землю богатую всякого рода продуктами и говорят про нее, что рис, посаженный в землю, дает на третий год золото, до того обилен бывает урожай онного.

В начале XV столетия посетил восточный берег Суматры, состоявший тогда под властью Явы, известный уже по прежним хроникам императорский посол Шенг-Хо**, который нашел там многочисленные и богатые колонии китайцев из Кантона и Шанг-Шу. Жители все живут на воде, на плотках, и лишь знатные люди и предводители имеют жилища на берегу. В горах встречается сверхъестественное животное, именуемое «божественный олень». Олень этот, однако, судя по описаниям, скорее похож на кабана, и здесь, очевидно идет речь о тапире, который живет в лесах на восточном берегу Суматры.

На северном берегу острова лежит королевство Поли или Бари, на расстоянии 60 дней плавания от Кантона. О нем упоминается впервые в хрониках династии Лианг (502—556 гг.). Хроникер повествует, что в стране этой находят камень чрезвычайно мягкий, из него вырезают идолов и разные изображения, которые потом твердеют. Король носит на голове золотую шапку вышиною в один фут, с драгоценными камнями, вооружен мечом с золотою насечкою и восседает на золотом троне с серебряною скамьею под ногами. Когда он выезжает, в колесницу его, сделанную из различных сортов пахучего дерева, впрягают слона. Король, никогда не слыхавший о китайцах, отправил в 578 г. к богдыхану посла с грамотою и подарками.

Жители Поли имеют одно очень оригинальное оружие, состоящее из круглого ножа с отверстием внутри и с зубцами наподобие пилы. Они бросают этот диск с большим искусством и всегда попадают в

* Ныне — Гуанчжоу.

** Чжэн Хэ.

цель. Вот некоторые черты нравов и обычаев, как их описывает Шенг-Хо: убийце или вору отрубают руку, неверному мужу или провинившейся жене заковывают ноги в цепи и держат в цепях один год. Для жертвоприношений выбирают темные безлунные ночи. Тогда наполняют сосуд водой и спускают его по воде.

Здесь встречаются жемчужины, дающие огонь, они величиною с куриное яйцо. Грунефельдт полагает, что речь идет о зажигательном стекле, но неясно, из какого материала оно сделано, из стекла или из горного хрусталя.

У туземцев существует также птица, которая понимает человеческую речь и сама может говорить. Она черная, величиной с небольшого голубя, с желто-красным мясистым ошейником, такими же лапами и клювом. Птица эта не миф. Она существует на Яве и в Нидерландской Индии в изобилии и по-малайски именуется *бео*. Научное название ее *gracula religiosa**. Птица эта действительно научается говорить и притом она произносит отдельные слова более внятно и отчетливо, чем то делают попугаи. *Бео*, кроме того, подражает различным звукам: свищет как дрозд, хохочет, кашляет, подражает грохоту локомотива, щелканью бича, свисту пилы и прочее.

О Суматре китайские хроникеры повествуют более и обстоятельнее, чем о Яве. Так, например, упомянутый уже Шенг-Хо рассказывает еще следующее: горы изобилуют серою и на горячей почве этих гор, очевидно вулканов, нет никакой растительности. Рис дает два урожая в год, перец растет в изобилии, а также сахарный тростник, *мангостаны*, лимоны, фрукт *дурьян*, огромных размеров с колючками и с белой, вонючей массой внутри, похожей на кольд-крем, но с отвратительным запахом гнилых яиц и бродящего сыра. *Дурьян* сохранил и поныне все свои специфические качества; надо полагать, что во времена Шенг-Хо, как и ныне, китайцы, которые предпочитают тухлые яйца свежим, с особенною жадностью пожирали эти непривлекательные фрукты.

Далее Шенг-Хо сообщает, что жители держат очень много коров и любят молоко. Козы у них все черного цвета, белых не попадается вовсе. Каплунов нет, но зато куры и утки огромных размеров и весу. Нравы туземцев, их обычаи и язык те же, что на соседнем Малаккском полуострове.

Шенг-Хо три раза посетил эту страну. Марко Поло был здесь в 1290 г. и в реляции своей говорил об острове *Самара*. Арабский географ Ибн-Баттута в 1346 г. правильно именует остров Саматра или Суматра.

Западного берега Суматры китайцы не знали вовсе и упоминаний о нем в их хрониках не встречается.

Но они посетили и описали маленький островок, расположенный к северу от Суматры, нынешний Пуло-Уэй, который конусом возвышается среди моря. Хроникеры их повествуют, что весною бесчисленное

* Яванский скворец.

множество драконов собирается на берегу. Драконы играют, резвятся и, удаляясь, оставляют на берегу свою слюну (смолу), которую туземцы тщательно собирают. Слюна эта сперва похожа на жир черного и желтого цвета с рыбным запахом (не клей ли?). Со временем этот жир твердеет и образует куски, которые встречаются также в пузырях крупных рыб. При сжигании куски эти дают прекрасный ароматический запах. Они продаются на рынке на Суматре весом в один таэль по весьма дорогой цене до 12 золотых монет.

Грунефельдт, приводя рассказ китайского летописца об этом продукте, не менее загадочном, чем мифические драконы, ограничивается тем, что констатирует факт, не вдаваясь ни в какие, даже гадательные соображения о самом существе и композиции этой драконовой слюны.

Китайцам известен был с 669 года также остров Борнео, который они называют сперва Поло или Пала, а впоследствии, с X столетия, Бунглаи, название, сохранившееся у них и до сего дня.

До 1406 г., однако, китайцы, по-видимому, не имели или почти не имели сношений с туземцами и узнали о Бунглаи, его жителей и их нравах лишь из реляции Шенг-Хо.

Уже в начале XV столетия несколько сот китайских семейств эмигрировало на Бунглаи, а один, более предприимчивый китаец сделался даже царем дикого племени даяков внутри острова, как о том повествует еще в наши дни туземное предание.

Реляция о путешествии, совершенном в 1417 г. тремя королями страны Пуни (на западном берегу Борнео) в Китай к богдыхану с подарками и с данью, интересна по своим характерным особенностям тогдашнего придворного китайского быта.

Короли с Борнео, вместе со своими семействами и предводителями племен, в количестве 340 человек, принесли грамоту на золотом листе с вырезанными на нем письменами, жемчуг, драгоценные камни, черепаховые и иные изделия. Богдыхан принял королей и подарил каждому печать, грамоту на инвеституру, полный придворный костюм, шапку, пояс, коня с седлом и знаки их высокого ранга. Короли оставались при дворе 27 дней и перед отбытием своим получили новые подарки, 100 таэлей золотом, 2,000 таэлей серебром, 200 штук газовой и шелковой материи, 10,000 таэлей бумажными деньгами и по 3 одеяния, вышитых золотыми драконами, змеями и гениями.

Один из королей умер на обратном пути на большом канале, в правительственном помещении «для иноземцев», в Течу. Император даровал ему посмертный титул, а его вдова и наложницы с 18 человеками свиты остались охранять королевскую гробницу. Похороны были совершены торжественно, по распоряжению и на счет богдыхана. По окончании трехлетнего траура, женщины и свита были отправлены обратно с письмом Сына Неба к старшему сыну покойного короля, который и был утвержден в наследстве.

В период времени 1573–1619 гг. «франки» (португальцы) напали на Бунглаи, но туземцы отравили реки и источники и, таким образом, погубили своих врагов.

В одном из королевств страны Пуни существует пруд, изобилующий жемчужинами, которые ночью светятся и свет их виден на поверхности воды. Есть также большой город с 10,000 жителей, резиденция короля и его министров.

Сношения Пуни и Бунглаи с Китаем были вообще довольно частые и правильные, богдыхан считал себя сувереном острова.

О крайних восточных частях Индо-Малайского архипелага китайские летописцы рассказывают очень мало, да и то лишь с XV столетия. Им, по-видимому, известны были лишь остров Тимор да группа Молуккских островов.

Про Тимор, который китайцы хроникеры именуют Тимун, повествуется, что весь остров был покрыт лесами сандаловых деревьев, которые туземцы жгли на дрова, причем ароматический запах сжигаемого дерева был до такой степени силен, что многие его не выносили и заболели. Климат на Тиморе чрезвычайно жаркий и нездоровый, жители дики и совершенно невежественны. Они не имеют фамильных прозвищ, незнакомы с временами года и с письменностью, считают они при помощи плоских камней и 1,000 таких камней составляют связку.

Про Молуккские острова или Миликю упоминается впервые в хрониках династии Танг (618–906). Затем, после очень продолжительного интервала, летописец династии Минг (1368–1648)*, рассказывает, например, что на Миликю есть гора из фимиама и что после дождя фимиам падает на землю в столь большом количестве, что нет возможности собрать всего. Под фимиамом этим надо понимать гвоздику, ибо Миликю единственная страна во всем архипелаге, которая дает в изобилии этот продукт, весьма ценимый китайцами в медицине, так как гвоздика, по их понятиям, избавляет тело от зловредных соков.

В XVII столетии португальцы и затем голландцы заняли острова и овладели королевством Тернате, могущественного туземного короля. Они после того долгое время воевали между собою и кончили тем, что поделили острова поровну.

Тимор, между прочим, и поныне наполовину принадлежит голландцам и наполовину португальцам, тогда как на Молуккских островах голландцам удалось утвердить исключительно свою власть.

Полуостровом Малаккою и расположенным на оном султанством Джохор г. Грунефельдт заканчивает свое интересное исследование.

В заключение нельзя не указать еще на значительную цивилизующую роль, которую имел Китай во всей Юго-Восточной Азии, как на материке, так равно и на отдаленных островах нынешнего Малайского архипелага.

* Мин (1368–1644).

Не говоря уже о том, что китайской торговой предприимчивости мы прежде всего обязаны открытием и описанием Камбоджи, Сиам, Аннама, Кохинхины, Малакки, островов Молуккских, а также Явы, Суматры и Борнео, должно еще признать, что издавна огромная Срединная империя, составлявшая одно компактное целое с ее многочисленным и уже по-своему высокоцивилизованным населением, являлась в глазах окружающих ее варваров, воплощением мощи, власти и престижа. В сторону богатого и культурного Китая, этой истинно Срединной империи *par excellence**, обращались взоры всего тогдашнего Юго-Восточного и еще варварского азиатского мира. От богдыхана все эти князья, короли и принцы на материке и на островах ожидали и действительно получали великие и богатые милости, выражавшиеся в попечении Сына Неба о благе и культурном развитии племен и народов, добровольно подчинявшихся его власти. Иного цивилизующего центра, кроме Китая, не существовало, зависимость от богдыхана установилась сама собою с течением времени, и в течение столетий лояльность вассальных отношений всех этих стран и народов к Сыну Неба не были нарушены. Лишь однажды Китай вынужден был отправить военную экспедицию на Яву для наказания одного туземного властителя, оскорбившего отправленного к нему императорского посла.

Китайские летописцы в своих хрониках постоянно повествуют о чрезвычайных посольствах из Явы, Борнео, Суматры, а также из Сиам и Аннама ко двору богдыхана с подарками и данью. Китайцы придавали подобным манифестациям подчинения и лояльности большое значение. Их историки с особенным удовлетворением подчеркивают подобные факты, справедливо усматривая в искательстве иноземных властителей и народов явное выражение и доказательство престижа, которым пользовались могущественные императоры в Пекине. Известно, что теория о верховенстве Китая над всеми существующими в мире государствами и народами издавна составляла национальный, так сказать, символ веры. Фикция сия сохраняется и по настоящее время, как в том, к ущербу своему, могли увериться иностранные правительства всякий раз, что им приходилось договариваться и заключать сделки и соглашения с дипломатическими представителями китайского императора, к которому, по китайским понятиям, все государи вселенной, не исключая и европейских, состоят в вассальном отношении верных и покорных данников.

Но если исповедуемый богдыханами догмат высокого сюзеренства доставлял Сыну Неба почет и материальные выгоды, то, с другой стороны, по крайней мере, в отдаленные времена, эта первенствующая роль китайских правителей возлагала на них также и специальные обязательства: богдыхан считал себя отцом своих подданных, он с отеческою заботливостью и попечением относился и к тем случайным, благопри-

* Главным образом (*фр.*).

обретенным, так сказать, подданным, которые, будто загипнотизованные его могуществом и его пышностью, спешили, наперерыв и добровольно, со всех концов Азии выразить ему свою покорность. Подарки и подношения этих искателей фавора и покровительства богдыхан принимал как нечто должное, но он всякий раз богато и великолепно отдавал чужеземных посланцев. Он принимал их согласно их рангу, милостиво вникал и заботился о нуждах своих новых подданных, управлял ими разумно и милосердно, постоянно внушая варварам, что не Китай нуждается в них, а они, наоборот, подчинением и покорностью в состоянии улучшить свое материальное существование и заслужить благосклонность своего могущественного сюзерена.

Установившиеся таким образом и сохранившиеся в течение долгих веков взаимные отношения были чисто патриархального свойства, они основаны были на взаимном понимании выгод, истекавших для обеих сторон из подобного положения, ибо того, что немцы называют *Rechtstitel** на обладание и управление всеми теми странами, в которых китайское влияние преобладало *de facto*, китайцы, собственно говоря, никогда не имели. Тем не менее, или быть может именно вследствие этой надменной китайской *bonhomie*** китайское влияние и культура могли сделать столь значительные и прочные успехи, как на континенте, так равно и на островах Юго-Восточной Азии.

* Права (нем.).

** Простота (фр.).

Указатель географических названий

Абиссиния	292	Афганистан	254
Австралия	114, 143, 172, 206, 210, 255, 266, 289, 363, 400	Африка	69, 123, 150, 151, 183, 192, 202, 206, 252, 289
Австрия (Австро-Венгерская империя)	7, 68, 122, 134, 181, 186, 206, 240	Аче	11, 12, 115, 121, 137, 152, 166, 183, 212, 225, 227, 229, 234-236, 275, 296, 298, 323, 332-334, 341, 354
Агунг, гора	172	Баку, Бакинская губерния	270, 281, 329
Аден	82, 268, 289	Балабан, река	301
Азия	126, 150, 151, 206, 158, 258, 280, 289, 290, 340, 416	Бали, остров	12, 113, 171-173, 179, 203, 207, 253, 260, 286, 288, 341, 343-345, 347, 350, 351, 401, 404
Александрия	16, 403	Балийский пролив	172, 288
Алор, остров	177, 180	Бангкок	239, 304, 320
Амбоина (Амбон) остров	121, 169, 178, 179, 186, 194, 231, 274, 286	Банда-Ачех <i>см.</i> Котараджа	
Америка <i>см.</i> Соединенные Штаты Америки		Банджармасин	236
Амой	344	Бандское море (море Банда)	113, 178
Ампенан	347, 348	Бандунг	66, 112, 140, 208, 239, 241, 279-281, 324, 363, 365
Амстердам	104, 105, 215, 233, 254, 278, 279, 289, 292, 304, 320, 354	Банка, остров	114, 286, 287
Англия <i>см.</i> Великобритания		Бантам (Бантен)	130, 140, 161, 162, 184, 194, 200, 204, 205, 274, 288
Анкаона	230	Бантам, река	410
Аннам	297, 405, 407, 416	Бантенган, мыс	130
Антверпен	190, 192, 304	Банью-Асин	114
Аньер	202, 288	Баньюванги	202, 288
Аравия	185, 189	Баньяпути	395
Ару (Ару-Бай), залив	300, 301, 320	Барат-Дая, острова	113
Ару, острова	113, 172, 178, 180, 320	Батавия (Джакарта)	по всей книге
Ассам	151		
Атчин <i>см.</i> Аче			

Баттанг-Емас	307	Византия	399
Батуми (Батум)	263, 267, 268-273, 281, 304, 306	Виктория, озеро	89
Бейтензорг (Богор)	26, 41, 43, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 67, 99, 100, 102, 107, 110, 112, 130, 211, 215, 216-218, 221, 238-240, 363, 370, 401	Вирасаба	401
Белград	7, 8, 228	Виши	232
Бельгия	226, 227, 301	Владивосток	103, 104, 106, 269, 295
Бенкулен	114, 198, 298	Волга	186
Берлин	261	Гаага	56, 117, 171, 184, 187, 212, 233, 248, 258, 270, 301, 310, 319, 325, 334
Беситанг	320	Гадрамат (Хадрамаут)	146, 147
Бесуки	266, 271	Галиция	142
Билитон (Белитунг)	198, 286, 287	Гальмагера <i>см.</i> Хальмахера	
Бима	260	Гамбург	104, 266, 272, 289, 292
Бирма		Ганьголи (<i>ист.</i>)	411
(Бирмания, Бурма)	151, 197, 297	Гарлем (<i>нид.</i>)	118, 233
Бисмарков Архипелаг	170	Гарут	66, 208, 215, 233, 239, 241
Богор <i>см.</i> Бейтензорг		Гаттема	199
Бомбей	51	Гвиана	261
Борнео (Калимантан), остров	78, 111-113, 116-118, 120, 137-139, 142, 148, 163, 166-168, 173, 180, 188, 203, 207, 235, 264, 307, 399, 414, 416	Гвинея	183, 202
Бордо	7	Гельвик-Бай, залив	171
Боробудур	402	Германия	7, 9, 35, 65, 110, 113, 122, 123, 226, 227, 240, 259, 260, 279, 301, 330, 340
Босния		Герцеговина	7, 70, 282, 283, 365
(Босния и Герцеговина)	7, 70, 81, 282, 283, 361, 366	Гоа	178
Бразилия	99, 104, 257, 277	Голландия <i>см.</i> Нидерланды	
Бремен	289	Гонконг	266, 303, 320
Букит-Мас	300, 320	Гонолулу	125
Букиттингги <i>см.</i> Форт-де-Кок		Горонтало-Менадо	318
Булеленг	173	Грисси (Гресик)	194
Буру	178, 182	Гуандун (<i>сноска</i>)	407
Вальпарайсо	26	Гунунг-Саари	298, 300
Ваногии	373	Далмация	135, 201
Ватерлоо	202	Дальний Восток	9, 10, 106, 196, 290, 295
Великобритания	5, 122, 123, 127, 150, 190, 191, 196, 198, 199, 202, 203, 251, 254-256, 259, 266, 275, 279, 289	Дания	36, 65
Ве, остров	260, 261	Дар-эс-Салам	123
Вена	59	Дели (резиденство на о-ве Суматра)	263, 266, 272, 273, 303, 326
Венеция	6, 364	Дельфт	156, 213
		Джабакота	299
		Джакарта <i>см.</i> Батавия	
		Джакарта <i>см.</i> Якатра	
		Джамби, султанство	114, 115, 165

Джанггала (Дьенгалла)	401	Каванданан	162
Джедда (Джидда)	185, 189	Кавказ	267, 268, 270, 271, 275, 279, 281-284, 329
Джокджа (Джокьякарта)	84, 86, 140, 175, 184, 201, 205, 207, 231, 233, 324, 335, 342, 355, 356, 358, 359, 361, 369, 370, 373, 374, 381, 384, 385, 404	Каир	94
Джохор	197, 415	Кай, острова	178, 180
Диу	178	Калимантан <i>см.</i> Борнео	
Доброй Надежды, мыс	34, 196, 214	Калифорния	143
Дьенг	240	Калькутта	51
Европа	18-20, 33-36, 40, 44, 52, 55, 59-61, 65, 66, 68, 74, 76, 78-82, 92, 94, 98, 102, 104, 111, 118, 122-125, 127, 144, 151, 190, 197, 201, 213-215, 222, 232, 236, 244, 252, 256, 257, 269, 274-278, 280, 287, 289-291, 312, 323, 339, 340	Камбоджа	134, 197, 297, 400, 405, 407, 416
Египет	83, 175, 399	Камерун	123
Елисаветпольская губерния	281	Канарские, острова	199
Женева	7	Кантон (Гуанжоу)	412
Задр	201	Капская колония	202
Закавказье	263, 267, 270, 272, 275, 281-284	Карлсбад	232
Зальц-Камергут	365	Келинг, Келинга	401
Зеландия	190	Киао-Чао	122, 261
Зондский (Сундский) пролив	113, 114, 130, 288	Китай	16, 28 42, 103, 104, 107, 124, 133, 143, 197, 212, 230, 284, 287, 289, 303, 342, 344, 399, 405, 407, 411, 414-416
Имерин	114	Кишинев	7
Индия	10, 69, 70, 74, (Британская Индия) 99, 136, 150, 151, 182, 211, 227, 250	Клантунг	300
Индонезия <i>см.</i> Нидерландская		Коломбо	16, 241, 268-270, 364
Индия		Комодо	180
Индо-Малайский архипелаг		Конго	89, 137, 344
<i>см.</i> Малайский архипелаг		Коньница	365
Инсулинда <i>см.</i> Нидерландская		Копенгаген	7
Испания	191, 258, 259, 262	Корея	127, 405
Италия	8, 82, 105, 191, 256, 273, 275, 364	Коромандельский берег	275, 401
		Корфу	7
		Котараджа (Кутараджа)	236, 237, 332, 334-337
		Котор	201
		Кохинхина	230, 238, 297, 400, 416
		Кракатау, вулкан	116, 286
		Красное море	82, 399
		Крым	5, 6, 293
		Куба	129, 257, 258, 323, 340
		Кутай	300
		Кюрасао	261
		Кяхта	325
		Лабуан-Емас	307
		Лаву	395, 396

Ламанган	299	Мальта, остров	17, 196
Лампунг, регентство	114, 165	Маос	362-364
Лангкат	296, 300, 302, 316, 320, 326-328	Мантуя	230
Ланду, остров	180	Марсель	10, 18, 289, 290
Лаяр, мыс	130	Марлборо, форт	198
Лебак	162	Мартиника	210
Левант	190, 193	Матарам	201, 204, 205, 347, 359
Лейден	116, 118	Медан	303, 327
Лейпциг	109, 116, 320	Медина	189
Лепан, река	300, 301	Мекка	140, 181, 183, 185, 189, 338
Либерия	252	Мельбурн	26
Лиссабон	178, 179, 199	Менадо (Манадо)	168, 236, 274, 318
Лодзь	281	Менданг-Камуланг	401, 403, 408
Ломбок, остров	11, 12, 113, 173, 174, 179, 180, 260, 286, 335, 341-346, 349-352	Модлин	190, 202
Лондон	104, 116, 190, 254, 289, 292, 304, 306	Мозамбик	178
Лусон, остров	126, 127, 258-260	Молуккские острова	114, 121, 169, 171, 178, 179, 186, 190, 194-196, 207, 231, 274, 399, 411, 414-416
Лхаса	134	Москва	281, 325
Магеланг	231	Муара-Эним	270, 304, 305, 307, 326, 329, 330
Мадагаскар	153	Мукумуко	398
Маджапахит	90, 401, 402	Неаполь	17, 20, 26, 40, 68, 82, 368
Мадриун	395	Неретва	365
Мадуро, остров	113, 114, 121, 130, 145, 152, 163, 169, 186, 204, 221, 222, 231, 235, 236, 264, 285, 296, 298, 321	Нидерландская Индия по всей книге	
Мадья	298	Нидерланды по всей книге	
Макао	178	Ницца	40, 232
Макасар	168, 203, 236	Новая Гвинея	13, 112, 113, 114, 131, 148, 169-171, 180, 182, 186, 274, 289
Малабарский берег	183, 409	Новороссийск	270
Малайский архипелаг	8, 13, 112, 113, 119, 121, 175, 182, 196, 203, 204, 340, 400, 405, 406, 411, 415	Нью-Йорк	306
Малакка	198, 415	Одесса	103, 104, 106, 269, 295
Малаккский п-ов	14, 113, 153, 158, 196-198, 212, 234, 238, 286, 290, 333, 338, 405, 407, 416	Оле-ле (Уле-ле)	332
Малаккский пролив	107, 301	Ост-Индия	138, 143
Маланг	253	Паданг	236, 237, 252, 253, 289, 300, 337, 354
Малая Азия	83	Паджаджаран	401
Малые Зондские, острова	171, 177, 180, 181	Палембанг	111, 114, 115, 203, 236, 270, 275, 286, 296, 298, 304, 307, 311, 317, 327, 329, 330, 411, 412
		Приаман (Приамам)	274
		Паракан-Салак	240

Париж	85, 90, 108, 116, 134, 199, 232, 276	Сабанг	260, 261
Пасуруан	161	Сайгон	16, 51, 103, 239, 304, 320
Педир	333, 336	Салак	240
Пекалонган	204	Салатига	231
Пекин	325, 405, 416	Сандвичевы, острова	127, 155
Пенанг (Пинанг)	234, 275, 290, 303, 304, 320, 321, 338	Санделвуд-Эйланд <i>см.</i> Гельвинк-Бай	260
Персия	182, 254, 371, 399	Сапе	260
Перу	278	Саравак	198
Петербург	6, 8, 9, 11, 14, (Санкт-Петербург)	Сараево	7, 8
Питсбург	160, 317	Сареро, залив <i>см.</i> Гельвинк-Бай	68
Польша	142	Севилья	107
(Царство Польское)		Сейшельские острова	238
Пондишери	69	Селабату	180
Понтианак	236	Селатан-Тимур, острова	60, 64, 142, 146, 187, 204, 231, 235, 274, 296, 300, 311, 312, 321, 324, 354
Порт-Саид	16, 266, 294, 355	Сенегамбия	137
Португалия	36, 177, 178, 191	Серам, море	178
Прамбанан	401, 402	Серам, остров	178, 182
Прамбу-Далем	396	Серанг	288
Прага	279, 324, 363, 364	Сербия	7, 228
Преангер (Прианган), Регенство	36, 112, 140, 177, 178, 191, 208, 231, 239, 254, 255, 275	Сиам	70, 151, 197, 212, 241, 254, 292, 297, 354, 383, 416
Приамурская область	325	Сибирь	107, 291, 295, 325, 344
Приок <i>см.</i> Танджунг-Приок		Синагар	240, 256
Проболинго	288	Сингапур	14, 16, 17, 26, 31, 103, 104, 107, 196-198, 212, 234, 239, 241, 261, 266, 275, 284, 289, 290, 292, 303, 304, 320, 321, 324, 338, 343, 344, 346, 354
Пуло-Уэй <i>см.</i> Ве, остров		Синданглая	66, 217, 238
Рагуза (Дубровник)	7	Сирия	83, 175
Равенна	230	Сицилия	105
Рангун	304, 320	Скутари (Шкодер)	7
Рембанг	75, 204, 321, 328, 397, 408	Смирна	94
Риау (Риоу), острова	198, 274, 286	Соединенные Штаты	9, 123, 128-130, 133, 135, 330, 340
Ривьера	366	Америки	
Рим	59, 188, 279, 358, 359, 364, 399	Соло <i>см.</i> Суракарта	
Россия (Московия, 5, 6, 8, 9, 103-Российская империя)	106, 182, 193, 201, 227, 263, 267, 269, 274-276, 282, 291-294, 303, 321, 323, 325, 330, 344, 354, 355, 377	Солор, острова	120, 180
Роти, остров	180	Средняя Азия	279
Роттердам	215, 289, 304, 311, 312, 354	Стамбул <i>см.</i> Константинополь	
Румыния	7, 142	Судан	344
		Сукабуми	66, 140, 215, 233, 238, 239, 278, 363, 364
		Сулавеси <i>см.</i> Целебес	

Сулу, острова	182	Тубан	397
Сумалат	318, 320	Туту	395
Суматра	14, 68, 99, 107, 111, 113, 114-118, 120, 130, 131, 138, 139, 142, 147, 153, 161-163, 166, 168, 173, 179, 180, 183, 186, 194, 196, 198, 203, 207, 215, 225, 235-237, 239, 252, 253, 261, 264, 266, 267, 270, 271, 274, 275, 288, 296, 300, 304, 305, 307, 308, 310, 314-317, 324, 329, 330, 331, 337, 341, 354, 399, 407, 411-414, 416	Тунган	303
Сумба, острова	68, 180	Турция	177, 185, 371
Сумбава, острова	180, 260	Тямпа	400
Сурабая	60, 64, 72, 112, 142, 146, 187, 201, 204, 231, 236, 239, 260, 288, 290, 296, 298, 299, 305, 308, 321, 324, 335, 362, 364, 401	Уганда	344
Суракарта (Соло)	84, 86, 115, 133, 140, 155, 175, 184, 201, 202, 207, 231, 233, 236, 305, 324, 335, 342, 355-359, 361, 362, 364, 372-374, 376, 381, 383-385	Уджунгпанданг <i>см.</i> Макасар	
Сухум (Сухуми)	277	Урга (Улан-Батор)	325
Суэц	41	Уэй, остров <i>см.</i> Ве, остров	
Суэцкий канал	70, 103	Филадельфия	317
Тамианг	326, 327	Филиппины	113, 126, 128, (Филиппинские острова) 129, 153, 258, 259, 261, 262, 340
Танджунг-Приок	16, 17, 18, 19, 22, 23, 40, 55, 103, 104	Фландрия	191
Тасикмалая	363	Флоренция	165
Тегал	64, 146, 194	Флорес, море	261
Телава	312	Флорес, остров	177, 180, 186
Телага-Бару	303	Формоза	126, 131
Телага-Саид	303	Форт-де-Кок	237, 337
Телага-Тунаан	301	Франция	160, 191, 196, 199, 259, 275
Тернате	169, 286, 415	Фуцзянь (<i>сноска</i>)	407
Тибет	134	Хальмахера	114, 148, 182
Тиламуга, река	318	Цейлон	17, 107, 150, 196, 255, 268-270, 278, 296, 364, 408, 409
Тимор, остров	114, 177, 178, 180, 186, 196, 203, 253, 286, 415	Целебес (Сулавеси)	111, 113, 114, 116-118, 120, 137, 138, 162, 163, 166, 168, 169, 173, 180-182, 186, 203, 207, 217, 218, 253, 264, 274, 297, 318
Тироль	365	Циндао (<i>сноска</i>)	122, 261
Тоба, озеро	115	Чакранегара	83, 174, 179, 341, 345, 349-351, 354
Томск	325	Чангкринг	196
Тонкин	137, 151, 197, 238, 297, 354	Черибон (Чиребон)	146, 161, 194, 204, 205, 231, 274, 298, 398
Тосари	239, 240	Чернигов, Черниговская губерния	271
Триест	122, 294	Черногория	135
		Черное море	269, 295
		Чиннджур	140

Чибода	217, 298	Юго-Восточная Азия	9, 10, 17, 399,
Чилачап	64, 362, 363, 367		405, 406, 415, 417
Чиливонг, река	50	Юго-Западные острова	
Чимахи	231, 324	см. острова Барат-Дая	
Шанхай	344	Ява, остров	<i>по всей книге</i>
Швейцария	36, 110, 240	Яванское море	261
Швеция	256	Якатра (Джакатра, Джаяктра)	50, 194, 204
Эльба, остров	202		
Эриванская губерния	281	Япония	9, 10, 16, 103, 107, 111, 113, 122-129, 131, 133, 197, 212, 230, 254,
Этна-Бай	171		289, 303-305
Эчмиадзин	188	Яссы	7, 8, 369

Указатель имён

Абреу де, Антонио	178	Вильгельмина, королева	
Авамuko (<i>миф.</i>)	89	Нидерландов	184, 215, 260, 336, 356
Адъи Сака	400, 401, 403, 404	Валентайн	51, 59
Аксаков И.С.	7	Вейк ван дер	58, 170, 215, 216, 335, 353
Али Магомет Шах	333	Верлен Поль	159, 160
Альба, герцог	190, 192	Визе	203
Амио	406	Вильгельм III, король	
Антараджа (<i>миф.</i>)	89	Нидерландов	184, 215, 260, 336, 356
Арджуна (<i>миф.</i>)	89	Виноградов	268, 271
Астина Пури	401	Влангали	405
Бакунин М.М. (о нём)	5-15	Вуу-ди, китайский император	411
Бакунин М.Н.	6	Гамм ван	335, 347, 348
Бакунин Н.М.	6	Геемкирк	192
Бакунин П.В.	5, 6	Гейдер ван дер	334, 338
Бакунина (Гради) Э.	8	Гейс ван	336, 337
Барендс (Баренц) Виллем	192	Генрих IV, король	
Батара Гуру (<i>миф.</i>)	89, 164	Франции	191
Бедекер Карл	109	Гневuшева Е.И.	9
Безбородко А.А.	6	Голенищев-Кутузов И.П.	6
Бейлефельдт	348	Голенищева-Кутузова С.И.	6
Блескер	186	Грамберт Т.	298
Бовуар	107	Гроот де	296, 298
Бод	249	Грюнефельдт	143, 144, 401, 405, 408, 411, 413-445
Босх ван ден	242, 243, 248-251	Гуно III. (<i>сноска</i>)	40
Бот Питер	50, 55	Давыдов К.Н.	9
Бретшнейдер	405		
Брук Джеймс	166		
Буасивен	304		
Бужу	305		

Дандельс Х.В.	22, 190, 198-203, 205, 243, 249, 250	Львов Н.А.	6
Дарвин Чарльз	46	Людвиг Голландский, король	199
Дева Кусума	401		
Девентер ван	202, 203		
Дейкергоф	334, 335	Мак-Кинли, президент США	321
Деккер Дауэс (Мультатули)	246-248, 250, 252	Малыгин (Мамалыга) В.П.	343-346, 349-355, 372, 373, 378
Делиб Л. (<i>сноска</i>)	40	Мангко Негоро (Мангкунегара)	231, 233, 370-373, 378
Державин Г.Р.	6		
Джелантик Густ	173, 343, 350, 351	Мани Дж.	250-252
Дидрихс	260, 261	Мак-Грегор Вильям	170
Димен ван	53, 55	Мансфельд	298
Дора (<i>миф.</i>)	403, 404	Марко Поло	
Дурга (<i>миф.</i>)	174	<i>см.</i> Поло Марко	
Духовской С.М.	107	Массне Ж.	40
		Мармон, маршал	201
Жоан	109	Мацко	271
		Маулан Ибрагим	402
Зейлькер	300, 301	Мейер	395
Золя Э.	20, 21, 366	Миклухо-Маклай Н.Н.	9
		Михиелс	173, 347
Ибн Баттута	405, 413	Модилияни	165
Инг Шен Лан	410	Монтано	157
		Мор	305
Каннинг	197	Мультатули <i>см.</i> Деккер Э.Д.	
Керкговен	240, 254, 256, 268	Мундт	240, 254, 255, 270
Кистер, барон Кнобель	325	Муравлин	135
Козлова М.Г. (<i>сноска</i>)	11	Мэррей	109
Коротнев А.А.	9	Мюллер	191, 192
Краснов А.Н.	9, 107, 273	Наполеон, французский император	
Краснов А.Н.	9, 107, 273		199, 201, 202
Крж-ский	312	Нейвенхейс Nieuwenhuis	117 118
Крупп	325	Николай II, российский император	
Круа де ла, Эррингтон	157, 159		10, 106
Кун Ян Питерззон	50, 194, 195, 207, 250	Нордау М.	49
Леклерк Жюль.	108, 206, 249	Пабст, Лавик ван	348
Лендерс	226-228	Павел I, российский император	6
Лессепс	34	Паку Алам	349
Леру Э.	157	Паку Бувоно	375, 379 393, 394
Лобанов-Ростовский А.Б.	7	Палладий, архимандрит	405
Лор Кидул (<i>миф.</i>)	389	Панин Н.И.	5, 6

Парыган (Парыгин, Папарыгин)		Фа-Хиен (Фа-сянь)	407-408
<i>см.</i> Малыгин		Фаннема	301
Пелью Кннозер	199	Фербеег	116
Поло Марко	405, 413	Феттер	335, 336, 352, 353
Преем ван	278	Филипп II, испанский король	190,
Прохник	238		192
Путята	26	Фовизин Д.И.	6
Пушкин А.С.	6	Форбэ	108
		Форэ Г.	8
Рагозин А.В.	270, 329	Фрей де	274, 363
	330		
Раден Ната	402	Хейген Ян	192
Раффлз, Томас Стенфорд	190,	Хейс ван	336, 338
	196-198,	Хилуан	407
	333, 400	Хорк ван	241
Ремюза Авель	407	Хубилай (<i>сноска</i>)	409
Ренно	301	Хутман (Готман)	
Род Э.	159, 160	Корнелис де	333
Росни, Леон де	406		
Росс	147	Шалье Бер	108, 134, 135-137, 176, 220,
Рохуссен	249		249
Р-ский <i>см.</i> Лендерс		Шенг-Хо (Чжен Хэ)	410, 412-414
		Шива (<i>миф.</i>)	164, 388
Самар (<i>миф.</i>)	396	Шлегель	406
Саррацин, братья	117	Шри (<i>миф.</i>)	388
Севал Тьяла	401	Шульц	109
Сембада (<i>миф.</i>)	403, 404	Шубинский С.И.	7
Ситгоф	117	Шувалов И.И.	6
Скабичевский А.М.	6	Шульгин И.П.	6
Смирдин А.Ф.	6	Шульгина М.И.	6
Стенфоорт	117		
Сток ван дер	116	Щербатовы О.А. и А.Г.	9, 107, 249
Строганов А.	6		
Сусман	320	Эйзерман	166, 310, 329
Сюань-ди (<i>сноска</i>)	407	Эльбельрфельд П.	53
		Эррингтон де ла Круа <i>см.</i> Круа де ла	
Татищев А.С.	6		
Теку (Туку) Умар	334-337	Юнгхун	298
Тома А.	40		
Уолес (Wallace) А. Р.	46, 108, 120	Янсен	204

1. Здание «Компании Борнео» (не позже 1872 г.)

2

3

4

2. Мост «Курино́го ры́нка» (1890 г.)

3. Река Ку́ркут у места, известного под названием «Три лавки» (1870 г.)

4. Зал клуба «Га́рмония» (начало 1870-х гг.)

5

5. Дворец генерал-губернатора (начало 1880-х гг.)

6. Официальная резиденция генерал-губернатора (сентябрь 1867 г.)

7. Резиденция командующего войсками (1870-е гг.)

6

7

8

9

10

8. Район Прапатан (сентябрь 1867 г.)

9. Улица Матраман (1870-е гг.)

10. Канал в районе Танах Абанг (1865 г.)

11

11. Пароход «Свердекрон» в порту Танжунг-Приок (начало 1890-х гг.)

*12. Дом, принадлежащий местным китайцам, в районе Западный Моленфлит
(не позже 1872 г.)*

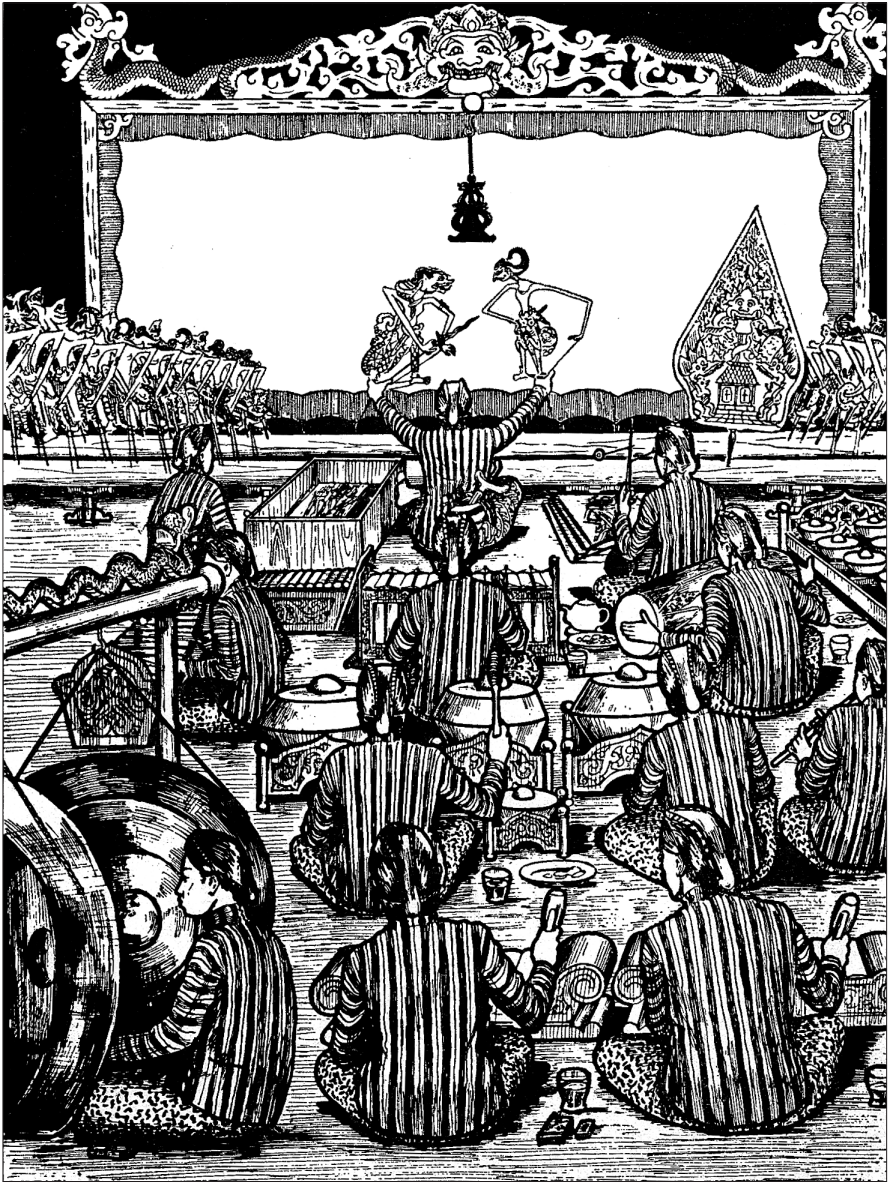
*13. Загородная резиденция генерал-губернатора Нидерландской Индии
в Бейтензорге (Богоре)*

12

13

15

14. Теневой тевтр «ваянг» и традиционный яванский оркестр «гамелан»

15. Храм Боробудур на Центральной Яве

17

16. Фрагмент храма Боробудур на Центральной Яве

17. Храм Мендута на Центральной Яве

18

18. Район Прапатан (середина 1860-х гг.)

19. Отель «Дес Индес», Джакарта

20

20. Вулкан Мерани на острове Ява

Оглавление

Предисловие	5	Глава XIII	190
Глава I	16	Глава XIV	206
Глава II	27	Глава XV	225
Глава III	37	Глава XVI	242
Глава IV	50	Глава XVII	263
Глава V	62	Глава XVIII	296
Глава VI	82	Глава XIX	332
Глава VII	96	Глава XX	356
Глава VIII	113	Глава XXI	382
Глава IX	130	Глава XXII	399
Глава X	138	Указатель географических названий	418
Глава XI	153	Указатель имён	425
Глава XII	181		

М.М. Бакунин

Тропическая Голландия. Пять лет на острове Ява.

Редакция текста, вступительная статья А.Ю. Другова, В.В. Савицкого, именной указатель, комментарии, примечания А.Ю. Другова, Е.М. Русакова. М.: «Минувшее», 2007, 432 стр., ил. /Мир глазами россиян/

Книга М.М. Бакунина (1849–1913) вышла в свет в 1902 году и с тех пор не переиздавалась, став подлинной библиографической редкостью. Автор был первым и единственным за всю историю российским гражданином, занимавшим в 1894–1899 гг. должность российского консула при голландской администрации в Батавии (ныне — Джакарта). Записки Бакунина, составленные преимущественно из донесений в МИД России, сочетают непосредственные впечатления с изучением многочисленных работ западноевропейских авторов.

Для востоковедов книга остается одним из первых и для своего времени наиболее полным и всесторонним источником сведений о Нидерландской Индии (ныне - Индонезия), ее истории, культуре, обычаях, образе жизни населения, о колониальной политике метрополии. Книга предлагается читателю без каких-либо изъятий, внесены лишь уточнения в географические и другие названия.

Мир глазами россиян Юго-Восточная Азия

М.М. Бакунин

ТРОПИЧЕСКАЯ ГОЛЛАНДИЯ

Пять лет на острове Ява

Научный редактор А.Ю. Другов

Художественное оформление, верстка К.А. Зубченко

Корректор М.Б. Донская

Подписано в печать 30.06.2007.

Формат 60х90/16.

Бумага офсетная №1.

Печать офсетная.

Печ. л. 27+1 л. илл.

Заказ №

Тираж 1000 экз.

Лицензия ИД №06244 от 12.11.2001

Издательство «Минувшее»:117292, Москва, Профсоюзная ул., 12

Тел.(495) 350-59-73, 268-51-29

E-mail: trivek@mail.ru, www.triv.narod.ru

Адрес для переписки: 109387, Москва, Кубанская ул., 22-31

Отпечатано в типографии ОАО «Можайский полиграфкомбинат»

143200, Московская область, г. Можайск, ул.Мира, 93

ISBN 978-5-902073-46-2

9 785902 073482

«Мир глазами россиян»

Новая книжная серия издательства «Минувшее»

Ответственный редактор Е.М. Русаков

Неопубликованные или не издававшиеся
с XVIII — начала XX веков воспоминания,
путевые записки, дневники,
исследования российских путешественников,
ученых, дипломатов, литераторов,
волей судеб получивших возможность
своими глазами увидеть далекие неведомые
страны и рассказать о них российскому читателю.

Их свидетельства показывают
весомый вклад россиян в познание других стран
и представляют большой интерес
для изучения истории России.

*Серия рассчитана не только на специалистов,
но и на широкий круг читателей,
интересующихся историей путешествий и открытий.*

Формат издания — 60 x 90/16, твердый переплет,
тиснение золотом или серебром,
черно-белые и цветные иллюстрации,
справочный аппарат,
объем от 300 стр., тираж — 1000 экз.

О.А. Щербатова

В стране вулканов

Княгиня Ольга Александровна Щербатова (1857–1944) — опытная русская путешественница, хорошо владевшая пером. О.А. Щербатова — наследница двух знаменитейших российских династий Строгановых и Васильчиковых, а ее муж и спутник в трудных странствиях А.Г. Щербатов принадлежал к известному роду, из которого вышли министры, губернаторы, высокие придворные чины.

В конце XIX — начале XX в. О.А. Щербатова написала несколько занимательных книг с путевыми заметками о своих путешествиях, которые с тех пор не переиздавались и планируются к выходу в свет в серии «Мир глазами россиян».

Книга «В стране вулканов» рассказывает о Нидерландской Индии (ныне — Индонезии). Она прекрасно написана, а особую ценность представляют личные впечатления автора о встречах с самыми разными людьми, политике колониальных властей, быте, традициях и природе этой далекой страны. При подготовке книги к переизданию полностью сохранен литературный стиль автора, характерный для образованных кругов России конца XIX в.

В.М. Арнольди

По островам Малайского архипелага

Путевые заметки профессора ботаники Харьковского университета Владимира Митрофановича Арнольди (1871–1924) о его научной командировке в Нидерландскую Индию (ныне — Индонезия) в 1908–1909 гг. вышли в свет в 1911 году и были переизданы всего один раз — в 1923 г.

В.М. Арнольди интересен не только как крупный ученый, основатель российской школы альгологии (науки о водорослях), но и яркий представитель отечественной интеллигенции конца XIX в., высокий профессионализм которого неотъемлем от дум о судьбах Родины. Его путевые заметки отличаются широтой интересов, объективностью, объемностью видения и прекрасным слогом.

Наряду с увлекательными биологическими наблюдениями и описанием уникального ботанического сада в Бейтензорге (Богоре) книга содержит много ценного о повседневном быте, культуре, нравах, обычаях и верованиях жителей различных районов Нидерландской Индии.

Издательство
• МИНУВШЕЕ •

**Русская
история и культура**

*в лицах и биографиях,
письмах и воспоминаниях,
дневниках и документах.
Возвращение забытых
и неоценённых имён,
событий, фактов.
Новая жизнь книжных раритетов,
частных и музейных коллекций.
Возрождение истинных ценностей
русской истории и культуры.*

Наши издания
Вы можете приобрести
в ведущих магазинах Москвы:
«Библио-Глобус», «Дом книги на Новом Арбате», «Москва»,
«Молодая Гвардия», «Фаланстер», «Старый свет»,
«Мир интеллектуальной книги», «Нина»,
интернет-магазин «Озон».